Феофан Прокопович

ОБ ИСКУССТВЕ РИТОРИЧЕСКОМ ДЕСЯТЬ КНИГ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Феофан Прокопович

◇

ОБ ИСКУССТВЕ РИТОРИЧЕСКОМ ДЕСЯТЬ КНИГ

*Перевод с латинского
Г. А. Стратановского*

Альянс-Архео
Москва — Санкт-Петербург
2020

Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. — 488 с.

ISBN 978-5-98874-186-2

Монография представляет собой комментированный текст перевода важнейшего памятника отечественной эстетической мысли первой четверти XVIII века — «Риторики» Феофана Прокоповича. Перевод был выполнен филологом-классиком Г. А. Стратановским (1901–1986) в середине 1960-х гг.

Введение в научный оборот прежде неизвестного русского перевода риторического трактата даст новый импульс для изучения русской литературы XVIII в., а также позволит обогатить представления филологов об изучении русских риторик в советский период.

Издание адресовано филологам и историкам всех специализаций, преподавателям русского языка и литературы, специалистам по истории риторики, истории лингвистических учений, истории литературных связей в XVIII веке.

Ответственный редактор
академик РАН *С. И. Николаев*

Подготовка текста
д-ра филол. наук *Е. В. Маркасовой,* акад. РАН *С. И. Николаева*

Комментарии
д-ра филол. наук *Е. В. Маркасовой*

Научный редактор перевода
Е. В. Введенская

Рецензенты:
д-р филол. наук *Н. Д. Кочеткова*, канд. филол. наук *Ю. В. Кагарлицкий*

Исследование осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 15-04-00117а

ISBN 978-5-98874-186-2

ВВЕДЕНИЕ

Феофан Прокопович (1681–1736) известен как политический деятель, сподвижник Петра Первого, богослов, проповедник, писатель, поэт, переводчик, публицист. Он был одной из главных фигур в культурно-историческом развитии России первой половины XVIII в.[1]

В 1706–1707 гг. Феофан Прокопович читал курс риторики в Киево-Могилянской Академии на латыни. «Риторика» Феофана Прокоповича долгое время была известна во фрагментарных переводах,[2] опубликованных Н. И. Петровым в «Выдержках из рукописной риторики»[3] и В. П. Вомперским в двух монографиях.[4] В 1979 году появился перевод на украинский язык,[5] а в 1982 г. Р. Лахманн издала текст на латыни в серии «Specimina philologiae Slavicae».[6] Долгое отсутствие перевода «Риторики» на русский

---

[1] *Автухович Т. Е.* Прокопович Елисей (Елеазар) // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 488–496.

[2] См.: *Буланина Т. В.* Первое издание «Риторики» Феофана Прокоповича // Русская литература. 1980. № 3. С. 231.

[3] *Петров Н. И.* Выдержки из рукописной риторики Ф. Прокоповича, содержащие в себе изображение папистов и иезуитов // ТКДА. 1865. № 4. С. 614–637. См. также: *Петров Н.* 1) Из истории гомилетики в старой Киевской академии // ТКДА. 1866. № 1. С. 110–122; 2) О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году // ТКДА. 1868. № 3. С. 465–525.

[4] *Вомперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970. С. 195–200; *Вомперский В. П.* Риторики в России XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 76–96.

[5] *Феофан Прокопович.* Философські твори в трьох томах. Переклад з латинської. Т. 1. Про риторичне мистецтво / Под ред. В. І. Шинкарук, В. Ю. Євдокименко, В. М. Нічик. Київ, 1979. 512 с.

[6] *Feofan Prokopovič.* De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706 / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982. 515 S.

язык и немногочисленность посвященных ей работ[7] обусловлены разными причинами. Дело в том, что Феофан Прокопович долгие годы интересовал ученых в большей мере как политический и церковный оратор, а не как теоретик риторики, поскольку в нашей стране до 1980-х гг. поэтики и риторики на латинском языке рассматривались как составная часть «схоластической» семинарской системы образования.

Феофан Прокопович написал Риторику после выхода «Всеобщей и рациональной грамматики Пор-Рояля» А. Арно и К. Лансло («Grammaire générale et raisonnée contenant les fondemens de l'art de parler, expliqués d'une manière claire et naturelle»).[8] В этой книге говорилось о всеобщих основаниях грамматики: поскольку «грамматика призвана выражать логику, ибо она и основана на логике»,[9] авторы грамматики считали «недостаточным чисто описательный подход к языку, стремились создать объяснительную грамматику» и видели «значение „Грамматики Пор-Рояля" прежде всего не в предписаниях, а в объяснениях ранее уже описанных явлений языка».[10]

Согласно «Грамматике Пор-Рояля», люди могут и должны воздействовать на свою речь: она не является раз и навсегда данной, поскольку подвергается человеческому влиянию. Универсальная грамматика в конце XVII — начале XVIII века стала основой для аналогичных представлений в области риторики: риторика тоже должна быть универсальной, поскольку она пользуется теми же мыслительными операциями, оформляемыми словесно, что и всеобщая грамматика. Этот подход был характерен и для «Риторики» Феофана Прокоповича. Р. Лахманн пишет: «Примкнув к взглядам „Grammaire générale", Прокопович, таким образом, совершил радикальный переворот в области принятого академического понимания языка. В рамках данной концепции (определенной Хомским как генеративная) Прокоповичу удалось придать своим поэтическим и риторическим сочинениям статус универсальности. Правила, содержащиеся в них, представляют общие законы, действительные для всех языков в их функциональном употреблении».[11]

---

[7] Полный обзор проблематики см.: *Живов В. М.* Рец. на: Feofan Prokopovič. De Arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706. Slavistische Forschungen. Bd 27. Rhetorica Slavica. Bd II // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1985. № 3. С. 274–278. Избранную библиографию см. в приложении к настоящему изданию.

[8] Grammaire générale et raisonnée contenant les fondemens de l'art de parler, expliqués d'une manière claire et naturelle. Paris, 1660. 151 p.

[9] См.: *Арно А., Лансло К.* Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Пер. с фр., коммент. и предисловие Н. Ю. Бокадоровой. М., 1990. С. 29.

[10] *Алпатов В. М.* История лингвистических учений. 5-е изд. перераб. и доп. М., 2018. С. 39.

[11] *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. СПб., 2001. С. 163.

«Риторика» Феофана Прокоповича — произведение, построенное на жестких логических основаниях, которые отражают авторское видение риторики как области знаний и как учебного предмета. Полное название текста — «Об искусстве риторическом десять книг для просвещения российского юношества, оба вида красноречия изучающего на благо веры и отечества, преподобным отцом Феофаном Прокоповичем преподанные в Киеве, в знаменитой православной Академии Могилянской в год 1706». Из названия следует, что Феофан Прокопович создавал одновременно курс церковного и гражданского красноречия, поэтому выбор примеров, имен и сюжетов из древней истории подчинен этой идее. По такому же пути пошел в 1720-е гг. Георгий Данииловский, назвавший риторику «Краткое изъявление великаго слова тако церковнаго, яко гражданского».[12] Идея единства риторических принципов вне зависимости от сферы их приложения отчетливо сформулирована А. П. Сумароковым: «Во проповедниках вижу собратий моих по единому их риторству, а не по священству».[13]

«Риторика» Феофана Прокоповича показывала, что фигуры мысли, фигуры речи, образцы композиции, способы аргументации, «можно переносить из одного языка в другой таким образом, что с воспринявшим их языком в недрах его языковой природы при этом ничего особенного не случается».[14]

Книга I «предпосылает общие указания», то есть определяет угол зрения читателя, объясняет читателю, в чем смысл занятий и как структурирован курс.

Начинается «Риторика» с обращения к слушателям: «Вступив в гимнасий красноречия, знайте, новые риторы, что вы стремитесь к предмету настолько почтенному и настолько полезному, что им стоит овладеть и *ради него самого,* и *ради блага веры и родины* (курсив здесь и далее наш. — *Е. М., С. Н.*), а не только вашего! <…> Приглашает вас к общественной деятельности часто бедствовавшая *родина*, просит [вашей помощи] на многословных спорах *церковь*, еще чаще сталкивавшаяся с ересью, зовет сама *слава каждого [из вас]* передать свое имя потомству — все это удается только с помощью красноречия». По Цицерону, риторике необходимо обучаться «себе во славу, друзьям в пользу и государству во благо».[15] В этой аллюзии на Цицерона происходит замена: место *друзей* занимает *церковь,*

---

[12] *Маркасова Е. В.* Риторика Георгия Данииловского // Acta Linguistica Petropolitana / Труды ИЛИ РАН. 2009. Т. V. Ч. 3. С. 39–73.

[13] *Сумароков А. П.* О российском духовном красноречии // Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 6. С. 295.

[14] Этот уровень С. С. Аверинцев называет «эксотерическим», см.: *Аверинцев С. С.* Славянское слово и традиция эллинизма // Вопросы литературы. 1976. № 11. С. 156.

[15] См.: Cic. De Or. I:34.

и таким образом происходит уравнивание светской и церковной риторики. Обе они подчиняются общим законам. Практически все разделы имеют два типа примеров: из светских авторов и из церковных.

Безусловно лучшими, по мнению Феофана Прокоповича, являются Цицерон и Иоанн Златоуст. Называя их имена в начале текста, автор формирует взгляд читателя на свой труд: образцом для подражания в красноречии являются два равно почитаемых оратора: светский и церковный. В основном тексте Цицерон упоминается около 160 раз (из них в Книге I около 40 раз), Иоанн Златоуст — около 70.

Поскольку смысл деятельности оратора — служение Родине и Церкви, он должен быть совершенным, как Цицерон (идеал служения Родине) и Златоуст (идеал служения Церкви). «Цель речи и оратора состоит в том, чтобы искусством речи удовлетворить *вопрошающего*. И это есть то, что иные называют убеждать красноречием. <…> А так как назначение оратора состоит в убеждении словом, то его непременною обязанностью будет так сочинять речь, чтобы она была убедительной. Поэтому обязанностью оратора является после рассмотрения всех частей речи изобретение материала, его расположение, изложение, запоминание и произнесение» (Книга I).

По мнению Феофана, поэтов или писателей можно оценивать по степени совершенства в определенном жанре, но ораторов оценивать по «различным степеням мастерства» невозможно, поскольку оратор должен владеть *всеми* жанрами, а также *всеми* приемами изобретения доказательств и способами расположения материала. Совершенный оратор должен оценивать стиль (свой и чужой) «исходя из требования самого существа дела и условий времени», но не должен чрезмерно увлекаться страстями, потому что возбужденный ум, волнуемый страстями (восторгом, злобой, враждой, родственными чувствами и пр.), не дает оценить содержание.

Феофан Прокопович пишет, что судить об ораторе надо «по воздействию речи на слушателей, если, разумеется, он в своей речи излагает важные и трудные для восприятия материи и если он побуждает и склоняет слушателей к чему угодно». Это означает, что из трех задач (docere, delectare, movere) Феофан Прокопович главной (как и Цицерон) считал последнюю: взволновать и увлечь, но основой для этого результата является рациональный подход. Феофан Прокопович не склонен принимать во внимание взгляды тех, кто «усвоил ранее воспринятые ложные теории и правила ораторского искусства» (Книга I, гл. IV).

Отступление от традиционной пятичастной структуры[16] (инвенция (лат. inventio — изобретение, открытие); диспозиция (лат. dispositio — рас-

---

[16] См. иную точку зрения: *Кибальник С. А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 203.

положение, размещение); элокуция (от лат. elocutio — способ изложения, слог); мемория (от лат. memoria — память, способ запоминания); акция (от лат. actio — действие, деятельность) обусловлено организацией материала. Первая книга (Книга I. Общие наставления) содержит объяснение концепции всего курса, последующие три (Книга II. Об изобретении аргументов и амплификации; Книга III. О расположении; Книга IV. Об украшении) отвечают традиционному порядку (нахождение-расположение-украшение). Книги с пятой по девятую (Книга V. О возбуждении страстей; Книга VI. О способе писания истории и о письмах; Книга VII. О судебном и совещательном родах красноречия; Книга VIII. Об эпидейктическом или цветистом роде красноречия; Книга IX. Особая, о духовном красноречии) по сути объясняют, как на разном материале можно применять все советы, уже изложенные выше. Последняя (Книга X. О памяти и произнесении) — руководство к исполнению речи.

Книга V, посвященная «возбуждению страстей», может следовать только после первых четырех исключительно потому, что совершенный оратор в момент работы над «изобретением» и расположением не имеет права думать о возможных реакциях публики. Он должен представлять в качестве слушателя безусловно авторитетную фигуру из риторов или ораторов прошлого (например, Цицерона), а не своих современников. Лишь когда речь написана, он может размышлять о «страстях», главные из которых (радость и грусть) обеспечивают возможность воздействия на толпу.

Можно предположить, что Феофан выбирал для каждой книги основной авторитетный источник, затем дополнял его конспект другими. Мы обнаружили далеко не все источники, но полученные данные позволяют увидеть, кого и насколько часто цитировал или пересказывал Феофан. Во второй колонке даны основные авторы, в третьей — дополнительные. Мы не включали в таблицу тех, кого Феофан Прокопович упоминал в книге меньше двух раз.

Название книги	Основные авторы	Дополнительные авторы
Книга I. Общие наставления.	Цицерон, Златоуст, Квинтилиан	Аристотель, Горация, Овидий
Книга II. Об изобретении аргументов и амплификации.	Цицерон, Мельхиор	Аристотель, Квинтилиан, Сенека
Книга III. О расположении.	Цицерон, Квинтилиан, Сенека	Августин Блаженный, Гораций, Овидий и др.
Книга IV. Об украшении.	Цицерон, Аристотель, Иоанн Златоуст	Вергилий, Овидий и др.
Книга V. О возбуждении страстей.	Цицерон, Квинтилиан, Аристотель	Овидий, Вергилий, Плутарх, Марциал и др.

Название книги	Основные авторы	Дополнительные авторы
Книга VI. О способе писания истории и о письмах.	Лукиан Самосатский	Плутарх, Саллюстий, Квинт Курций, Цицерон, Дионисий Галикарнасский и др.
Книга VII. О судебном и совещательном родах красноречия.	Цицерон	—
Книга VIII. Об эпидейктическом (парадном), или цветистом роде красноречия.	Цицерон, Плиний	Квинтилиан, Сенека Ритор, Григорий Назианзин, Григорий Нисский
Книга IX. Особая, о духовном красноречии.	Иоанн Златоуст	Григорий Богослов, Василий Блаженный
Книга X. О памяти и произнесении.	Квинтилиан	Цицерон, Плиний, Августин Блаженный

О переводе и переводчике

Полный перевод «Риторики» Феофана Прокоповича на русский язык впервые был выполнен филологом-классиком, переводчиком греческих и новолатинских авторов Георгием Андреевичем Стратановским (1901–1986).[17]

Г. А. Стратановский получил образование в гимназии, затем был студентом Петроградского университета, где учился у С. А. Жебелева, Н. К. Гельвиха, А. И. Малеина, И. И. Толстого, С. В. Меликовой-Толстой. В 1936 г. начал преподавать в Ленинградском университете. Первый раз арестован осенью 1921 г., вскоре освобожден. Вторично арестован в январе 1938 г., отбывал срок в лагере, освобожден в конце 1939 г.

Под руководством И. М. Тронского он написал и в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Res gestae Augusti (жанр и идеология, эллинистические влияния, харизматика)». После войны преподавал в Ленинградском государственном университете и других ленинградских учебных заведениях. С начала 1960-х гг. в основном занимался переводами.

Говоря о научных достижениях Г. А. Стратановского, о его эрудиции и любви к классической филологии, в первую очередь упоминают его переводы Геродота, Фукидида, Страбона[18] и отмечают популяризаторскую де-

---

[17] *Зайцев А. И., Верлинский А. Л., Гаврилов А. К.* Памяти Г. А. Стратановского // Вестник древней истории. 1988. № 2. С. 254.

[18] См.: *Страбон.* География: В 17 кн. / Пер., статья и коммент. Г. А. Стратановского. Л., 1964. 943 с. (Классики науки); *Геродот.* История: В 9 кн. / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972. 600 с. (Памятники исторической мысли); *Феофраст.* Характеры / Пер., статья и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1974. 123 с. (Литературные памятники); *Фукидид.* История / Изд. подгот. Г. А. Стратановский и др. Л., 1981. 543 с.

ятельность (в соавторстве с М. Н. Ботвинником он написал книги для школьников «Знаменитые греки» и «Знаменитые римляне»; «Жизнеописания знаменитых греков и римлян» (1987, 2008)).[19]

Однако Г. А. Стратановского интересовали самые разные области знания: в 1957 г. он вместе с И. И. Шафрановским перевел и издал труд Н. Стенона по кристаллографии,[20] а в 1962 г. вышел его перевод «Грюнвальдской битвы» польского историка Яна Длугоша.[21]

В 1961 г. в издательстве Академии наук СССР вышли «Сочинения» Феофана Прокоповича под редакцией И. П. Еремина. В этом томе была опубликована «Поэтика» Феофана Прокоповича на латинском языке и в переводе Г. А. Стратановского.[22] Вероятно, после появления этого тома И. П. Еремин предполагал отдельно издать «Риторику» Феофана Прокоповича в переводе Стратановского, но издание не состоялось, вероятно, в связи с безвременной кончиной И. П. Еремина (1904–1963). Сохранилась аннотация предполагавшегося издания, приложенная к имеющейся машинописи русского перевода, машинопись подготовленного переводчиком критического издания латинского оригинала по нескольким спискам, но нет ни вступительной статьи, ни комментариев. Единственное упоминание об этом переводе осталось в некрологе.[23]

Русский перевод важнейшего риторического сочинения XVIII в., который в то же время является памятником отечественной науки второй половины XX в., был сохранен сыном Г. А. Стратановского, поэтом С. Г. Стратановским. Он и передал С. И. Николаеву второй экземпляр машинописи перевода (объемом 669 страниц) вместе с фотокопией рукописи, с которой был сделан перевод, а также машинопись критического издания трактата на латинском языке, подготовленного переводчиком.

---

[19] *Плутарх*. Знаменитые греки: Жизнеописания Плутарха: [Для детей] / Обработка М. Н. Ботвинника и Г. А. Стратановского. Л., 1961. 264 с.; *Ботвинник М. Н., Рабинович М. Б., Стратановский Г. А.* 1) Жизнеописания знаменитых греков и римлян: Кн. для учащихся / М. Н. Ботвинник, М. Б. Рабинович, Г. А. Стратановский. М., 1987. 204 с.; 2) Жизнеописания знаменитых греков и римлян. Греки: [для старшего школьного возраста] / М. Н. Ботвинник, М. Б. Рабинович, Г. А. Стратановский. М., 2008. 140 с.; 3) Жизнеописания знаменитых греков и римлян. Римляне: [для старшего школьного возраста] / М. Н. Ботвинник, М. Б. Рабинович, Г. А. Стратановский; ил. Н. В. Глушкова. М., 2008. 142 с.

[20] *Стенон Н.* О твердом, естественно содержащемся в твердом. М., 1957. 151 с.

[21] *Длугош Ян.* Грюнвальдская битва. М., 1962. (переиздание — СПб., 2007).

[22] *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. 501, [1] с., 1 л. ил. Библиогр. в примеч.: с. 491–500.

[23] *Зайцев А. И., Верлинский А. Л., Гаврилов А. К.* Памяти Г. А. Стратановского… С. 254.

Этот текст, переведенный Г. А. Стратановским в середине 1960-х гг., вряд ли мог изменить восприятие истории риторики в России, характерное для того периода, тем не менее его публикация могла бы изменить отношение к риторической традиции в целом, но этого не случилось.

О списках «Риторики» и использовании их при подготовке текста к изданию

Публикуемый нами перевод «Риторики» на русский язык изначально был выполнен Г. А. Стратановским по двум спискам, упомянутым ниже под цифрами 3 и 4. Поскольку в нашем распоряжении оказалось еще пять рукописей «Риторики» (п. 1, 2, 5, 6, 7), мы сочли целесообразным для большей полноты и ясности, с одной стороны, восполнить лакуны, содержащиеся в этих двух списках, а с другой, — исправить испорченные или непонятные места, основываясь на лучше сохранившемся тексте или на более релевантных чтениях. Эта исключительно трудоемкая и кропотливая работа была проведена научным редактором перевода Е. В. Введенской.

В оглавлении, написанном Феофаном Прокоповичем, в первой книге значится глава XII, которая отсутствует в рукописях. Г. А. Стратановский в переводе дает текст главы XIII под номером XII.

Рукописи, привлеченные к изданию:

1) НБУВ. Ф. 305. Собр. Киевской духовной семинарии, № 248.

Содержание: [Феофан Прокопович] De arte poetica libri III (1–97); De arte rhetorica libri X pro informanda Roxolana juventute utriusque eloquentiae studiosa bono religionis et patriae traditi Kijoviae in celebri et orthodoxa Academia Mohylaeana anno Domini 1706 (л. 126–290). Рукопись in 4°, 299 л. Издана под обозначением *B* в кн.: Feofan Prokopovič. De Arte Rhetorica, libri X / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982.

2) НБУВ. Ф. 305. Собр. Киевской духовной семинарии, № 249.

Содержание: [Феофан Прокопович] De arte rhetorica… (л. 1–224); Слово на Покров пресв. Богородицы (л. 225–32); Стихи о полунощнице, утрени и проч. (л. 232); Orationes (л. 237–244). 1706 г. Рукопись без названия, in 4°, 244 л. Издана под обозначением *A* в кн.: Feofan Prokopovič. De Arte Rhetorica, libri X / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982.

3) НБУВ. Ф. 301. Собр. Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, № 418 П.

Содержание: De arte rhetorica libri X pro informanda Roxolana juventute utriusque eloquentiae studiosa bono religionis et patriae a reverendo P. Theophane Procopowicz traditi Kijoviae in celebri et orthodoxa Academia Mohylaeana anno 1706 (л. 1–195); Orationes; Sententiae variae. Рукопись in 4°, 249 л. По этой

рукописи выполнен украинский перевод, см.: Феофан Прокопович. Філософські твори в трьох томах. Переклад з латинської, т. I. Про риторичне мистецтво… Різні сентенції / Под ред. В. І. Шинкарук, В. Ю. Євдокименко, В. М. Нічик. Київ, 1979.

4) НБУВ. Ф. 307. Собр. Киевского Златоверхо-Михайловского монастыря, № 504/1723.

Содержание: [Феофан Прокопович De arte rhetorica…] (л. 1–247); Orationes; Sententiae ex multis probatissimis auctoribus; Sententiae variae. На первой странице: Praecepta artis Rhetoricae, in decem libros divisa. Incerti auctoris et anni. Ex stilo vero coniicere licet, ea esse Theophanis Procopowicz. Внизу: ex Bibliotheca Monasterii Sancti Michaelis. Рукопись in 4°, 281 л.

5) РНБ. Собр. Новгородской духовной семинарии, № 57.

Содержание: De arte rhetorica libri X pro informanda juventute utriusque eloquentiae studiosa bono religionis et patriae a reverendo patre Theophane Procopowicz traditi Kijoviae in Celebri et Orthodoxa Academia Mohylaeana. Anno Domini 1706 (л. 4–267); De arte Poetica libri III (л. 268–363). Рукопись in 4°, 371 л.

6) РГИА. Ф. 834. Оп. 3, № 3421.

Содержание: Praecepta rhetorica a Theophane Procopowicz olim in Akademia Kijovenski ordinario professore rhetorices ex variis auctoribus collecta ad veram solidam et non fucatam eloquentiam viam monstrantia nunc denuo ad nostrum utilitatem repetenda et referenda. Michael Thodorsky. Anno Domini 1751. Рукопись in 4°, 208 л. На л. 205 запись: «Сия Риторика студента Словеногреколатинской Академии Михаила Федоровича Тодорского». На л. 2 написано по-латыни, что Тодорский приступил к переписыванию Риторики 5 сентября, планировал закончить к 26 ноября, а закончил 19 января. На л. 204 то же самое по-латыни и по-гречески.

7) РГБ. Ф. 173.II Дополнительное собрание библиотеки МДА, № 86.[24]

Содержание: Praecepta rhetorica a Theophane Procopovicz olim in Academia Kijoviensi ordinario professore rhetorices ex variis authoribus collecta ad veram solidam et non fucatam eloquentiam viam monstrantia nunc denuo ad nostrum utilitatem repetenda et referenda. Anno Domini 1750. На тит. листе запись: studi (?) Basilius Semenov. 139 л.

Рукописи, не использованные при редактуре перевода Г. А. Стратановского:

8) РНБ. Собрание Петроградской духовной семинарии, № 71 (1196).

Содержание: [Феофан Прокопович] De arte rhetorica…; речь о пользе наук без заглавия и окончания; на л. II об. записи: «Сию книгу реторику по-

---

[24] Электронная копия рукописи доступна на сайте РГБ.

дарил Ахтирского монастиря Афанасию Никитову Батинскому року 1733 августа 19 игумен Товий». «Ex libris domini Athanasij Nikitow Batynskj».

9) Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, № 31356.

Содержание: [Феофан Прокопович] De arte rhetorica...; письма митрополиту Тобольскому Антонию 1722 и 1724 гг.

Владельческие записи на списках «Риторики» говорят о том, что уже в середине XVIII в. труд Феофана Прокоповича был не просто известен в русских духовных училищах, но и активно использовался в преподавании риторики, например, в Новгородской духовной семинарии и в московской Славяно-греко-латинской академии. Таким образом, «Риторика» Феофана Прокоповича стала фактом и великорусской литературно-эстетической мысли. С распространением «Риторики» Феофана Прокоповича в России в XVIII в. связана одна давняя легендарная история.

С начала XX века, со времени разысканий В. Г. Дружинина, известно, что все учебники риторики, имевшие хождение в России в первой половине XVIII в., были известны и в старообрядческой среде на Выгу.[25] Разыскания В. Г. Дружинина были существенно дополнены Н. В. Понырко,[26] а затем уточнены О. Д. Журавель.[27] В результате этих исследований укрепилось мнение, что у старообрядцев была своя переработка «Риторики» Феофана Прокоповича на церковнославянском языке, которая известна сейчас в 8 списках XVIII в. Однако сравнение этой риторики с оригинальным трудом Феофана Прокоповича показало, что между этими памятниками нет никаких текстологических совпадений ни по одной из частей риторики.[28] Имя Феофана появляется в списках старообрядческой риторики только с середины XVIII в., в более ранних списках автор не назван. Самый ранний список этой старообрядческой риторики датируется 1712 г.[29] Что здесь примечательно? Фео-

---

[25] См.: *Дружинин В. Г.* Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911.

[26] См.: *Понырко Н. В.* Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154–162.

[27] См.: *Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. С. 30–34.

[28] См.: *Николаев С. И.* Классический прием мнемотехники в старообрядческой риторике XVIII в. // Книга и книжная культура в Западной Европе и России до начала Нового времени. Сборник в честь Александра Хаймовича Горфункеля. М.; СПб., 2019. С. 359–362.

[29] См.: ГИМ, собр. Уварова, № 318. Л. 168–204; *Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в. С. 30. См. фотовоспроизведение первого листа этой риторики в кн.: *Юхименко Е. М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. М., 2008. Т. 1. С. 19.

фан Прокопович прочитал свой курс риторики в 1706–1707 гг. К 1712 г. перевод-переделка мог, конечно, быть подготовлен, хотя для этого и требовалась бы определенная поспешность. Но этому противоречит то обстоятельство, что у Феофана тогда еще не было той известности и даже славы, которую он приобрел в России в 1720–1730-е гг. Только в 1706 г. он впервые увиделся в Киеве с Петром I, в Петербург Петр вызвал его в 1715 г., а приехал он туда в конце 1716 г. и сразу активно включился в русскую церковную жизнь. Списки «Риторики» Феофана Прокоповича на латыни появляются в русских духовных училищах в середине века, о чем свидетельствуют владельческие записи и записи переписчиков. Нет сомнений, что его «Риторика» пользовалась высоким авторитетом и применялась в преподавании в разных духовных училищах. И как раз с середины века авторство ранее анонимной старообрядческой риторики начинает приписываться Феофану. Есть все основания полагать, что псевдоэпиграф появился по обычной для псевдоэпиграфов причине — для придания данному сочинению авторитетности, ведь Феофан Прокопович действительно написал замечательный риторический трактат. А история с якобы старообрядческой переработкой риторики Феофана только подчеркивает значение его труда для русской литературно-эстетической мысли XVIII в.

Принципы комментирования текста «Риторики»

Наш подход к комментированию во многом обусловлен уже существующими изданиями риторики, поэтому необходимо напомнить, в чем заключалось своеобразие примечаний в изданиях 1979 и 1982 гг.

Киевское издание предпринято в тот период, когда в СССР необходимость изучения классической риторической традиции и исследования отечественных риторик была очевидна лишь филологам-классикам. Работы, посвященные восточнославянским риторикам, были единичны. Это накладывало на составителей киевского издания обязательства просветительского характера. Так, авторы поясняют риторические термины (*Ампліфікація* (збільшення) — поширене пояснення предмета; *Епідиктичний* — парадний, урочистий різновид промови) и дают общую информацию об упоминаемых в тексте деятелях (*Доміціан, Тіт Флавій* — римський імператор у 86–96 рр. н. е.; *Златоуст, Йоанн* (347–407 рр.) — константинопольський патріарх, християнський письменник і відомий церковний проповідник (звідси «Златоуст»). Поскольку издание явилось результатом сотрудничества славистов и филологов-классиков, в комментарии не включены пояснения цитат и аллюзий, хорошо известных специалистам в области античности. Таким образом, для издания 1979 г. характерно совмещение просветительского и

академического подходов. По обстоятельствам времени в это издание, к сожалению, не вошла книга IX о церковном красноречии.

В издании оригинального латинского текста, вышедшем в 1982 г. под редакцией Р. Лахманн, комментарий носит несколько иной характер: это по преимуществу текстологический комментарий, характеризующий тип обращения Феофана Прокоповича к источнику (точное или не точное цитирование, пересказ, ссылка на положения чужого текста и пр.). Главное в работе Р. Лахманн — академическая составляющая. В этом комментарии заложен фундамент для всех дальнейших текстологических исследований памятника, издание снабжено традиционными для академического издания указателями.

Оба подхода оправданны, если рассматривать их с точки зрения включенности в два научных контекста: отечественный и европейский. В отечественной традиции интерес к риторикам имеет сложную историю (от признания риторик «пошлыми» до игнорирования этой темы в середине XX века и обращения к риторикам в конце с последующим риторическим бумом, выражающимся в издании риторической справочной литературы). В связи с этим комментарий в киевском издании включает в себя немало общих сведений, ныне доступных филологам благодаря современным специализированным словарям и справочникам. В европейской науке не было хронологического и концептуального разрыва в изучении риторики, поэтому комментарий Р. Лахманн и не изобилует данными общего характера.

Исследование текста предполагает два основных аспекта: культурно-исторический, связанный с историей эстетической мысли, и собственно филологический. Поскольку мы имеем дело и с «Риторикой» XVIII века, и с переводом, созданным в XX веке, при комментировании мы должны учитывать тексты, хронологически предшествующие созданию «Риторики», и тексты, созданные позже. Кроме того, в издаваемом тексте переводчиком использованы источники, с которыми он был хорошо знаком в силу своей профессиональной деятельности: русские переводы античных авторов. Этот факт мы также стремились учитывать при написании комментариев.

Структура комментария в каждом конкретном случае обусловлена спецификой объекта комментирования. Все объекты условно подразделяются на пять групп:

1) личности (исторические, мифологические, библейские);

2) события и факты;

3) термины, вышедшие из употребления;

4) цитаты, пересказы, указания на другие тексты, а также общие места;

5) авторские суждения, содержащие оценку личностей, событий, чужих текстов или суждений.

Случаи неоднозначности или спорности интерпретации объекта в комментарии специально оговариваются или маркируются вводными словами.

Ссылки на научную литературу внутри комментария даются в исключительных случаях, а именно: если речь идет о труднодоступной информации или о частностях, вызывающих разногласия среди исследователей, либо если комментируются фрагменты текста, понимание которых комментатором может быть поставлено под сомнение.

Ссылки на классические источники даны в соответствии с существующей традицией. Исключение составляют те фрагменты текста, которые приводятся Г. А. Стратановским по научным изданиям, имевшимся ко времени перевода. Приводимые Феофаном примеры из классических авторов Г. А. Стратановский нередко цитировал по существующим русским переводам, созданным мастерами художественного слова, знатоками древних языков: В. Я. Брюсовым, А. А. Фетом, Ф. Ф. Зелинским, С. В. Толстым и др. В этом случае указывается переводчик цитируемого Стратановским фрагмента. Если же тексты не совпадают или совпадают лишь частично, переводчик не указывается.

Справочная информация (даты, имена) дается либо кратко, либо с дополнениями, освещающими особенности упоминания в «Риторике» (если объект упомянут автором в определенном контексте). Если причина для комментирования не очевидна, она раскрывается. Информация, которую следует считать общеизвестной, комментируется в текстологическом или историко-филологическом аспекте, если это необходимо для понимания логики трактата.

Материал комментария имеет нумерацию в пределах книг издаваемого текста и располагается в последовательности текста памятника: в каждой из десяти книг «Риторики» своя нумерация. Комментируемое место помещено в качестве заголовка к отдельной статье комментария, выделено полужирным шрифтом (bold). Если протяженность цитаты превышает 150 знаков, в заголовке комментария цитата дана в сокращении. Для сравнения приведем здесь два комментария к одному фрагменту текста: «**даже искусство бить мух (которым, как говорят, отличался Домициан)**».

1) примечание в украинском издании: *Доміціан, Тіт Флавій* — римський імператор у 86–96 рр. н. е.

2) примечание в настоящем издании: *Тит Флавий Домициан (Titus Flavius Domitianus) (51–96) — римский император. Речь идет о факте, отмеченном Светонием. Домициан «каждый день запирался один на несколько часов и занимался тем, что ловил мух и протыкал их острым грифелем». См.: Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Кн. 8 (3). То же: Дион Кассий. Римская история. LXV, 9 (4–5). Обращение к этому сюжету в рито-*

риках — общее место (см. «Оратор без подготовки» М. Радау, «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова).

Комментарии к упоминаниям Феофана Прокоповича о чьих-либо мнениях или концепциях, к цитатам и пересказам могут содержать либо ссылку на источник, либо указание на степень точности цитаты, либо сведения об ошибке атрибуции, либо формулировки «Источник не установлен», «В указанном тексте цитата не найдена». Поскольку автор «Риторики» не всегда точно цитировал тексты и ошибочно приписывал произведения некоторым авторам, такая информация будет полезна для дальнейших исследований памятника.

Всю общую информацию справочного характера мы выносим в соответствующие затекстовые указатели. Имена писателей, ораторов, исторических деятелей, ученых (как общеизвестных, так и малоизвестных), упомянутые в «Риторике», вынесены в именной указатель. Мифологические и библейские персонажи включены в именной указатель с пометами «библ.» или «миф.».

Библиографический указатель содержит избранные работы, посвященные «Риторике» Феофана Прокоповича.

В тексте комментариев использовано краткое обозначение трактата Феофана Прокоповича «О поэтическом искусстве» в переводе Г. А. Стратановского: ФП «Поэтика».

Принятые сокращения

ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва).
МДА	— Московская духовная академия (Сергиев Посад).
НБУВ	— Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского (Киев).
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва).
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
Труды ИЛИ РАН	— Труды Института лингвистических исследований РАН.

ОБ ИСКУССТВЕ РИТОРИЧЕСКОМ ДЕСЯТЬ КНИГ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЮНОШЕСТВА, ОБА ВИДА КРАСНОРЕЧИЯ ИЗУЧАЮЩЕГО НА БЛАГО ВЕРЫ И ОТЕЧЕСТВА, ПРЕПОДОБНЫМ ОТЦОМ ФЕОФАНОМ ПРОКОПОВИЧЕМ ПРЕПОДАННЫЕ В КИЕВЕ, В ЗНАМЕНИТОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ АКАДЕМИИ МОГИЛЯНСКОЙ В ГОД 1706

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вступив в гимнасий красноречия, знайте, новые риторы, что вы стремитесь к предмету настолько почтенному и настолько полезному, что им стоит овладеть и ради него самого, и ради блага веры и родины, а не только вашего! Относитесь здесь к этим занятиям как к делу настолько важному, что и мне следует подумать о моей способности преподавать ничуть не меньше, чем вам о ваших успехах. Красноречие есть та самая царица душ и стоит во главе искусств: все его уважают за его превосходство, многие стремятся овладеть им из-за его полезности, немногим оно дается как из-за недостатка одаренности, так и вследствие огромности самого предмета. Впрочем, о его значении яснее будет сказано в самом сочинении.

О старании, с помощью которого можно овладеть красноречием, я скажу вот что: оно должно быть настолько велико, чтобы мы постарались наш труд и усилия сделать вполне равными восхищению, вызываемому красноречием. Мы здесь не вправе быть снисходительными или полагаться на одаренность: счастливые природные свойства бесполезны, если их не развивать постоянными подражаниями и упражнениями.

Но разрешите мне надеяться на лучшее, раз вы, будущие ораторы, в таком большом числе и вовремя собрались здесь: кажется, будто вы слетелись, а не сошлись. Такую быстроту, я полагаю, следует приписать не веслам и парусам, не резвости коней, а вашему пламенному рвению к науке. Радуюсь такому началу, из которого можно уже сейчас заключить, что возрадуюсь за себя и за вас при окончании.

Как вы начали, так и продолжайте: будьте со дня на день все более и более усердными, чтобы самым счастливым образом закончить начатое; к этим первым усилиям прибавьте затем еще большие или такие же. Конечно, в изобилии есть то, что каждого из вас воспламеняет усердием такого рода. Приглашает вас к общественной деятельности часто бедствовавшая родина, просит [вашей помощи] на многословных спорах церковь, еще чаще сталкивавшаяся с ересью, зовет сама слава каждого [из вас] передать свое имя

потомству — все это удается только с помощью красноречия.[1] Я же постараюсь руководить на этом славном пути, а если и нет, то все же позабочусь дать вам соратника и помощника в трудах.

Весь этот труд я решил разделить по содержанию на десять книг, перечень и краткое содержание которых я здесь прилагаю.

Книга первая. Предпосылает общие указания.

Книга вторая. Об изобретении доказательств и об амплификации.

Книга третья. О расположении материала.

Книга четвертая. Об изложении.

Книга пятая. О способе изображения душевных состояний.

Книга шестая. О способе писания исторических сочинений и о посланиях.

Книга седьмая. О судебном и совещательном роде речи.

Книга восьмая. Об эпидейктическом (парадном), или цветистом роде красноречия.

Книга девятая. Особая, о духовном красноречии.

Книга десятая. О памяти и произнесении.

---

[1] **Приглашает вас к общественной деятельности… родина, просит [вашей помощи] … церковь, … зовет сама слава…** Аллюзия на описание целей обучения риторике у Цицерона: «себе во славу, друзьям в пользу и государству во благо», см.: Cic. De Orat. I: 34.

КНИГА I

ПРЕДПОСЫЛАЕТ ОБЩИЕ УКАЗАНИЯ

Прежде чем приступить к особым указаниям, следует указать здесь на некоторые правила, полезные для всего ораторского искусства вообще. Подобно путнику, который с высокого склона сперва намечает себе путь по лежащим внизу полям: откуда начать его, и по какой дороге пройти к месту своего назначения, и каков он — ровный ли повсюду или местами сухой и ровный, а местами заболоченный и кое-где покрытый зарослями терновника, а [еще] где-нибудь прегражденный камнями и оплетшимися ветвями — если бы, говорю я, путник заранее предусмотрел все это, он оказался бы более подготовленным к путешествию, чем если бы он об этом не ведал. Ведь он будет знать, какой одеждой прикрыть [свое] тело, какой путь оставить и какого держаться, если случайно окажется где-нибудь на распутье. И таким образом он легче и счастливее достигнет цели. Так равным образом желающий заниматься риторическим искусством должен в общем иметь предварительное представление о том, что такое само это искусство, чтобы не спрашивать неизвестно что: и каков предмет этого искусства, и какова его цель, и что нужно делать тому, кто его преподает; затем — что способствует красноречию и что ему мешает. Получив об этом общее предварительное представление, он во всеоружии приступит к изучению; в противном же случае он потеряет весь свой труд даром и его усилия будут столь же безуспешны, как если бы он вздумал темной ночью бороться с морскими волнами.

Итак, в этой книге мы дадим общие указания такого рода; прежде всего мы скажем о превосходстве и полезности, о природе, содержании и назначении риторического искусства и об обязанности самого оратора. Затем о поистине забавных суждениях об ораторе многих людей, невежественных в риторическом искусстве, которые часто обращают порочное в добродетель, а хорошее — в порок, поэтому мы сперва укажем, кого следует назвать совершенным оратором: для этого мы, словно собираясь отметить

поддельное золото от настоящего, сначала укажем на поддельное красноречие (чтобы было ясно, чего следует избегать), отметив его недостатки и причины, из которых оно обычно возникает. Затем отметим образ истинного красноречия свойственными ему чертами. Потом, чтобы оратор не довольствовался только одним искусством (так как это часто приносило вред многим), мы покажем, какими вспомогательными средствами можно помочь искусству и овладеть красноречием. Но чтобы все это стало яснее, я приведу перечень глав.

Главы книги I.[2]

Глава I. О значении красноречия и прежде всего о его преимуществах.

Глава II. О пользе красноречия

Глава III. Описание риторического искусства: его определение, содержание, назначение и обязанности оратора.

Глава IV. Что создает совершенного оратора.

Глава V. О недостатках искаженного красноречия и прежде всего о напыщенном стиле, обезьянничании, ходульности (холодности), ребячливости и ложном пафосе.

Глава VI. О недостатках школьного буквоедства поэтического: аффектированного или аллегорического, низкого, грубого и т. д.

Глава VII. О причинах искажения красноречия.

Глава VIII. О трояком красноречии, или о стиле возвышенном, или величественном, среднем, или цветистом, сниженном, или обыденном.

Глава IX. О вспомогательных средствах красноречия и прежде всего о природном даровании, выучке и упражнении.

Глава X. О подражании: кому и как следует подражать; здесь же похвалы Цицерону[3] и Златоусту.[4]

Глава XI. Перечисляются прочие выдающиеся латинские писатели и святые отцы, писавшие на обоих языках.

Глава XII. Краткая хронология красноречия в цветущую пору и в эпоху упадка.

Глава XIII. Предварительные наставления оратору [еще] до того, как он приступил к делу.

---

[2] О несовпадении числа глав в этом оглавлении и в самой книге см. «Введение» (С. 10).

[3] **Цицерон** — Цицерон, Марк Туллий (Marcus Tullius Cicero; 106–43 до н. э.) — оратор, писатель, римский политический деятель. Называя в начале текста Цицерона и Златоуста, ФП формирует взгляд читателя на свой труд: образцом для подражания в красноречии являются два равно почитаемых оратора: светский и церковный.

[4] **Златоуст** — Иоанн Златоуст (Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος; между 344/354–407) — проповедник, один из трех Вселенских святителей и учителей, наряду с Василием Великим и Григорием Богословом постоянно упоминаемый в качестве идеала церковного оратора.

ГЛАВА I

О ЗНАЧЕНИИ КРАСНОРЕЧИЯ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ЕГО ПРЕИМУЩЕСТВАХ

Всякое искусство, занимающее достойное место в жизни гражданской, должно определяться в основном следующими двумя признаками: во-первых, почтенно ли оно; затем — приносит ли оно пользу. Если нет одного из этих признаков, его еще можно считать искусством, если нет ни того, ни другого — нельзя; впрочем, даже искусство бить мух, которым, как говорят, отличался Домициан,[5] можно причислить к искусствам. Посмотрим, имеет ли красноречие такие признаки.

1. Достоинство красноречия можно усмотреть в том, что оно доставляет человеку необыкновенную приятность, касается важнейших предметов, является весьма могущественным, преодолевая всяческую силу; у всех оно вызывает одобрение и всегда почиталось достойным величайших почестей. Что можно себе представить приятнее, милее, привлекательнее [способности] держать умы людей в напряжении, словно в самозабвении, когда их охватывает какая-то сладкая истома, — а это достигается только лишь красноречием.

Все прочие предметы, хотя бы они и чрезвычайно услаждали человеческие чувства, быстро приедаются и перестают нравиться. Мы ходим мимо красивой местности, бросив на нее лишь взгляд; нас мутит от изысканнейших яств, когда мы ими пресыщены; даже самые прелестные звуки музыкальных инструментов, если продолжаются слишком долго, перестают нравиться еще до своего прекращения. Только лишь речь, украшенная словами и мыслями, воспринимается слушателями с таким наслаждением, что они кажутся ненасытными, пока она длится. И подобно тому, как мы, испытывая даже короткое время какую-либо неприятность, жалуемся потом очень долго, так, наоборот, очарованные сладостными речами красноречивых людей, мы часто не замечаем, как проходит час за часом. И даже как-то запамятовав о природе, мы забываем о телесных нуждах, не чувствуем голода и жажды и тому подобного. Оратора, мастера своего дела, слушают так не-

---

[5] **Домициан** — Тит Флавий Домициан (Titus Flavius Domitianus; 51–96) — римский император. Речь идет о факте, отмеченном Светонием. Домициан «каждый день запирался один на несколько часов и занимался тем, что ловил мух и протыкал их острым грифелем», см.: Suet. De vita Caes. Lib. 8 (3), то же: Cass. Hist. Rom. LXV, 9 (4–5). Обращение к этому сюжету в риториках — общее место. Ср.: «Оратор без подготовки» (1650) М. Радау (ок. 1616–1687), «Краткое руководство к красноречию» (1748) М. В. Ломоносова (1711–1765).

насытно, что нередко боятся, как бы он не перестал[6] [говорить] (как рассказывает Сенека[7] о Крассе[8]). Поэтому выше всех почитают человека, одаренного мудростью красноречия (если только не завидуют), взирают на него с восхищением, любят его, охотно предлагают ему свою дружбу, толпами стекаются к нему, с удовольствием общаются с ним, наблюдают его устную речь; если он начал что-нибудь говорить, прекращается говор, затихает шум, сам по себе умолкает разговор и все напряженно внимают его словам. Часто случается, что очарованные прелестью речи слушатели от необузданного восторга начинают рукоплескать и (что в самом деле удивительно) громко восклицают. Так было, читаем мы, с Цицероном, со Златоустом и со многими другими. Но к чему лишние слова? Все это побуждает меня считать прелесть красноречия в некоторой степени образом и подобием тех услад, которые, как мы верим, нас ожидают в вечном блаженстве, которыми насыщенные и почти упоенные, мы никогда, однако, не сможем пресытиться или опьяниться.

Если оценивать ораторское искусство на основании предметов, которых случается касаться оратору, то невозможно его достаточно высоко оценить. Ведь оратор самым тщательным образом заботливо ведет самые важные дела на форуме и в судах, в курии и в сенате, в царском дворце, в храмах и святилищах, выискивает и наказывает преступления, рассуждает о происхождении и достоинстве добродетелей, раскрывает тайны природы, облегчает непостоянство судьбы, повествует о возникновении и гибели царств и о разнообразных превратностях всех вещей; подвиги героев и царей он наглядно показывает, прославленных мужей он великолепно возвеличивает, разбирает таинства Бога трижды благого, величайшего; воздавая хвалу, объявляет народу повеления и законы; коротко говоря, все, что ни есть в мире, может быть темой для оратора (что мы увидим в своем месте); всю громаду вселенной держит он в пределах своей власти.

Что же можно сказать о могуществе красноречия в соответствии с его достоинствами? И оружие, и великие войска были бы совершенно бессильны,

---

[6] **Оратора… слушают так ненасытно, что нередко боятся, как бы он не перестал…** Общее место. Использовано также митрополитом Московским и Коломенским Платоном Левшиным (1737–1812) в описании епископа Псковского и Нарвского Гедеона Криновского (ок. 1726–1763), см.: Платон (Левшин), митр. Цветущая сложность: жизни и творений. М., 2013. С. 20.

[7] **Сенека** — Сенека Младший, Луций Анней Сенека (Lucius Annaeus Seneca minor; 4 до н. э. — 65) — сын Сенеки Ритора, философ, поэт, трагик, государственный деятель.

[8] **Красс** — Луций Лициний Красс (Lucius Licinius Crassus; 140–91 до н. э.). — древнеримский оратор, политик. Упоминание о Крассе как о блестящем ораторе см.: Seneca. Ep. mor. 114: 13.

если с помощью красноречия нельзя было бы изгнать страх, внушить надежду и славную отвагу и воспламенить воинов увещаниями. Наоборот, если оратор заметит, что кто-нибудь восстает против него, то он исторгает оружие из рук их и делает храбрецов трусами, сильных — немощными, неистовых обращает в кротких и послушных. Этим искусством Марк Антоний[9] склонил к милосердию марианских воинов,[10] когда те бросились на него с обнаженными мечами; окутав их как бы словесным туманом, он убедил позабыть жестокие повеления своего полководца.[11] Им же Анаксимен[12] отвратил и изменил подтвержденный клятвой гнев Александра[13] против жителей Лампсака.[14] С помощью такого искусства Демосфен[15] вел войну с Филиппом,[16] он один мог выступить за свободу Греции против господства такого победителя. Им же Марк Туллий расстроил замыслы трибуна Рулла,[17]

---

[9] **Марк Антоний** — Марк Антоний (Marcus Antonius (Orator); 143–87 до н. э.) — древнеримский оратор, которого Цицерон считал, наряду с Крассом, образцом для подражания.

[10] **…склонил к милосердию марианских воинов…** ФП имеет в виду историю гибели Марка Антония от руки Гая Мария (Gaius Marius; 158/157–86 гг. до н. э.). Когда Марий вбежал в дом, куда он отправил солдат, чтобы те убили Марка Антония, то увидел, что солдаты слушают оратора и прониклись к нему сочувствием. См.: App. BC. I: 72.

[11] **…жестокие повеления своего полководца…** жестокость римского политика Гая Мария вошла в историю и запечатлена в описаниях так называемого марианского террора в Риме в 88–81 гг. до н. э. См.: Plut. Vitae parallelae. Mar. 43; Liv. Ab urbe condita (περιοχή). 80.

[12] **Анаксимен** — Анаксимен Лампсакский (Ἀναξιμένης; ок. 380–320 до н. э.) — древнегреческий ритор, историк, учитель Александра Македонского.

[13] **Александр** — Александр Македонский, Александр III Великий (Ἀλέξανδρος Γ' ὁ Μέγας, Alexander III Magnus; 356–323 до н. э.) — македонский царь, полководец.

[14] **…Анаксимен отвратил … гнев Александра против жителей Лампсака…** Речь идет об известной легенде: по приказу Александра Македонского войско готовилось захватить и разорить город Лампсак. Анаксимен пришел к бывшему ученику, чтобы просить его отменить приказ. Александр поклялся не делать того, о чем просит учитель. Анаксимен в ответ попросил Александра разрушить Лампсак. Благодаря этому город был спасен (Paus. 6, 18, 2–4; Val. Max. 7, 3, 4).

[15] **Демосфен вел войну с Филиппом…** Демосфен (Δημοσθένης; 384–322 до н. э.) — афинский оратор, противник политики Филиппа II. В филиппиках и олинфских речах обличал Филиппа II, призывая греков объединяться для борьбы с македонцами.

[16] **Филипп** — Филипп II (Φίλιππος Β'; 382–336 до н. э.) — македонский царь, отец Александра Великого.

[17] <Цицерон> **расстроил замыслы трибуна Рулла…** Публий Сервилий Рулл (Publius Servililis Rullus) — римский политик, трибун, в 63 г. до н. э. выступил в народном собрании с проектом о наделении землей малоимущих. После выступлений Цицерона понял, что не имеет поддержки, и снял свое предложение. Plut. Vitae parallelae. Cic. 12–13.

изгнал Катилину,[18] сразил Антония;[19] им же исцелил Феодосия,[20] тяжко оскорбленного в своем величии:[21] он отвратил обнаженные секиры, [приставленные] чуть ли не к горлу отечества, и укротил ярость Гайны;[22] им же многие другие беззащитные и одинокие совершали то, что не могла совершить никакая мощь, ни даже усилия множества людей и полчища воинов. Что же, скажи на милость, существует на свете могущественнее и неодолимее человеческого духа? Если он тверд и крепок, его нельзя ни размягчить огнем, ни сломить железом. Стрелы, мечи, тараны и прочие виды оружия имеют власть над телом, могут подкопом разрушить стены, но бессильны против закаленного духа.

Что же в таком случае это за сила, которой он должен подчиняться? Несомненно, это красноречие. Ведь как же иначе вышеупомянутые ораторы могли бы совершить столь великое, как не с помощью какой-то невероятной силы и мощи красноречия? Ведь оно легко проникает в душу, ведет ее, куда хочет, похищает и гонит, куда хочет, делает из нее, что хочет, мучит, переворачивает, изменяет, зажигает гневом, волнует негодованием, тревожит любовью, вызывает слезы, изливает радость, наполняет страхом и ужасом. Но те же самые чувства, если захочет, без больших хлопот оно расшатывает и вырывает с корнем. Не так, конечно, игрок владеет мячом, как оратор человеческой душой. И сколько бы ни было людей, на которых оно может оказывать воздействие, это не замедляет его: пусть даже соберется несмет-

---

[18] <Цицерон> **изгнал Катилину…** Луций Сергий Катилина (Lucius Sergius Catilina; ок. 108–62 до н. э) — римский аристократ, возглавивший заговор с целью государственного переворота. ФП имеет в виду речи «Против Катилины», нарочито преуменьшая значение прочих факторов, приведших к поражению заговорщиков.

[19] <Цицерон> **сразил Антония…** Марк Антоний (Marcus Antonius; 83–30 до н. э.) — римский политик, участник второго триумвирата. ФП, видимо, имеет в виду четырнадцатую речь против Антония, произнесенную с Капитолия. После этой речи Антоний был объявлен врагом отечества. В 43 г. до н. э. оратор попал в проскрипционные списки и был казнен солдатами Антония.

[20] **Феодосий** — Феодосий Великий (Flavius Theodosius, Theodosius Magnus; 346–395) — римский император.

[21] <Златоуст> **исцелил Феодосия, тяжко оскорбленного в своем величии…** В 387 г. в Антиохии мятежники разбили статуи Феодосия Великого и членов его семьи. Феодосий был в гневе. Златоуст произнес гомилии (по разным данным — от 10 до 21) «О статуях, к народу антиохийскому». Антиохийцы раскаялись, а император простил мятежников, хотя незадолго до этого за аналогичные действия покарал фессалоникийцев.

[22] <Златоуст> **укротил ярость Гайны…** В 400 г. на Константинополь пошел походом предводитель готов Гайна, выдвигавший императору Аркадию жесткие требования выдать ему некоторых военачальников (Аврелиана и др.), чтобы казнить их. Златоуст убедил Гайну оставить пленников в живых.

ное сборище, оно поразит и ранит всех одним ударом того же оружия. И поистине удивительно: стоит огромная толпа, в которой и поселяне, и граждане, военачальники и могучие герои. Но все они взволнованны, бледнеют, краснеют, чувствуя в себе поразительную перемену от слов одного человека; и даже сами цари превратились как бы в рабов оратора: так они подчиняются его речи и позволяют вести себя, куда ему угодно. Что же сильнее этой способности? Истинны или ложны рассказы поэтов[23] о споре Аякса[24] и Улисса[25] за оружие Ахиллеса,[26] но все же, по моему мнению, вся эта история или басня имеет целью показать силу красноречия.

Ведь Улисс, муж красноречивый, настолько превзошел ораторским искусством Аякса, воина отважного, но не красноречивого, что по решению всех предводителей ему было присуждено оружие. Рассказав этот эпизод в книге XIII «Метаморфоз», Овидий[27] изящно заканчивает его похвалой красноречию:

> Тронут был княжеский круг; и, что красноречие может,
> Видно на деле; понес оружье героя вития.[28]

Действительно, значение красноречия так велико, что меня охватывает робость, как бы самим этим перечислением я не умалил его богатств. Укажу лишь кое на что, раз уж даже мысленно нельзя охватить всего. Итак, красноречие и считают, и изображают царицей всех наук, так что ему очень часто воздавали хвалу, равную царской, и всегда заслуженно. Сами почетные дары, подносимые ораторам, являются отличным свидетельством того, ка-

---

[23] **…рассказы поэтов о споре Аякса и Улисса за оружия Ахиллеса…** Неясно, каких поэтов имеет в виду ФП. Спор об оружии Ахиллеса, которое досталось Улиссу (Одиссею), упоминается не только в «Метаморфозах» Овидия, но и в «Одиссее», в «Малой Илиаде», в трагедии Софокла «Аякс», в первой части трилогии Эсхила об Аяксе («Суд об оружии»), в трагедии Акция «Спор об оружии».

[24] **Аякс** — Аякс Великий (Эант Теламонид, Аянт Теламонид; миф.) — сын Теламона, царя Саламина, участник осады Трои. Герой силы, в отличие от Улисса (Одиссея), героя разума.

[25] **Улисс** — Одиссей (миф) — царь Итаки, сын Лаэрта и Антиклеи, муж Пенелопы участник похода на Трою. Прославился не только подвигами, но и хитростью.

[26] **Ахилл** — Ахилл (Ахиллес; миф.) — сын царя мирмидонян Пелея и морской богини Фетиды, участник похода против Трои.

[27] **Овидий** — Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Naso; 43 до н. э. — 18 (или 17) н. э.) — римский поэт.

[28] **Тронут … что красноречие может, / Видно на деле; понес оружье героя вития.** Ovid., Met. XIII: 382–383. Пер. А. А. Фета. Для ФП важна ссылка на «Метаморфозы», поскольку именно Овидий подчеркивает приоритет ораторского искусства над силой в споре.

кого мнения о них держалась просвещенная древность, ведь им ставили статуи, изображающие сирен.[29] Такая статуя, по рассказам, была воздвигнута на могиле Исократа:[30] этим древние хотели указать на прелесть и выразительность его речей, ораторам подносили сфинксов,[31] как это сделал Веррес[32] Гортензию,[33] что служило знаком мудрости тех, кто изъяснял в речи божественные тайны. Пальмы, которыми награждали победителей, по свидетельству Марциала,[34] служили наградой также и для ораторов (кн. VII, эпигр. 27, К Фусцию):

> Форум дивись тебе так, пусть так Палатин тебя хвалит:
> Дверь двойную пускай множество пальм уберет.[35]

Что же иное, как не эту победоносную силу красноречия в таких стихах изобразил Марциал? Действительно, было настолько в обычае воздвигать статуи в честь красноречивых ораторов, что, по сообщениям историков, Горгию Леонтинскому[36] поставили не позолоченную, а золотую статую,[37]

---

[29] **...статуи, изображающие сирен.** См.: «Когда он [Исократ], сказав это, умер, афиняне удивились его любви к городу и похоронили его с почетом на государственный счет, и, вырезав из камня сирену, поставили на его могиле как свидетельство чувства прекрасного, присущего этому мужу». Ps-Plut. Vitae X. Vita Isocrati, 178–182 (пер. Е. В. Введенской).

[30] **Такая статуя, по рассказам, была воздвигнута на могиле Исократа...** На могиле ученика Горгия, афинского ритора Исократа (436–338 до н. э.), в Киносарге, был поставлен памятник в виде колонны. «А над могилой самого Исократа возвышалась колонна в тридцать локтей, а на ней — сирена величиной в семь локтей как символ [красноречия]; ничего из этого не сохранилось...» (Ps-Plut. Vitae X. Vita Isocrati, 178–182; пер. Е. В. Введенской).

[31] **...ораторам подносили сфинксов...** Эта традиция была обусловлена легендой о том, что сфинкс давал оратору особую силу (Plin. HN., XXXIV, 8; Cic. Div. Caec. 7). Известно, что статуэтка была подарена Гортензию, выступавшему против Цицерона на стороне Верреса. Однако сфинкс не помог Гортензию, и Веррес проиграл процесс (Cic. Brut. 319; De Orat. 129; Plin. HN. XXXIV, 48).

[32] **Веррес** — Гай Лициний Веррес (Gaius Licinius Verres; 114–43 до н. э.), римский политический деятель.

[33] **Гортензий** — Квинт Гортензий Гортал (Quintus Hortensius Hortalus; 114–50 до н. э.) — римский оратор, многократно выступавший в суде как оппонент Цицерона.

[34] **Марциал** — Марциал (Marcus Valerius Martialis; ок. 40 — ок. 104) — римский поэт-эпиграмматист.

[35] **Пальмы... по свидетельству Марциала, служили наградой ...и для ораторов (кн. VII, эпигр. 27)** Mart. VII, 28 (по современной нумерации). Пер. Н. А. Шатерникова.

[36] **Горгий Леонтинский** (Γοργίας; ок. 480–380 до н. э.) — греческий софист, теоретик и учитель риторики.

[37] **...поставили не позолоченную, а золотую статую...** Существуют разные версии происхождения статуи: неизвестно, действительно ли Горгий сам поставил себе статую

Деметрию же Фалерскому[38] было воздвигнуто триста шестьдесят статуй в Афинах, Проэресия[39] народ римский почтил превосходной статуей с замечательной надписью: «Царица вселенной — Рим — Проэресию — царю красноречия».[40] Вот какие были подношения!

А общественные поручения, важнейшие дела, управление областями? Исполнение обязанностей государственных послов было для ораторов делом обычным и почти домашним: Киней[41] был послом к римскому народу, Анаксимен — к Александру,[42] Евстафий — к Сапору, царю Персидскому;[43] вообще их посылали к разным лицам, так что уже у историков слово «оратор» означает посла. Что же иное позволило Цицерону, которого упрекали за недавно приобретенную знатность, достичь высшей должности в римской республике?[44] Что другое вознесло Златоуста на епископскую кафедру царствующего града? Либанию[45] (не за то, что он был знаменитым оратором, а за то, что был учителем красноречия) Юлиан[46] предложил префек-

---

или она была поставлена ему за счет его средств. По сообщению Павсания в «Описании Эллады», Горгий сам себе поставил в Дельфах золотую статую (Paus. 18).

[38] **Деметрий Фалерский** — Деметрий Фалерский (Δημήτριος Φαληρεύς, Demetrios Phalereus; 350–283 до н. э.) — древнегреческий государственный деятель, оратор, ученый.

[39] **Проэресий** — Проэресий Армянин, Паруйр Айказн (Προαιρέσιος; 275–367) — греческий и римский ритор и философ.

[40] **«Царица вселенной — Рим — Проэресию — царю красноречия».** Прижизненный памятник с надписью «Rerum regina Roma — regi eloquentiae» упоминается в Eunap. V. S. X. 7.

[41] **Киней был послом к римскому народу…** Фессалиец Киней был учеником Демосфена, упоминается Плутархом как «единственный среди ораторов того времени, чья речь силой и страстностью заставляла слушателей вспоминать его учителя»; «Пирр говорил, что Киней своими речами взял больше городов, чем он сам с мечом в руках». См.: Plut. Vitae parallelae. Pirrh. 14–15; 18–19.

[42] **Анаксимен — к Александру…** См. примеч. 11–13 к кн. I.

[43] **Евстафий** — Евстафий — оратор, благодаря своему таланту назначенный послом римского императора Констанция к персидскому шаху (царю царей Ирана) Сапору (Шапуру II Великому, правившему с 309 по 379 г.), взявшему в осаду Антиохию.

[44] **…позволило Цицерону… достичь высшей должности в римской республике…** Имеется в виду избрание Цицерона на должность консула (высшая выборная магистратура в эпоху республики в Древнем Риме) в 63 г. до н. э.

[45] **Либанию … за то, что был учителем красноречия, Юлиан предложил префектуру претория…** Либаний (Ливаний; Λιβάνιος; 314–393) — греческий ритор, антиохиец, учитель Василия Великого и Иоанна Златоуста, а также Юлиана Отступника. Префектура претория — единица административного деления. Должность предназначалась только для представителей привилегированных сословий.

[46] **Юлиан** — Юлиан II, Флавий Клавдий (Flavius Claudius Iulianus), известный также как Юлиан Отступник (Iulianus Apostata; 331?–363) — последний языческий римский император, ритор и философ.

туру претория, но тот сам отклонил это предложение. Император Констант, узнав об огромных требованиях только что упомянутого нами Проэресия (а он просил себе во владение много значительных островов, плативших дань афинскому государству), тотчас пожаловал оратору острова, а его самого сделал начальником лагеря.[47]

Из Кодина[48] и трудов вселенских соборов нам известно, что в церкви Константинопольской знаменитые риторы занимали видное общественное положение. Великая это краса красноречия. В чем она? В чем ее величие? Чем славится? Чем вызывает восхищение? Почему множество смертных, по свидетельству Иеронима,[49] стекалось из отдаленных краев, чтобы увидеть Тита Ливия?[50] Почему римский император изменил свой маршрут,[51] чтобы послушать Гермогена,[52] и посетил его гимнасий?

---

[47] **…узнав об огромных требованиях… Проэресия…** Собравшись вернуться в Афины, Проэресий сообщил императору Константу о своем желании получить достойные дары: несколько островов.

[48] **Кодин** — Георгий Кодин (Pseudo-Kodinos, Γεώργιος Κώδινος ὁ Κυροπαλάτης; ум. 1453) — византийский писатель, которому атрибутируются анонимные трактаты Patria Konstantinupoleos (Scriptores originum Constantinopolitarum) и De officiis (De officiis magnae ecclesiae et aulae Constantinopolitanae). Вторая книга была в библиотеке ФП.

[49] **Иероним** — Иероним Блаженный (Софроний Евсевий Иероним; Sophronius Eusebius Hieronymus; 342–419/420) — иллирийский церковный писатель, создатель канонического латинского текста Библии, один из Учителей Церкви.

[50] **…множество смертных … стекалось… чтобы увидеть Тита Ливия…** Тит Ливий (Titus Livius; 59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, автор часто цитируемой «Истории от основания города» (Ab urbe condita). Это общее место есть у Иеронима Стридонского: «Мы читаем, что к Титу Ливию, испускавшему млечный источник красноречия, приходили некоторые вельможи с краев Испании (из Гадеса, ныне — Кадикс) и из пределов Галлии; людей не любопытствовавших видеть Рим, привлекла слава одного человеку». Hier. Ep. 50. (Иероним Стридонский. «Письмо к Павлину. Об изучении Священного Писания». Пер. Н. Колмогорова). См. также: «Разве ты никогда не читал про какого-то гадитанца, который был так поражен славой Тита Ливия, что с края света приехал смотреть на него и, поглядев, сразу же уехал обратно». Plin. Ep. Lib. II. 3: 8. Пер. М. Е. Сергиенко.

[51] **…император изменил свой маршрут, чтобы послушать Гермогена…** Рассказ о том, как император (или другой представитель высшей власти) изменил маршрут ради встречи с философом, оратором и др., является общим местом. См., напр., историю о встрече Александра Македонского с Диогеном. В данном случае речь может идти об императоре Марке Аврелии, который встречался с Гермогеном, однако сведения о том, что ради этой встречи он изменил маршрут, не обнаружены.

[52] **Гермоген** — Гермоген из Тарса, Гермоген Тарсский (Ἑρμογένης) ок. 160 — ок. 230) — греческий ритор, автор известного учебника риторики, состоящего из трактатов «О решении спорных вопросов» (Peri ton staseon; De statibus), «О риторических идеях» (Peri ideon; De ideis), «Об отборе материала» (Peri heureseos; De inventoine).

Почему Траян,[53] по сообщению Филострата,[54] принял Диона Златоуста[55] в свою золотую колесницу и часто говаривал ему, так что и народ слышал: «Не знаю, что ты говоришь, но люблю тебя не меньше самого себя».[56]

Этот рассказ и подобные ему, по-видимому, переходят уже за пределы достоверности, но особенно поражает меня рассказ Квинта Курция (книга II) о том, как высоко ценили афиняне ораторов.[57] Афиняне, говорит он, тяжело переносили несчастья фиванцев и очень им сострадали, и против повеления царя открыли для изгнанников ворота. Это так возмутило Александра, что от вторичного их посольства, хлопотавшего о предотвращении войны, он потребовал выдачи ему ораторов и вождей, по внушению которых они столько раз восставали. Наконец, дело свелось тогда к тому, что, сохранив ораторов, пришлось отправить в ссылку вождей.

Это мудрейшее решение государства будет вечным памятником славы ораторов. Такова должна быть заслуженная оценка красноречия со стороны мудрейших мужей. Они знают, что красноречие не только чрезвычайно полезно для человеческой жизни, но оно доставляет нам то, чем люди превосходят животных,[58] и то, чем мы стоим выше прочих людей, как об этом мудро рассуждает Туллий.

Что же касается сообщения Светония в книге «О знаменитых ораторах» о постановлении сената в консульство Гая Фанния Страбона и Марка Ва-

---

[53] **Траян** — Марк Ульпий Нерва Траян (Marcus Ulpius Nerva Traianus; 53–117) — римский император.

[54] **Филострат** — Филострат Флавий (Lucius Flavius Philostratus; Φλάβιος Φιλόστρατος; ок. 178 — ок. 248) — ритор, софист, автор «Жизни Аполлония Тианского» (Τὰ ἐς τὸν Τυανέα Ἀπολλώνιον) и «Жизнеописания софистов» (Βίοι Σοφιστῶν).

[55] **Дион Златоуст** — Дион Златоуст, Дион Хризостом (Δίων Χρυσόστομος; ок. 40 — ок. 120) — древнеримский (греческого происхождения) оратор, писатель, философ и историк.

[56] **Траян … принял Диона Златоуста в свою золотую колесницу…** Видимо, это контаминация разных сюжетов: в издании Р. Лахманн говорится о встрече Диогена с Траяном, причем имена Диогена и Хризостома даны через запятую. У Филострата в «Жизнеописании Аполлония Тианского» есть история о встрече Веспасиана с Хризостомом (Phil. V. A. T. Cap. V), однако история об изменении маршрута императором связана с именами Диогена и Александра Македонского.

[57] **рассказ Квинта Курция… как высоко ценили афиняне ораторов…** Квинт Курций Руф (Quintus Curtius Rufus; годы жизни неизв.) — римский историк. См.: Curt. Historiae Alexandri Magni Macedonis, II.

[58] **…чем люди превосходят животных…** Общее место. См.: Cic. De Orat. I, 32.

лерия Мессалы,[59] которым были осуждены и проскрибированы люди, называвшие себя латинскими риторами и учредившие игры в Риме, то всем образованным людям понятно, что оно относилось не к учителям подлинного красноречия, но к кое-каким новым выдумщикам пустой и нелепой болтовни.

ГЛАВА II

О ПОЛЬЗЕ КРАСНОРЕЧИЯ

О пользе красноречия, полученной определенными лицами или же народами, мы здесь не будем упоминать в подробностях (это заняло бы слишком много места), но лишь вообще в некоторых отношениях. Затем скажем отдельно, для какого применения в наше время, и в особенности в этом народе, нужно нам красноречие.

Итак, много благ и преимуществ, как общественных, так и частных, как духовных, так и светских, проистекает для человеческой жизни от красноречия. Общественная польза, прежде всего, в том, что благодаря красноречию люди впервые отошли от звериной и дикой жизни и объединились в сообщество, были созданы законы, как жить, и основаны города[60]. Прекрасно об этом рассуждает Цицерон в книге I «Об изобретении материала» (в начале). Приведу его изящные слова: «Было когда-то, — говорит он, — время,

---

[59] **…сообщения Светония в книге «О знаменитых ораторах» о постановлении сената в консульство Гая Фанния Страбона и Марка Валерия Мессалы…** ФП имеет в виду книгу Светония «О знаменитых мужах» («De viris illustribus»), точнее, сохранившийся раздел «О грамматиках и риторах»: (25) «В консульство Гая Фанния Страбона и Марка Валерия Мессалы претор Марк Помпоний внес в сенат предложение; обсудив вопрос о философах и риторах, постановили об этом, чтобы претор Марк Помпоний позаботился и обеспечил, как того требуют интересы государства и его присяга, чтобы их больше не было в Риме». О том же самом спустя некоторое время цензоры Гней Домиций Агенобарб и Луций Лициний Красс издали такой эдикт: «Дошло до нас, что есть люди, которые завели науку нового рода, к ним в школы собирается юношество, они приняли имя латинских риторов, и там-то молодые люди бездельничают целыми днями. Предками нашими установлено, чему детей учить и в какие школы ходить; новшества же, творимые вопреки обычаю и нраву предков, представляются неправильными и нежелательными. Поэтому считаем необходимым высказать наше мнение для тех, кто содержит школы, и для тех, кто привык посещать их, что нам это не угодно» (Гай Светоний Транквилл. О риторах, 25). Были приняты два постановления против риторов (161 и 92 гг. до н. э.), одно относилось к приезжим греческим философам и риторам, второе — к латинским риторам.

[60] **…благодаря красноречию … города.** См.: Cic. De Orat. I, 33.

когда люди скитались повсюду по полям, как звери, и влачили свою жизнь, [питаясь] грубой пищей; в своей деятельности они [не руководствовались] разумом, но в большинстве случаев применяли физическую силу; они не соблюдали еще ни божественных обрядов, ни закона человеческой нравственности; никто [из них] не знал узаконенного брака, никто не разбирал несомненно ему принадлежащих детей, не понимал преимущества беспристрастного суда. Таким образом, в силу заблуждения и невежества слепая и безрассудная владычица души, страсть злоупотребляла для самонасыщения телесными силами — весьма пагубными помощниками. И в это время какой-то человек, очевидно, великий и мудрый, понял, какой талант и сколько благоприятных возможностей для совершения величайших подвигов было заложено в людских душах, если бы кто-нибудь смог эти [возможности] вскрыть и улучшить путем обучения. Он собрал людей, рассеянных по полям и скрывавшихся по лесным чащам, и соединил их каким-то образом в одно место, внедрив в них [любовь] ко всему полезному и прекрасному; сначала они в силу непривычки сопротивлялись, а затем, [подчиняясь] разуму и его речи, стали усерднее его слушаться, и он сделал их из диких и свирепых кроткими и мягкими. Я, со своей стороны, полагаю, что этого не могла совершить ни безмолвная, ни лишенная красноречия мудрость: [именно] чтобы внезапно отвратить людей от [укоренившегося] обычая и привести их к противоположному образу жизни. Далее, основав города, [он внушал], чтобы они научились почитать честность и справедливость и привыкли к добровольному повиновению другим, полагая, что ради общего блага следует не только переносить тяготы, но даже жертвовать жизнью. Как же [это] могло произойти, если люди не обладали бы способностью убеждать с помощью красноречия в том, что они открыли путем разума? Конечно, никто не захотел бы без принуждения являться в суд, если бы не был побужден [к этому] убедительной и приятной речью; хотя [человек] в состоянии весьма многое совершить [собственными] силами, для того чтобы иметь возможность превзойти тех, с которыми ему было позволено сравняться, и добровольно отступить от приятнейшего обычая, который получил уже особенную силу [в человеческой] натуре из-за [своей] древности. И прежде всего, красноречие, по-видимому, при таких обстоятельствах и возникло, и далее развивалось, и впоследствии также оказывало людям величайшие услуги в самых важных делах в мирное и военное время».[61] Вот что говорил Цицерон. Но так как он упомянул о выгодах мира и войны, то рассмотрим, каковы же они.

---

[61] **Цицерон в книге I «Об изобретении материала»…** См.: Cic. Inv. I: 2–3.

В мирное время красноречие находит себе широкое применение в защите законности, говорит Аристотель[62] (Риторика, книга I).[63] Ведь многие люди так испорчены духовно или так скудоумны, что на них вовсе не производят впечатления голые доказательства, и они требуют украшенной и пространной речи. Итак, силой красноречия можно помочь друзьям, отразить обиды недругов, защитить невинных, покарать негодных, разоблачить козни, воспрепятствовать замыслам людей потерянных, предотвратить ущерб и опасности. Далее таким путем мы завязываем связи и поддерживаем дружбу, утешаем людей в несчастье, даем советы в самых тяжких обстоятельствах, искореняем ненависть, приобретаем расположение и улаживаем ссоры и разногласия.

Мудро Платон в «Федре»[64] говорит, что у словесного уменья и у врачевания суть одна и та же, то есть как второе полезно телу, так первое врачует души. Красноречие — опора в несчастье, а в счастливой жизни оно величайшее украшение, в особенности когда прославляются выдающиеся люди или мудрецы. Прославленная добродетель не только крепнет и растет в душе одного человека, но и других побуждает подражать ей. Кроме того, разве все прочие искусства и науки и даже сама исследовательница природы вещей философия не нуждаются в милостивой помощи красноречия? Лишенная этой помощи, философия не сможет выйти на свет и будет сокрыта в тайниках сознания одного человека. Ведь в чем заключается помощь разума, как не в том, что мысленно постигаемое мы также способны выразить словами. Поэтому правильно Туллий называет красноречие в «Ора-

---

[62] **Аристотель** (Ἀριστοτέλης); (384–322 до н. э.) — философ, основоположник формальной логики, автор работ, рассматриваемых исследователями как «Аристотелев корпус» (Corpus Aristotelicum, в том числе Риторики (Ῥητορικὴ τέχνη; Ars rhetorica), Поэтики (Περὶ ποιητικῆς; Ars poetica)), ученик Платона, воспитатель Александра Македонского.

[63] **…красноречие находит себе широкое применение в защите законности…** О применении риторики для защиты законности см.: Arist. Rh. I: 1–3.

[64] **Платон в «Федре» говорит, что у словесного уменья и у врачевания суть одна…** Сократ в диалоге «Федр» (Φαῖδρος, Phaidros) говорит о том, что «в искусстве врачевания те же самые приемы, что и в искусстве красноречия», «И тут и там нужно разбираться в природе, в одном случае — тела, в другом — души, если ты намерен пользоваться не навыком и опытом, а искусством, применяя в первом случае лекарства и питание для восстановления здоровья и сил, а во втором — беседы и надлежащие занятия, чтобы привить желательное умение убеждать и добродетель». Plat. Phaedr. 270b. Пер. А. Н. Егунова. Вероятно, ФП использовал текст Юния Мельхиора (ср.: Melch. Praec. Cap. I).

торских делениях» спутником и помощником мудрости.[65] Так обстоит дело в мирное время.

А на войне? Разве не помогает красноречие на совещаниях вождей? Разве не нужно умелого ободрения, когда осажденные охвачены скорбью и отчаянием или когда от одного вида врага воинами овладевает страх, а иногда малодушие проникает в их души, когда из-за суровых условий местности и трудных и долгих переходов они готовы бросить начатое предприятие, или когда дело клонится к мятежу, или же усталость и корыстолюбие препятствуют завершению победы? Ясно, что мало толку в орудии, если речь красноречивого человека не возбудит боевого пыла воинов к наступлению или обороне. Поэтому, по свидетельству Плутарха,[66] Филипп Македонский говаривал: «Красноречие Демосфена более спасительно для Афин, чем отвага Фемистокла».[67] И Агамемнону у Гомера требовалось для взятия Трои не десять Аяксов, а десять Несторов.[68] Таковы благодеяния красноречия в жизни общественной.

Благодеяния же красноречия в частной жизни заключаются в том, что с его помощью можно приобрести всего больше благодарности, прочные дружеские связи и глубокое расположение людей. Да и в том, что часто люди низкого происхождения становятся знаменитыми и достигают высоких степеней по общественному положению. Да и в том, что как они часто ограждают других от несправедливости, так и сами могут отвратить при-

---

[65] **Туллий называет красноречие в «Ораторских делениях» спутником и помощником мудрости.** Источник цитаты не установлен.

[66] **Плутарх** — Плутарх из Херонеи (Πλούταρχος; ок. 46 — ок. 127) — философ, автор философско-публицистических («Ἠθικά» или «Moralia») и биографических («Βίοι παράλληλοι» или «Vitae parallelae») произведений.

[67] **…по свидетельству Плутарха, Филипп Македонский говаривал: «Красноречие Демосфена более спасительно для Афин, чем отвага Фемистокла».** Источник цитаты не установлен. Фемистокл (Θεμιστοκλῆς; ок. 524–459 до н. э.) — афинский государственный деятель, полководец. Видимо, подразумевается роль Демосфена в создании войска для борьбы с Македонией: «разъезжая послом по Греции и произнося зажигательные речи против Филиппа, он (Демосфен) сплотил для борьбы с Македонией почти все государства, так что оказалось возможным набрать войско в пятнадцать тысяч пеших и две тысячи всадников, — помимо отрядов граждан». (Plut. Vitae parallelae. Dem. 17)

[68] **Агамемнону у Гомера требовалось для взятия Трои не десять Аяксов, а десять Несторов.** «Сладкоречивый вития», мудрый Нестор, царь Пилоса, «распаляет дух» героев «словом и советом» (Hom. Il, IV). Возможно, это аллюзия на Диона Хризостома: «так что и Агамемнон предпочел бы, чтобы у него было десять таких старцев советников [как Нестор], чем юношей вроде Аякса и Ахилла, ведь тогда Троя была бы захвачена быстрее». (Dion Chrysostomos. II, 21; пер. Е. В. Введенской).

чиненные им обиды. Да и в том, что тот, кто привык помогать другим советом, постоит и за себя в важных делах. Наконец, и в том, что красноречие, которое, по словам Цицерона в «Бруте», есть яркий светоч дарования,[69] делает нас восприимчивыми к учению и умелыми и подготовленными к преподаванию.

Сюда относится прекрасное рассуждение в диалоге «О славных ораторах»[70] Корнелия Тацита[71] или, как иные считают, Фабия Квинтилиана:[72] «Силу и пользу красноречия, — говорит он, — можно узнать в счастливую пору по защите и попечению, [которыми оно окружает] других [людей], а если появилась подлинная опасность, то, клянусь, панцирь и меч на войне — не более крепкая защита, чем красноречие — оборонительное и наступательное оружие для подсудимого или находящегося в опасности [человека]: им можно одинаково биться и выступать или в суде, или в сенате, или у принцепса».[73] Так говорит Тацит, и он прав. Ведь тот, кто обороняется оружием, может только воспрепятствовать несправедливости, но не доказать невиновность. А тот, кто борется с насилием силой красноречия, достигает и той и другой цели, если даже он и подчинится власти тирана или врагов, но все же он покажет всем, что он не заслужил этого, и не только близкие ему люди и соотечественники, но и чужестранцы, и даже отдаленные потомки будут ненавидеть его врагов. Сам же он сумеет заслужить у них участие.

Но разве красноречие может наделить нас благами жизни вечной? Ведь оно не может даровать нам такие блага, подательницей которых бывает только благодать всемилостивого и трижды величайшего Бога. Однако красноречие является ее как бы особой прислужницей. Ведь каким же образом чаще Бог провозглашает людям свои тайны, открывает грядущий исход дел, возвещает нечестивым свой гнев, обращает грешников, являя им, чтобы

---

[69] **Красноречие… по словам Цицерона в «Бруте», есть яркий светоч дарования.** Источник цитаты не установлен.

[70] **…рассуждение в диалоге «О славных ораторах» Корнелия Тацита…** ФП имеет в виду сочинение Тацита «Диалог об ораторах» (5). Эпитет «славных» появился вследствие контаминации с названием трактата Цицерона «О славных ораторах» (Brutus sive de claris oratoribus).

[71] **Корнелий Тацит** — Публий (или Гай) Корнелий Тацит (Publius Cornelius Tacitus, или Gaius Cornelius Tacitus; ок. 55 — ок. 120) — римский историк, оратор, писатель, автор «Диалога об ораторах» (Dialogus de oratoribus) и исторических трудов.

[72] **Марк Фабий Квинтилиан** — (Marcus Fabius Quintilianus), (ок. 35 — ок. 96) — римский ритор, учитель красноречия, автор «Наставлений оратору» (Institutionis oratoriae libri duodecim), самого полного учебника риторики античного периода.

[73] **«Силу …принцепса».** Tac. Dial. de Orat. 5. Пер. А. С. Бобовича.

они не колебались духом, свою кротость, благодать и милосердие? Действительно, если обратиться вглубь всех протекших веков и воскресить в памяти все, что Господь от начала мира когда-либо совершил для обретения вновь людьми спасения, то мы увидим, что почти все это Он совершил посредством либо свыше уделенного красноречия, либо же, хотя и человеческого, но Им вспомоществуемого. Провозвестил пришествие Сына своего через пророков, догматы веры и надлежащей жизни преподал через Самого Сына своего, это же учение провозгласил всему миру через апостолов; заблуждения еретиков Господь опроверг через ученейших и вместе с тем красноречивейших наших отцов. Наконец, когда Господь говорит с нечестивцами о спасении их трепетом и исторгает слезы, побуждает их ненавидеть нечестие, внушает любовь к нему самому, наставляет на лучший путь, Он совершает все это через угодных ему ораторов и его глашатаев — ничего нет более прекрасного и более значительного в похвалу красноречия.

Что же касается обычных упреков, что есть много людей, которые силой искусства красноречия тайно приносят государству, религии и правосудию величайший вред, спасая людей негодных от наказания, возбуждая волнения и мятежи в государстве или войске, выступая не только в защиту ереси и превратных догматов, но и истинные догматы делают предметом торга и навязывают их простакам, выдавая якобы за откровение самого Бога, то на эти упреки надлежит ответить, что эти и им подобные беды следует приписывать не самому ораторскому искусству, а тем, кто в силу испорченности своей натуры злоупотребляет этим искусством, так как, исключая добродетели, нет ни одной настолько хорошей человеческой способности, чтобы потерянные люди не могли бы злоупотреблять ею.[74] Иначе не была бы полезной и опытность в военном деле, раз многие, овладев им, возбуждают гражданские волнения, устраивают заговоры и мятежи, или медицина, по указаниям которой изготовляют и дают заведомые яды, ни диалектика, представляющая нечестивцам оружие в защиту ересей. Наконец, на этом основании мы должны были бы отвергнуть и предоставленные Богом на пользу людям дары самой природы: ведь негодные люди злоупотребляют водой и огнем на погибель праведным. Поэтому приступающие к изучению этого бесспорно превосходнейшего и наилучшего искусства пусть вместе с тем учатся быть честными и полезными для человеческой жизни. Пусть знают, что они не хуже воинов получают от вождя меч не для преследования доблести, а для того, чтобы сокрушать порок, блюсти справед-

[74] **Что же касается… злоупотреблять ею.** Аллюзия на рассуждения Цицерона о красноречивых людях, которые «приносили государствам больше вреда, чем пользы». Ср.: Cic. De Orat. I: 38.

ливость, помогать невинности, доблестно защищать отечество и Церковь. Затем, так как Христос указал, что нам придется отдать отчет не только за содеянное нами, но и за сказанное когда-либо, и если должен быть нам назначен срок для ответа за слова праздные, но все же менее вредоносные, то насколько же сильнее мы должны страшиться, чтобы нас не заставили некогда предстать перед судилищем за плохое владение таким могучим оружием, как речь?

Теперь мне остается выполнить обещанное в начале этой главы, а именно: какую пользу может принести красноречие этому нашему отечеству, преимущественно в это время, и что в особенности побуждает нас к занятиям этим искусством. Говорить об этом меня побуждает свойственное сейчас многим заблуждение, будто назначение красноречия, а стало быть, и всех усилий по овладению им, состоит в том, чтобы вежливо приветствовать гостей, провозглашать за чаркой здравицы друзьям и государям и произносить высокопарные поздравления по торжественным дням в году и в других случаях подобного рода. Я лично не исключаю и такого применения искусства красноречия, но считаю это слишком ничтожным поводом для ораторских выступлений и утверждаю, что есть очень много более значительных предметов, которые мы могли бы разрабатывать. Хотя все это легко можно понять из вышесказанного, мне хочется, однако, коснуться здесь отдельно некоторых сторон этого вопроса.

1. Итак, прежде всего, прекрасное и мудрое правление и доблестное воительство столь многих великих наших сограждан и государей доставляет нам обильный материал для прославления их, чтобы не оставалась в безвестности их доблесть и чтобы вдохновить других людей подобными примерами.

2. Далее, так как в наш век, как ни в какой другой, часты войны, то насколько содействовало бы, можно думать, увековечиванию военных подвигов, если бы вожди и многие воины в такой степени овладели оружием красноречия, чтобы суметь разжечь у других боевой пыл искусно построенной речью?

3. Если же окажется, что воины, раздраженные несправедливостью, своевольные и разнузданные, помышляют о перевороте и склоняются к мятежу (что легко может случиться при безудержном нраве нашего народа), то спрашивается, неужели же следует желать, чтобы этот пожар был потушен посредством какой-нибудь ужасной победы с пролитием крови, между тем как была такая легкая возможность противостоять и без оружия этому возмущению: здесь требуется только сила красноречия.

4. А в письмах разве у нас поле деятельности для ораторского искусства ограничено, в особенности когда приходится писать не о домашних, а о важ-

нейших государственных делах? Нет ни одного рода ораторской речи, который нельзя было бы применить в письмах: приходится просить о помощи и оказывать ее, хороших людей защищать от недоброжелательства, невиновных — от клеветы, обвинять негодяев и поругателей, поздравлять с победами, сообщать о делах граждан с союзниками, обращаться за помощью к чужеземным государям и выполнять многое другое в таком же роде.

5. И так как величие и обширность нашей империи так велики, что нужно отправлять посольства почти ко всем народам, то спрашивается, что же в этом деле соответствовало бы ее достоинству, если бы не было красноречивых людей, настолько надежных, что царь доверяет им замыслы и они умеют снискать уважение союзников к своему отечеству, поддержать достоинство государства перед врагами и таким образом выполнить данные им поручения, чтобы не оставить их незавершенными, не принуждая других со стыдом вновь браться за это дело.

6. Наконец, разве не очевидно, что наша родина, пусть даже молча, все же умоляет помочь церкви; раз замалчивается столько славных ее деяний и из всего того, что до сих пор ею содеяно, едва ли что-либо сохранено для памяти потомства. А все преданное забвению тем самым уничтожает даже великую славу; не было письменности и не было никого, кто запечатлел бы ее в исторических памятниках, составил бы повествование. Поэтому как сильно мы скорбим, оплакивая, что не дошли до нас славные примеры предков, так же сильно мы должны стремиться, чтобы совершаемые ныне деяния не остались безвестными из-за нашей косности и невежества.

7. С другой стороны, церковь с полным правом требует себе помощи мужей красноречивых. Хотя она зиждется сама по себе без всякой человеческой помощи и никогда не может пошатнуться в целом, однако отдельные части церкви часто могут испытывать значительный ущерб и поэтому настоятельно нуждаются также и в людской поддержке. И прежде всего, церкви необходима красноречивая мудрость для того, чтобы сломить дерзость еретиков.

8. Следует также возносить хвалы трижды величайшему всемогущему Богу, и хотя никакое искусство красноречия не может с ними равняться, однако если бы их чаще не внедрять в людские сердца, отупевшие и искаженные грехом, любой, даже безыскусной речью, то они оказались бы незаметными и даже совершенно неведомыми [людям]. Также и подвиги добродетели святителей и Пресвятой Богоматери следует показать народу как для подражания, так и для поклонения.

9. Здесь уместно помянуть и о письменном красноречии. Ведь прежде всего надо описывать жития святых, и в особенности святителей, которые прославились в России, чтобы, наконец, знали суетные люди и враги наши,

только и дивящиеся собственным выдумкам, что родина и религия наша богаты добродетелью, и когда-нибудь отучились упрекать нас в скудости святителей. Также подобает излагать письменно, чтобы передать потомству и другие истории о делах церковных, и о том, что творила или претерпевала церковь в прежние годы и на нашей памяти.

10. Далее, сколь велико и тягостно бремя, возложенное на плечи епископов и прочих священнослужителей, бремя ревностного просвещения, врученного им Господом народа таинствами веры и изобличения и вразумления нечестивцев?

Но каким же образом они смогли бы выполнить столь великие обязанности, если бы сами были лишены дара слова и по-детски наивны? Нельзя даже и выразить, какой опасности подвергают свое собственное спасение и какой ущерб наносят спасению других люди, незнакомые с этим искусством, если они домогаются священного сана: конечно, они считают эти обязанности [священнослужителя] выгодным приобретением для телесной пользы и источником позорных доходов. Во имя бессмертного Бога, что за слепота, что за мрак проникли в душу этих людей?

Этими великими и иными неисчислимыми благами да не будет обманута ваша вера, о юноши российские! К вашему рвению и прилежанию взывают родина и церковь. Поборите досаду, преодолейте трудности изучения, и да не раскаетесь, что вы посвятили немного времени приятнейшему делу. Это искусство так благородно и полезно, что если бы даже оно было сокрыто за пределами Океана или на краю земли, то и там его надлежало бы искать: настолько его ценность превосходит усилия и трудности, связанные с его достижением! Ныне же, поскольку представляется удобный случай для занятий, почему бы нам со всем рвением и усердием не постараться овладеть им? Поэтому теперь приступим непосредственно к его рассмотрению.

ГЛАВА III

ОПИСАНИЕ РИТОРИЧЕСКОГО ИСКУССТВА: ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, НАЗНАЧЕНИЕ И ОБЯЗАННОСТИ ОРАТОРА

Всякое методическое обучение какому-либо предмету, по словам Цицерона в I книге «Об обязанностях», должно исходить из определения,[75] чтобы было понятно, о чем идет речь. Поэтому и нам, приступающим к изложе-

[75] **…обучение какому-либо предмету… должно исходить из определения…** См.: Cic. Off. Lib. 1. II: 7.

нию искусства риторического, следует поступить так же: сначала вкратце объяснить происхождение названия «риторика».

1. Название «риторика» происходит от греческого слова rheo, что означает «говорить», отсюда «ритор» — то же самое, что «оратор»; хотя иные полагают некоторое различие между «ритором» и «оратором» и называют «ритором» учителя красноречия, «оратором» же — красноречивого человека.

2. Разные авторы дают различные определения риторики. У Аристотеля в I книге «Риторики», гл. 2 говорится: «Риторика есть искусство видеть или придумывать в каждом предмете или теме то, что в них заключается правдоподобного».[76] Последнее определение Квинтилиан не принимает («Обучение оратора», кн. II гл. 16),[77] потому что оно охватывает только одно нахождение материала.

Но если это определение рассмотреть более глубоко и «придумывать правдоподобное», распространить на все то, что требует обязанность оратора, то оно будет хорошим, как правильно считает Юний Мельхиор[78] в своем «Ораторском искусстве», гл. III.[79] Ведь оратор должен отыскивать не только содержание, но также и слова и расположение слов и содержания, как указывает Цицерон в «Риторических делениях»:[80] ведь все это вместе составляет правдоподобие. Платон[81] же в «Горгии» дает такое определение риторики: «Риторика есть то, что заключается в речи и имеет своей целью

---

[76] **У Аристотеля … говорится: «Риторика … правдоподобного».** Вероятно, это конспективное изложение разделов второй главы «Риторики», посвященных понятиям убедительного и правдоподобного.

[77] **Последнее определение Квинтилиан не принимает… («Обучение оратора», кн. II, гл. 16).** Речь идет о разногласиях Квинтилиана и Аристотеля по поводу определения риторики. По Квинтилиану риторика — искусство «хорошо говорить», по Аристотелю — говорить ясно, то есть способ изобретать убедительные аргументы. В 16 гл. II книги Квинтилиан критикует определения риторики, не соответствующие его представлениям о соотношении риторики и нравственности.

[78] **Юний Мельхиор** — Junius Melchior (1545–1604) — немецкий ученый, гуманист, профессор риторики, исследователь наследия Цицерона, Аристотеля, Фукидида и др. Автор трактата «Artis dicendi praecepta secundum officii oratorii partes breviter ex Platone, Aristotele, Hermogene, Cicerone, Herenniana magistro, Quintiliano congesta ac digesta», цитируемого ФП в «Риторике».

[79] **…в своем «Ораторском искусстве».** См.: Melch. Praec. Cap. III. Далее (примеч. 79–83 к кн. I) вероятно влияние этого текста.

[80] **…как указывает Цицерон в «Риторических делениях».** Источник цитаты не обнаружен.

[81] **Платон** (Πλάτων), (428/427–348/347 до н. э.) — философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

убеждать словом на гражданских собраниях».[82] Цицерон называет ее кратко учением о красноречии. Больше всего, однако, нас удовлетворяет определение Фабия Квинтилиана: «Риторика есть наука хорошо говорить».[83] Сам он доказывает, что риторика — искусство, благородное тем, что оно заключает в себе все отличные свойства речи и характер оратора, ибо хорошо говорить может только человек благородный. Кроме того, из этого определения, переходя от одного к другому, можно легко уяснить также содержание риторического материала, назначение и обязанность оратора.

3. Таким образом, содержание (как правильно, говорят, указал Горгий) обнимает все предметы, так как ведь все они подвергаются исследованию, и поэтому о них можно высказать какое-либо правильное [суждение]: ведь нет ничего, что бы не было бы подвластно риторическому искусству. Но, точнее говоря, не сами предметы (ибо они также могут быть содержанием других искусств), но любая [общая] тема, доступная для речи по любому предмету, служит содержанием ораторского искусства.

4. Назначение [ораторского искусства] узнай из содержания: назначение речи, конечно, то же самое, что и у расследования: ведь к чему ведет расследование, к тому же, словно к мете на ристалище, стремится и речь. Ведь это расследование является чем-то вроде слепого, но пытливого стремления ума, которое только ищет, но найти само по себе не может. Поэтому речь ведет к предмету [риторического] обсуждения, и таким образом и то и другое кончается на одном и том же пределе. Рассматривая вопрос о том, является ли данный предмет хорошим или дурным, истинным или ложным, справедливым или несправедливым, следует ли к нему стремиться или, наоборот, его избегать, мы преследуем цель выявить одну из этих двух возможностей. Отсюда ясно, что цель речи и оратора состоит в том, чтобы искусством речи удовлетворить вопрошающего. И это есть то, что иные называют убеждать красноречием. Что же касается того, что даже совершенный оратор не всегда соответствует такому своему назначению, то это зависит не от него самого и его искусства, но от упрямства, предубеждения, от плохой восприимчивости слушателей, или, наконец, объясняется другими причинами.

5. Поняв назначение оратора, легко можно понять также и его обязанность. Ведь обязанность мастера — выполнять назначение искусства. А так как назначение оратора состоит в убеждении словом, то его непременною

---

[82] **Риторика есть то, что заключается в речи и имеет своей целью убеждать словом на гражданских собраниях…** Plat. Gorg. 452: e.

[83] **Определение Фабия Квинтилиана: «Риторика есть наука хорошо говорить».** См.: Quint. Inst. II, 16.

обязанностью будет так сочинять речь, чтобы она была убедительной. Для выполнения этого условия следует найти то, что более всего подходит для данной цели; затем найденное надо расположить в надлежащем порядке; далее следует выразить это в изысканной словесной форме, применяя наиболее удачные изречения и разные словесные и смысловые обороты; все это необходимо запечатлеть в памяти и, наконец, произнести устами, соразмеряя с речью жесты и телодвижения. Поэтому обязанностью оратора является после рассмотрения всех частей речи изобретение материала, его расположение, изложение, запоминание и произнесение. Об этом я расскажу потом.

ГЛАВА IV

ЧТО СОЗДАЕТ СОВЕРШЕННОГО ОРАТОРА

Многие люди безо всяких оснований претендуют на то, чтобы высказывать свое суждение об ораторах. Их невыносимые заблуждения заставляют меня еще до изложения необходимых наставлений дать определение характерных признаков истинного красноречия, отделив его от ложного. При этом я решил сначала вкратце показать, что такое совершенный оратор. Для этого надо прежде всего знать мудрые слова Марка Туллия в его трактате «О наилучшем роде ораторов»:[84] «Ораторы, конечно, не отличаются [друг от друга] по роду [искусства], как отличаются поэты, но, подобно художникам, — по степени таланта».[85] Следовательно, могут быть прекрасные поэты в разном роде: ведь тот, кто лучше всего разработал свой род поэзии, заслужит звание наилучшего.

Так, Вергилий[86] отличается от Горация[87] и Марциала; однако всех их можно назвать наилучшими и совершенными, разумеется, каждого в своем роде [поэзии]: Горация — в лирике, Марона — в эпической поэзии, Марциала — в эпиграмме.

Напротив, ораторов существует только один род: если в этом роде будут различные [ораторы], то все их различие будет состоять в различной [степени] мастерства. Разумеется, [это происходит] оттого, что один [оратор]

---

[84] **«О наилучшем роде ораторов».** ФП имеет в виду не сохранившийся полностью трактат Цицерона «De optimo genere oratorum».

[85] **Ораторы, конечно, не различаются… как различаются поэты, но, подобно художникам, по степени таланта.** См.: Cic. Opt. gen. II: 6.

[86] **Вергилий** — Публий Вергилий Марон (Publius Vergilius Maro; 70–19 до н. э.) — поэт.

[87] **Гораций** — Квинт Гораций Флакк (Quintus Horatius Flaccus; 65–8 до н. э.) — поэт.

более совершенен, другой — менее, третий будет самым худшим. Именно таково отношение и между различными художниками. Поэтому «если кто-нибудь насчитывает больше родов ораторов (слова Цицерона), так что одних считает мощными или возвышенными, или многословными, других скудными или простыми, или краткими, третьих промежуточными между ними и как бы средними, но он говорит кое-что о людях, о предмете — мало. Ведь относительно предмета стараются узнать, что [в нем] наилучшее, относительно человека, — что есть».[88] И мне кажется даже, что такое мнение [Цицерона] относится не к высоким качествам ораторов [вообще], но он судит [лишь] о том, какое достоинство у каждого отдельного [оратора]; лучше же всего изложить все достоинства оратора. Поэтому:

1. Первым отличительным свойством совершенного оратора является то, что он имеет не только некоторые из этих достоинств, но будет обладать всеми ими, если его истолкование отличается изяществом, изложение — строгостью, шутки — остроумием, доводы же будут страстными и красноречивыми, и если, наконец, он будет оценивать вопросы стиля не по собственному усмотрению, а исходя из требования самого существа дела и условий времени. Однако этот последний признак известен только лицам, основательно знакомым с этим искусством. Но здесь мы ставим вопрос о том, по каким же соображениям даже люди, не сведущие в искусстве красноречия, могут узнать, что такое совершенный оратор?

Второй отличительный признак дает Цицерон в «Ораторе», именно: наилучший оратор тот, кого народ считает наилучшим, т. е. кто нравится слушателям.[89] Весьма разумное суждение! Ведь риторика есть искусство хорошо говорить, а хорошо говорить именно и значит говорить так, чтобы слог нравился людям. И того, кто говорит так, следует признать говорящим по всем правилам искусства.

Здесь, однако, надо сделать одно исключение. Прежде всего, слушатели должны быть свободны от всяких страстей: любви, лести, предубеждения в силу родственных связей, гнева, зависти, вражды. Ведь люди, волнуемые такими страстями, не способны высказывать правильного суждения и зачастую хвалят плохих ораторов, а хороших порицают.

Так, сын всегда особенно нравится родителям и родственникам. И я полагаю, что филиппика, произнесенная в присутствии Антония, показалась ему не только неприязненной речью, но и несовершенной по ораторскому искусству.

---

[88] **…если кто-нибудь насчитывает больше родов ораторов (слова Цицерона)…** Пересказ Cic. Orat. 16.

[89] **Цицерон в «Ораторе», именно: наилучший оратор…** Пересказ Cic. Orat. 8.

И многим по этому поводу можно было бы напомнить известный стих Марциала:

Не ты, а обед твой красноречив.[90]

Ведь в отношении ораторов можно сказать совершенно то же самое, что применил к поэтам Луцилий:[91]

Лучшим поэтом считается тот, кто дает критикам лакомые кусочки.[92]

2. Впрочем, из состава судей или критиков в особенности следует устранять тех, кто усвоил ранее воспринятые ложные теории и правила ораторского искусства. Ведь таких судей привлекают какие-то пошлые бессмыслицы, необыкновенные слова, навязчивые изречения и манерные аллегории. Если они, услышав даже подлинно красноречивого оратора, не находят в его речи привычного для них вздора, то осудят его как неумелого и неискушенного в ораторском мастерстве.

3. Третий признак совершенного оратора мало, но все же отличен от предшествующего; именно если оратор без утомления удерживает внимание слушателей. Впрочем, когда оратор действительно нравится слушателям, он не может вместе с тем не удерживать их внимания. Однако зачастую мнимо привлекательный оратор вовсе не может овладеть вниманием тех же слушателей, которым понравился, и быстро им надоедает. Но внимание слушателей можно удержать лишь в том случае, если речь будет сильной и приятной: ведь это означает проявлять некоторым образом власть над природой. В таком случае нужно признать оратора хорошим, если во время его речи собрание хранит молчание: более замечательным будет тот, кого слушают с большим вниманием; но, конечно, величайшим оратором надо считать такого, «если его слушатели (по словам Сенеки о Крассе) боятся, как бы он не перестал [говорить]».[93]

4. Еще более верным представляется суждение об ораторе по его дарованию: если оратор в одной и той же речи способен удовлетворить вкусам людей разного звания и состояния, т. е. образованным и невежественным, великим и малым, горожанам и крестьянам. Ведь он может проявить эту

---

[90] **Не ты, а обед твой красноречив.** См.: Mart. VI, 48.

[91] **Луцилий** — Гай Луцилий (Lucilius, Gaius, 180 — ок. 102 до н. э.), римский поэт, создатель римской сатиры.

[92] **Лучшим поэтом считается тот, кто дает критикам лакомые кусочки**. Источник не установлен.

[93] **…его слушатели (по словам Сенеки о Крассе) боятся, как бы он не перестал [говорить].** См. примеч. 6 к кн. I.

способность только после отличного обучения искусству красноречия. Такова, поистине, мудрость, обладающая даром речи! Этой-то мудростью и обладал Василий Великий,[94] по свидетельству Эразма Роттердамского.[95] Василий Великий так умел приспособить речь к настроению и слуховому восприятию толпы, что был понятен также и людям неученым, и образованные [люди] ему дивились. Весьма редкой похвалой ораторам служат слова того же Эразма о Василии Великом: «Если оратор так осуждает дурные нравы людей, что даже можно полюбить самого порицателя».[96]

5. Предпочтительнее, однако, судить об ораторе по воздействию речи на слушателей, если, разумеется, он в своей речи излагает важные и трудные для восприятия материи и если он побуждает и склоняет слушателей к чему угодно; цели же своей он не достигнет, если не будет хорошо знать всех средств, которые способствуют этому. А эти средства и есть искусство, которым прославились Цицерон, Демосфен, Златоуст, Назианзин,[97] Василий и другие. Из них первый убедил народ отвергнуть желательный для самого народа закон, другой разжег пламя войны против могущественного врага, третий смягчил [сердце] варварского вождя, раздраженного им самим, четвертый отвратил императора от злодеяния, и пятый, наконец, победил зависть славой красноречия.[98] Таким образом, мы можем по выражению лица слушателей заключить об искусстве красноречия говорящего, если, разумеется, в ответ на радостные слова оратора лица слушателей радостно расцветут, на исполненные ужаса — покроются мертвенной бледностью, на гневные — засверкают пламенем, на жалобные — глаза их начнут

---

[94] **Василий Великий** — Василий Кесарийский (Μέγας Βασίλειος, Βασίλειος Καισαρείας; ок. 330–379) — церковный писатель и богослов, автор ок. 300 проповедей и писем, Отец и Учитель Церкви.

[95] **Этой-то мудростью и обладал Василий Великий, по свидетельству Эразма Роттердамского.** Эразм Роттердамский — Дезидерий Эразм Роттердамский (Desiderius Erasmus Roterodamus; 1469–1536) — ученый, писатель, богослов, комментатор греческого оригинала Нового Завета. О мудрости Василия Великого Эразм Роттердамский пишет в произведении «Диатриба, или рассуждение о свободе воли» («De libero arbitrio»), а о необходимости изучать красноречие и читать сочинения языческих авторов (со ссылкой на авторитет Василия Великого) — в «Оружии христианского воина» (Enchiridion militis Christiani).

[96] **…слова … Эразма о Василии Великом: «Если оратор…».** Источник цитаты не установлен.

[97] **Назианзин** — Григорий Назианзин (Γρηγόριος Ναζιανζηνός; Γρηγόριος ὁ Θεολόγος; 329–389) — богослов, архиепископ Константинопольский, один из Отцов Церкви, друг Василия Великого.

[98] **…первый убедил…, другой разжег…, третий смягчил…, четвертый отвратил… пятый…** См. примеч. 15, 17–19, 22 к кн. I.

источать слезы. Отсюда возникла пословица: слезы слушателей — похвала оратору.[99]

ГЛАВА V

О НЕДОСТАТКАХ ИСКАЖЕННОГО КРАСНОРЕЧИЯ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О НАПЫЩЕННОМ СТИЛЕ, ОБЕЗЬЯННИЧАНИИ, ХОДУЛЬНОСТИ (ХОЛОДНОСТИ), РЕБЯЧЛИВОСТИ И ЛОЖНОМ ПАФОСЕ

Таковы характерные признаки, по которым можно распознать совершенного оратора. Однако нельзя понять, какое же достоинство делает его совершенным или что надо нам делать, чтобы стать таковыми или получить хотя бы надежду на это, если мы сначала не поймем отличия ложного красноречия от истинного.

Итак, существует много недостатков, которым иные дивятся, словно каким-то достоинствам — «обманутые видимостью истины», как говорит знаменитый поэт, — и, что еще хуже, где они не видят этих недостатков, там, по их мнению, нет и искусства красноречия. Нам, следовательно, нужно сказать здесь кое-что о каждом из этих недостатков в отдельности, чтобы выявить их уродство: ведь блуждающим не нужно советника, но необходим проводник и наставник, чтобы не сбиться с пути.

1. Прежде всего, нам предстоит чудовище огромное и отвратительное,[100] но всюду встречающееся — некий пухлый и надутый род красноречия.[101] Название свое он получил от опухлости больного тела; ведь подобно тому, как на теле ввиду скопления в одном месте какой-то вредоносной жидкости появляется вместо мяса и здорового сока опухоль, так и речь, пораженная этим пороком, страдает от некоторых лишних слов. Проявляется этот порок в словах или во фразах, или же в том или другом [вместе].

В словах — когда скопляются старинные, устарелые ныне или новые, или чужеземные слова из-за их торжественного звучания, или потому, что они вызывают чем-то удивление у людей необразованных. Этим пороком

---

[99] **…слезы слушателей — похвала оратору.** Источник цитаты не установлен. Общее место. См.: Cic. De Orat. I: 53; Cic. De Orat. II: 45 etc. См. также: Ломоносов. «Краткое руководство» §121.

[100] **…чудовище огромное и отвратительное…** Возможно, это аллюзия на описание Полифема в «Энеиде». Ср.: Verg. A. III: 658. Общее место в риториках и поэтиках.

[101] **…пухлый и надутый род красноречия…** Caus. De El. Lib. II. Cap. II. S. 79.

страдал, как говорит Каузин[102] со слов Афинея,[103] Дионисий, тиран Сиракузский,[104] который, между прочим, называл девушку не parthenon, а menandron, как бы «ожидающая мужа».[105]

Или когда слова употребляются как смелые и тяжеловесные метафоры, хотя бы в силу большего, чем требует содержание, их сходства, например, такие выражения у Тертуллиана[106] «Против гностиков»: [107] «пыл гонения» и у Горгия: «коршуны — живые могилы»; [108] или слова ученые, но нелепые по смыслу, и обиходные, но поставленные не на своем месте, отобранные только для того, чтобы произвести впечатление пышности.[109] Ученые порицают Горгия за то, что тот назвал Ксеркса[110] «Юпитером персов».[111] Страдающий такой болезнью не скажет «перемена», но «катастрофа», не скажет «утонул», но «поглощен пастью моря», и назовет солнце не иначе, как «Фебом» или «Титаном», постыдится сказать «Луна», но будет именовать

---

[102] **Каузин** — Коссен Никола (Caussin[us] Nicolas; 1580/83–1650/53) — педагог, писатель, автор руководства «О духовном и светском красноречии» (De eloquentia sacra et humana), а также религиозных сочинений.

[103] **Афиней** — Афиний Навкратийский (Ἀθήναιος Ναυκρατίτης, позднегреч. Ἀθηναῖος Ναυκρατίτης, Athenaeus; III в.) — писатель, автор произведения «Софисты на пиру» (Deipnosphistai).

[104] **Дионисий, тиран Сиракузский** — Дионисий Старший, или Дионисий I (Διονύσιος; 431/430–367 до н. э.) — военачальник, тиран города Сиракузы, организатор военно-политического союза городов Сицилии. Вероятно, ФП упоминает о нем как о плохом литераторе в связи с его попытками писать стихи, осмеянные современниками.

[105] **Этим пороком страдал, как говорит Каузин со слов Афинея, Дионисий, тиран Сиракузский, который, между прочим, называл девушку не parthenon, а menandron, как бы «ожидающая мужа».** Caus. De El. Lib. II. Cap. II. S. 80.

[106] **Тертуллиан** — Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (Quintus Septimius Florens Tertullianus; ок. 160 — после 220) — раннехристианский писатель, богослов.

[107] **«Против гностиков»…** Видимо, речь идет о произведении Тертуллиана «Противоядие против гностиков» (Adversus Gnosticos Scorpiace). Автор опровергает возражения сектантов-гностиков против христианского мученичества.

[108] **…у Горгия: «коршуны — живые могилы»…** Речь идет о Горгии Леонтинском. Коршуны названы живыми могилами из-за того, что едят мертвечину. См.: Ps.-Long. Περί ὕψους. III: 2.

[109] **…например, такие выражения у Тертуллиана «Против гностиков»…** Этот и все следующие далее примеры (до «вино» — «Вакх») взяты из главы «De Stylo inflato». См.: Caus. De El. Lib. II. Cap. II. S. 81–82.

[110] **Ксеркс** — Ксеркс I (Ξέρξης, Xerxes, Xerses; ок. 520–465 до н. э.) — персидский царь, сын Дария I.

[111] **Ученые порицают Горгия за то, что тот назвал Ксеркса «Юпитером персов».** Речь идет о Горгии Леонтинском, который назвал Ксеркса «Зевсом персов», а не «Юпитером». У греков главный бог — Зевс, а у персов — Ксеркс I. См.: Pseudo-Longin. Περί ὕψους. III: 2.

ее «Цинтия». Также он всегда и везде будет употреблять вместо «вода» — «Фетида» или «Нептун», вместо «война» — «военный плащ», вместо «мир» — «тога»; вместо «мужественный» — «Геркулес», вместо «огонь» — «Мульцибер»,[112] вместо «вино» — «Вакх».[113] В выражениях проявляется напыщенность, когда они употребляются в необычном, гиперболическом смысле, неестественно и сверх меры, причем слова берутся общепринятые. Например, когда какой-то панегирист говорит, что само небо потрясено красотой королевы, а Юнона покраснела от стыда при ее появлении; существуют две польских королевы: одна — небесная, другая — земная, и та и другая — Марии.[114] В таком же роде выражения: «во что ни ступит, становится розой», или когда говорят в похвалу людей заурядных: «славу твою мир не приемлет»; или: «за геркулесовыми столпами прошел слух о твоем славном имени».

Но, безусловно, худшим видом напыщенности будет тот, когда даже по незначительному и маловажному поводу заставляют играть какую-то роль Ганнибалов, Александров, Пирров и спартанцев и, кроме того, еще всех богов и богинь. Бесчисленные примеры такого рода торжественного красноречия можно найти у польских ораторов. Один образец такой речи при поднесении венка новобрачной я здесь привожу: «Великолепному дворцу необходимы стены или валы; и высокие троянские башни; не только дворцы ничего не стоят, если их не опоясывают насыпанные валы или крепкие стены. И сегодня дворец приязни в сердце вельможной панны обнаружил его милость NN и, желая придать ему крепость, старается окружить его валом, и тут он едва начнет раздумывать о каких-нибудь великолепных валах, [потому что] готовое к дружеским услугам расположение в одно мгновение насыпало крепкий вал и он пришелся тебе по сердцу, и поэтому им он окружает основанный в сердце вельможной панны дворец приязни. И вот

---

[112] **Мульцибер** (миф.; Mulciber) — Вулкан, бог огня, покровитель кузнечного дела.

[113] **Страдающий такой болезнью… Вакх.** ФП обращается к этой теме и в трактате «О поэтическом искусстве», где использует это общее место, чтобы показать, что «не следует вмешивать языческих богов и богинь в какие-либо дела нашего Бога или также обозначать именами богов доблести героев». ФП «Поэтика». С. 403.

[114] **…две польских королевы: одна — небесная, другая — земная, и та и другая — Марии…** Имеется в виду Пресвятая Дева Мария. Королевой Польши Дева Мария была провозглашена в 1656 г. королем Яном Казимиром, и этот титул распространен у польских католиков. ФП негодует по поводу этого фрагмента из-за получившейся грубой двусмысленности: можно подумать, что речь идет не о двух ипостасях Девы Марии, а о Деве Марии («небесной») и «земной» Марии — супруге короля Яна Собеского Марии Казимире Луизе де Ла Гранж д'Аркьен (Marie Casimire Louise de La Grange d'Arquien; (1641–1716)).

в таких, а не в других валах нуждается приязнь, на которых бы расцветали прекрасные цветы расположения [ее]. Как Нептун на бурных водах наслаждается прозрачными валами, а Марс — высоко насыпанными земляными, так и приязнь — свитыми из цветов»[115] и т. д.

Таких пустозвонов Марциал пробрал в изящной и весьма остроумной эпиграмме[116] под именем некоего оратора Постума,[117] который, выступая в суде по делу о краже трех коз, нагромоздил в своей речи в одну кучу Муциев,[118] Мариев[119] и Сулл,[120] да еще и разные войны:

Не о насилии, не об убийстве или отраве
Я разбираюсь судом, а о трех только козах;
Жалуюсь, что сведены они кражей соседа.
Требует в этом судья себе доказательств:
Ты о Каннах и о войне Митридатской,
И о предательствах всех злобы пунийской,
И о Суллах да Мариях, и о Муциях громким
Голосом только звонишь, махая рукою,
Да скажи же, Постум, о трех-то ты козах.

2. От этого гнусного чудовища происходят и другие отвратительные пороки, столь же мерзостные, хотя и мало в чем от него отличные. Но все же сам вид этих пороков обнаруживает их родство. Прежде всего, это неумелое подражание, обезьянничание или, как иные говорят, подражательный

---

[115] **…великолепному дворцу … из цветов.** В оригинале текст на польском языке. Источник цитаты не установлен.

[116] **Таких пустозвонов Марциал пробрал в… эпиграмме…** Mart. VI, 19. Пер. А. А. Фета.

[117] **…оратора Постума…** В эпиграммах Марциала Постум — собирательный образ: «Не скажу ни за что, напрасны просьбы, кто такой этот Постум в нашей книжке». Mart. II. 23.

[118] **Муциев… Муций** — Квинт Муций Сцевола (Quintus Mucius Scaevola, (140–82 до н. э.) — римский политик, знаток права. Имена собственные перечислены в функции нарицательных. С Суллой враждовали оба Мария (отец и сын). Гай Марий Юниор пытался поднять мятеж против Суллы, за что был изгнан Суллой из Рима. Сцевола был убит по приказу Мария. Это перечисление персон, враждовавших при жизни, демонстрирует, по мнению ФП, что в тексте нельзя «нагромождать» несоединимое.

[119] **Мариев… Марий** — Гай Марий Младший (Gaius Marius (Iunior); ок. 109–82 до н. э.) — римский военный и политический деятель, сын Гая Мария Старшего. См. примеч. 10–11 к кн. I.

[120] **Сулл… Сулла** — Луций Корнелий Сулла Счастливый (Lucius Cornelius Sulla (Felix); 138–78 до н. э.) — римский государственный деятель и военачальник, организатор проскрипций.

стиль дурного вкуса.[121] Это не что иное, как скверное подражание хорошему чужому. Например, если кто-нибудь, прочитав в VI книге «Энеиды» Вергилия о нисхождении Энея в преисподнюю под водительством Сивиллы, стал бы таким же образом описывать сошествие во ад Господа Христа[122] и сказал бы, что Христос нисшел туда в сопровождении ангелов и принес какую-то дань Прозерпине,[123] а затем, увидев разные казни грешников, спросил, кто это испытывает такие мучения; когда же дошел в своем странствии до всевозможных чудовищ, то в страхе схватился за оружие и т. д. Или когда оратор, услышав, что Цицерон, Златоуст и многие другие скромно упоминали о своих подвигах и благодеяниях народу, и сам отважится на подобные декламации о себе, хотя он выступал еще только впервые или немного раз.

Сюда же следует отнести недостаток, состоящий в следующем: многие ораторы настолько желают быть цицеронианцами, что пишут речи почти теми же словами, какие и Цицерон употреблял в своих речах, и зачастую выхватывают у него целые периоды. Этот порок проявляется одинаково в словарном составе и содержании двояким образом.

1. Когда подражание нелепо, то есть когда схожую с какой-либо нашу мысль мы относим к несхожему содержанию.

2. Когда подражание неумеренно: если мы подмечаем у какого-нибудь автора начало и конец, слова и число слогов и другие мелочи и вставляем все это в нашу речь.

3. Напротив, ходульный стиль (что бы об этом иные ни думали, а я буду говорить здесь, опираясь на мнения ученых критиков; на основании этих мнений, когда они обвиняют кого-либо в ходульности, легко можно понять, в чем она состоит), ходульный стиль, повторяю я, есть мертвое содержание под наружным покровом внушительных слов; иными словами, такое содержание с первого взгляда сулит нечто замечательное, чего не ожидаешь, но если подвергнуть его более глубокому рассмотрению, то мы найдем его совершенно бессмысленным или же вычурным и смешным.

К такому роду принадлежат известные высказывания, которые ораторская чернь обычно называет остротами. Ведь когда подобные ораторы желают высказать какое-нибудь остроумное утверждение, они часто делают это в виде вычурных и незначительных по содержанию фразок. В самый

---

[121] **…подражательный стиль дурного вкуса.** См.: Caus. De El. Lib. II. Cap. III. S. 83–84.

[122] **…в VI книге «Энеиды» Вергилия о нисхождении Энея в преисподнюю…** См.: Verg. A. VI.

[123] **Прозерпина** — Прозерпина (Proserpina; миф.) — богиня подземного царства (греч. соотв. — Персефона).

день рождения Александра Великого, как передают, сгорел знаменитый храм Дианы Эфесской.[124] Тогда некий пошлый софист по имени Гегесий,[125] восхваляя Александра, между прочим привел следующее, как ему казалось, остроумное изречение: «Вовсе неудивительно, что храм Дианы сгорел от столь страшного пожара, так как богиня была отвлечена повивальными хлопотами и заботами во время родов Олимпиады, матери Александра, и не пожелала потушить огня».[126]

По словам Плутарха,[127] эта острота была столь «холодной», что ее «холода», казалось, было достаточно, чтобы заморозить пламя пожара Эфесского храма.[128] Таким же образом какой-то оратор из современных, восхваляя короля польского,[129] говорил, что он потому сам присудил свою речь к виноградному прессу, словно к пытке, что даже если бы она была черной (т. е. написана черными буквами), то все же проникла бы между царским златом и пурпуром. Некоторые часто желают также высказывать изречения, но, однако, говорят только пустые слова.

Несколько таких «холодных» изречений, что еще более удивительно, ученые критики подметили даже у Сенеки Трагика. Вообще же, подобно тому, как пыл речи можно назвать некоей силой и живостью чувств, так при отсутствии этой силы и живости речь надо считать «холодной». Вот тебе такого рода «стужа» вместе с прочим вздором.

Слово на погребение его милости N, который имел в своем гербе топор.[130]

---

[124] **…храм Дианы Эфесской…** Храм Артемиды в Эфесе — одно из семи чудес света, находился в греческом городе Эфесе. Первый крупный храм был сооружен в середине VI века до н. э., сожжен Геростратом в 356 году до н. э., в ночь, когда в Пелле, столице Македонии, родился будущий Александр Великий. Точная дата рождения Александра неизвестна, но легенды о предзнаменованиях в жизни великих людей — общее место в риториках.

[125] **…пошлый софист Гегесий…** Гегесий из Магнесии (Магнесийский; Ἡγησίας ὁ Μάγνης) — оратор середины III в. до н. э., автор не сохранившейся истории Александра, родоначальник азианского стиля. Цицерон отзывался о нем пренебрежительно, что, видимо, и сказалось на отношении к нему ФП.

[126] **В самый день рождения Александра… сгорел храм Дианы Эфесской.** Это пересказ главы «Цезарь» (Плутарх. «Сравнительные жизнеописания»), переведенной Г. А. Стратановским и К. П. Лампсаковым до работы над «Риторикой» ФП.

[127] **…острота была столь «холодной», что ее «холода» … было достаточно…** См.: Plut. Vitae parallelae. Alex. II. Пер. М. Н. Ботвинника и И. А. Перельмутера.

[128] **В самый день… храма.** Стилистический комментарий заимствован из: Caus. De El. Lib. II. Cap. IV. S. 85.

[129] **…какой-то оратор из современных…** Имя оратора не установлено.

[130] **Слово на погребение его милости N, который имел в своем гербе топор.** Будучи одним из старейших гербовых изображений, топор впервые использован в польском

«Ошибся бы тот, кто счел бы умершим его милость. Он жив, никогда не мог умереть и умереть не сможет, известным свидетельством чего является его гербовый топор, который символизировал даже на самых могилах память, и тем более вечность жизни. Ты живешь вечно, блаженной памяти господин, в бессмертных деяниях, живешь в царственных заслугах. Ведь не чем иным пользовались могущественные [люди] и римские короли, а только твоим топором, который был символом царского могущества в такой степени, что служит Юпитеру скипетром. Но не только здесь твой гербовый топор почитается, а даже сам высочайший Юпитер им пользовался и присвоил его себе не только в качестве скипетра, но даже и собственного герба. Поэтому [как] древность изображала Юпитера с топором, так и твоя доблесть, еще в древности [приобретенная], в гербе твоем не может умереть. Живет и слава перед родиной, [слава], которую некогда предсказал Меркурий золотым топором и т. д.»[131]

Эта речь столь холодна, что вызывает у меня подозрение: если бы [люди], оплакивавшие этого покойника, услышали ее, то их слезы бы замерзли. Таких ораторов Марциал осмеивает весьма остроумно в лице некоего оратора Сабинея, в книге III, эпигр. 29, к Фаустину:

Коль остудить, Фаустин, такое горячее хочешь
Ты купанье, куда Юлиан бы вошел через силу,
Ты попроси, чтобы в нем искупался ритор Сабиней.
Остудить бы он мог хоть самые термы Нерона.[132]

4. Ребячливым стилем называется некоторая чрезмерная манерность в изображении незначительных забав. Например, если какой-нибудь оратор считает нужным вставлять в свою речь ласкательные слова и нежные фразы, словно какие-то погремушки. Страдающие этим пороком преднамеренно вставляют всюду в речь нежные, мягкие и приятные слова и выражения, не обращая, однако, никакого внимания на то, допускает ли содержание подобные красоты стиля. Действительно, будет ли содержание серьезным, героическим, божественным или же скорбным и трагическим, они излагают его с женственной сладостностью и своей легковесностью погрешают про-

---

гербе в XIII в. и в дальнейшем был распространен в основном в Кракове, Люблине, Сандомире.

[131] **Ошибся бы тот… топором.** В оригинале текст на польском языке. Источник цитаты не установлен.

[132] **Марциал осмеивает… в лице … Сабинея, в книге III, эпигр. 29, к Фаустину.** См.: Mart. III, 25. Пер. А. А. Фета. Фаустин — Гней Миниций Фаустин (Gnaeus Minicius Faustinus; 2-я пол. I в.) — римский политический деятель.

тив уместного. Они стремятся также к украшению как слов, так и содержания своей речи. Если прочесть их речь, то, по словам Сенеки, бросится в глаза следующее: это те люди, что всегда расхаживают по городу, развязав туники.[133] Поэтому они стремятся употреблять только более изящные риторические фигуры, которые более редко встречаются, как например: концовка, сходство падежных окончаний, антиметабола, частые и не необходимые повторения, изящные парономасии, метафоры и аллегории, взятые от предметов нежных, затем ходульные восклицания, приведение стихотворных примеров[134] [из древних], вызывающие смех мольбы, женские вопли. И подобно тому, как страдающие пороком напыщенности выдумывают, по словам Горация, «полуторафутовые слова»,[135] так эти «изысканные» ораторы всюду ищут слова уменьшительные, ласкательные, приличные устам лепечущих девочек, а не мужей. Ведь они до тошноты нагромождают вычурные украшения и прикрасы: глазки, зеницы, губки, садики, цветочки, гвоздики, маленькие волны, фавонии,[136] зефиры, кораллы, кристаллы, драгоценные камешки, жемчужины, мед, нектар, амброзию, бальзамы и т. д. Они любят составные прилагательные и весь поэтический слог, так что подобный стиль следует назвать скорее женственным, чем ребяческим. Знаменитый пример ребячливости — стихотворение императора Адриана, преданного в жизни радостям и на пороге смерти обратившегося к своей душе с такими словами:

Душа моя, скиталица
И тела гостья — спутница!
В какой теперь уходишь ты
Унылый, мрачный, голый край,
Забыв веселость прежнюю.[137]

Заметь, что этот ораторский стиль не всегда является порочным: им пользуются и отличные ораторы, но только по следующим двум причинам.

---

[133] **…это те люди, что всегда расхаживают по городу, развязав туники.** Seneca. Ad Luc. Ep. mor. CXIV: 6. Ср.: Caus. De El. Lib. II. Cap. V. S. 86.

[134] **Поэтому они… примеров…** Пересказ главы «De Stylo puerilli». См.: Caus. De El. Lib. II. Cap. V. S. 86.

[135] **…по словам Горация, «полуторафутовые слова»…** Sesquipedalia verba (т. е. непомерно длинные слова). Определение Горация. См.: Hor. Ars. 95–97.

[136] **Фавоний** — бог западного ветра (римск.), Зефир (греч.).

[137] **…стихотворение императора Адриана…: Душа моя, скиталица…** Стихотворение римского императора Адриана (76–138) было приведено Элием Спартианом (Scriptores Historiae Augustae. I. XXV. 9) и впоследствии вызвало много подражаний. Пер. Ф. А. Петровского. Ср.: Caus. De El. Lib. II. Cap. V. S. 86.

Во-первых, если этот стиль требуется самим содержанием. Во-вторых, если его все-таки очень редко применяют, и сама сладостность такого стиля намеренно смягчается некоторой кислотой, т. е. словами более значительными и простыми. Относительно поэтов, особенно тех, которые сочиняют элегии, оды или эпиграммы, следует держаться иного взгляда: ведь для них такой стиль легко допустим в силу нежного характера предмета поэзии, при условии, однако, редкого и умеренного его применения. Любой оратор, по своей склонности или ради шутки, может также заниматься такими забавами, но только иронически или чтобы задеть кого-нибудь. Напротив, применение [этого стиля] в предметах серьезных недопустимо.

5. Далее, существует род недостатка [стиля], совершенно отличный от ребячливости, который называют парентирсом:[138] в нем есть сходство с людьми опьяненными и исступленными. Тирс ведь — это жезл, обвитый ветвями, который носили вакханты, т. е. [люди] в исступлении справляющие празднества в честь Вакха. Таких вакханок — носящих тирсы киконских женщин[139] — Овидий описал в XI книге «Метаморфоз».[140] От этого произошла поговорка: называть людей thyrso percussos, т. е. исступленными.[141]

Отсюда ясно, что такое стиль парентирса,[142] т. е. это стиль, подобный тирсу: когда кто-нибудь по поводу предметов незначительных или совершенно ничтожных охвачен слишком сильными чувствами: восклицает, негодует, выкрикивает, извергает страшные проклятия и угрозы, умоляет всех богов и богинь, заявляет, что не хочет жить от позора, хотя тяжба идет о трех козах. Затем, если надо о чем-либо говорить медленно, если, разумеется, сюжет заурядный или не столь значительный, то такой оратор скажет, что не знает, откуда начать, где кончить, а также измыслит, что он охвачен

[138] **Парентирс —** термин риторики, обозначающий неестественный и неумеренный пафос, не соответствующий времени и месту. Описание парентирса в сравнении с пафосом дано в трактате Псевдо-Лонгина «О возвышенном». См.: Ps.-Long. Περί ὕψους. III: 1,4; III: 5. Тирс — украшенный листьями и цветами жезл из дерева, атрибут Диониса.

[139] **…киконских женщин…** Киконы (киконцы) — народность Фракии, родины мифического музыканта Орфея.

[140] **Таких вакханок… Овидий описал в XI книге «Метаморфоз».** Речь идет об одной из версий гибели Орфея: «На певца нападают и мечут / Тирсы в зеленой листве, — служений иных принадлежность!» Ovid. Met. XI, 1–10.

[141] **От этого… поговорка: называть людей thyrso percussos, т. е. исступленными.** Устойчивое словосочетание ФП ошибочно связывает с Овидием: оно есть и у Лукреция (см.: Lucr. De Rerum Natura I, 925). Благодарим за уточнение М. Ю. Шевченко.

[142] **Стиль парентирса…** Описание стиля со ссылкой на Овидия, вероятно, заимствовано у Коссена (глава «De Parentirso»). См.: Caus. De El. Lib. II. Cap. VI. S. 88.

неким аполлоновским вдохновением (которое поэты называют энтузиазмом) и восхищен на небо, нисшел в преисподнюю или унесен к Геркулесовым столпам.[143] И подобно тому, как страдающие пороком ребячливости полны каких-то претензий, так и эти thyrso percussi всегда стремятся без нужды к трагическим предметам, исполненным трепета и ужаса. Одним словом, это некая исступленная и неистовая речь; ясно, что она более похожа на речь напыщенную, если только она не отличается еще большей страстностью. Легко подыскать бесчисленные примеры такого рода речи. Приведем, однако, только одну следующую эпиграмму красноречивого, если угодно богам, политика, в которой он резко нападает на людей, одетых в голубую одежду:

Зачем ты препираешься с небом, о человеческая гордыня,
Уже обвивая свои кости цветом неба,
Землю на себя поднимаешь, земля носит тебя.
Ведь внешней пышностью ты себя приравниваешь небу.[144]

ГЛАВА VI

О НЕДОСТАТКАХ ШКОЛЬНОГО БУКВОЕДСТВА ПОЭТИЧЕСКОГО: АФФЕКТИРОВАННОГО ИЛИ АЛЛЕГОРИЧЕСКОГО, НИЗКОГО, ГРУБОГО И Т. Д.

1. Речь школьного стиля это — понятно — не речь, сочиненная по правилам ораторской школы, но написанная в манере, легко выдающей ремесло и отзывающей школьными упражнениями. Здесь я говорю о трех видах этого недостатка.

Первый вид, когда речь, касающаяся вопросов важных, например, относительно государственных или религиозных дел, риторически украшена в обычном стиле школьных упражнений, с тщательным до тошноты соблюдением ораторских приемов. Ведь не для всякой темы необходимо вступление, и не всюду уместно вставлять целиком заключение, и другие части также не всегда надо применять безрассудно. Поэтому совершенное искусство состоит не только в том, чтобы изучить все правила и приемы, но также

[143] **…унесен к Геркулесовым столпам…** Фразеологизм «дойти до Геркулесовых столпов» означает «дойти до предела, до высшей точки чего-либо предосудительного». ФП так выражает иронию по отношению к поэтическому экстазу (ср.: ФП «Поэтика». С. 345–346).

[144] **Зачем ты препираешься с небом… себя приравниваешь небу.** В оригинале текст дан на польском языке. Источник цитаты не установлен.

и в знании исключений из них. Многие не понимают этого и как раз погрешают против искусства, в особенности тогда, когда стремятся педантично соблюдать его правила.

Второй вид школьного стиля в некотором смысле еще более отвратителен: если какой-нибудь оратор приводит в своей речи даже ораторские термины, которыми его наставники именуют части речи и свои правила, и тотчас же говорит, что уже упомянул два или три из них в «кратком изложении», этим он уже достаточно доказал свой тезис и теперь переходит к «опровержению доказательств» противника; как только он это закончит, сейчас же последует «заключение».

Третий вид не лучше; когда в деле важном или в речи перед народом некоторые ораторы в погоне за остроумием тщательно, как на диспуте, излагают и разъясняют школьные темы или затрагивают вопросы философские и богословские, очень мало или вовсе не относящиеся к делу, например, о предопределении и предустановлении, о небесных явлениях, о противодействии и т. д. И чтоб слушатель не подумал, что ораторы об этом услышали от других, а не сами узнали, они воспользуются его склонностью к такого рода блистательной речи и скажут, что они узнали и то и другое, когда были в философском и богословском классах. Таким же образом они упоминают и о прочих науках, чтобы кто-либо не подумал, что они в них несведущи.

Весь смысл так называемого поэтического стиля проявляется, когда речь подражает поэтическому произведению и отступает от ораторского количества; этот недостаток можно наблюдать в трех видах: в словах, в содержании и в ораторском ритме.

В словах, когда выбирают слова, свойственные только поэзии; причем одни слова употребляются в собственном смысле, другие — в переносном. Слова, взятые в свойственном смысле, можно узнать, читая поэтов и сравнивая их с книгами ораторов; например, «глаголать» вместо «говорить», «порождение» вместо «сын», «твердь» вместо «земля», «влага» вместо «вода», «небесный свод» или «Олимп» вместо «небо». Что же касается слов, стоящих в переносном значении, то их можно узнать по смелости метафорического и фигурального употребления, каковое, разумеется, отлично от обычного; например, «сосна» вместо «корабль», «светила» вместо «небо», «птицы гребут крыльями» вместо «летают» и т. д. Кроме того, только у поэтов допустимы составные прилагательные, в речи же они неуместны: например, «златотекучий», «златовласый» и т. д., если только они не стали обычными от частого употребления, как, например, «всемогущий». Украшения же предложений, и в особенности перифразу, равным образом можно узнать по непривычному употреблению:

А покидает меж тем Океан, вставая, Аврора.[145]

Вместо общего правила по данному предмету заметь следующее: поэтические выражения либо отдельные слова надо отличать от ораторских в двояком отношении. Во-первых, все излишние и ненужные украшения, которые ничего, конечно, не приносят вещам, кроме обманчивой внешней красоты, следует считать поэтическими, например: если сказать «белая лилия», «красные розы», «багряная заря», «сладкий мед» и т. д. Во-вторых, все слова и выражения вовсе, по-видимому, не употребительные и даже не применяемые людьми образованными, но совершенно необыкновенные и неестественные, конечно, недопустимы не только для поэтов, но и не разрешаются никакому оратору; например, когда говорят: «Холодный по костям пробегает ужас», сообрази — и ты поймешь, что такое выражение обычно никто не употребляет.

В области ритма страдают «поэтическим» пороком те, кто в речи подражает стихотворным размерам; в таком роде, например, известные слова Апулея:[146] «Тебе отвечают светила, возвращаются времена, радуются божества, служат стихии, по твоему мановению веют ветры, питаются тучи, произрастают семена, растут побеги».[147]

Аллегория, вообще чрезвычайно украшающая речь, также становится иногда опасным пороком. Это происходит трояким путем. Во-первых, если метафоры или аллегории тяжеловесны, т. е. заимствованы из более широкой или более узкой сферы, чем требуется содержанием, или же произведены по отдаленному сходству, например, «оковы милосердия, пища случая, истерзанные покоем души» и другие подобного рода пустяки, которые Каузин с порицанием отметил у Эннодия.[148] Так говорит автор триумфального стихотворения:

Пей, о перо, из усмиренного Тира! Так повелевает меч,
Напоенный Бистонской кровью, потому что для тебя ведь
Чернила окрашивают слоновую кость бумаги бледной Фетидой,
Или пусть челн носится по бурному морю…[149]

---

[145] **А покидает меж тем океан, вставая, Аврора…** Verg. A. IV: 129. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева.

[146] **Апулей** — Апулей (Apuleius; 124/125–?) — римский писатель и поэт, философ, ритор, автор романа «Метаморфозы, или Золотой осел».

[147] **Тебе отвечают светила … растут побеги…** См.: Apul. Met. XI: 25.

[148] **Эннодий** — Магн Феликс Эннодий (Magnus Felix Ennodius), также Эннодий Павийский (Ennodius Ticinensis; ок. 473–521) — христианский писатель и поэт, епископ Павийский.

[149] **Пей, о перо, из усмиренного Тира! <…> по бурному морю…** Феофан Прокопович имеет в виду Хотинскую войну короля Сигизмунда III с турками (1621 г.), описанную

Во-вторых, если аллегории и метафоры встречаются слишком часто. Ведь для красоты надо придать речи разнообразие блестками и перлами, но не целиком испещрить ее риторическими украшениями. В-третьих, если нет необходимости в аллегориях, т. е. если ты будешь выражать иносказательно даже и то, что следует говорить простыми, обыденными словами. Ведь многие люди, страдающие таким недугом, употребляют аллегории, если им в пути случится собирать дрова или спрашивать дорогу. К числу таких следует отнести и всех тех, которые в Священном Писании не желают ничего понимать в прямом смысле (как это есть на самом деле), но до противности нелепо извращают смысл всех не иносказательных повествований. Поэтому такие люди имеют обыкновение спрашивать, что надо понимать под зайцем, когда Давид говорит: «Скала — убежище зайца»[150] или что подразумевается в пророчестве Моисеевом под конем, что — под всадником, когда говорится: «Коня и всадника ввергнул в море».[151] Они скажут, что здесь не должно разуметь действительных коней, или людей-всадников, или же действительное море. Ведь напрасно Моисей говорил бы о том, что всем было известно, но под конем они будут понимать душу фараонову, в которой укоренилась гордость, и душа его была низвергнута в адское море. Таким пороком особенно страдал Ориген.[152] Он, говорят, настолько стремился видеть во всем иносказательный смысл, что не желал признавать древом то знаменитое древо, вкусив от плодов которого, Адам согрешил и поэтому согрешил не вкушением, а иным каким-то способом. Этот порок и ныне даже властвует над умами ученой черни, которые жаждут не подлинного образования, а только видимости его.

«современным болтуном», Яковом Собеским. (См.: *Sobieski I.* Commentariorum Chotinensis belli libri tres. Dantisci, 1646.) См.: ФП «Поэтика». С. 389–390.

[150] **Давид говорит: «Скала — убежище зайца»…** Пс. 103: 18: «Высокие горы для оленей, каменистая скала — прибежище зайцам». Этот стих толкуется Иоанном Златоустом в «Беседе на 103 Псалом»: «Промысл, говорит, не оставляет без внимания даже малых животных, но оленям дал жилище на вершинах гор, а ничтожнейшим из животных — убежище в скалах». Зайцы — души язычников, находящие спасение в церкви. Олени — «души праведников».

[151] **…пророчестве Моисеевом… когда говорится: «Коня и всадника ввергнул в море».** Речь идет о толкованиях стиха «Пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и всадника его ввергнул в море». Исх. 15: 1.

[152] **Таким пороком особенно страдал Ориген…** Ориген Адамант (Ὠριγένης Ἀδαμάντιος, Origenes Adamantius; ок. 185 — ок. 254) — богослов, философ, автор Гексаплы (Ἑξαπλᾶ, Hexapla), основатель библейской текстологии. Развивал учение о множественных интерпретациях Библии (буквальном, моральном, философско-мистическом).

Если бы такие люди стали объяснять какой-нибудь текст из Священного Писания просто, как он гласит, то испугались бы, как бы их самих за это не назвали простаками. Им не нравится и речь других людей, если в ней они не видят тумана, и они говорят, что не знают их; хотя при всем том они не ведают и того, в чем состоит знание. Этот стиль я называю иначе напускным, аффектированным не потому, что другие стили нельзя назвать аффектированными. Аффектированными называются все произведения, написанные в расчете на то, чтобы не производить впечатления созданных случайно, но слишком вымученных и тщательно отделанных, для того чтобы писатель мог показать свой талант и знания: affectio ведь означает весьма сильное желание и мучительное стремление к чему-либо. Однако потому что аффектированный стиль отличается по сравнению со всеми прочими в изобретении пошлых или необычайных аллегорий, его надо, по-видимому, антономастически называть стилем порочно-аллегорическим.

4. Кроме того, существует много других недостатков стиля, которые обнаруживают видимость достоинства, хотя в действительности это сквернейшие пороки. Иные ораторы, таким образом, говорят слишком вульгарно и грубо, что проявляется у них в двояком отношении, в отдельных предложениях и в словах. Грубые предложения — это те, что обычно употребляются чернью, грубые же слова — это лишенные ритма и плохо подобранные. Наконец, грубый стиль — это такой, которому недостает изящества и красоты речи. Пример дан в IV книге «Риторики к Гереннию»:[153] «Такой вот человек подошел к нему в бане, затем сказал: „Вот этот твой раб меня побил“. Затем последний сказал первому: „Я [это] обдумаю“. Затем первый начал ругать и мало-помалу в присутствии многих начал кричать». Такому стилю подражают, прежде всего, люди от природы грубые и необразованные, которым все изящное, по-видимому, ненавистно; затем те, которые хвалятся видом унылой святости так же, как и чернецы папского стада особенно часто в таком роде блеют.

5. Этот недостаток почти одинаков с тем, который называется сухим и вялым, т. е. лишенным всяких фигур и тропов. Это обычно происходит, когда какой-нибудь оратор, избегая напыщенности, попадает как бы в бесплодную пустыню: «Один, — говорит Сенека, — почитает себя больше,

---

[153] **…в IV книге «Риторики к Гереннию»: «Такой вот человек подошел к нему…».** См.: Rhet. Ad Her. IV: 16. «Риторика для Геренния» или «О красноречии к Гаю Гереннию в четырех книгах» («Rhetorica ad Herennium» или «De ratione dicendi ad C. Herennium libri IV») — популярный в Средневековье латинский учебник неизвестного автора, созданный в 86–82 гг. до н. э.

чем следует, другой больше, чем нужно, презирает».[154] Ведь когда иные ораторы стараются избегать напыщенного стиля (что они хорошо делают), то все риторические средства, способствующие украшению речи, становятся им столь ненавистными, что они готовы, кажется, поклясться, что не употребят даже ни одной метафоры.

Об этом хорошо говорит Каузин. Примером такого недостатка могут служить многие наши письма: в них правильное старание избегать школьных прикрас приводит к тому, что неудачно отбрасываются все риторические украшения. Страдающие последним и упомянутыми выше недостатками кажутся мне похожими на известных философов-циников, которые, чтобы не допустить чрезмерной пышности, отвергали даже благопристойное убранство. Поэтому, как передают, Диоген[155] растоптал и бросил покрывала и ковры Платона, говоря, что он топчет спесь; однако он был остановлен остроумной шуткой Платона, который сказал, что он, попирая спесь, сам страдает еще худшей спесью.[156]

6. Существует, кроме того, стиль колеблющийся и расплывчатый, когда речь (по словам Наставника Геренния в книге IV) «бессвязна и лишена правильного членения, колеблется туда и сюда, а не ведет изложение с мужественной определенностью».[157] Этот недостаток, видимо, также бывает двоякого рода.

Во-первых, когда части всей речи в отдельных периодах не согласованы между собой и не стремятся к единой цели, но далеко отстоят одна от другой. Кто говорит в такой манере, то кажется, что он всякий раз при переходе от одной части к другой начинает новую речь. Примеров этому можно найти много у тех ораторов, которые хотя и объявляют, что им нечего сказать, но обычно так сочиняют речь, что первую попавшуюся тему ставят на первом же месте. Затем они обдумывают и, если что-нибудь еще подвернется,

---

[154] **Один… почитает себя больше, чем следует, другой больше, чем нужно, презирает.** Seneca. Ad Luc. Ep. mor. 114: 14.

[155] **Диоген — Диоген Лаэртский (Лаэртийский, Лаэрций;** Διογένης ὁ Λαέρτιος; Diogenes Laërtios кон. II — нач. III в.) — позднеантичный историк философии, автор трактата «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (De vitis et dogmatibus clarorum philosophorum).

[156] **Диоген растоптал и бросил покрывала и ковры Платона, говоря, что он топчет спесь; однако он был остановлен остроумной шуткой Платона**. Неизвестно, что имеет в виду ФП. Диоген Лаэртский говорит о разных ответах Платона: либо «Какую же ты обнаруживаешь спесь, Диоген, притворяясь таким смиренным!», либо «Попираешь собственной спесью». См.: D. L. De vit. VI: 2.

[157] **…речь бессвязна … колеблется… а не ведет изложение с мужественной определенностью.** Rhet. Ad Her. IV: 15–16.

также поместят, далее подготовляют третью и четвертую тему и таким образом склеивают всю речь. Образцы такой грубости в изобилии доставляет иезуит Фома Млодзяновский,[158] знаменитый польский «остроумец» во всех своих (если можно так выразиться) панегирических речах. Во-вторых, этот недостаток можно усмотреть в отдельных членах и расплывчатых периодах, т. е. если в речи отсутствуют окаймляющие частицы и удобные переходы, но либо речь совершенно бессвязна, либо имеет своего рода нелепую связь, иметь каковую — все равно что не иметь никакой. И этот недостаток у критиков носит название известной «растрепанной метлы».[159]

7. Весьма распространенный в наше время недуг целесообразно будет называть утонченным стилем; ведь среди прочих ораторских приемов, которые затрагивает речь, исполненная учености, люди полуобразованные прониклись особой любовью к этому приему, если, разумеется, они высказывают в своей речи что-либо достойное удивления, необычайное, превосходящее ожидания. Поэтому они выступают с любопытными, но весьма пошлыми и достойными осмеяния рассужденьицами, например, задаются вопросом: почему в имени Пресвятой Девы или Иисуса Христа пять букв? Почему Господь так сказал через пророка? Почему так что-либо было совершено или написано? И всякий раз, когда нелепой задержкой им удается на некоторое малое время овладеть вниманием несчастных слушателей, тогда они начинают с радостным воодушевлением волноваться и, получив одобрение благосклонной к ним косной черни, они с пророческой напускной суровостью в гневе обагряют кровью свои надоевшие всем неестественные декларации.

Что может быть более неестественного и противного, чем, например, такие слова? Какой-то оратор, воздавая похвалы Богородице (если таковые заслуживают имени похвал), спросил слушателей, как они считают, отчего во время всемирного потопа только одни рыбы спаслись от погибели. И по этому поводу он продолжал весьма долго высказывать недоумение и задавать вопросы. Даже люди неученые, если бы им позволили, были готовы отвечать: неужели, отец мой, тебе кажется удивительным, что рыбы

---

[158] **Фома Млодзяновский** — (Młodzianowski Tomasz, 1622–1686) — польский проповедник, иезуит, богослов, его проповеди собраны в издании: *Młodzianowski T.* Kazania i homilyie na niedziele doroczne, także święta uroczyste, dla większey chwały Boga, Króla Królów. Poznań, 1681. T. 1–4.

[159] **Растрепанная метла** — «Развязанная (или растрепанная) метла» (scopa dissoluta) — образ, используемый для описания нефункционального состояния предмета, обусловленного распадом его структуры. Это общее место есть у Эразма Роттердамского со ссылкой на Цицерона, у Ф. Бэкона в «Новом Органоне» (Novum Organum) и др.

в воде не погибли? Но он, как человек разумный, считал недостаточным так думать. Поэтому он ответил, что это случилось оттого, что рыбы спаслись во имя Богородицы: ведь по-латыни Maria во множественном числе означает море. О, остроумие, подобное рыбьей глупости! И однако многие люди такой вздор (и в этом проявляется величайшее невежество века!) почитают, как Аполлонов треножник. Достопочтенный отец Млодзяновский эту трескотню только и считал красноречием и весь погрузился в подобный вздор. Невозможно привести здесь бесчисленных примеров его глупостей, ведь два огромных тома наполнены такого рода оракулами.[160] Все же я приведу один образец, к которому он примешал свои еретические мнения. В речи о страстях Христовых он задает вопрос, почему иудеи, требуя казни Христа, дважды воскликнули: «Распни, распни [Его]»,[161] хотя однажды они употребили глагол в пассивной форме: «да распнется»? На это, между прочим, он отвечает так: «Это слово латинское crucifige — слово, означающее действие, — действительная [форма], а это же латинское словечко crucifigatur «пусть будет распят» — слово страдательное. Два раза ставится crucifige crucifige, показывая, что страдания господа Иисуса должны были идти в честь и во хвалу двух лиц, от которых исходит Дух Святой, т. е. Отца и Сына, но должны были они пойти и во хвалу приведенного в страдательной форме от обоих исходящего Духа Святого».[162]

Таковы его слова. И по заслугам: похвальный же догмат, который прославляется таким красноречием!

8. Почти всегда спутником упомянутой выше нелепости является не менее часто встречающаяся наглая и глупая шутка. Ведь подобные пустозвоны, желая приправить солью свой вздор, беспрерывно глупейшим образом и нахально шутят. И поэтому они имеют обыкновение (конечно, иронически) говорить, что черное — это белое и белое — черное. Шутками они задевают Бога, поносят Богородицу, тревожат ангелов, злословят святых, тиранов же, наоборот, хвалят, превознося до небес, и без умолку выбалтывают бесчисленное множество других пошлейших и отвратительных шуток. Два евангельских отрывка было прочитано в один день, причем каждому из них был предпослан обычный возглас: «Во время оно начал он говорить». И видят, с какой приятной шуткой он приступает: «Я не люблю ни с кем спорить,

---

[160] **…два огромных тома наполнены… оракулами.** Возможно, ФП имеет в виду: *Młodzianowski T.* Rozmyślania albo lekcja duchowna miasto kazania na święta uroczyste, wszystkie niedzielne dni do roku napisane. Lublin, 1699. T. I–II.

[161] **Распни, распни [Его]!** Ин. 19: 6.

[162] **Это слово… Духа Святого.** В оригинале текст на польском языке. Источник цитаты не установлен.

к тому же я знаю Евангелие. Сегодня как раз читаются два евангельских отрывка в этой церкви. Один — относящийся ко второму воскресенью после Пасхи, и это [Евангелие] о добром пастыре».[163] Боюсь [этот отрывок] оскорбить, потому что он о пастыре. «А какая же овечка не боится пастыря? Второе Евангелие касается освящения этого дома Господня, и оно о Закхее,[164] милость которого ко мне мне тоже важна. Потому что он угощает учеников Господних и уделяет обильную милостыню: „Половину имущества своего отдаю нищим“.[165] Я объединю оба эти евангельских [отрывка], взяв вступлением в свою проповедь слова для обоих общие с illo tempore „во время оно“. И таким образом, ни то, ни другое Евангелие не сможет жаловаться, что из меня, мол, он не взял для проповеди. И покажу, что люди in illo tempore о давних временах вспоминают и времена прошедшие как лучшие восхваляют. К вящей славе Бога и т. д.»[166]

Конечно, славный Фома, хотя ты и обещал говорить об обоих евангельских отрывках, но не желаешь говорить ни о чем. В той же речи, приведя слова блаженного Иова: «Умастил ноги мои маслом», этот разборчивый человек не стесняется остроумно шутить над страдальцем, покрытым язвами и лежащим на гноище. Ибо он продолжает так: «Маславом каким-то был этот Иов, для ног которого вода была маслом». Если бы он еще мыл ноги для блеска телячьим супом, то еще так. А вот зачем масло на ноги?[167]

Слово о Рождестве Богородицы на слова Писания: «Господа, опирающегося на лествицу»: «Плохо стоит эта лествица; не поднимайся на нее, Господи наш Боже, так говорю я. Этот конец лествицы опирается на землю, и, чтобы он не выскользнул, этому помогает лечащий Иаков. А когда, Господи, Иаков, разоспавшись, двинется и, когда разоспится, толкнет лествицу, то ты, Господи, по этой лествице поднимающийся, подвергнешься опасности».[168]

---

[163] **…читаются два евангельских отрывка в этой церкви. Один — относящийся ко второму воскресенью после Пасхи, и это [Евангелие] о добром пастыре.** Видимо, речь идет о цитате Ин. 10: 1–16. В оригинале текст на польском языке.

[164] **Второе Евангелие … о Закхее.** Закхей (Ζακχαῖος) — начальник мытарей. Лк. XIX: 1–10.

[165] **Половину имущества своего отдаю нищим…** «Закхей же, став, сказал Господу: Господи! половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо». Лк. XIX: 8.

[166] **А какая же овечка…** В оригинале текст на польском языке. Источник цитаты не установлен.

[167] **Маславом… на ноги?** В оригинале текст на польском языке. Источник цитаты не установлен.

[168] **Плохо… опасности.** В оригинале текст на польском языке. Источник цитаты не установлен.

В проповеди на Пасху о Святых женах-мироносицах: «Такие-то уж они неженки были, Господи, камушек был небольшой, а они его двинуть не хотели. Евангелист их оправдывает: они не могли его сдвинуть, потому что он был очень большой».[169] Там же об ангеле-юноше: «Разве не лучше было бы провидению Господа Бога нашего взять [для этого] ангела пожилого, поседевшего».[170] А что касается того, что он говорит о том же ангеле ниже, почему ангел был облачен в белую одежду, то, конечно, читатель должен краснеть от стыда. Но, чтобы обнаружить все мерзостное бесстыдство его красноречия, позвольте оскорбить ваш благородный слух: «Сказал Господь Бог ангелу своему: пойдешь на землю, и будешь там, и встретишься там с женщинами, и будешь говорить с ними о воскресении из мертвых сына моего. И вот ангел облачается в одежды красивые, белые — облаченного в блестящую одежду; он хотел таким образом, наверное, умилить их сердца и привлечь их взоры. Потому что они рады посмотреть, как какой ангел оделся, а если бы он был ангелом в сермяге, то это [на них] не производит такого впечатления».[171]

Немного ниже он говорит более невинно, но равно дерзко: «Мир всегда [ценит] пышность. И ваша милость так, и слуги тоже так поступают: каждый хочет изобразить своего господина, сравняться с ним. Господь наш Христос полюбил два цвета — белый и красный: любезен мне белый и красный. Ангел, как только выглянул на свет, так сейчас же одевается в цвета Господа».[172]

Что же сказать о сотнях прочих пошлых, вычурных и глупых острот? Например, когда он спрашивает, существует ли на небесах библиотека, когда говорит, что часов на свете только двое; что на свете нет ни мяса, ни хлеба, ни латука, и тысячи прочих глупостей. Что это, клянусь бессмертным Богом, за новое и неслыханное красноречие? К чему безвкусное остроумие? Так ли убедительно то, что ты говоришь? Конечно, если такой стиль не назвать нелепостью, то все же следует дать ему какое-нибудь другое название, но не красноречие, и я не упомянул бы об этом ораторе, если бы он, не принося пользы, не вредил своим примером прочим людям. Но когда я вижу, что он удивительным образом нравится и привлекает многих, и поэтому молодежь, изучающая красноречие, только им одним и восхищается и ему подражает, и таким образом подлинное искусство со дня на день те-

---

[169] **Такие-то уж… большой.** Источник цитаты не установлен.

[170] **Разве… поседевшего.** В оригинале текст на польском языке. Источник цитаты не установлен.

[171] **Сказал… впечатления.** Источник цитаты не установлен.

[172] **Мир… господь.** Источник цитаты не установлен.

ряет значение и гибнет, то я считаю необходимым кратко изложить мое мнение о нем. И я не заставлю себя ждать (отчего я, может быть, на многих произведу и менее благоприятное впечатление) и тотчас же расскажу, как обстоит дело в действительности. Хотя, несомненно, я не знаю никого, хоть сколько-нибудь причастного к искусству красноречия, чтобы он осудил это мое мнение.

Прежде всего, следовательно, если рассмотреть его слова и выражения, то они неискусны: предметы, сколь угодно возвышенные, сколь угодно божественные, он излагает словами, взятыми из повседневного обихода; не более изящны и его периоды: так, весьма неуклюже или по-детски сочиняет он свою молитву за короля Иоанна[173] (в посвящении своего труда): «Дабы, говорит он, довелось отечеству поразить мечом столько врагов, сколько букв во всех этих моих книгах».[174] Поэтому, если иногда он и старается немного приподняться над землей, но тогда он либо потрясает тирсом (например, когда он говорит, что на этом месте, где действительно он желает говорить, он не будет говорить, но дойдет до Иерусалима), или впадает в такую ходульность, что, кажется, у него нет даже молодого задора, на который намекает его имя. Все это каждый может заметить как почти во всех частях его речей, так, в особенности, в его вступлениях. К чему эти его пресловутые нелепые шутки, побасенки, диалогизм? Что, скажи на милость, значит этот пресловутый осел, который доставил ему много хлопот во вступлении речи на празднике Альберта?[175] Что он разумеет под спором Евангелий, разве что сам заставит их спорить? Что подразумевается под бесчисленными другими шутками, которые не относятся к делу, не подготовляют слушателя, и даже значение которых непонятно?

Однако нельзя сказать, сколько он способен наболтать вздора в своих вычурных мелочных вопросах и пошлых шутках. Слова Священного Писания, которые, как он заявляет в предисловии, желает истолковать, он перетолковывает в смешном, нелепом смысле, в большинстве случаев дале-

---

[173] **Молитву за короля Иоанна (в посвящении своего труда)…** Ян III Собеский (Jan III Sobieski; 1629–1696) — польский король (1674–1696). См.: *Młodzianowski T.* Kazania i homilyie na niedziele doroczne… T. 1. S. 7.

[174] **…поразить мечом столько врагов, сколько букв во всех … моих книгах...** ФП критикует использование modus arithmeticus в высоком стиле. (См.: *Sarbiewski M. K.* De acuto et arguto sive Seneca et Martialis // Sarbiewski M. K. Wykłady poetyki (Praecepta poetica). Wrocław, 1958. S. 32). См.: *Młodzianowski T.* Kazania i homilyie na niedziele doroczne… T. 1. S. 2 nlb.

[175] **На празднике Альберта…** Альберт Великий (Albertus Magnus; ок. 1200 (1193?) — 1280), св. католической церкви, немецкий монах-доминиканец, богослов, философ и ученый, благодаря трудам которого были выявлены, прокомментированы и введены в научный обиход многие сочинения Аристотеля.

ком от благочестия. Для такого насилия над текстом Священного Писания он привлекает святых отцов против воли и даже несмотря на их сопротивление. Если он заметит в их творениях что-либо, что ему покажется как-то подходящим для его жалкого остроумия, то он немедленно его подхватывает, затем с великим неистовством старается приспособить этот текст к своим бредням, так что если кто не видел отеческих творений, то может заподозрить святых отцов в неменьшей глупости. Однако мне кажется, он вовсе не читал святых отцов, но выбрал отдельные слова из цитат в проповедях или из пресловутого добра сборников проповедей. Ведь зачастую он не понимает и смысла этих творений и старается подражать чрезмерному многословию; если бы он читал их разумно, то имел бы, по крайней мере, хоть какое-либо понятие о духовном красноречии.

Я хочу отметить здесь три рода его шуток, без которых он, видимо, не может прожить ни одного часа. Одни из них весьма наглые и дерзкие, когда, например, он задевает и поносит святых и ангелов, иронически о них злословя; другие — грязные и непристойные, когда, например, он болтает об ангеле, нарядившемся для беседы с женщинами, и о подозрениях невесты Христовой, третьи, наконец, — с некоторым привкусом нечестия, когда, например, он говорит о Боге так, как будто Он сотворил что-либо неразумно, или подвергается опасности. Все такие остроты являются ходульными, так как даже если весьма долго и тщательно их обдумывать, то все-таки нельзя найти в них никакого смысла. Кто-нибудь может сказать, что сам он не так чувствует, как гласят слова его речи. Как же, следовательно, он думает, пожалуйста, кто-нибудь мне это объясните! Я, конечно (и в этом моя слабость), ума не приложу. Затем только он один может осмелиться на подобные беспримерные шутки. Кого ты назовешь мне, кроме случайного его подражателя, кто бы так запросто, чтобы не сказать нечестиво, шутил с Богом? Но ведь существуют некоторые шутливые высказывания и у знаменитых красноречием учителей (я говорю о Златоусте, Василии Великом, Назианзине, Иерониме и других), но совершенно на других основаниях и весьма редкие. Об этом мы скажем ниже. Напротив, наш оратор, кажется, состоит не из души и тела, а целиком из пошлых шуток: без них у него ничего не выходит, так что, кажется, к нему лучше всего можно отнести слова Марциала (книга III, эпигр. 15), подшучивающего над неким Канием Руфом.[176] О нем кто-то в нескольких стихах спрашивает Музу и, наконец, Муза сообщает, что Каний Руф ничего не делает, а только смеется.

---

[176] **Марциала (книга III, эпигр. 15), подшучивающего над неким Канием Руфом…** Марциал пишет о своем друге, поэте и ораторе Кании Руфе из Гадеса (Canius Rufus) не в 15-й, а в 20-й эпиграмме III книги, а также упоминает о нем в 61 эпиграмме I книги.

И, однако, поклонники Фомы Млодзяновского обычно говорят, что он отличался столь мягкосердечным благочестием, что, прежде чем произнести каждую написанную им проповедь, он орошал ее непрестанно слезами. Кто поверит, чтобы человек, по природе созданный для шуток и смеха, мог бы когда-нибудь плакать? Поэтому если то, что говорят, — правда, то это, конечно, является знаком того, что это был человек весьма легкомысленный, раз подобные шутки казались ему достойными слез. Что же, скажи, пожалуйста, у него есть такого, что может исторгнуть слезы слушателей, кроме разве того, что слова трижды благого величайшего Бога, которые должны почитать даже сами ангелы, столь недостойно осмеиваются в шутках наглого их провозвестника и сопровождаются смехом тупоумной черни? О, тупоумие нашего века! Не хватает слез его оплакивать! Ведь не столь прискорбно мне, что один человек так низко пал, прельстившись суетной похвальбой умишка, чем то, что он многих других расположил к своему творчеству и приобрел много почитателей своего заблуждения и последователей, которые увидели в нем некое искусство, а не величайшее невежество. Какое отношение к искусству имеет этот возделыватель пустяков? Есть ли у него хоть тень ораторского уменья? Где искусство вступления, которое высоко подмечали и преподавали столько ученых наставников, древних и новых? Где мощное подтверждение? Где воздействие на души? Где заключения, весьма необходимые в духовных обсуждениях? Где ритмическое построение речи, где украшение, блеск, живость, стремительность, торжественность, плавность? Где связь, где значительность, вес периодов, где сочетание частей?

Никакого совершенно разнообразия, без которого нет и красноречия. Ведь все, что у него примечательно, он обычно излагает только в одних диалогизмах и вопросах, и притом нелепых. «Святой Давид, что делаешь, любишь ли Бога? Люблю, говорит. Почитаешь ли его? Почитаю. Самарянка, куда идешь? Конечно, навестить друзей? Нет. По воду с сосудом? Разве ты, Самарянка, не считаешь это постыдным? Разве тебе желательно, чтобы прочие обратили на тебя взоры?» и т. д. Что же теперь сказать о панегирических речах, в которых он беспрестанно по десять раз или <...> повторяет одни и те выражения с некоторыми смешными рассуждениями и вместе с тем выставляет на продажу «растрепанные веники». Я полагаю, он даже и не подозревал, что значит говорить складно, ведь он и по поводу самого печального, например, страстей Христовых, не перестает шутить. Если это красноречие, то пусть сообщит нам милейший господин Млодзяновский, что за авторы были его наставниками, чье одобрение он видел.

Пусть будут созваны как бы на одно собрание: Платон, Аристотель, Цицерон, Наставник Геренния, Фабий Квинтилиан, Гермоген, Августин, а также

из новых: Юний Мельхиор, Эразм Роттердамский, автор Палация, Киприан Суарий, Мендоза, Каузин, Фамиан Страда, Понтано,[177] автор энциклопедии искусств Сигизмунд Лаузия[178] и несчетное число других, которые издали какие-либо сочинения об этом искусстве. Видано ли, чтобы кто из них обучал подобному красноречию? Мало того, кто бы не отверг такое красноречие как смешное и нелепое? Я не хочу здесь придавать значение моему отзыву. Все упоминавшие о нем наставники (большинство — иезуиты) отзовутся о нем одинаково отрицательно. И, однако, этот наш оратор, кажется, всюду высокомерно говорит о себе, всюду выражает самодовольство, всюду торжествует. Это легко заметят остроумные критики.

Вы же, о юноши, изучающие подлинное красноречие, все же обдумайте все сказанное в первых двух главах этой книги и сообразите, пожалуйста, мог ли кто-нибудь из древних так говорить? Неужели он изложил так много великих благ для человеческой жизни? Неужели он был в состоянии взяться за труднейшие дела? Неужели же он смог совершить то, что знаменитые ораторы едва ли не чудом совершили? Да разве когда-нибудь все ему так дивились, ценили и уважали его? Эти слова сказаны мною не из ненависти к этому человеку (я считаю, что и вражескую доблесть надо признавать), и никогда я не стану отказывать в искусстве красноречия Эразму Роттердамскому, Юнию Мельхиору, Страде, Каузину и другим за то, что они не равны нам.

Но так как я вижу, что этот человек у всех встречает одобрение, а от этого происходит великий ущерб для красноречия и даже для государства и веры, то я считаю, что не ради меня лично, но ради общества необходимо отвергнуть этот позор в лице его виновника.

Кроме того, конечно, из этого можно сделать вывод о том, как следует расценивать польское красноречие. Ведь говорят, что этот писатель у них почитается первым из ораторов. Так Стефан Моренский, каноник Познанский,[179] весьма одобряет его труды, находя в них ученость, безупречное изящество и апостольский дух; по его мнению, автор этих речей отличается исключительной изобретательностью, редким методом, превосходным уме-

---

[177] **Понтано** — Яков Понтан, или Яков Понтан или Понтано (Jacobus Pontanus; 1542–1626) — филолог, автор «Поэтики» (Poeticarum institutionum libri III) и др.

[178] **Сигизмунд** — Сигизмунд Лавксмин (Sigismund Lauxmin; 1596–1670), филолог и философ, музыкант-теоретик в Пинском коллегиуме (1640-е гг.), автор книги «Теория и практика музыки» (Ars et praxis musicae. Wilna, 1667). См.: *Ильин А. Л., Игнатюк Е. А.* Очерки истории культуры Пинщины (IX — нач. XX вв.). Пинск, 2013. С. 20.

[179] **Стефан Моренский** — познанский каноник второй половины XVII в., цензор книг, был близко знаком с Томашем Млодзяновским. См. примеч. 158 к кн. I.

нием располагать части и весьма достоин славы. Сколь учеными и безупречными находит он эти речи, потому что в них была исключительная изобретательность и редкий метод, [этого] я, правда, не отрицаю, но, кажется, отец Моренский не понимает, что искусство красноречия возникло не по чьему-либо произволу, но рождено природой, и поэтому не должно выдумывать другого красноречия, кроме того, которого придерживались столько веков все умные и даровитые люди.

ГЛАВА VII

О ПРИЧИНАХ ИСКАЖЕНИЯ КРАСНОРЕЧИЯ

Говорят, что врачи, распознав болезни, приступают к лечению тела не прежде, чем хорошо узнают причины этого зла. По их устранении они легко восстанавливают прежнее здоровье. Это самое надо и нам теперь сделать и, прежде чем перейти к более здравому красноречию, понять причины искажения стиля и его недостатков, которые мы до сих пор имели возможность наблюдать. Фабий Квинтилиан написал об этом превосходный диалог (иные приписывают его Тациту[180]): в нем он отмечает всего четыре причины искажения красноречия. Именно: небрежение родителей, неопытность наставников, леность молодежи и забвение старинного обычая. Вопрос этот он рассматривает и обсуждает весьма разумно. Вслед за ним мы вкратце затронем здесь эту же тему.

1. Небрежение родителей поэтому он отмечает главным образом в том, что те отдают своих детей еще в нежном возрасте на воспитание не наиболее почтенной замужней женщине, но ничтожной бабенке, и к тому же крайне бесчестной и низкой, лишь бы только за низкую плату она научила их своему ремеслу. Таким образом, мальчик вместе с молоком кормилицы впитывает порочность, уныние, малодушие и невежество. Ведь если характер людей в установившемся возрасте часто зависит от свойства пищи (именно: от одной пищи люди становятся веселыми, от другой — немного грустными), то что же следует думать о младенцах, весьма нежные и мягкие члены которых легко могут пострадать от негодной пищи, как от какого-нибудь яда. Последним соображением не следует пренебрегать, так как, кроме научного обоснования, это же самое положение находит подтверж-

---

[180] **Фабий Квинтилиан написал об этом … диалог (иные приписывают его Тациту)…** Имеется в виду «Диалог об ораторах» Публия Корнелия Тацита, который издатели эпохи Возрождения иногда ошибочно приписывали Квинтилиану. См.: Tac. Dial. de Orat., 28.

дение в ежедневном опыте. Отчего, скажи, пожалуйста, происходит, что дети, по-видимому, очень часто получают больше свойств характера от природы кормилиц, чем родителей? В результате беспечное воспитание в дальнейшем довершает порчу характера плохо воспитанных в начале детей, так как глупые родители совершенно не обращают внимания на то, каким людям они вверяют уход за своими детьми. Таким образом, бывает, что ребенок, перенимая привычки негодных рабов, вместе с тем заимствует и черты их характера; он приучается говорить и помышлять только о предметах ничтожных, смехотворных, недостойных, зазорных и нечестивых.

Все, что он считает полезным или для общества, или что идет на благо или во славу веры, над всем этим самым пошлым и невежественным способом (как это именно он привык видеть у своих недостойных товарищей) он начинает с презрением издеваться. Как, скажи, пожалуйста, такой человек может быть пригоден для занятий красноречием? Приступающий к таким занятиям должен быть исполнен благородства и мужества, ему подобает жаждать подвигов, стремиться к славе, быть поклонником доблестей, почитателем знаменитых мужей, радетелем о благе государственном и (особенно!) хранителем веры и богопочтения. Но ведь обязанность красноречия и состоит преимущественно в выполнении этих благих дел, и самым полезным для этого является усиленное в них упражнение. Каким же образом человек негодный или воспитанный в низких и отвратительных помыслах захочет или сможет предаваться таким упражнениям? В результате многие люди, отличающиеся немалым умом, приступая к истолкованию в речи весьма важных дел, думают, что говорят наудачу, но, однако, ничего дельного сказать не могут: ведь они в своем безрассудстве не в состоянии себе представить ничего такого и делают не более удачные к этому попытки, чем та черепаха в басне, которая хотела научиться летать.[181]

2. О неопытности наставников говорить излишне. Ведь что может принести больший вред искусствам, как не то, когда плохое состояние и упадок проистекает от того, от чего ожидают их процветания? Такое положение было древним римлянам настолько невыносимо, что они подобного рода школьных учителей красноречия сенатским постановлением изгнали из Рима, как сообщает Светоний в сочинении «О знаменитых ораторах».[182]

---

[181] **Черепаха в басне, которая хотела научиться летать…** Речь идет о басне Эзопа (Αἴσωπος; ок. 600 г. до н. э.), древнегреческого поэта, «Черепаха и орел». «Черепаха попросила орла научить ее летать. И хотя он убеждал ее, что это не соответствует ее природе, она еще больше настаивала на своей просьбе. И вот он взял ее в когти, поднял вверх, а затем отпустил. И черепаха, упав на камни, разбилась» (пер. П. А. Гринцера).

[182] **…школьных учителей красноречия …изгнали из Рима, как сообщает Светоний в сочинении «О знаменитых ораторах».** См. примеч. 59 к кн. I.

Относительно же учителей, которым они отдавали свою молодежь на обучение, Фабий Квинтилиан рассказывает в упомянутом диалоге следующее: «У наших предков, — говорит он, — юношу, который подготовлялся к ораторским выступлением на форуме, уже прошедшего домашнее обучение, исполненного благородных стремлений, отец или родственники приводили [на обучение] к оратору, занимавшему первостепенное место в государстве. Он привыкал сопровождать этого оратора, следовать ему [во всем], присутствовать при его выступлениях в судах или на сходках, принимать участие в судебных прениях и перебранках [сторон], так что, я бы сказал, он учился сражаться в [самой] битве».

Если когда-нибудь и в иную эпоху об этом не знали или относились с пренебрежением, то в особенности так поступают в наше время; ведь мы желаем, конечно, не столько быть в действительности красноречивыми, сколько таковыми казаться. Кроме того, мы ослеплены ложным предубеждением, так как весьма нелепо полагаем, что нигде не можем научиться искусству красноречия, кроме польских училищ, этих рассадников искаженного красноречия. Любой, даже малоопытный в искусстве красноречия человек согласится, что я говорю это не ради порицания, но только стремясь к истине.

3. К этому присоединяется то обстоятельство, что многие обновители красноречия совершенно отвергают учение древних. Они, хотя и никогда не видали никаких памятников древности, однако позволяют себе по глупости почитать невежественной ту знаменитую эпоху, столь богатую дарованиями и истинной мудростью. Поэтому-то эти суровые судьи обвиняют в неопытности Цицерона, Златоуста и других красноречивейших писателей, основного содержания сочинений которых они даже и не поняли. Причудливые же писания более молодых авторов, смысл которых для них непостижим, они почитают и дивятся им.

Это и есть самая пагубная язва красноречия, которой одной только, безусловно, достаточно для того, чтобы уничтожить всякое художественное произведение и внедрить всяческое невежество. Ведь лишь только кто-нибудь услышит похвалы какому-нибудь напыщенному пустозвону с его пошлым остроумием и глупыми шутками, тотчас же он решает, что только этому и надо подражать. Если этот подражатель окажется подобным же болтуном, то он будет твердо уверен, что достиг уже вершины красноречия. Таким образом, и сам он не станет затем слушать лучшие образцы красноречия, и других будет продолжать соблазнять своим примером.

4. Но величайшим из всех недостатков является леность учащихся, так как они отказываются нести труды, приличествующие величию цели, к которой они стремятся: обычно они, пренебрегая делом, предаются лени, сну и отдохновению. Жалкие люди, они стараются приобрести как бы одно

лишь звание ораторов! Поэтому на них вовсе не оказывают действия внушения наставников, к чтению писателей они не прилежат, никаких упражнений добровольно они не выполняют, а по приказанию наставников — только быстро и поверхностно; наконец, они считают достаточным пробыть в риторической школе один или два года. Таким образом, перейдя непосредственно от забав, они предстали пред глазами народа и воспользовались благоприятным случаем, когда нужно было проявить искусство; а так как они стыдятся сознаться в своем невежестве, то, сколь возможно, применяют риторические украшения. И перед невежественной чернью они выставляют себя ораторами то неизвестными словами, то непонятными мудрствованиями, то выкриком и суетной болтливостью. Если же они увидят какого-либо подлинно красноречивого оратора, то готовы лопнуть от зависти, ищут поводов для ненависти и вражды; особенно стараются они как-нибудь устранить человека, на них не похожего; они возбуждают против него всеобщую ненависть или же, наконец, всячески изводят и заставляют искать спасения в бегстве.

5. Существуют и иные причины этого недостатка, именно: гнусная и низкая лесть, которая не видит истинных причин для великих похвал господам и принуждена эти похвалы измышлять, причем проявляет весьма «холодные» чувства или почти надрывается от невероятной напыщенности, зачастую унижаясь от напускного смирения, она начинает выбалтывать какие-то отвратительные фразишки, которые, по-видимому, не могут снискать благосклонности, но, скорее, способны вызывать отвращение, каковы, например: мы — подножие ног твоих, попирай наши главы, лобзаем твои стопы и т. д. Не меньше вреда происходит оттого, что многие из тех, которые учат других или сами учатся такому вредному красноречию, не постигают, в чем оно состоит и каково его назначение. Кроме того, жизнь, своевольная и легкомысленно склонная ко всяческой разнузданности, есть худшая язва как всякой науки, так и красноречия. Ведь когда страсть к излишествам, овладев душой, настолько начинает повелевать ею, что целиком держит во власти своих помыслов, [тогда], конечно, в душе не остается ни единой части для созерцания предметов серьезных. О Цицероне мы читаем, что он пылал столь великим рвением к учению, что не только объявил войну всяческим страстям, но даже естественные и необходимые влечения старался подавлять. Он запрещал себе все утехи телесные, неуместные при учении. И мы еще удивляемся, что он достиг такой вершины красноречия!

Послушай суждения святого Иоанна Златоуста, которому грешно не верить, о своевольных учениках («Против хулителей жизни монашеской»,

кн. III):[183] «Для занятия красноречием, — говорит он, — нужна добрая нравственность, а добрая нравственность не нуждается в помощи красноречия. Можно обладать рассудительностью, целомудрием, прилежанием и прочими добродетелями и без этого знания, но никто никогда не приобретет силы красноречия без добрых нравов».

ГЛАВА VIII

О ТРОЯКОМ РОДЕ КРАСНОРЕЧИЯ, ИЛИ О СТИЛЕ ВОЗВЫШЕННОМ, ИЛИ ВЕЛИЧЕСТВЕННОМ, СРЕДНЕМ, ИЛИ ЦВЕТИСТОМ, СНИЖЕННОМ, ИЛИ ОБЫДЕННОМ

Так как мы уже познакомились с недостатками красноречия и их причинами и отвергли все ложное красноречие, то теперь остается приступить к рассмотрению здоровой внутренней силы искусства. Но, прежде всего, надо знать, что все наставники в риторическом искусстве насчитывают три типа похвального стиля: высокий, средний и сниженный.

1. Высокий тип, который называется также торжественным, величавым, возвышенным, пышным и т. д., есть блистательная и пышная форма слов и периодов, если речь о делах важных. Но такой тип бывает, если налицо мощные амплификации, глубокие мысли, величавые периоды, доводы сильные, полемически направленные, слова величавые и звучные, предложения более длинные и часто периодические или отдельные их части, сильно закрученные, метафоры и аллегории необыденные, почерпнутые от предметов возвышенных, яркая и значительная патетика, вспышки гнева, проявления удивления, жалости, скорби и пр.; наконец, многочисленные риторические фигуры, и притом сильно впечатляющие, в особенности же такие, которые способны трогать сердца.

2. Средний тип, который называется также умеренным, цветистым, смешанным, соразмерным, применяется в сюжетах посредственных; он является средним и соразмерным как в смысле расположения слова, так и периодов. Этот род речи не должен быть слишком обыденным и особенно возвышенным и поэтому будет содержать понятия не особенно изящные, слова приятные и красивые, многочисленные, но привлекательные мета-

[183] **Иоанн Златоуст («Против хулителей жизни монашеской», кн. III).** Имеется в виду сочинение Иоанна Златоуста «К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни», Слово третье: «К верующему отцу». См.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в рус. пер.: В 12 т. СПб., 1895. Т. 1. Кн. 1. С. 99.

форы, почерпнутые от предметов любезных; блестящие остроты, периоды своеобразные и стройные, часто с равными членами, привлекательные отступления, умеренный и не часто встречающийся пафос, риторические фигуры, служащие к услаждению. Наконец, вся речь в целом будет легко восприниматься и [будет] прозрачной, словно сверкающая река, стесненная своими прелестными берегами.

3. Сниженный же тип, который зовут и скудным, обыденным, обиходным, есть низменная и простая форма слов и периодов в сюжетах обыденных, малых, повседневных, но, однако, отличных от обыденного просторечия: ведь эта форма отличается также своеобразным изяществом, хотя и в меньшей степени; слова же имеют более изысканные, но обычно своеобразные, а также метафорические выражения, но более употребительные; смысл ясный, пафос отсутствует или очень редкий и умеренный; ритм как будто оставлен без внимания, и периоды как будто безыскусственные, но появившиеся сами собой и прерываемые и там и сям свободными от периодической связи членами или отдельными частями фраз.

4. Остерегайся применять эти стили повсюду в чистом виде и произвольно. К возвышенному роду следует обращаться лишь тогда, когда и предметы будут возвышенными, например: небесные, вечные, божественные, даже и человеческие, но достойные удивления, либо исполненные скорби, сострадания, негодования, как-то: героические доблести, суровые законы, благоразумные слова или деяния, погибель царств, перемены счастья, печальный исход событий, наконец, все самое великое в своем роде. В среднем стиле излагают предметы средние, каковы радостные или не совсем печальные, и более сниженные по сравнению с только что упомянутыми; например: приветствие, гостеприимство, изъявление благосклонности, поздравления с почетными наградами и победами, описание победных торжеств и иных приятных вещей, также похвалы славным мужам (если только у них нет какого-либо удивительного достоинства, которое можно излагать более возвышенно); затем, исторические повествования, ибо ораторские повествования излагаются в соединении с величавым стилем. Напротив, сниженный стиль пригоден для того, чтобы излагать предметы незначительные, когда речь идет о сельском хозяйстве, о делах домашних, когда мы обращаемся к друзьям в письме, когда в чем-либо наставляем, учим, указываем, шутим и т. д. Если мы рассмотрим обычное положение вещей, то найдем, что, в силу своих обязанностей, требует сниженного стиля тот, кто хочет наставлять, тот, кто желает доставлять усладу, — среднего, и, наконец, тот, чья цель — трогать человеческие сердца, нуждается в возвышенном стиле, хотя иногда на деле приходится поступать иначе. Затем ораторы духовные и светские, затрагивающие важные вопросы, придерживаются

высокого стиля, панегиристы и историки — среднего, сочинители посланий — сниженного.

5. Следует иметь в виду также, чтобы ни один из этих стилей сам по себе не получал преимущества перед другим, но чтобы предпочтение одного другому оказывалось только в силу излагаемого им содержания. Ведь все типы речи, удачно приспособленные к содержанию, одинаково достойны похвал, причем даже и величественный тип, если он некстати применен, будет хуже низменного, но соответствующего содержанию. Ведь, как хорошо заметил Наставник Гренния,[184] люди неопытные, стремясь к этим похвальным типам, обычно страдают подобными недостатками: так, зачастую бывает, что тот, кто старается быть велеречивым, но не умеет применять пышный стиль, впадает в напыщенность. Равным образом тот, кто желает держаться сниженной манеры, постепенно приближается к грубости повседневной речи, а от цветистого стиля легко можно уклониться в сторону расплывчатости.

6. Следует также знать, что все упомянутые типы могут быть налицо в одной и той же речи, в зависимости от ее содержания, но по предпочтительной части речь получит название величественной, цветистой или обыденной. Кроме того, одностороннее увлечение одним из этих стилей — признак негодного оратора: ведь оратор должен иногда становиться хорошим, а иногда страдать недостатками. Итак, самым замечательным оратором будет тот, который отличается во всех этих стилях и удачно применяет их к содержанию речи. Таковым у греков почитают Демосфена, у латинян — Цицерона, а среди поэтов таков Вергилий.

7. Множество примеров величественного стиля находим у Цицерона в больших судебных и политических речах, а также у историков в речах великих мужей касательно предметов важных, у святых отцов, в особенности у Василия Великого, Иоанна Златоуста, Назианзина и у иных славных красноречием мужей почти всюду. Примеры среднего стиля встречаются почти у всех панегиристов, и у Цицерона в речи «За Марцелла»[185] и «В защиту Манилиева закона»,[186] и у историков в замечательных повествованиях.

---

[184] **Наставник Геренния… расплывчатости**. Пересказ Rhet. Ad Her. Lib. IV.

[185] **…в речи «За Марцелла».** В речи «По поводу возвращения Марка Клавдия Марцелла» (Pro M. Marcello) Цицерон благодарит Цезаря за то, чего тот еще не сделал: за якобы данное Марцеллу разрешение вернуться в Рим. Клавдий Марцелл (Marcus Claudius Marcellus; ок. 94–45 до н. э.) — римский военный и политический деятель, консул 51 года.

[186] **«В защиту Манилиева закона»…** Речь «О предоставлении империя Гнею Помпею (De imperio Cn. Pompei (De lege Manilia)) была посвящена закону, предложенному Гаем Манилием (Gaius Manilius), древнеримским политиком, народным трибуном.

Напротив, примеры сниженного стиля надо иметь в виду главным образом в посланиях, а также в диалогах, каковы Цицероновы «О старости»,[187] «О дружбе»,[188] «О смерти»[189] и т. д.; кроме того, во всех сочинениях, изданных разными авторами по различным вопросам, как например: у Варрона и Колумеллы «О сельском хозяйстве»,[190] у Витрувия «Об архитектуре»,[191] у Вегеция «О военном искусстве»[192] и т. д. Мы решили, однако, привести здесь образцы каждого стиля из Цицерона и Златоуста. Примером возвышенного стиля возьмем знаменитое рассуждение Цицерона в речи «За Секста Росция Америйского»[193] о древнем законе римлян, которым те устанавливали в наказание отцеубийцам зашивать их живыми в кожаные мешки и бросать в реку.

Образец возвышенного стиля.

«Как мудро распорядились они (наши предки), судьи! Они явно исключили и изгнали такого человека изо всей природы, отняв у него разом и воздух, и свет солнца, и воду, и землю, чтобы убивший виновника своего

[187] **«О старости»** — диалог Цицерона «Катон Старший, или О старости» (Cato Maior de Senectute).

[188] **«О дружбе»** — диалог Цицерона «Лелий, или О дружбе» (Laelius de amicitia).

[189] **«О смерти»** — возможно, подразумеваются «Тускуланские беседы» (Tusculanae Disputationes), книга I, «О презрении к смерти» (De morte contemnenda).

[190] **Варрона и Колумеллы «О сельском хозяйстве»...** Марк Теренций Варрон (Marcus Terentius Varro; 116–27 до н. э.) — римский ученый-энциклопедист, писатель. Самые известные его произведения — «Мениппповы сатиры» (Saturae Menippeae) и трактат «О сельском хозяйстве», который наряду с «Земледелием» Катона Старшего и «Сельским хозяйством» Колумеллы считают одним из главных источников по истории сельского хозяйства Древнего Рима. Из-за сходства названий ФП приписывает двум авторам один трактат. Поскольку название сочинения Варрона «О сельском хозяйстве» известно в вариантах «De re rustica», «Res rusticate», «Rerum rusticarum», ФП соединил произведения разных авторов. Луций Юний Модерат Колумелла (Lucius Junius Moderatus Columella; 4 — ок. 70) — писатель, автор трактата «О сельском хозяйстве» (De re rustica).

[191] **...у Витрувия «Об архитектуре»...** Марк Витрувий Поллион (Marcus Vitruvius Pollio; 80–15 гг. до н. э.) — римский архитектор, ученый-энциклопедист, автор трактата «Десять книг об архитектуре» (De architectura libri decem), ставшего популярным в Средние века и эпоху Ренессанса.

[192] **...у Вегеция «О военном искусстве»...** Публий Флавий Вегеций Ренат (Publius Flavius Vegetius Renatus; кон. IV — нач. V в.) — римский военный историк, автор первого систематического труда о военном искусстве «Краткое изложение военного дела» (Epitoma rei militaris), популярного в Средние века.

[193] **...рассуждение Цицерона в речи «За Секста Росция Америйского»...** Секст Росций (из Америи) — римский гражданин, сын убитого Секста Росция, незаконно внесенного постфактум в проскрипционные списки. Был оправдан благодаря Цицерону. См.: Cic. S. Rosc. XXV. Пер. В. О. Горенштейна.

существования был лишен того, что составляет источник всего сущего. Они не хотели отдавать его труп на растерзание диким зверям, чтобы животные, заразившись столь страшной преступностью, не сделались для нас лютее; они не бросили его обнаженным в реку, чтобы, унесенный течением в море, он не осквернил его вод, очищавших, по верованию, от прочих скверн; короче, они не дали ему касаться даже того, что считается самым малоценным и общедоступным. Действительно, воздух составляет общее достояние всех живых, земля — всех мертвых, море — всех утопающих, берег — всех выкинутых волнами утопленников. Отцеубийцы же должны жить — пока могут — так, чтобы их дыхание не заражало атмосферы, умирать так, чтобы их кости не касались земли, тонуть так, чтобы волны не омывали их тела, быть выбрасываемы пучиной так, чтобы их труп не покоился даже на приморских утесах».[194]

У святого Иоанна Златоуста в слове «Против язычников»[195] находим самое величественное место, где он, упомянув о героическом подвиге святого Вавилы, епископа Антиохийского[196] и мученика, который запретил вход во святой храм нечестивому императору, желавшему туда проникнуть, и, ударив его рукой, мужественно отклонил, после того, как святой Иоанн, повторяю, удивительно ярко описал этот подвиг, он возгремел такими словами:

«Здесь хочется воскликнуть: о, непреклонная душа и высокий ум! О, небесные помыслы и ангельская твердость! Как будто все то великолепие он видел только написанным на стене, — так невозмутимо совершал все это доблестный муж! Он наставлен был божественным учением, что все предметы мира — тень и сновидения и даже ничтожнее их. Поэтому ничто подобное не устрашило его, но еще более ободряло; то зрелище видимого переносило его душу к вышнему царю, сидящему на херувимах и созерцающему бездны, к славному и высокому престолу, к воинству небесному, к мириадам ангелов, к тысячам архангелов, к седалищу страшному, к судилищу нелицеприятному, к реке огненной, к самому Судье. Поэтому, перенесясь всем своим существом с земли на небо, как стоя перед тем Су-

---

[194] **Как мудро распорядились они … на приморских утесах.** См.: Cic. S. Rosc. XXVI: 71–72. Пер. Ф. Ф. Зелинского.

[195] **У святого Иоанна Златоуста в слове «Против язычников»…** ФП имеет в виду «Слово о блаженном Вавиле, против Юлиана и язычников». См.: Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста: В 12 т. СПб., 1898. Т. 2. Кн. 2. С. 583–584.

[196] **Вавила** — Вавила Антиохийский (Βαβύλας Ἀντιοχείας; даты жизни неизв.) — епископ Антиохии (238–251), священномученик. Судя по деталям («нечестивый император», «ударил рукой»), ФП имеет в виду греческое житие, где сказано, как Вавила во время литургии изгнал из христианского храма императора Нумериана.

дией и слыша его повеление изгнать из священной паствы преступника и злодея, он изгнал его и отлучил от прочих овец».

Эти слова являются столь возвышенными и выспренними, что сам оратор, кажется, вознесся на небо.

Примером цветистого или среднего стиля может служить вся превосходнейшая речь Цицерона «В защиту Манилиева закона», в особенности во второй ее части, где воздаются хвалы Помпею;[197] так, например, то, что говорится о его воздержании.

Образец среднего стиля из Цицерона.

«Обратите внимание затем на его воздержность во всех других отношениях. Как думаете, откуда взялась у него эта быстрота передвижений, эта невероятная скорость плавания? Уж конечно, не небывалая сила гребцов, не неслыханное искусство кормчих, не неизвестные дотоле ветры перенесли его так быстро в самые отдаленные земли! Нет, он просто не давал задерживать себя тому, что так часто замедляет движение других полководцев. Он раз начертал себе определенный путь — и уж не могли остановить его ни корыстолюбие при виде добычи, ни жажда удовольствий при возможности развлечься, ни красота страны, зовущая к наслаждению, ни достопримечательность города, манящая к осмотру, ни даже утомительность труда, требующая отдыха; наконец, статуи, картины, все вообще украшения греческих городов, которые другие считают своим долгом увозить, не возбуждали даже его любопытства».[198]

Также святой Иоанн Златоуст, отличавшийся от природы очень спокойным характером, зачастую упражнялся в этом приятном стиле. Вот тебе один из тысячи примеров. В 42-й беседе «К народу Антиохийскому», указав на великую пользу ночной молитвы, он между прочим в таких словах учит о ночном созерцании: «Посмотри на хор звезд, на глубокое безмолвие, великую тишину, и удивляйся делам Господа твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возвышаться; самый мрак и совершенное безмолвие могут располагать к умилению. Если взглянешь на небо, испещренное звездами, как бы бесчисленным множеством глаз, и представишь себе, что те, которые днем шумят, смеются, играют, скачут, обижают, лихоимствуют, досаждают, делают бесчисленное

---

[197] **Помпей** — Гней Помпей Великий (Gnaeus Pompeius Magnus; 106–48 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, полководец, консул Римской республики 70, 55 и 52-го годов до н. э.

[198] **Обратите внимание затем на его воздержность… любопытства…** Имеется в виду произведение Цицерона «Речь о предоставлении Империя Гнею Помпею». См.: Cic. Man. XIV: 40. Пер. В. О. Горенштейна цитируется с изменениями.

множество зла, теперь нисколько не отличаются от мертвых, то осудишь все ничтожество человеческого самолюбия. Сон пришел и показал природу как она есть; он — образ смерти, если взглянешь на улицы, не услышишь ни одного голоса, если посмотришь в доме, увидишь всех лежащими как бы во гробе. Все это может возбудить душу к мысли о кончине [мира]».[199]

Пример низкого стиля.

Примеры низкого стиля дают послания Цицерона; хотя среди них есть некоторые, в которых серьезно затрагиваются важнейшие предметы, однако они по большей части написаны повседневным слогом. Во II книге писем «К близким», письмо 7, Цицерон приносит поздравление Куриону[200] с получением должности трибуна;[201] в нем Цицерон весьма хвалит благоразумие Куриона повседневным, но изящным слогом в следующих словах:

«Нет человека, который мог бы тебе посоветовать разумнее, нежели ты сам, и ты никогда не поскользнешься, если будешь слушаться себя самого. Не пишу этого необдуманно; кому пишу, вижу. Знаю твой дух, знаю твое благоразумие; не боюсь, что ты поступишь в чем-либо трусливо, в чем-либо глупо, если будешь защищать то, что ты сам признаешь правильным.

Ты, конечно, понимаешь, что ты не случайно столкнулся с этими обстоятельствами в государстве, но сознательно пришел к ним; ведь по своей воле, а не случайно ты приурочил свой трибунат к решительному времени. Ты, без сомнения, думаешь о том, сколь велика в государстве сила обстоятельств, сколь велики перемены, сколь неверен исход событий, сколь изменчиво настроение людей, сколько коварства, сколько тщеславия в жизни.

Я не сомневаюсь, что ты думаешь [об этом]. Но прошу тебя, не заботься и не думай ни о чем новом, но все о том, о чем я написал в начале: беседуй сам с собой, спрашивай совета у самого себя, слушай себя, повинуйся себе. Человека, который мог бы дать другому лучший совет, нежели ты, нелегко найти; тебе самому, во всяком случае, никто не даст лучшего совета».[202]

---

[199] **…в 42 беседе «К народу Антиохийскому…» «Посмотри… мира».** В тексте «О статуях, к народу Антиохийскому» не обнаружено. Количество бесед разнится в зависимости от школ и традиций от 10 до 21. Точная цитата из: Иоанн Златоуст. Беседа на Деяния Апостольские. Беседа 26. «Беседы на Деяния апостолов»; Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста… Т. 9. 1903. Кн. 1. С. 248.

[200] **Курион —** Гай Скрибоний Курион (сын трибуна 90 г. Гая Скрибония Куриона; Gaius Scribonius Curio; ок. 84–49 до н. э.) — оратор, римский сенатор. В 50 г. до н. э. стал народным трибуном.

[201] **Во II книге писем «К близким», письмо 7, Цицерон приносит поздравление Куриону…** Письмо Гаю Скрибонию Куриону, в Рим. Cic. Fam. II: 7.

[202] **Нет человека, который мог бы… никто не даст лучшего совета.** Письмо Гаю Скрибонию Куриону, в Рим. Cic. Fam. II: 7. Пер. В. О. Горенштейна.

Святой Златоуст также не обходится без таких похвал, но зачастую не только снисходит до уровня народного понимания, но даже до народного слога, однако не без искусства и учености. Так, например, в речи к поселянам,[203] пришедшим на праздник, он в таких словах описывает простоту сельской жизни:

«Душа у них глубокая, исполненная любви к мудрости, и жизнь следует учениям [веры]. У них нет женской роскоши: ни украшения одежд, ни красок и румян, но всякое такого рода развращение нравов изгнано. Поэтому они легче побуждают к скромности и подвластный им народ и с великим усердием соблюдают правило Павла, повелевающее иметь одежду и пищу и ничего больше не требовать».[204] У них нет в употреблении притираний, соблазняющих душу, но земля, производящая злаки более мудро, чем любой составитель притираний, доставляет им [возможность] наслаждаться различными цветами.

8. Здесь отметь: подобно тому, как башни, которые превосходят высотой обычные здания, все они, пожалуй, высоки, но не одинаково, одни даже кажутся выше других, а другие немногим превышают прочие городские здания, так и в возвышенном стиле: не всякая речь равно величественна, выспрення и возвышенна, но одна, пожалуй, будет самой возвышенной, другая — менее определенной, третья, наконец, — такого рода, что ее едва ли отличишь от среднего стиля. То же самое следует сказать о характере среднего и низкого стиля.

9. Запомни также: один и тот же предмет в зависимости от содержания можно излагать то в возвышенном плане, то в цветистом, то, наконец, обыденным слогом, как мы увидим ниже, где будет сказано о видах содержания.

ГЛАВА IX

О ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ КРАСНОРЕЧИЯ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ПРИРОДНОМ ДАРОВАНИИ, ВЫУЧКЕ И УПРАЖНЕНИИ

Изучающему ораторское искусство более всего необходимо и подобает знать также следующее: какие и сколько существует вспомогательных средств, которыми можно легко постичь искусство красноречия. Таких вспо-

[203] **…в речи к поселянам…** Источник цитаты не установлен.

[204] **…правило Павла, повелевающее иметь одежду и пищу и ничего больше не требовать…** Неточная цитата. 1 Тим. 6: 8.

могательных средств три: природа, искусство, упражнение и подражание. Все эти средства, вместе взятые, помогают постигнуть истинное искусство красноречия, поэтому никто не может стать хорошим оратором при отсутствии даже одного из них. Это обстоятельство повредило многим ораторам: так, иные удовлетворяются одним искусством, другие слишком надеются только на природу, третьи тщетно упражняются, не имея искусства; они поступают точно так, как человек, неопытный в мореплавании, который пускается в море, надеясь лишь на свое уменье сильно грести веслами. Природа, следовательно, придает человеку все способности, нужные оратору; искусство его образовывает и совершенствует, упражнение укрепляет навыком, подражание украшает, искусство восполняет его недостатки и как бы руководит им во всем. О первых трех вспомогательных средствах для искусства красноречия следует сказать в этой главе, о подражании же будем рассуждать ниже.

1. Итак, что касается природы, то в этой области можно обнаружить три типа природных особенностей: высший, средний и низший. Высшая способность — это та, которая обладает быстрой сообразительностью для изобретения риторического материала (таков был, по словам Плутарха,[205] Алкивиад[206]), даже тончайшим вкусом его расположения (таким достоинством Цицерон наделяет Гортензия и Марка Антония),[207] неким изобилием и богатством слов для изложения, чтобы оратор свой остроумно подобранный и умно расположенный материал не излагал вяло и бледно. Далее, весьма замечательным даром природы является обширная и твердая память. Обширность памяти зависит от того, что она одновременно схватывает и сохраняет весьма много предметов; твердость же — от того, что те же предметы она долго удерживает, не позволяя легко какому-либо из них выпадать. Этот дар выпадает на долю нередко даже без той блестящей быстроты соображения, что мы называем природным дарованием, и тогда память вовсе не способствует красноречию; поэтому если она не сопутствует блестящему дарованию, то нельзя решить вопрос о ее пользе. Затем телесными дарами природы являются: голос звучный, приятный, чистый, способный к модуляции, речь беглая и плавная, тело могучее и само лицо, способное легко меняться

[205] **...таков был, по словам Плутарха, Алкивиад.** ФП имеет в виду описание ораторского таланта Алкивиада в: Plut. Vitae parallelae. Alc. 10.

[206] **Алкивиад** — Алкивиад (Ἀλκιβιάδης; 450–404 до н. э.) — древнегреческий государственный деятель, оратор, полководец.

[207] **...таким достоинством Цицерон наделяет Гортензия и Марка Антония...** О мастерстве ораторов располагать материал см.: Cic. Brut. 301–303; 320 (о Гортензии) и Cic. Brut. 139–144; 215 (о Марке Антонии).

для выражения всех чувств: оно бывает веселым и сияет удовольствием в моменты радости, а в горестных случаях способно сильно скорбеть, в дружеском утешении оно кротко и ласково, когда же загорается гневом — страшно, а когда враждебно, грозит, словно мечет молнии.

Существуют также следующие достойные внимания признаки истинного дарования: страх, скромность и жажда славы. Ведь страх заставляет человека быть внимательным, чтобы не спешить с тем, что сказать и о чем умолчать; далее он внушает не считать глупой заносчивостью, что все знаешь и можешь сделать; наконец, он советует не избегать труда и, не веря в свои силы, работать как можно больше. Скромность оказывает такое же действие. Далее, подобно тому, как самомнение особенно делает ораторов глупыми, так скромность старается, чтобы мы не наболтали какого-нибудь вздора не к месту, не ко времени или недостойного нас самих. Жажда славы, конечно, придает сильнейший стимул оратору и делает незаметными любые его усилия. Свида[208] пишет о Фукидиде,[209] что тот, еще ребенком слушая, как Геродот[210] читал как-то раз свою «Историю» и, подстрекаемый жаждой славы, не мог удержаться от слез.[211] Узнав по этому признаку о даровании ребенка, Геродот шепнул на ухо отцу его Олору:[212] «Сын твой, — сказал он, — имеет от природы прекрасные способности к учению». Если кто-нибудь, обладая в высокой степени всеми этими дарованиями, имеет, кроме того, еще и душу, легко возбудимую всякими чувствами: гневом, печалью, радостью, любовью и пр. (что мы уже сказали относительно лица оратора), такой человек, думается мне, даром провидения рожден для красноречия.

Таковы вкратце признаки совершенного природного дарования, о которых ученые весьма обстоятельно рассуждают. Человек, отличающийся такими способностями, воздав великую благодарность Богу, да не будет чрезмерно самодовольным и да не вознесется, но пусть он усердно старается,

---

[208] **Свида** — Суда (Σοῦδα) или Свида (Σουΐδας) — византийский энциклопедический словарь на греческом языке, созданный во второй пол. X в. и включавший в себя биографии писателей. ФП считает Свиду именем автора, как это было принято до XX в.

[209] **Фукидид** — Фукидид (Θουκυδίδης; ок. 460 — ок. 400 до н. э.) — греческий историк, автор «Истории Пелопонесской войны» (Ιστορία του Πελοποννησιακού Πολέμου).

[210] **Геродот** — Геродот Галикарнасский (Ἡρόδοτος Ἁλικαρνασσεύς; ок. 484 — ок. 425 до н. э.) — греческий историк, автор трактата «История» (Historiae).

[211] **…о Фукидиде, что тот еще ребенком, слушая, как Геродот читал … свою «Историю», … не мог удержаться от слез.** Легенда о встрече Фукидида и Геродота построена по образцу легенды о встрече Гомера с Гесиодом: Геродот и Фукидид — основатели историографии, как Гомер и Гесиод — основоположники поэзии.

[212] **Олор** — (Орол) (Ὄλορος) — отец Фукидида, потомок фракийского царя Олора.

чтобы не оказалось, что он напрасно получил столь великое богатство. Ведь нередко случается, что обладатель таких природных дарований суетно проникается великим самомнением. Возгордившись этим, он не желает переносить трудов, полагая недостойным для себя (ведь он может достичь этого одним лишь дарованием) трудом приобрести искусство красноречия, и не слушает указаний наставников и даже не желает прочесть и ознакомиться с сочинениями образцовых писателей, чтобы не казалось, что он нуждается в чужой помощи. И таким образом тот, кто мог быть Меркурием,[213] зачастую по доброй воле становится безобразнейшим чурбаном.

2. Посредственная способность проявляется тогда, когда кто-либо обладает не всеми упомянутыми дарованиями или, пожалуй, даже всеми, но не в высшей степени. Таким образом, одаренного от природы средними способностями вовсе не следует удерживать от занятия искусством красноречия, так как оно может принести и немалую пользу и уравновесить усердным упражнением природные недостатки.

Ведь о Демосфене мы знаем, что он, именно отличаясь превосходной памятью, страдал, однако, недостатком речи, поэтому тренировался произносить неприятную и ненавистную ему букву r. Итак, он, говорят, научился безошибочно ее произносить, часто дразня щенка; это положение следует считать правильным как в отношении плохой памяти, так и в смысле совершенствования прочих посредственных способностей, дарованных природой. Кроме того, даже человек таких скромных способностей, как я, полагаю, становится совершенным оратором, правда, нелегко, но может надеяться на это, если проявит усиленное старание.

3. Низкая же способность — это та, которая или не обладает ни одним из вышеупомянутых дарований, или же имеет их немало, и притом в весьма слабой степени, [так что] едва ли можно признать, что она их имеет.

Именно если какой-либо оратор отличается столь тупой сообразительностью, что пока начнет обдумывать, что ему надлежит сказать по существу, то чувствует, как его охватывает великое помрачение, а память у него такая же, как у Мессалы Корвина, о котором рассказывают, что он даже позабыл собственное имя.[214] Далее такой оратор вовсе не ставит себе благородной и возвышенной цели, его не мучит жажда славы, он не обладает ни скромно-

---

[213] **Меркурий** — Меркурий (Mercurius, Mircurius, Mirquurius) — в древнеримской мифологии бог-покровитель торговли, сын Юпитера.

[214] **…память у него такая же, как у Мессалы Корвина…** Марк Валерий Мессала Корвин (Marcus Valerius Messalla Corvinus; 64 до н. э. — 8 н. э.) — римский государственный деятель, оратор, писатель. В конце жизни утратил память. Plin. HN., VII, 24.

стью, ни осторожностью, лениво трудится, разнуздан, страстен и своеволен, не подвержен переживаниям, и его ничто не трогает.

Как если б твердый утес иль стоял Марпесийский камень…[215]

Такому человеку — лично я считаю — надо приписать что угодно, кроме способности к красноречию. Ограничимся этими указаниями относительно природных данных [оратора].

4. Что же касается искусства, то многие [авторы] дают много указаний, но все эти [указания], как кажется, относятся не к тем, кто желает самостоятельно, не с голоса учителя, а путем чтения древних руководств добиться успеха. Так как это моим ученикам менее свойственно, то им, я полагаю, надо придерживаться только следующего. Во-первых, если человек, одаренный выдающимся талантом, будет надеяться только на врожденные способности и станет пренебрегать искусством, то он может легче ошибиться и впасть в заблуждение, чем менее способный, но руководствующийся правилами искусства. Это чрезвычайно полезное указание, помнится, прочел я у Гермогена.[216] Во-вторых, пусть никто не думает, что наставления следует читать один раз: их надо перечитывать многократно, пока все они укоренятся прочно в памяти. В-третьих, никто не должен удовлетворяться одними наставлениями искусства, что многие считают нужным. Но сверх того необходимо ежедневное упражнение и старательное подражание.

5. Далее при упражнении надо соблюдать следующее. Во-первых, не следует писать торопливо. Во-вторых, пока речь не закончена, необходимо почаще перечитывать написанное с самого начала. Ведь таким образом и связь последующего с предыдущим может быть более тесной, и усталая от напряжения мысль сможет восстановить свои силы. В-третьих, не следует без разбору хвататься за первые пришедшие на ум мысли, но все внимательно пересматривать и обдумывать. В-четвертых, сочинив речь, мы не должны ее выпускать в свет до тех пор, пока со всей тщательностью и осторожностью ее не исправим и не отделаем. В-пятых, не браться за темы, превышающие наши возможности, а, начиная с более легкого и постепенно продвигаясь, набирать силы для великих дел. В-шестых, ученики должны, кроме упражнений, указанных наставниками, разрабатывать также свои темы, взятые ими по собственному усмотрению.

---

[215] **Как если б твердый утес иль стоял Марпесийский камень…** Марпесская скала, Марпес — гора на острове Парос, где добывали известный паросский мрамор. См.: Verg. A. VI: 471.

[216] **Гермоген.** См. примеч. 51–52 к кн. I.

6. Какие же темы легче для упражнений начинающему ритору, это перечисляет древний софист Афтоний в своих «Предварительных упражнениях»;[217] из них наиболее важными представляются следующие. Во-первых, рассказать о каком-либо событии. Во-вторых, красиво описать. В-третьих, подтвердить или опровергнуть какой-либо рассказ. В-четвертых, по принципу этопеи или изобразить чей-либо нрав, или же в своей речи представить, каким был или мог быть способ выражения. Об этом я не намерен здесь говорить подробно, так как каждый из этих вопросов в отдельности будет удобнее разобрать в своем месте. Однако если кто захочет, то пусть обратится к «Предварительным упражнениям» Афтония или к I книге нашего руководства по поэтике.

7. На это очень верно указывает, как и в остальных случаях, Фабий Квинтилиан во II книге, гл. 4 «Руководства»: те, кто занимается упражнениями, страдают двумя недостатками. Из них первый состоит в применении стиля более высокого, чем требуется содержанием, т. е. если стремятся подражать чрезмерной пышности, красивости и богатству речи. Второй недостаток состоит в том, что, стараясь избежать напыщенности, станут совершенно избегать всяких украшений речи.[218] Из этих двух недостатков второй все же хуже, и первый можно скорее допустить у начинающего оратора: «Изобилие, — говорит Квинтилиан, — легко умерить, а сухости никак нельзя преодолеть».[219]

Наставления, которых надо придерживаться при сочинении речей.

8. Стоит, мне кажется, дать здесь краткие наставления начинающему оратору о том, как он должен поступать при сочинении речей. Так как обязанность оратора состоит в изобретении материала, его расположении и произнесении речи, то пусть новичок не думает, что он все это должен выполнить одновременно. Так многие люди и поступают: желая выставить напоказ свои жалкие способности, они считают, что им ничего не требуется для сочинения речи, кроме пера, бумаги и чернил. Лишь только они получат эти [инструменты], так тотчас же завершают все предприятие, и, чтобы не считали, что они могут заблуждаться (если даже они опрометчиво вы-

---

[217] **…это перечисляет… Афтоний в своих «Предварительных упражнениях».** Афтоний Антиохийский (Aphtonius; Ἀφθόνιος Ἀντιοχεὺς ὁ Σύρος; конец III — нач. IV в. н. э.) — греческий софист, ритор, автор Προγυμνάσματα (лат. Praeexercitamina). Речь идет о притчах, которые Афтоний использовал как основу для обучения начинающих пересказу, сжатию, трансформациям, распространению и т. д., а также о хриях (Chria Aphtoniana).

[218] **…указывает… Фабий Квинтилиан во II книге, гл. 4 «Руководства».** Пересказ Quint. Inst. Lib. 2. Cap. 4: 1–6.

[219] **Изобилие легко умерить, а сухости никак нельзя преодолеть.** См.: Quint. Inst. Lib. 2. Cap. 4: 7.

сказали непохвальное суждение), они ни одной буквы или черточки [из своей речи] не напечатают. Таково обыкновение и привычка недоучек. Поэтому если ты предпочитаешь быть действительно красноречивым, а не только казаться, то прежде всего обдумай содержание и обстоятельства дела, затем рассмотри, что нужно доказать или что опровергнуть и на каком крюке как бы вращается вся сущность дела, чтобы решить, какую стилистическую манеру следует применить в этом деле.

Далее следует обдумать и собрать весь пригодный для дела материал и начерно записать на бумаге. Затем тщательно обдумай необходимый порядок расположения материала: какие его части следует помещать раньше, а какие потом; в каком порядке ты напишешь цифры; если каждую часть материала прямо отметишь соответствующей цифрой, что следует поместить раньше, ты обозначишь первой цифрой, ближайшее к этому — второй, непосредственно следующее за вторым — третьей и т. д. Затем следует продумать вопрос об украшении, особенно риторическими фигурами: какая фигура и в каком месте окажется необходимой, и там же нужно приписать ее название. Наконец, найдя и расположив таким образом материал и украсив его заранее выбранными риторическими фигурами, облеки его в словесную одежду, словам же придай ритмическую связь, т. е. снова обдумай все строение ритмической речи и просмотри наставления, которые отмечены немного выше в пункте под номером пять. После этого речь подлежит тщательной и многократной отделке столькими способами, сколько бывает обычно родов недостатков. Итак, начиная с самых незначительных недостатков, обдумай: во-первых, является ли речь латинской, не вкрались ли в нее варваризмы, неподходящие выражения, поэтические обороты или солецизмы. Во-вторых, все ли в ней ясно и прозрачно. В-третьих, есть ли какой-нибудь смысл или же твоя речь вовсе непонятна? В-четвертых, проверь выбор слов: соответствуют ли они требованиям содержания, звучные ли, величавые, приятные слова и т. д. В-пятых, сохранена ли структура ритмической речи в соответствии с указанным ритмом и обычным применением? В-шестых, смотри, как бы не столкнуться с каким-либо из вышеупомянутых недостатков. В-седьмых, надо произвести оценку тропов и риторических фигур. В-восьмых, благоразумно взвесь наличие в речи уместного. В-девятых, все лишнее подлежит устранению, и, наоборот, то, чего в речи не хватает, следует, по внутреннему чувству или на слух, добавить. В-десятых, есть ли в отдельных частях речи особые достоинства и нет ли недостатков? Например, во вступлении, изложении и т. д. В-одиннадцатых, следует иметь в виду разнообразие.

Если ты будешь таким образом и тщательно и довольно часто упражняться и исправлять твои сочинения, то приобретешь такой ораторский на-

вык, что когда-нибудь твоя речь будет совершенной без всяких мер предусмотрительности и потечет свободно. Все же и труд, ныне потраченный на то, чтобы постичь все эти наставления, да не покажется тебе слишком великим, и ты окончательно поймешь их легче, если, имея эти наставления перед глазами, пожелаешь исправить твою речь в соответствии с порядком и ритмом, рекомендуемыми ими.

ГЛАВА X

О ПОДРАЖАНИИ: КОМУ И КАК СЛЕДУЕТ ПОДРАЖАТЬ (ЗДЕСЬ ЖЕ И ПОХВАЛЫ ЦИЦЕРОНУ И ЗЛАТОУСТУ)

Четвертым вспомогательным средством постичь искусство красноречия является также подражание. Причем, однако, следует избегать некоторых недостатков и применять правильный способ подражания.

1. Итак, надо избегать следующих недостатков: во-первых, выдавать чужое за наше не есть, как иные думают, подражание: ведь это называется воровством, а не подражанием. Во-вторых, неправильным и смешным будет подражание, если, пренебрегая сущностью, подражают разным мелочам у писателя и, мало того, даже самим их недостаткам. Такие подражатели были, по свидетельству Квинтилиана, у Цицерона: они считали себя цицеронианцами, потому что всякий период заканчивали на esse videatur.[220] Так, древние персы называли счастливым какого-нибудь обладателя кривого носа, потому только, что их царь Кир[221] также был кривоносым. В-третьих, не следует подражать писателю с таким суеверным благоговением, чтобы даже сами наши слова и, так сказать, очертания букв в слове приноравливать к его словам или же начинать нашу речь одинаковыми с ним словами, нагромождать столько же периодов, столько же доводов и всего остального, как и у этого писателя. Ведь таких подражателей Гораций и называет «раб-

---

[220] **…подражатели были … у Цицерона: они считали себя цицеронианцами, потому что всякий период заканчивали на esse videatur.** Имеется в виду известный факт: ораторы, близкие к Цицерону по времени, «переняли у него манеру делать длинную паузу в конце отрывка и употреблять слова esse videatur («кажется»), которыми он так часто пользовался» (см.: Монтень, «Опыты», гл. «О книгах»). Завершение периода словами esse videatur было свойственно не только Цицерону. Этот оборот получил распространение и вследствие того, что он имел логическое обоснование в качестве «героической клаузулы». См.: Cic. Orat. 217.

[221] **Кир** — Кир II Великий (Κῦρος, Cyrus; 593–530 до н. э.) — персидский царь, основатель персидской державы Ахеменидов.

ской скотиной».[222] В-четвертых, неправильно поступают те, которые обращают внимание и подражают у каждого выдающегося писателя только одним риторическим украшениям или расположению материала. В-пятых, в большую ошибку впадают те, кто набрасывается без разбора на любого писателя, полагая необходимым для себя следовать за ним, как слепцы за поводырем.

2. Правильный же способ подражания состоит преимущественно в следующем: во-первых, рассмотрим, кто в искусстве, которым мы занимаемся, является самым совершенным и наиболее выдающимся, которого ты можешь узнать, главным образом, на основании суждений о нем и по изображениям. Первое, если он выполняет то, что требует его обязанность. Второе, если он поступает соответственно назначению искусства. Третье, если он совершил своей речью нечто великое. Четвертое, на основании отзывов и оценки большинства ученых. Во-вторых, можно начать, по крайней мере, такое подражание не в серьезном плане, а для упражнения, чтобы найти риторический материал, подобный тому, который какой-либо оратор излагает в своей речи, и по образцу его располагать весь материал нашей речи. Впрочем, при обязательном применении такого подражания, кроме как для упражнения, это явилось бы недостатком. В-третьих, если мы взялись подражать какому-нибудь писателю, то необходимо подражать постоянно и с великим усердием «не выпускать из рук ни днем ни ночью», чтобы ближе познакомиться с ним. В этом-то и состоит, главным образом, весь способ подражания, ведь так наша душа превращается как бы в душу этого знаменитого писателя. В-четвертых, пусть затем присоединяется тщательное соблюдение всех прекрасных достоинств [писателя]: сколь остроумно он подобрал риторический материал, сколь рассудительно его расположил, сколь красив, чист, прозрачен и гармоничен его слог и т. д. В-пятых, писатели спорят о том, следует ли подражать многим или какому-нибудь одному писателю? Я вместе с Юнием Мельхиором выставляю требование подражать одному, ведь нелегко следовать манере многих писателей, так как почти у всех она различна. И поэтому понятно, откуда получается вялый, непоследовательный, в равных частях речи неодинаковый стиль. Итак, будем подражать одному, но, впрочем, поэтому не следует полагать, что всех других писателей нам даже и не надо видеть. Ведь если мы и должны подражать какому-нибудь одному, то все же можем получить помощь ото всех. Так, путник, следуя за каким-нибудь одним проводником, все же обычно обращается к другим за помощью в пути. Ввиду этого оратор должен

---

[222] **...таких подражателей Гораций и называет «рабской скотиной»...** См.: Hor. Ep. I. 19. 19. То же рассуждение о подражателях см.: ФП «Поэтика». С. 382.

иметь обширное образование: ему следует перечитать не только ораторов, но и историков и поэтов, познакомиться с учением философов, изучить толкование священных книг и тщательно ознакомиться с законами того и другого права. Ведь все это помогает оратору и совершенствует его. В-шестых, далее, по единодушному свидетельству всех веков, в искусстве красноречия светского и гражданского среди греков только один Демосфен выставлен образцом, достойным подражания, среди латинян — только один Цицерон, в искусстве же красноречия духовного — только Иоанн Златоуст. О Демосфене, поскольку он от нас далек, здесь, пожалуй, не стоит упоминать; ниже я изложу вкратце суждения о Цицероне и Златоусте, чтобы изучающие красноречие знали, почему все ученейшие наставники искусства красноречия так рекомендуют этих авторов и только их одних почитают образцами в обоих родах красноречия.

3. Пусть поэтому сначала выступит Марк Туллий Цицерон — вершина человеческого красноречия — для восхваления которого по его достоинству потребовался бы, как хорошо заметил Ливий, сам Цицерон;[223] по утверждению Фабия Квинтилиана, его рождение было даром провидения, чтобы искусство красноречия испытало в нем все свои силы. Ведь у него находили все достоинства, какие можно найти у совершенного оратора: «Он (слова Мельхиора) был изобретательнее всех при изобретении материала, располагал его наиболее разумно, излагал в высшей степени красиво, обильно, полновесно. Он отличался величайшим изяществом изложения доказательств, мощью при возбуждении [страстей], в шутках был привлекателен. Один он говорил, писал, занимался различными темами, либо излагая философские взгляды, либо переписываясь с отсутствующими, либо выступая в сенате, либо прославляя кого-нибудь перед народом, либо обвиняя или защищая. Примеры, и к тому же отличные и совершенные в отношении ритма, всего этого можно взять из его [сочинений]. Один он отличался во всех родах красноречия и мог, как это подобает совершенному оратору, с важным спокойствием говорить о предметах возвышенных, а о малых и посредственных — с соблюдением должной меры, хотя известно, что каждый оратор был силен в одном роде красноречия, и одни [ораторы] отличались простотой, другие — величавостью».[224]

Второе светило красноречия, которое хотим предложить в качестве образца для подражания, — это Златоуст. Слава в веках доставила ему при-

---

[223] **Цицерон… для восхваления которого … потребовался бы, как хорошо заметил Ливий, сам Цицерон…** Источник цитаты не установлен.

[224] **Он (слова Мельхиора) был изобретательнее всех… и одни [ораторы] отличались простотой, другие — величавостью…** Источник цитаты не установлен.

знание, присвоив даже, как вечный памятник славы, прозвание Златоуста. Вникая в его творения, ты найдешь, что слава его уступает его искусству, его дарование в весьма остроумных доводах, поразительных уподоблениях, в живой и яркой речи, при такой, однако, соразмерности вкуса, что он всюду парит и нигде не кажется напыщенным. Одним ораторам удается серьезное, другим — легкое; одни становятся суровыми, другие — приятными, третьи склонны больше к состраданию, и почти каждый наделен теми или иными дарами красноречия. Златоуст же, по-видимому, проявлял всеобъемлющие способности в такой степени, что, видя стремительную мощь его речи, подумаешь, что только этим он и славится, а когда почувствуешь ее сладость, то решишь, что он лишен стремительности и мощи. По-видимому, по своей натуре Златоуст был немного суров, так как всегда непременно шутит саркастически, и во многих местах, кажется, осуждает всякие шутки, однако я приписал бы это не его натуре, а очень строгому образу жизни. Ведь знаменитая краткая его декламация о ласточке[225] и много описаний прелестнейших предметов показывает исполненное радости дарование. Немало триумфов он со славой одержал своим красноречием, и учителя красноречия считают их победой над душами. Он показал, что Евтропий,[226] возбудивший против себя всеобщее недовольство, заслуживает сострадания и прощения, и заставил тех оплакивать его, кто требовал его казни. Далее, Златоуст убедил Аркадия изгнать еретиков из города, а Гайну, вождя ариан, который из-за того, что его лишили храма, неистово угрожал междоусобной войной, смирил своей речью; страшный гнев императора Феодосия против антиохийцев он смягчил речью,[227] произнесенной чужими устами, наконец, целый город он не чем иным, как красноречием и святостью жизни, настолько умел держать в своей власти, что этот город повиновался ему не менее, чем императору. Но [Златоуст] превосходит, по-видимому, ожидания и вызывает всеобщее изумление не только тем, что он писал прекрасно, но также и множеством своих творений; так, например,

---

[225] **…декламация о ласточке…** Видимо, ФП имеет в виду толкование «К иудеям и эллинам, и еретикам; и на слова: «был... зван Иисус... на брак» (Ин. 2: 2)», см.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста... Т. 2. 1896. Кн. 2. С. 928–935.

[226] **…показал, что Евтропий… заслуживает сострадания…, и заставил тех оплакивать его, кто требовал его казни…** Евтропий (Eutropius; ум. 399) — римский государственный деятель, фаворит императора Аркадия. ФП имеет в виду историю о том, как политические противники хотели казнить Евтропия, но тот укрылся в церкви благодаря Иоанну Златоусту, который произнес проповедь о прощении обид и непостоянстве человеческого могущества и таким образом успокоил толпу.

[227] **Златоуст убедил Аркадия…, Гайну… смирил…, гнев Феодосия… смягчил…** См. примеч. 19–22 к кн. I.

Никифор Каллист[228] говорит, что читал тысячу его книг, а по утверждению Свиды, Златоуст сочинил столько томов, что их нелегко даже сосчитать. Итак, кто же не видит правильности сказанного о нем: нет более великого и лучшего оратора, чем святой Иоанн Златоуст!

ГЛАВА XI

ПЕРЕЧИСЛЯЮТСЯ ПРОЧИЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ ПИСАТЕЛИ И СВЯТЫЕ ОТЦЫ, ПИСАВШИЕ НА ОБОИХ ЯЗЫКАХ

Здесь мы будем говорить не обо всех писателях, а только лишь о тех, которых писатели считают надежно достойными подражания для изучающих риторику без ущерба для своего дарования и труда.

Таким образом, из языческих писателей встречают одобрение историки: Крисп Саллюстий,[229] которого многие называют первым среди римских историков; Тит Ливий, именуемый сладостным потоком красноречия; по свидетельству Иеронима, чтобы повидать Ливия, многие известные своей ученостью и красноречием люди стекались в Рим из отдаленных областей;[230] Квинт Курций, стиль которого блистательный, сладостный, ясный и никогда не бывает отрывистым, речи остроумные и убедительные, однако не страдают темнотой. Эта похвала является весьма редкой, ведь некоторые считают, что ясности недостает и Фукидиду, греческому историку.[231] Над всеми

---

[228] **Никифор Каллист —** Никифор Каллист Ксанфопул (Νικηφόρος Κάλλιστος Ξανθόπουλος; ок. 1256–1317) — монах Софийского монастыря в Константинополе, автор «Церковной истории» (Historia Ecclesiastica) в восемнадцати книгах.

[229] **Крисп Саллюстий, которого … называют первым среди римских историков…** Гай Саллюстий Крисп (Gaius Sallustius Crispus; 86–35 до н. э.) — римский историк, автор сочинений «О заговоре Катилины» (De coniuratione Catilinae), «Югуртинская война» (Bellum Iugurthinum), «История». В XVII в. был вторым по популярности читаемым историком (после Тацита), см.: *Osmond P. J.* Princeps historiae Romanae: Sallust in Renaissance political thought // Memoirs of the American Academy in Rome. 1995. Vol. 40. P. 134.

[230] **…по свидетельству Иеронима, чтобы повидать Ливия, многие … люди стекались в Рим из отдаленных областей.** См. примеч. 49–50 к кн. I.

[231] **…ясности недостает и Фукидиду…** Фукидид (Θουκυδίδης; ок. 460 — ок. 400 до н. э.) — древнегреческий историк, основатель исторической науки, автор «Истории Пелопоннесской войны». В Маркеллиновой биографии греческого историка имеется следующая характеристика: «Слог его чрезвычайно серьезен и величав; сочетание предложений шероховато, высокопарно, изобилует неправильным размещением слов, иногда неясно. Краткость его изумительна, и мыслей у него больше, чем слов... способ выражения высокопарный, мысль затемняется тем, что он склонен к неправильному размещению слов, немногими словами обозначает множество предметов», Marc. Vita Thuc. 50, 56. Пер. С. А. Жебелева.

возвышается божественный дух Сенеки: у него почти столько слов, сколько в них вложено значений, и столько же нравственных наставлений для поведения в жизни; впрочем, его стилистическим приемам оратору не следует особенно подражать: исключение могут составить только философы и, как обычно принято называть, наставники аскетической жизни; у Плиния-панегириста[232] я считал бы необходимым обратить внимание на одни лишь остроумные и изощренные выражения; кроме этого он ни в чем более не заслуживает подражания, так как ведь и латынь у него недостаточно чистая (поскольку она порождена менее значительным веком), и стиль, совершенно не подходящий для оратора. Тацита все, и в особенности замечательный его хвалитель — Юст Липсий,[233] — прославляют как самого красноречивого писателя (только если исключить у него признаки испорченной латыни), но все же некоторые почитают его способным скорее доставлять наслаждение, чем подходящим образцом для сочинения истории. По крайней мере, Фамиано Страда[234] за многое порицает Тацита, однако не упрекает в недостатке таланта; напротив, может быть, следует сказать, что он страдает чрезмерной снисходительностью к таланту. Из «Комментариев» Цезаря[235] надо учиться ровному стилю и чистоте языка.[236]

Не следует пренебрегать также изучением поэтов, у которых можно встретить замечательные образцы искусства красноречия. Вергилий стал преиму-

---

[232] **Плиний-панегирист** — Плиний Младший, Гай Плиний Цецилий Младший (Gaius Plinius Caecilius Minor; ок. 62–113) — писатель, поэт, оратор, политический деятель, адвокат, автор писем и панегириков, из которых сохранился и был широко известен «Панегирик Траяну» (Panegyricus ad Trajanum), называемый ФП образцом остроумия.

[233] **…замечательный его хвалитель Юст Липсий…** Это определение обусловлено тем, что нидерландский гуманист, философ, знаток классической латыни Юст Липсий (Justus Lipsius; 1547–1606) был блестящим знатоком Тацита и его подражателем в области стиля. Именно благодаря Липсию Тацит приобрел популярность в XVII в. Его издания Тацита и Сенеки стали образцом комментированных изданий древних текстов.

[234] **Фамиано Страда** — Famiano Strada (1572–1649) — итальянский священник, учитель риторики и латыни в Риме, историк, моралист; автор сочинений «О бельгийской войне» (De bello belgico); «Элоквенция» (Eloquentia bipartita), «Prolusiones academicae seu orationes variae ad facultatem oratoriam, historiam, poeticam spectantes». Считал, что труды Тацита подрывают доверие к власти.

[235] **Цезарь** — Гай Юлий Цезарь (Gaius Iulius Caesar; 100–44 до н. э.) — римский государственный и политический деятель, полководец, писатель. Вторым (после Цицерона) получил почетный титул Отец отечества (Pater Patriae).

[236] **Из «Комментариев» Цезаря надо учиться … стилю и чистоте языка.** Речь идет о «Записках о Галльской войне» (Commentarii de bello Gallico), составленных Цезарем и приобретших популярность в Средние века и эпоху Возрождения. В XVI в. по «Запискам о Галльской войне» начинают изучать латинский язык.

щественным образцом для подражания, в первую очередь, при изображении всевозможной патетики: его остроумие при изобретении риторического материала, искусство композиции, чистота речи, изящество, своеобразие, разнообразие и, наконец, все в целом превосходит ожидания; но, главным образом, вызывает наше удивление применение у него уместного. Если бы Овидий заботился о своем даровании, то, разумеется, был бы равен Марону, и потому многие ставят его даже на первое место после Вергилия. Среди других памятников его искусства красноречия особенно знамениты две речи (в XII книге «Метаморфоз»), в которых Аякс и Улисс спорят об оружии Ахиллеса.[237] Эти речи я считал бы необходимым для ритора заучить наизусть. Гораций — истинно латинский поэт, ясный, изящный, приятный, разнообразный, строгий в словах и мыслях. Марциал, по-видимому, отличался особенным остроумием; он дал в шутливой форме примеры «Порицания людских недостатков», ведь в шутках он никому не уступает, если исключить некоторые непристойные. Плавт[238] и Теренций[239] дадут примеры обыденного или низменного стиля: у них следует учиться чистоте латинской речи: ведь Цицерон без колебания защищает свои выражения авторитетным примером Теренция. О Плавте в народе думали, что если бы Музы пожелали говорить латинской речью, то они вложили бы ее в уста Плавта. Знаменитого возвышенностью своего содержания мыслей и блистательной пышностью речи Сенеку Трагика следует читать преимущественно с целью подражания его страстной патетике.

3. Отцов же и учителей церкви духовный оратор не должен выпускать из рук ни днем ни ночью: если кто не прочел их творений, то ему, по моему мнению, никогда не следует решаться выступать с церковной кафедры. Ведь когда проповедник заявляет, что говорит от имени Христа или церкви, то ему, по крайней мере, надо знать взгляд церкви, а этого он может достичь, только научившись чтением Священного Писания и творений святых отцов; да и дарами красноречия, правда не все всеми, но хотя бы некоторыми, блещут святоотеческие книги.

Прославляют ясность Афанасия[240] в учении и толковании. Некий святой отшельник, говорят, воздал его творениям (как рассказывается в «Луге

---

[237] **Аякс и Улисс спорят об оружии Ахиллеса…** См. примеч. 23–26 к кн. I.

[238] **Плавт** — Тит Макций Плавт (Titus Maccius Plautus; ок. 254–184 до н. э.) — римский комедиограф.

[239] **Теренций** — Публий Теренций Афр (Publius Terentius Afer; ум. 159 до н. э.) — римский комедиограф.

[240] **Афанасий** — Афанасий Великий (Ἀθανάσιος ὁ Μέγας; ок. 298–373) — богослов, Отец и Учитель Церкви, писатель-полемист, противник арианства, архиепископ Александрийский.

духовном»[241]) такую хвалу: «Если найдешь писания Афанасия и не на чем будет их писать, то пиши на одежде».[242] Юстин Мученик и Философ тонко толкует о предметах веры,[243] изящно и вместе с тем сильно — Афинагор.[244] Величавость Василия не имеет равных. По словам Эразма, Нисскому нравилась благочестивая простота, но, впрочем, в восхвалениях он очень пышен и чрезвычайно разнообразен. Красноречие Григория Назианзина возвышенно, и богословские учения не должно было провозглашать иными устами: страстный в порицании нечестивцев, по словам Эразма, и сладостный в восхвалении праведных, он был не чужд стремлениям к высокой образованности. Вся речь Василия Селевкийского[245] была величавой, нарядной и выразительной, однако он, по словам патриарха Фотия[246] (в его «Библиотеке»[247]), стремился к ораторскому остроумию и цветистым выражениям, и это поймет любой читатель, который сколько-нибудь смыслит в ораторском искусстве. Феодорит[248] соединил высшую образованность с со-

---

[241] **«Луг духовный»** — «Синайский патерик», Лимонарь (Λειμωνάριον, Pratum spirituale) — памятник агиографии, повествование о жизни христианских подвижников, написанное иноком Иоанном Мосхом в VII в., завершенное Софронием Иерусалимским.

[242] **Некий святой отшельник … воздал его творениям … хвалу: «Если найдешь писания Афанасия и не на чем будет их писать, то пиши на одежде».** Подразумевается легенда о преподобном Косме из «Синайского Патерика» (гл. 40. Жизнь аввы Космы-евнуха).

[243] **Юстин Мученик и Философ** — Иустин Философ (Иустин Великий, Иустин Римский, Иустин Мученик; Ιουστίνος ὁ Φιλόσοφος; ок. 100–165) — раннехристианский мученик, апологет, философ, положивший начало богословскому истолкованию истории. Автор «Первой апологии» (Apologia I), «Второй апологии» (Apologia II) и «Разговора с Трифоном-иудеем» (Dialogus cum Tryphono Judaeo).

[244] **Афинагор** — Афинагор Афинский (Ἀθηναγόρας ὁ Ἀθηναῖος; ок. 133 — ок. 190) — апологет, философ, автор послания в защиту христианства «Предстательство за христиан» (Πρεσβεία περί χριστιανών) и рассуждения «О воскрешении мертвых» (Περί αναστάσεως νεκρών).

[245] **…речь Василия Селевкийского была величавой, нарядной и выразительной.** Василий Селевкийский (Βασίλειος; ум. ок. 458–460), епископ Селевкии, духовный писатель, автор 41 слова и истории о первомученице Фекле. По свидетельству Фотия, Василий описал житие и чудеса святой Феклы в стихах (см.: *MacCaffrey J.* Basil of Seleucia // The Catholic Encyclopedia. New York, 1907. Vol. 2. P. 330).

[246] **Фотий** — патриарх Фотий I (Πατριάρχης Φώτιος; ок. 820–896) — богослов, писатель, ученый, патриарх Константинопольский.

[247] **«Библиотека»** — (Myriobiblion; Μυριοβίβλιον) — реферативное сочинение, включавшее в себя обзоры и цитаты из сочинений ораторов, грамматиков, историков, географов, богословов, житий святых, а также упоминания об исторических фактах, другие сведения о которых не сохранились.

[248] **Феодорит** — Феодорит Кирский (Θεοδώρητος ο Κύρου; ум. 457) — богослов, проповедник, писатель, историк церкви, епископ Кирский (Сирия).

вершенным искусством красноречия и даже еще ныне слывет среди ученых самым красноречивым, а среди красноречивых — ученейшим. Обращает внимание тонкое остроумие и древняя мудрость Синезия,[249] содержательность Кирилла[250] и Дамаскина,[251] проявляющаяся у каждого по-разному, из латинских отцов я считаю только троих достойными подражания: Киприана,[252] Лактанция[253] и Иеронима: у них ты отметишь отличные образцы чистоты латинской речи и подлинного красноречия. Ведь Тертуллиан темен и странен,[254] а святой Амвросий[255] и Августин, как кажется, стремятся больше, чем им подобает, к остроумным и искусным оборотам. Хризолог[256] отличается сильной сухостью, папа Григорий[257] по своему душевному складу, безусловно, создан для красноречия, но ему не хватает словарного запаса, что следует приписать менее просвещенному веку.

---

[249] **Синезий** — Синезий (Синесий; Συνέσεῖος; ок. 370/375 — ок. 413) — богослов, философ-неоплатоник, епископ Птолемаидский.

[250] **Кирилл** — возможно, ФП имеет в виду Кирилла Александрийского (Κύριλλος Α´ Αλεξανδρείας; 376–444) — Отца Церкви, христианского полемиста, богослова, автор трудов, посвященных библейской экзегезе, апологетике и догматике. Однако не исключено, что подразумевается Кирилл Иерусалимский (Κύριλλος Α´ Ἱεροσολύμων; 315–386) — Отец Церкви, епископ Иерусалимский, проповедник, автор важных для христианской догматики слов, истолковывающих смысл Символа веры, а также слов с истолкованием смысла таинств крещения, миропомазания, елеосвящения, евхаристии.

[251] **Дамаскин** — Иоанн Дамаскин (Ἰωάννης ὁ Δαμασκήνος, ὁ Χρυσορρόας, Ioannes Damascenus; 2-я пол. VII в. — до 754) — урожденный Мансур ибн Серджун Ат-Таглиби — христианский святой, богослов, философ и гимнограф, один из Отцов Церкви и Учителей Церкви.

[252] **Киприан** — Киприан Карфагенский (Thascius Caecilus Cyprianus; ум. 258) — богослов, создатель учения о единстве церкви, епископ Карфагенский.

[253] **Лактанций** — Лактанций Луций Цецилий Фирмиан (Lucius Caecilius Firmianus Lactantius; ок. 250 — ок. 325) — христианский писатель, проповедник, автор «Божественных установлений» (Divinae institutiones), названный гуманистами «христианским Цицероном».

[254] **Тертуллиан темен и странен…** Характеристика стиля («темен и странен») — общее место, обусловленное сложностью восприятия текстов Тертуллиана из-за его склонности к софистическим оборотам, антитезам, неожиданным сравнениям.

[255] **Амвросий** — Амвросий Медиоланский (Ambrosius Mediolanensis, Aurelius Ambrosius; ок. 339–397) — проповедник, гимнограф, епископ Миланский.

[256] **Хризолог** — Петр Хрисолог (Petrus Chrysologus; ок. 380–450) — христианский богослов, автор более 170 гомилий, епископ в Равенне. В IX веке получил прозвище «Златословец».

[257] **…папа Григорий** — Григорий I Великий, Григорий Двоеслов; Gregorius PP. I, Gregorius Dialogus, Γρηγόριος ὁ Διάλογος; ок. 540–604) — папа римский, богослов, автор «Диалогов о жизни и чудесах италийских отцов и о вечности души» (Dialogi de vita et miraculis patrum Italicorum et de aeternitate animarum).

ГЛАВА XII

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ ОРАТОРУ ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК ОН ПРИСТУПИТ К ДЕЛУ

Далее следует дать некоторое введение для подготовки слушателей ко всему искусству красноречия в целом. Хотя все до сих пор сказанное нами относится к такому красноречию, но все же оно является несколько далеким от самого искусства и расположено как бы в его преддверии. То же, о чем мы будем говорить теперь, относится именно к самому искусству, но, как кажется, является для него более характерным.

1. Поэтому, прежде всего, знай, что всякая речь делается приятной по следующим двум причинам: во-первых, в силу самого своего происхождения, или если речь как бы заключена в какой-то душе, разлитой по всему телу, именно для того, чтобы она стала сладостной, благородной, вызывала бы удивление тщательностью отделки, и смысл ее был бы правильным, а патетика искренней. Ведь проявления чувства можно наблюдать не в отдельных членах, а во всем теле. Как говорят, речь не будет патетичной, если патетика налицо только в приступе, а остальные части являются «холодными». Во-вторых, [речь становится приятной] по причине ораторских украшений и «цветов», о которых будет сказано в книге IV; эти последние не должно рассыпать равномерно по всей речи, но разно: одни — в одном, другие — в другом месте.

2. Чем больше ораторских достоинств сосредоточено в одном и том же члене речи, и они как бы сами проникают друг в друга, тем более изящным и красивым делается образ, так что в одном и том же периоде сходятся воедино и амплификация, и возвышенная патетика, и вместе с тем много риторических фигур.

3. Чтобы оратор знал, какие дарования необходимы для выполнения каждой его обязанности (разумей три первых), следует обратить внимание на то, что при изобретении риторического материала требуется изобретательность, при его расположении — рассудительность и вкус, при произнесении речи — и то и другое. Поэтому пусть оратор заблаговременно решит: какая из этих способностей у него менее развита, ту и следует ему более усиливать.

4. Приступая же к труду, пусть оратор не помышляет о том, каким способом его речь может понравиться публике, он не должен исключительно заботиться о способах убеждения публики, но пусть он тщательно задумается над следующим: что представляла бы собой моя речь, если бы я произнес ее в присутствии знатока ораторского искусства, например, Цицерона

или Демосфена? Ведь таким способом можно обнаружить много недостатков, которые случайно вкрались в речь под видом достоинств.

5. Кроме того, оратору следует знать о существовании некоторых достоинств речи, которые не относятся к какому-либо виду искусства, но к неким постоянным свойствам вещей. Обычно они таковы. Во-первых, торжественность, когда речь идет о предметах самых возвышенных: о Боге, небе, мире, добродетелях и т. д. Это достоинство тесно связано с риторической фигурой эмфазой и содержанием и нарочито избегает словесной пышности. Во-вторых, суровость, которая имеет обличительный смысл; фигуры яркие, слова грубые и неотделанные. В-третьих, стремительность — почти то же самое, что и суровость, кроме, пожалуй, того, что первая сильнее и ярче. В-четвертых, живость речи, когда в ней нет ничего бесцветного и вялого, но все почти слова имеют значительный вес. В-пятых, энергия или речь, состоящая из кратких и острых мыслей, которыми в отдельных случаях в чем-нибудь задевают слушателя. Смотри ниже об остротах, книга VIII. В-шестых, стремление угодить публике; когда оратор приспособляет речь не только для слушателя, но и к интересам и уровню понимания публики и при этом заимствует сравнения или доводы от предметов обыденных и знакомых простонародью, не для того, чтобы склонить народ к предметам возвышенным, а скорее навязать их народу. Так, например, Златоуст в 42-й беседе «К антиохийцам» поучает народ повиноваться Богу по примеру псов.[258]

---

[258] **Златоуст в 42-й беседе «К антиохийцам» поучает народ повиноваться Богу по примеру псов.** См.: Иоанн Златоуст. Беседа 34: 5 (на Деян. 15: 35–36). В указанном ФП источнике цитаты нет.

КНИГА II

ОБ ИЗОБРЕТЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ОБ АМПЛИФИКАЦИИ

После разбора общих указаний первое, что подлежит нашему рассмотрению в данном труде об ораторском искусстве, — это умение находить то, что относится к данному делу.

В совещательном и судебном родах красноречия всего более способствуют успеху дела те обстоятельства и доводы, которыми мы подкрепляем нашу мысль, чтобы легче убедить слушателей. Итак, раз почти вся задача изобретения сводится к подысканию доказательств, мы в этой же самой книге будем разбирать места, где их надо искать. Так как парадный род красноречия предназначен не столько для обоснования, сколько для амплификации темы, то поэтому в этой же книге следует сказать и об амплификации. Впрочем, и парадность большей частью нуждается в доказательствах, а обсуждение и решение очень часто получают свою силу от амплификации.

Перечень глав книги II.

Глава I. На что надо сначала обращать внимание сочинителю речи; здесь же говорится об общих темах риторического обсуждения, о состоянии этих общих тем, о конкретных темах, о вопросе, подлежащем решению, и о доказательствах.

Глава II. Объясняются так называемые природные места (источники) для нахождения доказательств.

Глава III. Объясняется обстановка, связанная с лицами и предметами и так называемыми местами неопределенными.

Глава IV. О применении вышеупомянутых общих мест, или каким способом извлечь из них доказательства. Девять главных наставлений, выбранных из разных писателей Юнием Мельхиором.[1]

---

[1] **Юний Мельхиор.** См. примеч. 78 к кн. I.

Глава V. Особое указание, как следует извлекать доводы из источников.

Глава VI. Особое рассмотрение плодотворности дополнений и следствий с соответствующими примерами.

Глава VII. Что такое аргументация, и каковы виды доказательств.

Глава VIII. Об амплификации: в чем она состоит и откуда черпается, о делении ее на четыре вида и прежде всего о возрастании и сравнении.

Глава IX. Приводятся остальные два рода амплификации: заключение и нагромождение и прочее, относящееся к амплификации.

Глава X. Прилагаются знаменитые образцы амплификаций.

ГЛАВА I

НА ЧТО НАДО СНАЧАЛА ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ СОЧИНИТЕЛЮ РЕЧИ. ЗДЕСЬ ЖЕ ГОВОРИТСЯ ОБ ОБЩИХ ТЕМАХ РИТОРИЧЕСКОГО ОБСУЖДЕНИЯ, О СОСТОЯНИИ ЭТИХ ОБЩИХ ТЕМ, О КОНКРЕТНЫХ ТЕМАХ, О ВОПРОСЕ, ПОДЛЕЖАЩЕМ РЕШЕНИЮ, И О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ

Так как содержанием риторики или ораторской речи, как мы указали выше, является всякая общая тема, предназначенная для произнесения, то сначала следует объяснить, что такое и насколько многообразны общие темы, как различно состояние этих общих тем и остальное, что касается определения общей темы.

1. Итак, расследование есть неопределенная речь, возникшая из двух противоречащих друг другу положений и имеющая целью доказать достоверность того или другого из них. Говорят «неопределенная речь», потому что, спрашивая, мы ничего не утверждаем и не отрицаем, но только стараемся узнать истину или как обстоит какое-нибудь дело. Говорят «возникшая из двух противоречащих друг другу положений», потому что когда мы высказываем нашу мысль о чем-нибудь, то либо мы знали наверное, что это так, как нам кажется, либо не наверное. Если наверное, тогда не возникает вопроса, если не наверное, то будет два противоположных мнения; чтобы их примирить добиваются достоверности, а это и называется quaestio — расследование. Например, убил ли Секст Росций Америйский отца?[2] Из этих двух противоположных утверждений возникает вопрос: убил, не убил?

[2] **…убил ли Секст Росций Америйский отца?** См. примеч. 193 к кн. I. и примеч. 4 к кн. II. Рассмотрение любого дела начинается с установления факта, так как от этого зависит дальнейший поиск доводов и нахождение необходимых общих мест.

Поэтому же вопросом называется стремление к достоверности того или иного суждения; это ясно и не нуждается в объяснении.

2. Расследование бывает или определенным, или неопределенным.

Неопределенное расследование по-гречески называется thesis, а по-латыни также propositum; это — то, что обсуждает что-либо в общем виде, без обозначения лиц, мест, времени и подобного. Определенное же расследование по-гречески называется hypothesis, а по-латыни controversia или causa, которое обсуждает что-либо с обозначением лиц, мест и времени. Thesis есть вопрос, который обсуждает, следует ли наказать войной за бесчестие, причиненное чужеземцами [какому-то] государю. Hypothesis же обсуждает, должны ли спартанцы отомстить за оскорбление, причиненное спартанскому царю афинянами на театральном представлении.[3]

3. Есть два рода и того и другого расследования. Ведь один вид расследования касается познания, и целью его является наука. Например, бывает ли когда-либо истинная дружба? Или: движется ли небо, а земля стоит неподвижно и т. д.? Другой вид расследования касается практической деятельности, и его цель — какое-нибудь дело. Например, какими средствами следует поддерживать дружбу.

4. Точно так же есть три стадии расследования. Предположительная, когда сам факт стоит под вопросом: произошло ли какое-нибудь событие, было ли оно или будет и т. д.? Составил ли Катилина заговор против республики?[4]

Стадия определяющая называется также вопросом об имени; в ней разбирается, какое название носит тот или иной предмет. Был ли Цезарь отцом отечества или тираном?[5] Или: следует ли приверженцев папы называть еретиками?[6]

---

[3] **…оскорбление, причиненное спартанскому царю афинянами на театральном представлении…** Вероятно, речь идет об образе Менелая в «Андромахе» (419 г.) Еврипида, который показал царя Спарты подлым и жестоким человеком.

[4] **Составил ли Катилина заговор против республики?** См. примеч. 18 и 229 к кн. I. В начале рассмотрения дела, по Аристотелю, надо установить, было или не было, есть или нет, используя доказательства к очевидному. Считается, что история первого заговора Катилины полна неясностей, в отличие от истории второго заговора, роль в котором Катилины не вызывает споров.

[5] **Был ли Цезарь тираном или отцом отечества**? Ответ на вопрос зависит от определения имени (о каком из Цезарей идет речь?). Споры о том, является ли Цезарь Отцом Отечества, имеют смысл относительно Гая Юлия Цезаря (см. примеч. 235 к кн. I) и Гая Юлия Цезаря Августа Германика, или Калигулы (Gaius Iulius Caesar Augustus Germanicus; Caligula).

[6] **Следует ли приверженцев папы называть еретиками?** До 1054 г. папы могли почитаться православной церковью как защитники православия от ересей. В Русской

Стадия определения качества; в ней разбирается, какого качества какой-нибудь предмет, хороший он или дурной, отличается ли справедливостью или несправедливостью и т. д. Правильно ли поступили убийцы Цезаря?

Стадия расследования есть не что иное, как достоверное рассуждение, вследствие которого одно расследование отличается от другого и называется состоянием, потому что на этом рассуждении стоит или строится все расследование (чтобы, например, на мой вопрос, как кого-нибудь зовут, ты не отвечал бы, что он сделал то-то и то-то).

5. Стадия качества бывает двоякой. Во-первых, независимая, когда что-либо независимо, то есть без привлечения какого-либо постороннего обстоятельства признается сделанным правильно или неправильно. Например, правильно ли, что сын побил отца? На этой стадии доказывается, что сын поступил плохо, по тому самому, что он — сын, а тот — отец, каковые обозначения были уже в самом расследовании. Вторая качественная стадия не является независимой, но зависит от другого расследования, когда какой-либо поступок, правильный или нет, берут под защиту в силу обоснования, почерпнутого со стороны. Например, правильно ли поступил Милон,[7] убив Клодия?[8] Ведь Цицерон доказывает, что Милон поступил правильно потому, что Клодий устроил Милону засаду, а того, кто устраивает засады, можно убивать.[9] Это обоснование не заключалось в самом вопросе, но взято извне.

6. Итак, поскольку всякое расследование — и того и другого рода — добивается достоверности, исходя из тех противоречащих друг другу утверждений, которые и были причиной его возникновения, а обязанностью ора-

---

Православной церкви принято упоминать в качестве православных святых священномученика Климента, священномученика Ипполита и др. ФП указывает на то, что ответ на вопрос зависит от определения имени (см. примеч. 5 к кн. II).

[7] **Милон** — Тит Анний Милон (Titus Annius Milo; ок. 95 — 48 до н. э.) — римский политик, убийца Публия Клодия Пульхра. Речь Цицерона на суде была неудачной: Милон был отправлен в изгнание.

[8] **Клодий** — Публий Клодий Пульхр (Publius Clodius Pulcher; 93 до н. э. — 52 н. э.) — римский демагог, враг Цицерона, противник Милона.

[9] **Милон поступил правильно потому, что Клодий устроил Милону засаду.** Факт убийства Клодия не требовал доказательств, поэтому дело в суде могло рассматриваться по-разному: 1) relatio criminis — преступление признается следствием незаконных действий пострадавшей стороны и, следовательно, действия обвиняемого законны; 2) deprecatio — вина признается, но обосновывается возможность снисходительного отношения к обвиняемому (см. примеч. 118 к кн. II); 3) compensatio — цель преступления интерпретируется как повод оправдать обвиняемого.

тора является разрешение вопроса посредством своей речи, то неизбежно приходится взять для доказательства одно из этих противоречивых утверждений. Когда оратор сделает его достоверным, расследование будет кончено. Итак, то, что принимается для доказательства, называется «делом». Оно получило свое название от дел судебных или тяжб в суде: потому ли, что древние ораторы почти целиком были этим заняты, или потому, что когда возникает расследование, то во всяком деле два противоречивых положения ведут между собою как бы тяжбу, а оратор принимает на себя защиту дела того или другого, причем слушатель является судьей.

7. Бывает три рода дел: показательные, когда одобряется или порицается что-нибудь; совещательные, когда советуют что-либо принять или отвергнуть; судебные, когда берут кого-либо под защиту или обвиняют. А что подобное подразделение дел удачно, Квинтилиан (кн. III, гл. 4 «Ораторских наставлений») подкрепляет такими доводами: «Весь круг обязанностей оратора связан с судом или вне суда. Род дел, который разбирается в суде, несомненно, является судебным».[10]

Дела, не относящиеся к числу судебных, касаются вопросов прошлого или будущего. Прошлое мы хвалим или порицаем, о будущем размышляем. Поэтому все дела охвачены этими тремя видами. Затем все, что может являться предметом речи, бывает либо сомнительно, либо достоверно. Достоверное мы хвалим или порицаем, в сомнительных случаях решаем сами, если это предоставлено нам, либо ведем тяжбу, когда по этому же делу высказываются и другие люди.

8. Далее, чтобы ты знал широту охвата этих трех родов дел, возьми от каждого из них как бы часть. К показательному роду относятся: похвалы, порицания, выражения благодарности, исторические описания, поздравления, жалобы, поручения и т. д. К роду совещательному принадлежат: увещевания, отговаривания, наставления, ободрения, разубеждения, прошения, мольбы, просьбы о милости, снискание расположения, утешения, запрещения и т. д. К роду судебному относятся: обвинения, защита, оправдание, подстрекательство, требования или жалобы.

9. Заметь, во-первых, что вопрос о принадлежности речи к какому-либо из названных родов следует решать на основании ее цели, именно: направлена ли она целиком на то, чтобы преподать какой-либо совет, похвалить или похулить, обвинить и осудить и т. д. Ведь почти к каждому роду могут присоединяться элементы, принадлежащие другому роду. Так, например, когда я что-либо советую, это самое я и буду хвалить, и поэтому опреде-

[10] **…круг обязанностей оратора связан с судом или вне суда. Род дел, который разбирается в суде… является судебным.** См.: Quint. Inst. Lib. III, Cap. 4: 6. Пересказ.

лить род речи возможно только по ее назначению. Таким образом, речь «В защиту Манилиева закона» является совещательной, хотя главная часть ее занята похвалами Помпею:[11] ведь назначение речи — убедить народ поручить Помпею главное начальство в войне[12] с Митридатом.[13] На том же основании речь «В защиту Марцелла»[14] принадлежит роду показательному, хотя имеет в своем составе элементы совещательные.

10. Заметь, во-вторых, в показательном роде самое главное — установление качества, в совещательном роде — предположение, но оно почти всегда обусловлено, потому что чаще всего зависит от своей основы — установления качества. Ведь когда я советую что-нибудь, я одновременно признаю это хорошим, полезным, приятным и т. д.

11. В роде судебном можно найти все темы. Но когда ты возьмешься разбирать [какой-либо] вопрос, то для подкрепления необходимо выставить или одно какое-либо, или много оснований, то есть доводов, придающих достоверность. Если ты выставишь одно основание, то посвятишь целую речь его подкреплению и доказательству, и оно будет называться предметом обсуждения. Если же тема будет опираться не на одно, а на несколько оснований (а это происходит преимущественно потому, что существуют такие доказательства, которые, вместе взятые, могут обосновать тему, порознь же не могут), тогда сама тема будет предметом обсуждения. Ведь предмет обсуждения есть то, вокруг чего вращается все расследование и на чем основывается вся речь. Пример первого имеется в речи «За Милона», где Цицерон доказывает только одним доводом, что Милон поступил правильно, убив Клодия: того, кто устраивает засаду, следует убивать. Клодий устроил Милону засаду, следовательно, убийство его Милоном справедливо.

---

[11] **«В защиту Манилиева закона» является совещательной, хотя… часть ее занята похвалами Помпею…** Имеется в виду речь Цицерона «О предоставлении империя Гнею Помпею (О Манилиевом законе)» (Cic. Man.). См. примеч. 186 к кн. I. Включение панегирика в речь обусловлено не столько тем, что Цицерон высоко ценил Помпея, сколько необходимостью доказать, что Помпею должен быть предоставлен империй, потому что он обладает качествами императора: «знанием военного дела, доблестью, авторитетом, удачливостью». Cic. Man. X: 28 — XVI: 46.

[12] …**поручить Помпею главное начальство в войне с Митридатом.** Речь идет о предложении трибуна Гая Манилия предоставить Помпею империй. Предложение, несмотря на несоответствие кандидатуры Помпея существующим в республике формальным ограничениям, было принято благодаря красноречию Цицерона.

[13] **Митридат — Митридат VI Евпатор** (Μιθράδατησ Στ' Εὐπάτωρ, Mithridates; 134–63 до н. э.) — царь Понта (120–63 до н. э.). В 67–66 гг. до н. э. вопрос о противостоянии Митридату возник из-за его вторжения в Каппадокию, так как он стал угрожать провинции Азии.

[14] **«В защиту Марцелла».** См. примеч. 185 к кн. I.

В этом силлогизме меньшая посылка служит предметом обсуждения: ведь в этом вся суть дела. Ведь если оратор сумеет его доказать, то он выиграет дело. Пример второго можно найти в речи святого Иоанна Златоуста (беседа 3 «К антиохийскому народу»), обращенной к императору Феодосию.[15] Тема этой речи: Феодосий должен пощадить город Антиохию за низвержение императорских статуй. Эта тема сама является одновременно и изложением дела, и предметом обсуждения, так как зиждется не на одном, а на многих основаниях. Если же будет два или три основательных довода, то столько же будет и предметов обсуждения.

12. Все это мы сказали, чтобы составитель речи твердо знал: есть много важных оснований. Надо знать, прежде всего, что расследование бывает то определенным, то неопределенным. Это потому, что неопределенное расследование приходится подтверждать не теми приемами, что определенное. Неопределенное расследование ты мог бы удобно подтвердить определением, этимологией слова, родом и прочими приемами, определенное же расследование главным образом — добавочными приемами. Затем еще и потому, что определенное расследование часто следует возводить к неопределенному. Так, например, Цицерон для доказательства невиновности Росция Америйского в отцеубийстве очень разумно возвел определенное расследование к неопределенному, потому что сын не может убить отца без весьма важной на то причины. Изложением этой причины Цицерон легко подтвердил свое намерение. Поэтому полезно знать также, как иначе эти расследования различаются: ведь одни расследования — теоретические, другие — практические. В первых расследованиях польза та, что достаточно убедить или показать истинность наших слов; во вторых же — надо вызвать у слушателей душевное движение, чтобы они захотели действовать по нашим указаниям.

Этапы расследования мы должны различать для того, чтобы знать, что и как следует доказывать. Ведь на каждом отдельном этапе (как это будет видно ниже) придется доказывать иначе. Надо знать, однако, какого рода наша тема: ведь и задачи, и виды красноречия различны соответственно виду тем.

В показательном роде применяется стиль цветистый или возвышенный.

В совещательном роде цветистый стиль едва ли уместен, но применяется либо возвышенный, либо низкий.

В судебном роде — часто низкий стиль, если только обстоятельства дела не потребуют иного.

---

[15] **Святого Иоанна Златоуста (беседа 3 «К антиохийскому народу»).** См. примеч. 21 к кн. I.

Далее обязанность оратора в судебном роде состоит в том, чтобы научить, в совещательном — убедить, в показательном — доставить удовольствие. И это, говорю я, следует рассматривать как обычный способ: ведь при необычном способе дело может обстоять иначе.

Кто не знает, в чем состоит предмет обсуждения, тот часто, подобно слепцу, будет отклоняться от самой сути. Ведь он не знает, на чем должна основываться вся речь, и поэтому ему будет неизвестно, к чему все относится и что ему надо доказать.

Далее, когда мы сказали: расследование о составе качества, [то имели в виду], что одно расследование о составе качества — независимое, другое — зависимое. Если правильно поймешь это, то узнаешь, что независимое расследование следует доказывать, возводя определенное расследование к неопределенному, и его тема будет вместе с тем и предметом обсуждения, если она получит обоснование от своего собственного внутреннего содержания. Напротив, зависимое расследование (так как оно зависит от другого расследования о составе качества) имеет предмет обсуждения, отличный от темы. Поэтому пусть каждый постарается все это понять и тщательно запомнить; ведь иначе его труды будут тщетны: если это произойдет не по иной причине, а только в силу незнания, потому что некоторые ораторы обычно говорят не так, как этого требуют обстоятельства дела, и затем, удаляясь от сути, стремглав несутся в бездорожье.

Теперь перейдем к источникам, из которых черпают доказательства.

ГЛАВА II

ОБЪЯСНЯЮТСЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ МЕСТА [ИСТОЧНИКИ] ДЛЯ НАХОЖДЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Некоторые источники, где можно отыскать, словно закопанный клад, доводы для подтверждения темы, отметил Аристотель.[16] Они бывают двоякие: одни — природные, заключенные в самом предмете или находящиеся около него (подобно местам, которые можно наблюдать в самом здании или около него, но, однако, в том же доме). Другие же источники — отдаленные, дальше отстоящие от предмета и подобные тем источникам, которые можно видеть далеко от здания на чужих полях или на общественных дорогах. Сначала следует рассмотреть и те и другие, а затем мы покажем способ нахождения из них доказательств. В настоящей главе речь будет о при-

[16] **…источники, где можно отыскать… доводы… отметил Аристотель.** См.: Arist. Rh. Cap. II.

родных источниках. Они следующие: определение, перечисление частей, этимологии слов, родственные слова, род и вид, сходство и несходство, противоположения, побочные обстоятельства, предшествующие обстоятельства, следствия, противоречия, причины и результаты, сопоставления. О каждом из них выслушай вкратце следующее:

1. Определение есть высказывание, объясняющее природу предмета, или, как говорит Цицерон в «Топике», «есть высказывание, которое объясняет, в чем состоит то, что объясняется».[17] Объяснять же природу [предмета] надо, как учат диалектики, так: сначала рассмотри, что есть общего в предмете, который ты желаешь определить, с другими; и это называется родом. Например, если желаешь определить человека, то следует найти его общее имя с другими — живое существо, ибо это имя подходит всем существам в какой-то степени одушевленным. Затем ищи особенное, чем твой предмет отличается от всех тех предметов, с которыми он имеет нечто общее; таковым у человека является разум; ведь разум не могут иметь никакие другие одушевленные существа, кроме человека. Затем первый общий признак в соединении с особенным приложи к определяемому предмету, и получится определение. Таким образом, определишь человека: живое существо, имеющее разум.

2. Членение происходит при перечислении частей какого-либо предмета. Этот прием ясен сам по себе и не требует какого-либо объяснения. Но все же надо знать, что всякое целое бывает двояким. Поэтому и перечисление частей двоякое. Первое — то, что диалектики называют естественным или природным целым, то есть всякий предмет, состоящий из частей, вложенных в него природой. Таков, например, человек, имеющий части: тело и душу, и тело человеческое или звериное, имеющее вместо частей члены, сочленения и суставы. Сюда же следует отнести также все произведения человеческого искусства: например, дом, храм и т. д., части которых суть: основания, стены, крыши и т. д. Другого рода целое диалектики называют моральным, то есть какое-нибудь человеческое сообщество, установленное человеческими законами или добровольно. Таковы, например, город, государство, войско, церковь и т. д. Части их следующие: сенат, народ, военачальники, государи, трибуны, воины, епископы, священники и т. д. Далее бывает целое логическое, называемое родом, или имя — общее для многих предметов, различных по виду. Части его суть виды или разновидности, то есть различия вещей, сходных в каком-либо отношении. Например, живое существо, части которого суть: человек, зверь, рыба, птица и т. д.

---

[17] **...есть высказывание, которое объясняет, в чем состоит то, что объясняется.** Cic. Top. V: 26.

Но это целое является особым источником, о котором будет сказано немного ниже.

3. Этимология, или значение слова, есть не что иное, как выяснение его значения. Например, Петр означает камень, Иоанн — милость, Василий — царь, Феофил — боголюбец, Феодор — дар Божий, Поликарп — приносящий много плодов и т. д. Консул — советник, сенатор — муж пожилого возраста. Относительно этого источника заметь следующее. Значение еврейских собственных имен можешь взять из перечней имен, приложенных к священным книгам, значение же имен греческих ты найдешь, только основательно познакомившись с греческим языком. Напротив, чтобы понять значение латинских имен, как собственных, так и нарицательных, читай книги Варрона «О латинском языке».[18] И так как эти книги не всем понятны, то ты, усердно занимающийся этим языком, путем тщательного изучения их, поймешь их значение и происхождение. Заметь хорошо также следующее: не следует имя одного языка объяснять согласно правилам, взятым из другого, хотя бы и было налицо в именах некоторое сходство. Поэтому неудачно объясняют некоторые, что имя Пресвятой Марии — означает *maria*, Игнатий — *ignis*. Такие объяснения можно, пожалуй, дать, применив фигуру намека, но следует делать это с большим разбором и осторожностью, иначе будешь страдать пороком пустой болтовни.

4. Сопряженные слова. Этот прием почти тот же самый, что и предшествующий. Ведь сопряженными словами называются слова одного и того же происхождения, но по-разному измененные. Например: sapiens — sapientia, dignus — dignitas, diligens — diligentia, misericors — misericordia и т. д. Этими двумя приемами можно получить доказательства только лишь на стадии определения (как мы укажем ниже). В других же стадиях или нельзя, или же они будут легковесны. Однако если их применять с толком, то они смогут придать какую-то красоту и силу. Цицерон во второй речи против Верреса[19] весьма остроумно высмеивает «Веррейские празднества»,[20] учрежденные Верресом в Сицилии и названные по его имени «Веррейскими».

---

[18] **…книги Варрона «О латинском языке».** Имеется в виду фундаментальный труд Варрона «О происхождении латинского языка» («De origine linguae Latinae») в трех книгах. О Варроне см. примеч. 190 к кн. I.

[19] **Вторая речь против Верреса** (In C. Verrem). Речь против Верреса, назначенная к произнесению во второй сессии. Книга II о судебном деле или о сицилийском наместничестве. См. примеч. 31–32 к кн. I.

[20] **«Веррейские празднества» —** «Веррии» были учреждены Верресом в Сицилии вместо традиционного местного праздника, называвшегося «марцеллии». Цицерон описывает это как форму злоупотребления властью и финансами провинции: глагол «verrere» означает «мести».

«О эти чудные Веррии, — говорит он. — Скажи мне, куда приходил ты без того, чтобы не принести с собою и этого дня? В какой дом, в какой город, в какой, наконец, храм вступал ты без того, чтобы не вымести и не очистить его дотла? Поэтому, конечно, можно оставить за этим праздником имя Веррии, чтобы казалось, что он установлен не в честь твоего имени, а в честь твоих рук и твоего характера».[21]

5. Род определяется Цицероном в «Топике» так: «Понятие, относящееся ко многим различиям», то есть обозначение, общее для многих предметов, различающихся в каком-либо отношении между собой.[22] Например, дерево есть общее обозначение кедра, лавра, кипариса и т. д.; птица — орла, павлина, соловья, гуся и т. д.; добродетель — справедливости, благоразумия, храбрости и т. д.

6. Видами называются предметы, содержащиеся в одном роде, или такие, которые хотя и имеют некоторое различие между собой, но называются общим именем. Например, кедр, лавр, кипарис и т. д. суть виды одного рода — дерево. То же самое имей в виду, когда говоришь и о других видах.

7. Причиной называется то, из чего, чем или вследствие чего какой-либо предмет происходит. Философы насчитывают всех причин вместе взятых четыре: материальная, формальная, производящая и конечная.[23] Первые две из этих причин находим в самом предмете; они образуют его из себя словно некие важнейшие его части. Так, в человеке материей является земля, формой же — дух и душа. Здесь материю и форму понимай не так строго, как понимают философы, но знай, что материей здесь названо все то, из чего сделано что-либо. Например, материалом кубка бывает золото или серебро. Формой же обозначается то, что дает такой материи свой отпечаток или признак. Например, формой кубка является такая-то закругленность, такая-то чеканка, такая-то величина, такая-то художественная отделка и т. д. Две остальные причины находятся вне предмета, но, однако же, производят его.

Производящей называется причина, производящая какой-либо предмет, как например: художник — картину, мастер-кузнец — меч, здание — архитектор, и все — Бог.

---

[21] **О эти чудные Веррии… твоего характера.** См.: Cic. Ver. II. XXI: 52. Пер. В. А. Алексеева.

[22] **Род — понятие, относящееся ко многим различиям… между собой**. Cic. Top. XVII: 31. Вслед за «Топикой» ФП раскрывает понятия род и вид в сопоставлении.

[23] **Философы насчитывают всех причин вместе взятых четыре…** Здесь и далее говорится об учении Аристотеля о четырех причинах, изложенном в «Метафизике» (Μετὰ τὰ φυσικά / Metaphysica). Материя («то, из чего»), форма («то, что»), действующая, или производящая причина («то, откуда»), цель, или конечная причина («то, ради чего»).

Конечной причиной является сама цель либо основание, вследствие которого предмет возникает. Например, меч делают для того, чтобы защищаться от врага или мстить за обиду; оборона или нападение есть конечная причина меча. Отсюда ты легко поймешь определение причин. Что касается выражения «из чего», то оно относится к причинам внутренним, то есть к материи и форме. Выражение же «чем» обозначает производящую причину, а выражение «вследствие» — конечную.

8. Результатом называется то, что возникает из указанных причин. Например, из железа делается оружие, домашняя посуда, орудия ремесленников и т. д. Из формы возникает все то, чему присуща такая форма. От производящей причины — все то, что производит эта причина. Например, добродетель порождает спокойную совесть, добрую славу и почет у людей и заслуживает венец у Бога.

Результатом же конечной причины является то, что происходит или делается вследствие этой причины. Например, вследствие богатства происходит воровство, разбой, обман, лесть, клятвопреступление, вероломная дружба, неправый суд и другие неисчислимые беды. Об этом хорошо сказал Овидий («Метаморфозы», кн. I):

Все те роют богатства, одно возбуждение злобы.[24]

Этот источник доказательств весьма плодотворный, как будет сказано ниже.

9. Противоположения суть те источники, которые попеременно противопоставляются себе. Они разделяются на четыре рода.

Одни — исключающие, из которых ни одно не может одновременно существовать вместе с другим, как например: *свет — мрак, жизнь — смерть, день — ночь* и т. д.

Другие называются соотнесенными друг другу, из которых одно относится к другому и одно не может существовать без другого, например, *полководец — воин, отец — сын, учитель — ученик* и т. д.

Третьи — отрицательные, из которых одно отрицает то, что другой утверждает, например, *это существует — этого не существует.*

Четвертые — противоборствующие, которые находятся в борьбе друг с другом, например: *добродетель — порок, черное — белое, добро — зло* и т. д.

10. Противоборствующие понятия мало чем отличаются от противоположных, разве только тем, что противопоставляются друг другу не прямо,

[24] **Овидий («Метаморфозы», кн. I): «Все те роют богатства, одно возбуждение злобы».** См.: Ovid. Met. I: 140. Пер. А. А. Фета.

но сталкиваются как-то косвенно. Например, любви прямо противопоставляется ненависть, косвенно же — несправедливость или оскорбление, которые возникают из ненависти; поэтому любовь и ненависть — противоположные понятия, любить и причинять несправедливость — противоборствующие понятия.

11. Подобие есть сходство различных (двух или многих) предметов. Например, страдающий глазами видит предметы не такими, каковы они сами по себе. Поэтому не может правильно судить тот, кого ослепило какое-нибудь бедственное состояние. Ты видишь, что здесь между непохожими вещами усматривается сходство только вследствие недостаточности зрения и слабости мысли.

12. Напротив, несходство есть различие двух или многих предметов, на самом деле одинаковых. Например, и разбойники, и воины носят оружие, но последние применяют его на благо родины, а первые — чтобы творить несправедливости. Отсюда ты можешь видеть несходство воинов с разбойниками в одном и том же деле, именно в применении оружия.

13. Сравнение немногим отличается от подобия, — только в том, что сравнение есть сопоставление и обсуждение двух или больше равных или неодинаковых предметов, а иногда сравнивается и равное с равным. Как Петр мог раскаяться, так и Иуде это было возможно. Иногда сравнивается меньшее с большим, иногда — большее с меньшим. Христос претерпел поношение, почему мне не претерпеть? Самые рядовые из граждан должны заботиться об отечестве, насколько же больше должны это делать государь и сенат?

ГЛАВА III

ОБЪЯСНЯЕТСЯ ОБСТАНОВКА, СВЯЗАННАЯ С ЛИЦАМИ И ПРЕДМЕТАМИ И ТАК НАЗЫВАЕМЫМИ МЕСТАМИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫМИ

Дополнения к предпосылкам и следствиям заслуживают особого рассмотрения, так как они заключают в себе чрезвычайно много ценного. Итак, пусть речь идет вместе о четырнадцатом, пятнадцатом и шестнадцатом приеме доказательств.

14. Предпосылки.

15. Следствия.

16. Дополнения. Их я объединяю вместе, потому что всех их можно назвать дополнениями. Но все же скажем кое-что о каждом в отдельности.

Предпосылка — это то, что неизбежно чему-либо предшествует. Например, свету — рассвет, ночи — сумерки, войне предшествуют раздоры между народами.

А следствия — это то, что неизбежно следует за чем-нибудь. Например, свет — за рассветом, ночь — за сумерками, война следует за раздорами.

Дополнения, как это явствует из их названия, — это то, что дополняет. А дополнить можно или предшествующую часть, или последующую, то есть предпосылки и следствия. Дополнения бывают вместе с предметом и как бы его сопровождают. Этот прием до того богат, что он один почти охватывает собою все другие, о которых до сих пор шла речь. Поэтому мы его разберем несколько подробнее. Итак, все дополнения в общем можно выразить в следующем стишке:

Кто, что, где, какими средствами, почему, каким образом, когда.[25]

Но так как новичкам нелегко понять смысл, сокрытый в каждом из этих слов, то поэтому мы откроем их сокровищницу и посмотрим, чем может служить каждое из них. Итак, все дополнения лучше и правильнее иные разделяют на два рода: на дополнение к лицам и дополнения к вещам; их стоит подвергнуть здесь особому рассмотрению.

Обстановка или дополнение к лицам.

Следующими одиннадцатью обстоятельствами определяют лица: имя, натура, образ жизни, общественное положение, способность, настроение, занятие, замыслы, деяния, события, речи.

Имя, которое дается каждому лицу, как-то: Петр, Иван, Андрей, Василий, Евстафий, Алексей и т. д.

В натуре усматриваем следующие обстоятельства: пол, племя, родина, родство, возраст, достоинства.

Пол — мужчина или женщина, племя — грек или варвар, родина — афинянин или лакедемонянин. Родство — от каких происходит предков и кто родственники. Возраст — мальчик или юноша, пожилой или старик. В достоинстве же усматриваем душевные и телесные преимущества и не-

---

[25] **…в стишке: Кто, что, где, какими средствами, почему, каким образом, когда…** Риторическая схема вопросов, применявшаяся в римском праве (мнемонический текст). Обычно дается без перевода: Quis, quid, ubi, quibus auxillijis, cur, quomodo, quando. Общее место, см.: *Volkmann R.* Die Rhetorik der Griechen und Romer. 2. Aufl. Leipzig, 1885; *Пастернак Е.* «Риторика» Лами в истории французской филологии. М., 2002. С. 256. Это общее место риторик впоследствии воспринималось русскими литераторами (В. Г. Белинским, М. Е. Салтыковым-Щедриным) как способ имитации живой мысли.

достатки, полученные от природы следующим образом: здоровый или немощный, высокого или низкого роста, красивый или безобразный, проворный или медлительный, проницательный или тупоумный, памятливый или забывчивый, обходительный или преданный долгу, скромный, терпеливый или наоборот и т. д. И вообще в рубрике «натура» надо разобрать природные данные души и тела. Ведь то, что приобретают сознательными усилиями, относится к способности (о чем следует сказать позднее).

Под рубрикой «образ жизни» или «воспитание» надо рассмотреть, у кого, каким способом и под чьим руководством человек был воспитан, у каких учителей он занимался свободными искусствами и кто были его наставники в жизни; каковы его друзья, каким делом, промыслом, ремеслом он занимался, как управлял своим имуществом и каков, наконец, он был в домашнем быту.

В рубрике общественного положения исследуются: раб или свободный, богат или беден, частный человек или обладает властью и, если обладает властью, то по праву или не по праву, счастлив, знатен или наоборот, каких детей имеет. Если же идет речь о том, кого уже нет в живых, то надо рассмотреть также, какой смертью он умер.

Способностью здесь мы называем некое постоянное и абсолютное телесное или душевное совершенство в какой-либо области; например, усвоение добродетели или какого-нибудь искусства или какой-либо науки, а также какую-нибудь физическую сноровку, полученную не от природы, а приобретенную сознательными усилиями.

Настроение есть некая внезапная душевная или телесная перемена, происходящая по какой-либо причине, например: радость, томление, страх, досада, недуг, немощь и другие в таком роде.

Занятие — это постоянное, усиленное, вполне добровольное применение духовных [и телесных] сил к какому-нибудь предмету; например, занятие философией, поэзией, геометрией, литературой.

Замысел есть задуманное решение что-либо совершить или чего-либо не совершать.

Деяния же, случаи и речи мы рассмотрим в трех временах: что совершил, или что с ним приключилось, или что сказал; что он сейчас совершает, что с ним приключается, что он говорит или что он потом совершит, что с ним приключится, какую речь он скажет.

Да это, кажется, относится и к упоминаемым лицам; изо всего этого можно вывести доводы либо для доказательства, либо для амплификации. Впрочем, от имени лица, которое мы поставили на первом месте, доводы берут редко, за исключением того случая, когда само имя дано лицу на каком-либо особом основании. Например, славное имя Иисусово, также имена

Авраама, Сарры, Исаака, Иакова, Израиля, Иосифа, Иоанна, Петра и подобные. Наоборот, от имен нарицательных доводы выводятся правильно и получают название от происхождения этого имени. Этот прием наиболее близок к определению и числится среди приемов первого разряда. С его помощью блаженный Иероним так спорит с Гелиодором: «Что делаешь ты среди толпы, ты, который являешься монахом?»;[26] а Непотиану[27] говорит: «Пусть клирик растолкует сначала свое прозвище и объяснит его, дав точное определение своего имени, что оно обозначает. Ведь если греческое слово „cleros" по-латыни значит „удел", то клириками их зовут потому, что либо сами они происходят от удела Господня, либо Господь — удел их».[28]

Под рубрикой «происхождение» мы находим увещание к упражнению в добродетели, чтобы человек не отвратился от нравов и доблестей отцов. И точно так же мы этим амплифицируем порочность тех, которые отвратились от этих доблестей; а также направляем нравы лиц, рожденных от преступных родителей. Отсюда происходит известная пословица «Дурное яйцо от дурного ворона» (дурной человек, потому что рожден от дурных родителей).[29]

Под рубрикой «происхождение»: пуниец — следовательно, вероломный, критянин — следовательно, лжец. Ведь критяне, как отметил также апостол, «всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые».[30] Также и Даниил гово-

---

[26] **Что делаешь ты среди толпы, ты, который являешься монахом**? См.: Блаж. Иероним Стридонский. Письма. Отдел I, содержащий письма, писанные преимущественно из Халцидской пустыни от 370 по 380 год. Письмо к монаху Илиодору. В источнике мотивация поведения дается через толкование понятия: «Растолкуй, чтó значит слово *монах*, т. е. имя твое? Что же ты делаешь в толпе, будучи один (solus, μόνος)?». Hieron. Ep. 6 (Ad Heliodorum), 6.

[27] **Непотиан** — Юлий Непоциан (Iulius Nepotianus, Flavius Popilius Nepotianus, Flavius Nepotianus Constantinus; ум. 350) — римский император, представитель династии Константина Великого.

[28] **Пусть клирик растолкует сначала свое прозвище… Господь — удел их.** Иероним Стридонский. См.: Hieron. Ep. 60. (Ad Nepotianum Presbyterum) 2,5. Это рассуждение Иеронима стало предметом для критики (см.: Фома Аквинский. Сумма теологии. Вопрос 185, «О том, что относится к епископскому состоянию»). Summa theologiae. Q185.

[29] **…дурное яйцо от дурного ворона…** Corvi mali malum ovum.

[30] **…критянин — следовательно, лжец. Ведь критяне, как отметил также апостол, «всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые».** ФП имеет в виду высказывание, приписываемое древнегреческому жрецу и поэту, критянину Эпимениду, который утверждал, что все критяне лжецы (так наз. парадокс лжеца). Об этом упоминает апостол Павел (см.: Тит. 1: 12–13): «Из них же самих один стихотворец сказал: „Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые"».

рит бесстыдному старцу: «Племя Ханаана, а не Иуды! Красота прельстила тебя».[31] И через пророка — Господь: «Корень твой и происхождение твое из земли Ханаанской, отец твой Аморрей и мать твоя Хеттеянка».[32] Здесь пророк заключает от имени родины нечестивцев о порочных нравах народа, каковыми и были нравы этих племен.

Под рубрикой «пол». Доказываем женское непостоянство на основании известного стиха Вергилия:

…Переменна всегда и различна Женщина.[33]

Так же страстность чувств: ибо женщина есть существо, подверженное сильным страстям. Отсюда известное изречение Публилия Мима:[34]

Или любит или ненавидит женщина, третьего нет.[35]

Под рубрикой «пол» также находим способы подчеркнуть удивительное мужество матери семи Маккавеев,[36] и Блаженной Фелицитаты,[37] и Симфорозы[38], которые весьма мужественно перенесли казнь сыновей. Так, Свя-

---

[31] **Племя Ханаана, а не Иуды! Красота прельстила тебя.** Дан. 13: 56.

[32] **Корень твой … Хеттеянка.** Иез. 16: 3.

[33] **Переменна всегда и различна / Женщина…** Verg. A. IV: 567–569.

[34] **Публилий Мим** — Публилий Сир (Publilius или Publius Syrus; I в. до н. э.) — римский мимический поэт, автор часто цитируемых Сенекой нравоучительных сентенций, из которых был составлен сборник («Publii Syri muni sententiae»), популярный в Средние века благодаря изданию Эразма Роттердамского (1515).

[35] **Или любит или ненавидит женщина, третьего нет.** Aut odit, aut amat mulier, nihil est tertium. Крылатое выражение, связываемое либо с «Сентенциями» Публилия Сира (Р. Лахманн), либо с Сенекой (*Hallik S.* Sententia und proverbium. Köln; Weimar, 2007. S. 617).

[36] **…мать семи Маккавеев** — Соломония (Σολομονὴ), мать семи св. мучеников Маккавеев: Авима, Антонина, Гурия, Елеазара, Евсевона, Алима и Маркелла, пострадавших в 166 г. до н. э. от сирийского царя Антиоха Эпифана. Пережив мученическую смерть сыновей, скончалась.

[37] **Фелицитата** — ФП имеет в виду св. мученицу Фелицитату Римскую, принявшую мученическую смерть вместе с семью сыновьями (св. мучениками Александром, Виталием, Ианнуарием, Феликсом, Филиппом, Сильваном и Марциалом). Фелицитата была усечена мечом в Риме ок. 164 г. Маловероятно, что подразумевается Фелицитата Карфагенская, растерзанная зверями в Карфагене в 203 г., так как та имела единственного ребенка.

[38] **Симфороза** (Symphorosa, Simforosa, Sinforosa, ум. ок. 138) — св. мученица из Тиволи, вдова св. Гетулия, как и он, замученная при императоре Адриане вместе с семью сыновьями за отказ принести языческую жертву и отступиться от веры.

той Киприан[39] говорит о женщинах, мужественно переносивших мучения: «женщина-мученица оказывается мужественнее мужчин-мучителей».[40]

Под рубрикой «возраст» надо проявить снисходительность к возрасту. Теренций[41] [говорит]: «Он любил, пока позволял возраст; правдоподобно, что он был в здравом уме или относился внимательно к делу, потому что он старец».

Под рубрикой «воспитание» и «обучение». Порочен, потому что плохо был воспитан и с молодости привык к дурному, занимаясь у неразумных и негодных учителей.

Под рубрикой «душевная склонность». Так как он всегда был великим преступником, то что удивительного, если он клятвенно отрекся, что взял в долг. Сюда относятся душевные достоинства и недостатки.

Под рубрикой «общественное положение и состояние». Так как он разбогател, он воспрянул духом, а бедняку не все ли равно, где быть? Сюда относится известное изречение Экклезиаста: «Если будешь богат, то не будешь свободен от прегрешения»[42]. И его же: «Сказал богач — и все замолчали, и слово его вознесут на облака. Сказал бедняк — и говорят: кто этот?»[43]

Под рубрикой «образ жизни». Дурной человек, потому что вращается среди дурных. Так говорит Соломон:[44] «Кто ходит с мудрыми, будет мудрым. Друг глупцов уподобится им.[45] Так же, кто прикоснется к смоле, запачкается ею, и кто вступит в общение с гордым, облечется гордостью».[46]

---

[39] **Святой Киприан** — Киприан Карфагенский (Thascius Caecilus Cyprianus; ум. 258) — богослов, автор сочинений о мученичестве, отступничестве, расколе, создатель учения о единстве церкви, епископ.

[40] **…женщина-мученица оказывается мужественнее мужчин-мучителей.** ФП имеет в виду трактат Киприана Карфагенского «Одеяние девиц» («Одежда девственниц»): «Если уже и гордиться плотию своею, то разве тогда только, когда она мучима бывает за исповедание имени Христова, когда жена является мужественнее мужей, истязующих ее» (Творения сщмч. Киприана, епископа Карфагенского. Библиотека творений святых Отцов и учителей Церкви. Киев, 1879. Кн. 1. Ч. 2. С. 129).

[41] **Теренций.** См. примеч. 238 к кн. I. Источник цитаты не обнаружен.

[42] **Если будешь богат, то не будешь свободен от прегрешения.** См.: Еккл. 11: 10.

[43] **Сказал богач… говорят: кто этот?** См.: Еккл. 13: 28–29. См. также: Сир. 13: 28–29.

[44] **Соломон** — (Σαλωμών, Σολωμών, Salomon) — легендарный библейский правитель объединенного Израильского царства приблизительно в 965–928 до н. э., автор «Книги Екклесиаста», книги «Песнь песней Соломона», «Книги Притчей Соломоновых» и некоторых псалмов.

[45] **Кто ходит с мудрыми, будет мудрым. Друг глупцов уподобится им.** См.: Притч. 13: 21.

[46] **…кто прикоснется к смоле, запачкается ею, и кто вступит в общение с гордым, облечется гордостью.** См.: Сир. 13: 1.

Под рубрикой «занятия». Человек не склонен к наслаждениям, так как занимается науками.

Под рубрикой «деяния». Помпею следует поручить ведение войны с Митридатом, так как он во многих войнах добился победы.

Обстановка или окружающие обстоятельства, связанные с вещами.

Следующие семь определений связаны с вещами и обстоятельствами: вещь, причина, место, время, удобный случай, образ действия, умение или орудия.

Рубрика «вещь или обстоятельства» есть краткое изложение всего дела, содержащее сущность деяния; например, отцеубийство, измена родине.

В рубрике «причина» спрашивается, чем, почему и в силу чего что-либо совершено. Этим названием мы объединяем производящую причину и цель, которая побудила начать дело.

Место [бывает] также священным или светским, общественным или частным, чужим или своим для того, о ком идет речь, принадлежит ему или принадлежало.

Время же есть некая часть вечности с точным обозначением протяжения какого-нибудь года, месячного, дневного, ночного промежутка.

Удобный случай есть часть времени, имеющая в себе удобную возможность для совершения или несовершения чего-либо. Поэтому отличается от времени следующим. Ведь, разумеется, оба принадлежат к одному и тому же роду, но во времени некоторым образом обозначен промежуток, который можно видеть в годах или годе или в некоторой части года. В удобном случае же мыслится прибавленным к промежутку некое благоприятное положение для того, чтобы действовать.

В рубрике «образ действия» ставится вопрос, каким образом, с каким намерением [что-либо] совершено. Как составные части туда входят благоразумие и неблагоразумие. Под рубрикой «благоразумие» ставится вопрос в тех случаях, когда [что-либо] совершено тайно, путем открытого насилия, с помощью убеждения. Неблагоразумие же сводится к извиняющим обстоятельствам, если их части составляют неведение, случайность, необходимость, или к душевным переживаниям, то есть душевная мука, вспышка гнева, любовь и прочие чувства подобного рода.

Умение есть то, чем облегчается изготовление чего-либо или без чего предмет не может быть сделан; к этому роду также относятся орудия, при помощи которых предмет сделан. Умение же и удобный случай обычно весьма способствуют какому-либо деянию.

Таковы, следовательно, окружающие обстоятельства, связанные с отдельными лицами и делами; из них вытекают доводы в основных предпосыл-

ках, которые, как сказано, называются определенными вопросами (hypotheses), имеющими другие, более краткие названия, следующие: кто, что, почему, когда, как.[47] Кто? Например, грек, храбрый, не знающий и прочие, как сказано, свойства лиц. Что или какое или сколько? Например, воровство, святотатство, честь, позор, полезное, новое, свирепое и т. д. Почему? В силу ненависти, гнева, в ожидании выгоды и т. д. Когда? Днем, ночью и т. д. Где? Во храме, в лесу. Как? Явно, мечом, хитростью, ядом, петлей, заклинаниями, при [передаче] известий и т. д. Особенно, однако, наблюдается применение «обстановки» при амплификации и риторическом ослаблении. Ведь нет ни одной «обстановки», которая, будучи придана какому-либо предмету, не подчеркивала бы или не умаляла его.

Приемы отдаленные.

17. Остается сказать кое-что также о приемах отдаленных. О них имеются различные упоминания у разных авторов, но главным образом эти приемы можно свести к двум типам: свидетельствам и примерам.

Под свидетельствами разумеются не только речи живых свидетелей, которые часто бывают в суде, но также все высказывания авторитетных писателей и изречения, приведенные историками, ораторами и философами; подобным образом — догматы и божественные пророчества, содержащиеся в Священном Писании.

Примеры бывают двоякого рода. Первый [род] примеров — подвиги — называется просто примером, каким является пример мужества Горация Коклеса,[48] Муция Сцеволы,[49] Кинегира[50] и т. д., чистоты — Лукреции,[51]

---

[47] **…кто, что, почему, когда, как…** Сокращенный список вопросов (см. примеч. 25 к кн. II).

[48] **…пример мужества Горация Коклеса** — Публий Гораций Коклес (Publius·Horatius Cocles) — герой, по легенде живший в конце VI века до н. э. и защитивший Свайный мост римлян через Тибр от войска этрусков. Защищал подступы к мосту, а когда римляне разрушили мост с другой стороны, прыгнул в Тибр и вернулся к своим.

[49] **<пример мужества> Муция Сцеволы...** Муций Сцевола (Gaius Mucius Scaevola (Scaevula), Cordus) — римский герой, пытавшийся убить этрусского царя, который держал Рим в осаде. Схваченный охраной, в ответ на угрозы смертью (по другой версии — пытаясь наказать себя за неудачное покушение) он протянул руку в огонь. Мужество юноши поразило царя, и он заключил мир с Римом.

[50] **<пример мужества> Кинегира…** — Кинегир (Κυναίγειρος или Κυνέγειρος, Cynaegeirus; ум. 490 до н. э.) Вошел в историю как образец мужества во время сражения при Марафоне. Когда персы кинулись к своим кораблям, Кинегир пытался удержать корабль руками, а когда обе руки были отрублены, как гласит легенда, пытался удержать корабль зубами.

[51] **<пример> чистоты — Лукреции…** Лукреция (Lucretia; ок. 500 до н. э.) — Жена римского патриция Тарквиния Коллатина, не вынесшая надругательства Секста Тарквиния и покончившая жизнь самоубийством.

хитроумия — Улисса,[52] любви к бедности — Квинкция,[53] строгости — Катона[54] и т. д. Подобного рода примерами полны исторические рассказы; их собирал особенно Валерий Максим.[55] В примерах второго рода подвиги и изречения соединены вместе. Такие примеры называются апофтегмами. Например, когда Сисигамбис,[56] пленная мать Дария,[57] намереваясь обратиться с мольбой к Александру, по ошибке стала умолять Гефестиона[58] и, когда ей указали, что тот не царь, попросила у царя прощения, Александр, говорят, сказал: «Ты не ошиблась, ведь и этот Александр».[59] Много подобного рода примеров можно увидеть в книгах историков, и много их собрано в огромных томах Ликосфеном[60] и Эразмом Роттердамским[61] и другими. По поводу этих двух приемов следует заметить следующее:

---

[52] **<пример> хитроумия — Улисса…** См. примеч. 23–25 к кн. I.

[53] **<пример> любви к бедности — Квинкция…** Луций Квинкций Цинциннат (Lucius Quinctius Cincinnatus; ок. 519 — ок. 439 до н. э.) — римский патриций, консул 460 г. до н. э. Считался образцом простоты, так как жил скромно, занимался земледелием, хотя имел возможность вести другой образ жизни.

[54] **<пример> строгости — Катона…** Марк Порций Катон (Старший, Цензор, Цензорий) (Marcus Porcius Cato; 234–139 до н. э.) — римский политик, писатель, оратор. Снискал славу борца против роскоши и безнравственности благодаря своим публичным выступлениям и законодательной деятельности.

[55] **Валерий Максим** — (Valerius Maximus; I в.) — римский писатель, ритор, автор «Девяти книг примечательных поступков и изречений» (Factorum et dictorum memorabilium libri novem), произведения, приобретшего популярность в Средневековье и как исторический источник, и как памятник литературного стиля, и как учебник.

[56] **Сисигамбис** — Сисигамба, Сизигамбида (Sisygambis, Σισύγαμβις), мать Дария III оказалась в плену у Александра, разбившего войска ее сына, но относившегося к ней с уважением. Узнав о смерти Александра, перестала есть и пить и умерла.

[57] **Дарий** — Дарий III Кодоман (Δαρεῖος; 381–330 до н. э.) — последний персидский царь.

[58] **Гефестион** (Ἡφαιστίων; 356–324 до н. э.) — друг Александра Македонского, один из его полководцев, выглядевший более представительно, чем Александр.

[59] **Ты не ошиблась, ведь и этот Александр**. История, описанная ФП, есть в разных источниках, напр. у Диодора Сицилийского (см.: Diodori Sicili Bibliotheca Historica. Lib. XVII: XXXVII).

[60] **Ликосфен** — Conrad Lycosthenes (Conrad Wolffhart; 1518–1561) псевдоним Конрада Вольфхарта, филолога, профессора грамматики и диалектики, автора комментариев к сочинениям Плиния Младшего, современника Конрада Гесснера (Conradus Gesnerus) (1516–1565), ученого-ботаника, профессора греческой филологии, составителя (вместе с Фатером и Аделунгом) «Митридата». ФП ошибочно принимает Ликосфена, составителя краткой версии труда «Bibliotheca Universalis» (1545–1549), за автора этого труда, Конрада Гесснера, так как краткая версия издана с указанием составителя «Конрада Ликосфена».

[61] **Эразм Роттердамский.** См. примеч. 95 к кн. I. Возможно, ФП имеет в виду хорошо известные в России «Адагии» (Adagiorum chiliades quattuor libri), разные издания которых

Во-первых, хотя этих приемов два, но они открывают нам бесконечное поле доказательств и доводов. Ведь все содержание Священного Писания, священных канонов, постановлений соборов, святоотеческих творений, сочинений историков, философов, ораторов, поэтов и книг и учений всех мудрецов относится к этим двум приемам.

Во-вторых, так называемые «природные» или внутренние приемы называются искусственными, так как применение их является только делом искусства. Вышеупомянутые два приема называются «отдаленными», безыскусными, потому что мы находим их не с помощью искусства (правила), а путем усиленного чтения. Поэтому, если оратор не желает быть вялым и сухим, но богатым риторическими украшениями, пусть никогда (сколько бы книг писателей он ни прочел) не считает для себя достаточным, но пусть всегда читает их.

В-третьих, хотя при изобретении приемов мы не пользуемся правилами, а добываем их путем усиленного труда, однако их применение требует мастерства; их не следует приводить просто и безыскусно, но надо предпослать изложению какую-либо риторическую фигуру или другое искусное украшение.

В-четвертых, обрати внимание, что не всюду имеют значения любые примеры и свидетельства. Поэтому в церковных проповедях следует применять только примеры из области священной истории; можно употреблять и светские, но редко, причем соблюдая следующие два правила: приводить примеры путем сравнения, восходя от меньшего к большему. Если в языческой религии существовали столь великие таинства, что почиталось нечестивым вступать ногой человеческой в жилище, которого коснулась голова поверженного Дагона,[62] то сколь же великим почетом надо окружать наши священные храмы, которые, мы верим, являются местопребыванием величия и истинной славы Господней? Или же эти примеры надо брать не для доказательства, а только ради украшения (а это — фигура, а не прием изобретения доводов).

В-пятых, наконец, следует иметь в виду, чтобы приводимые примеры были истинны и авторитетны, поэтому не следует пользоваться свидетель-

---

были представлены в библиотеке Новгородской духовной семинарии. В собрании Феофана Прокоповича было издание XVI в. (Erasmus Roterodamus. Epitome adagiorum. Coloniae Agrippinae, apud Fabricium, 1553).

[62] **Дагон** — Дагон, Даган (угаритск., аккадск. dgn; dâgôn, «колос» или уменьшительное от даг, dâg, «рыба»), западносемитский (ханаанейско-аморейский, позже также филистимлянский) бог, покровитель земледелия или рыбной ловли.

ствами Фомы Аквинского,[63] или Скотта,[64] или иных людей, представителей нечестивого учения. Кроме того, не следует применять вымышленных примеров, которых весьма много содержится в известном сборнике под названием «Зеркало примеров».[65] Ведь с помощью таких примеров ты не докажешь твою тему, но запятнаешь речь и осквернишь уши верных и святость кафедры. Этого достаточно для объяснения приемов. Теперь рассмотрим их употребление и как следует почерпать из них доводы.

ГЛАВА IV

О ПРИМЕНЕНИИ ВЫШЕУПОМЯНУТЫХ ОБЩИХ МЕСТ, ИЛИ КАКИМ СПОСОБОМ ИЗВЛЕЧЬ ИЗ НИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА (ДЕВЯТЬ ГЛАВНЫХ НАСТАВЛЕНИЙ, ВЫБРАННЫХ ИЗ РАЗНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ЮНИЕМ МЕЛЬХИОРОМ[66])

В основном в этих наставлениях следует рассмотреть (что представляет немалые трудности), какие из них необходимы для развития способности изобретения: каким способом и в каком порядке следует отыскивать из мест сами доводы.

1. Во-первых, следует, по крайней мере, знать, кому могут быть полезны те источники, из которых, словно из потаенных убежищ, надо черпать доводы. Полезны же они тем, кто занимается важными делами, для чего требуется или опытность, которую приносит возраст, или умение слушать и размышлять, которые благодаря ревностным занятиям развиваются не по летам. Ведь если [важное дело] будет поручено хотя бы и человеку ученому,

---

[63] **Фома Аквинский** (**Фома Аквинат**, **Томас Аквинат**), (Thomas Aquinas, Tommaso d'Aquino; 1225?–1274) — итальянский философ, теолог, учитель церкви, основатель томизма.

[64] **Скот** — Дунс Скот Йоанн (Johannes Duns Scotus; Ioannes Duns Scotus; 1266–1308) — шотландский философ, ученый, один из крупнейших францисканских теологов, составитель комментариев к трудам Аристотеля, Петра Ломбардского, Порфирия.

[65] **Сборник «Зеркало примеров».** Имеется в виду сборник религиозно-назидательных «примеров», в русской традиции более известный под названием «Великое зерцало» (по русскому переводу с польского): «Speculum exemplorum ex diversis libris in unum laboriose collectum» — «Зеркало примеров, собранных со тщанием из разных книг воедино» (1481).

[66] **Девять главных наставлений, выбранных из разных писателей Юнием Мельхиором.** См. примеч. 78 к кн. I. ФП имеет в виду Artis dicendi praecepta secundum officii oratorii partes breviter ex Platone, Aristotle, Hermogene, Cicerone, Herenniano magistro, Quintiliano congesta ac digesta…, 1605.

одаренному острым и проницательным умом, который, однако, совершенно не разбирается в обычаях государства, его традициях, установлениях и нравах и стремлениях сограждан, то ему эти приемы мало помогут. Способности необходимо развивать, подобно тому, как поле вспахивают не один раз, а подняв целину, вспахивают вторично, чтобы урожай был лучше и обильнее. Итак, оратор, намереваясь отыскивать доводы из источников, прежде всего будет стараться развивать свой талант сначала навыком и опытом, затем неутомимым слушанием, усердным чтением и, наконец, литературной деятельностью (Цицерон «Об ораторе» кн. II, 131).[67]

2. Второе требование — это знание приемов: оратору надо знать и твердо держать в памяти приемы, из которых следует отыскивать доводы: ведь доводы для развития темы тотчас приходят на ум, как буквы, когда надо написать слово. Подобно тому, как после указания местонахождения спрятанных предметов их легко найти, так и, желая отыскать какой-нибудь довод, и мы должны знать приемы; и подобно тому, как гермы[68] или железные и деревянные руки указывают путникам дорогу на перекрестках, так приемы ведут желающего отыскать доводы, как бы схватив за руку, туда, куда он устремляется (Цицерон. «Об ораторе» кн. II, 358, «Оратор», 5, 9, 5; «Топика», 7; «Ораторские членения» 6, 8, 2).[69]

3. В-третьих, недостаточно знать приемы, но необходимо еще просмотреть их и постараться вникнуть и даже в каждом отдельном случае исследовать, что из них можно извлечь (Цицерон, «Оратор», 5, 9, 6; «Ораторские членения» 5, 6, 2).[70]

4. Чтобы [все] это сделать хорошо, необходимо повторить сказанное в предшествующей главе по поводу расследования и состояния. Ведь не менее следует заботиться о том, какую тему выставить, чем о способах [ее] доказательства; и «подобно тому, как стрелы бесполезны человеку, не ве-

---

[67] **Во-первых … чтением и, наконец, литературной деятельностью.** Cic. De Orat. II: 131. Пересказ.

[68] **Герма** — четырехгранный столб, служащий межевым знаком или указателем на дороге, завершенный скульптурной головой или портретным изображением бога, государственного деятеля и др.

[69] **Подобно тому, как после указания … устремляется (Цицерон. «Об ораторе» кн. II, 358, «Оратор», 5, 9, 5; «Топика», 7, «Ораторские членения» 6, 8, 2**). ФП перечисляет источники, в которых раскрыты основные темы этого пункта: Цицерон. «Об ораторе» кн. II, 358 — рассуждение о мнемонической технике, «Оратор», 5, 9, 5 — источник не установлен; «Топика, 7» — подразумевается «Топика II: 5»; «Ораторские деления» 6, 8, 2 — источник не установлен.

[70] **В-третьих, недостаточно знать приемы… (Цицерон, «Оратор», 5, 9, 6; «Ораторские членения» 5, 6, 2).** Источник не установлен.

дающему, куда он целит, так и доводы не нужны, если не знаешь заранее, к чему их применить» (Квинтилиан, кн. V, гл. 10).[71]

5. При отыскании доводов следует также разобраться и хорошо знать: что, где нужно отыскивать и находить. Ведь, например, «не всякая земля порождает все существа, и ты не найдешь ни птицы, ни зверя, не зная, где рождается и обитает каждое животное; так рыбы одни любят жить на ровных местах, другие — в каменистых, а также бывают различные породы в зависимости от областей и берегов».[72] Таким образом, не всякий довод может проистекать из любого источника, и не следует приходить в отчаяние даже в случае, если, перебрав один источник за другим, мы не добьемся успеха (Квинтилиан, кн. V, гл. 10).

6. Хотя неопытные еще ученики, определив тему речи, могут изучать ее отдельные части и словно стучать из двери в дверь в поисках подходящих доводов, однако ораторы, уже обученные, вовсе не должны этим заниматься, потому что такой способ бесконечно замедляет речь, если только некая душевная сноровка и быстрота, достигнутая старательным упражнением, не приведет нас к доводам, подходящим для темы.

«Ведь это необходимо подготовить упражнениями и навыком: подобно тому, как у кифаредов, хотя они и смотрят в другую сторону, сами руки, однако, по привычке извлекают звуки низкие, высокие и средние; так разнообразие и обилие доводов вовсе не достигается размышлением оратора, но является само собой» (Квинтилиан, там же).[73]

7. Необходима последовательность, чтобы знать, с каких приемов следует начинать отыскивать доводы. Поэтому надо на основании приемов отыскивать преимущественно те доводы, которые являются не неопределенными, но присущими и свойственными теме, о которой идет речь; и чем больше мы добудем приемов такого рода, тем легче и основательнее, по свидетельству Аристотеля (Риторика, кн. II, гл. 22), будут доказательства.[74]

В основном следует начинать со специальных и определенных приемов и от них двигаться к главным и общим так, чтобы сначала рассмотреть приемы свойств или обстановок; далее нужно обратиться к приемам состоя-

---

[71] **…подобно тому, как стрелы бесполезны человеку, не ведающему, куда он целит, так и доводы не нужны, если не знаешь заранее, к чему их применить.** См.: Quint. Inst. Lib. V, 10: 109.

[72] **…не всякая земля порождает… берегов.** См.: Quint. Inst. Lib. V, 10: 21; далее пересказ.

[73] **Ведь это необходимо… но является само собой.** См.: Quint. Inst. Lib. V, Cap. 10: 125.

[74] **Необходима последовательность… будут доказательства.** Arist. Rh. Lib. II, Cap. 22.

ний, затем перейти к приемам родов красноречия, наконец, просмотреть общие и главные приемы.

8. При самом отыскании и исследовании приемов надо выписывать и отмечать представляющиеся доводы, во-первых, чтобы эти доводы, отысканные с великим трудом, не потеряли силы из-за [слабости нашей] памяти, а во-вторых, чтобы было понятно, какое множество доводов мы собрали, научившись их [применять]. После разделения [доводов] соответственно троякому назначению речи, следует отметить отдельно все, что пригодно для доказательства, отдельно расположить то, что служит для возбуждения страстей, особо отметить доводы, помогающие завоевать расположение слушателей и обнаруживающие приятный характер.

9. Поэтому не всегда и не во всех делах доводы, [взятые] из одинаковых [источников], имеют одинаковую силу. И нет ничего плодотворнее этих приемов для людей одаренных, в особенности если они образованны: ведь они, подобно плодоносным и тучным пажитям, не только производят в изобилии плоды, но также весьма вредоносные для плодов травы. Так, иногда приемы порождают доводы незначительные, неуместные или бесполезные. Отбор доводов надо производить с большим разбором и не только отыскивать, что сказать, но и оценивать найденный материал по достоинству (Аристотель. Риторика, кн. II, гл. 22; Цицерон, «Об ораторе» кн. II, 351; «Оратор» 5, 9, 6; «Орат. членения», 6, 8, 2; Квинтилиан, кн. 5, гл. 12).[75]

10. Чтобы лучше понять это последнее указание, я решил привести здесь соображение, которое, как мне, по крайней мере, показалось, когда я обдумывал этот предмет, может принести немалое облегчение сочинителю. Оно состоит в следующем: я полагаю, что не все приемы годятся для всякого этапа расследования, но одни приемы имеют силу для предположительной стадии, для стадии же определения и качества — другие. Поэтому если возникнет вопрос о стадии расследования, называемой предположительной, или если надо разрешить вопрос о факте, то определение, этимология, родственные слова и другие подобные вещи будут иметь меньше значения, но по преимуществу принесет пользу рассмотрение последующих и предшествующих обстоятельств и результатов, которые все могут служить признаками и указаниями на совершившиеся события. Сюда относятся, по преимуществу, свидетельства из приемов отдаленных. В стадии определения дело обстоит иначе, ведь к ней лучше подходят: определение,

---

[75] **Поэтому не всегда и не во всех делах доводы… по достоинству** (Аристотель… Квинтилиан кн. 5, гл. 12). Ссылки ФП на «Риторику» Аристотеля, «Об ораторе» Цицерона, «Риторические наставления» Квинтилиана достоверны. «Оратор» 5, 9, 6 и «Ораторские членения», 6, 8, 2 — указанные места не найдены.

этимология, родственные слова, сравнения, противоположение. Что касается качественной стадии, то, хотя все источники, по-видимому, могут доставлять для нее доводы, однако, кроме тех [источников], которые мы приписали стадии определяющей, сюда специально относятся: род, вид, подобие, причины, результаты и последствия. Что это так, легко убедиться при тщательном рассмотрении вопроса.

Заметь, однако: я не даю здесь столь точных до мелочей указаний, что от них нельзя было бы ни на волос отступить и не касаться других приемов, кроме отведенных каждой стадии, которые мы назвали для каждой стадии особо. Так обстоит дело, полагаем, относительно нахождения предмета обсуждения и других более важных доводов. Впрочем, мы не отрицаем, что для всякой стадии можно найти подкрепление из всех приемов, из которых получают, очевидно, силу предмет обсуждения или главные доводы. Кроме того, следует знать, что употребление приемов различно так же и в неопределенном и в определенном расследовании. Ведь неопределенное расследование можно удобно использовать во всех приемах, кроме обстановки и дополнений; определенное же расследование преимущественно находит подкрепление из дополнений (хотя и другие приемы могут оказаться для него полезными).

ГЛАВА V

ОСОБОЕ УКАЗАНИЕ, КАК СЛЕДУЕТ ИЗВЛЕКАТЬ ДОВОДЫ ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Сущность этого искусства в том, чтобы оратор, собираясь доказывать или опровергать какую-либо посылку, истинную или ложную, тщательно разобрал все, что относится к субъекту и предикату этой посылки, как говорят диалектики, то есть всю, так сказать, генеалогию этих обоих слов; именно: род, вид, определение и т. д. (о чем мы упомянули выше). Ведь из всего этого как из источников извлекаем доводы. Ведь когда доказывают в должном употреблении терминов соответствие чего-либо субъекту и предикату, то без сомнения правильно утверждается одно относительно другого, так как те термины, которые находят соответствие в одном третьем [термине], должны неизбежно соответствовать друг другу. Наоборот, если они не соответствуют ему, то и сами они не должны соответствовать друг другу. Это весьма удобно можно показать на примере: ведь если желательно решить, например, равны или не равны два столба, находящиеся далеко друг от друга, то следует приложить к обоим палку; если эта палка подойдет к тому и другому столбу, то можно заключить, что эти предметы равны,

если же она не подходит, то предметы не равны; следовательно, способ доказательства — один и тот же, и этот третий [термин], который должно прикладывать к обеим частям, называется средним [термином], который берем от всех вышеупомянутых признаков вещей.

Будет небесполезно, однако, все это разъяснить на нескольких примерах. Возьмем, например, благочестивое стремление к святой молитве, которое мы желаем внушить людям, и рассмотрим [все], что к нему относится, чтобы вывести отсюда доводы, необходимые для убеждения. Род этой добродетели есть религия — наиболее выдающаяся из моральных добродетелей. Определение — воспарение мысли к Богу или испрашивание у Бога надлежащего. Особая причина молитвы — дух святый, побуждающий нас к молитве и просящий за нас с воздыханиями неизреченными. Причины же, побуждающие молиться, — повседневные беды жизни человеческой, крайние опасности и величайшая склонность ко злу человеческого сердца, которое непрестанно нуждается в божественной помощи; а также величайшая благость Бога нашего, которая наставляет нас просить и просящим обещает помощь. Результаты молитвы следующие: во-первых, заслужить умножение благодати и славы (такой же результат имеют и прочие добродетельные поступки, основанные на любви); затем оправдаться перед богом за грехи; в-третьих, добиться исполнения наших просьб, если просим как должно и с благоговением; в-четвертых, наконец, укрепиться духом и исполниться светом небесным и сладостью духовной; а также и некоторые другие результаты, которые долго было бы перечислять. Части же молитвы следующие: молитва словесная и мысленная; или ты предпочитаешь те, которые перечисляет апостол, когда говорит: «Прошу прежде всего совершать молитвы, прошения, моления, благодарения и т. д.»[76] Эти слова старательно изъясняет Кассиан в своих «Сопоставлениях» творений святых отцов.[77] Дополнения молитвы суть те, которые связаны с ней по необходимости: вера, надежда, любовь и душевная устремленность и прочие добродетели, без которых молитвы не угодны Богу. Дополнения же, часто сопровождающие молитву: нравственно чистая жизнь, любовь к уединению, основание для святых желаний и стойкость духа против греха, благоговейное рвение ко всем благочестивым деяниям, презрение к мирским делам; ведь когда изведана сладость духовная (а она является спутницей благоговения молитвы), то всякое плотское [удовольствие] кажется ничтожным. Но я ска-

---

[76] **…перечисляет апостол …Прошу прежде всего…** См.: I Тим. 2: 1–2.

[77] **Эти слова … изъясняет Кассиан в своих «Сопоставлениях»…** ФП имеет в виду «Собеседования» Кассиана (Collationes patrum in Scythia).

зал, что это часто бывает дополнением к молитве, так как мы видим, что некоторые молятся, однако весьма нерадивы в добродетели и справедливости. На молитву похожи чтение, размышление и созерцание, так как с помощью этих действий мысль также воспаряет к Богу. Молитве, однако, противостоит забвение Бога, которое есть начало всех зол, так же как молитва — источник всякого блага. Таким образом, существуют ясные примеры и свидетельства Священного Писания или святых отцов, советующие молиться и разъясняющие пользу и необходимость молитвы. Их бесконечно много, и встречаются они повсеместно. Ведь эти доводы, безыскусные, по нашим словам, обнаруживают не дарование оратора, но память и чтение разнообразных писателей. Также забвение Бога, противостоящее молитве, не в меньшей степени может оказать нам помощь в изобретении доводов, чем любой из других приемов. Так как мы объяснили, какое зло является последствием забвения Бога, то легко будет понять, как должно рекомендовать молитву, освобождающую нас от стольких зол, когда мы постоянно возносимся мыслью к Богу. Итак, из этого примера совершенно ясно, как много доводов можно таким способом отыскать. Ведь из этих упомянутых нами свойств молитвы легко почерпнуть различные доводы, советующие нам молиться.

ГЛАВА VI

ОСОБОЕ РАССМОТРЕНИЕ ПЛОДОТВОРНОСТИ ДОПОЛНЕНИЙ И СЛЕДСТВИЙ С СООТВЕТСТВУЮЩИМИ ПРИМЕРАМИ

Но среди этих приемов наиболее плодотворным является, однако, тот, который выводится из следствий и дополнений (находятся ли они, как мы только что сказали, в необходимой связи с делом или нет); хотя дело познается лучше из причин и первых оснований, однако мы чаще и легче заключаем от следствий к причинам, так как нам более известны следствия, чем причины. Итак, пользуясь приемом следствий и дополнений, мы рекомендуем [придерживаться] добродетели, разъясняя ее плоды, последствия и все, что с ними сопряжено, и, касаясь также пороков, мы упоминаем и подчеркиваем все зло, которое они с собой несут.

Из этих двух источников Сенека[78] привел много доводов против гнева в следующих выражениях:

---

[78] **Сенека.** См. примеч. 7 к кн. I.

«Ты настоятельно просил меня, Новат,[79] чтобы я написал, как можно смягчить гнев; справедливо, кажется, ты особенно устрашился этой страсти [как] наиболее отвратительной и неистовой из всех. Ведь прочим страстям присуще нечто мирное и покойное, эта [же страсть] вся [состоит] из множества порывов, так как вредит другому, пренебрегая собой, бросаясь на само оружие и жадно стремясь причинить великое мщение. Поэтому некоторые из мудрых людей называют гнев непродолжительным безумием. Ведь [эта страсть] также не умеет владеть собой, забыла о чести, не помнит о дружбе и родстве, за что принялась, упорно и напряженно [отстаивает], заграждена для разума и проявлений благоразумия, возбуждается по ничтожным поводам, по виду не способна на справедливость и правду, наиболее похожа на развалины, которые находятся наверху того, что ломает сокрушитель. Чтобы ты знал, что [люди], охваченные гневом, безумны, смотри на их внешний вид.

Ведь подобно тому, как у безумных существуют известные приметы: дерзкое и грозное выражение лица, угрюмый лоб, свирепый вид, быстрая походка, беспокойные руки, измененный цвет [лица], частые и более глубокие вздохи, — так те же самые приметы есть и у охваченных гневом: горят и сверкают глаза, на всем лице яркий румянец от кипящей в глубине груди крови, губы трясутся, зубы стиснуты, волосы поднимаются и торчат дыбом, дыхание частое и со свистом, хруст самосгибающихся суставов, стоны, гудение и отрывистая речь, состоящая из невнятных слов, и слишком частые всплескивания рук и топание о землю ногами, и все тело в возбуждении, мечущее гневные угрозы; отвратительного вида страшное лицо кривляющихся и важничающих [людей]. Не знаешь, более ли этот порок отвратителен или безобразен. Прочее можно скрыть и держать в тайне. Так появляется и выходит наружу [гнев], и чем он сильнее, тем ярче он вспыхивает. Теперь же, если ты захочешь посмотреть на его действия и [причиняемый] ущерб, то [увидишь, что] никакая язва рода человеческого не обходится людям дороже. Ты увидишь убийства и отравления, взаимную низость истца и ответчика и гибель городов, изгнание целых народов и продаваемые с молотка головы вождей, и факелы, подложенные для поджога в домах, и пожары, распространившиеся за пределы стен и огромные пространства, сияющие враждебным пламенем. Посмотри на едва различимые основания знаменитейших [когда-то] государств — их разрушил гнев; посмотри на пустыни, на [протяжении] многих тысяч [лет] необитаемые, — их исто-

---

[79] **Новат** — Юний Анней Галлион, Луций Анней Новат (Lucius Iunius Gallio Annaeanus; ок. 1–65) — сын Сенеки Старшего, брат Сенеки Младшего; ему посвящены диалоги Сенеки Младшего «De Ira» и «De vita beata».

щил гнев; посмотри на стольких полководцев, увековеченных как примеры злой судьбы».[80]

Все эти слова взяты из Сенеки, который перечисляет много других [признаков], подобных этим. Из этого примера ясно, насколько плодотворен этот прием, который берется из следствий и дополнений вещей.

Подобным образом [говорит и] святой Василий:[81] «Чем отличаешься от неразумных животных ты, человек? Не даром ли разума, получив который от своего творца, ты стал владыкой и господином всей твари? Поэтому лишивший себя разума опьянением уподобится животным, не имеющим разума.[82] А я сказал бы лучше, что напившиеся пьяными не разумнее и животных: потому что все четвероногие и звери в определенные сроки имеют стремление к совокуплению, но у кого душа связана с опьянением и тело наполнено неистовым жаром, те во всякое время, во всякий час стремятся к нечистым и постыдным объятьям. И не это одно производит в них неразумие, но и извращенность чувств показывает, что опьяневший хуже всякого скота. Ибо какое животное так плохо видит и слышит, как напившийся пьяным? Самых близких не узнают пьяные, а к чужим нередко бегут, как к знакомым. Часто прыгают через тень, как через ручей или ров. А слух у них наполнен звуками и шумом как бы бушующего моря. Им представляется, что земля поднимается вверх и горы идут кругом. Одни иногда непрестанно смеются, а иногда беспокоятся и плачут безутешно; то дерзки, то неустрашимы, то боязливы и робки. Сон у других тяжелый, почти непробудный, удушающий, близкий к действительной смерти, а бодрствование бесчувственнее самого сна; потому что жизнь их есть сновидение; у кого нет одежды, кому нечего есть на завтрашний день, в опьянении царствуют, предводительствуют войсками, строят города, делят деньги. Такими мечтаниями, таким обольщением наполняет сердца их кипящее в них вино. Других опьянение приводит к противоположным этим страстям: впадают в отчаяние, становятся унылыми, беспокойными, слезливыми, боятся всякого шума, от всего приходят в ужас. Одно и то же вино в различных телесных состояниях производит в душах различные страсти. У кого, приводя кровь в волнение, [вино] расцветает на поверхности тела, тех делает светлыми, приятными и радостными, а у кого своей тяжестью подавит сложение, сжимая и сгущая их кровь, тех приводит в противоположное располо-

---

[80] **Ты настоятельно просил меня, Новат… примеры злой судьбы.** Луций Анней Сенека. «О гневе» (Ad Novatum de ira). Lib. I: 1–4.

[81] **Василий Великий.** См. примеч. 94–95 к кн. I.

[82] **Поэтому лишивший себя разума опьянением уподобится животным, не имеющим разум.** Размышления о способах уподобления животным — общее место нравоучительных речей и толкований на Пс. 48: 13.

жение. Нужно ли еще говорить о множестве других страстей, о своенравии, о раздражительности, о склонности на все жаловаться, о переменчивости души, о криках и смятениях, о склонности ко всяческим обманам, о неспособности удержаться от гнева? Невоздержанность в удовольствиях из вина открыто льется, как из источника, и вместе с невоздержанностью вторгается недуг похотливости, от которого наглость пьяных превосходит всякое неистовое стремление неразумных животных к другому полу. Неразумные животные знают законы естества, а пьяные ищут в мужском поле женского и в женском мужского. Нелегко изобразить словами, сколько бедствий происходит от пьянства. Вредоносность заразы действует на людей не во мгновении времени, а по мере того, как воздух постепенно вносит в тело происходящую от него порчу, но вред от вина вторгается вдруг. Ведь таким образом, погубив свою душу и как бы испестрив ее всякой нечистотой, пьяные расстраивают и самое телесное сложение. Они не только чахнут и тают от излишества в удовольствиях, жалящих их, словно овод, и растекаются в похотливых поступках, но и при самой тучности тело у них наполнено влагой и зловонием и лишено жизненной силы. Глаза у них поблекшие, лицо бледное, дыхание частое и затрудненное, язык не твердый, произношение не ясное, ноги слабые, как у детей; выделение излишеств происходит само собою, вытекая, как из мертвого. Они жалки среди своих наслаждений, и еще более жалки, чем застигнутые бурей среди моря, когда волны, догоняя одна другую, и заливая их собою, не дают им выбиться из волнения. Так и у этих людей погрязают души, затопляемые вином. Поэтому, как корабли, застигнутые бурей и перегруженные, [когда вода их начинает заливать], по необходимости облегчают, выбрасывая груз, так и для пьяных необходимо облегчение от обременяющего их. Но изрыгая и извергая, едва освобождаются от бремени, и в той мере более жалки, чем несчастные пловцы, что пловцы обвиняют ветры и море, внешние бедствия, а пьяные произвольно навлекают на себя бурю опьянения. Жалок одержимый демоном, а опьяненный, хотя терпит то же, недостоин сожаления, потому что борется с демоном, добровольно ему [подчинившись]. [Пьяные] составляют и снадобья для опьянения, но не для того, чтобы не претерпеть какой-нибудь беды от вина, а для того, чтобы постоянно быть в состоянии опьянения. Для них короток день, и ночи, даже зимней, им мало на питье. Нет и конца этой беде. Вино само еще больше предлагает себя [им]; оно не удовлетворяет потребности, но делает неизбежной потребность другого питья, воспламеняя опьяненных и постоянно возбуждая к большей жажде. Но когда думают, что у них желание пить неутолимо, тогда испытывают противное тому, чего желали. Ведь от непрестанного наслаждения увядают чувства. Как чрезмерный блеск омрачает зрение и как оглушаемые сильным шумом и стуком от непомерных ударов бывают доведены до того, что вовсе не слы-

шат, так и опьяненные от чрезмерного сластолюбия, сами не замечая, теряют ощущение удовольствия. Вино для них невкусно и водянисто, хотя и ничем не разведено; вино молодое представляется на вкус тепловатым, хотя оно весьма прохладно, да и самый снег не может потушить пламени, зажженного внутри от излишества вина».[83]

Вот что говорит Василий (читай его же речь «Против гневающихся» и другую «Против завистливых»).[84] Уместно привести здесь из святого Киприана весьма изящное опровержение зависти и недоброжелательства (Слово «О ревности и зависти»).

«И какой это червь для души, какой яд для помыслов, какая ржавчина для сердца — ревновать в другом к его доблести и счастью, то есть ненавидеть в нем или собственные его заслуги или благодеяния Божии, обращать в свое зло блага других, мучиться благополучием знатных людей, славу других делать для себя казнью и к своему сердцу приставлять как бы неких палачей, к помыслам и чувствам приближать мучителей, которые терзали бы их внутренними мучениями, раздирали тайники сердца когтями зложелательства! Нерадостна для таких людей пища, и питье не может быть приятно; они постоянно вздыхают, стонут, скорбят; и так как ревность никогда не оставляет завидующих, то сердце, днем и ночью охваченное ею, беспрерывно терзается. Другие беды имеют свой предел и всякий грех оканчивается совершением греха: в прелюбодее преступление прекращается по совершении прелюбодеяния; в разбойнике злодеяние затихает по совершении человекоубийства; у грабителя хищничество останавливается похищением добычи, у лжеца мера полагается выполнением лжи. Зависть же не имеет предела: это зло, пребывающее непрерывно; это грех без конца, и чем более обстоятельства благоприятствуют тому, на кого обращена зависть, тем более завидующий возгорается пламенем зависти. Отсюда угрюмый вид, суровый взгляд, бледное лицо, дрожащие губы, скрежет зубов, свирепые слова, неистовые ругательства, руки, готовые совершить убийство, и хотя свободные на время от меча, но вооруженные бешеной ненавистью».[85]

---

[83] **Чем отличаешься от неразумных животных… излишества вина.** Святитель Василий Великий. Беседа 14 «На упивающихся». Текст перевода близок к: Василий Великий. Беседа 14. На упивающихся // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Новый испр. перевод МДА. Т. 2. СПб., 1911. С. 203–211.

[84] **«Против гневающихся» и …«Против завистливых».** Подразумеваются произведения Василия Великого: Беседа 10, «На гневливых» (Κατὰ ὀργιζομένων; Adversus eos qui irascuntur) и Беседа 11, «О зависти» (Περὶ φθόνου; De invidia).

[85] **И какой это червь для … бешеной ненавистью.** Св. Киприан Карфагенский. Слово «О ревности и зависти». Cypr. Liber de zelo et livore 1, VII–VIII.

ГЛАВА VII

ЧТО ТАКОЕ АРГУМЕНТАЦИЯ, И КАКОВЫ ВИДЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Гораздо легче найти довод, чем соответственно и надлежащим образом его применить. А это делается с помощью аргументации, о чем следует сказать в настоящей главе.

1. Аргументация есть изложение довода, или когда найденный довод излагается в определенной форме слов и предложений и надлежащим образом соединяется с предпосылкой, которую доказываем. Ведь существует пресловутый, всегда бессодержательный, вялый и неуместный для оратора довод, потому что он избит [от частого повторения]: достойным похвалы является тот человек, потому что он знатного происхождения, потому что хорошо воспитан, потому что образован.

2. Существуют различные виды доказательств. Прежде чем излагать вид, надо иметь в виду следующее: приемы ведения [доказательств] у диалектиков и ораторов весьма различны. Ведь, во-первых, у диалектиков предложение, подлежащее доказательству, всегда ставится на последнем месте и потому носит название вывода, заключения, следствия, последующего. Логическое же обоснование, понимаемое под именем довода, всегда предшествует; оно образует силлогизм, если вытекает из двух посылок; если же из одной, то энтимему. Во-вторых, у диалектиков доводы приводятся просто в чистом виде и не подтверждаются, разве что если кто-нибудь отрицает их. В-третьих, заключение силлогизма при рассуждении никогда не отрицается так, чтобы требовалось подкреплять его новым обоснованием, после того как оно уже однажды правильно было внесено в силлогизм. Так же и заключение энтимемы не должно быть доказываемо, разве что из предпосылки. В-четвертых, в силлогизме так называемая большая посылка всегда занимает первое место. Меньшая — второе, заключение — третье. В энтимеме же предпосылка предшествует, следует вывод. Это обычный и правомерный способ рассуждения у диалектиков. Напротив, оратор не придерживается этих правил, но располагает обычно довод с его заключением разными и неодинаковыми способами. Об этих последних мы будем здесь говорить: почему о них необходимо знать новичкам, чтобы они, читая чужие речи и стихи, поняли их и вынесли правильное суждение о доказательности речи и сами научились видоизменять аргументацию.

Затем надо отметить: то, что здесь будет сказано, следует понимать не только относительно доводов основной темы, но также относительно любого сомнительного утверждения, встречающегося в речи, которое сле-

дует подкрепить доводами (как это сказано в конце предшествующей рубрики).

Первый модус.

Первый способ ораторской аргументации есть силлогизм и энтимема, риторы называют его умозаключением.

Если затем это умозаключение полное, то состоит из пяти частей. Первая его часть есть большая посылка силлогизма, вторая — обоснование большей посылки, которое обычно производится с помощью одного или многих доказательств; третья есть меньшая посылка или принятие; четвертая — обоснование меньшей посылки, которая сходным же образом производится с помощью одного или многих доказательств; пятое есть заключение или вывод. Пример такого рода умозаключения находим у Цицерона «Об изобретении», кн. I. Смысл его следующий.

Посылка: мир управляется Промыслом. Довод: потому что управляется в наилучшем порядке. Так в умозаключении.[86]

Большая посылка: то, что управляется наилучшим образом, управляется Промыслом.

Обоснование большей посылки путем аналогичных примеров: дом, войско, корабль, если управляются наилучшим образом, то управляются разумно.

Меньшая посылка: но мир управляется наилучшим образом.

Обоснование меньшей посылки путем перечисления частей: небеса вращаются в надлежащем порядке, времена года сменяются, ночь постоянно следует за днем.

Заключение: следовательно, мир управляется Промыслом.

Это умозаключение полное, то есть содержит все пять частей. Однако оно может состоять из четырех, трех или двух частей, если, конечно, какие-либо из них опускаются, что происходит, когда посылки известны и умозаключение не требует обоснования или понятно даже при опущении какой-нибудь из посылок. Примеры смотри у Цицерона там же. Впрочем, части умозаключения не всегда располагаются в речи в данном здесь порядке, но в случае необходимости меняются для удобства. Ведь иногда предпосылают одну, иногда — другую часть, и нередко доказательство меньшей или большей посылки идет раньше, чем сама большая или меньшая посылка. Заключение также ставится между другими частями, иногда даже впереди посылки. Примеры приведены в главе IX.

---

[86] **Пример такого рода умозаключения находим… в наилучшем порядке.** См.: Cic. Inv. I: 59.

Второй модус.

В большей или меньшей посылках ставится только один довод, а вместо заключения присоединяется одно доказательство или больше, доказывающее то же самое. Цицерон в речи «За Росция Америйского», желая доказать, что отцеубийство является величайшим преступлением, привел такой довод от сравнения: «Кто посмотрит на родителей с мрачным выражением лица, тот нечестивец; следовательно, кто убьет, совершит величайший грех».[87] Вместо этого заключения он вставляет замечание, что вряд ли найдется достаточно лютой казни для человека, умертвившего своего отца, умереть за которого, если бы это потребовалось, обязывали его законы и божеские, и человеческие. Здесь два доказательства, показывающие тяжесть отцеубийства. Во-первых, потому что не может быть казни, соответствующей тяжести преступления отцеубийства; во-вторых, потому что сын иногда обязан умереть за отца.

Третий модус.

Довод вкрапливается в предложение, подлежащее доказательству, что происходит четверояко: во-первых, и то и другое охвачено в эпихейреме.[88] Цицерон в речи «В защиту царя Дейотара»:[89] «Вот обвинение, вот причина, почему беглец — царя, раб обвиняет господина». Смысл заключается в том, что обвинение против Дейотара ложно, потому что беглый, да еще и раб, может легко взвести на царя и своего господина ложное обвинение.[90]

Во-вторых, в одном слове заключается намек на обоснование. Так, в I книге «Энеиды»:

Уж не мне ль уступить, побежденной, в начатом.[91]

Смысл: я не перестану преследовать троянцев, потому что иначе меня сочтут побежденной. В-третьих, в заключении в виде гипербата вставляется

---

[87] **Кто посмотрит на родителей… грех.** Cic. S. Rosc. XIII: 37.

[88] **Эпихейрема** (ἐπιχείρημα — довод, аргумент) — сокращенный силлогизм, в котором две посылки являются энтимемами.

[89] **Дейотар** (Δηιόταρος; 120–41 до н. э.) — царь Галатии, друг Цицерона, благодаря которому он сумел вернуть себе владения в Галатии.

[90] **Вот обвинение, вот причина...** В речи «В защиту царя Дейотара» (Pro rege Deiotaro) Цицерон указывает на причину, которая становится обвинением в незаконных методах рассмотрения дела: по закону было невозможно, чтобы в деле против царя обвинителями были чужеземец и раб. См.: *Смыков Е. В.* Дейотар, властитель галатов // Эллинистический мир: государства и правители. М., 2013. С. 296–323.

[91] **Уж не мне ль уступить, побежденной, в начатом.** См.: Verg. A. I: 35–40. Пер. С. А. Ошерова. Юнона называет себя побежденной из-за суда Париса, о чем говорится и выше (Verg. A. I: 25–27), и в комментарии Мавра Сервия Гонората, но ФП дает другое объяснение.

доказательство. Например, в речи «В защиту Квинкция»:[92] «Он не думал лгать, потому что не было причины лгать».[93] В-четвертых, доказательство принимает вид парентезы.[94] Например, в речи «В защиту Милона»: «Чтобы пред своим имением (как это выяснилось из обстоятельств дела) устроить Милону засаду».[95]

Четвертый модус.

Предпосылается предложение, подлежащее доказательству, а довод присоединяется к нему. Происходит это обычно двояким способом. Во-первых, довод присоединяется с помощью причинных частиц: ведь, действительно, потому что, так как и т. д. Например, в речи Цицерона «В защиту Квинкция»: «Прийти к соглашению было невозможно: мой клиент был согласен понести умеренную утрату, но его противник не хотел довольствоваться умеренной наживой».[96] Во-вторых, способом синонимической посылки с копулятивной частицей. Например, «Энеида», кн. 2:

Все согласились, и то, что было для каждого страшно,
Рады снести, обратить одного несчастного в гибель.[97]

Смысл: согласились на смерть мою, потому что таким способом сами освободились от смертной участи.

Пятый модус.

К предшествующему предложению или к заключению, которое нужно доказать, присоединяется: во-первых, доказательство; во-вторых, приво-

---

[92] **В защиту Квинкция** — Речь Цицерона «В защиту Публия Квинкция» (Pro Quinctio) является образцом композиции судебной речи, рекомендуемой и Цицероном, и последующими авторами, и состоит из шести частей: 1) exordium (вступление); 2) narratio (изложение дела), 3) partitio (указание плана), 4) probatio (основная часть), 5) repetitio (резюме), 6) peroratio (заключение).

[93] **Он не думал лгать, потому что не было причины лгать.** См.: Cic. Quinct. V: 19.

[94] **…доказательство принимает вид парентезы…** В риторике под этим термином подразумевалась не просто вставная конструкция, а фигура порядка слов, имеющая разные функции в зависимости от объема, типа отношений с основной темой, интонационным оформлением.

[95] **Чтобы … (как это выяснилось из обстоятельств дела) … засаду.** Из обстоятельств выяснилось, что суд должен рассматривать только вопрос о том, кто и как устроил засаду. Cic. Mil. X: 27. Пер. В. О. Горенштейна. Комментарий к примерам из этой речи ФП заимствован из «Риторических наставлений» Квинтиллиана.

[96] **Прийти к соглашению … наживой.** Cic. Quinct. V: 21–22. Пер. В. А. Алексеева.

[97] **Все согласились… в гибель**. См.: Verg. A. II: 130–131. Пер. В. Брюсова и С. Соловьева.

дится подтверждение обоснования, усиливающее его одним или многими доводами; в-третьих, присоединяется риторическое украшение для пояснения того, что уже подтверждено; в-четвертых, вводится заключение, которое путем краткого перечисления частей замыкает собою всю аргументацию. Такой полезный и весьма часто применяемый ораторами прием называется собиранием или украшением энтимемы. Пример его смотри у автора «К Гереннию», кн. II. Смысл примера следующий. Посылка: Улисс имел причину убить Аякса. Доказательство: так как Улисс был врагом Аякса, то боялся за себя и потому предварил его. Обоснование: он сделал то же самое, убив Паламеда.[98] Кроме того, Улисс — человек коварный, вредный, злокозненный.[99] Риторическое украшение: звери не щадят других зверей, с которыми враждуют. Заключение: следовательно, если Улисс был врагом Аякса и боялся за себя, то он имел причину убить его.

Отсюда можно видеть, что, когда эта аргументация является полной, она состоит из четырех частей; но, если какие-либо части опущены, она будет состоять из стольких частей, сколько их останется.

Вот почти все применяемые ораторами способы доказательств, связанных с предложением, подлежащим доказательству. Если существуют какие-либо иные способы, то они легко приобретаются навыком и могут быть применимы. Кроме того, добавлю к этому еще вот что: следует знать, что оратор весь довод (иногда соединенный с заключением) излагает или членами или отрезками, или же охватывает его одним или многими периодами и таким образом большей частью смешивает довод с заключением; то он смешивает заключение, то сам довод путем амплификации или добавляя что-либо новое, так что неопытные люди нелегко заметят различие. Это каждый может встретить при чтении произведений ораторов. Часто даже один период заключает много доводов и весьма искусно присоединенных подтверждений, как, например, знаменитые пневматики в речи «За Квинкция»: «Если правда, что дружба основана на искренности, товарищество — на честности, родственные связи — на нежности чувств, то человека, который хотел лишить своего друга, товарища, родственника доро-

---

[98] **…он сделал то же самое, убив Паламеда.** Паламед (Palamedes, Παλαμήδης) — герой греческих мифов, которому приписывают многие изобретения (в т. ч. счет времени, некоторые буквы и др.). ФП имеет в виду историю о том, как Одиссей отомстил герою за разоблачение его сумасшествия (Одиссей не хотел участвовать в войне и притворился безумным). Одиссей спрятал в палатке Паламеда золото и подложное письмо от Приама, и греки убили Паламеда за измену. В предательство Паламеда не поверил похоронивший его Аякс.

[99] **Смысл примера… посылка… доказательство... обоснование... риторическое украшение…** См.: Rhet. ad Her. II: 19.

гого имени и состояния, нельзя назвать иначе как предателем, обманщиком и нечестивцем».[100] Здесь три довода смешаны со своими доказательствами.

ГЛАВА VIII

ОБ АМПЛИФИКАЦИИ, В ЧЕМ ОНА СОСТОИТ И ОТКУДА ЧЕРПАЕТСЯ, О ДЕЛЕНИИ ЕЕ НА ЧЕТЫРЕ ВИДА И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ВОЗРАСТАНИИ И СРАВНЕНИИ

1. Амплификация так необходима оратору, что без нее мы не можем ни называться ораторами, ни достичь чего-либо. Хотя бы мы нашли самые сильные доводы, только от нее одной, пожалуй, зависит отличие оратора от диалектика и, я полагаю, на это намекал тот, кто сравнивал диалектику со сжатой рукой, риторику же — с раскрытой.[101]

2. Далее амплификация состоит вовсе не в том (как иные ложно представляют), чтобы пространно говорить о том, что можно высказать в немногих словах. Ведь если бы этого было достаточно, то мы зачастую не говорили речей, а забавлялись бы пустой болтовней, хотя амплификация редко возможна без многословия. Однако не потому что-либо подвергается амплификации, что имеется много слов, но, наоборот, потому много слов, что имеется амплификация чего-либо. Ведь иногда и в немногих словах будет возможна большая амплификация, и при наличии множества слов иногда не может быть никакой, и, кроме того, преуменьшение, противоположное амплификации, невозможно без множества слов. Следовательно, слова не сами по себе необходимы для амплификации, но потому что нельзя выразиться без слов, но чаще всего при амплификации сталкивается множество мыслей.

3. Итак, амплификация есть некоторого рода преувеличенное и пространное утверждение, которое путем амплификации предмета придает мощь речи. Из этого определения ясно, что назначение и польза амплификации в том, чтобы придавать силу и мощь речи, что может быть лишь в том случае, если предметы, о которых идет речь, будут показаны более пространно и преувеличенно. Ведь нередко оратору важно сделать, чтобы предмет, который велик, но не кажется таковым, и казался столь же великим, как он

[100] **Если правда… предателем, обманщиком и нечестивцем**. См.: Cic. Quinct. VI: 26. Пер. В. А. Алексеева.

[101] **…сравнивал диалектику со сжатой рукой, риторику же — с раскрытой…** Общее место. Есть у Кассиодора (со ссылкой на несохранившийся текст Варрона) в «Наставлениях в науках божественных и светских» (551 г.).

есть, или еще больше. Следовательно, задача амплификации — придавать предмету величие, назначение же — делать речь сильной и действенной. Поэтому амплификация особенно пригодна для воздействия [на слушателей], и кто умеет применять амплификацию, тот легко также сможет возбудить в слушателе гнев, ненависть, милосердие, скорбь и прочие чувства, хотя о чувствованиях имеется особая наука.

4. Для амплификации применяют те же приемы, что и для доводов, разница, однако, в способе. Ведь, отыскивая доводы, мы взвешиваем, какой применить прием, чтобы выявить подлинную сущность дела. Когда же желаем применить амплификацию, то мы должны взвесить, какие из этих же приемов годятся, чтобы преувеличить предмет и показать его величину и огромность.

5. Знай, однако, что и доводы можно подвергать амплификации (чтобы сделать их более основательными), и амплификации иногда необходимы доводы, чтобы то, что является великим, и действительно казалось им.

6. Но хотя мы сказали, что амплификация происходит из всех приемов, как природных, так и отдаленных, однако для амплификации служат преимущественно дополнения, [которые] и являются как бы душой всех вообще амплификаций. Поэтому надо [эти дополнения] весьма тщательно изучать и основательно запоминать. И если намереваешься что-либо амплифицировать, то ни на что так не обращай внимания, как на подобные дополнения, касающиеся лица и дела.

7. Существуют, однако, четыре вида амплификаций, особо отмеченные Фабием Квинтилианом: усиление или приращение, сравнение, вывод и нагромождение.[102] Скажем о каждом виде в отдельности. Усиление или приращение — когда, как бы по ступеням лестницы, восходят снизу на самый верх. Амплификацию эту производи так: изложив предмет, который намереваешься амплифицировать, взвесь и отыскивай другие предметы, однородные с твоим предметом, но более низкие и между собой неравные; затем расположи каждый из них по своим степеням и таким образом восходи к твоему предмету. Например, если бы ты пожелал амплифицировать чрезмерность отступничества от Христа, в которое впал Юлиан Отступник,[103] то ищи в том же роде: что такое оскорбление Бога и многое другое менее важное, как например: дурно мыслить о Боге, нечестиво говорить, заблуждаться относительно сказанного им, совершенно отказаться от него. Все это является менее значительным, чем отступничество Юлиана, который не только

---

[102] **…четыре вида амплификаций… отмеченные… Квинтилианом…** См.: Quint. Inst. Lib. VIII. Cap. IV.

[103] **Юлиан Отступник.** См. примеч. 45–46 к кн. I.

отрицал Христа, но и служителей его подверг жесточайшему гонению. Выскажи это, подобрав суровые выражения и веские риторические фигуры, например, в таком роде: не представлялось ли тебе, изверг, чудовищным грехом даже в душе иметь какие-то нечестивые помышления о Боге? Что же, если оскорбляют его величие словесными поношениями? Что, если придерживаются заблуждения, противного учению его? Что, если нечестиво проклинают его досточтимое имя? Какой же, наконец, казни достойно твое безумие, раз ты, не соблазнившись милостями и не под угрозой пытки, но добровольно с неслыханной дерзостью не только отверг своего Искупителя, но даже всех благочестивых и святых слуг его подверг жесточайшему гонению.

Так, Цицерон в V речи «Против Верреса» амплифицирует преступление Верреса, который повелел распять на кресте римского гражданина: «Мы осуждаем человека, заключающего в оковы римского гражданина, считаем преступником того, кто подвергает его ударам, ненавидим наравне с братоубийцей того, кто его убивает; как же назвать человека, приказывающего его распять? Нет имени, которое соответствовало бы столь нечестивому злодеянию».[104] Он же в речи «В защиту Квинкция»: «Тяжело лишиться всего состояния, но еще тяжелее — лишиться его несправедливо; горько быть кем-либо обманутым, еще горчей — родственником; грустно потерять свое имущество, еще грустнее — с позором для себя; печально быть жертвой храброго и честного человека, еще печальнее — быть жертвой того, кто нажил себе состояние голосом, в звании глашатая; недостойно быть побежденным равным или сильнейшим, еще недостойнее — низшим и слабейшим; жаль быть отданным, вместе с имуществом, во власть другого, еще более жаль — во власть врага; страшно говорить в суде речь, когда дело идет о жизни, еще страшнее говорить первому».[105]

Иногда бывает и чрезмерное преувеличение («Энеида», кн. VII):

Чем он, другого прекрасней
Не было, за исключением лика лаврентского Турна.[106]

Иногда, раз уж нечего к этому прибавить, он подчеркнуто повторяет дважды. Например, «Мать свою ты убил! Что мне сказать еще? Мать свою ты убил». Иногда отдельные слова становятся выразительнее путем по-

---

[104] **Мы осуждаем человека… злодеянию.** См.: Cic. Ver. V: 170.

[105] **Тяжело лишиться всего состояния… еще страшнее говорить первому.** См.: Cic. Quinct. XXXI: 95.

[106] **Чем он, другого прекрасней… лаврентского Турна.** См.: Verg. A. VII: 649–650. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева.

правки: «Против Верреса», кн. I: «Я привел на суд к вам не вора, но грабителя, не развратника, но растлителя, не святотатца, а врага святыни и религии, не убийцу, а кровожадного палача наших сограждан и союзников».[107]

Противоположно этому преуменьшение или умаление, с помощью чего преуменьшается в речи то, что вообще является большим. Например, если кто-нибудь, побив человека, скажет, что он едва его тронул; кто ранил, скажет, что ударил.

8. Второй вид амплификации — это сравнение; когда для амплификации одного предмета приводим другой, но того же рода: само по себе великое посредством амплификации показываем еще большим. Ведь, без сомнения, покажется великим то, что мы представим больше великого. Относительно такого способа амплификации заметь следующее.

Во-первых, надо сравнивать лица с лицами, слова со словами, предметы с предметами.

Во-вторых, способ такого сравнения — двоякий. Первый способ, если что-нибудь, чего нет и не было, мы вымышленно приводим, словно оно было. Так Цицерон в I речи «Против Катилины»: «Клянусь! да ведь если бы мои рабы смотрели на меня с таким отвращением, с каким смотрят на тебя все твои сограждане, — я предпочел бы покинуть свой дом, а ты не считаешь нужным оставить город?»[108] Второй способ, когда приводится действительный пример для амплификации, то есть либо сравнение хорошего с менее хорошим, либо плохого с хорошим, либо же плохого с худшим. Цицерон в IV речи «Против Верреса»: «Сравните нынешний мир с тогдашней войной, приезд нашего претора с победным вступлением в город того полководца, безнравственную свиту одного с непобедимым войском другого, своеволие одного с умеренностью другого, и вы скажете, что тот, кто взял Сиракузы, был их основателем, кто получил их благоустроенными — поступил с ними, как со взятым городом».[109]

В-третьих, можно иногда сопоставлять даже равное с равным или, главным образом, что-либо немного преуменьшить. Но это может быть только тогда, когда мы сравниваем что-нибудь наше с чем-нибудь величайшим, например, с божественным, и если бы мы назвали наше ему равным или большим, то мы оказались бы или несправедливыми, или лжецами, или не-

[107] **Я привел на суд к вам не вора, но грабителя... союзников.** См.: Cic. Ver. I: 9.

[108] **Клянусь… оставить город?** См.: Cic. Catil. I, VII: 17.

[109] **Сравните нынешний мир с тогдашней войной… городом.** Описание завоевания Сиракуз Верресом сравнивается с историей завоевания города Марком Марцеллом. См.: Cic. Ver. IV: LII.

честивцами. Так, если мы что-либо амплифицируем, сравнивая с Богом, мы не должны и не можем утверждать, что то, о чем у нас идет речь, больше, чем творение Божие или сам Бог; достаточно будет сказать, что он есть или кажется подобным Богу или немногим от Него отличается. Например, если амплифицируем проповедь Павла путем сравнения с проповедью самого Христа, то не можем сказать, что Павел принес больше пользы роду человеческому, чем Христос, или столько же. Но будет достаточно, если мы скажем: если ты сравнишь труды Павла по укреплению церкви с деяниями самого Господа нашего, то, хотя ты увидишь, что они не равны, (так как что же может быть равным Богу), однако по заслуженному праву они займут ближайшее место после деяний нашего Искупителя.

В-четвертых, наиболее красивой будет амплификация через сравнение, если ее произвести таким образом, чтобы то, что мы сравниваем с нашим, сперва амплифицировать каким-либо способом амплификации, преимущественно путем многих дополнений, затем его же известным способом уменьшим, однако выставим великим и незатронутым этим преуменьшением. Так, Цицерон блестяще сравнивает милосердие Цезаря с его же воинскими подвигами и амплифицирует в речи «В защиту Марцелла»: «Я обыкновенно ставлю на вид и притом часто обсуждаю в речах, что все подвиги наших полководцев, все [деяния] чужеземных племен и самых могущественных народов, все [подвиги] славнейших царей нельзя сравнить с твоими ни по величине усилий, ни по числу битв, ни в смысле разнообразия [покоренных] стран, ни быстротой совершения, ни в отношении непохожих [друг на друга] войн; и действительно, никто не мог скорее обойти отдаленнейшие земли, чем ты прошел их твоими, не скажу маршами, но победами. Я был бы безрассуден, не признав, что твои победы столь велики, что едва умопостижимы, но все же существуют другие, еще более великие. Ведь некоторые имеют обыкновение в речах умалять военные заслуги, отнимая их у полководцев и разделяя между воинами, чтобы они не принадлежали лично полководцам. И действительно, доблесть зависит от оружия воинов, от благоприятных условий местности, помощи союзников, флота, подвоза; наибольшую долю [славы] как бы с полным правом требует себе Фортуна, и всякую удачу она почти всегда приписывает себе. Но в этой твоей славе, Г. Цезарь, которую ты завоевал недавно, у тебя нет соучастника: этот твой успех весь целиком — твой, сколь велик бы он ни был, а он, конечно, величайший, весь, — повторяю — твой. От этой славы [твоего подвига] ничего не взял ни центурион, ни префект, ни когорта, ни отряд конницы. Мало того, сама владычица человеческих дел — Фортуна — не притязает на соучастие в этой твоей славе: она уступает [ее] тебе и объявляет цели-

ком твоей собственностью. Ведь никогда безрассудство не сочетается с мудростью и к благоразумию случай не имеет доступа».[110]

Я сказал в начале этого рода, в разделе первом, что надо сравнивать лица с лицами и предметы с предметами: понимай это обычным способом. Ведь необычным способом можно также сравнивать и предметы с лицами — и наоборот. Сервий Сульпиций[111] в утешительном послании к Цицерону очень изящно преуменьшил человеческую бренность: «Плывя при моем возвращении из Азии, от Эгины по направлению к Мегаре, я начал рассматривать расположенные вокруг места. Позади меня была Эгина, впереди — Мегара, справа — Пирей, слева — Коринф; города эти были некогда самыми цветущими; теперь они лежат перед глазами, поверженные и разрушенные. Я начал так размышлять с собой: вот мы, жалкие люди, выходим из себя, если погибает или убит кто-либо из нас, чья жизнь должна быть более короткой».[112]

ГЛАВА IX

ПРИВОДЯТСЯ ОСТАЛЬНЫЕ ДВА РОДА АМПЛИФИКАЦИИ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ, НАГРОМОЖДЕНИЕ И ПРОЧЕЕ, ОТНОСЯЩЕЕСЯ К АМПЛИФИКАЦИИ

Третий род амплификации — заключение, когда одно разумеется из другого, например, по признакам — величина предмета, по причинам — результаты, из предпосылок — следствия и наоборот; все это само по себе не представляется значительным, если эти последние не установлены. Так, Цицерон во II «Филиппике»[113] говорит: «Этой твоей глоткой, этим твоим брюхом, всей гладиаторской силой твоего тела ты выпил столько вина на

---

[110] **Я обыкновенно ставлю на вид … не имеет доступа…** См.: Cic. Marc. II: 5–7; III: 8.

[111] **Сервий Сульпиций** — Сервий Сульпиций (Лемония) Руф (Servius Sulpicius (Lemonia) Rufus; ок. 106–43 до н. э.) — консул 51 до н. э., известный юрист, оратор, друг Цицерона, сумевший взять из красноречия то, что «помогало защищать гражданское право» (Cic. Brut. 40: 150). Послание, написанное в сер. марта 45 г., ФП называет «утешительным», потому что в нем Сервий Сульпиций пишет о смерти Туллии, дочери Цицерона.

[112] **Плывя при моем возвращении из Азии… короткой.** См.: От Сервия Сульпиция Руфа Цицерону, в Италию (Fam. IV: 5). Пер. В. О. Горенштейна. Перечисленные города (Мегара, Эгина, Пирей, Коринф) были разрушены.

[113] **II филиппика** — «Вторая филиппика против Марка Антония» считается самой длинной из филиппик Цицерона.

свадьбе Гиппия, что еще на следующий день тебе было нужно изрыгать на виду у римского народа».[114] [Здесь] показано непомерное опьянение, которое не могла перенести даже огромная глотка и мощное тело [Антония]. Так в «Энеиде», кн. I представлена сильная предстоящая буря из предшествующих обстоятельств:

Рвутся, где дверь отворилась и т. д.[115]

Сюда относится намеренное преуменьшение чего-либо большого, для того чтобы последующее явилось большим. В V речи «Против Верреса»: «Это, разумеется, в нашем деле сущий пустяк. Капитан, знатный гражданин своей общины, откупился деньгами от опасности быть засеченным — это дело житейское; другой раз покупали за деньги и оправдательный приговор: это вещь обычная. Римский народ не желает и т. д.»[116]

Враги восхваляются по той причине, что доблесть и победа полководца от этого становятся еще более славными.

Четвертый вид амплификации, скопление, есть то же, что задержание на одном и том же предмете. Ведь оно осуществляется путем применения слов почти одинакового значения и предметов с одинаковым уклоном. [Так, Цицерон] в речи «В защиту Лигария»:[117] «Что же делал, Туберон, твой знаменитый меч, обнаженный в Фарсальском сражении? Чьей груди угрожал этот меч? Какое чувство одушевляло твое оружие? Куда были устремлены твои мысли, глаза, руки, твое пылкое сердце? Чего ты страстно желал? К чему стремился?»[118]

Близким к последнему виду является нагромождение, которое, однако, более многословно, чем скопление, и разделяет различные предметы. Пример нагромождения в речи Цицерона «В защиту Мурены»,[119] где дается

---

[114] **Этой твоей глоткой… народа.** См.: Cic. Phil. XXV: 63.

[115] **…буря из предшествующих обстоятельств: «Рвутся, где дверь отворилась…»** См.: Verg. A. I: 80. Ветры, вырвавшиеся из пещеры и возмутившие море, были прежде покорены Эолом, заперты и «обузданы тюрьмой и цепями».

[116] **Это, разумеется… это вещь обычная. Римский народ не желает и т. д.** См.: Cic. Ver. II, V: 117.

[117] **«В защиту Лигария»** — Речь Цицерона «В защиту Квинта Лигария» (Pro Ligario), посвященная государственной измене, имела успех как образец «deprecatio» (виновность очевидна, поэтому можно лишь просить прощения и говорить о смягчающих обстоятельствах). Благодаря мастерству Цицерона, единственного защитника Лигария, тот был прощен.

[118] **Что же делал, Туберон, твой знаменитый меч … к чему стремился?** См.: Cic. Lig. II: 6.

[119] «**В защиту Мурены» —** «Речь в защиту Луция Лициния Мурены» (Pro Murena). Луций Лициний Мурена стал консулом вместе с Децимом Юнием Силаном. Оба были

сравнение воинского искусства с правоведением: «Кто может оспаривать, что военная карьера окружает кандидата в консулы большим обаянием, чем слава опытного юриста» и т. д.[120]

Сюда относятся нагромождения определений, причин и следствий. Эта амплификация называется также расчленением, перечислением, учащением, накоплением слов, разделением, распределением.

Заметь, во-первых, зачастую бывает, что не один, а много способов вместе сталкиваются в одной амплификации, но, конечно, та амплификация является наилучшей, в которой имеют место и скопление дополнений, и сравнение, и прочее.

Заметь, во-вторых, можно иногда амплифицировать даже и самое амплификацию, то есть само дополнение, привнесенное для амплифицируемого предмета, или иное что-либо также будет распространено преимущественно другими дополнениями, как это можно видеть почти на всех примерах.

Заметь, в-третьих, амплификация без риторических фигур будет совершенно вялая, поэтому в ней может быть налицо как можно больше фигур, в особенности если амплифицируем что-либо самое значительное в своем роде. Главным образом, выискивают фигуры, полные огня, страсти и мощи; например: вопрос, восклицание, заклинание, умолчание, сомнение, эпифонема, проклятия и всякие другие фигуры, служащие для возбуждения душевного движения.

Заметь, в-четвертых, что касается также строения ритмической речи, то по крайней мере сравнения, приращения и выводы можно выразить также в особых периодах. Впрочем, чаще и упомянутые три вида, и в особенности скопление дополнений идут весьма ровными пневматиками или тасисами. Слова же следует выбирать звучные и торжественные.

ГЛАВА X

ПРИВОДЯТСЯ ЗНАМЕНИТЫЕ ОБРАЗЦЫ АМПЛИФИКАЦИЙ

1. Амплифицируется значительность прегрешения женщин, которые вели себя непристойно в воскресный день.

Из слова святого Василия Великого «Против предающихся пьянству».

преемниками Цицерона в этой должности, оба добились избрания незаконно, но к суду привлекли только Мурену, которого защищали (кроме Цицерона) Квинт Гортенсий и Марк Красс. Мурена был оправдан.

[120] **Кто может оспаривать… опытного юриста.** Cic. Mur. IX: 22.

«Невоздержанные женщины, забыв страх Божий, презрев огонь вечный, в тот самый день, когда им следовало ради воспоминания о воскресении сидеть в домах и думать о том дне, в который отверзнутся небеса и явится с небес Судия, и трубы Божии, и воскресение мертвых, и праведный суд и воздаяние каждому по делам его, — вместо того, чтобы это иметь в мыслях, очищать сердца свои от лукавых помыслов, стирать слезами прежние грехи, и приготовляться к встрече Христа в великий день Его явления, — стряхнув с себя иго служения Христова, сбросив с головы покровы благоприличия, презрев Бога, презрев ангелов Его, бесстыдно выставляя себя напоказ всякому мужскому взору, распустив волосы, влача за собой одежды и вместе играя ногами, с наглым взором, с разливающимся смехом, неистово предаваясь пляске, привлекая к себе похотливость молодых людей, составив хороводы за городом в местах страдания мучеников, эти освященные места сделали местом своего собственного позора, осквернили воздух песнями продажных женщин, осквернили землю нечистыми ногами, попирая ее во время пляски; выставив себя самих, как зрелище, толпе юношей, став подлинно бесстыдными, совершенно исступленными, не оставив уже и возможности превзойти их в неистовстве. Как об этом умолчу? Как и оплачу, сколько должно?»[121]

Амплифицируется страх и скорбь Ноя во время потопа. Из II книги святого Иоанна Златоуста «О провидении»: «Целый год [Ной] был присужден пребывать в этой необыкновенной и страшной темнице, я не говорю уже, конечно, о множестве диких зверей, змей, с которыми столько времени ему пришлось жить вместе, пребывая в такой тесноте. Какое же, ты думаешь, он должен был иметь мужество среди столь сильных ударов грома и грохотания туч? Ведь нижняя бездна разверзалась, верхняя спускалась вниз под натиском величайшей силы, в то время как он один с детьми сидел внутри [ковчега].

Хотя он не беспокоился, конечно, о благополучном исходе, но все же чуть не умер от страха перед мощью происходящих явлений. Ведь хотя мы имеем весьма прочные жилища и дома, утвержденные высоко на земле, и живем в огражденных стенами городах, но все же, видя даже, что дождь идет несколько сильнее обычного, падаем духом и страшимся. Как же мы должны уважать этого страдальца, так как он, находясь один внутри [ковчега], созерцал эту страшную бездну и разного рода опасности? Наконец,

---

[121] **Невоздержанные женщины… Как и оплачу, сколько должно?** Святитель Василий Великий. Беседа 14 «На упивающихся». Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Новый исправленный перевод МДА. Т. II. С. 203.

обычно достаточно нам увидеть один город или даже дом, поглощенный наводнением и открытый напору волн, чтобы повергнуться в величайший ужас. Но когда весь мир испытал этот потоп, то невозможно выразить, какой скорбью, каким страхом был охвачен этот праведный муж, носясь среди бушующих волн. И так целый год он провел в этом страхе и печали. Когда же, наконец, потоп прекратился, страх [его] постепенно стал проходить, скорбь же начала заметно усиливаться; когда он выходил из ковчега, другая беда, не меньшая первой, напала на него, лишь только он увидел ту страшную пустыню, кровь погибших насильственной смертью и тела убитых в тине и грязи; и всех, как людей, так и ослов и прочие породы живых существ, более простых, чем эти, погребенными в достойной жалости могиле. И хотя было слишком много грешников, которые подверглись такой [участи], однако Ной был человек и не мог не пожалеть своих сородичей».[122]

В-третьих, амплифицируется скорбь Авраама, когда он собирался принести в жертву сына.[123] Из той же книги того же [автора]: «Если мы внезапно увидим, как ведут на смерть каких-нибудь отвратительных преступников, в течение весьма долгого времени наслаждавшихся жизнью, незнакомых нам и которых мы прежде никогда не видели, то мы испытываем [не только] сострадание и скорбь, но часто даже проливаем слезы. А тот, кто получил повеление своими руками заколоть и сжечь единственного и самого дорогого, этого даже взрослого сына, рожденного вопреки ожиданиям, спустя столько времени, в глубокой старости, неужели можно считать, что он не претерпел ничего человеческого? Что можно сказать более смешного, чем это? Ведь если бы он был камнем, железом, наконец, адамантом, то мог ли бы не смягчиться, не тронуться, не смириться от милого [его сердцу] вида любимого сына? Ведь тот находился в самом расцвете юности, уже достигнув мудрости и исполненный благочестия. Наконец, он услышал [слова Авраама] «Бог приготовил себе овцу на всесожжение, о сын мой», — и ни о чем больше не расспрашивал. Он смотрел на отца, связывающего его, и не сопротивлялся; возложенный на костер, он не боялся, видел меч, занесенный над ним, — и вовсе не устрашился. Что можно назвать или придумать бла-

[122] **Из II книги святого Иоанна Златоуста «О провидении»:** беседа 25. «Ной же был шестисот лет, как потоп водный пришел на землю» (Быт. 7: 6). De Providentia. В русской традиции текст известен также под названием «Три слова к Стагирию подвижнику. К тому же Стагирию о том, что уныние хуже демона». Слово II, п. 5 (Т. I. Ч. 1). Иоанн Златоуст. «Увещательное Слово второе к Стагирию о том, что уныние хуже демона» (Λόγος παραινετικὸς πρὸς Σταγείριον ἀσκητὴν δαιμονῶντα; Ad Stagirium a daemone vexatum; см.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста… Т. 1. 1895. Кн. 1. С. 197–198).

[123] **…скорбь Авраама —** ФП имеет в виду притчу о жертвоприношении Авраама. Быт. 22: 1–18.

гочестивее или благоговейнее этой души? Итак, неужели кто-нибудь осмелится утверждать, что Авраам вовсе не нашел в себе мужества перенести все подобного рода [несчастья]? Ведь если бы он собирался убить недруга, врага, даже если бы он был лютым зверем, неужели же он выполнил бы такое повеление без скорби? Вовсе нет, вовсе нет!»[124]

В-четвертых, амплифицируется скорбь Иакова, получившего весть о смерти сына. Из той же книги того же [автора].

«Когда подрос сын от любимой супруги и [Иаков] надеялся облегчить тоску о том [Иосифе] постоянным общением с этим бывшим при нем [сыном], тогда Иакову стали готовить разные беды: братья, показав отцу окровавленную одежду [Иосифа], заставили его совершенно исполниться скорбными воплями. Ведь он оплакивал не только смерть, но и сам род смерти. И было очень много [причин], приводивших его душу в смущение и едва не повергших его в отчаяние, потому что [Иосиф] был сыном его любимой [жены], лучше [всех] остальных, самый любимый, [погибший] в самом цвете юности; потому что он [сам] его отпустил, он [умер] не дома, не в постели, не в присутствии отца, ничего не сказав и не услышав; [умер] не от общей смерти всех людей, а живым был разорван на части лютыми зверями, так что даже и останков его нельзя было найти, [чтобы] похоронить в земле; [наконец], потому что эти [несчастья] постигли его самого не в молодости, когда он мог бы их лучше перенести, а в глубокой старости; и можно было видеть жалкое зрелище: почтенные седины, посыпанные пеплом, и старческая грудь, обнаженная разодранной одеждой, и рыдания, не допускающие никакого утешения».[125] «Ведь разодрал Иаков, — говорит Златоуст, — одежды свои и опоясал поясницу свою шерстяной материей и оплакивал сына много дней».[126]

В-пятых, амплифицируется воздержание Иосифа при искушении его женой Пентефрия.[127] Из той же книги того же [автора]: «В то время, когда

---

[124] **Если мы внезапно увидим… нет!** См.: Полный свод творений св. Иоанна Златоуста... Т. 12. 1906. Кн. 2. С.766–767.

[125] **Когда подрос сын <…> никакого утешения.** Иоанн Златоуст. Три слова к Стагирию подвижнику. К тому же Стагирию о том, что уныние хуже демона. Слово второе. Иоанн Златоуст. «Увещательное Слово к Стагирию подвижнику, одержимому демоном» (Λόγος παραινετικὸς πρὸς Σταγείριον ἀσκητὴν δαιμονῶντα; Ad Stagirium a daemone vexatum (lib. 1–3); рус. пер.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста… Т. 1. 1895. Кн. 1. С. 165–246).

[126] **Ведь разодрал Иаков … много дней.** Златоуст цитирует Ветхий Завет: «И разодрал Иаков одежды свои, и возложил вретище на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни». Быт. 37: 34.

[127] **…воздержание Иосифа при искушении его женой Пентефрия.** См. историю искушения Иосифа женой его хозяина (Пентефрия/Потифара). Быт. 39: 1–20.

пламя такой [страсти] сильнее охватывает (Иосифу шел уже почти двадцатый год), когда не было никаких других средств облегчения ее пыла [и] сама по себе эта сила [страсти] непреодолима, тогда бесстыднейшая женщина замыслила козни против чистейшего юноши, прибавляя столько яда от своих соблазнов и украшений к пламени этой [страсти], сколько у нее было от природы. Кто был бы уже тогда в состоянии пересказать его смятение, волнение и беспокойство, когда внутри его смущали и натура, и возраст, а извне завлекали соблазнительные приемы и прелести египтянки, причем он переносил это не в течение одного или двух дней, но весьма долгое время. Я полагаю, конечно, что он боялся не только за себя, но ему причиняло боль также и то, что он так стремительно катился в бездну».[128]

В-шестых, амплифицируется скорбь Павла по причине неверия иудеев. Из его же III книги «О провидении»: «Я желал бы, — говорит Павел, — быть отлученным от Христа за братьев моих по плоти, которые суть израильтяне».[129] Но то, что он говорит, [можно понимать] в таком роде: лучше для меня попасть в геенну, чем видеть израильтян неверными и неверующими. Ведь именно это означают [слова]: «Я желал бы быть отлученным от Христа». Но тот, кто избирал муки геенны, чтобы обратить всех иудеев к вере, не достигнув желаемого, очевидно, переносил бы более тяжкие страдания, чем эти, которые мучаются в геенне»,[130] так как он желал скорее последнего, чем первого.

---

[128] **В то время, когда пламя… он так стремительно катился в бездну.** Иоанн Златоуст. Три слова к Стагирию подвижнику. К тому же Стагирию о том, что уныние хуже демона. Слово второе. См.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста…Т. 1. 1895. Кн. 1. С. 197–198.

[129] **Я желал бы быть … по плоти.** Рим. 9: 3.

[130] **Но то, что он говорит… израильтяне.** Близко к тексту: Иоанн Златоуст. Слово 19. О печали и скорби, см.: Полное собрание творений… Т. 12. 1906. Кн. 2. С. 621.

КНИГА III
О ДИСПОЗИЦИИ

После изложения правил изобретения доводов осталось изложить наставления для диспозиции материала. Ведь подобно тому, как все комнаты в доме и все члены человеческого тела, так и в речи отдельные части надо располагать и размещать связно, изящно, стройно и со вкусом. Ведь форма речи будет безобразной, если все ее элементы не будут как следует расположены на своих местах. Вот почему столь восхваляемый Цицероном Марк Антоний[1] и прославился, кроме всего прочего, как раз чрезвычайным умением с величайшим разбором расставлять одни части речи раньше, а другие позднее.[2] Платон, по свидетельству Юния Мельхиора,[3] хотя бы за одно только это и порицал речь Лисия,[4] что в ней не хватало должного порядка и правильного расположения. И действительно, по заслугам: ведь и войско, составленное даже из отборных и храбрейших воинов, если не построено в правильном боевом порядке, мало имеет силы. Так и речь без плана будет менее действенной, даже если найдены самые основательные доводы: ведь зачастую мы убеждаемся на опыте, что один и тот же предмет, если его отнести на конец, будет сильнее и приятнее, чем данный в начале, и наоборот.

Перечень глав книги III.

Глава I. Из скольких отделов состоит план и о частях речи, и прежде всего о вступлении, общие наставления для которого и предлагаются.

---

[1] **Марк Антоний.** См. примеч. 8 к кн. I.

[2] **…восхваляемый Цицероном Марк Антоний и прославился… умением… расставлять одни части речи раньше, а другие позднее.** См.: Cic. Brut. 139–144; 215.

[3] **Платон, по свидетельству Юния Мельхиора… порицал речь Лисия…** Melch. Praec. Cap. I.

[4] **Лисий** (Λυσίας; ок. 445–380 до н. э.) — афинский оратор, логограф, автор ок. 400 речей. Считается, что его судебные речи — эталон жанра. Платон в «Федре» отзывается о Лисии как об учителе красноречия.

Глава II. Особые наставления о вступлении показательного, совещательного и судебного рода речей и о том, каких недостатков следует избегать во вступлении.

Глава III. О повествовании и изложении.

Глава IV. Приводится пример различия между повествованием ораторским и историческим, затем даются прочие примеры повествования и изложения, взятые из [речей] знаменитых ораторов.

Глава V. Об обосновании.

Глава VI. Об опровержении.

Глава VII. Объясняются дилемма и индукция — главные способы аргументации при опровержении. Далее дается расположение доводов при опровержении, затем прилагаются примеры опровержения.

Глава VIII. Излагаются примеры опровержения.

Глава IX. О заключении.

ГЛАВА I

ИЗ СКОЛЬКИХ ОТДЕЛОВ СОСТОИТ ПЛАН И О ЧАСТЯХ РЕЧИ, И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ВСТУПЛЕНИИ, ОБЩИЕ НАСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ КОТОРОГО И ПРИЛАГАЮТСЯ

Две вещи требуют правильного расположения: сама речь в своих частях и доводы, доказывающие тему. Ведь здесь мы не касаемся размещения слов: об этом будем говорить в книге IV, посвященной строению ритмической речи. Согласно такому разделению, ораторская диспозиция тоже бывает двоякой: во-первых, диспозиция частей речи, во-вторых, расположение ряда доводов. Первая требует больше времени и усердия при произнесении, вторая — больше мастерства и рассудительности при составлении. Итак, сначала скажем о первой, или о диспозиции частей речи, а затем разберем вторую.

Итак, речь разделяется на три большие главные части: вступление, изложение темы и заключение.[5]

Вступление есть приступ и как бы путь к речи. Изложение темы — сама суть речи, где мы излагаем наш замысел. Заключение же есть конец и завершение речи. Эти части естественно имеются во всякой серьезной человеческой речи, как это будет ясно из рассмотрения. О каждой из этих частей в отдельности скажем теперь подробнее и яснее.

---

[5] **…речь разделяется на три … главные части.** ФП отступает от взглядов Цицерона, называющего шесть частей речи (exordium, narratio, partitio, confirmatio, reprehensio, conclusio; ср.: Cic. Inv. 19), но далее использует его классификацию вступлений.

Что же касается, следовательно, вступления, а именно, когда следует или не следует его применять, — это, по праву, нужно рассмотреть в первую очередь. Ведь иногда мы пользуемся вступлениями, часто же можно их опустить, так как существуют два рода вступлений: начало [приступ] и снискание благоволения; обычно применяется и то и другое, но на различном материале. Ведь не следует применять вступления в том случае, когда самим достоинством темы достигается то, что иначе должно было быть достигнуто искусством речи. И напрасно применять одни и те же вступления, раз судья уже заранее подготовлен или занят, или не хватает времени, или когда еще более настоятельная причина заставляет начинать прямо с сути дела.

Далее мы пользуемся приступом и непосредственным вступлением в делах низменного, сомнительного, неясного рода или если настроение слушателей не вполне враждебное, но и не дружественное, но, по крайней мере, возможно снискать их благоволение. Когда слушатели не враждебны и не вполне дружественны, а дело сомнительное и частично низкое, а частью почтенное, то пусть их внимание будет направлено на предмет низкий и ничтожный, а в неясном следует стараться добиться понимания слушателей. Снискание благоволения мы применим в том случае, если тема по виду не совсем достойная, а дело дурное или по природе, или во мнении людей, или слушатели предубеждены, или находятся под влиянием говоривших раньше, или даже устали и утомились слушать (Цицерон, Об изобретении, кн. I, гл. 20–21; Наставник Геренния, кн. I, гл. 6; Квинтилиан, кн. IV, гл. 1).[6]

Для того же, чтобы надлежащим образом научиться сочинять удачные вступления, необходимо соблюдать следующие общие правила. Во-первых, следует изобретать и обдумывать вступления в последнюю, а не в первую очередь, и после внимательного рассмотрения всей темы, потому что иначе все произведенные усилия будут напрасны и никакое начало не придет на мысль желающему его найти; с оратором же случится в данном случае то же самое, что произошло с юношей Секундом,[7] упоминаемым Квинтилианом в книге X, который, прилагая все усилия, третий день не мог найти ника-

---

[6] **Далее мы пользуемся приступом и непосредственным вступлением … слушать. (Цицерон, Об изобретении, кн. I, гл. 20–21; Наставник Геренния, кн. I, гл. 6; Квинтилиан, кн. IV, гл. 1).** Пересказ: Cic. Inv. I: 21; Rhet. ad Her. I, 6; Quint. Inst. Lib. IV. Cap. 1.

[7] **Секунд** — Юлий Секунд (Iulius Secundus; ум. 88) — современник Веспасиана, оратор, которого высоко ценили Квинтилиан («Риторические наставления») и Тацит («Диалог об ораторах»).

кого вступления.[8] Затем, даже если иногда вступление и найдется, но оно бывает пошлым, безвкусным, обыкновенным и вовсе не подходит к содержанию речи.

2. Чтобы получить возможность легко составлять и отделывать вступления, оратор, собирающийся их произносить, должен учитывать окружающую обстановку вещей, лиц и места: что, у кого, за кого, против кого, в каком положении вещей и места, при каких случаях и настроении в народе следует ему говорить. И поэтому, рассмотрев таким образом окружающую обстановку, легко найдем начала, и так как [эти начала] взяты от существа дела, т. е. из окружающей обстановки, то они хорошо согласуются с содержанием и темой.

3. Вступления требуют скромных мыслей и соответствующего скромного выражения лица и голоса; притом так, чтобы даже в типе дела, не подлежащем сомнению, уверенность [в благоприятном исходе] не была чрезмерной, не обнаруживалась: ведь судья и слушатели обычно не выносят небрежности оратора и в сознании своего права требуют также [к себе] уважения.

4. Вступления должны быть тщательно отделаны, отличаться остроумием и изобиловать блестящими мыслями, так как от них зависит как бы ознакомление и одобрение речи [оратора]. От этого слушатели должны постоянно получать наслаждение, но так, однако, чтобы стремление показать искусство было скрыто. Ведь ораторское искусство кажется вообще направленным против судьи, и поэтому все, что слишком выдает искусство и усердие, является для него подозрительным.

5. Вступления мощные и вызывающие напряжение [страстей] не следует часто применять. Основание: потому что вступления более способствуют снисканию благосклонности, чем возбуждению страстей (для чего служат мощные вступления); затем, подобно тому как в гладиаторских сражениях, где борьба идет оружием, до столкновения происходит много [стычек], когда раны наносятся только для вида, так и в ораторском вступлении не следует применять вызывающих напряжение страстей и мощных [выражений], потому что там требуется не сила, а услаждение. Далее, нет ничего в природе

---

[8] **…что произошло с …Секундом, упоминаемым Квинтилианом в книге X…** Квинтилиан рассказывает историю о Юлии Секунде, дядя которого (Юлий Флор), известный оратор, увидел племянника в мрачном расположении духа из-за того, что тот три дня не мог найти достойного вступления к заданной учителем речи. Флор спросил: «Неужели ты хочешь сочинить лучше, нежели сможешь?» Этот пример, по Квинтилиану, показывает, что для достижения результата нужны старания, а не переживания. Quint. Inst. Lib. X. Cap. III.

вещей, что проявляется целиком, но всему, что возникает и протекает, сама природа весьма проницательно придала незначительные начала.

6. Как крыльцо должно соответствовать дому или храму, так и размеры вступления — теме.[9] Поэтому следует избегать чрезмерных длиннот, чтобы вступления, разросшись до размеров главной части, не утомили тех, кого следует подготовлять к слушанию речи. Пусть эти вступления будут подобны изложению, а не развитию главной темы, и показывают, как и почему произошли события, а не содержание будущей речи.

7. Вступления должны быть связаны с последующей речью таким образом, чтобы не были прилажены, как у кифаредов,[10] но казались членами, тесно связанными с единым телом.

8. Во вступлениях надо применять запас слов, обычно употребляемый для выражения мыслей, и поэтому не следует вставлять ни необычных слов, ни смело употребленных в переносном смысле выражений, ни архаизмов, ни поэтических вольностей. Основание: так как оратор еще не завоевал расположения, а слушатели еще только к нему присматриваются, то эту свободу распоряжаться он получит после того, как расположит к себе слушателей, взволновав их.

ГЛАВА II

ОСОБЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ О ВСТУПЛЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО, СОВЕЩАТЕЛЬНОГО И СУДЕБНОГО РОДА РЕЧЕЙ И О ТОМ, КАКИХ НЕДОСТАТКОВ НАДО ИЗБЕГАТЬ ВО ВСТУПЛЕНИИ

Вступления речей рода показательного.

Хотя эти наставления надо соблюдать вообще во всех вступлениях, однако некоторые из них свойственны лишь определенным родам речей. Что же касается речей показательного рода, то здесь вступления ни с чем не связаны, так что оратор может начинать, откуда пожелает. Так, музыканты перед положенной песней обычно исполняют свои, как они говорят, «зачины», или, как разъясняет Цицерон, прелюдии, не похожие на разученные ими песни. Основанием служит то, что назначение этого рода — предсто-

[9] **Как крыльцо должно соответствовать дому или храму, так и размеры вступления — теме.** См.: Cic. De Orat. II: 320.

[10] **Вступления должны быть связаны с последующей речью таким образом, чтобы не были прилажены, как у кифаредов…** См.: Cic. De Orat. II: 325.

ящее удовольствие и наслаждение. Хотя речь не похожа на песню, но бывает разнообразна и имеет свои отступления от избранной темы, однако эта самая свобода ограничена как бы определенными заголовками, либо общими местами, [именно] чтобы в подобного рода вступлениях содержалось восхваление вещей и лиц, порицание, набросок плана, просьба о снисхождении или обещание краткости или новизны в разработке темы, в особенности если доводы противоречат ожиданиям слушателей, невероятны, трудны или же обыденны и заранее известны. Пример во вступлении речи «За Марка Марцелла», где находим похвалу кротости и милосердию Цезаря.[11]

Вступления речей рода совещательного.

Вступления речей совещательного рода берутся из судебных дел; вообще, совещательная речь по своей природе не нуждается во вступлениях: ведь они обращаются либо к благосклонности, либо к вниманию, либо к восприимчивости, а всего этого не требуется в совещательных речах. Тут не нужно ни благосклонности, потому что добровольно и с охотой слушают те, кто испрашивает советов у других, ни внимания, потому что необходимость и важность дела сами по себе уже привлекают большое внимание; ни восприимчивости, потому что те, кто просит совета, уже прежде понимают предмет, о котором пойдет речь. Но все же речи совещательного рода должны иметь какое-то начало и нечто вроде введения, потому что во всяком предмете есть нечто, что должно естественно стоять в начале; следует принимать в расчет и риторические украшения, и красоту, чтобы речь не казалась лишенной главного, поэтому здесь будет или порицание противников, опровержение хулы и клеветы, рекомендация избранной темы, или же, наконец, ее умаление. Пример такого вступления имеем в VII «Филиппике», где оратор порицает защитников Антония как врагов,[12] и в речи «В защиту Манилиева закона», в которой восхваляется сама тема речи.[13]

---

[11] **Пример: во вступлении речи «За Марка Марцелла»…** Во вступлении восхваление милости Цезаря одновременно служит объявлением темы речи: речь пойдет не о Марцелле, а о милосердии Цезаря-политика, радеющего о бывшем враге, если это в интересах государства. См.: Cic. Marc. 1–5.

[12] **…в VII «Филиппике», где оратор порицает защитников Антония как врагов…** ФП неточно передает содержание этой речи: она начинается не с критики защитников Марка Антония, а с описания политической ситуации, хотя там есть замечание о тех, кто считает, что есть люди хуже Антония. Ср.: Cic. Phil. VII: 1–2.

[13] **…в речи «В защиту Манилиева закона», в которой восхваляется сама тема речи.** ФП имеет в виду слова Цицерона о том, что он будет говорить об «изумительной и выдающейся доблести Гнея Помпея», но сложность заключается в том, что об этом можно говорить бесконечно. См.: Cic. Man. 3.

Вступления речей судебного рода.

Наконец, вступления речей судебного рода должны походить на прологи драматических пьес и на начала героических поэм; они не должны казаться длинными, но вытекать из недр требуемой темы, преследуя три цели: внимание, понимание и благосклонность. Причем в области понимания следует применять развитие главной темы и перечисление частей, в области внимания — возбуждать ожидание великих деяний, удивительных, приятных и важных для судей или других слушателей. Для достижения благосклонности необходимо руководствоваться предписаниями о возбуждении чувств, в особенности любви и милосердия. Эти [чувства] не следует в речи изъяснять целиком: сначала надо вызвать их и постепенно воздействовать на слушателя, чтобы он, уже подготовленный, сочувственно воспринял остальную речь. Наконец, не следует опускать всего, что может служить вспомогательными средствами, чтобы оказать сопротивление враждебным мнениям противников. Примеры таких вступлений находим всюду в речах Цицерона: ведь от него сохранилось больше судебных речей, чем остальных родов. Пример снискания благосклонности смотри в речи «За Архия»: «Если у меня есть какой-нибудь природный дар слова…»[14] и т. д.

Недостатки, которых следует избегать во вступлениях.

Но надо разобрать и недостатки, которых следует избегать во вступлениях. Из них первый: если применяемые вступления можно отнести к нескольким темам, они называются обыкновенными. Во-вторых, когда мы употребляем в речи вступления, которыми могут воспользоваться наши противники не меньше нас самих; они называются общими. В-третьих, если вступления слишком длинные, подобно тому как в человеческом теле будет уродливой голова, превосходящая величиной тело, так действительно безобразными и уродливыми являются те речи, которые имеют слишком длинные вступления. В-четвертых, когда вступления, как кажется, не вытекают из самой темы и называются отдельными. В-пятых, такие, которые ничуть не производят того действия, ради которого преподаются правила относительно вступлений: не вызывают ни благоволения, ни внимания,

---

[14] **Пример снискания благосклонности смотри в речи «За Архия»: «Если у меня есть какой-нибудь природный дар слова…»** Вступление с элементами самоуничижения имело двойного адресата: суд и Архия (Авл Лициний Архий, Ἀρχίας (ок. 121–61 до н. э.) — поэт, мастер импровизаций). Это формировало интерес к подзащитному: сам Цицерон испытывает к нему такое чувство пиетета, что сомневается в собственных ораторских способностях. Cic. Arch. 1.

ни восприимчивости у слушателя, или же, что всего хуже, производят как раз противоположное действие. В-шестых, если во вступлении не соблюдена мера и речь становится более похожей на изложение, чем на вступление, если оратор покажет не только то, о чем он собирается говорить, но и то, каким образом разбирается у него все (Цицерон, «Об изобретении», кн. I, 143).[15]

ГЛАВА III

О ПОВЕСТВОВАНИИ И ИЗЛОЖЕНИИ

Вторая часть нашей речи — установление темы; эта часть также разделяется на соответствующие отделы: повествование, обоснование и опровержение. Однако все эти отделы обычно налицо не всегда и не во всякой теме; иногда встречается только одно обоснование, иногда — одно опровержение, иногда же — опровержение вместе с обоснованием. Обо всем этом, однако, следует тщательно поразмыслить, и прежде всего о повествовании.

Наставления, относящиеся к повествованию, следует изучить не только потому, что часто выходит так, что повествование, если оно нелепо, изложено будет даже и неубедительно, но также потому, что от него зависит обработка всей темы. Ведь если в нем попадется что-нибудь непонятное слушателю, не запоминающееся или невероятное, то напрасно оратор будет трудиться и над остальным. Кроме того, следует знать, что иногда такое повествование является даже не повествованием о деянии, а изложением какой-либо темной мысли или неизвестного обстоятельства, но все же похожим на повествование. Поэтому в настоящей главе следует сказать о том и другом.

1. Итак, повествование есть изложение деяния, или когда мы излагаем в речи совершенное каким-либо одним человеком или многими людьми. Например, если ты будешь рассказывать о смерти Сократа, или об убиении Юлия Цезаря,[16] или же о чем-либо другом.

2. Одно дело — повествование историческое, другое — ораторское, даже если излагается одно и то же деяние: ведь историк должен повество-

---

[15] **…недостатки, которых следует избегать во вступлениях … разбирается у него все. (Цицерон, «Об изобретении», кн. I, 143).** Пересказ: Cic. Inv. I: 26.

[16] **…о смерти Сократа или об убиении Юлия Цезаря.** Пример иллюстрирует деяние, совершенное одним человеком (Сократ сам выпил яд), и деяние, выполненное несколькими людьми (Цезарь был убит заговорщиками).

вать иначе, чем оратор. Так как историк стремится к той цели, чтобы сохранить деяние в памяти потомства, то он меньше занимается повествованием. Он должен только внимательно следить за тем, что относится к познанию предмета. Итак, историк довольствуется тем, если ясно, правдоподобно и кратко изложит, о каких доблестях будет сказано ниже. Оратору же необходим более важный материал и более подробное изложение. Ведь он излагает доблести не только для познания, но также и для того, чтобы извлечь из них доводы, подкрепляющие его тему, и чтобы самим повествованием воздействовать на слушателя. Следует знать, однако, что все наставления, относящиеся к историческому повествованию, обязательны также и для оратора; кроме того, для ораторского повествования существуют еще и другие правила, которые не имеют значения для исторического.

3. Как в историческом, так и в ораторском повествовании есть три общих достоинства: ясность, краткость и достоверность.[17] Я вкратце расскажу здесь, каким образом надлежит выявлять эти достоинства. Для прозрачности и ясности повествования, во-первых, его необходимо излагать словами общепринятыми и характерными. Под характерными же словами понимай те, которые выражают предмет подлинный, будут ли они употреблены метафорически или в прямом смысле. Во-вторых, если какое-либо событие совершилось первым, то его следует излагать в первую очередь, сохраняя временную последовательность. Впрочем, если какой-нибудь побочный факт будет даже отделен от главного события, то это, однако, принесет пользу при изложении: его можно удобно коснуться в самом изложении, как бы в виде вставки, даже без сохранения временной последовательности. В-третьих, изложение не должно быть бессвязным, беспорядочным, путаным и двусмысленным. В-четвертых, следует избегать длинных вставок. В-пятых, для изложения отдельных тем следует лучше применять отдельные колоны или периоды, чем охватывать их в одном длинном колоне. Кроме того, повествование следует сочинять в особых периодах. В-шестых, наконец, хотя ради краткости в повествовании не следует применять выражения, отсутствие которых дает одинаково хороший смысл, однако для ясности необходимо употреблять то, без чего изложение не будет столь понятным. Вот тебе пример такой ошибки даже у мужа великого красноречия, равно как и святости, но которому случилось однажды, в силу человеческой слабости, в этом отношении попасть впросак.

---

[17] **Как в историческом, так и в ораторском повествовании есть три общих достоинства: ясность, краткость и достоверность.** Ср.: ФП «Поэтика». С. 401.

В жизнеописании святого Григория Чудотворца[18] святой Григорий Нисский[19] рассказывает, как некий епископ Федим[20] долго настаивал, чтобы Григорий принял епископский сан (от которого тот долго отказывался), затем прибавляет, что Федим даже в отсутствие Григория посвятил его Богу, вознеся молитвы вместо рукоположения. «И когда, — говорит он, — увидел Григорий, что не может избежать, пришел к Федиму, который, совершив должные обряды, и поставил его во главе церкви». Этот рассказ неясен. Ведь каким же образом Григорий увидел, что он не может уклониться от принятия сана, когда сам он находился в отсутствии и Федим за ним не последовал? Может быть, он получил известие, что Федим посвятил его Богу? Но каким образом? Была ли эта весть сообщена через людей, или ему было откровение свыше? Однако ни о том, ни о другом здесь не говорится. Но какая-либо из этих двух возможностей в действительности должна была иметь место: так не следовало об этом умалчивать. Вот в рассказе пропущено то, что ради ясности не надо было пропускать. Неясно затем он говорит: «Совершив над ним все должные обряды» (эти слова, полагаю, означают: Григорий был посвящен в таинство по христианскому обряду, но, может быть, не всякому читателю так кажется). Ибо найдутся люди, которые на основании этого рассказа подумают, что святой Григорий был рукоположен Федимом заочно. По-моему, эти люди ошибаются, введенные, однако, в заблуждение этим повествованием. Вот как может иногда навредить неясное повествование! Смотри, кроме того, в книге IV, гл. II о ясном повествовании.

4. Для краткости повествования не пытайся выражать его немногими словами. Но что сказать, если сам предмет требует обилия слов? Впрочем, достоинство краткости состоит в том, если рассказывать так, что более кратко, как следует об этом, вряд ли можно было рассказать. Для соблюдения этого правила имей в виду следующее: во-первых, начинай излагать предмет с того пункта, где он помогает развитию твоей темы. Во-вторых,

---

[18] **Жизнеописание святого Григория Чудотворца.** ФП имеет в виду «Слово о жизни св. Григория Чудотворца», написанное Григорием Нисским (De vita Gregorii Thaumaturgi). Григорий Чудотворец, Григорий Неокесарийский (Γρηγόριος ὁ Θαυματουργός; род. ок. 213) — епископ Неокесарийский, богослов, автор «Похвального слова в честь Оригена» (In Origenem oratio panegyrica), «Изложения веры» (Expositio fidei) и др.

[19] **Григорий Нисский** (Γρηγόριος Νύσσης, Gregorius Nyssenus; ок. 335–394) — богослов, философ, епископ г. Ниссы, Отец и Учитель Церкви, брат Василия Великого, друг Григория Богослова, автор трактата «Об устроении человека», проповедей, догматических и нравственных сочинений.

[20] **Федим** — епископ Амасийский, заочно рукоположивший Григория Чудотворца во епископа Неокесарийского, о чем говорится в Житии Григория Чудотворца.

не следует допускать никаких отступлений. В-третьих, излагай дело полностью, а не по частям. В-четвертых, говори однажды об одном предмете; это правило следует соблюдать тщательном образом. В-пятых, говори так, чтобы из сказанного разумелось бы также и другое, что не сказано. В-шестых, наконец, не говори ничего лишнего, без чего можно одинаково хорошо понять рассказ, а также опусти все то, что не способствует убеждению слушателей и обоснованию темы.

5. Для того чтобы повествование было достоверным, необходимо соблюдать следующие правила. Во-первых, не говори чего-либо невероятного. Во-вторых, не высказывай также противоречащих друг другу утверждений и противоположных самим себе. В-третьих, остерегайся также других утверждений, не соответствующих общепринятым в народе мнениям или несовместных с лицами и обстоятельствами места и времени. Ведь все такие утверждения придают повествованию характер невероятия и вызывают у слушателей недоверие. Итак, следует отметить и искусство сочинения повествования, и подходящее время и место, благоприятное для судебного разбирательства; все остальные обстоятельства, тесно связанные между собой, должны соответствовать лицам и предметам. Иначе можно одним только этим тараном уничтожить и опровергнуть повествование, если я покажу, что в нем налицо невозможное, или внутренне противоречивое, или же не соответствующие обстоятельствам места, времени или лицам. Иногда, однако, бывает, что такого рода обстоятельства представляются невероятными или недостоверными, и тогда мы должны признаться, что наш рассказ едва ли заслуживает доверия. Но, по правде, однако, мы не знаем, как и почему произошло событие, и даже дивимся ему, но все же желаем доказать. Вот три достоинства, которые считаются общими для ораторского и исторического повествования. Но для ораторского повествования, кроме них, главным образом требуются еще три других. Эти достоинства суть: сладостность, описательный стиль, амплификация.

6. Сладостным повествование будет, если оно получит элемент напряженности, удивления, неожиданный конец, если рассказ идет о предметах, вызывающих удивление, необыкновенных или значительных, если слова будут блестящие, если ты в такой степени достигнешь правильного сочетания слов и выражений, что получится впечатление, будто одна часть возникла из другой. Наконец, обычно вводят несколько кратких маленьких отступлений (вроде приятных уголков для отдыха); следует также вставлять страсти, вызываемые амплификацией. Кроме того, даже и в ораторском повествовании имеют место риторические фигуры, преимущественно следующие: задержка, переход, восклицание, предварение, ирония.

7. Описательный стиль — тот, который обрисовывает нравы людей и их телодвижения, рассказывает о манере кланяться, о чувствах и различных душевных движениях. Достигается он, главным образом, следующими пятью приемами. Во-первых, путем выявления замысла, решения действующих лиц, т. е. с какой целью и намерением кто-либо куда-нибудь пришел, это совершил и т. д. Во-вторых, путем рассмотрения того, в чем проявляется характер каждого человека, например, речи, жесты и т. п. Именно: когда он так поступил или намеревался поступить, что [именно] он сказал, с каким взглядом, выражением лица он это совершил. В-третьих, путем доказательства невероятного или нелепого: разумеется, почему даже то, что слушателю кажется менее возможным, все же представляется оратором как совершившееся. В-четвертых, подчеркиванием природы, дарования, привычек, состояния лиц. В-пятых, выражением чувств и страстей, которыми кто-либо поражен в момент совершения поступка; так же когда что-либо совершает или испытывает [чье-либо] воздействие. Чтобы найти пример для этого, следует читать поэтов, в особенности эпических и героических, хотя оратор должен выражать чувства более серьезно и спокойно.

8. Амплификация же для повествования бывает двоякой: одна — внутри, другая — вне повествования. Вне повествования амплифицируется или какая-нибудь доблесть, или преступление, или же что-либо иное, на чем как на основании стоит сюжет рассказа и амплифицируется вышеупомянутыми способами (где говорится об амплификации). Примером такой амплификации пусть будет последняя речь против Верреса «О казнях», где рассказывается о множестве преступлений и жестокостей, совершенных Верресом, и к отдельным эпизодам придаются амплификации лютой жестокости Верреса.[21] Амплификация же внутри самого повествования должна быть более краткой и сжатой; она состоит почти что из одного упоминания побочных обстоятельств; главным же образом подвергаются амплификации действия и переживания действующих лиц; гнев и любовь, тревога, страх, скорбь, дерзость, бесстыдство и т. д. Сказанного о повествовании достаточно. Несколько примеров повествования будет дано в следующей главе.

9. Существует, кроме того, и другое описание, но описание не деяния, а, как я указал, какого-либо предмета или выражения, которое слушателям не так легко понять. И ввиду того, что излагается предмет неизвестный, то такое изложение называется описанием и зачастую бывает в самом повествовании. Это описание не одно и то же с риторической фигурой гипо-

---

[21] **Примером такой амплификации … будет последняя речь против Верреса «О казнях»...** Cic. Ver. II: 158–170.

типозиса,[22] ведь оно применяется не только ради украшения, но потому, что часто его применение вызвано необходимостью. Обычно, однако, оно подчиняется одинаковым правилам и производится тем же способом; отличие же его только лишь в одной необходимости. С другой стороны, следует знать, что такого рода описание необходимо там, где повествование без него будет непонятно, или же невозможно доказать тему и выставить какой-либо довод. Ведь обычно случается, что если одно обстоятельство неправильно понято, то все дело полностью и даже целая речь становится непонятной. Поэтому риторическая фигура гипотипозиса описывает также и то, что легко понятно и без описания. Но эта фигура имеет место лишь тогда, когда в каком-либо предмете оставляют без внимания его качественные и количественные признаки. Поэтому знай, что такого рода описание не столь легко, как может показаться; ведь часто попадается такой предмет, который легко узнать и понять, но весьма трудно ясно выразить словами. Так, Августин говорит относительно определения или описания понятия времени: что такое время, очевидно, можно узнать, но нельзя объяснить[23]. Предметов же, объяснение которых представляет затруднения, я различаю четыре вида. Во-первых, божественные таинства, например, единство в троичности и троичность в единстве, деяния божественного промысла, милосердия и справедливости. Во-вторых, тайны природы; например, четыре элемента, соединенные в одном теле; сочетание в одном предмете двух начал, называемых философами материей и формой. Или, если бы ты захотел объяснить, как затвердевают металлы, растут камни, как прозябают растения, каким образом под действием тепла влага выходит из земли и, поднимаясь вверх, собирается в облако, как затем она проливается дождем, или высыпает в виде снега, или застывает в виде града; каким образом, наконец, душа человеческая, хотя она является духом, соединена с телом, и другие бесконечные явления в таком же роде. В-третьих, искусные изобретения мастерские многих искусств. Например, если бы кто захотел описать часовой механизм, то, конечно, испытал бы изрядную трудность по причине почти неисчислимого по разнообразию множества деталей.

То же самое следует сказать и о многом другом. В-четвертых, трудно, наконец, поддается объяснению то, что людям или другим существам обычно

[22] **Это описание не одно и то же с риторической фигурой гипотипозиса.** Гипотипосис — описание, порождающее живую зримую картину и яркие эмоции. Поскольку в риторике типы описаний различаются по функции, ФП отмечает невозможность использования гипотипосиса вместо стандартного описания исходных данных в судебном разбирательстве.

[23] **Августин говорит относительно… времени: что такое время… можно узнать, но нельзя объяснить.** Aug. Conf. Lib. XI: XIV.

достается в силу какого-либо удивительного случая. Например, когда какой-то стрелок, говорят, одной стрелой пронзил рыбу, ласточку и зайца. Именно: прогуливаясь по берегу реки, он увидел на другом ее берегу гревшегося на солнце зайца и тотчас пустил в него стрелу. В силу удивительной случайности в тот же момент рыба, вынырнувшая из воды, и ласточка, пролетавшая мимо, были поражены стрелой. Так как стрела была пущена с большой силой, то, поразив их, она поразила также и зайца, и таким образом все три животных оказались пронзенными ею: рыба, ласточка, заяц;[24] и другие подобные случаи. Причина же, почему такие случаи труднообъяснимы, заключаются в том, что при рассказе о подобных предметах мы встречаем затруднение в обилии слов; имея дело с предметами божественными, встречаем препятствие в силу их возвышенности, в предметах естественно-научных наталкиваемся на упомянутые тайны и непонятность законов природы; и, наконец, в предметах из области искусства — на замысловатую новизну, а в явлениях случайных препятствием для объяснения служит их необычайность.

Итак, имей в виду, что для изложения такого рода предметов необходима внимательная и длительная подготовка. Ведь если путем долгого размышления ты глубоко проникнешь в сущность предмета, то даже легче сможешь облечь мысль словесным покровом. Однако особые слова для выражения таких предметов ты редко сможешь найти, и поэтому следует пользоваться подходящими и выразительными метафорами. Оттого и сочинения древних авторов, писавших на эти темы, полны метафор: например, сочинения Колумеллы, Витрувия, Вегеция, Плиния[25] и других. По этой причине искусно придуманные военные машины одни называются «баранами», другие — «виноградниками», третьи — «лилиями» и т. д. Стиль таких описаний должен быть низким, с простыми словами, [периоды] с малыми колонами или звеньями и без всяких риторических фигур; ведь эти последние в приложении к предметам неясным способствуют еще большей неясности.

Здесь я решил привести стишки какого-то автора из «Деревенского завтрака»,[26] в которых остроумно и наглядно описан труд крестьянина, вращающего мельничный жернов, что, вообще, было делом трудным.

Описание работы крестьянина, вращающего мельничный жернов:

---

[24] **…когда какой-то стрелок… одной стрелой пронзил рыбу, ласточку и зайца.** Источник не установлен.

[25] **…сочинения Колумеллы, Витрувия, Вегеция, Плиния.** См. примеч. 190–192, 232 к кн. I.

[26] **Автор «Деревенского завтрака».** Поэму «Завтрак» (Moretum) приписывают Вергилию.

Жесткое ложе свое он покинул, и, члены размявши,
Шарить во мраке безмолвном он стал неверной рукою.
Где же очаг? Наконец об него он ударился крепко.
Там под обугленной чуркой огонь незаметный таился;
Теплой покрыты золой, светились горячие угли.
К ним свой светильник подносит [Симил], нагнувшись, иглою
Тянет он нить фитилька, витого из высохшей пакли,
Слабый огонь раздувает усердным частым дыханьем;
Выйдя оттуда, идет к жерновам и свой верный светильник
Ставит на тонкую доску, которая, вбитая в стену,
Полкою служит; потом он руки до плеч обнажает;
Скинув свой плащ, опоясан лохматою шкурой козлиной,
Тщательно козьим хвостом обметает он мельничный камень.
Будет работа рукам! Для каждой дело найдется!
Левая будет подмогой, а правой задача труднее:
Камень вращает она непрестанно и гонит по кругу;
Быстро дробится зерно, и струится мука из-под камня;
Правая ж если рука занемеет, приходит на помощь
Левая ей, и Симил, распевая напев деревенский,
Труд облегчает тяжелый своей простодушною песней.[27]

10. Это мы сказали об описании предмета. Если же придется излагать какое-либо изречение, то возможен иной способ изложения, и притом отличный от упомянутого. Во-первых, путем синонимии. Ведь то, что часто говорится иными словами, легче усваивается, подобно тому, как мы видим лучше то, что дольше рассматриваем. Во-вторых, примеры или аналогии. Ведь в них, словно в зеркале, постигаем истину. В-третьих, путем определения предметов и словопроизводства. Ведь обычно [целое] предложение кажется неясным, так как нам непонятно в нем значение одного или нескольких слов. В-четвертых, путем изложения антитезы. Ведь если я понимаю одну из антитез, то и другую легко можно понять. В-пятых, если тема будет высказана в общем виде, то ты сведешь ее к частностям и покажешь, что дело обстоит так, в таком и в этаком роде, поскольку сентенция гласит в общем. В-шестых, если пожелаешь объяснить изречение не твое собственное, а высказанное каким-либо автором, то имей особенно в виду его намерение: с какой целью он это высказал и по какому поводу; затем посмотри, что сказано раньше и что позднее. В-седьмых, можно привести также и другие сентенции того же или другого автора, имеющие одинаковую цель. В-восьмых, наконец, вот тебе вернейшее общее правило изложения: следует как можно внимательнее рассматривать и обдумывать, почему

[27] **Жесткое ложе свое он покинул … песней.** Verg. Moretum. 10–30.

одно предложение кажется менее ясным и что его делает темным: какая-либо неясная мысль, или же слова, или сочетания слов и т. д. Таким образом ты сделаешь это предложение ясным и понятным, как бы сняв с него покровы, и можно будет сказать, что эта мысль значит не то, что, возможно, думают другие, и не то, а это и т. д. Наиболее же совершенным является то изложение, при котором применяется не один, но много вышеуказанных приемов. Теперь рассмотрим примеры повествования и изложения; так как они требуют особого места, то и мы отведем им особую главу.

ГЛАВА IV

ПРИВОДИТСЯ ПРИМЕР РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПОВЕСТВОВАНИЕМ ОРАТОРСКИМ И ИСТОРИЧЕСКИМ; ПРОЧИЕ ПРИМЕРЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ И ИЗЛОЖЕНИЯ, ВЗЯТЫЕ ИЗ [РЕЧЕЙ] ЗНАМЕНИТЫХ ОРАТОРОВ

Теперь рассмотрим на примерах то, о чем мы сказали в наставлениях: соблюдали ли также и образцовые авторы в этой области указанные нами правила о повествовании. Сначала я приведу два повествования об одном и том же событии: одно историческое, другое ораторское, чтобы ясно показать разницу между ними.

Историческое повествование о казни святого Марка Аретузского.[28]

Из X книги, 9 главы «Истории» Никифора Ксантопула.[29]

«Не следует умалчивать и [о деяниях] Марка, претерпевшего тяжкие мучения в Аретузе. Но, чтобы как следует изложить трагическую повесть его мученичества, нам нужно было бы обладать величественным стилем Эсхила и Софокла. Ведь жители Аретузы (где он был долго епископом) его, [человека], почитаемого и уважаемого за [святость] жизни и ученость и, сверх того, за [его] седины, бесчеловечно умертвили. Уже давно они относились к нему враждебно за то, что в правление Констанция многих приверженцев греческого суеверия он заставил чтить христианские святыни не [силой]

---

[28] **Историческое повествование о казни святого Марка Аретузского.** Святитель Марк Арефусийский (Аретузский; ум. 364), епископ Аретузы в правление Константина Великого, пострадавший при Юлиане Отступнике. ФП имеет в виду повествование из «Церковной истории» (Historia Ecclesiastica).

[29] **Никифор Ксантопул** — Никифор Каллист Ксанфопул (Νικηφόρος Κάλλιστος Ξανθόπουλος; ум. 1350) — церковный историк, монах Софийского монастыря в Константинополе, автор «Церковной истории» (Historia Ecclesiastica) и толкований на богослужебные песнопения.

убеждения, но некоторыми весьма суровыми мерами, и знаменитый храм, не уступавший никакому другому в ценности и величественности постройки, сровнял с землей. Затем, после изменения политического положения, он одновременно с [известием] о народном возмущении получил и распоряжение императора, в котором [тот] на основании вынесенного приговора приказывал Марку либо уплатить издержки за разрушение храма по оценке, либо восстановить храм в прежнем состоянии [на свои средства]. Когда же [епископ] вовсе не смог выполнить ни того, ни другого требования, второе [повеление] было никоим образом непозволительно выполнять, я уже не говорю епископу, но даже и простому смертному, то сначала, конечно, ему [пришлось] отправиться в изгнание, но когда он узнал, что много [людей] страдают из-за него, претерпевая великие несчастья, то вернулся из изгнания и сам явился [к властям], предоставив народу поступить с ним как угодно. И хотя следовало удивляться человеку, проявившему такое совершенно философское мужество, но весь народ, считая, что [епископ] выказывает ему презрение, ринулся на него и потащил его, старца и епископа, через весь город. Все части его [тела] (такова была его участь) были избиты, растерзаны и изранены: ведь на него с таким неистовым пылом негодования набросились все люди — женщины и дети, — что даже отрезали уши старцу какими-то тонкими веревками; даже дети по дороге в школу к учителям с издевательством таскали его, высоко поднимали, кололи грифелями и [вообще] жестоко мучали. И уже все тело его было изранено: жизнь [его] кончалась, и он едва дышал, когда намазали его рыбным отваром и медом и, привязав к камышовой корзине, в летнюю пору в таком виде отнесли на высокое место, чтобы его жалили пчелы и осы; когда эти [насекомые], налетев, стали жалить, поедая его заживо, говорят, он произнес известные слова: «Так как я нахожусь на высоком месте, я презираю вас, лежащих на земле». Поэтому можно догадаться, что произошло и с самим Марком, и с жителями Аретузы. Префект, управлявший тогда этой провинцией, весьма почитал греческие святыни и был муж великий и доблестный и потому знаменитый. Он дивился столь великому благородству Марка и порицал императора, говоря, что позорно для них быть побежденными одним старцем, который с таким упорным мужеством храбро претерпел столько страданий; он боится [говорил он], (даже если его [префекта] осмеяли и по заслугам), что те [люди], которым причинены эти страдания, достигнут величайшей славы. И таким образом святой Марк весьма мужественно перенес ярость народа и эти тяжкие мучения, так что не только от нас, христиан, получил заслуженные похвалы, но его хвалили даже и сами греки-идолопоклонники».[30]

---

[30] **Не следует умалчивать … и сами греки-идолопоклонники.** Источник цитаты не установлен.

Ораторское повествование о той же казни святого Марка в IV речи «Против Юлиана» святого Григория Назианзина.[31]

«Кто же так удален от обитаемых нами стран, чтобы не знать и не предупредить рассказом вспоминающего о превосходном Марке и о жителях Аретузы? При славном Констанции, по данной тогда христианам власти, он разрушил одно жилище демонов и многих христиан от языческого заблуждения обратил ко спасению, не менее своей светоносной жизнью, чем и силою слова. За это жители Аретузы, особенно те из них, которые были привержены к почитанию демонов, давно уже негодовали на него. А после того, как дела христиан поколебались, язычество же начало воздыматься, Марк не избежал господствующей силы времени. Народ, хотя и удерживает на время свое негодование, однако же, как огонь, кроющийся в горючем веществе, или как поток, удерживаемый силой, — если только представится случай, — обыкновенно воспламеняется и расторгает преграды. Марк, видя против себя движение народа, который не знает меры ни в замыслах, ни в угрозах, сначала решается бежать не столько по малодушию, сколько повинуясь заповеди, повелевающей бежать из города в город и уклоняться от гонителей, потому что христиане, при всем своем мужестве и готовности к терпению, должны иметь в виду не только свою пользу, но и щадить гонителей, чтобы по возможности не увеличить чем-либо опасности, в какой находятся враги их. Когда же Марк узнал, что многих за него привлекают к суду и гонят, а многие по свирепости гонителей подвергаются смертельной опасности, не захотел для своей безопасности равнодушно смотреть на бедствия других. Поэтому он принял другое решение, самое лучшее и философское: возвращается из изгнания, добровольно выдает себя народу — делать с ним что хотят — и с твердостью выступает против трудных обстоятельств. Каких здесь не было ужасов, каких не придумано жестокостей! Каждый прибавлял что-нибудь свое к довершению зла; не тронулись (не говоря о чем другом) [мужественной] твердостью его; она еще более раздражила их, потому что возвращение Марка они почитали скорее презрением к себе, чем его мужеством в перенесении опасностей. Вели посреди города старца-священника, добровольного страдальца, и по летам, а еще более по добродетельной жизни почитаемого всеми, кроме гонителей и мучителей. Вели его люди всякого возраста и состояния; тут были все без исключения: мужчины и женщины, юноши и старцы, должностные лица и украшенные по-

---

[31] **Ораторское повествование о той же казни святого Марка в III речи «Против Юлиана» святого Григория Назианзина.** ФП имеет в виду трактат (Κατὰ ᾿Ιουλιανοῦ βασιλέως, Contra Julianum imperatorem), посвященный императору Юлиану Отступнику. Greg. Nazianz. Or. IV, Contra Julianum, I.

честями; все старались превзойти друг друга неистовой [злобой] против старца; все считали делом благочестия причинить ему как можно более зла и победить престарелого подвижника, боровшегося с целым городом. Влекли его по улицам, сталкивали в канавы для нечистот, влачили за волосы; не осталось ни одной части тела, над которой бы не надругались, которой бы не терзали нечестивцы, достойно претерпевающие мучения в таинствах Митры[32]; дети поднимали вверх тело доблестного страдальца на перочинных ножах и передавали одни другим, обращая в забаву это жалостное зрелище; колени старца сжимали в тисках до костей, [уши резали] тонкими и крепкими веревками, подняв его самого в корзине на воздух. Облитого медом и отваром, в полдень его жалили осы и пчелы, причем солнце жгучим зноем палило его тело, готовя из этого блаженного (не могу сказать «несчастного») тела для них самую горячую пищу. При этом, говорят (а это стоит записать), старец, юный на подвиги (так как и среди лютых мучений не переставал быть веселым и услаждался самими муками), произнес достопамятное и знаменитое изречение: «Это прекрасное предзнаменование, что я вижу себя на высоте, а их внизу, на земле». Так сильно он возвышался духом над теми, которые его держали! Так далек был от скорби, что как будто присутствовал при страданиях другого, и не поражением, а торжеством считал происходившее с ним».[33]

Другие примеры повествований.

Повествование о святом Иове из слова святого Василия «О том, что не должно прилежать к вещам житейским, и о происшедшем пожаре».[34]

«Приведите себе на память терпение Иова, и скажите сами себе то же, что говорил Иов: „Господь дал, Господь и взял, как угодно было Господу, так и случилось“.[35] Никого претерпенное им да не возбудит к тому, чтобы рассуждать и говорить, что нет Промысла, распоряжающегося нашими делами; и да не винит он управление и суд Владыки. Напротив, каждый пусть

---

[32] **Митра.** Поклонение Митре было распространено со II в. в Римской империи. Во время мистерий Митры приверженцы этого культа собирались в святилищах, совершали жертвоприношения и подвергались испытаниям.

[33] **Кто же так удален … с ним.** См.: Greg. Nazianz. Or. IV, Contra Jilianum, I.

[34] **…из слова святого Василия «О том, что не должно прилежать к вещам житейским, и о происшедшем пожаре».** См.: Василий Великий. Беседа 21. «О том, что не должно прилепляться к житейскому». (Περὶ τοῦ μὴ προσηλῶσθαι τοῖς βιωτικοῖς καὶ περὶ τοῦ γενομένου ἐμπρησμοῦ ἔξωθεν τῆς ἐκκλησίας; Quod rebus mundanis adhaerendum non sit, et de incendio extra Ecclesiam facto).

[35] **Господь дал, Господь и взял, как угодно было Господу, так и случилось.** Иов. 1: 21. Эта цитата повторяется в тексте трижды.

смотрит на этого подвижника и пусть сделает его своим советником во благе; пусть перечислит по порядку все подвиги, в которых отличился Иов,[36] и размыслит, что хотя дьявол поражал его таким множеством стрел, однако же он не получил смертельной раны. Дьявол отнял у него домашнее благополучие и замыслил поразить его постепенными известиями о несчастьях.

Ведь когда один рассказывал ему о каком-нибудь несчастье, приходил другой вестник с горестным известием о чем-нибудь худшем; беды непрерывно следовали одна за другой, злоключения уподоблялись напору волн, и прежде, нежели переставали течь слезы об одном, открывался случай плакать снова. Но праведник стоял, как скала, возвышающаяся над морем, принимая на себя [бешеные] порывы бури, и, обращая в пену стремительные волны, обращал к Владыке благодарный возглас: „Господь дал, Господь и взял; как угодно Господу, так и случилось“; и что ни приключалось с ним, он не считал достойным слез. Когда же пришел один вестник [и сказал], что какой-то сильный [порыв] ветра сотряс дом веселия, где пировали его сыновья и дочери, тогда только Иов разорвал свою одежду, показывая этим сострадательность [своей] природы, и своим поступком засвидетельствовал, что был он чадолюбивый отец. Впрочем, и тогда, положив предел и меру скорби и украшая случившееся с ним [несчастье] такими благочестивыми словами, говорил: „Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и случилось; столько времени назывался я отцом, не произнося таких слов, сколько угодно было Тому, Кто сделал меня отцом. Он опять решил отнять у меня венец потомства: не оспариваю у Него собственности Его. Да превозможет угодное Владыке: Он — творец рода; а я — орудие. Почему я, будучи рабом, должен огорчаться напрасно и жаловаться на приговор, которого не могу изменить?“ Такими словами праведник поражал дьявола. Но когда враг опять увидел, что Иов побеждает и что ничем таким невозможно поколебать его, он стал употреблять средства искушения против самой его плоти; подвергнув тело его бесчисленным бичеваниям, довел до того, что оно стало источать из себя множество червей и, сведя [этого] мужа с царского престола, посадил на гноище. А Иов, пораженный даже такими страданиями, оставался непоколебимым; и когда тело его терзалось, он хранил сокровище благочестия в тайнике души, оградив его от разбойника. Поэтому враг, не находя уже, что делать, вспоминает древние свои козни; он склоняет душу жены к нечестивому богохульному решению, по-

---

[36] **…подвиги, в которых отличился Иов.** Бог разрешил Сатане послать Иову все человеческие беды (смерть детей, болезнь, предательство близких, нищету, изгнание), чтобы Сатана, считавший, что вера Иова исчезнет, как только его постигнут несчастья, отказался от этих убеждений. Однако ничто не поколебало веру Иова.

кушаясь через нее поколебать подвижника. И она предстает перед праведником, напоминая о долгой скорби, склоняется к земле, всплескивает руками при виде его, попрекает за [такие] плоды его благочестия, описывает прежнее домашнее благосостояние, указывая на настоящие бедствия, на то, какова была прежде его жизнь и какова стала теперь. Она непрестанно повторяла слова, свойственные женскому малодушию, которые, однако, могли смутить всякого человека, совратить какую угодно стойкую душу: „Скитаясь, [как] служанка, хожу я,[37] — говорит она, — из царицы стала рабыней; принуждена смотреть на руки своих [прежних] слуг; прежде многих я щедро питала, а теперь едва нахожу пропитание у других. Лучше и полезнее было бы самому тебе, нечестивым словом изострив меч гнева Создателя, истребиться с земли, чем продолжать для себя и сожительницы, супруги твоей, подвижнические труды, с терпением перенося бедствия“. Но праведник, более огорченный этими словами, нежели всеми постигшими его прежде бедствиями, со взором, исполненным гнева, обращается к жене, как к врагу, и „Что — говорит ей, — словно какая-то безумная женщина заговорила ты?“.[38] „Оставь, жена, — говорит он, — этот совет. Долго ли ты будешь такими словами оскорблять нашу совместную жизнь? Оболгала ты и поведение мое, оклеветала ты такими словами и жизнь мою. Теперь вижу, что и я наполовину нечестив, потому что супружество из нас обоих сделало одно тело, а ты впала в богохульство. Если мы получили блага из рук Господа, неужели не перетерпим несчастья?[39] Вспомни блага, какими пользовались мы прежде; уравновесь лучшее худшим. Ни у одного человека жизнь не бывает вполне счастливой. Всегда блаженствовать свойственно лишь одному Богу. А ты, если скорбишь о настоящем, утешайся предшествующим. Теперь ты плачешь, а прежде смеялась; теперь нищенствуешь, а прежде была богатой. Ты пила из прозрачного потока жизни; пей же с терпеньем и из мутного. И речные потоки не везде бывают чистыми; а наша жизнь — такая река, которая течет непрерывно и струится следующими одна за другой волнами. Часть ее протекла уже, а другая еще течет; часть едва появляется из источника, часть же достигнет скорого конца. И все мы спешим к общему морю смерти. Если мы получили блага из рук Господа, неужели не перетерпим несчастья? Неужели заставим Судию всегда подавать нам одинаковые блага? Неужели станем учить Господа, как ему управлять нашей жизнью? Он властен в своих приговорах; как хочет, так и устраивает дела наши. Ведь он мудр, и полезное дарует с избытком слугам своим. Не касайся умом

[37] **Скитаясь [как] служанка.** Иов. 2: 9. (По переводу семидесяти).

[38] **Словно какая-то безумная женщина заговорила ты.** Иов. 2: 10.

[39] **Если мы … несчастья?** Иов. 2: 10.

своим суда Господня, но только с любовью переноси все, что устраивает его премудрость. Все, что дает тебе, принимай с радостью. Покажи в скорбных обстоятельствах, что ты была достойна прежнего веселия“. Этими словами Иов отразил нападение дьявола и совершенно посрамил как побежденного. Что же последовало за этим? Тотчас оставила его болезнь, как бы тщетно напав на него и ничего не добившись, тело его вторично обновилось юностью, жизнь опять процвела всеми благами и богатство вдвойне потекло отовсюду в его дом; так что одно он получил, чтобы ничего не потерять, а другое явилось наградой за терпение праведнику».[40]

Повествование из II речи Цицерона «Против Верреса».

«Как вам известно, в Риме были недавно сирийские царевичи, сыновья царя Антиоха.[41] Они приехали просить себе не сирийской короны, — их права на нее были бесспорны, так как она досталась им от отца и предков, — нет, но они полагали, что и Египет должен по праву достаться им и матери Селене.[42] В силу неблагоприятно сложившихся для нашего государства политических обстоятельств, они не могли добиться от сената того, чего хотели, и отправились обратно в свое отечество, в сирийское царство. Один из них, Антиох,[43] вздумал ехать через Сицилию; таким образом он, в его преторство, прибыл в Сиракузы. Веррес решил, что ему досталось наследство, раз в его провинцию и в его руки попал человек, который, как он слышал и подозревал, имел с собой массу прекрасных вещей. Он отправил ему подарки, довольно щедрые, для домашнего употребления — масла и вина, сколько он нашел нужным, точно так же пшеницы из своих десятин в достаточном, по его мнению, количестве. Затем он пригласил самого царевича к обеду, роскошно убрав столовую, велев поставить в ней то, чего у него было вдоволь, много чудной работы серебряных ваз — тех золотых, о ко-

---

[40] **Приведите себе на память … праведнику.** Василий Великий. Беседа 21. «О том, что не должно прилепляться к житейскому». (Περὶ τοῦ μὴ προσηλῶσθαι τοῖς βιωτικοῖς καὶ περὶ τοῦ γενομένου ἐμπρησμοῦ ἔξωθεν τῆς ἐκκλησίας; Quod rebus mundanis adhaerendum non sit, et de incendio extra Ecclesiam facto).

[41] **Антиох** — Антиох X Евсеб Филопатор, Антиох X Благочестивый (Antiochus X Eusebes Philopator, Ἀντίοχος Εὐσέβης Φιλοπάτωρ; ум. ок. 83 до н. э.) — царь Сирии в 95–83 гг. до н. э. из рода Селевкидов. Был изгнан из Сирии царем Армении Тиграном. Для упрочения власти в 95 году до н. э. женился на своей мачехе Клеопатре Селене I.

[42] **Селена** — Клеопатра Селена (Κλεοπάτρα Σελήνη; 135–69 до н. э.) — вторая дочь Птолемея VIII, жена Антиоха X и мать царя Антиоха XIII.

[43] **Антиох** — Антиох XIII Дионис Филопатор Каллиник, Антиох Азиатский (Antiochus XIII Asiaticus, Ἀντίοχος ὁ Ἀσιατικός; ум. 64 до н. э.) — сын царя Антиоха X Евсеба и Клеопатры Селены I, царь Сирии.

торых мы говорили, он не успел еще сделать, — и вообще позаботившись, чтобы пир был обставлен всем, чем следует. В конце концов царь отбыл, убежденный и в богатстве своего хозяина, и в великолепии сделанного ему приема. Затем он сам пригласил наместника на обед к себе, приказав выставить напоказ все свои богатства, массу серебра, немало и золотых кубков, украшенных, как это бывает при дворах царей, в особенности сирийских, прекрасными самоцветными камнями. Был, кроме того, сосуд для вина, именно ковшик, сделанный из целого самоцветного камня, с золотой ручкой, о котором все слышали показания вполне достойного, полагаю я, достойного доверия и вполне авторитетного свидетеля, Кв. Минуция.[44] Тот берет каждый сосуд в руки, хвалит, любуется. Царь радуется, что его обед доставляет такое удовольствие пропретору римского народа. Когда гости разошлись, Веррес, как доказал исход дела, все свои мысли сосредоточил на том, как бы ему выпустить царя из провинции обобранным и ограбленным. Он отправил посланца с просьбой одолжить ему самые красивые вазы, которые он видел у царя, говоря, что желает показать их своим резчикам; царь, не знавший его, дал их очень охотно, без малейшего подозрения; затем он послал и за ковшиком из самоцветного камня, — «хочу-де рассмотреть внимательнее»; ему послали и его. Теперь, судьи, внимательно слушайте, что случилось далее; вы, впрочем, об этой истории уже слышали, и римский народ услышит о ней не впервые; она известна даже иноземным народам до пределов мира.

Те цари, о которых я говорю, привезли в Рим осыпанный чудными камнями великолепной работы канделябр, чтобы поставить его в Капитолии, но, застав храм неоконченным, они не могли поставить его; с другой стороны, они не хотели показывать его всем, чтобы, будучи поставлен в свое время в святилище всеблагого и всемогущего Юпитера, он выступил в полном блеске своего нового еще и невиданного великолепия. Поэтому они решили увезти его пока обратно в Сирию, предоставляя себе со временем, по получении известия об освящении кумира всеблагого и всемогущего Юпитера, снарядить посольство, чтобы среди прочих приношений отправить в Капитолий и этот исключительный и роскошный дар. Как об этом узнал Веррес — не знаю; царь скрывал существование этой драгоценности не потому, чтобы он чего-либо боялся или что-либо подозревал, а просто потому, что не желал, чтобы так много людей предвосхитило это зрелище у римского народа. И вот он стал просить его, и просить усиленно, при-

[44] **…Кв. Минуция** — Квинт Минуций Ферм (Quintus Minucius Thermus) — римский политический деятель, друг Цицерона, противник Цезаря, народный трибун в 62 г. до н. э.

слать к нему канделябр на дом, говорил, что хочет взглянуть на него, но не намерен показывать другим. Антиох, человек молодой и с истинно царской душой, не подозревал его низости и приказал своим рабам самым тщательным образом прикрыть канделябр и отнести его во дворец наместника. Когда они принесли его туда и, сняв футляр, поставили, он начал восклицать: «Вот дар, достойный Сирии, достойный царя, достойный Капитолия!» Действительно, он поражал блеском, исходившим из его чудесных и ясных камней, поражал разнообразием своих узоров, свидетельствовавших о соревновании искусства с пышностью, поражал, наконец, своей величиной, доказывавшей, что ему назначено войти в состав не обстановки человеческого жилища, а убранства величайшего храма. Когда посланным показалось, что он насмотрелся вдоволь, они стали поднимать его, чтобы нести обратно, но он сказал, что хочет смотреть еще и еще, что он далеко не насытился, и приказал им уйти и оставить канделябр у него. Так посланные вернулись к Антиоху с пустыми руками. Сначала царь ничего не боялся, ничего не подозревал. Проходит день, другой, несколько, — вещи не несут. Тогда он отправляет людей с покорнейшей просьбой вернуть ее. Веррес велит прийти в другой раз.

Царь удивлен, посылает вторично, — вещи не возвращают. Он обращается к этому человеку лично и просит вернуть ему его собственность. Обратите теперь внимание на его медный лоб, на его небывалое бесстыдство: дар, предназначенный, как он знал со слов самого царя, к посвящению на Капитолии, оберегаемый, как он видел, для всеблагого и всемогущего Юпитера — этот дар он самыми умильными, настойчивыми просьбами стал требовать для себя. Когда царь ответил ему, что он связан и страхом пред Юпитером Капитолийским,[45] и уважением к общественному мнению, так как многие народы знали о назначении вещи, Веррес начал осыпать его страшными угрозами. Когда же он заметил, что угрозы производят на него так же мало влияния, как и просьбы, он приказал царевичу немедленно, до наступления ночи, покинуть провинцию, он-де узнал, что из его царства едут в Сицилию пираты. Тогда царь при громадном стечении народа, на сиракузской площади — не думайте, что я привожу неясные улики и присочиняю на основании простого подозрения, — на сиракузской площади, повторяю я, со слезами стал жаловаться, призывая в свидетели богов и людей,

---

[45] **…царь ответил ему, что он связан и страхом пред Юпитером Капитолийским…** Юпитер считался покровителем императоров. Капитолийский храм, крышу которого украшала скульптура Юпитера на квадриге, был религиозным центром Рима: здесь совершались жертвоприношения, принимали присягу новые консулы, собирался сенат. Важнейшие акты государственной жизни проходили в капитолийском храме Юпитера.

что Г. Веррес украл у него канделябр, сделанный из драгоценных камней, канделябр, который он был намерен отправить в Капитолий, который он желал поставить в этом славном храме в память его союза и дружбы с римским народом. «Не печалюсь, — говорил он, — о том, что у него находятся другие драгоценности из золота и редких камней, но что он дерзнул лишить меня этой вещи, это показывает, сколь жалко и недостойно мое положение. Ее мы — мой брат и я — еще раньше посвятили в своей мысли и своем сердце; теперь же я в присутствии всего вашего многочисленного собрания дарю ее, жертвую и посвящаю всеблагому и всемогущему Юпитеру и призываю самого Юпитера в свидетели моей воли и моего обета». Есть ли человеческий голос, человеческая грудь, человеческие силы, достаточные для достойного развития одного этого обвинения?»[46]

Другое повествование из той же речи Цицерона.

«Сегеста, судьи, — весьма древний город в Сицилии, основанный, по преданию, бежавшим туда из Трои Энеем; вследствие этого сегестанцы считают себя связанными с римским народом не только неразрывным союзом и дружбой, но и родством. Давно, когда этот город в качестве самостоятельного государства вел войну с карфагенянами, он был взят приступом и разрушен, причем все украшавшие город статуи были увезены в Карфаген. Была в Сегесте бронзовая статуя Дианы, помимо своей древности и святости отличавшаяся замечательной художественностью работы. Будучи перевезена в Карфаген, она переменила только место и [окружающих ее] людей; религиозное уважение к ней осталось неизменным, — за ее чудную красоту даже враги относились к ней с глубочайшим благоговением. Спустя несколько столетий, П. Сципион[47] во время Третьей Пунической войны взял Карфаген. Войдя победителем в город, он — обратите внимание на благородную заботливость этого мужа, — восторгаясь родными примерами великой добродетели, вы сочтете еще более достойной ненависти невероятную бессовестность Верреса — он, повторяю, зная, что Сицилия долго и часто страдала от карфагенян, созывает представителей всех сицилийских общин и приказывает разыскать все [находившиеся в Карфагене драгоценности], объявляя, что он приложит все свое старание к тому, чтобы каждому городу была возвращена его собственность. Тогда-то было возвращено фер-

---

[46] **Как вам известно … от отца и предков … этого обвинения?** Cic. Ver., IV. 61–67. Пер. В. О. Горенштейна.

[47] **П. Сципион** — Публий Корнелий Сципион Африканский (Publius Cornelius Scipio Africanus Maior; 235–183 до н. э.) — римский полководец.

митанцам то, что было взято из Гимеры[48] и о чем я говорил выше, так же, как и гелойцам и агригентцам — их собственность, в том числе и знаменитый бык, принадлежавший, по рассказам, жесточайшему из всех тиранов, Фалариду,[49] в которого он запирал обреченных на казнь людей, приказав развести под ним огонь. Возвращая агригентцам этого быка, Сципион, говорят, сказал, что это изображение, являясь одновременно памятником и жестокости их туземных владык, и нашей гуманности, заставит их призадуматься над вопросом, что лучше: быть ли рабами своих [тиранов], или повиноваться римскому народу. В это время была возвращена и сегестанцам с большой заботливостью та самая статуя Дианы, о которой речь шла выше; ее привезли в Сегесту и среди громких поздравлений и радостных восклицаний граждан поставили на старое место. Поставлена она была в Сегесте на довольно высоком пьедестале, на котором большими буквами было высечено имя П. Сципиона Африканского с надписью, что он вернул ее, взяв Карфаген. Ее чтили граждане, смотреть на нее ходил каждый приезжий; когда я был квестором, мне прежде всего показали ее. Это была очень больших размеров статуя; богиня была одета в столу, все же в ней, несмотря на ее рост, по моложавому виду и осанке нужно было признать деву; с плеча свешивался колчан, в левой руке она держала лук, в правой несла перед собой пылающий факел. Когда увидел ее он, враг и грабитель всех святых, он тотчас, как будто богиня его ударила своим факелом, воспылал страстью и безумием: он приказал магистратам снять ее с пьедестала и отдать ему, прибавив, что это будет ему в высшей степени приятно. Они отвечали ему, что это было бы с их стороны нечестивым поступком, что, помимо святости кумира, еще и страх перед законами и судом возбраняет им исполнить его желание. Тогда он стал то просить, то угрожать им, действовать и надеждой, и страхом; они же указывали ему в ответ на имя П. Сципиона Африканского, говорили, что статуя составляет собственность римского народа, что они не имеют права распорядиться тем, что великий полководец по взятии неприятельского города пожелал поставить памятником победы римского народа. Он ничуть не отставал; напротив, его требования ежедневно становились настойчивее; был сделан доклад в городском совете. Все резко

---

[48] **...что было взято из Гимеры** — город Гимера был разграблен карфагенянами в 408 г. до н. э. После захвата Карфагена Сципион восстановил в правах фермитанцев, которые на самом деле были гимерцами, вынужденными оставить разрушенную Гимеру и поселиться в городе Ферме.

[49] **...жесточайшему из всех тиранов Фалариду** (Φάλαρις; 2-я пол. VI в. до н. э.) — тиран агригентский, известный жестокостью: в упомянутом быке («бык Фаларида», «сицилийский бык») он сжигал своих врагов.

высказались против, вследствие чего тогда, при первом его приезде, ему ответили отказом. После этого он все повинности свалил на них предпочтительно перед другими, требуя матросов и гребцов, приказывая доставлять хлеб, причем требовал с них много больше, чем они могли дать. Кроме того, он вызывал к себе их власти, посылал за лучшими и благороднейшими из граждан, заставлял их ходить по судам во все окружные города провинции, каждому отдельно обещал наделать бед и всем в совокупности грозил, что сотрет их город с лица земли. Тогда, под гнетом этих постоянных притеснений и еще большего страха, сегестанцы решили, наконец, исполнить приказание пропретора; к великому горю всех жителей, при горьком плаче всех мужчин и женщин был отдан подряд на снос статуи Дианы».[50]

Пример изложения.

1. Изложение святого Златоуста, в котором он объясняет слова псалма 48: «Не бойся, когда разбогатеет человек или когда умножится слава дома его».[51] (Беседа VII, О покаянии, т. V).[52]

Он не сказал «слава его», но «слава дома его», потому что, когда умрет, не возьмет с собой все. Заметил ли ты тонкость оборота и ясное расчленение?

Ведь не сказал он «когда умножится слава его», но «слава дома».[53] Указывал, конечно, [на то], что одно — [это] слава человека, а другое — слава дома. Слава дома — крытая галерея для прогулок, красивые штучные потолки, мозаичный пол, украшения из драгоценных камней, луга, сады, множество слуг, соответствующее дорогое убранство; из этого ничто не относится к человеку. Слава же человека — правая вера, рвение к Богу, любовь, уничижение, кротость, постоянная молитва, милостыня, украшение философии и все прочие части добродетели. И обладая этими качествами, а не чем-то другим, человек достигает славы, и никто не может быть по праву назван пра-

---

[50] **Сегеста, судьи, весьма древний город в Сицилии …статуи Дианы.** Cic. Ver. IV: 72–76.

[51] **Не бойся, когда разбогатеет человек или когда умножится слава дома его**. Пс. 48: 17.

[52] **Изложение святого Златоуста, в котором он объясняет слова псалма 48 … (Беседа VII, О покаянии, т. V).** См.: Беседа на 48 Псалом: 10–11. В тексте «О покаянии и сокрушении сердца, а также о том, что Бог скор на спасение и медлен на наказание; здесь же дивная повесть о Раави» нет толкования 48 псалма.

[53] **Ведь не сказал он «когда умножится слава его», но «слава дома». Указывал, конечно, [на то], что одно [это] слава человека, а другое — слава дома.** Беседа на 48 Псалом: 10–11. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста… Т. 5. 1899. Кн.1. С. 250–251.

ведным, но вопреки свидетельству общего лукавства; ведь [людей] жестоких, бесчеловечных, гнусных и невежественных в философии выводят в комедиях; эти люди являются такими и показывают в них [комедиях] свое могущество. Поэтому, как мы упомянули раньше, неодинакова слава человека и дома. Тем же, кто посвящает себя ревностно Богу целомудрием, украшением, кротостью, уничижением, им мы дивимся, восхваляем, прославляем, так как в этом преимущественно состоит слава человека.

2. Объясняется, что такое благодеяние из Сенеки «О благодеяниях»,[54] кн. I. гл. 6.

«Итак, что есть благодеяние? Доброжелательное действие, доставляющее радость и получающее ее путем доставления [другим]; благосклонное к тому, что делает и по своей воле готовое [к этому]. Поэтому важно не то, что делает благодеяние или для чего оно даровано, но с каким намерением. Потому что благодеяние не в том состоит, что делается или дается, но в самом намерении дающего или делающего. Что между этим существует великое различие, ты поймешь хотя бы из того, что благодеяние во всяком случае является благом; но то, что делается или дается, не есть ни благо, ни зло. Существует дух, который возвышает малое, возвеличивает убогое, великое и почитаемое ценным покрывает позором; сами предметы стремления имеют неопределенную природу, они ни хорошие, ни дурные, но важно, куда их толкает дух — руководитель, придающий форму вещам. Следовательно, само благодеяние не есть то, чем его считают или за что выдают, подобно тому, как почитание богов состоит не в принесении жертв, хотя бы они были наилучшими и сверкали золотом, но в благочестивом и праведном намерении почитающих. Поэтому праведные являются благочестивыми, даже если приносят в жертву полбу и кашу, напротив, злые не спасаются от нечестия, хотя бы они обагряли алтари кровью многих жертв».[55]

3. Объясняется изречение «Плохо живут те [люди], которые всегда начинают жить» (Из Сенеки, письмо 23).

«Плохо живут те [люди], которые всегда начинают жить». Почему, ты говоришь? Нужно объяснить это изречение. Потому что у этих [людей] жизнь всегда несовершенна. Не может же быть готовым к смерти тот, кто только начал жить. Следует поступать так, как будто мы уже достаточно пожили; никто [из тех], которые начинают жить, не считает так. Не думай, что таких

---

[54] **Сенека «О благодеяниях»** — Seneca. De Beneficiis. В 1622 г. был издан Юстом Липсием. В русских переводах назывался «О благодеяниях», «О благодарениях» или «О добрых делах».

[55] **Что такое благодеяние … жертв.** Seneca. De Beneficiis, Lib. I. Cap. 6.

[людей] мало, таковы почти все. Некоторые начинают жить тогда, когда следует кончать. Если тебе это удивительно, то я добавлю то, чему ты [еще] больше удивишься: ведь некоторые устали жить прежде, чем начали.[56]

4. Цицерон объясняет свой стишок, неправильно понятый Антонием: «Оружие да уступит место тоге, и лавры да подчинятся слову (государственного мужа)».[57]

«„Я хочу знать, какой смысл в этом стихе. Оружие да уступит место тоге? Неужели, говоришь, — сказал он, — твоей тоге уступит [место] выдающийся полководец?“ Зачем мне тебя, осел, учить азбуке? Нужны не слова, а дубина. Я не сказал: это моя тога, которая на мне, и не оружие, щит или меч какого-либо полководца; но я сказал, выражаясь поэтически, что тога есть символ мира и покоя, наоборот, оружие — [символ] мятежа и войны. Я хотел, чтобы это было понято в том смысле, что война и мятеж уступят миру и покою»[58].

5. Здесь я даю также наш первый попавшийся пример, на котором мы объясним изречение Горация, которое кажется темным и неправдоподобным:

Отцы, что были хуже, чем деды, нас
Негодней вырастили; наше
Будет потомство еще порочней.[59]

Гораций взял его не с улицы, но из самых известных святилищ мудрости. Он утверждает, что дела человеческие протекают так, что всегда последующие поколения людей хуже предшествующих; и чем более поздним и запоздалым является поколение, тем больше в нем зла и менее добра, как будто [вместе] с дряхлеющим миром, кажется, что и доблесть также стареет, а порок набирает силы. Поэтому и мы уже (так как мы попали не к началу мира, но родились спустя много времени после сотворения мира), должны считать, что и наши предки были плохими, их же сыновья, именно наши родители, стали еще хуже. Поэтому наше нравственное несовершенство должно быть еще большим. Отсюда можно заключить, что также и нас наши

---

[56] **Плохо живут те [люди], которые всегда начинают жить. … начали.** Seneca. Ep. mor. XXIII: 9–11.

[57] **Оружие да уступит место тоге, и лавры да подчинятся слову (государственного мужа).** Cedant arma togae, concedat laurea laudi. Стих из утраченной поэмы Цицерона «О своем консульстве», цитируемый в трактате «Об обязанностях». Cic. Off. I: 77.

[58] **Ты хочешь знать… покою.** Cic. Pis.: 72–73.

[59] **Отцы, что были хуже, чем деды, — нас / Негодней вырастили; наше / Будет потомство еще порочней.** Hor. Carm. Lib. III: 6. Пер. Н. С. Гинцбурга.

сыновья, а самих их наши внуки превзойдут испорченностью, и, таким образом, всякое потомство, по-видимому, прибавит кое-что к преступлениям своих предков. Но так ли обстоит дело в действительности, представляется неясным и темным; но если вникнуть глубже в суть дела, то ты поймешь, что вообще происходит так. Ведь если мы верим философии, то великие пороки (хотя они бывают не без великих страстей), раз уже возникают, то по необходимости приносят некий ущерб природе; и когда мы впадаем в грех, то какая-то часть нашего существа слабеет или изменяется; и, во всяком случае, (умолчу о прочих) сколь пагубными [пороками являются] для человеческого тела обжорство и роскошь; из них последнее парализует и ослабляет, а первое подавляет и душит человека. Или: чего не может сделать с нами гнев и зависть, необузданность которых губит многих? Итак, когда мы сердимся, завидуем, упиваемся вином, в нашем существе происходит много изменений. Поэтому, таким образом, приобретаем даже больше страстей, чем получили от родителей. Ведь подобно огню, который, по-видимому, превращает в свое естество то, что он уничтожает, так и порок: все, что он в нас изменяет, наделяет своими свойствами и всецело делает себе подвластными. Искаженная таким образом природа при всех обстоятельствах порождает плод, подобный себе; ведь все эти дурные страсти унаследованы не от дедов и прадедов, но, полученные грехом ближайших родителей, передадутся вместе с кровью сыну. И вот каким отец стал добровольно, таким сын рожден. Поэтому сын должен быть более склонен ко всему тому нечестию, к которому отца [его] привело не извращение натуры, а разврат духовный.

Но, с другой стороны, сын, в силу врожденного побуждения ко злу, словно подстрекаемый какими-то фуриями, без сомнения, будет еще более дерзким, если рожден от человека дерзкого, если же от человека разнузданного, то более разнузданным. Совершая эти преступления, он меняет свою злую натуру на еще более худшую; и точно так же, когда порок пройдет через потомство, он произведет из себя не человека, а чудовище, так как сам он, может быть, был рожден зверем, и таким образом, сколько ступеней пройдет кровь, столько отпрысков даст испорченность. Мне кажется, поэты хотели указать на развитие подобного рода проявлений зла, передавая остроумные басни о том, что прежде был золотой век, затем серебряный, потом последовал медный, за которым, наконец, наступил железный.[60]

---

[60] **...поэты хотели указать... железный.** ФП следует Овидию, писавшему о четырех веках (Ovid. Met. I 89–162), а не Гесиоду, считавшему, что между медным и железным веками был еще век героев (Hes. Opp. 104–201).

ГЛАВА V

ОБ ОБОСНОВАНИИ

Об обосновании мы сказали, кажется, достаточно, когда говорили в предшествующей книге об изобретении доводов. Ведь «обосновывать» значит не что иное, как подкреплять тему найденными доводами. Поэтому нам осталось, по-видимому, здесь только разобрать надлежащее расположение доводов, если их будет много. Это и есть тот самый, хотя и более краткий, но зато более искусный способ изложения, который нужно применять более обдуманно, о чем я обещал сказать в начале I главы этой книги.

1. Прежде всего знай, что расположение предметов и доводов подобного рода можно подразделить на три вида: на естественное, произвольное и искусственное.

Естественное расположение бывает тогда, когда на первом месте поставлено то, что по природе является первым, а на более позднем то, что идет позднее. Одни [предметы] имеют хронологический порядок: например, детство идет раньше, чем юность, а эта юность раньше зрелого возраста, который, в свою очередь, раньше старости; наконец, все, что произошло раньше другого; например, прежде был Закон, чем Евангелие, раньше Пуническая война, чем Македонская. Другие же располагаются в определенном порядке по достоинству; например, прежде мужчина, чем женщина, старость раньше времени расцвета, и это последнее раньше молодости. Третьи предметы также предшествуют в силу необходимости существования, или такие, которые настолько необходимы, что без них какие-либо другие не могут существовать; так, солнце раньше света, душа — человека, все причины — раньше своих следствий и результатов; все подчинено, так сказать, своим действующим причинам. Наконец, существуют такие предметы, первенство которых зависит от места, как например: начало, середина и конец дороги.

Произвольное расположение бывает тогда, когда предметы располагаются без определенного принципа, но исключительно по произволу пишущего. Однако такое расположение не только не является необходимым оратору, но даже зачастую приносит вред, и потому его следует избегать.

Искусственное расположение бывает тогда, когда мы расставляем доводы, хотя и не по нашему произволу, но и без учета естественного порядка, но с некоторым искусством, так, чтобы легче достичь какой-либо предназначенной цели. Так, поэты обычно начинают свои рассказы не с начала, но или с середины, или с конца; начало же откладывают или в конец, или в середину, чтобы достичь таким образом своей цели, именно услаждения. Так как цель оратора — убеждение речью, то цепь доводов следует распределять, имея в виду, чтобы само их расположение служило убеждению.

Ведь весьма важно, как мы сказали выше, не только чтобы доводы были по возможности более сильными, но и в каком порядке они располагаются. В таком случае надо говорить не о естественном расположении доводов, так как оно ясно само собой, и не о произвольном, которое не нуждается в теории, а только об искусственном расположении.

2. Далее некоторые правила искусственного расположения, думается, следует дать в общем виде, а некоторые — в частности; например, в совещательном, в судебном и в показательном родах речи.

Выслушай обо всем следующие общие наставления. После повествования или развития главной темы, думается, будет подходящим и уместным не сразу приводить доводы, а предпослать как бы некоторый вызов или подстрекательство. А это можно осуществить трояким способом. Во-первых, предпослав некоторую задержку, чтобы подготовить настроение слушателей. Во-вторых, путем применения изящной фигуры сомнения: именно, что нам следует сказать раньше, что позднее; или мы словно недоумеваем и колеблемся, устрашенные важностью дела и неверием в собственные силы. В-третьих, можно предпослать какое-нибудь общее рассуждение в связи с темой, которое как бы пробивает дорогу к последующим доводам; называется оно у риторов общим местом; именно, когда мы уклоняемся от нашего определенного расследования в сторону какой-либо отвлеченной темы или неопределенного расследования; например, если ты собираешься предложить что-либо на основании доводов от благопристойного, то прежде ты можешь рассуждать, в какой мере вообще следует во всех наших поступках стремиться к благопристойному. Но все же эта вступительная часть не должна быть длинной и запутанной, но умеренной по величине, чтобы она не имела вида второго вступления, которое иногда можно опускать.

3. После такого рассуждения ближайшего места требуют, как кажется, те доводы, которые можно высказать более спокойно. Ведь, по-видимому, неразумно оглашать всю аудиторию внезапными криками, словно ты пришел властно карать, а не убеждать слушателей (за исключением того случая, когда поступать иначе требуют интересы дела или достоинство лица). Например, святой Василий, будучи мужем великого авторитета и облеченный епископским саном, в слове «Против предающихся пьянству», обращаясь к народу, ему подчиненному, подобно строгому отцу, бранящему шаловливых детей, начал немедленно кричать (в беседе «Против предающихся пьянству»).[61]

---

[61] **Святой Василий… в слове «Против предающихся пьянству», обращаясь к народу… начал немедленно кричать.** Вступительную часть Беседы 14 («На упивающихся») Василий Великий действительно начинает с риторических восклицаний и риторических вопросов, что ФП, видимо, интерпретирует как крик.

4. Как только речь достаточно продвинется вперед, то благоразумие советует позаботиться о ее разнообразии; тогда мы оживим усталых слушателей и поэтому вторично изложим в общем виде какую-либо тему, чтобы освежить внимание и вновь снискать их благоволение. Это удобно будет сделать с помощью задержки, сказав, что мы дошли до некоторого необычайного, удивительного, весьма важного пункта; такую [остановку] можно делать в любом месте речи, где надо излагать важную тему, однако и здесь необходима краткость.

5. Не все доводы следует высказывать одним и тем же приемом и в равной мере, но одни [доводы] надо излагать отдельно, вместе с амплификацией, соединяя их с переходами [от одной части к другой], другие же — сразу, группами, колонами или звеньями, наподобие частых стрел; удобнее всего это делается с помощью риторической фигуры опущения или частых вопросов: ведь таким способом можно выставить много доводов и достичь разнообразия. Таковы общие указания относительно расположения доводов.

Теперь надо дать некоторые указания об особом расположении доводов в речах совещательных, показательных и судебных. Доводы же речей совещательного и судебного [рода] требуют одинакового способа расположения.

Расположение доводов в роде судебном и совещательном.

1. Наиболее употребительный способ — располагать вначале менее сильные доводы, а более сильные позднее. Ведь речь должна усиливаться, и поэтому следует откладывать в конец те доводы, которые нам кажутся наиболее сильными, однако начало также должно быть сильнее и лучше обосновано, чем середина [речи] или, по крайней мере, внушительнее, именно для того, чтобы с первого же столкновения со слушателями начать завоевывать их расположение.

2. Поэтому если ты подозреваешь враждебное настроение слушателей или же их заведомую склонность к противоположному мнению, то ты должен в первом же бою сосредоточить наиболее мощные доводы. Эти доводы излагай не пылко (ведь таким образом сразу можно их обидеть), но говори в какой-то степени любезно, скромно, с ласковыми упреками, умаляя притом свои достоинства, чтобы можно было сказать, что не ты это советуешь, но что это им слова самой истины. Наконец, предоставь им самим разобраться в деле: они сами благоразумно рассудят, так ли обстоит дело, или наоборот. Смотри пример такого расположения в Слове Златоуста к императору Феодосию «За антиохийцев» в первом параграфе после введения.[62]

[62] **…пример такого расположения в Слове Златоуста к императору Феодосию «За антиохийцев…»** — какой пример имеет в виду ФП, установить не удалось.

3. Если доводы будут такого рода: одни более пространные, а другие менее, или же одни частные, а другие общие, то общие следует помещать впереди частных.

4. Стоит отметить также следующее: доводы надо располагать в таком порядке, (если они окажутся равносильными), чтобы сначала ставить те, от которых могут получить силу последующие [части речи], и тем самым выявится большая сила доводов, помещенных позднее. Например, если ты, собираясь вымолить у государя прощение какому-нибудь обвиняемому, будешь просить, утверждая, что он достоин прощения следующими доводами: во-первых, потому что он весьма скорбит из-за этого своего проступка; во-вторых, потому что он совершил его по неведению и неразумно; в-третьих, потому что ему не так страшно наказание, как гнев государя. Средний довод следует поместить в начале, первый же — в середине, и затем третий, потому что больше склоняет к милосердию та скорбь, которая, как мы знаем, происходит от неразумно совершенного проступка; и преступник кажется более достойным прощения, потому что страшится гнева, а не наказания, хотя все же, как мы знаем, он сильно опечален и мучается сознанием своего проступка. Поэтому прежде надо говорить о неведении обвиняемого, затем о раскаянии, потом — о страхе, но не о том рабском страхе неминуемой кары, но о сыновнем страхе оскорбить государя.

5. Так как одни доводы — поучающие, другие же — возбуждающие чувства или амплификации, то, хотя амплификация и душевное движение должны, словно душа, пронизывать всю речь, все же наиболее важные доводы должны занимать второстепенное место, и раньше надо ставить доводы поучающие: ведь прежде слушатель должен проникнуть в существо дела, и тогда легче будет возбудить в нем соответствующие чувства.

Заметь: то, что мы здесь говорим о расположении доводов, это же самое надо сказать о размещении обоснований доводов, обычно собираемых для данной темы.

Расположение доводов в показательном роде речи.

1. Первый способ расположения доводов в этом роде прост и удобен: рассказывать события в естественном порядке и располагать их так, как каждое событие происходило на самом деле, первым или последним, чтобы, начиная кого-нибудь хвалить с самой колыбели, ты в своей речи прошел бы через его детство, юношеский возраст и т. д. Этот способ, говорят, требует меньше искусства, однако его можно применять с искусством, в особенности если предпослать какую-либо подходящую фигуру подготовки, которая

намекает на тему данного рода. Пример такого расположения во II «Филиппике» во второй части речи, где Цицерон порицает Антония.[63]

2. Большего искусства, однако, требует прием расположения, состоящий в разделении речи на некоторые определенные главы по доблестям и подвигам, например, сколь великой мудростью, храбростью, рассудительностью отличался человек и т. д. Пример такого способа расположения у Цицерона «В защиту Манилиева закона», где он восхваляет Помпея за опытность в военном деле, доблесть, авторитет и счастье. При восхвалении же предметов, а не лиц, похвалы заключаются в упоминании рода и происхождения, пользы, превосходства и т. д.[64]

Также следует тщательно обдумать особое распределение между собой различных видов доблестей и пороков: оно будет наилучшим, если пойдет путем перехода от великих доблестей и пороков к еще более великим; или же, наоборот, менее выдающиеся доблести следует ставить раньше, более замечательные — позднее, и на последнем месте — самые знаменитые.

ГЛАВА VI
ОБ ОПРОВЕРЖЕНИИ

Части опровержения можно брать либо из природных источников, либо из отдаленных. Все же нам остается сказать о некоторых особых способах опровержения, а затем об особых построенных на них видах доказательств, которые относятся к этой части; наконец, о расположении доводов, служащих для опровержения.

1. Общий и обычный прием опровержения употребляется, когда отрицают обвинения противника как не соответствующие нашей натуре, взглядам, привычкам, лицам, обстоятельствам и свидетельским показаниям; и когда эти обвинения представляются противоречивыми, нелепыми, выделяются сомнительные из них, выясняется их неопределенность и приводятся причины этих событий и поступков. Примеры очевидны.

2. Второй прием состоит в некотором отвлечении внимания и обмане слушателей, когда мы обещаем говорить об обвинении в другом месте и переводим внимание слушателей от затруднительного для нас пункта к рассмотрению других предметов. Но такой прием, хотя и требует много остроумия и изобретательности, менее надежен. Ведь это легко может обратить

---

[63] **Пример … во II «Филиппике» во второй части…** ФП обращает внимание на то, что описание детских лет Антония находится после порицания его деятельности. См.: Cic. Phil. II: 44.

[64] **…восхваляет Помпея … и счастье.** Cic. Man. 36.

внимание [противника], и обман легко обнаружится. Поэтому не следует применять такой прием опровержения отдельно, а лишь в том случае, когда сталкивается много обвинений, требующих опровержения: среди вереницы опровержений и этот прием достигнет цели, если он скрыт.

3. Существует и другой, менее непосредственный прием, но, однако, надежный и прочный, который называется [фигурой] антисагога, или «возмещение»; когда мы не отвечаем на обвинение, но [сами] выставляем другое встречное обвинение.

Прием этот уместен в особенности в речи совещательного рода, в общих частях которой идет спор в равной степени о пользе или вреде каких-либо мероприятий или о легкости их достижения и т. д. Например, если страх перед разбойниками внушает мысль рекомендовать бегство в момент угрозы врага, то советующему такую меру можно легко ответить обвинением в страхе перед врагами; или когда в ответ на невыполнимое требование мы выставляем также другое, столь же невыполнимое. Таким образом спорят у Вергилия пастухи, причем один спрашивает:

> В землях каких, скажи (Апполон ты мне будешь великий),
> Неба пространство всего шириною в три локтя открыто?

На это отвечает другой:

> В землях каких, скажи, родятся цветы, на которых
> Писано имя царей.[65]

4. Прекрасно опровергать также путем одного только пренебрежения слов противника. Но этот [прием] уместен тогда, когда обвинения весьма слабы и недостойны возражения со стороны человека благоразумного. Поэтому ты либо открыто заявишь свое нежелание отвечать на такие обвинения, качество которых всем ясно и которые не заслуживают ответа, либо увернешься от возражения какой-либо шуткой и скажешь иронически: в самом деле противник отличается блестящим остроумием! Подобный этому случай — когда мы, негодуя, даже не опровергаем обвинение, но яростно упрекаем противника за то, что он не побоялся выставить обвинения, которые никому не могут показаться достоверными. Однако такой способ опровержения применим лишь тогда, когда мы знаем, что даже сами слушатели относятся весьма неблагоприятно к предъявленному обвинению и оно недоказуемо. Так, Цицерон в речи «В защиту царя Дейотара» [обращается] к Цезарю: «Да погубят тебя боги, беглый раб, за подобное обвинение»;[66] здесь мы также можем воспользоваться насмешкой или иронией.

---

[65] **В землях каких, скажи… имя царей.** Verg. Ecl. 3: 104–107.

[66] **Да погубят тебя Боги, беглый раб…** Cic. Deiot. 21.

Но, как я уже сказал, подобные способы применимы [лишь] при надежном деле и [в таких случаях] их следует даже часто употреблять. Ведь нередко мы встречаемся с такими обвинениями, при опровержении которых, если проявишь упорство и даже смехом не сможешь опровергнуть, то, пожалуй, этим самым ты еще и укрепишь подозрение в предъявленном обвинении.

5. Пятый прием опровержения заключается в том, чтобы показать, что обвинение вообще не соответствует ни времени, ни месту, ни лицу. Примером такого приема служит вся защита Цицероном Росция Америйского, где он, рассмотрев свойства места, времени и лиц, и в особенности самого Росция, доказывает, что тот не мог убить отца. Если этот прием опровержения основан на крепких доводах, то является наиболее сильным и надежным.[67]

6. Следует часто обращать внимание на то, хорошо ли связаны обвинения друг с другом, нельзя ли найти в них или, по крайней мере, вывести что-либо могущее оказаться противоположным или противоречащим самому обвинению. С другой стороны, наиболее замечательная разновидность подобного разбора [обвинений] получается, когда из самих слов противника ты сделаешь вывод, совершенно опрокидывающий его доводы и обнаруживающий [в них] противоречия. Так, Цицерон ответил на выдвинутое против него Антонием обвинение в причастности к убийству Цезаря и подкрепленное тем, что «после убиения Цезаря, — говорил Антоний, — Брут, подняв высоко окровавленный кинжал, тотчас воскликнул, назвав Цицерона по имени, и поздравил его с возвращением свободы».[68] (Антоний заявил, что Брута он назвал при этом своем противопоставлении из уважения к нему). Цицерон, повторяю, так на это ответил во II Филиппике: «Обратите внимание на бестолковость [этого] человека, или скотины. Ведь он сказал так: «Брут, которого я называю из уважения, держа окровавленный кинжал, громко назвал Цицерона; на основании этого нужно понимать, что тот был соучастником убийства Цезаря». Следовательно, ты называешь меня преступником, меня, который, как ты предполагаешь, в чем-то заподозрен? А тот, который выставлял напоказ окровавленный кинжал, того ты назвал ради уважения? Хорошо! Пусть твои слова тупоумны, но насколько больше тупоумия в твоих делах и мыслях!»[69]

7. Не менее сильным будет опровержение, если выдвинутое против нас обвинение мы сделаем ненавистным слушателям. Добиться этого можно двояким способом: либо если мы покажем, что поступок или наше выска-

---

[67] **Примером такого приема служит вся защита Цицероном Росция Америйского…** См. примеч. 193 к кн. I.

[68] **…после убиения Цезаря… с возвращением свободы.** Cic. Phil. II: 28.

[69] **Брут… делах и мыслях!** Cic. Phil. II: 28.

зывание, которое нам ставят в вину, являются общими у нас с великими людьми, или когда этот поступок нужно поставить в вину не только нам одним, но даже и самим судьям или слушателям, так как мы совершили его в соответствии с их взглядами, по их воле и приказанию. Сюда особенно подходят те примеры, которыми доказывается, что обвинение, выдвинутое против нас, можно было выставить против святых, мудрецов и т. д. Цицерон в той же речи таким образом дальше возражает Антонию: «Объясни, консул, какое извиняющее обстоятельство, наконец, ты хотел бы выставить для этого [поступка] Брутов,[70] Г. Кассия,[71] Гн. Домиция,[72] Г. Требония[73] и прочих. Проспись от хмеля, говорю я, и протрезвись. Или надо приставить факелы, чтобы разбудить тебя от беспечного отношения к столь важному делу? Неужели ты никогда не поймешь, что тебе надо решить, являются ли совершившие этот поступок [убийство Цезаря] убийцами или же спасителями свободы?»[74] Так, Улисс у Овидия («Метаморфозы», кн. XIII) опровергает брошенное ему Аяксом обвинение в преступлении, именно что по его совету больной Филоктет был покинут на Лемносе,[75] и по его обвинению был осужден Паламед. Так, повторяю, он опроверг все эти обвинения:

Неудивительно нам, что бранью глупых речений
Он кидает в меня и вас в достойном позора
Он упрекает. Или облыжно винить Паламеда
Гнусно лишь для меня, а для вас осудить — превосходно?
Но ни Навплия сын защищать такого проступка,
Явного слишком, не мог, ни вы про вину не слыхали;
Видели все, на лице обвиненьем являлась уплата.
В том, что Пеантиад живет на Лемносе Вулкана,
Тоже не я виноват; свое знайте вы дело;
Дали согласие вы. Советовал я, не скрываю.[76]

---

[70] **Бруты** — Марк Юний Брут (Marcus Junius Brutus; 85–42 до н. э.) — римский политический деятель, военачальник, убийца Гая Юлия Цезаря. Считался талантливым оратором. Децим Юний Брут Альбин (Decimus Iunius Brutus Albinus; ок. 84–43 гг. до н. э.) — римский военачальник, один из убийц Цезаря.

[71] **Кассий** — Гай Кассий Лонгин (Gaius Cassius Longinus; до 85–42 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, один из убийц Цезаря.

[72] **Домиций** — Гней Домиций Агенобарб (Gnaeus Domitius Ahenobarbus; ум. 31 до н. э.) — римский политик, участник заговора против Цезаря.

[73] **Требоний** — Гай Требоний (Gaius Trebonius; ум. 43 до н. э.) — римский военачальник, доверенный Юлия Цезаря, участник заговора против Цезаря.

[74] **Объясни, консул… спасителями свободы?** Cic. Phil. II: 30.

[75] **Улисс… опровергает… обвинение в преступлении, что по его совету больной Филоктет был покинут на Лемносе**. ФП приводит этот пример, потому что ахейцы сообща приняли решение оставить Филоктета на Лемносе (его ужалила змея, и он распространял зловоние). То есть не один Улисс должен нести за это ответственность.

[76] **Неудивительно нам … не скрываю.** См.: Ovid. Met. XIII: 306–315. Пер. А. А. Фета.

8. Если невозможно отрицать какой-либо поступок, то мы либо представим его как совершенный справедливый, либо так возвысим его, что он окажется не заслуживающим порицания. Ведь сюда относятся известные поводы для извинения: по неразумию что-либо совершил, ошибся по неведению, считал этот проступок позволительным либо никому не причиняющим вреда; наконец, возраст, пол, состояние и положение часто служат в защиту проступка. Когда Аминта[77] был обвинен в заговоре против Александра на том основании, что он, по слухам, как-то в присутствии некоторых людей бранил царя, то он так ответил на эти обвинения (у Курция, кн. VII): «Нам, царь, вовсе не известны толки, направленные против твоего величества. Я мог бы сказать, что ты давно уже преодолел свое недоброжелательство к нам, если бы не боялся, что ты решишь, что я хочу прежние неприязненные слова оправдать ласковой речью. Впрочем, даже если твой воин, усталый и измученный в походе или в строю среди опасностей или больной в палатке, залечивая раны, и произнесет довольно неучтивые слова, то мы заслужили храбрыми подвигами, чтобы ты предпочел отнести их за счет нашего времени, чем [нашего] настроения; когда происходит какое-либо чрезвычайно неприятное событие, то виновны все. На наши тела, которые, во всяком случае, мы не ненавидим, мы налагаем руки. Родители, если противоречат детям, и неприятны и ненавистны; напротив, когда нас награждают подарками, когда мы возвращаемся со множеством наград, то кто может терпеть нас, кто может сдержать наш боевой задор? У воинов и негодование, и радость не имеет меры и т. д.»[78]

9. Существует и такой замечательный прием — обращать обвинение, как стрелы, против самого обвинителя. И этого можно достичь трояким путем. Во-первых, приписанный нам проступок отнести к самому обвинителю и подкрепить это верными доводами; во-вторых, когда будет много обвинений или много доводов в пользу одного обвинения, то опровержение будет успешным, если на основании одного обвинения, как бы несомненного, обнаруживается, что другое обвинение является ложным. И этот вид опровержения подобен указанному нами в пункте 6. Например, когда Филоту[79] обвинили в подражании самовластию тирана и, кроме того, ему же поставили в вину пренебрежительное отношение к родине, потому что он пренебрегал македонским языком и обычаями, то он искусно опроверг одно

---

[77] **Аминта — Аминта IV** (Ἀμύντας Δ`; ум. 336 до н. э.) — сын Пердикки III, друг Филота, предположительно, македонский царь в 360/359–357/356 до н. э., обвиненный в заговоре Александром Македонским (см.: Curt. Lib. VII. Cap. 1, 19–40).

[78] **Нам, царь …не имеет меры и т. д.** См.: Curt. Lib. VII. Cap. 1, 22–24.

[79] **Филота** (Φίλωτας, Filotas; ум. 330 до н. э.) — сын Пармениона, участник заговора против Александра Македонского.

обвинение на основании другого (у Курция, кн. VI): «Меня обвиняют в пренебрежительном отношении к кругу товарищей, говорящих на родном языке, в том, что я отвергаю македонские обычаи: так я домогаюсь власти, которой пренебрегаю».[80] В-третьих, превосходным использованием доводов противника для их опровержения будет, если мы покажем тем самым, чем противник доказывал истинность, либо ложность обвинений, либо их невозможность или ненужность. Ведь так мы будем искусно защищаться как бы мечом противника, который должен был нас поразить, и, наоборот, уничтожать самого противника его же оружием. Так, известный евангельский управитель, раздававший, как говорится в евангелии, слугам таланты, когда один из слуг, получивший один талант, не принес никакой прибыли и, оправдываясь суровостью господина, сказал: «Ты жнешь, где не сеял и т. д.» и сам этот довод извинения обратил в обвинительный довод.[81] Так, святой Иоанн Златоуст в слове к народу «В защиту Евтропия», который раньше был человеком бесчестным и жестоким, однако в несчастье прибегнул к защите церкви — и можно было поставить оратору в вину, что он сам раньше боролся против церкви, а потом прибегнул к ее защите; — это противоречие святой Златоуст удивительным образом опровергает такими словами (в слове «В защиту Евтропия»):[82]

«Ты говоришь, что нашел убежище в церкви тот, который постоянно враждовал против нее; но потому особенно нужно прославлять Бога, что Он попустил противнику церкви впасть в такую крайность, что тот познал и силу, и человеколюбие церкви: — силу — в том, что за вражду против нее он потерпел такое несчастье, а человеколюбие — в том, что она после всех его притеснений покрывает его теперь щитом, взяла его под свои крылья и поставила вне всякой опасности, не вспомнив ни о чем из прежнего, но открыв ему свои недра с великой любовью. Для церкви это самый славный трофей; это ее блестящая победа; это посрамляет язычников, это пристыжает иудеев. В этом с новым блеском проявилось величие церкви: взяв в плен врага, она не только щадит его, но, когда все оставляют его одиноким и презренным, она одна, как нежно любящая мать, скрыла его под своим покровом и стала против царского гнева, против ярости народа и против невыразимой ненависти. Это украшение алтаря».[83]

---

[80] **Меня обвиняют … пренебрегаю.** См.: Curt. Lib. VI, Cap. 10: 23.

[81] **Известный евангельский управитель сказал: «Ты жнешь, где не сеял и т. д.» сам этот довод извинения обратил в обвинительный довод.** Притча о талантах. См.: Мф. 25: 24.

[82] **В защиту Евтропия.** См. примеч. 226 к кн. I.

[83] **Потому… украшение алтаря.** См.: Joh. Chrys. Homilia in Eutropium eunuchum: 3.

10. Но, безусловно, самым замечательным опровержением из всех является то, когда то, что выставляется причиной нашего позора, мы считаем украшением и славой, доказывая, что преступление с точки зрения противника является для нас великой доблестью, заслугой, славным, почетным и достойным похвалы деянием. Такое опровержение не только оправдывает, но даже украшает обвиняемого.

Александру ставили в вину его большие заботы о побежденных персах. Он же считал, что это приносит ему славу (Курций кн. VIII, гл. 8): «Но то, что побежденные нами персы у меня в большом почете, является самым верным доказательством моей умеренности, так как я даже по отношению к побежденным не проявляю властной надменности».[84] Аякс избил Улисса за то, что тот тайно и ночью строил козни врагам (Овидий, «Метаморфозы», кн. XIII):

Улисс свои пусть расскажет —
Им ведь свидетелей нет, о них только ведомо ночи.[85]

Эти слова Улисс обратил себе во славу:

Как похитил я лик храмовой фригийской Минервы
Из середины врагов. Так со мной ли равняться Аяксу?
Ведь возбраняет судьба без него и Трое быть взятой.
Где же храбрый Аякс? Где же мужа великого речи
Пышные? Чем же ты тут устрашен? Почему же дерзает
Стражу Улисс проходить и ночи себя доверяет.[86]

ГЛАВА VII

ОБЪЯСНЯЮТСЯ ДИЛЕММА И ИНДУКЦИЯ — ГЛАВНЫЕ СПОСОБЫ АРГУМЕНТАЦИИ ПРИ ОПРОВЕРЖЕНИИ; ДАЛЕЕ ДАЕТСЯ РАСПОЛОЖЕНИЕ ДОВОДОВ ПРИ ОПРОВЕРЖЕНИИ, ЗАТЕМ ПРИЛАГАЮТСЯ ПРИМЕРЫ ОПРОВЕРЖЕНИЯ

Доводы, служащие для опровержения, можно излагать в одинаковых формах с теми, в которых изложены доводы обосновывающие, как, например, в виде силлогизма, энтимемы, эпихиремы и т. д., о которых сказано в книге II. Есть, однако, два особых способа доказательства — дилемма и индукция, которые хотя и сами могут служить для обоснования, однако применяются

[84] **Но то, что побежденные нами персы … надменности.** См.: Curt. Lib. VIII, Cap. 8: 10.
[85] **Улисс … ведомо ночи.** См.: Ovid. Met. XIII: 15. Пер. А. А. Фета.
[86] **Как похитил … доверяет.** См.: Ovid. Met. XIII: 335–342. Пер. А. А. Фета.

главным образом при опровержении. Поэтому они, кажется, справедливо требуют себе здесь места.

1. Итак, дилемма есть доказательство, в котором из двух противоположных высказываний выводится заключение, соответствующее обоим высказываниям. Например, известная дилемма у Цицерона в речи «В защиту Марцелла». Приведу ее здесь своими словами. Цезарь утверждал, что многие строят против него козни, Цицерон опровергает это такой дилеммой: «Друзья ли твои строят против тебя козни или недруги? Не друзья: ведь невероятно, чтобы это делали те, которые от тебя получили великие милости. И не враги, потому что одни пали, другие же, спасенные тобой, стали твоими друзьями в благодарность за то, что ты пощадил их жизнь. Поэтому нет у тебя ни какого врага, ни козподея».[87]

Здесь, как видишь, выводится следствие из двух противоположных отвергнутых положений: друзья — недруги, что никто не строит козни. Это доказательство называется «рогатым силлогизмом», потому что оно поражает противника с обеих сторон: справа и слева.

2. Возникать же дилемма может следующим образом: смотри, является ли положение, которое ты собираешься защищать, главным и какое [положение] допускает разделение на несколько частей. Ведь из такого положения может возникнуть дилемма, как, например, в вышеупомянутой дилемме: «Никто не строит против тебя, Гай Цезарь, козней»; далее раздели это главное положение на две или три части; например, «никто» подразделяю на «друзей и недругов»; а затем прими эти части за большую посылку. Это обычно делается двояким способом: или путем вопроса (как было в вышеуказанной дилемме), или с помощью разделительных частиц: «или», «либо» и т. д. За меньшую посылку прими каждую упомянутую часть и подкрепи особым обоснованием. Наконец, в виде заключения поставь само положение, которое собираешься доказывать. С другой стороны, ты можешь, опустив большую посылку, начинать с меньшей. Например, если бы я сказал: «Ни друзья тебе не строят козней, так как и т. д., ни недруги и т. д.», и тогда энтимему можно назвать рогатой.

3. Обрати усиленное внимание на то, что упомянутые две или больше частей следует брать таким образом, чтобы кроме них не оставалось больше никакой части, иначе дилемма будет смешной. Например, если бы Цицерон сказал: «Кто тебе строит козни? Не народные ли трибуны или, может быть, военные трибуны?» Из этой дилеммы можно сделать только смехо-

[87] **…известная дилемма у Цицерона в речи «В защиту Марцелла». «Друзья ли твои строят против тебя козни или недруги? … козноделя».** См.: Cic. Marc. 21.

творное заключение: ведь после трибунов остается еще сенат и народ, которые могут строить Цезарю козни.

4. Индукция есть доказательство, которое на основании частных положений, приведенных в достаточном количестве, выводит общее положение. Например, если ты захочешь утверждать, что следует ненавидеть сторонников еретиков, то перечисли части этого общего положения. Эти части двоякие: одни свойственны общему положению: например, те, кто сочувствует лютеранам, кто придерживается арианства и т. д.; другие же не свойственны, но похожи; например, сторонники врагов государства, сторонники наших врагов, разбойников и т. д. Перечислив эти части и приняв их как бы за предпосылку, ты приведешь то положение, которое требуется доказать. Следовательно, надо ненавидеть сторонников еретиков. Такое доказательство называется сократическим, так как Сократ, как говорят, многократно его применял и оно встречается зачастую у его ученика Платона.[88]

5. Заметь, что индукция встречается у диалектиков, когда на основании частных положений доказывается общее. Однако ораторы не придерживаются этого правила. Ведь они обычно выводят также умело частное положение из многих частных того же или подобного рода. Превосходной нам представляется следующая индукция у Эпиктета[89], который был замечательным стоическим философом; с помощью этой [индукции] он доказывает необходимость стойко переносить то, чему мы не удивляемся, если случается с другими: «Можно узнать замысел природы из бесспорных положений. Например, если соседский раб разобьет чашу или какой-нибудь другой предмет, то у нас наготове выражение: «Так обычно бывает». Знай же, если и твоя [чаша] разобьется, то ты должен вести себя так же, как ты вел себя, когда разбивалась чужая. Так перенеси этот случай на более важное событие: у другого человека умер сын или жена. Всякий скажет: «Это свойственно людям»; если же это случится с ним самим, то он тотчас скажет: «Увы мне, о, я несчастный». Следовало бы помнить, какое впечатление на нас производит, когда мы что-либо подобное слышим о других» (Эпиктет в «Руководстве», гл. XXXIII).[90]

---

[88] **Такое доказательство называется сократическим, так как Сократ, как говорят, многократно его применял…** Аристотель пишет, что индуктивные доказательства начал использовать Сократ (см.: Arist. Metaph. XIII 4.1078 b 17–32).

[89] **Эпиктет** (Ἐπίκτητος; ок. 50–138) — древнегреческий философ, стоик. В записях его ученика Флавия Арриана (Flavius Arrianus, ок. 86 — ок. 160 гг.), историка и географа, сохранились два трактата: «Беседы» (Διατριβαί) и «Руководство» (Ἐγχειρίδιον), известное как «Руководство Эпиктета» и чрезвычайно популярное в средневековье у философов и богословов.

[90] **Можно узнать замысел природы… сын или жена.** См.: Arr. Epict. XXVI.

Искусная индукция у святого Киприана в слове «Против языческих кумиров»,[91] где он доказывает необходимость существования единого Бога. Он говорит: «Для единодержавия Божия возьмем пример и от предметов земных. Начиналось ли когда совместное царствование верностью, или оканчивалось ли оно без кровопролития? Так нарушено родство у фиванцев, так римских близнецов, которых носила вместе одна утроба, не могло вместить одно царство. Помпей и Цезарь были родственниками и, однако, не сохранили естественного союза из-за ревности к власти. Да и неудивительно видеть это в людях, когда то же замечается в природе. Одна царица у пчел, один вожак в стадах, один предводитель в табунах. Тем более один есть правитель мира, который все сущее располагает разумом, совершает [своей] силой».[92]

6. Форма индукции имеет значение главным образом для доводов от подобного или взятая из примера, как это ясно при рассмотрении. Теперь изложу вкратце наши соображения о диспозиции доводов при опровержении.

Прием диспозиции доводов при опровержении.

1. Во-первых, имей в виду, что здесь разумеется двоякий ряд доводов. Первый — это тот, которые выставляет противник, второй же [ряд] тех доводов, с помощью которых мы опровергаем обвинение. Итак, рассмотри, одно ли или много выставлено обвинений. Если их много, сперва надо опровергать то, которое окажется самым тяжелым; более легкие относим в середину или в конец. Ведь легче, [сначала] победив более сильного врага, [затем] подавить слабейшего.

2. Поэтому если выдвигается одно обвинение, то ты увидишь, доказывает ли его противник одним или многими доводами, и если многими, то и тебе надо применить тот же прием. Т. е. подобно тому, как обвинение, так и доводы против нас, которые окажутся более сильными, одинаково следует опровергать в первую очередь.

3. Поэтому если противник станет доказывать обвинение или что-либо противоречащее нашим интересам каким-либо одним доводом, то ты должен просмотреть план твоей речи, которую ты приготовил для опровержений, имея в виду, собираешься ли ты сам опровергать одно это обвинение с помощью одного или многих доводов. Ведь если ты будешь пользоваться

---

[91] **…у святого Киприана в слове «Против языческих кумиров...»** Киприан Карфагенский. «Книга о суете идолов» (Liber de idolorum vanitate). Thascius Caecilus Cyprianus (ум. 258) — епископ Карфагенский и латинский богослов, автор трактатов «К Донату» (Ad Donatum), «Три книги доказательств для Квирина» (Ad Quirinum testimoniorum libri III), «О единстве Церкви» (De catholicae ecclesiae unitate) и др.

[92] **Для единодержавия… силой.** Cypr. Liber de idolorum vanitate, VIII.

одним доводом, то расположение легко: изложив это обвинение, ты, словно таран, тотчас выкинешь твой довод; чтобы придать ему большую мощь, следует подкрепить его другими приемами и амплификациями и усилить путем применения подходящих фигур.

4. Поэтому если ты нашел много доводов для возражения, то затем следует применить тот способ расположения, который мы установили для диспозиции доводов обосновывающих, т. е. первое место должны занимать доводы надежные или внушительные, менее сильные — среднее, последнее же — самые мощные.

5. Основание для такой разнообразной диспозиции в том, что при опровержении наши доводы должны усиливаться, доводы же противника, выражающие противоположный взгляд, ослабевать и постепенно уничтожаться.

6. Можно спросить, каким образом само опровержение (состоит ли оно также из одной или из многих частей) следует располагать вместе с обоснованием? Опровержение ли или обоснование должно занимать первое место? На это я отвечаю: способ располагать опровержение троякий. Во-первых, как только увидишь, что слушатели способны понимать и слушать, то сначала ты должен обосновать тему, а затем будешь опровергать доводы противника.

Во-вторых, если ты заметишь, что слушатели держатся взглядов противника, и притом в силу известных доводов, которые им внушены, то во что бы то ни стало сначала следует разбить доводы противника, а затем обосновывать твое положение. Ведь как же иначе ты сможешь внушить им свое мнение, если не уничтожишь до возражения доводы противника? В-третьих, с другой стороны, нередко является возможность даже в середине обоснования (где бы тебе ни пришлось встретиться с противоположным мнением) применить опровержение и уничтожить довод противника. Но этот прием допустим лишь тогда, когда обвинение менее основательно и серьезно либо, на твой взгляд, его можно опровергнуть в немногих словах. Иногда же вся речь будет состоять целиком из одного опровержения.

ГЛАВА VIII

ИЗЛАГАЮТСЯ ПРИМЕРЫ ОПРОВЕРЖЕНИЯ

Примеры опровержений можешь видеть во всех защитительных речах Цицерона, затем в искуснейших декламациях Фабия Квинтилиана, а также у историков, в особенности же у Саллюстия, Тита Ливия[93] и Курция они весьма убедительны.

[93] **У Тита Ливия и Курция.** См. примеч. 50 и 57 к кн. I.

И поэты достойны хвалы за это искусное опровержение.

В особенности, однако, с этой целью следует читать трагиков. Я считал бы необходимым для всех выписать и изучить превосходную речь Улисса, в которой он отвечает Аяксу (у Овидия, кн. XIII «Метаморфоз»).[94] Но здесь я даю и кое-что другое.

1. Паламед опроверг выставленное против него Улиссом обвинение в измене, будто он, подкупленный золотом, присланным ему Приамом, царем Троянским, замышлял предать троянцам дело греков.[95] Каузин извлек его речь из Горгия Леонтинского.[96]

«Для измены необходимо какое-нибудь начало, и это начало — переговоры; ведь доказательство тайных замыслов — речь. Но каким способом могли бы происходить между нами переговоры без встречи? Какая же могла быть встреча, если ни я к нему, ни сам он ко мне никогда не приходил и письмо от нас туда и обратно без гонца не могло быть послано? Но представь себе нашу встречу, представь даже взаимные переговоры. Как же разговаривал грек с варваром? Как он мог говорить и слушать? Или, может быть, один на один? Но нет у нас никакого общего языка. А может быть, какие-нибудь переговоры были через переводчика? Тогда ты ставишь нам третье лицо свидетелем того, что особенно следовало хранить в тайне. Но могли произойти переговоры, которые все же не произошли: нам следовало дать взаимные заверения. И что это за заверения? Ты скажешь: клятва? Кто же мне, изменнику, поверит даже под клятвой? Может быть, были даны заложники? Какие? Брат у меня один, кроме него — никого, кого бы я мог отдать, не возбудив у вас подозрений, и от врага не мог взять сына или какого-нибудь родственника. Хорошо, — говорит, — измена куплена за деньги и совершена. За большую ли сумму денег или за малую? Но столь великая измена требовала бы немалой суммы, а для передачи больших денег нужно было бы столь много [людей] сделать свидетелями заговора. Тем не менее я хотел бы знать об этих людях: принесли ли они деньги днем или ночью? Ночью много разных караулов, которых даже муха не может избежать. Полагаю, что днем, но свет мешает таким преступлениям. Пусть и это так! Хотя нелепо и несправедливо допущение: во вражеский лагерь я проник, деньги взял, или они мне были доставлены врагом; как же я мог, следовательно, скрыться от окружающего войска и от множества глаз? А ну-ка, как я скрыл

---

[94] **…превосходную речь Улисса, в которой он отвечает Аяксу (у Овидия, кн. XIII «Метаморфоз»).** См.: Ovid. Met. XIII: 125–380.

[95] **Паламед… дело греков.** См. примеч. 98 к кн. II.

[96] **Каузин извлек его речь из Горгия Леонтинского: «Для измены необходимо… как золотые статуи».** Caus. De El. Lib. I, cap. XVII. См. примеч. 36–37 к кн. I.

эти деньги, о которых ты говоришь, каким образом их сохранил? На что употребил? Сумел ли скрыться? Может быть, оставил закопанными в земле? Тогда они были бы совершенно бесполезны. Допустим, однако, все твои предположения, хотя они и весьма бессмысленны: мы встретились, переговорили, деньги я получил, скрыл, спрятал. Нужно было — и это самое главное — совершить измену. Это не дело, как вы знаете, одного человека. Со мной вступили в договор другие. Кто же? Рабы или свободные? Если кто-нибудь из вас, сколько бы вас ни было свободных, узнал об этом, донес бы судьям. Следовательно, мне помогали рабы? Ненадежные это помощники, милостивые Боги, и недостаточно действенные. Что же из этого следует? Неужели я с отрядом рабов предал тысячу кораблей? «Других, — говоришь, — ты мог привести?» Трудно найти более сильных, чем вы, но откуда бы я мог привести их? Каким образом я их впустил? Через ворота? Ключи у ваших начальников, и они их хранят весьма бдительно. С помощью лестниц? Где? Все укрепления окружены воинами. Может быть, говорит он, я проломал стену? И тогда совершенно невероятно, чтобы караулы спокойно взирали на меня, как медные истуканы».

2. [Пример] из первой декламации Фабия Квинтилиана,[97] содержание которой таково. Некто, имея слепого сына, которого он сделал наследником, ввел сыну [в дом] мачеху, а юношу удалил в отдаленную часть дома. Через несколько времени отец был убит и на следующий день найден лежащим в постели, причем в рану был вонзен меч сына. На стене же спальни сына были найдены следы окровавленной ладони отца. Мачеха обвиняет слепого в отцеубийстве, сына защищает Квинтилиан. Из его речи я беру одну часть, в которой доказывается невозможность отцеубийства по причине слепоты сына.

«Слепой замыслил отцеубийство? Вместе с кем? Чьим глазам он доверился, собираясь идти через весь дом? Кого мог выбрать проводником тот, который один находился в своей спальне? Сам с собой, думаю, сам с собой он размышлял об этом. Для него достаточно: он говорит с человеком весьма решительным. Зачем же он ищет товарища в сообщники? Все может знать товарищ; во-первых, когда наступит ночь, затем тщательно наблюдать, спит ли вся челядь; [далее] неуверенно сделать несколько шагов, поворачивая во все стороны встревоженное от страха лицо. О, сколь мало помогают в страхе даже сами глаза! Так он говорил сам с собой. Конечно, я хочу убить

---

[97] **…из первой декламации Фабия Квинтилиана.** Два сборника декламаций («Старшие декламации» (Declamationes maiores) и «Младшие декламации» (Declamationes minores), долгое время было принято приписывать Квинтилиану. ФП имеет в виду «Declamationes XIX maiores Quintiliano falso ascriptae».

отца, но кого отыщут эти руки? Может быть, выйду один ночью, но куда пойду? Ты думаешь, мы живем в смежных комнатах? Середина дома находится между комнатами отца и сына. Сколько пространства, чтобы заблудиться, как много времени для задержки, невозможно измерить! Слепота безрассудная, что делаешь? [А если] не хватит времени ночью? А что если оба не спят? А что если мачеха не спит? Ну вот, найду порог, сниму без шума крюк, войду в спальню спящего, убью отдыхающего отца. Достаточно будет одного удара, и мачеха не проснется, и выйду безопасно, вернусь так, что никто не узнает. Таковы были его желания, но слепой не доверился бы своим глазам, даже если глубокая ночь и позволила бы ему преступление».[98]

ГЛАВА IX

О ЗАКЛЮЧЕНИИ

1. Заключение есть последняя часть речи или искусно построенное ее завершение. Так говорит Цицерон в I книге «Об изобретении».[99] Поэтому обрати должное внимание на то, что не только не надо пренебрегать строением этой части, но, пожалуй, здесь-то особенно необходимо искусство, т. е. чтобы плохой конец не опорочил даже прекрасных по качеству предшествующих [частей] речи.

2. Итак, следует знать, что заключение состоит из двух частей: из повторения главных пунктов речи и возбуждения чувств;[100] иногда первая часть опускается. Ведь повторение главных пунктов сказанного имеет значение главным образом как вспомогательное средство для памяти слушателей, чтобы слова оратора глубже запечатлелись, и вновь воскресло случайно выпавшее из памяти. Такое повторение не следует применять, если речь краткая, либо слова оратора представляются легко понятными. Это для всякого ясно на примере многих речей Цицерона и почти всех речей историков.

3. Повторение главных пунктов в особенности должно отличаться двумя достоинствами: должно быть кратким и не лишенным искусства, его сле-

---

[98] **Слепой замыслил отцеубийство … преступление.** Quint. Decl. I: 7.

[99] **Заключение есть… Так говорит Цицерон в I книге «Об изобретении».** Ссылаясь на Цицерона (Cic. Inv. I: 98), ФП, однако, не использует его описание трех основных элементов заключения.

[100] **…заключение состоит из двух частей: из повторения главных пунктов речи и возбуждения чувств.** Quint. Inst. Lib. VI. Cap. 1.

дует сочинять по известным правилам, заранее обдумав план. Т. е. мы не должны всегда говорить, что мы сказали о том, о сем; ведь это порождает скуку и отвращение. Тем не менее следует подумать о том, чтобы повторить слушателям наши слова как нечто новое, неожиданное, необычным способом, вызывающим удивление; а это будет в особенности тогда, когда мы употребим какую-нибудь блестящую риторическую фигуру вроде вопроса, олицетворения и т. д.

Послушаем, однако, как всегда, искусное рассуждение об этом предмете Фабия Квинтилиана: «В заключении то, что повторяем, следует говорить как можно более кратко; как явствует из греческого [его] названия, следует коснуться главных пунктов. Ведь если задерживаться на нем, то выйдет уже не перечисление частей, а как бы другая речь; с другой стороны, то, что подлежит повторению, надо повторять с некоторой силой; для этого нужны подходящие мысли и в особенности разнообразие, достигаемое с помощью фигур. Впрочем, нет ничего несноснее простого повторения, как бы не доверяющего памяти судей. Существует множество таких оборотов; наилучший образец дает Цицерон [в речи] «Против Верреса»: 1. «Да если бы твой отец сам был твоим судьей, что бы он мог сказать на это доказательство, и затем дает перечисление доказательств; 2. или когда он же [в другом месте] против него же, призывая богов, перечисляет храмы, ограбленные претором.[101] 3. [оратор] может и сделать остановку, как бы для того, чтобы вспомнить, не ускользнуло ли от нас что-либо, и что ответят противники на тот или иной довод, или какая надежда остается еще у противника, после того как он уже разбит по всем пунктам. 4. Но наиболее приятное впечатление производит, если удается взять какой-нибудь довод у самого противника; например, если скажешь: «Он оставил эту часть дела»; или: «Он предпочел сокрушить [нас], вызвав ненависть [против нас]»; или: «Он прибегнул к просьбам, и по заслугам, так как знал то-то и то-то». Но не следует продолжать дальше эти отдельные примеры, чтобы вы не подумали, что эти фигуры повторения ограничиваются только теми, которые я мог бы сейчас назвать, между тем как они могут изменяться соответственно случаям, по роду дел, соответственно высказываниям противников и в силу других случайных обстоятельств. Не следует только пересказывать наши доводы, но надо также заставлять противника отвечать на некоторые из них. Но это следует делать, если есть время на ответ и, в особенности, если наши возражения нельзя опровергнуть».[102] До сих пор слова Фабия.

---

[101] **В заключении… опровергнуть.** Quint. Inst. Lib. VI: I, 1–6.

[102] **Он оставил… опровергнуть.** Quint. Inst. Lib. VI: IV, 12–14.

Это наставление, как кажется, закончено. Четыре номера пунктов не принадлежат автору, а прибавлены нами. Хотя, как заявляет сам Квинтилиан, видов перечисления весьма много, однако он приводит только упомянутые четыре в качестве образца для начинающего оратора.[103]

5. Вторая часть заключения состоит, как мы указали, в возбуждении страстей, и здесь-то оратору, главным образом, нужно проявить упомянутое третье свойство, т. е. [умение] возбуждать чувства. Хотя можно распределить страсти по всей речи, но все же здесь (в заключении) для них особое место, когда мы, подкрепив основную тему доводами и достаточно доказав дело, побуждаем слушателей что-либо предпринять или чего-либо избегать и т. д. Ведь таким способом убеждение будет более верным, если при этом мы заставляем слушателей не только соглашаться, но даже до некоторой степени подчиняться нам.

6. Впрочем, следует внушать те и такие чувства, которые относятся к делу и как бы служат ему самому обоснованием. Так, в показательном роде красноречия слушателю можно внушать либо радость, либо любовь к восхваляемому предмету или лицу, или скорбь и ненависть к порицаемому либо к подражанию. В судебном роде при обвинении обычно внушают судьям гнев, ненависть, негодование, при защите — наоборот, призываем к милосердию. Но в [речах] совещательного рода возбуждаем и надежду, и желание достигнуть блага, и страх противоположного исхода, и другие чувства. Ведь недостаточно, особенно в советовательном роде, показать, что то, что мы советуем, полезно и прекрасно, если мы также не сумеем побудить слушателя каким-нибудь способом этого достигнуть. Выслушай же мнение по этому предмету Августина в IV книге «Об учении христианском»: «Если, — говорит он, — у слушателей надо, скорее, вызывать чувства, чем их учить, чтобы они не потеряли силу для того дела, с которым они уже знакомы, и свое одобрение выражали делами, которые они признают истинными, то для этого нужна речь более мощная. Там необходимы просьбы, упреки, побуждения, сдерживание и все другие средства, имеющие силу для возбуждения страстей».[104]

Из каких источников и каким образом надо черпать эти чувства, будет показано в книге V.

7. Способ располагать доводы, возбуждающие чувства, тот же самый, который, как мы сказали, необходимо применять при обосновании. Однако

---

[103] **…как заявляет сам Квинтилиан, видов перечисления… много…** Quint. Inst. Lib. VI: I, 8.

[104] **Августина в IV книге «Об учении христианском»: «Если слушателям… имеющие силу».** Aug. DC. IV: 6.

чаще и безопаснее всего развитие идет от менее сильных [доводов] к более сильным, так что [сила] их, по-видимому, все больше и больше растет, подобно пламени пожара. И в самом конце следует поместить какую-нибудь замечательную мысль, вызывающую удивление, неожиданную, памятную для окончания дела, и наиболее подходящую для возбуждения чувств слушателя.

Этого достаточно о расположении; осталось сказать, каким образом надо высказывать изобретенный и расположенный материал.

Хвала Богу.

КНИГА IV

О СТИЛЕ

Риторически обработанный и изящный стиль настолько необходим оратору (хотя бы он был весьма разносторонне образован), что без этого никто не заслуживает звания оратора. При отсутствии изящного стиля изобретение доводов и искусное их расположение будет бесполезным: блекнут чувства, доводы становятся холодными, амплификация — сухой; притупляется тонкость, не улыбается остроумие и изящество, вся речь [выглядит] скудной и бесцветной, и ползет по земле, и кажется даже совершенно мертвой. Поэтому вовсе не следует слушать тех, кто под предлогом святой простоты, а на самом деле избегая благородного труда и мастерства, полагает, что христианскому оратору меньше следует заботиться об изяществе речи.

Насколько такое суждение нелепо, можно видеть на примере их самих: как только эти люди начинают рассуждать о предметах важных и божественных, то речь их становится по-деревенски неуклюжей и кажется, что они рассказывают в мастерской побасенки ремесленникам; настолько пренебрежение стилем искажает значение предметов. Но, чтобы выразить словами похвалы стилю, [я скажу], что только от него (что ясно каждому) получил свое имя и красноречивый оратор, и само искусство красноречия.

Стиль заключается в умении выражать изысканными словами и изящными периодами то, что мы остроумно изобрели и вдумчиво расположили в определенном порядке. Чтобы преуспеть в этом, оратор должен соблюдать следующие четыре правила, именно: разумеется, говорить по-латыни, ясно, в красивой форме и с тактом.

О каждом из этих правил скажем отдельно, но сначала рассмотрим перечень глав.

Главы книги IV.

Глава III. О ритмической речи и прежде всего о том, каким образом то, что можно высказать кратко, излагают в пространных выражениях.

Глава IV. О периодах и прежде всего о том, что такое период, сколько видов периодов и каковы его части.

Глава V. О стройности периода и прежде всего о том, что следует усматривать в отдельных колонах.

Глава VI. О стройности периода, которую можно рассмотреть в сочетании колонов.

Глава VII. Каково применение речи периодической, разделенной на колоны и разрубленной на отдельные звенья, и каким образом эти части должны соединяться и чередоваться друг с другом.

Глава VIII. О фигурах, служащих для поучения.

Глава IX. О фигурах, способствующих услаждению.

Глава X. О фигурах, относящихся к возбуждению чувств.

Глава XI. О применении фигур с точки зрения трех типов речи.

Глава XII. О способах говорить с тактом.

ГЛАВА I

ЧТО ЗНАЧИТ «ГОВОРИТЬ ПО-ЛАТЫНИ»

Не думай, что выражение «латинская речь» содержит только искусство красноречия в пределах латинского языка: на каком бы языке ни говорил оратор, он должен придерживаться чистого, употребительного и родного этому языку слога. Ведь подобно тому, как Цицерон во II книге «Об ораторе» называет лучший способ красноречия Latine dicere,[1] так Аристотель в I книге «Риторики» (гл. 3) считает таковым ἑλληνίζειν, т. е. умение правильно говорить по-гречески.[2] Отсюда ясно, что понятие стиля ограничивается стилем, принадлежащим и естественным для языка, на котором пишется речь.

Существуют четыре правила, которые надо соблюдать в любом языке, чтобы не допустить погрешности против самого языка: во-первых, свойства отдельных слов; во-вторых, их построение; в-третьих, особое качество языка или пользование родной речью; в-четвертых, правильное произношение.

Что касается отдельных слов латинской речи, то следует старательно избегать употребления в ней иных слов, кроме латинских, за исключением

---

[1] **…оратор… должен придерживаться чистого, употребительного и родного этому языку слога**. Cic. De Orat. III: 38.

[2] **Аристотель в I книге «Риторики», гл. 3 считает таковым… умение правильно говорить по-гречески.** Arist. Rh. Кн. III. Гл. V.

только тех (особенно греческих), которые использовались античными авторами и вследствие долгого употребления укоренились у римлян, словно получив права гражданства. Таковы многие греческие слова, которые перешли к латинянам вместе с искусствами и науками; кроме того, не следует отвергать и слова, проникшие на Запад вместе с распространением веры Христовой (которая раньше появилась на Востоке и сначала также научилась говорить по-гречески), например: *христианин, православный, католик, ангел, апостол, евангелие, евангелист, церковь* и т. д. То же самое следует полагать относительно некоторых еврейских слов, как-то: *херувим, серафим, Саваоф* и т. д. Ведь некоторые новые писатели с таким благоговением предавались изучению латыни, что поистине доходили до смешного, боясь упоминания церковных выражений. Так поступал в особенности Христофор Лонголий,[3] который церковь называет *республикой*, апостолов — *дуодецемвирами*.[4] Однако за этими исключениями все другие слова, как греческие, так и иностранные, не следует вносить в латинскую речь. Такой обычай столь нерушимо соблюдался древними римлянами, что, по сообщению Светония, Тиберий Цезарь[5] просит у сената извинения, прежде чем произнести [слово] *монополия*.[6] Сказанное мною о языке латинском понимай относительно всякого другого языка.

2. Что же касается строения слов, то оратор в особенности позаботится, чтобы не натолкнуться на подводные скалы в грамматиках: я имею в виду варваризм и солецизм. Ведь как отвратителен будет у оратора недостаток, который порицаем даже у юношей! Однако некоторые грецизмы или известные греческие конструкции иногда допустимы у историков, как и у поэтов; например, Гораций в III книге, ода 13.

Ты будешь также принадлежать к числу знаменитых источников.[7]

---

[3] **Христофор Лонголий** — Кристоф де Лонгей (Christophorus Longolius, Christophe de Longueil; 1490–1522), родом из Бельгии; гуманист, филолог и юрист.

[4] **Так поступал… Христофор Лонголий…** Умение Лонголия имитировать стиль Цицерона ФП упоминает в «Поэтике» (С. 384), однако без негативной оценки. Отношение к подражателям Цицерона — вопрос, обсуждавшийся Эразмом Роттердамским (см.: «Ciceronianus») и Скалигером (см.: Oratio pro Cicerone contra Erasmum).

[5] **Тиберий Цезарь** — Тиберий Клавдий Нерон, Тиберий Цезарь Август, сын Божественного Августа, Великий Понтифик (Tiberius Julius Caesar Augustus; Tiberius Claudius Nero, 42 до н. э. — 37 н. э.) — римский император, в правление которого (по Библии) был распят Иисус Христос.

[6] **…Тиберий Цезарь просит у сената извинения, прежде чем произнести [слово] «монополия»…** Suet. De Vita Caes. Lib. III: 71.

[7] **Ты будешь также принадлежать к числу знаменитых источников.** Hor. Carm. III: 13.

И Вергилий в IV книге «Энеиды»:

Переменна всегда и различна женщина.[8]

Так и Курций в VII книге: «Разбросав повсюду тела в чащах и по диким скалам».[9] Однако такие выражения едва ли допустимы у ораторов.

Но главным образом следует обратить внимание на своеобразие латинского стиля, т. е. на то, какие слова с какими могут сочетаться и каково значение этих сочетаний. А это своеобразие заключается не только в одном строении, но в некотором особом способе и порядке сочетания, который свойственен родной речи, причем соединенные таким способом слова в одном языке зачастую имеют некоторое остроумное значение, чего в другом языке не будет; если одинаковые слова сочетаются в том же порядке, например, такие: «quod bene vertat», когда мы усиленно просим; «nomen dare militiae» — «стать воином»; «cordi alicui esse», т. е. «быть предметом его заботы»; «cor habere» вместо «быть рассудительным»; «habere nasum» вместо «быть проницательным на догадки»; «male vel bene audire» , вместо «иметь хорошую или дурную славу», «imponere alicui» вместо «обманывать кого-нибудь» и другие бесчисленные выражения. Если эти выражения перевести [буквально] на родной язык, то получится смешная бессмыслица.

Сколько людей страдает таким недостатком, даже не перечислить: ведь зачастую они выражение родного языка переводят по-латыни буквально и сочиняют речь, которую даже сам Ромул не признал бы латинской. Поэтому, во избежание этого [недостатка], следует приобретать подлинное знание слов, пословиц, идиом родного языка. А этого можно достигнуть только путем внимательного чтения древних авторов. Такими следует считать писателей, процветавших в Италии вплоть до эпохи Тиберия Цезаря.[10] Ведь после этого времени чистота и блеск латинского языка начали портиться.

С другой стороны, если кто стремится к полному знанию латинского языка, чтобы разбираться во всяком предмете, то пусть он читает авторов по специальным вопросам. Именно: слова военные и все выражения по во-

---

[8] **Переменна всегда и различна женщина.** Verg. A. IV: 567–569. См. примеч. 33 к кн. II.

[9] **Так и Курций в I книге: «Разбросав повсюду тела в чащах и по диким скалам».** Курций Руф. История Александра Македонского. Цитата в тексте не найдена.

[10] **…писателей, процветавших в Италии… до эпохи Тиберия Цезаря.** «Золотым веком» римской литературы считается эпоха Августа (Вергилий, Гораций, Проперций, Тибулл и др.).

енному делу можно найти у Тита Ливия,[11] Саллюстия,[12] Юстина,[13] Цезаря,[14] Курция[15] и других древних историков, но, главным образом, у Вегеция, который сочинил руководство по военному искусству.[16] Выражения, относящиеся к земледелию и сельскому хозяйству, можно заимствовать у Колумеллы и Варрона,[17] медицинские — у Цельза,[18] по архитектуре — у Витрувия;[19] все прочие слова — из книг Марка Туллия Цицерона. Кроме того, Альд Мануций,[20] Иоанн Фосс,[21] Адриан Кардинал[22] и прочие новейшие авторы написали весьма полезные книги для начинающих ораторов о характере и изяществе латинского языка.

4. Подлинное произношение латинского языка уже погибло: ведь ему обучаются от матерей, и оно процветает в своем отечестве; вместе с гибелью отечества оно само погибает; иноземцы не владеют им в совершенстве. Поэтому, когда латинский язык в Италии совершенно вышел из употребления (особенно после вторжения варварства с приходом вандалов, лангобардов и готов) и остался только в литературе, вместе с этим исчезло и правильное произношение слов: ведь теперь у разных народов различное произноше-

---

[11] **Тит Ливий.** См. примеч. 50 к кн. I.

[12] **Саллюстий.** См. примеч. 229 к кн. I.

[13] **Юстин.** См. примеч. 243 к кн. I.

[14] **Цезарь.** См. примеч. 235–236 к кн. I.

[15] **Курций.** См. примеч. 57 к кн. I.

[16] **у Вегеция, который сочинил руководство по военному искусству.** См. примеч. 192 к кн. I.

[17] **…у Колумеллы и Варрона.** См. примеч. 190 к кн. I.

[18] **Цельз** — Авл Корнелий Цельз (Aulus Cornelius Celsus, ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.) — римский ученый эпохи Тиберия, врач, философ, составитель энциклопедии «Artes», часть которой (трактат в 8 кн. «De Medicina») имеет в виду ФП. Цельза называли «Цицероном среди врачей» за чистоту языка.

[19] **Витрувий.** См. примеч. 191 к кн. I.

[20] **Альд Мануций** — Альд Мануций Старший (Aldo Manuzio; Aldus Pius Manutius 1449–1515) — итальянский гуманист, издатель греческих и латинских классиков, объединивший в «Новую Академию» ученых, которые готовили критические издания древних текстов.

[21] **Иоанн Фосс** — Иоганн Герхард Фосс (Gerardus Johannes Vossius; 1577–1649) — нидерландский гуманист, богослов, филолог. Вероятно, ФП имеет в виду труды Фосса «Aristarchus sive de arte grammatica», «De vitiis sermonis et glossematis latino-barbaris», «Etymologicum latinae linguae».

[22] **Адриан Кардинал** — Адриан VI (Hadrianus PP. VI; 1459–1523) — папа римский, доктор богословия, преподавал в университете Лёвена, автор «Quaestiones in quartum sententiarum praesertim circa sacramenta» и «Quaestiones quodlibeticae XII». Возможно, ФП имеет в виду «Commentarius sive Expositiones in Proverbia Salomonis».

ние.[23] И хотя Юст Липсий[24] в книжке, посвященной этому вопросу, пытается восстановить древнее произношение, тем не менее чье-либо произношение, отличное от общепринятого, даже если оно и правильное, вызовет смех, поэтому следует сохранять отеческий обычай и произносить латинские слова по способу тех, с которыми ты живешь вместе.

Впрочем, следует тщательно соблюдать количество, которое одно только твердо установлено; а этого можно достичь главным образом путем чтения поэтов и сочинением стихов. Что касается произношения прочих языков ныне живущих народов, то наилучшим следует считать то, которое одобряют все люди, говорящие на этом языке. Доказательство этого можно получить также от всех людей, даже против их воли, которые неправильно произносят слова родной речи, хотя они сами в письмах и других писаниях никогда не применяют этого своего [неправильного] произношения. И это известно из ежедневного опыта, поэтому они молчаливо признают свое плохое произношение.

Но так как всякий язык портится от соседства с другими, поэтому обычно наилучшее произношение сохраняется в тех городах, которые расположены в центре страны. Сюда относится и понимание того обстоятельства, следует ли вставлять в речь на одном языке неизмененные слова или целые фразы из другого языка.

В посланиях и беседах я считаю это позволительным, что явствует из примера Цицерона, который нередко пересыпает свои послания (в особенности к Аттику) греческими словечками.[25] В речи же и в историческом рассказе этого вовсе не следует делать, так как примеров употребления греческих

---

[23] **…когда латинский язык в Италии совершенно вышел из употребления (особенно после вторжения варварства с приходом вандалов, лангобардов и готов).** ФП преувеличивает пагубное влияние германских племен на латинский язык в V в. и далее, в период формирования варварских государств. Он не считает вульгарную латынь настоящей латынью.

[24] **Юст Липсий в книжке, посвященной этому вопросу, пытается восстановить древнее произношение.** ФП имеет в виду книгу: *Lipsius J.* De recta pronunciatione latinae linguae. Leyden, 1568. P. 5, 22. См. также примеч. 233 к кн. I.

[25] **…явствует из примера Цицерона, который нередко пересыпает свои послания (в особенности к Аттику) греческими словечками.** Мнение ФП не совсем справедливо: в трактате «Academica» (I: 25) Цицерон пишет, что слова, обозначающие понятия, созданные греческой культурой, должно писать по-гречески. Много греческих заимствований не только в посланиях к Аттику, но и в «Бруте», и в «Ораторе», и в речах против Верреса и др. См.: *Гарник А. В.* Виды греческих заимствований у Цицерона // Філалагічныя штудыі = Studia philologica. Вып. 8. Мінск, 2015. С. 12–18.

слов не сохранилось. Впрочем, и в посланиях следует употреблять не любые иностранные слова и выражения, а только заимствованные у какого-нибудь писателя или имеющие значение пословицы, да и то весьма редко.

Не поверишь даже, до чего кишит подобными недостатками красноречие у поляков! Они, по-видимому, полагают искусство красноречия только в одном том, чтобы набивать свою речь как можно большим числом латинских, итальянских, французских и других иностранных слов. Если кто поступает иначе, того они поднимают на смех как невежду, хотя сами смешны. Поэтому большинство из них сочиняет речи, которые нельзя назвать ни латинскими, ни польскими; ведь даже среди самих поляков люди подлинно образованные сильно донимают насмешками этих глупых болтунов, называя их не красноречивыми (чего те сами домогаются), но полуварварами и осквернителями языка. Вот тебе суждение об этом весьма искусного переводчика с латинского и польского языков иезуита Григория Кнапия.[26] Во введении к своей «Сокровищнице» он так говорит о каком-то писателе, который находил удовольствие в такого рода красноречии:

«Он так соединяет латинские и польские слова, испорченные и искаженные чуждыми окончаниями, что речь его непонятна ни латинянину, ни поляку. Таковы известные его слова: «Если бы кто-нибудь *avisatus* захотел *rem publicam* возмутить, чтобы *suis locis* были помещены *simplici* не *fucato corde*. *Accessia dignitatum, constitutions*, отвергнутые, *re* принятыми бывают. Они еще более *exesperabantur*, считая этих *animusze* за *hostes patriae*. А если бы он был *adeo fortis*, тогда бы *viciniores capitaneatus* должны были выступить. *Praesentes*, тут находящиеся, избрали послов от воеводства на сейм *coronationis*, чтобы подпасть под *externum militem*». Такие и множество подобных выражений ты прочтешь у какого-нибудь знаменитого писателя. Похожие выражения употребляют и немало других писателей, которые сами они считают очень красивыми, хотя на самом деле это вычурные и весьма темные выражения. Так, например, известные выражения: *do tey dignitatem, na tey dignitate*. Как глупо! Как невыносимо слышать! Может быть, ты счел бы менее глупым: *do tey dignitati, na te dignitacie*, если бы ты не знал, что *dignitatem* переводится *godność*. И это выражения тех, кто считает себя в ла-

---

[26] **Григорий Кнапий —** Григорий Кнапский (Grzegorz Knapski, Knapiusz, Cnapius; 1564–1638) польский математик, теолог, ритор, лексикограф, противник макаронизации польского языка. Составитель «Польско-латино-греческой Сокровищницы» («Thesaurus polono-latino-graecus seu promtuarum linguae latinae et graecae Polonorum usui accomodatum». Kraków, 1621). Словарь Кнапского был хорошо известен в России в XVII–XVIII вв.

тинском языке Туллиями, в польском Кохановскими[27], а на деле являются полуварварами и осквернителями обоих языков».[28] Таковы его слова.

Поистине удивительно, что авторитет такого человека и тяжкие плоды его ночных бдений до сих пор вовсе не пошли на пользу просвещения его соотечественников! [И это понятно], так как все их храмы, все места их собраний и судов даже и теперь оглашаются такими нелепицами.

Причина этого недостатка в том, что многие из них, в особенности из числа полуневежд, пытаются таким способом выдать себя за красноречивых ораторов и знающих языки. Так как им удалось убедить в этом невежественную толпу, то и молодежь они также развращают своим примером; так подлинное красноречие мало-помалу увядает. Поэтому такие люди достойны осмеяния как невежды и совершенно чуждые искусству красноречия: ведь они не понимают, что это самый пагубный и вредный недостаток для оратора.

ГЛАВА II

ЧТО ЗНАЧИТ ГОВОРИТЬ ЯСНО

Говорить ясно — то же самое, что понятно. Разумеется, слова оратора должны быть легко понятны слушателю и соблюдать это наставление не является столь замечательным достоинством, сколько отвратителен недостаток — его нарушение.

Ведь если риторика есть искусство хорошо говорить, то что же менее соответствует этому искусству, чем речь вовсе непонятная. Ведь это не значит говорить хорошо, а не сказать ничего. Какая великая глупость — желать говорить и не желать, чтобы тебя понимали! Не стоит распространяться подробно об этом недостатке, так как он не только находится в явном противоречии с авторитетом самых выдающихся древних авторов, писавших на обоих языках, не только с общим учением всех писавших об этом искусстве, но и с самим разумом.

Однако среди новых писателей существует много таких, которым этот недостаток настолько по сердцу, что считается достоинством, и такие люди,

---

[27] **Кохановский** — Ян Кохановский (Jan Kochanowski; 1530–1584) — первый великий национальный поэт Польши (Pieśni, Fraszki, Psałterz Dawidów, Treny); писал на латинском и польском языках.

[28] **Если бы кто-нибудь… языков.** См.: *Knapski G.* Thesaurus polono-latino-graecus… T. 1. S. 3 nlb.

пожалуй, только из-за этого одного и восхищаются Луканом[29] и Тацитом, Цицерона же и Вергилия осуждают за то, что слог у них ясный и прозрачный, а у первых слишком туманный.[30] Эти люди так же, как и те, которым мы высказали порицание в предшествующей главе, обманываются «видимостью истины». Ведь они утверждают, что ясная и понятная речь является грубой, хотя, напротив, со своей стороны они болтают такой вздор с единственной целью, чтобы не показаться невежественными. Ведь выбалтывая пустые и ничего не значащие или даже смешные мысли, эти люди обволакивают их словесным туманом для того, чтобы не обнаружить, каковы они на деле. Ведь подобно тому, как мы обычно закутываем и укрываем обезображенные язвами части тела, так и они, как бы в сознании своей негодности, скрывают гнилые мыслишки под темным покрывалом слов. Но если пороки желают быть скрытыми, то достоинство, напротив, радуется зрителю.

И нам не должно мешать глупое суждение о них невежд, которые, слушая кого-либо и ничего не понимая, считают таких людей мудрыми и речи их непонятными для себя по причине глубокого и тонкого смысла. Или если какой-нибудь из таких невежд скажет, что не понял слов человека, которого, как он видит, все хвалят, то он, конечно, боится, как бы его одного не обвинили в глупости. С другой стороны, каждый, опасаясь взаимно по отношению к себе такой критики со стороны другого, зачастую одобряет то, чего не знает. У Иеронима читаем, как святой Григорий Назианзин остроумно высмеивал такое суждение толпы: в послании к Непотиану Иероним говорит об отличии подлинного красноречия от ложного:

«Не хочу, чтобы ты был декламатором, болтуном и бессмысленным пустозвоном, но сведущим в таинствах и просвещенным в святынях твоего Бога. Бегло произносить слова и скоростью речи вызывать к себе удивление непросвещенной толпы — дело людей неученых. А тертый лоб понимает часто и то, чего не знает, и когда убеждает других, то и сам также присваивает себе знания. Когда я как-то попросил моего учителя Григория Назианзина

---

[29] **Лукан** — Марк Анней Лукан (Marcus Annaeus Lucanus; 39–65) — римский поэт, эпик, автор незавершенной поэмы «Фарсалия, или О гражданской войне» («Bellum civile sive Pharsalia»).

[30] **…восхищаются Луканом и Тацитом, Цицерона же и Вергилия осуждают за то, что слог у них ясный и прозрачный, а у первых слишком туманный.** ФП имеет в виду общее место — противопоставление «нового» стиля (Лукан, Сенека, Ювенал) стилю классиков: «Как эпос Лукана противостоит эпосу Вергилия, так проза Сенеки противостоит прозе Цицерона, сатира Персия — сатире Горация, и так же, по-видимому, трагедии Сенеки противостояли трагедиям Вария, а лирика Цезия Басса — лирике Горация» (История римской литературы / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1962. Т. 2. С. 7).

объяснить, что означает у Луки выражение суббота второ-первая,[31] он остроумно пошутил: «Я тебе объясню это, сказал он, в церкви, где ты у меня помимо воли от криков всей толпы будешь принужден знать то, чего не знаешь. А если ты, во всяком случае, один промолчишь, то тебя одного все обвинят в глупости». Ведь нет ничего легче, как обмануть бойким языком жалкую чернь и невежественную толпу, которая больше удивляется всему, что ей непонятно». До сих пор слова Иеронима.[32]

Поэтому если кто-нибудь упорно и упрямо настаивает, что неясно говорящий красноречив, то в таком случае человека немого, по их мнению, следует считать самым красноречивым. Следовательно, необходимо усердно стараться, чтобы никакой туман не застилал речи, но чтобы она была ясной, понятной, прозрачной и приспособленной к [уровню] понимания слушателей, а это случится (как говорит Красс у Цицерона), если мы будем применять слова общеупотребительные, избегать двусмысленностей, вводить фразы, скромные по размерам, не будем разрывать мысли и расстраивать порядка диспозиции, наконец, если мы прямо дадим обоснование главной темы нашей речи.

Кроме того, не думай, что речь достаточно ясна, если ты сам ее понимаешь. Ведь после долгого и глубокого обдумывания даже самый темный предмет покажется тебе ясным. Поэтому не довольствуйся в этом деле собственным суждением, но стань на чужую точку зрения и тщательно поразмысли: что было бы, если бы твою речь говорил не сам ты, а тебе пришлось слушать ее из уст другого, мог ли бы ты сам тогда ее легко понять? Если ты не будешь соблюдать этого наставления, то с трудом избежишь такого недостатка и вместе с тем подвергнешься насмешке, которую Марк Туллий допустил по отношению к трибуну Руллу в речи «Об аграрном законе». По словам Цицерона, Рулл изложил свой закон в столь неясной форме, что «более сообразительные на сходке стали подозревать, что он хочет сказать что-то о каком-то аграрном законе».[33]

---

[31] **…что значит «суббота второ-первая»…** ФП имеет в виду проблему толкования цитаты: «В субботу, первую по втором дне Пасхи, случилось Ему проходить засеянными полями…» (Лк. 6: 1). В греческом переводе этот день назван δευτεροπρώτῳ. Толкования считаются гипотетическими: Златоуст и Епифаний под «второ-первой» субботой понимают субботу, предшествующую Пасхе, Скалигер понимал под «второ-первой субботой» вторую после Пасхи, но первую после первого дня опресноков. См.: Евангелие от Луки // Толковая библия, или Комментарий на все книги Св. писания Ветхого и Нового Завета. Т. 9. Евангелие от Марка, Луки и Иоанна / Изд. преемников А. П. Лопухина. СПб., 1912. Гл. 6. С. 164–172.

[32] **Не хочу, чтобы ты был декламатором… непонятно.** Hieron. Ep. 60. (Ad Nepotianum presbyterum) 8.

[33] **Рулл изложил свой закон в столь неясной форме, что «более сообразительные… законе».** См.: Cic. Agr. (contra Rullum II): 13.

ГЛАВА III

О РИТМИЧЕСКОЙ РЕЧИ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ ТО, ЧТО МОЖНО ВЫСКАЗАТЬ КРАТКО, ИЗЛАГАЮТ В ПРОСТРАННЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ

Мы сказали уже о [правильном] латинском и ясном слоге, остается сказать о риторически украшенном стиле, в чем и заключается величайшая похвала для оратора.

Ведь если оратор произнес речь правильно по-латыни и ясно, то он избежал недостатка, а не приобрел достоинства; напротив, если он говорил, применяя украшения, то, по-видимому, он достоин величайшей хвалы за свое искусство.

Украшение речи зависит от следующих двух условий: от ритма и внушительности или красоты. Ритм налицо, когда мысль излагается в стольких и таких [необыкновенных] словах, что не только уму, но и ушам слушателей доставляет успокоение.

Внушительность же усматривается как бы в некоторого рода оттенках окраски слов и мыслей, что греки называют schemata, а мы — фигурами. О них мы скажем впоследствии, а теперь пойдет речь о ритмической речи.

1. Первое условие наличия ритмической речи в том, что она должна изобиловать словами, выбранными в соответствии с потребностью содержания, так как речь может быть размеренной только в силу изобилия слов. Ведь у нас идет речь не о всяком ритме, но только о том, который ласкает и чарует уши. Ласкает же уши, когда они воспринимают что-либо не меньше и не больше того, что сами желают, и пленяются, если слышится что-либо созвучное, не резкое и не громоздкое. Это совершается в [известном] порядке.

2. Мера и порядок слов заключаются в периодах, колонах и отдельных звеньях, о чем речь пойдет ниже. Здесь мы вкратце отметим изобилие или остановимся на том, каким образом мысли, которые можно выразить в немногих словах, излагают более пространно. Ведь мы должны сначала отыскивать изобилие слов, а потом заботиться о мере.

3. Но, прежде всего, следует знать, что всякое предложение, которое диалектики называют основной темой, имеет две особые части: подлежащее, или тот предмет, о чем идет речь, и сказуемое, или то, что говорится о подлежащем, например, в следующем предложении: «Ничего не происходит без участия промысла Божия», подлежащее есть «промысел Божий», потому что о нем идет речь; сказуемое же — «ничего не происходит», потому что это говорится о промысле, то есть что ничего без его участия не происходит. Из этих частей предложения либо обе, либо одну можно распростра-

нить. Существуют, главным образом, четыре источника такого распространения: определение, перечисление, синонимия, дополнения. О каждом из них скажем в отдельности.

4. Первый способ распространения получается, если придать подлежащему и сказуемому одно или несколько определений. Это легко осуществить, если мы рассмотрим причину, результат и цель предмета, который желательно определить, или даже прибавим взятое по аналогии в переносном смысле название предмета.

Так, например, приведенное выше предложение можно выразить так: «Ничего не происходит без участия Божьего промысла, управляющего миром». Так, Цицерон «В защиту Милона», хотя мог бы сказать кратко «мы видим пожар курии», так распространил свою мысль путем определений слова «курия»: «Мы видим храм нравственной чистоты, величия, политической мудрости, государственного совета, главное здание города, прибежище союзников, прибежище всех народов, местопребывание, предоставленное всем римским народом одному сословию, подожжен, объят пламенем, осквернен».[34]

5. Мысль распространяется путем перечисления нескольких частей или видов подлежащего и сказуемого. Таким способом вышеуказанное предложение можно развить: никакое изменение в природе, никакая перемена судьбы, никакое событие на земле или на небе не может произойти без участия промысла Божия. Так, Цицерон в речи «За Росция Америйского» следующим образом развил предложение: «Все имеем от Бога»: «Блага, которыми мы пользуемся, дневной свет, которым живем, воздух, которым мы дышим, — все это мы считаем даром Божьим и милостью».[35] Здесь обрати внимание: при распространении предложения не следует перечислять все части целого или виды рода (как это обычно бывает при изобретении довода путем перечисления частей), но достаточно привести несколько более заметных.

6. Синонимия является весьма изобильным источником, из которого мы черпаем слова для развития предложения, если, разумеется, мы распространяем теми или другими словами подлежащее, или сказуемое, или какой-либо член, к ним примыкающий. Однако нас не должно соблазнять стремление нагромождать слова, совершенно тождественные по значению (ведь это будет недостатком излишества); [следует выискивать такие слова], которые либо исправляют, либо усиливают прежние. Так, вышеприведенное предложение можно распространить: «Ничто не может произойти, со-

---

[34] **Мы видим храм… осквернен.** Cic. Mil. 90.

[35] **Блага… милостью.** Cic. S. Rosc. 131.

вершиться, начаться или возникнуть без воли, произволения, повеления божественного провидения». Так и Цицерон, хотя мог сказать: «Мы изгнали Катилину из города», во II речи «Против Катилины» сказал весьма распространенно: «Наконец-то, квириты, удалось мне Л. Катилину — как он ни неистовствовал в своей бешеной отваге, как ни дышал злобой, как ни стремился погубить свое отечество своими нечестивыми деяниями, как ни угрожал вам и нашему городу мечом и огнем, — удалось мне его изгнать из города, или выпустить, или почтить напутственной речью при его добровольном уходе. Он ушел, удалился, умчался, исчез».[36]

Здесь можно при рассмотрении заметить не только простую синонимию, но даже некоторое пополнение в словах.

7. Но, безусловно, самым обильным источником распространения предложения являются дополнения, содержащиеся в следующем стишке: «Кто, что, где, посредством чего, почему, каким образом, когда?»[37]

Ведь из этих дополнений слова, обозначающие место, время, образ действий и другие, собранные в единую фразу, могут придать ей весьма важное значение. Следует иметь в виду только два следующих замечания: во-первых, надо выбирать только те слова, которые придают мысли большую ясность или силу, иначе они будут излишни; во-вторых, из числа дополнений можно брать не только имена существительные, но также прилагательные, глаголы, причастия и наречия. Вышеприведенное предложение с помощью нескольких дополнений можно распространить в таком роде: «Ничто на земле, на небе, в воздушной стихии, ничто из того, что люди замышляют, хотя бы они трудились над осуществлением своих замыслов с величайшим старанием и усилиями, не может быть завершено без произволения промысла Божьего».[38] Также Цицерон в III речи «Против Катилины» следующий период («Вы видите, квириты, республика спасена») распространил при помощи дополнения таким образом: «Государство наше, Квириты, а с ним и жизнь каждого из вас, ваше имущество, ваши жены и дети, а равно и это средоточие сложнейшей в мире державы, наш счастливый и прекрасный город сегодня, благодаря великой любви к вам бессмертных Богов, ценой моих трудов, заботы и опасности, спасены от резни и пожаров, вырваны, можно сказать, из пасти Рока и в полной сохранности возвращены вам».[39]

---

[36] **Наконец-то, квириты… Он ушел, удалился, умчался, исчез.** Cic. Cat. II, 1: 1.

[37] **Кто… когда?** См. примеч. 25 к кн. II.

[38] **Ничто на земле… промысла Божьего.** Общее место. Возможно, восходит к: Афинагор Афинский. О воскресении мертвых.

[39] **Государство наше… возвращены вам.** Cic. Catil. III I, 1.

8. Заметь, во-первых, одна фраза состоит из одного простого предложения, а другая — из многих. Следовательно, сколько предложений, столько же будет и распространений.

9. Заметь, во-вторых, не всякое предложение можно развить всеми способами распространения; следует рассмотреть, какой способ в основном подходит для какого предложения. Таким образом, одно предложение лучше развивать при помощи определений, другое — путем перечисления, а третье — другим способом.

10. Заметь, в-третьих, мы можем даже в одном предложении, которое надо распространить, применять много способов, например, подлежащее распространять через определение, сказуемое — путем перечисления и дополнения, так или иначе, в зависимости от существа дела.

11. Заметь, в-четвертых, часто также амплификация предмета соединяется с распространением слов, как это ясно из приведенных выше примеров из Цицерона. И то распространение слов следует считать отличным, которое вместе с тем и амплифицирует предмет.

ГЛАВА IV

О ПЕРИОДАХ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ТОМ, ЧТО ТАКОЕ ПЕРИОД, СКОЛЬКО ВИДОВ ПЕРИОДОВ И КАКОВЫ ЕГО ЧАСТИ

Все лучшие наставники красноречия считают особенно необходимым для оратора иметь представление о ритме и сочетании слов, так как ритмическая речь доставляет большое наслаждение и с великой силой трогает сердца. И фраза, лишенная подобной связи слов и мыслей, не может иметь столь великой силы и мощи и с трудом найдет доступ к душе, потому что тотчас же наталкивается в ушах как бы на некоторое [задерживающее] преддверие. Поэтому ученые и искусные речи многих, лишенные, по-видимому, недостатков, все же не всегда нравятся. Часто слушатель не понимает, в чем недостаток этой речи, но если кто-либо разберет ее по всем правилам искусства, то обнаружит отсутствие ритма, строения [периодов] и правильного сочетания слов. Так, зачастую мы с удивлением замечаем в кушаньях, недостаточно приправленных солью, отсутствие вкуса, хотя, по-видимому, налицо все, что производит вкусовое ощущение. Ведь рассматривая все более важные части речи, мы, разумеется, обращаем меньше внимания на то, что представляется менее значительным. Поэтому пусть риторы также старательно и внимательно изучают это искусство, и пусть они не завидуют легкому способу приобрести красноречие у тех, которые, хотя и коснулись

поверхностно, как говорится, одними губами, некоторых частей ораторского искусства, всеми же прочими его частями гнушаются, относясь одинаково с высокомерным безразличием, и поистине смешно полагают, что они сами, лениво похрапывая, смогут за несколько дней стать отличными ораторами.

1. Прежде всего, следует отметить двойной характер строения размеренной речи: речь связанную и речь несвязанную. Связанной называется та речь, которая течет периодами, т. е. обладает словесным ритмом и связью мысли, построенной по определенному правилу. Несвязанная же речь — та, которая хотя и не лишена особого, ей свойственного ритма, и однако не связана периодами; это происходит в зависимости от различной потребности содержания. Для того чтобы хорошо познакомиться с этими двумя видами речи, следует знать, что представляет собой отдельное звено, колон, что такое период и сколько бывает видов периодов.

2. Звено, по-гречески comma, есть самая мелкая часть речи, обладающая некоторым смыслом. Говорится «самая мелкая», потому что она состоит иногда из одного слога, но не должна превышать десяти слогов; говорится «обладающая некоторым смыслом», потому что иногда является частью периода или колона и в таком случае имеет смысл или несовершенный, или даже совершенный, но незаконченный. Например, «хотя я опасаюсь, судьи». Иногда звено заключает в себе сам [колон] и тогда имеет совершенный и законченный смысл. Примером может служить речь Цицерона «В защиту Планка», построенная по отдельным звеньям: «Велико твое могущество, далеко простирается твой авторитет, много у тебя друзей, много преданных, много доброжелателей твоей славы».[40]

3. Колон по-гречески, по-латыни член (колено), есть часть речи, выраженная словами и имеющая некоторый смысл. «Выраженная словами» говорится, потому что содержит большее количество слов; ведь он может состоять больше чем из двадцати слогов. Если колон содержит меньше десяти слогов, то это — не колон, а отдельное звено. Следовательно, колон отличается от звена только числом слогов. «Имеющая некоторый смысл» говорится на том же основании, почему то же самое говорилось о звене. Ведь иногда колон бывает частью периода и в таком случае имеет смысл совершенный, но не законченный; например: «Если те же успехи, которые достигает отвага в деревенской глуши». Иногда колон сам по себе заканчивает речь и в таком случае имеет вместе с тем совершенный и законченный смысл. Например, если вышеприведенный колон выражается так: «В деревенской глуши отвага может многого достигнуть».

---

[40] **Велико твое могущество… славы.** Цицерон «В защиту Планка». Cic. Planc. 55.

4. Колон бывает трояким: простой, состоящий из звеньев, и сложный, состоящий из колонов. Простой не содержит звеньев, каковым являлся вышеприведенный колон; сложный состоит из звеньев, когда в нем налицо звенья или коммы, как, например, знаменитый колон Цицерона: «Лоб, глаза, выражение лица очень часто лгут». Колон же, состоящий из колонов, тот, который до окончания прерывается каким-либо другим вставным колоном. Например, в этом двучленном периоде (в речи «за Росция Америйского) оба колона таковы: «Мне нет нужды знать, чья рука нанесла удар, раз я напал на след, по чьему наущению лишен был жизни убитый».[41] Пример члененой речи возьмем из речи «За Милона»: «Когда с тех пор успокоился тот его кинжал, который он унаследовал от Катилины? Он направлен был против нас, и я не допустил того, чтобы вы вместо меня были подвергнуты его ударам, он подстерегал Помпея, он же обагрил кровью умерщвленного Папирия эту пресловутую Аппиеву дорогу — его же фамильное сооружение. Он же долгое время спустя снова обратился против меня».[42]

5. Период по-гречески, по-латыни «круг» или «обвод», Аристотель определяет как «фразу, имеющую начало и конец, и размеры которой легко обозреть одним взглядом». Для понимания этого определения заметь, что всякий период состоит из двух частей — протасиса и аподосиса. Протасис есть то, что начинает фразу: выслушав его, [наша] способность восприятия приостанавливается в ожидании ее завершения. Аподосис есть само завершение фразы, которая заставляет успокаиваться [нашу] способность восприятия. Поэтому Аристотель говорит, что период есть фраза, начало которой, или протасис, и конец, или аподосис, видны. Это значит, что его можно охватить умом, а не глазами, и легко обозреть одним [внутренним] взором, т. е. понять одновременно. Ведь протасис и аподосис нельзя понять отдельно, но, как я сказал, ум, восприняв протасис, ожидает аподосис, при наступлении же аподосиса ум снова обращается к протасису, и, видя их взаимосвязь, воспринимает всю фразу как бы одним взглядом.[43] Например, в следующем периоде у Цицерона (в X «Филиппике»):

«Столь прекрасно возвращение свободы, что, обретая свободу, не следует избегать даже смерти»,[44] — протасис, — есть первый член «столь прекрасно» и т. д., аподосис — второй «что даже смерть» и т. д. Ни одну из этих частей нельзя понять отдельно, но, когда я слышу, что возвращение свободы столь прекрасно, я не перестаю слушать, ведь я понимаю, что за этим по-

---

[41] **Мне нет нужды знать… убитый.** Cic. S. Rosc. 97.

[42] **Когда с тех пор… сооружение.** Cic. Mil. 37.

[43] **Период …взглядом.** Пересказ определения Аристотеля (Arist. Rh. III. Cap. IX).

[44] **Столь прекрасно… смерти.** Cic. Phil. X: 20.

следует нечто важное, но смутно. Как только я усваиваю приведенный аподосис, т. е. «что даже смерть» и т. д., то я с большой легкостью обращаюсь к протасису: и тот и другой я созерцаю как бы одним [внутренним] взором. На этом основании фразе, построенной таким образом, присвоено название периода; у латинян она зовется «хождение вокруг», «окружность», «сочетание», «продолжение» и т. д.

6. Разнообразие периодов получается главным образом (опускаю подробности, которые по этому вопросу слишком педантично собрали ученые) в зависимости от числа членов. Поэтому одни периоды бывают периодами в собственном смысле, другие — в несобственном. Периодов в собственном смысле четыре: одночленный, имеющий один колон, двучленный — с двумя колонами и трехчленный — с тремя колонами, четырехчленный — с четырьмя колонами. О них заметь вкратце следующее:

7. Период одночленный, в отличие от простого колона, должен быть немного длиннее, и притом состоять из одного колона, но образованного из отдельных звеньев или из других колонов. Например, если сказать «не более тягостны иногда истязания палачей мучений от болезней», то будет колон. Период же получится, когда то же самое Цицерон в XI «Филиппике» так говорит с отдельным звеном: «Иногда истязания палачей не более тягостны, чем мучения от болезней».[45] Но об этом не следует слишком заботиться.

8. В двучленном периоде протасис содержится в одном колоне, аподосис — в другом, как, например, в знаменитой IV речи «Против Верреса»: «В течение трех лет он так вел себя в этой провинции, что объявил войну не только людям, но, как полагали, даже бессмертным богам».[46]

9. В трехчленном периоде за протасисом, выраженным одним колоном, следует аподосис, выраженный в остальных двух колонах, или наоборот: в двух колонах дан протасис, в третьем — аподосис. Пример первого расположения в IX «Филиппике»: «Я желал бы, чтобы бессмертные боги, отцы-сенаторы, сделали бы так, что мы лучше воздавали благодарность Сервию Сульпицию при жизни, чем добивались почестей для мертвого».[47] Пример второго в IV речи «Против Верреса»: «Когда увидел ее он, враг и губитель всех святынь, он тотчас, как будто богиня его ударила этим факелом, воспылал страстью и безумием».[48]

---

[45] **Иногда истязания… от болезней.** Cic. Phil. XI: 8.

[46] **В течение трех лет… богам.** Cic. Ver. II. 4: 72. Пер. В. О. Горенштейна.

[47] **Я желал бы… для мертвого.** Cic. Phil. IX: 1.

[48] **Когда увидел… безумием.** Cic. Ver. II. 4: 75. Пер. В. О. Горенштейна.

10. В четырехчленном [периоде] протасис может равным образом состоять из одного колона, а аподосис — из трех остальных или наоборот; или (что выходит более изящно и стройно), протасис может состоять из двух колонов, а аподосис — из двух остальных. Наиболее искусный образец такого периода находим в начале речи «В защиту Цецины»: «Если бы те же успехи, которые в деревенской глуши достигает отвага людей, могли быть одерживаемы и на форуме, в присутствии суда, их бессовестностью, — а Цецине пришлось бы также, несомненно, здесь, при разбирательстве своего дела, покориться бессовестности С. Эбуция, как он тогда, при самоуправстве, покорился его отваге».[49]

11. Обрати внимание также на то, что иногда один период или один колон таким образом следует за другим, что кажется только одним колоном или одним периодом. Это обычно делается с помощью фигуры зевгмы. Например: «Пусть соревнуется мое усердие с их страстностью, ваше бескорыстие с его деньгами, ваша твердость с угрозами и могуществом его покровителей». Здесь налицо три одночленных периода, как это ясно всякому при рассмотрении, но, однако, кажется, что один, так как все соединены одним глаголом «пусть соревнуется».[50]

12. Кроме того, период в собственном смысле не должен иметь слишком больших колонов, в особенности когда он четырехчленный, и не всегда в его колонах находим количество слогов, требуемое, как мы сказали, для колона. Ведь иногда период может состоять из колонов, выраженных отдельными звеньями, как, например, такой: «Если жизнь такова, то мы стремимся к другой».

13. Те же периоды, которые имеют больше четырех колонов или выражаются иным способом, чем мы до сих пор говорили, называются периодами несовершенными и носят особые названия. Здесь я приведу более замечательные из них, каковы: растянутый период, пневматический период, пневма, простой пневматический период, тасис. О каждом из них выслушай вкратце следующее.

14. Растянутый период (схенотен) есть колон или член длинный и растянутый, вроде натянутого каната, откуда он и получал свое название: ведь schoenos по-гречески означает «канат», строится он двояким способом: или посредством гипербата, путем вставок многих колонов, или нагромождения многочисленных отдельных звеньев; иначе он будет неправильный, например, во II речи «Против Рулла»: «Эта глава, квириты, безвозвратно

---

[49] **Если бы те же успехи… отваге.** Cic. Caec. I. 1. Пер. В. О. Горенштейна.

[50] **«Пусть соревнуется мое усердие… покровителей».** Источник не установлен.

поручает полной и неограниченной власти децемвиров все племена, народы, провинции и царства».[51]

15. Пневматический период бывает двучленным, трехчленным и четырехчленным. Он состоит, однако, из колонов, растянутых, как канат, и длинных, и называется пневматиком от слова pneuma, что значит дыхание, потому что приспосабливается к дыханию говорящего. Как, например, известный двучленный пневматический период в речи «Против Рулла»: «От первой до последней главы закона, квириты, все чаяния, все замыслы, все намерения законодателей направлены к тому, чтобы под предлогом и именем аграрного закона дать вам десять царей, подчиняя им казну, доходы, все провинции, все государство, все царства, все свободные народы, одним словом — всю вселенную».[52]

16. Пневмой называется разновидность фразы, содержащей одновременно много отдельных звеньев и колонов и простирающейся до того, пока может вынести дыхание и легкие говорящего. В этой фразе протасис гораздо длиннее аподосиса. Такова следующая пневма у Цицерона: «За Архия поэта»: «Прошу вас судьи, чтобы вы — если при столь великих талантах должно иметь значение не только человеческое, но и божеское одобрение — приняли под свое покровительство того, кто прославлял вас, ваших полководцев, кто обещает предать вечной славе угрожавшие недавно мне и вам внутренние опасности, кто принадлежит к числу людей, всегда и у всех считавшихся священными, — для того, чтобы лучше видно было, что он нашел поддержку в вашем человеколюбии, чем что он оскорблен вашей строгостью».[53]

От пневматического периода пневма отличается тем, что первый построен по правилу периода в собственном смысле, но только имеет растянутые колоны; последняя может состоять больше чем из четырех колонов, хотя эта разница мала.

17. Тасис отличается от пневмы только тем, что обычно бывает длиннее, чем, по-видимому, может вынести дыхание, и применяется для изображения величины предмета так же, как и сама пневма, и поэтому есть почти то же самое, что пневма.

18. Простой пневматический период до некоторой степени похож на период в собственном смысле, но не подчиняется его правилам: он может быть или действительно короче нормального [периода], когда не содержит должного числа слогов, или же может содержать более четырех колонов.

---

[51] **Эта глава… царства.** Cic. Agr. II, 39.

[52] **От первой… вселенную.** Cic. Agr. II, 15.

[53] **Прошу вас судьи… строгостью.** Cic. Arch. 31.

Все эти колоны, однако, как и в периоде в собственном смысле, взаимно связаны. В качестве примера возьмем начало речи «В защиту Милона»: «Хотя, пожалуй, стыдно и вовсе неприлично, судьи, что я начинаю ощущать робость, говоря в защиту доблестного мужа, так как Т. Анний сам больше озабочен благом государства, чем собственным спасением, а я не могу проявить в его деле равную неустрашимость, однако эта новая форма нового суда устрашает взоры: куда бы они ни устремились, нигде не находят обычного вида форума и прежнего порядка судопроизводства».[54]

ГЛАВА V

О СТРОЙНОСТИ ПЕРИОДА И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЕТ УСМАТРИВАТЬ В ОТДЕЛЬНЫХ КОЛОНАХ

Стройность периода следует усматривать как в отдельных колонах, так и в их соединении. В отдельных колонах надо обращать внимание на слова, которые можно рассматривать двояко: во-первых, каковы они сами по себе, во-вторых, как они соединяются друг с другом. Так, двояким будет и изучение слов, т. е. отдельных слов и слов взаимосвязанных.

1. Необходимо производить отбор отдельных слов, чтобы они были красивы, изысканны, полнозвучны, сладостны, полновесны. Красивые и изысканные — те слова, которые дают ясное значение, не затрудняют понимания, не двусмысленны и не темны. Затем такие слова, которые также наглядно представляют уму предметы, блистающие сиянием, как то: дневной свет, солнце, светила, безоблачность, блеск металлов, украшение одежд, зданий, пышность триумфов; или же если слова взяты в переносном смысле от предметов красивых, изящных, на которых отдыхают взоры и душа, и если мы избегаем всего низменного и дурного, обозначающего предметы недостойные.

2. Полнозвучные слова — те, которые изобилуют буквами более звучными; из согласных же более полнозвучные плавные, чем немые; из гласных *а*, *о*, *у*, сюда же относятся слова многосложные. Поэтому Цицерон называет более полнозвучными формы превосходной степени, чем формы положительной, и отглагольные существительные, чем первичные имена. Сильнее звучит *dominator, regnator*, чем *rex, dominus*.[55] Также более полно-

---

[54] **Хотя… судопроизводства.** Cic. Mil. 1.

[55] **Цицерон называет более полнозвучными… dominator, regnator, чем rex, dominus.** Обсуждение различий стилистики и семантики dominator и rex — общее место в риториках. См.: Cic. Rep. II: 47.

звучны сложные слова (*conesceleratissimus, excruciare, constuprare*), чем простые (*sceleratissimus, cruciare, stuprare*). Здесь, однако, нужно сделать два замечания: во-первых, чтобы сложное слово и простое имели одно и то же значение; ведь часто сложное слово имеет совершенно другое значение, например, *mergere* и *emergere*, во-вторых, чтобы сложное слово было употребительным и латинским, поэтому не говори *depraedico, transmordeo* и т. д., которые не встречаются у хороших авторов.

3. Наилучшим критерием для выбора полнозвучных слов является суждение на слух, хотя не следует рассматривать слишком тщательно в отдельности каждую гласную, согласную или количество слогов, например, в таких словах: *infandum dolorem*[56]. Однако, как только эти слова произнесены, нам слышится бряцание тимпана. Наконец, полнозвучными являются слова размеренные и услаждающие уши.

4. Здесь, однако, опять-таки берегись, как бы, поддавшись обманному звучанию слова, не допустить в число латинских слов какое-нибудь варварское или чужеземное, или же употребить слово неуместное. Ведь это стремление выдумывать новые слова привело многих ораторов к употреблению пресловутых слов: *parlamentum, belloarduum, cataracta* и других чудовищных слов, которыми они пачкают свои речи и терзают уши несчастных слушателей.

5. Полновесными словами называются те, которые обнаруживают большую силу хорошего или дурного предмета и создают некую энергию. Много таких слов можно видеть у Цицерона, когда он называет людей преступных за глупость *pecudes*, за сумасбродные выходки — *pestes* и *belluas*, как например, в начале IV речи «Против Верреса»: «Перехожу теперь к его… как бы мне выразиться? Сам он называет это своим излюбленным занятием, его друзья — слабостью или чудачеством, сицилийцы — разбоем. Что касается меня, то я затрудняюсь подыскать этому делу подходящее название. Изложу вам лучше его суть и попрошу вас оценить его по собственному весу, а не по весу названия».[57]

Здесь ты видишь содержание, подчеркнутое и полновесностью слов, и удивительным искусством исправления и усиления.

6. Сладостные слова — те, которые звучат, правда, слабее, но все же до некоторой степени приятно и без противного звона текут в ухо; они звучат, кажется, подобно журчанию воды, легко текущей по покатому склону. Сладостными мне кажутся такие слова из I книги «Истории» Тита Ливия

---

[56] **…infandum dolorem.** «Infandum, regina, jubes renovare dolorem». См.: Verg. A. II, 3–8. «Боль несказанную вновь испытать велишь мне, царица!» Пер. С. Ошерова.

[57] **Перехожу теперь... названия.** Cic. Ver. II. IV, 1.

о Ромуле и Реме: «Существует предание, что, когда плавающее корыто, на котором были выброшены мальчики, после спада воды осталось на сухом месте, жаждущая волчица, шедшая из окрестных гор, направилась на плач детей; она с такой кротостью припала к ним и кормила их грудью, что главный царский пастух нашел ее лижущей детей».[58]

Словами такой дивной сладости исполнены Тит Ливий,[59] Саллюстий, Цезарь, Курций и Цицерон,[60] особенно в «Посланиях к близким», в диалогах, в «Парадоксах», в «Тускуланских беседах» и в других местах.[61]

7. Здесь имей в виду, что сладостные слова или звуки не следует применять в любом месте, но только там, где это соответствует содержанию. Следовательно, в предметах важных, страшных, угасающих, поразительных и требующих возвышенного стиля следует применять звучные и полновесные слова; в предметах же заурядных и низменных — слова незначительные; в доводах уместны красивые и сладостные [слова]. Эти указания надо соблюдать и относительно отдельных слов.

Напротив, следует применять особый прием [в случае], когда эти же слова и звуки соединяются друг с другом. Здесь надо отметить некоторые недостатки и достоинства правильного порядка речи из Цицерона и других наставников красноречия.

Недостатки, которых следует избегать при расположении слов.

Цицерон перечисляет шесть [недостатков], которые оратор должен избегать при расположении слов.

1. Зияние гласных, то есть когда предшествующее слово оканчивается на гласную и следующее начинается с гласной, в особенности если гласная та же самая.[62] Например, *alma, aurea, antiqua, saecula*.[63]

2. Стечение свистящих согласных *s* и *x*, а также слогов, воспроизводящих подобный звук. Например, *rex Xerxes in ponto pontem ex navibus fecit*.[64]

3. Частое повторение одного и того же слова, если только того не требует какая-нибудь риторическая фигура, как например: анафора, удвоение, повторение того же слова в измененной форме и т. д. Или, если повторение

---

[58] **Существует предание… детей.** Liv. Ab Urbe condita. I, 4: 6. Пер. П. Адрианова.

[59] **Тит Ливий.** См. примеч. 50 к кн. I.

[60] **Курций.** См. примеч. 57 к кн. I.

[61] **Цицерон, особенно в «Посланиях к близким», в диалогах, в «Парадоксах»…** ФП имеет в виду Epistulae ad familiares и Paradoxa Stoicorum (Paradoxa ad M. Brutum).

[62] **Зияние гласных…** Пересказ. Cic. Orat. 77.

[63] **…alma, aurea, antiqua, saecula.** Ovid. Ars. II: 277.

[64] **…rex Xerxes in ponto pontem ex navibus fecit.** Источник не установлен.

бывает не серьезно, а ради шутки, что часто допускают поэты-эпиграмматисты, как, например, такое двустишие:

Если бы колокол Прокула был далеко от Прокула,
То теперь сам Прокул был бы далек от Прокула.[65]

4. Много гомеоптотонов, или слов с одинаковыми падежными окончаниями: *Ille suis obsecrationibus, lamentationibus pollicitationibus supplicationibus efficiet apud regem ut hanc legem laudabilem stabilem et immutabilem decernat*.[66]

5. Неправильный гипербат или нескладная перестановка слов; например, если бы цицероновский период выразить так: «Я обратил внимание, что вся речь на две части обвинителя разделена» (*animadverti omnem in duas divisam esse partes orationem accusatoris*).[67] Этот недостаток, по-видимому, является самым главным, когда слова, относящиеся друг к другу, отделены длинным промежутком или когда многие слова нарушают взаимный порядок расположения.

6. Итак, при перестановке надо обратить внимание на следующее: чтобы менять местами слова только с теми словами, с которыми они имеют более близкую и тесную связь по строению; и чтобы слова, относящиеся к подлежащему, не смешивались с теми, которые относятся к сказуемому. Так, Цицерон весьма изящно сказал: «Я обратил внимание, что вся речь обвинителя разделена на две части» (*animadverti omnem accusatoris orationem in duas divisam esse partes*). Здесь две инверсии: одна со стороны подлежащего — «вся речь обвинителя», другая со стороны сказуемого — «разделена на две части». Ведь «обвинителя» есть инверсия со стороны подлежащего, т. е. «речи», и с точки зрения грамматического строения находится ближе к нему, равным образом и [сочетание] «на две части» относится к сказуемому «разделена» и с ним связано в силу конструкции.[68]

7. Шестой недостаток — это длинные периоды, что делает речь темной и утомляет уши слушателей; поэтому если по необходимости требуется многословие, то слова надо произносить, объединяя в колоны, либо по отдельным звеньям.

---

[65] **Если бы колокол… от Прокула.** Скороговорка, сохранившаяся в мировой практике преподавания латыни до наших дней: Si procul a proculo proculi campana fuisset, nunc procul a proculo proculus ipse foret.

[66] **Ille suis obsecrationibus... decernat.** Источник не установлен.

[67] **…animadverti omnem in duas divisam esse partes orationem accusatoris…** Cic. Clu. I:1.

[68] **Я обратил внимание…** Ср.: Quint. Inst. IX. Cap. IV: 68.

8. Сюда можно прибавить седьмой недостаток — употребление большого числа рядом стоящих равносложных слов; это весьма вредит речи: ведь создается впечатление, что речь идет медленно, подскакивает, прихрамывает, и произнесение ее вызывает задержки и не течет плавно. Например, если скажешь: «Summum bonum solum vero nostrum deum singuli debemus vocere mortales».[69]

Достоинства правильного расположения слов.

В расположении слов весьма важно, какие слова ставить раньше, какие позднее.

1. Прежде всего, если мы амплифицируем речь, то более важные слова следует ставить после менее значительных; наоборот — при снижении, когда происходит спад. Например, во II «Филиппике»: «Когда все ждали, кто же будет столь нечестивым, столь безумным, столь враждебным богам и людям».[70]

2. Следует сохранять естественный порядок слов и внушительность содержания: лучше сказать день и ночь, чем ночь и день, восход и закат, мужчины и женщины, чем наоборот. II «Филиппика»: «О, ты несчастный, если понимаешь, несчастнее, если не понимаешь, что это записывают, это увековечивают, этого, повторяю, не забудет даже потомство во все века».[71]

3. Независимый аблатив следует ставить или в начале, или перед глаголом: «Глупые люди мучаются, помня о несчастьях, мудрые же наслаждаются, воскрешая в памяти прошлые блага» (*stulti malorum obversante memoria torquentur, sapientes bona praeterita renovata delectant*);[72] и это известное выражение из IV книги «Тускуланских бесед»: «Поняв суть, мы должны более искусно употреблять слова». (*Re intellecta in verborum usu faciles esse debemus*).[73]

4. Если независимому аблативу сопутствует много слов, причем так, что из них можно составить отдельное звено фразы, то историки искусно помещают этот оборот в конце периода. Таков, например, известный период из XXI книги Тита Ливия: «Чем упорнее они сражались плечом к плечу, тем больше было раненых, так как ни одна стрела не пролетала, не задев оружия или тела»[74] (*itaque quo acrius et confertim magis utrimque pugnabatur, eo plures volnerabantur nullo inter arma corporaque vano intercidente telo*).

---

[69] **Summum bonum solum vero nostrum deum singuli debemus vocere mortales.** Источник не установлен.

[70] **Когда все ждали… людям.** Cic. Phil. II: 64.

[71] **О, ты несчастный… во все века.** Cic. Phil. II: 54.

[72] **Глупые люди… блага.** Неточная цитата. См.: Cic. Fin. I: 57.

[73] **Поняв суть, мы должны более искусно употреблять слова.** ФП имеет в виду общее место: «Re intellecta in verborum usu faciles esse debemus». Cic. Fin. III: 52.

[74] **Чем упорнее… тела.** Liv. Ab urbe condita. XXI: 8.

5. Более изысканно, если двусложное прилагательное ставится после существительного с большим количеством слогов, например, Цицерон в I книге «О гадании»: «Считают, что пифагорейцам запрещено употреблять в пищу бобы, так как это вызывает сильное вздутие живота (*inflationem magnam*)».[75] Равным образом прилагательные, числительные, сравнительная и превосходная степени ставятся после. II «Филиппика»: «Он воспользовался услугами весьма несправедливого посредника (*intercessoris iniquissimi*)».[76] Сюда относится и прилагательное: «никакой»: «Ты не можешь оказать мне никакой большей услуги (*beneficium nullum*)».[77]

6. Прилагательное от существительного и фамильное имя от собственного имени весьма изящно отделяется от существительного положением: «Марка же Цетега и т. д.» (Цицерон «О знаменитых ораторах»).[78]

7. Сравнительную степень красиво помещать в начале и в конце периода: «Более подходит лошадь с узким крупом, если она к тому же бежит быстрее». (Квинтилиан).[79]

8. Определение, прибавленное в похвалу или порицание к имени собственному, лучше ставить впереди: «Столь великий охотник до тайн Демосфен».[80]

9. Местоимения «то» и «это», когда становятся относительными местоимениями, то «то» относится к ранее сказанному, «это» — к сказанному позднее.

10. Местоимение первичное ставится после причастия и иногда после имени прилагательного: «Пифагор хотел, чтобы его называли не мудрецом, как бывших до него, а искателем мудрости».[81]

---

[75] **…пифагорейцам… живота.** Cic. Div. II: 119.

[76] **Он воспользовался… посредника.** Cic. Phil. II: 3.

[77] **Ты не можешь оказать мне никакой большей услуги.** Источник цитаты не установлен.

[78] **Марк Цетег** — Марк Корнелий Цетег (Marcus Cornelius Cethegus; ок. 241–196 до н. э.) — римский политический и военный деятель, один из первых римских ораторов. См.: Cic. Brut. 57.

[79] **Более подходит лошадь с узким крупом, если она к тому же быстрее бежит**. Quint. Inst. Lib. VIII. Cap. III: 10.

[80] **Столь великий охотник до тайн Демосфен.** Возможно, ФП имеет в виду известный факт: тайно узнав о кончине Филиппа, Демосфен пришел в Совет и, не сказав ничего о Филиппе, сообщил, что видел сон, предвещающий удачу. См.: Plut. Vitae parallelae. Dem. 22.

[81] **Пифагор хотел, чтобы его называли не мудрецом, как бывших до него, а искателем мудрости.** Общее место. Слова, сказанные Пифагором в беседе с царем Леонтом и ставшие афоризмом: «Я не мудрец, я философ». См.: D. L. De vit. I. 12; D. S. B. H. X. 10. 1.

11. Глагол «быть» в начале речи красиво ставится после какого-нибудь одного слова, в конце же — после сравнительной степени. Часто у Цицерона: «Та ведь и т. д.» (*ea est enim etc.*) и в конце: «Для добродетели нет зрелища более величественного, чем совесть (*nullum virtuti theatrum conscientia maius est*)» (II книга «Тускуланских бесед»).[82]

12. Наречие красиво помещать после имен прилагательных или после других наречий, производных от имен; если же наречия помещены впереди, то красиво вставить в середину какое-нибудь слово: «Однако можно найти гораздо меньше хороших ораторов, чем поэтов». (Цицерон; «Об ораторе»).[83]

Здесь имей в виду: высказанные нами правила об отдельных словах и о недостатках, встречающихся при расположении слов, относятся к выражениям любого языка. Но те образцы изящного расположения, которое наблюдаем повсюду у Цицерона, свойственны только латинскому языку; для нашего отеческого языка следует иметь в виду другое правило, которое, однако, так как он нам родной, каждому будет легко соблюдать по личному почину.

ГЛАВА VI

О СТРОЙНОСТИ ПЕРИОДА, КОТОРУЮ МОЖНО УСМОТРЕТЬ В СОЧЕТАНИИ КОЛОНОВ

Что касается строения всего периода в целом, то здесь имей в виду из Туллия следующее о ритме его начала, середины и конца.

1. В начале периода вызывает одобрение следующие стопы: кретик или дактиль: «Neminem vestrum ignorare arbitror»;[84] пэон, который бывает двояким: один состоит из трех кратких и одного долгого слога; другой — из долгого и трех кратких: «Levia sunt in hoc reo».[85] Так же дохмий состоит из долгого, краткого и долгого; молосс — из трех долгих; анапест и т. д.

2. В середине периода преобладают главным образом пэоны, как выясняется при рассмотрении следующей речи: «Vincat aliquando cupiditas volup-

[82] **Для добродетели нет зрелища более величественного, чем совесть.** Cic. Tusc. 2, 26, 64.

[83] **Однако можно найти гораздо меньше хороших ораторов, чем поэтов.** Cic. De Orat. I: 11.

[84] **Neminem vestrum ignorare arbitror…** Эта цитата (Cic. Ver. II, I: 1) есть также в Quint. Inst. Lib. IX. Cap. IV: 119.

[85] **Levia sunt in hoc reo…** Cic. Ver. II, V: 117.

tasque rationem, dummodo illa in hoc genere praescriptio moderatioque teneatur».[86] Но и другие стопы можно всюду применять.

3. В конце периода следует соблюдать более тщательно ритм, но главным образом — здесь стопа дихорей. Цицерон говорит, что в его присутствии народный трибун говорил в таких выражениях: «О, Марк Друз, ты обычно говорил о святости республики; всякий, кто причиняет ей вред, понесет наказание от всех. Мудрое слово отца подтвердило безрассудство сына (*temeritas filii comprobavit*)». Когда трибун сказал это, то на сходке поднялся удивительно сильный шум.[87] Это Цицерон приписывает ритму: «Ведь если бы, — говорит он, — изменив ритм, он сказал бы: „подтвердило безрассудство сына" (*comprobavit filii temeritas*), то ничего бы не получилось»; «но это часто не должно происходить», — говорит он там же. Слова его следующие: «Ведь прежде всего ощущается ритм, затем он надоедает, и, наконец, поняв легкость его достижения, на него не обращают внимания. Но есть больше концовок, которые оканчиваются ритмично и приятно».[88] Так говорит Цицерон. Какие это концовки, некоторые усматривают из его речей: [это] дохмий и кретик, двойной кретик и дактиль, трибрахий со спондеем, диспондей (мало отличный от дихорея) и иногда три спондея и т. д.

4. Но, чтобы занятие такими мелочами при сочинении речи не казалось тебе пустым педантизмом, имей в виду наставление ученого наставника красноречия Юния Мельхиора (глава 22): «Надо, — говорит он, — помнить следующее: я преподал все эти наставления не для того, чтобы речь, которая должна течь, потеряла свежесть от тщательного определения и измерения слогами стоп, но чтобы, однажды познакомившись со всем этим, речь как бы сама по себе неслась и текла, поэтому здесь необходимы четыре условия. Во-первых, соблюдение правил, но не слишком тщательное и буквальное; во-вторых, частое упражнение в сочинении речей (я добавлю: и прилежное чтение Цицерона и других хороших авторов), чем достигается то, что, если даже мы и не думаем о размерах и стопах, все же мы пишем ритмично и стройно; в-третьих, чтение вслух громким голосом. Речи следует писать с расчетом на произнесение. Поэтому как в приступах мы обычно проявляем сдержанность, многословие в повествовании, оживляемся, излагая доказательства, в общих местах мы обстоятельны и пространны, а в заключении спокойно говорим короткими фразами, так и порядок [слов] и расположение частей, а также размеры и стопы должны этому соответствовать.

---

[86] **Vincat aliquando cupiditas voluptasque rationem, dummodo illa in hoc genere praescriptio moderatioque teneatur.** Cic. Cael. 42.

[87] **О, Марк Друз… шум.** Cic. Orat. 213–214.

[88] **Ведь прежде всего… приятно.** Cic. Orat. 215.

Сочетание слов и размеры следует проверять на слух, который является в этом наилучшим судьей: ведь наши уши чувствуют полноту, требуют дополнения незаконченного, поражаются бессвязностью, очарованы сладостными выражениями, раздражаются запутанностью, одобряют точность, обнаруживают промахи ритма, с презрением отвергают велеречивость. Наконец, следует применить известное лечение, изменив порядок и падеж, а затем риторические фигуры и украшения, которые часто помогают неискусной и страдающей недостатками диспозиции».[89] До сих пор слова Юния.

5. Слаженность же колонов также необходима для совершенного и красиво построенного периода, и их надо соединить таким образом, чтобы не отдельные колоны, но вся совокупность их давала бы отличный смысл. Колоны же соединяются как с помощью слов, которые выражают некоторую связь с другими колонами, так в особенности с помощью определенных частиц; здесь стоит остановиться на рассмотрении нескольких видов этих частиц.

6. Частицы первого рода такие, которые выражают некоторую причину или условие: *если, после того как, раз, если только, так как, чтобы не, чем, тем, потому, потому что* и т. д.

7. Второго рода частицы служат для сравнения, например: *равно как, столько… сколько, не меньше чем, больше чем, столько раз… сколько раз, столь долго… сколь долго, или пока, или пока не, так… как* и т. д.

8. Третьего рода частицы — разделительные, которые различают между одним и другим предметом какие-либо отношения или названия; они мало, однако, отличаются от сравнительных частиц и суть следующие: *один… другой, хотя этот… но тот, там… здесь* и т. д.

9. Четвертый род частиц, которые повышают или понижают что-либо: *не столько, но даже, так или до такой степени* и т. д.

10. Пятый род частиц выражает наши сомнения в том, что произойдет или что нам следует делать или говорить, или какой предмет предпочитать в своем роде и т. д. Таковы: *ли… или; это ли… или то* и т. д.

11. Шестой род частиц соответствует выражению воли и служит для пожелания, каковы: *о, если бы, я желал бы, чтобы* и т. д.

12. Седьмой род — относительные частицы: *тот… кто; нет никого… кто бы; чтобы не, кто бы ни был* и т. д.

Следует знать, что обе частицы, вообще, не всегда следует ставить; часто одна из них пропускается; в особенности это бывает при относительных частицах.

---

[89] **Надо… диспозиции.** Melch. Praec., cap. XII. De verborum compositione, numeris et periodis, VI. P. 261–262.

13. К восьмому роду принадлежат частицы, служащие для исправления, устраняющие препятствия или отбрасывающие помехи. Таковы: *хотя… однако; хотя… тем не менее; однако, даже если… все же* и т. д.

14. Девятый род — частицы отрицательные; или одна из них отрицает что-либо, а другая что-либо утверждает и ставит на место отвергнутого. Например: *не… но, не… даже менее всего, но* и т. д.

15. Десятый род — частицы, указывающие место или время. Такого рода частицы суть: *когда… тогда, где… там, едва, когда… лишь только*.

Этими частицами, как бы некими крюками, колоны соединяются друг с другом, и путем применения разнородных частиц достигается удивительное разнообразие периодов. Относительно их имей в виду только следующее: во-первых, можно придать к одной частице две других разного значения, однако они будут относиться только к первой частице. Например, в следующем периоде: «Если бы те успехи, которые в деревенской глуши достигает отвага, можно было одержать и на форуме, в присутствии суда, их бессовестностью, то и т. д.».[90] Во-вторых, весьма большую помощь начинающий оратор получает при сочинении речи из обозрения такого рода частиц: ведь если мысль (которую желаешь выразить в форме периода), ты свяжешь с каждой частицей упомянутых родов, то увидишь, что не всякую мысль, пожалуй, можно выразить соответственно со всеми родами этих частиц; однако едва ли найдется какая-либо мысль, которую нельзя было бы надлежащим образом удобно разделить на колоны, по крайней мере, с помощью одного из родов этих частиц, и образовать период.

16. Что же касается украшения периода, то это главным образом достигается с помощью тропов и риторических фигур: ведь даже сочетание колонов отчего-то кажется красивее, если наша мысль получит какое-нибудь блестящее образное выражение или облечется подобающей риторической фигурой. Это происходит именно от того, от чего мы удивляемся как бы прекрасной наружности человека (какова бы она ни была), просвещенным умом которого мы восхищены. Однако существуют некоторые, так сказать, особые, исключительные риторические фигуры, которые служат для украшения периода.

17. Первая фигура — это «равенство колонов», то есть если колоны состоят из равного числа слогов. Это — наиболее изящная форма речи; она соответствует в особенности величию выраженной мысли. Например, известный период у Цицерона в I «Парадоксе»: «Чем большим благом кто обладает, тем больше ему похвалы, и нет блага, которым обладающий им не мог бы с честью гордиться».[91]

---

[90] **Если бы те успехи… бессовестностью, то…** Cic. Caec. 1. Пер. Ф. Ф. Зелинского.

[91] **Чем большим благом… гордиться.** Cic. Parad. I: 15.

18. Вторая фигура есть период неравный, противоположная первой, когда один из колонов заметно короче прочих. Например: «Я касаюсь только того, что мне предоставляет открытость твоего преступления и очевидность дела».

19. Третья фигура — антитеза, когда противопоставляются друг другу вовсе не противоположные колоны, но состоящие из целых колонов или заключенные в колоне в виде отдельных звеньев периоды. Так, по-видимому, сталкиваются и борются колон с колоном, отдельное звено — с отдельным звеном. Цицерон, «За Манилиев закон»:

«Он чаще сражался на поле брани с врагом, чем кто-либо другой — перед судом с противником, больше войн знает по личному в них участию, чем другие — по описаниям в книгах, больше провинций исходил в победоносных походах, чем другие могли только страстно желать; в юности он изучил военное искусство не по чужим наставлениям, а сам властвуя, не на неудачах, а на победах, считая свою службу не годами, а триумфами».[92]

20. Четвертая фигура — присоединение, или зевгма, т. е. когда большее число колонов сокращается до меньшего. Так, например, Цицерон (IX «Филиппика») употребил один колон, который можно было бы разделить на два: «Сервий Сульпиций отправился к Антонию в надежде добраться до него, но без всякой надежды возвратиться назад».[93]

Обрати внимание на прекрасную форму зевгмы, когда из четырех колонов два сочиняются так, что материал, сжатый в слова последнего колона, ставится впереди, а затем материал, сжатый в слова первого. Весьма искусно построены колоны у Цицерона «После возвращения в сенате»: «Если бы только я один был убит, то мне позор, если же вместе со многими, то это, казалось, будет пагубно для республики».[94] Эти колоны можно разложить на четыре части; «если бы я один только был убит, то, казалось, это будет мне позором»; «если бы был убит я вместе со многими, то это, казалось, будет пагубным для республики», но так как повторять напрасно то же самое было бы неразумно, то этих два средних колона: «казалось, мне будет позором» и «только я один был бы убит», подобно двум остальным, сведены к этим остальным: второй — к четвертому, третий — к первому; каждый колон — к себе подобному, но таким образом, что впереди ставится то, что сводится к последующему, а затем то, что к первому, хотя эти колоны можно расположить и иным способом.

---

[92] **Он чаще… триумфами.** Cic. Man. X: 28.

[93] **Сервий Сульпиций… назад.** Cic. Phil. IX: 2.

[94] **Если бы… для республики.** Cic. Red. Sen. 34.

21. Перестановка делает связь колонов красивой тем самым, что при изменении мысли в другую, ей противоположную, из одного колона в другой совершается как бы переход некоей родственной крови, лишь бы только был налицо соответствующий размер: «Чтобы и за проступок наказывали без ненависти, и, если нет проступка, отказывались от ненависти».[95]

Некое соответствие колонов производит удивительно приятное впечатление, разумеется, когда ставится много колонов и каждому в отдельности соответствуют по смыслу другие отдельные колоны. Таков известный период Цицерона «За Цецину»: «Если бы те же успехи, которые в деревенской глуши достигает людская отвага, можно было одержать и на форуме, в присутствии суда, их бессовестностью, то А. Цецине пришлось бы также несомненно здесь, при разбирательстве своего дела, покориться бессовестности С. Эбуция, как он тогда, при его самоуправстве, покорился его отваге».[96]

Здесь ты видишь, что два первых члена соответствуют двум последующим.

ГЛАВА VII

КАКОВО ПРИМЕНЕНИЕ РЕЧИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ, РАЗДЕЛЕННОЙ НА КОЛОНЫ И РАЗРУБЛЕННОЙ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ЗВЕНЬЯ, И КАКИМ ОБРАЗОМ ДОЛЖНЫ ЭТИ ЧАСТИ СОЕДИНЯТЬСЯ И ЧЕРЕДОВАТЬСЯ ДРУГ С ДРУГОМ

В чем сущность этого учения? Следует знать, что все, о чем мы до сих пор рассуждали, не всюду имеет место; ведь не все можно выразить одними периодами в собственном смысле, пневматиками, или по [отдельным] колонам, или же звеньями, но подобно тому, как какой-нибудь предмет длиной с локоть превышает меру ладони и наоборот, так из того, о чем оратор решил говорить, одну тему удобнее выразить только колонами, другую — одними отдельными звеньями, третью — пневмой и схинотеном, четвертую — искусно закругленными [периодами] или периодами в собственном смысле. Так что весьма смешными оказываются те люди, которые, по их заявлению, всюду предпочитают пространному стилю сжатый, который они по невежеству называют лаконическим, и располагают фразы самого различного содержания равными отрезками. Это не значит говорить искусно,

[95] **Чтобы и за проступок… ненависти.** Источник не установлен.

[96] **Если бы… его отваге.** Cic. Caec. I, 1. Пер. В. О. Горенштейна.

а [наоборот], выказывать свое невежество. Стиль должен служить содержанию и подчиняться его требованиям. Период, хотя бы построенный по вышеуказанным правилам и вообще прекрасный, если его поставить не в надлежащем месте, будет [выглядеть] несоразмерным и тяжелым. Это относится, понимай, и к другим видам стиля. Поэтому следует тщательно соблюдать следующие правила употребления периодов, колонов и отдельных звеньев.

1. Во вступлении, особенно если речь идет о материях важных, где [сам] предмет требует заботы, одобрения, сожаления, уместен период в собственном смысле. Примером могут служить почти все вступления Цицерона.

2. В общих местах, где идет главная речь о добродетели или пороке или о других предметах; затем если именно нужно более красиво воздать похвалу или высказать порицание, равным образом пригодны периоды в собственном смысле. Так поступил Цицерон, по его собственному свидетельству, во II речи «Против Верреса» о хвале Сицилии[97] и [в речи] «В сенате о своем консульстве».[98]

Однако при восхвалении, где представляется [необходимость] либо выразить быстроту дела, либо [высказать] множество подобных похвал, часто речь развивается в одних колонах или даже отдельных звеньях.

3. Особенно уместны периоды в повествовании; ведь как это явствует почти из всех сочинений историков, так и из повествований Туллия, и в особенности [из повествований] в IV речи «Против Верреса» о Сегестанской Диане, о Церере из Генны и о положении Сиракуз; к этим примерам сам Цицерон отсылает читателя в книгах «Об ораторе».[99]

4. Описывать какие-либо предметы весьма удобно при помощи одних только искусно построенных колонов или в соединении с отдельными звеньями; это ясно видно из Цицерона и сочинений историков. Не могу понять, каким образом возможно, если бы даже кто-либо постарался это сделать, описать предмет, который желательно представить наглядно с помощью периода. Цицерон в IV речи «Против Верреса» подробно повествует о Сегестанской Диане (этот рассказ он, как обычно, дает в периодах), но, приступая к описанию этого идола, пользуется одними колонами: «Это была очень больших размеров статуя; богиня была одета в столу, все же в ней,

---

[97] **Так поступил Цицерон (по его собственному свидетельству), во II речи «Против Верреса» о хвале Сицилии…** Cic. Ver. II, 2–8; Cic. Orat. 210.

[98] **…и [в речи] «В сенате о своем консульстве».** Речь не сохранилась, но упоминается в письме к Аттику (I, 14, 4, февраль 61 г.). Cic. Orat. 210.

[99] **…в IV речи «Против Верреса» о Сегестанской Диане, о Церере из Генны и о положении Сиракуз.** О Церере — Cic. Ver. IV, 106–108; о Диане — там же, 72; о Сиракузах — там же, 117–119. Cic. Orat. 210.

несмотря на ее рост, по моложавому виду и осанке нужно было признать деву; с плеча свешивался колчан, в левой руке она держала лук, в правой несла перед собой пылающий факел».[100] Так он поступает и в других местах.

5. Даже если и не будет описания, но все же нужно что-либо сказать с полной ясностью и без сильного чувства, следует говорить, применяя колоны и отдельные звенья. Затем в живой [речи], т. е. когда нужно говорить решительно, настойчиво и упорно, что чаще всего случается при обосновании и опровержении, если при этом налицо значительная страстность и душевное напряжение, должны быть самые короткие колоны, и не столько колоны, сколько отдельные звенья, так как они иногда заканчивают речь отдельными словами. Цицерон в IV речи «Против Верреса»: «Я требую от тебя, Веррес, возвращения памятника П. Африканского, я оставляю пока процесс сицилийцев, который я взялся вести; забудем на время о судах за вымогательство, о нанесенных сегестанцам обидах; пусть только будет поставлен на старое место пьедестал П. Сципиона, пусть на нем вырежут имя непобедимого полководца, пусть займет свое прежнее место чудная статуя, взятая в Карфагене».[101]

6. Иногда колоны уместны даже и в повествовании, но только те, которые применяются не для красоты, а в целях риторических: ведь для них необходима поспешность. Например, в I речи «Против Верреса»: «Когда он понял, что его дочери грозит насилие, он кликнул своих рабов и велел им защищать только его дочь, не заботясь о нем самом, и послал одного из них сообщить о происшедшем в доме страшном несчастье сыну. Между тем по всему дому стоял крик; рабы Рубрия и хозяина вступили в драку. Филодам — этот почтенный человек — подвергался опасности в собственном доме, каждый защищал самого себя. Наконец, сам Рубрий облил Филодама кипятком».[102]

7. Моральное изречение, или какое-нибудь краткое высказывание по поводу нравов, или ученое рассуждение о чем-либо другом удобнее всего заключать в двучленном периоде; такой период называется гномическим, так как гнома у греков означает «изречение». Таково следующее изречение Курция: «Когда люди отдались на волю счастья, то даже забывают [свою] натуру».[103] Красиво также выражать одночленным периодом, но только если

---

[100] **Это была… факел.** Cic. Ver. IV: XXXIV, 74. Пер. В. О. Горенштейна.

[101] **Я требую от тебя… в Карфагене.** Cic. Ver. IV: XXXVIII, 82.

[102] **Когда он понял… кипятком.** Cic. Ver. I. XXVI: 67. Пер. В. А. Алексеева.

[103] **Когда люди отдались на волю счастья, то даже забывают [свою] натуру.** Curt. Lib. III. Cap. 2: 18

он сокращен из двучленного. Курций: «Ни роскоши не препятствует жестокость, ни жестокости роскошь не мешает». И «часто утешением в несчастии служит знание своего жребия».[104]

8. Эти важные фигуры речи, в особенности пневму, следует применять главным образом в амплификации, и поэтому они преимущественно употребительны в заключении, где амплификации уделено особое место; ведь насколько важным выставляется предмет, настолько великий при этом требуется период.

9. Далее, подобно тому, как в периодах речь является более текучей и медленной, в колонах она идет быстрее, а в отдельных звеньях — быстрее всего. Поэтому следует заметить в виде общего правила, что тему, о которой мы обычно говорим более спокойно, следует выражать в периодах; для той же темы, которую в силу пылкого чувства или по иной причине излагаем со стремительной поспешностью, следует применять колоны и отдельные звенья. Если же необходимо показать какую-либо тему значительно (в своем роде или внушить это слушателям, или же высказать с великим вдохновением), то все это мы изложим с помощью упомянутых выше более пространных фигур речи, как это требуется, по-видимому, самим существом дела. Ведь это искусство зародилось не по чьему-либо произволу, но изобретено в результате наблюдения природы [вещей].

В качестве завершения всего искусства построения периодов выслушай следующее наставление: как нет ничего приятнее и изящнее разнообразия, так при его отсутствии все вяло, безвкусно и безразлично. Поэтому следует приложить все усилия к тому, чтобы речь была разнообразной как во всех прочих отношениях, так и в отношении ритмов, сочетания слов и всего строения периодов. Разнообразие же следует соблюдать и в отдельных словах, и в сочетаниях слов, и в соединении отдельных звеньев, колонов и периодов, в их величине, в разнообразии формы, в способе заключения и расположении частей. О каждом из этих моментов мы скажем кое-что в отдельности.

Разнообразный характер строения ритмической речи.

1. Одно и то же выражение следует повторять только посредством риторической фигуры и выражать синонимически каждый раз иначе.

2. Имена или глаголы во втором или третьем периодах следует выражать не теми же падежами, в которых они стоят в первом. Здесь речь идет главным образом об именах и глаголах, которые занимают главное место

[104] **Ни роскошь не препятствует жестокости, ни жестокости роскошь не мешает.** Curt. Lib. IX. Cap. X: 30.

в предложении, т. е. являются подлежащими или сказуемыми. Поэтому их надо выражать то в одном падеже и числе, то в другом. Глаголы даже могут изменять и свой залог: одни стоят в действительном, другие — в страдательном, иное же предложение (что часто можно наблюдать в историческом сочинении) может заканчиваться безличным глаголом.

3. Когда слова соединяются в колонах, то те, которые выполняют одинаковую роль, не ставятся на одинаковом месте в любом колоне. Но если в одном и другом колоне сначала будет стоять подлежащее, а потом сказуемое, то уже в третьем [колоне] сказуемое следует ставить на первом, а подлежащее на последующем месте.

4. Большого пространства в речи одна и та же фигура не должна занимать, но в части речи, требующей одних только периодов, иногда следует вставлять отдельные звенья или искусно построенные колоны и поступать наоборот там, где будут уместны только одни колоны и отдельные звенья, однако один или другой период можно вставлять. Поэтому если повествование длинное, то во избежание беспрерывного ослабления интереса к нему следует умышленно представлять место описанию, для которого применяются одни колоны, и таким образом преодолеешь скуку слушателей. Подобное соображение следует применять и в другом месте.

5. Следует разнообразить и сами периоды, если они будут иметь различные формы, т. е. одни — одночленные, другие — двучленные, третьи — трехчленные, иные — пневматики и т. д.

6. Во всех колонах или периодах масса или величина не должна быть одинаковой, но одни пусть будут больше других или же меньше; не должно быть также одинакового размера или звучания в концовках, как мы это уже отметили в предшествующей главе.

7. Наконец, ради разнообразия две упомянутых части периода — протасис и аподосис — можно менять местами; и хотя почти во всяком периоде впереди стоит протасис, а затем аподосис, что, по-видимому, требуется самой природой [вещей], тем не менее иногда можно ставить аподосис вначале, а протасис переносить в конец. Так, например, у Курция в книге VII: «Вы найдете путь, если тщательно обследуете проходы, ведущие на вершину».[105]

8. Следует знать также, что иногда требуется самим содержанием, чтобы несколько колонов или периодов выражались не иначе, но одинаковым способом, именно: когда нужно излагать одновременно много сходных тем.

---

[105] **Вы найдете путь, если тщательно обследуете проходы, ведущие на вершину.** Curt. Lib. VII. Cap. 11: 10.

Примером служит IV речь «Против Верреса», когда Туллий много преступлений изображает одинаковым способом:

«Здесь и вымогательство, так как он взял от союзников даровую статую, и казнокрадство, так как он дерзнул присвоить себе статую, составлявшую собственность римского народа, выделенную из взятой у врагов добычи и поставленную по приказанию нашего полководца; здесь мы имеем дело с оскорблением величества, так как он позволил себе убрать и увезти памятник, говоривший о нашей власти, славе и подвигах; здесь есть и кощунство, так как он оскорбил предметы глубочайшего почитания; здесь мы видим и проявление жестокости, так как он придумал новый, необыкновенный вид наказания человеку невинному, нашему союзнику и другу».[106] То же самое иногда следует делать умышленно, чтобы не казалось, что ты добиваешься искусства разнообразия.

ГЛАВА VIII

О ФИГУРАХ, СЛУЖАЩИХ ДЛЯ ПОУЧЕНИЯ

Самым выдающимся достоинством изложения является «украшенный» стиль, основной принцип которого заключается в применении риторических фигур. Под «фигурами» здесь я понимаю также тропы; поэтому рассмотрим некоторые соображения по этому предмету.

Фигуры греки называют schemata, т. е. образы, потому что как краски украшают картину и картины — стену, так они украшают речь; поэтому фигурой называется всякий способ выражения, отличающийся от обычного в смысле большей изысканности и изящества.[107] Различные авторы по-разному делят фигуры, я же решил разделить их на три вида соответственно троякой обязанности оратора, т. е., как это было сказано в своем месте, поучать, услаждать, возбуждать чувства. Ведь таким способом, полагаю, можно лучше понять их употребление: какие фигуры и где следует применять. Ведь если будешь говорить витиевато без понимания этого, то получится не украшенная речь, а уродство.

Далее здесь я приведу не все фигуры, которые иные авторы во множестве заимствовали из сочинений древних софистов, но только главные и те,

---

[106] **Здесь и вымогательство… союзнику и другу.** Cic. Ver. II, IV: 88. Пер. В. О. Горенштейна.

[107] **Фигуры греки называют schemata , т. е. образы, потому что как краски украшают картину и картины — стену, так они украшают речь…** Сопоставление красок на картине и фигур в литературе — общее место в риториках. См. также: ФП «Поэтика». С. 405.

которые более употребительны у оратора. Поэтому в этой главе рассмотрим фигуры, наиболее пригодные для поучения.

1. Аллойоза (изменение) бывает тогда, когда лица или предметы, сравниваемые друг с другом, поочередно разделяются, причем выясняется их взаимное различие. Эта фигура есть некое украшенное сравнение: она возникает иногда путем противопоставления таким образом, что выявляется противоположность предметов. В этом случае она будет, скорее, относиться к антитезе (о чем в следующей главе) и иметь значение более для услаждения; иногда же обнаруживается некоторое простое различие только оттого, что слушатель научается понимать разницу между одним или другим предметом или лицом. К настоящему пункту принадлежит следующее: например, мы замечаем различные наклонности в душе юношей, хотя они являются братьями единокровными: один жаждал славы и намеренно стремился к славной, но трудной жизни; другой же, занятый умножением богатства, считал величайшей доблестью обладание огромным богатством.

2. Аналепсис есть некое разграничение сказанного или должного быть сказанным, но такое, что одно и то же слово ставится в каждой части речи и является как бы ее базой и основанием. Цицерон [в речи] «В защиту Квинкция»: «Сперва я постараюсь доказать, что ты не имел повода требовать от претора дозволения отобрать имение Т. Квинкция, затем, что ты не мог владеть им в силу эдикта и, наконец, что ты вообще не владел им».[108] Отличается от анафоры и антистрофы (возвращения), потому что эта последняя фигура повторяет слово или в начале, или в конце; аналепсис же, как бы то ни было, есть фигура, удобная для украшения основной предпосылки, которая есть часть вступления.

3. Антизевгменон — то же самое, что зевгма; когда к одному и тому же слову относятся несколько слов или отдельных звеньев. Примеры сами собой напрашиваются, и они повсеместны. Эта фигура обычна у историков, так как она способствует краткости повествования. Однако в ней следует обратить внимание на следующее: [необходимо], чтобы слово, к которому относятся прочие слова, могло сочетаться с каждым из них в отдельности, как если бы эти слова стояли одни.

4. Аподиокса, или апопланеса, есть фигура, когда мы вкратце отражаем направленные против нас доводы или пренебрежительно, или указывая на несоответствие нашему предмету. Эта фигура удивительно приспособлена для быстрого опровержения легких доводов противников, но применять ее следует с большим разбором. Цицерон «В защиту Целия»:[109] «Но обвинителям

---

[108] **Сперва… не владел им.** Cic. Quinct. 36. Пер. В. А. Алексеева.

[109] **Целий** — Марк Целий Руф (Marcus Caelius Rufus; 82/88(?) — 48 до н. э.) — римский политик, народный трибун 52 года до н. э., оратор (обучался у Цицерона).

ставить подсудимому в прямую вину, что он сын римского всадника, не следовало бы ни при этом составе суда, ни при таком защитнике, как мы».[110]

5. Апостаса, или перечисление частей, — когда то, что можно высказать в общем виде, выражается в нескольких видах или путем перечисления частей. Имеет значение также для возбуждения чувств; ведь предмет, таким образом расчлененный, представляется более значительным. Цицерон «В защиту Марцелла»: «Ты покорил народы варварские по лютости, несчетные по количеству, бесконечные пространством, изобилующие всякого рода богатствами и т. д.» Эта мысль была бы [выражена] проще, если бы было сказано: «ты покорил весьма много народов».[111]

6. Характеризм — безусловно самая замечательная фигура, которая имеет также большое значение для услаждения и возбуждения чувств. Однако в данном месте она помещается потому, что, по-видимому, ей свойственно по природе поучение, так как она делает предмет наглядным. Эта фигура применяется тогда, когда какая-нибудь личность описывается столь наглядно, что ее лицо предстает как живое перед глазами. Способ же, которым достигается эта наглядность, заключается в перечислении и изображении состояния некоторых частей тела, в воспроизведении каких-либо жестов и действий, свойственных такому человеку. Феофраст представил много прекрасных примеров употребления этой фигуры в книге под заглавием «Характеры»,[112] где дается картина различных людских пороков. У Цицерона находим краткое и прелестное изображение смешной важности (в речи «Против Пизона»); Пизон изображается выражающим авторитетно свое мнение: «Когда тебя спрашивали твое мнение о моем консульстве, ты — высокий авторитет — отвечаешь, подняв на лоб одну бровь, а другую спустив к подбородку, что жестокости тебе не по сердцу».[113] Весьма знамениты два характеризма, в которых Цицерон (в речи «За Сестия», немного спустя после вступления) так описывает Габиния[114] и Пизона,[115] двух консулов,

[110] **Но обвинителям… как мы.** Cic. Cael. 4.

[111] **Ты покорил народы варварские по лютости, несчетные по количеству, бесконечные пространством, изобилующие всякого…** Cic. Marc. III, 8.

[112] **Феофраст** — Феофраст (Θεόφραστος, Theophrastos Eresios; ок. 370–288 до н. э. (?) — греческий философ, естествоиспытатель, теоретик музыки, автор трактата «Характеры» (Ἠθικοὶ χαρακτῆρες), несохранившегося сочинения «О слоге» (или «О стиле»; Περὶ λέξεως) и др.

[113] **Когда тебя … по сердцу.** Cic. Pis. 14.

[114] **Габиний** — Авл Габиний (Aulus Gabinius) (ум. 47 до н. э.) — народный трибун 67 г. до н. э., консул 58 г. до н. э.; сторонник Помпея; известен вымогательством и грабежами. Был отправлен в изгнание, несмотря на защиту Цицерона.

[115] **Пизон** — Луций Кальпурний Пизон Цезонин (Lucius Calpurnius Piso Caesoninus римский военный и политический деятель, консул 58 г. до н. э. (вместе с Габинием)),

различных по образу жизни, но похожих друг на друга в смысле преступления, что, кажется, и художник не мог бы лучше их изобразить:

«Если вы еще не хотите — клянусь бессмертными богами — вспомнить о их преступлениях и ранах, которые они выжгли на теле республики, то смотрите внимательно на выражение лица и походку: легче придут вам на память их поступки, если вы ясно себе представите сами их лица. Один [Габиний], обильно умащенный благовониями, с завитыми волосами, презирающий соучастников в разврате и прежних, охотников за его нежной юностью, горделиво выступающий [теперь] перед путеалом [Либона] и толпами ростовщиков, а некогда доведенный ими до крайности; чтобы, [потерпев крушение] как бы в Скиллейском проливе долгов, не пристать к [Менийской] колонне, он счастливо нашел убежище в гавани трибуната, стал презирать римских всадников, угрожать сенату, заискивал перед наемными пособниками и объявлял, что они его спасли от обвинения в подкупе, что от них он надеется получить провинцию даже против воли сената, полагая, что если он ее не получит, то вовсе не будет [чувствовать себя] в безопасности [от кредиторов]. Другой [Пизон], о милостивые боги, с каким отвратительным видом он выступал, как он свиреп и страшен! Можно было бы сказать, что видишь одного из тех знаменитых бородачей, представителя древней власти, привидение из древних времен, столп республики. Одетый в эту нашу грубую плебейскую пурпуровую ткань, с коричневым отливом, с такими всклоченными волосами, что, казалось, он угрожал разорить [улицу] Сеплазию из Капуи, где он тогда исправлял должность дуумвира (ради права украсить [фамильные] портреты [почетным званием]). Но что мне сказать о его брови, которая казалась тогда не бровью, а порукой для республики? Такая была важность в его глазах, такой нахмуренный лоб, что казалось, на его брови держится, как небо на Атланте, этот знаменитый год».[116]

Или святой Григорий Назианзин в IV речи «Против Юлиана Отступника» так изображает его, пока он учился в Афинах, будучи мальчиком: «Но меня эксцентричность его характера и телодвижений, а также некая сильная душевная возбужденность сделали пророком, если именно тот истинный пророк, кто умеет правильно предсказывать; ведь мне казалось, что [эти признаки] не предвещают ничего хорошего: весьма слабая шея, плечи, которыми он то и дело подергивал, поднимая вверх, блуждающий с предмета на предмет безумный взор, нетвердая поступь, нос, выражающий стремление наносить обиды, смешные черты лица; всегда одинаковая усмешка,

---

известен злоупотреблениями властью в Македонии. В речи «Oratio in L. Calpurnium Pisonem» Цицерон крайне негативно описал его образ жизни.

[116] **Если вы… знаменитый год.** Cic. Sest.: 17–19.

пылающая наглостью, повеления и их отмены, лишенные всяких разумных оснований; речь нерешительная и прерывистое дыхание, стремительные один за другим невежественные вопросы, ответы ничем их не лучше, одни на других наскакивающие, но несерьезные и непостоянные. Нужно ли описывать еще отдельные подробности? Я увидел его уже до начала его деятельности таким, каким я узнал его впоследствии в делах».[117]

Здесь мы решили, воспламенившись пылом благочестия, привести на пользу юношей, ревнующих о вере православной, также и сочиненный нами пример характеризма, каков бы он ни был. Ведь когда я обнаружил, что весьма многие из наших, дивясь показному благочестию латинских монахов, и как бы овеянные тлетворным духом, начали проявлять колебания [в вере], и когда я сам в течение долгого времени более внимательно присматривался к этим, так сказать, достойным удивления мужам, чтобы тем более надежно их запомнить, то я решил их обрисовать в таком духе.

Изображение характерных черт, нравов и повадок, которые обращают на себя внимание у латинских монахов.

Не то ли в вас возбудило сомнение и привело к шатаниям в вере православной, что некогда вы нашли видимость святости у папских обманщиков? И великий Павел давно [уже] предупреждал нас: как сам ангел тьмы, так и слуги его обычно облекались в свет.[118] Для меня, во всяком случае, само это притворное благочестие является доказательством великого нечестия. Ведь представьте наглядно перед вашими взорами их телодвижения, походку, лицо и телесное обличье. Что же, скажите пожалуйста, вы увидите искреннего, непритворного, ненапускного?

Одни обнаруживают пред нами видимость кротости и привлекательности, другие, как ты видишь, напустили на себя более чем Катонову суровость.[119] Первые (большинство из них легкомысленно хвалится своей принадлежностью к обществу Иисуса, чтобы тем выставить себя угодниками Божьими), целиком рожденные для снискания благосклонности людей, обращают на себя внимание именно черным, но красивым одеянием и холеной кожей и являются красавчиками от кончика ногтей до самой головы: кротко разглаживают морщины на лбу, придают лицу красивое выражение, сжи-

---

[117] **Но меня эксцентричность… делах. Григорий Назианзин в IV речи «Против Юлиана Отступника».** Цитата не в IV, а в V Слове против Юлиана Отступника. См.: Григорий Богослов. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиеп. Константинопольского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 133.

[118] **…как сам ангел тьмы, так и слуги его обычно облекались в свет.** II посл. св. ап. Павла к Кор. 11: 13; 11: 14.

[119] **Катонова суровость.** Общее место (Плутарх, Гораций). См. примеч. 54 к кн. II.

мают губы по-женски, поднимают и изгибают дугой брови, мастерски опускают глаза, часто и сладостно улыбаются, говорят шепотом. А во время речи, что за негодное остроумие, что за жестикуляция пальцев, что за непристойное покачивание в обе стороны нежной шеи! Но с каким искусством производится это! Ведь они, словно некие Протеи,[120] почти в одно и то же время обычно изменяют выражение лица соответственно самым различным чувствам. Ведь в то время, как ты слышишь его, радостного и красивого, если попадается одно словечко в речи, означающее что-то печальное, то ты увидишь его испускающим вздохи и стоны и струящим слезы; однако все это он делает столь же нежно и ласково, как это можно наблюдать у молоденьких нежных девушек. И почти все [их] чувства такого рода ты опишешь так, что я представляю себе их обычных наставников, которые преподают искусство таких изысканностей. Все же зачастую я не мог удержаться от смеха при виде многих людей, которым совершенно не подобало бы пытаться изображать лицом Купидонов и Венер. Когда они уже вступают на площадь и обходят город (что для них весьма обычно, так как они подражают апостолам), то двигаются столь мерным шагом, что, кажется, они не идут путем, а сочиняют стихи, и столь легким и изящным шагом, что не гуляют, но, как говорят поэты, только «бреют поверхность песка». Но, если встретят какого-нибудь знакомого человека, который попался в сети их обмана, сразу же оба весьма радостно начинают речь (ведь они почти всегда летают по двое); тотчас старший, проявляющий чрезвычайную заботу о чужом спасении, чуть-чуть опустив шею на плечо и радостно схватив человека за руку, говорит: «Как поживает наш земляк? Я думаю, он прекрасно себя чувствует?» Затем объявит о получении весьма радостной вести: в Индии некий могущественный царь со всем, сколько ни на есть, народом, обращен его сотоварищами в веру христианскую. В Риме же папа во время обеда удивительно восхвалял Общество Иисусово, пил за его благополучие и взыскивал безмерными милостями (так называемыми индульгенциями) тех, кто посещает храмы иезуитов. Наконец, они приходят в дом, где, как они знают, живет дама, преданная их ордену, всегда неожиданные, часто даже назойливые. Там после приятнейших приветствий они забавляют даму множеством благочестивых шуток, хвалят убранство дома, дивятся картинам и, заметив [изображение] Христа, распятого на кресте, начинают с кротким сожалением воздыхать и движением век изображают, что вот-вот разразятся плачем. Но вскоре они отворачиваются от взглядов других людей,

[120] **Некие Протеи** — в древнегреческой мифологии Протей (Πρωτεύς) — морское божество; сын Посейдона, обладающий даром предсказания и способностью изменять облик.

якобы для того, чтобы не заметили, как они плачут, а на самом деле, чтобы заметили их нежелание быть замеченными, часто, если при этом присутствуют маленькие сыновья, то, нежно погладив их, они одаривают статуэтками Игнатия[121] или вешают на шею медный медальон с его изображением. Но весьма кстати для них случай, когда они узнают, что какая-нибудь богатая женщина лежит на одре болезни: уж, конечно, они весьма быстро прилетят и скажут, что их послал святой Станислав Костка,[122] приказав от своего имени приветствовать эту [женщину]; святой Станислав будет ей внимательным врачом и позаботится, чтобы она как можно скорее поправилась. Затем они щедро расточают больной посулы. Если же больная окажется хитрой и за слова вознаградит их тоже словами, то они уходят в сердцах повесив нос и начинают распускать слухи среди других [людей], что эта [женщина] вовсе-де не печется о вечном блаженстве. А если (что бывает чаще), пленившись ложными посулами, она оставит им по завещанию либо часть имущества, либо весьма большую сумму денег, тогда они вдоволь преумножат свои великие посулы и сверх того подарят в качестве вернейшего залога спасения четки и добавят к этому, что в эти четки вложена папой чудесная сила; например, если кто будет носить их в момент смерти, то перейдет в иной мир безболезненно и прямо улетит на небо. Однако они ничего не упускают из относящегося к делу: я полагаю, что несчастный человек, страдающий лихорадкой, не так мучится [своей болезнью], как они от неопределенного ожидания его кончины. Впрочем, чтобы также не презирать бедных, они быстрым шагом проходят мимо именно тех домов, где не чуют запаха наследств. Но если где-нибудь на дороге они увидят какого-нибудь нищего, тяжело больного, и это место как раз у всех на виду, то они там обосновываются и изо всех сил кричат больному (хотя он не страдает глухотой), какая пища ему будет по вкусу: телятина, или куриное мясо, или рыбка, пряники или пирожки, сухарики или оладьи? Наконец, раздразнив аппетит этого человека перечислением прочих лакомств, они уходят. А этот несчастный, не прикасаясь к простой пище, помышляет об обещанной снеди, целый день изнывая в ожидании ее, а ему, наконец, не присылают даже и протухшего мяса. Вот тебе многообещающие хвастуны! У меня не хватит дня на перечисление отдельных подробностей! Это люди, которые не же-

---

[121] **Игнатий** — Игнатий де Лойола (Ignacio (Íñigo) López de Loyola; 1491–1556) — католический святой, основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов).

[122] **…святой Станислав Костка** — Станислав Костка (Stanisław Kostka; 1550–1568) — святой Римско-Католической Церкви, покровитель Польши. Решил вступить в орден иезуитов после чудесного выздоровления: ему, тяжело больному, было видение, что Дева Мария укрыла его своим покровом.

лают ничего ни говорить, ни действовать, потому что они развращают не химерой и не деланым видом; они изобретают невиданные доселе, но суетные празднества, они постоянно отпускают шутки с церковной кафедры; они являются авторами веселеньких анекдотцев на забаву ребят и женщин. Например, о том, как Пресвятая Дева дала нести младенца Иисуса преданному ей мальчику, как она, моясь в бане, поручила младенца мыть какой-то девушке; как ангел слегка ущипнул какую-то девушку за ухо, чтобы разбудить ее на утреннюю молитву, и множество другой хлесткой чепухи.

И это такие люди, которые обманывают неразумный народ приятной святостью! Но так как не всем любезна эта приятность, то существуют и другого рода обманщики, которые происходят как бы от пресловутых древних сабинов; они выступают с весьма суровым видом.[123] Ты увидишь, как другие, словно они душой вознеслись высоко в небеса, с устремленными к небу и восхищенными взорами едва волочат ноги, то и дело останавливаясь, как бы не помня себя; ты узнаешь, что они денно и нощно предаются ученым занятиям; ты с удивлением увидишь также, как они вступают во храм и на рынок с книгами. Некоторые [из них] имеют столь широкие и длинные рукава, что человек неученый и менее набожный может одеться целиком в один [рукав]. Другие же являются совершенными циниками: до такой степени они предали посмеянию и попрали всю роскошь мира, что ходят немытыми, косматыми, с нахмуренным лбом, с иссиня-черными зубами, с неостриженными ногтями, пренебрегая [требованиями] всякой красоты. Они стараются говорить сколько возможно более хриплым или слишком глухим голосом; для духовного оратора они считают наиболее подходящим, если во время произнесения проповеди он безобразно разевает глотку, устрашает всех свирепым взглядом, стучит по кафедре кулаками и сапогами, чуть ее не ломает. Что касается верхней одежды, то у них считается грехом не ходить в деревянных башмаках и не опоясываться веревкой, а также считается прегрешением иметь нерваную одежду. Поэтому можно видеть много людей, которые намеренно носят куски материи, пришитые к разорванным лоскуткам другого цвета. Наконец, все, что можно увидеть или назвать красивым, изящным, прелестным, им смешно и ненавистно. Всякую пристойность они называют надменностью, всякую чистоту — пагубной утехой, грязь и неряшливость у них считаются ценными. Однако нет никого более прожорливого и более склонного к пьянству, чем люди такого рода, и их

[123] **…происходят как бы от древних сабинов…** Сабины, или сабиняне (группа древнеиталийских племен), отличались суровостью и простотой быта. Вероятно, ФП уподобил иезуитов сабинянам, имея в виду не только бытовую непритязательность, но и традицию перемещаться на новые места, заселяя их (так наз. «Священная весна»).

справедливо можно назвать свиньями Эпикурова стада.[124] И это есть новый, о Боже милостивый, вид святости! Разве может кто-либо здесь не заметить и не смеяться над этими лживыми уловками? Господь наш Иисус Христос придерживался [сам] и установил для нас совсем иной образ жизни: Он желал, чтобы мы были простыми и без притворства; а эти, напротив, любят скромность или истину столь раскрашенную, что, по-видимому, они даже не скрывают хитрости.

Однако мне доставляет удивительное наслаждение вспоминать об этой двойной маске: ведь всякий раз, как я вспоминаю о жалком величии одних и изнеженной бабьей ласковости других, мне кажется, что я вижу перед глазами знаменитых консулов, Пизона и Габиния, которых так красиво обрисовал Марк Туллий. Им-то так искусно подражают латинские монахи, что одни, кажется, возводят свое происхождение к Пизону, а другие — к Габинию.

Этот отрывок мы решили привести в качестве примера характеризма с целью показать величайшую пригодность этой фигуры для поучения, потому что она дает такими средствами картину человеческого характера. Она также подходит и для услаждения и возбуждения чувств, придает значительность содержанию речи и нередко занимает большую ее часть, как это можно видеть во II «Филиппике», в последней речи «Против Верреса», в речи «В защиту Сестия», «Против Пизона», во II [речи] «Об аграрном законе», «В защиту Клуенция», где он описывает преступную женщину.[125]

7. Диазевгменон, или разъединение, — фигура, противоположная антизевгменону, когда каждое из многих слов, которые могут относиться к одному слову, имеет при себе свое. Примеры обычны, и эта фигура часто соединяется с исоколоном.

8. Эпаналепсис — когда одна и та же мысль повторяется после нескольких колонов речи. Имеет значение в том случае, когда мы говорим [что-либо] внушительно или для ясного указания на то, что мы одобряем и что — нет. Например, если ты скажешь: раб должен повиноваться, когда приказания угодны господину и не оскорбляют божьего величия. В этих случаях, повторяю, рабу необходимо слушаться повелений господина. Но когда приказания господина связаны с оскорблением божества, то раб вовсе не обя-

---

[124] **…свиньями Эпикурова стада — «Epicuri de grege porcus»** («поросенок из стада Эпикура»). Гораций таким образом описывает себя как человека, которому близка философия Эпикура: «Эпикурова стада / Я поросенок: блестит моя шкура холеная жиром». Hor. Ep. I, 4: 15–16. Пер. Н. Гинцбурга. ФП наделяет цитату отрицательной коннотацией.

[125] **«В защиту Клуенция», где он описывает преступную женщину.** Cic. Clu. 12.

зан их выполнять, и должен помнить, что тогда он не раб, а свободный человек. Цицерон в речи «За Рабирия»: «Еще раз: я охотно признался бы, если бы это было согласно с истиной, что Л. Сатурнин был убит рукой Г. Рабирия... Эти ваши возгласы меня не смущают, так что, повторяю, я признался бы».[126] Бывает также эпаналепсис слов, когда одно и то же слово, поставленное в начале одного предложения, ставится в конце другого. Но это более способствует услаждению. Цицерон «За Марцелла»: «Мы видели, что твоя победа завершилась после успешных сражений; меча же обнаженного в городе не видели»,[127] и Златоуст в речи до первой ссылки о мужестве мучеников говорит: «Часто не достает мяса для орудий пытки, но в силе веры нет недостатка».[128]

9. Эпанод, когда после краткого изложения двух или больше предложений, мы возвращаемся к ним по отдельности, разделяя и определяя их. Вергилий:

> Вырываются все же
> Ифит и Пелий со мной, мы оттуда, но Ифит годами
> Уж отягчен и т. д.[129]

Так можно было бы сказать: «Петр и Иуда совершили великий грех, но Петр очистился от греха, Иуда же бросился в пропасть еще более страшную». Так апостол говорит в четвертом послании «К Галатам»: «Авраам имел двух сыновей, одного от рабыни, другого от свободной, но тот, который от рабыни, рожден по плоти, а который от свободной, тот по обетованию». Эта фигура часто содиняется с аллойозой.[130]

10. Энергия — когда какой-либо предмет мы излагаем внушительно и так, что слушатель легко понимает его качественные и количественные признаки. Если речь идет о качестве предмета, то фигура энергии осуществляется через характеризм или гипотипозу. Если же — о количестве, то ее весьма красиво можно выполнить путем какой-либо вымышленной аналогии или сравнения. Так, Златоуст, изображая славный подвиг святого Вавилы, которым тот отвратил нечестивого императора от вступления во храм, после описания царской свиты и торжественной процессии, чтобы показать,

---

[126] **Еще раз… признаюсь.** Cic. Rab. 18–19.

[127] **Мы видели… видели.** Cic. Marc. 17.

[128] **Часто не достает мяса для орудий пытки, но в силе веры нет недостатка.** Источник цитаты не установлен.

[129] **Вырываемся все же, / Ифит и Пелий со мной, мы оттуда, но Ифит годами / Уж отягчен и т. д.** Verg. A. II: 434–435. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева.

[130] **Авраам имел… обетованию.** К Галатам. 4: 22–23.

сколь мужественно святой человек все это презрел, прибавляет: «Он видел всю эту пышность словно изображенной на стене, так этот благородный человек совершил все это бесстрашно».[131]

11. Этология — то же самое, что нравоописательная речь, когда изображается чей-либо характер. Эта же фигура бывает вместе с характеризмом.

12. Горизм есть некоторое украшенное риторическими фигурами определение, когда мы не определяем что-либо собственно путем объяснения его природы, но иначе в связи с нашей темой, но, однако, не ложно и не в противоречии с мнением людей. Так, Меммий [говорит] у Саллюстия: «Совершать безнаказанно все поступки — значит быть царем».[132] Сюда нужно отнести бесчисленные примеры у авторов, когда они называют предметы и лица по-разному: взяв имена в переносном смысле, или от антономасии, или же от следствий. Так, святой Киприан в слове «О молитве Господней»: «Евангельские заповеди — это не что иное, как божественные наставления, основания к созиданию надежды, опоры к утверждению веры, пища для укрепления сердца, кормило для направления пути и т. д.»[133] Эта фигура отличается от определения, которое есть источник для изобретения довода, тем, что она объясняет природу вещи, а определение некоторым образом только правильно называет предмет и его украшает.

13. Гипотипоза, или описание, есть весьма известная и изящная фигура; хотя сама по себе она, по-видимому, только поучает, но все же и услаждает, и весьма пригодна для возбуждения чувств. В отношении этой фигуры придерживайся следующих наставлений. Во-первых, есть другая фигура описания, отличная от того описания, о котором шла речь в главе о повествовании. Ведь это последнее описание есть просто историческая речь, излагающая данный предмет: оно не стремится к тому, чтобы предмет казался наглядным, но только чтобы был понятен слушателю. Эта же фигура способствует украшению и целиком состоит в том, чтобы от описываемого предмета получалось скорее зрительное, чем слуховое впечатление. Во-вторых, предмет, на который стоит смотреть, достоин также и описания. В-третьих, описание будет наилучшим, если применить фантазию или воображение,

---

[131] **Он видел… бесстрашно.** Иоанн Златоуст. Слово о блаженном Вавиле, а также против Юлиана и к язычникам: 6. (Εἰς τὸν μακάριον Βαβύλαν καί κατὰ ᾿Ιουλιανοῦ καί πρὸς ἕλληνας; De s. Babyla contra Julianum et gentiles; См.: Полное собрание творений… Т. 2. Кн. 2. С. 573–617). На протяжении всего текста ФП по-разному называет это произведение Иоанна Златоуста.

[132] **Совершать безнаказанно все поступки — значит быть царем.** Sal. Iug.: 31.

[133] **Евангельские заповеди… направления пути и т. д.** Киприан Карфагенский. «О молитве Господней»: 1.

т. е. предмет, который хочешь описать, ты сначала хорошо запечатлеешь в своих мыслях и целиком подвергнешь его рассмотрению: каков он и сколь велик. В-четвертых, описание должно быть кратким и ясным, о чем сказано в другом месте: ведь если ты будешь задерживаться на каждой части слишком долго, то тем самым (потому что прежде, чем слушатель узнает вторую [часть], нужно будет забыть первую) она окажется невидимой для глаз. Если же описание сделается темным, то его невозможно будет даже понять и тем более увидеть. В-пятых, если описание (чем, по-видимому, оно отличается по природе) будет только поучительным, то его не следует соединять ни с какой другой фигурой, а выражать только простыми колонами. Если же оно применяется для услаждения или для возбуждения чувств, то тогда его можно часто соединять с другой фигурой, в особенности с фигурой вопроса, или, по крайней мере в пневматическом периоде, оно протекает по отдельным звеньям или по равным колонам, что является фигурой исоколон. Здесь я приведу отдельные примеры для всякого рода описания. Для поучения служит известная гипотипоза статуи Дианы в IV речи «Против Верреса»: «Это была очень больших размеров статуя; богиня была одета в столу, все же в ней, несмотря на ее рост, по моложавому виду и осанке нужно было признать деву; с плеча свешивался колчан, в левой руке она держала лук, в правой несла перед собой пылающий факел».[134]

Услаждающее описание содержится [в речи] «После возвращения из изгнания». Цицерон в речи «После возвращения к римскому народу» говорит, что Италия представляется ему еще более приятной, чем казалась раньше: «В самом отечестве, о бессмертные боги (едва ли это можно выразить), какая любовь, какая радость! Что за прелесть в Италии, какие знаменитые города, какие прелестные области! Что за поля! Какие плоды земли! Как красив Рим! Какова образованность граждан! Каково ваше величие! и т. д.»[135]

Поразительно в смысле возбуждения чувств знаменитое описание Златоуста в книге «Против язычников», в котором он рисует образ тирана, убившего мальчика, отданного под его покровительство, и образ мальчика погибающего: «Когда я вспоминаю, как этот злодей, готовый к бою, обнажил меч, схватил за шею мальчика той самой правой рукой, которой прежде принял его, вверенного в опеку, и ею же вонзил в него клинок, — меня снедает скорбь и я даже задыхаюсь от гнева. Напротив, когда я гляжу на этого мальчика, трепещущего от страха, испускающего предсмертные вопли, взывающего за помощью к отцу, свидетельствующего о том, что этот последний был виновником всех его несчастий, заявляющего, что он обязан убий-

[134] **Это была… факел.** Cic. Ver. IV. XXXIV, 74. Пер. В. О. Горенштейна.

[135] **В самом отечестве… Каково ваше величие! и т. д.** Cic. Red. Quir. 4.

ством не тому, кто вонзил ему меч в горло, но тому, кто породил его; ведь отец не был в состоянии ни помочь ему бежать, ни прийти к нему на помощь; но он напрасно просил своего собственного отца о том единственном выходе, который еще оставался; когда, наконец, я вижу, как он получает удар, вздрагивает, бьется ногами по каменному полю, орошает землю потоками крови, то снова сами мои внутренности раздираются на части, омрачается ум и перед глазами у меня разливается скорбный туман».[136]

14. Пролепсис, или предварение, бывает тогда, когда мы сами выставляем себе и опровергаем предполагаемые возражения противника. Эта фигура часто применяется при обосновании доводов и опровержениях. Например, такой пролепсис у Демосфена: «А я думаю, судьи, что этот Ликург будет выступать с доводами, именно он, который является свидетелем его позорных и порядочных поступков. Но я спрошу Ликурга в вашем присутствии, хочет ли он быть подобным ему в поступках и по характеру, а если Ликург станет это отрицать, то это убедит вас в нашей правоте».[137]

15. Прогипергасия, или параскеве, по-латыни «приготовление» или «предисловие» (обеспечивающее благосклонность слушателей) — фигура особенно необходимая для возбуждения доверия; то есть когда мы подготовляем нашу последующую речь [так], чтобы она внушала доверие, заранее либо подкрепляем ее похвалой, либо рассеиваем недоверие к ней, либо отвращаем зависть. Таким образом, если бы я пожелал выставить свидетеля с нашей стороны, который является для нас противником или врагом, то я сказал бы сначала: «Я полагаю, вы, слушатели, знаете, что похвала, высказанная врагом, вернее похвалы друга; ведь последний часто расточает хвалу под влиянием дружеской любви, а первый, напротив, хвалит, только принужденный истиной».[138]

16. Изречение — по-гречески гнома, есть краткое истинное и важное высказывание, содержащее наставление, относящееся к нравам людей или к познанию истины, например, известная сентенция Цицерона «За Лигария»: «Ни одна из твоих величайших доблестей не заслуживает более признательности и не вызывает большего удивления, чем милосердие».[139] Но, чтобы ты знал, что значит говорить сентенциозно, что является, конечно, весьма ценным и отличным украшением [речи], к чему многие стремятся,

---

[136] **Когда я… скорбный туман**. Златоуст. Слово о блаженном Вавиле, а также против Юлиана и к язычникам: Полное собрание творений… Т. 2. 1896. Кн. 2. С. 581.

[137] **…пролепсис у Демосфена… А я думаю, судьи… в нашей правоте**. В указанном тексте цитата не найдена.

[138] **…похвала… истиной.** Источник цитаты не установлен.

[139] **Ни одна… милосердие.** Cic. Lig.: 37.

но только немногие умеют, [имей в виду следующее]. Ведь некоторые полагают, что это то же самое, что начинять речь изречениями, заимствованными из авторов, но это не является фигурой, а источником для обоснования, именно доказательства. Поэтому, чтобы яснее себе это представить, выслушай следующее особое наставление относительно изречения. Подобно тому, как мудрые люди говорят, что жизнь бывает двоякого рода — деятельной и созерцательной, — таково и изречение. Изречение одного рода дает только представление о предмете, т. е. подходит более для жизни созерцательной, например, изречение Цицерона «В защиту Милона»: «Великое значение имеет сознание вины, судьи, и великое в двух отношениях: чтобы невиновные не страшились и чтобы у виновных при их расчетах всегда перед глазами стояло наказание».[140] Изречение другого рода определяет поведение, указывая, что нам следует делать и чего избегать, помогает деятельной жизни. Таково изречение Василия Великого в I послании: «Следует учить без зависти, а учиться без застенчивости».[141]

Но ты вовсе не должен иметь ничего против, если кто-нибудь выскажет мысль, что даже те изречения, которые только выражают истину, полезны для правильного воспитания характера: ведь спор об этом имеет мало отношения к настоящему вопросу.

Есть также и другое изречение, не требующее обоснования, так как оно само по себе надежно. Например, таково изречение Цицерона в XI «Филиппике»: «Нет вечного цветения, поколение сменяет поколение».[142] Другое изречение без обоснования представляется маловероятным, каково изречение того же Цицерона в XIV «Филиппике»: «Благонамеренные граждане, во-первых, рождаются натурой, затем им помогает судьба. Ведь всем благонамеренным гражданам важно благо республики. Но у тех, кто одарен судьбой, эта забота [о благе республики] более проявляется».[143] Имей в виду здесь: если при изречении имеется его обоснование, то изречение будет самым красивым, которое вместе с обоснованием поместится в одном предложении или в одном периоде. «Так как мы смертны, то нам не следует проявлять гнева, длящегося вечно».

Но в особенности следует знать о делении сентенций на открытую и скрытую. Открытое изречение — это то, которое высказывает что-либо в общем виде и является отвлеченным. Например: «Нет такого человека,

---

[140] **Великое значение… наказание.** Cic. Mil.: 61.

[141] **Василия Великого в I послании. Следует учить без зависти, а учиться без застенчивости.** В указанном сочинении цитата не обнаружена.

[142] **Нет вечного цветения, поколение сменяет поколение.** Cic. Phil. XI: 39.

[143] **Благонамеренные граждане… проявляется.** Cic. Phil. XIII: 16.

кто всегда был бы рассудительным». Скрытым же называется такое изречение, которое ограничено особыми местами, лицами или отрезками времени, например, такое изречение Цицерона «В защиту Марцелла»: «Однако ты одержал победу над тем, что по характеру и по природе можно было победить».[144] Скрытым оно называется потому, что хотя и является изречением, но не кажется таковым.

Сочинять изречения ты будешь таким образом: сначала рассмотри в общем положение вещей, знание которых относится к твоей теме. Затем найденное правильным, но высказанное отвлеченно положение ограничь [условиями] места, времени или лица, о которых у тебя идет речь, и сделай из отвлеченного конкретное изречение. Так, Цицерон вместо того, чтобы сказать: «Много великих народов также имеет такой характер и природные условия, что их можно победить» сказал: «Ты одержал победу над тем, что и т. д.» Это и есть самый замечательный род изречений.[145]

И это, как говорят, означает говорить сентенциозно, то есть если кто, тщательно обдумав и найдя сильные выражения, относящиеся в какой-то степени к поучению, обосновывает ими свою тему и излагает эти выражения, то отвлеченно и в общем виде, то в скрытой форме или конкретно. Однако прими во внимание, что открытые изречения следует применять, особенно оратору молодому, более осторожно и редко, потому что получается впечатление, будто он присваивает себе право всех поучать: ведь он излагает изречение в общем виде, которое следует высказывать только людям почтенного возраста или отличающимся [другими] преимуществами. Пример такого риторического украшения в особенности часто встречается в речи «В защиту Марцелла».

17. Рационация, или диалогизм, или апоплаза отлична от той рационации, которая является формой изложения доводов или силлогизма. Ведь эта фигура применяется тогда, тогда оратор беседует сам с собой и один играет роль двоих (вопрошающего и отвечающего, обвиняющего и оправдывающего) следующим образом: «Правильно поступили наши предки, установив, что не следует лишать жизни царя, взятого в плен на войне. Почему же? Потому что данную тебе судьбой возможность было бы несправедливо употреблять на то, чтобы наказывать тех, кого та же судьба незадолго перед этим одарила самым высоким званием [среди людей]. Что же насчет того, что он пошел против нас войной? Я больше этого не помню. Почему же? Потому что доблестному мужу свойственно считать врагами

[144] **Однако ты… победить.** Cic. Marc.: 8.

[145] **Вместо… «Много великих народов…» сказал: «Ты одержал победу над тем, что и т. д.».** Пересказ: Cic. Marc.: 8.

тех, кто стремится к победе, к побежденным же — относиться человечно. А он, если бы победил, разве не поступил бы так же? Конечно, он не был бы столь благоразумен. Почему же ты его щадишь? Потому что я привык презирать такую глупость, а не подражать ей».[146] Эта весьма изящная фигура, служащая как для поучения, так, в особенности кажется, и для услаждения в силу удивительной прелести диалогизма; и к тому же, как ты видишь, она весьма полезна для опровержения доводов противника.

Обрати внимание: чтобы диалогизм не был слишком вычурным, его надо наполнить важными глубокомысленными возражениями, каковыми является диалогизм в приведенном примере; затем он не должен быть слишком большим, т. е. немногословным и не чрезмерно длинным, потому что это тотчас же вызывает скуку.

18. Переход есть фигура, которая повторяет сказанное в немногих словах и вкратце излагает то, что нужно сказать, или тот отдел речи, в котором оратор совершает переход от одной части к другой или же от одного довода к другому. Цицерон «В защиту Марцелла» таким образом переходит от обоснования доводов к опровержению: «Теперь приступаю к самой важной судебной жалобе и к самому грозному твоему подозрению, которое следует обдумать как тебе самому, так и всем гражданам, и в особенности нам, которых ты спас».[147]

Один переход бывает совершенным, другой — несовершенным. Совершенный содержит две части: упоминание уже сказанного и тему дальнейшей речи. «За Квинкция»: «Столь продолжительное молчание Невия об уплате служит достаточным доказательством, что ему никто не должен. А что если я докажу Невию на основании его поведения в настоящем случае, что он не является кредитором Квинкция?»[148] Несовершенный же переход — это тот, в котором одна из двух [упомянутых] частей отсутствует; таков переход в указанном выше [примере из речи] «В защиту Марцелла». Ведь там не дается повторения сказанного, а только тема последующего изложения.

«Переходы» следует применять при сочетании доводов или частей ораторской речи; они должны связывать всю речь так, чтобы надлежащим образом слить воедино разнородное содержание. Переходы должны быть основательно продуманными, ясными, с тщательным выбором слов, а также с присоединением других фигур, и приспособлены для благосклонности, понимания и внимания слушателей. Ведь они являются как бы маленькими вступлениями, но не ко всей речи, а к отдельным ее частям.

---

[146] **Правильно… а не подражать ей.** Rhet. ad Her. 4: 23.

[147] **Теперь приступаю… спас.** Cic. Marc. 21.

[148] **Столь… Квинкция?** Cic. Quinct. 41–42. Пер. В. А. Алексеева.

Параскеве, или задержка, часто может замещать переход. Сказанного о фигурах, приспособленных для поучения, достаточно, теперь рассмотрим фигуры, имеющие значение для услаждения.

ГЛАВА IX
О ФИГУРАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ УСЛАЖДЕНИЮ

Обращаясь к этому роду фигур, мы вступаем как бы в какой-то восхитительный сад, сияющий разнообразными цветами, ведь эти фигуры удивительным образом услаждают слух и чувства, доставляют оратору признательную благосклонность всех [слушателей], украшаемые же ими предметы выставляют красивыми и привлекательными. И поэтому эти фигуры применимы во всяком радостном или нежном и тонком предмете, во всяком легком чувстве, например, в чувстве радости, любви, сожаления, в особенности же в парадном роде красноречия.

1. Анаклаза, по-латыни обращение, бывает, когда два предложения, противоположных или только непохожих друг на друга, составлены так, что из первого возникает второе. Это может произойти так: если подлежащее первого во втором будет сказуемым, а сказуемое первого будет поставлено в последнем вместо подлежащего. Так, Аристотель, как говорят, сказал: «Жизнь того человека является наиболее счастливой, у которого и мудрость способствует счастью, и счастье — мудрости».[149] Также, говорят, Феофраст утверждал: «Обязанность мудрого человека домогаться испытанной дружбы, а не испытывать дружбу уже достигнутую».[150] И Платоново изречение: «Счастливым будет государство, если в нем управляют мудрые, или те, кто управляет, проявляют мудрость».[151] Эта фигура иначе называется диаллелон, метатеза, плектон, хиастон.

2. Антитеза, когда одно и то же слово ставится дважды, так что во втором случае означает не то же самое, а противоположное, и этим отличается от традукции. Так, например, Вергилий («Энеида», кн. II):

Для побежденных спасенье одно — не мечтать о спасенье![152]

---

[149] **Жизнь того человека является наиболее счастливой, у которого и мудрость способствует счастью, и счастье — мудрости. Аристотель.** Возможно, восходит к диалогу «Лелий или о дружбе».

[150] **Обязанность мудрого человека домогаться испытанной дружбы, а не испытывать дружбу уже достигнутую.** Возможно, цитата из утраченного сочинения Феофраста «О дружбе», оказавшего влияние на диалог Аристотеля «Лелий».

[151] **Счастливым будет государство… мудрость.** Пересказ фрагмента диалога Платона Πολιτεία. 5. Plat. Resp. 5.

[152] **Для побежденных спасение одно — не мечтать о спасенье!** Verg. A. II, 354. Слова Энея при последней попытке дать отпор грекам, ворвавшимся в город.

3. Антитетон (другое название синэреза) бывает, когда сопоставляются предметы или лица противоположные. Основание для такого рода противопоставления различно. Во-первых, если выбирают предметы как бы противоречивые или лица противоположные, и в таком случае обычно применяют аллойозу: «Один из них был более щедр на подарки, другой же ловко умел получать [деньги]; последнего все искали — первого избегали, стараясь не попадаться ему на глаза. Ведь совестливость первого для всех была приятна, а бесстыдство последнего ему самому сладостно, а всем остальным — тягостно». Во-вторых, если мы утверждаем, что из одного предмета возникает и как бы рождается другой, ему противоположный. Так, мы часто говорим о Христе: «Он унизил себя, чтобы возвысить нас, ввергнул себя в пучину опасности ради нашего спасения, возложил на себя оковы, чтобы освободить нас, отдал себя на поругание, чтобы избавить нас от греха, пролил кровь [свою] за наше искупление; принял крестные муки, чтобы нас спасти от страшного ига царства дьявола, наконец, принял смерть, чтобы уготовать нам жизнь вечную у отца своего».[153] В-третьих, противопоставления обычно красиво излагают при помощи [фигуры] обращения. Так, о страждущем Христе церковь воспевает: «Вы дали мне, народ мой, вместо манны желчь, вместо воды кислое вино и т. д.».[154]

4. Антитеза отличается от упомянутого выше антитетона; ведь последняя [фигура] вводит вместе с собой противоположные предметы, противоречащие друг другу, как мы уже видели; первая же устанавливает между двумя или большим числом предметов некоторое согласие. Поэтому антитеза являет в одном и том же предложении согласие противоположностей. Отсюда происходит удивительное наслаждение: ведь кажется, возникает как бы некое чудо, когда предметы противоречивые, как говорят, при всем том являют соответствие. Многие охотно употребляют эту фигуру, как и все блестящие [риторические украшения], желая понравиться, но большинство предлагает слушателям смешные диковины или лучше сказать безобразные небылицы, [эту фигуру] поэтому следует применять умеренно и с большим разбором, так, чтобы упомянутое соответствие противоположных предметов было истинным, а не ложным; а это будет тогда, когда один из противоположных предметов мы употребим в собственном смысле, а другой — в переносном, или же оба в одинаковом смысле, но по разным основаниям.

---

[153] **Он унизил себя… своего.** Это образец амплифицирования общих мест, связанный с догматом искупления грехов и начинающийся с отсылки к Лк. 14: 11. Точный источник цитаты не обнаружен.

[154] **Вы дали мне, народ мой, вместо манны желчь, вместо воды кислое вино и т. д.** Антифон 12, Глас 8. Из службы Великий Пяток. Песнопения Триоди Постной.

Видов антитезы много; ведь с именем существительным может соединяться противоположное прилагательное, или с подлежащим противоположное сказуемое, или со сказуемым какое-нибудь противоположное дополнение, или с существительным любые противоположные существительные; или же к предмету или лицу прибавляется противоположное обозначение, или утверждается, что то и это является и холодным, и горячим, и приятным, и неприятным, или ни тем, ни другим: не могу ни молчать, ни говорить. Но все это, как я указал выше, следует высказывать правдоподобно. Марциал против человека легкомысленного и дурного:

И повадлив, и упрям; строптив и вместе услужлив;
Ни с тобою я жить, ни без тебя не могу.[155]

Так, мы называем Пресвятую Деву «невестой неневестной». Такая фигура иначе называется оксиморон. Прекрасный пример ее находим у святого Григория Назианзина в слове «В день Святой Пасхи».

«О удивительное смешение, о поразительное соединение! Сущий возникает, нерожденный рождается, необъемлемый объемлется благодаря посредничеству души разумной, помещенной между божественностью и грубостью тела. Тот, кто одаряет богатством других, становится бедным. Ведь он перенимает на себя бедность моей плоти, чтобы я приобрел богатство его божественности. Тот, кто полон, истощается, чтобы я стал причастен его полноте. Что же это за богатство доброты? Что за тайна меня окружает?»[156]

5. Антономасия бывает, когда какое-нибудь общее имя присоединяем в качестве собственного к известному предмету или лицу в силу его высоких качеств, например, под именем апостола, не прибавляя собственного имени, подразумеваем Павла, под философом — Аристотеля, под словом город — Рим, под таинством — только одно [таинство] причащения.

6. Хариентизм есть остроумная фигура, когда мы, хотя и колко, но все же с некоторой приятностью кого-нибудь задеваем, так что она, разумеется, причиняет неприятность только тому, к кому относится, другим же слушателям, по-видимому, приятна и доставляет удовольствие. Эта фигура наиболее пригодна для того, чтобы смирять людей развращенных и особенно высокомерных. Так, Златоуст [восклицает]: «Что тебя так возносит, о человек! И это потому только, потому что ты выступаешь облаченным в пышную мантию! Но такое же покрывало часто можно видеть у лошадей. Или

---

[155] **И повадлив, и упрям; строптив и вместе услужлив; Ни с тобою я жить, ни без тебя не могу.** Mart. XII, 46. Пер. А. А. Фета.

[156] **О, удивительное смешение… тайна меня окружает?** Источник не установлен.

потому что ты смотришь, едучи на колеснице? Но это же счастье имеют также дрова и сено!»[157]

7. Хлеуазм есть род иронии, когда мы как бы серьезно некоторым образом сравниваем предметы или лица, в действительности же лукаво подшучиваем и издеваемся над ними. Так, у Вергилия:

меня же
В страхе, Дранкей, обвиняй...[158]

Так у Овидия («Метаморфозы», кн. XIII) Улисс против Аякса:

Что дерзнул он один состязаться с Гекторской мощью,
Думает он, и царя, и вождя, и меня забывая,
В деле девятым стоя и жребием только возвышен.
Но каков же исход, о храбрейший, был вашего боя?
Гектор из битвы ушел, никакой не затронутый раной.[159]

8. Диэреза, или расчленение, есть привлекательная фигура, когда дается перечисление многих одинаковых или разнородных предметов так, что каждому придается свой признак, т. е. глагол, или эпитет, или что-либо другое. Так, Вергилий, излагая свою мысль «Не всякая земля приносит всевозможные плоды», — говорит:

Здесь счастливее злак взрастет, а там — виноградник,
Там — приплод от дерев, и по воле своей зеленеют
Травы; разве не зришь, как Тмол ароматы шафрана
Шлет, Индия — кость, Сабей же изнеженный — ладан,
Голый Халиб — железо, струю же бобровую с сильным
Запахом — Понт, а Эпир — кобыл элидских победы?[160]

Так, святой Киприан в слове о развращенных нравах своей эпохи говорит: «Нет у священников преданности религии, нет у слуг нерушимой верности, нет в поступках милосердия, нет строгости нравов, затем глаза — созданье Божье — осквернены, волосы выкрашены обманом и т. д.».[161] Фигура, часто употребляемая, и примеры [ее] попадаются всюду.

---

[157] **Что тебя возносит… дрова и сено!** Источник не установлен.

[158] **…меня же / В страхе, Дранкей, обвиняй...** Verg. A. XI: 384. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева.

[159] **…дерзнул он один… не затронутый раной.** Ovid. Met. XIII: 275–280.

[160] **Не всякая земля… победы?** Verg. G. I: 54–59. Пер. С. В. Шервинского.

[161] **Нет у священников… т. д.** Киприан Карфагенский. О падших (Cypr. De lapsis. 4). Пересказ.

9. Диализа, или бессоюзие, — фигура, противоположная многосоюзию, когда много слов ставится без союзов, легкая и не требует примеров. Ведь зачастую она применяется вместе с расчленением и другими фигурами, в которых встречается нагромождение множества слов: «Ты покорил варварские по дикости народы, в несметном количестве, безграничные по пространству и т. д.». Имей в виду, однако, что можно опустить при помощи этой фигуры не только соединительные частицы, но даже условные, вопросительные и другие, как, например, в следующей [фигуре] «Ответ на возражение»: «Во всех делах он показывал свою наглость: мы требовали возвратить долг, — он не платил, мы угрожали — он спорил; закон не имел никакой силы, представителей власти он презирал». Здесь частица «если» или «когда» исключена: ведь следовало сказать: «когда мы требовали возвратить долг, он не платил и т. д.»

10. Диафора, по-латыни «традукция», «перевод», когда одно и то же слово повторяется дважды или трижды, или принимает то одно, то другое значение, или же получает это (значение) в силу некоторого созвучия, происходящего от самого повторения, если соединяется с [фигурой] исправления: «Гражданин, если только он может называться гражданином»; «многим представляется, что они достаточно мудры, они добиваются, если не мудрости, то хотя бы видимости мудрости».

11. Эпанортоза, по-латыни «исправление», когда какое-нибудь выражение исправляется при помощи другого противоположного первому или более значительного. Одно исправление бывает исправлением слова, другое — фразы: «Обратите внимание на замешательство этого человека, или, лучше сказать, скотины». Эта фигура имеет также значение и для возбуждения чувств.

12. Этопея, или вымысел характера, бывает, когда мы представляем в воображении чей-либо характер или слова, иначе [эта фигура] называется «представлением» или «изложением»; она отличается от олицетворения тем, что в последнем случае мы вводим вымышленных лиц, а в первом случае — действительно существующие характеры или слова; от характеризма она также отличается как в том, что в первом случае мы описываем существующий в действительности характер, а во втором — правдоподобный, так и в смысле назначения: в первом случае это поучение, во втором — услаждение. Цицерон «В защиту Квинкция»: «Что же отвечает на это Секст Невий? Он подсмеивается над нами, глупцами, которые желают ввести в его жизнь понятие о высшем долге и требуют, чтобы он поступал как честные люди. «Что мне, — говорит он, — ваши честность и долг? Это дело людей порядочных; если же вы желаете получить понятие обо мне, то вы должны задать себе вопрос не о том, сколько у меня состояния, а о том, как я его

приобрел, кем родился и какое получил воспитание». Я помню старую пословицу: быть шуту богачом, но не быть хозяином».[162]

13. Гомэоза, по-латыни «сравнение», когда мы что-либо уподобляем. Имей в виду, что сравнение играет тройную роль: обосновывает [доводы], придает речи блеск и украшает. Когда сравнение обосновывает [доводы], это — вид и источник доказательства, (о чем уже было сказано в книге II); когда же оно расцвечивает речь, или делает мысль более ясной, или даже украшает, то это — фигура. Что бы, однако, ни думать об этом различии, конечно, если [сравнение] применять искусно, даже и при обосновании [доводов], то оно заслуживает названия фигуры.

Искусное применение сравнения осуществляется трояким путем: с помощью антитезы, расположения и краткости.

Путем антитезы, когда мы принимаем нечто, в какой-то степени сходное с нашим предметом, но все же показываем, что наш предмет не таков. Ты можешь сказать о новых друзьях так: «Новую дружбу сложно предпочесть старой. Хотя новый дом, или корабль, или даже новая одежда лучше старой и совершенно ветхой, однако новый друг едва ли лучше старого. Ведь верность первого сомнительна, непрочна, верность же последнего подобна золоту, которое проверяют много раз огнем, и в течение долгого времени испробована и испытана».[163] Из этого примера узнай еще следующее: следует отдавать [себе] отчет, почему ты называешь то, что сравнивается, несходным.

Путем расположения, когда мы просто придаем какому-нибудь предмету блеск с помощью другого подобного: «как — так», «каким образом — так». Например, «как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю, так трудно одновременно заботиться о земном и о небесном». Путем краткости выражается сходное, когда же сходство с самим предметом, о котором идет речь, относится к одному слову, то оно [выражается] посредством фигуры зевгмы следующим образом, например: «Кто гражданин, тот воин, кто плохой, тот хороший».[164]

---

[162] **Что же отвечает… но не быть хозяином.** Cic. Quinct. 55. Пер. В. А. Алексеева.

[163] **Новую дружбу… Ведь верность первого сомнительна, непрочна, верность же последнего подобна золоту… испытана.** Период основан на тезисе о верности на основе дружбы. «Не покидай друга твоего» (Притч. 27: 10). «Не оставляй старого друга, ибо новый не может сравниться с ним: друг новый — то же, что вино новое; когда оно сделается старым, с удовольствием будешь пить его» (Сир. 9: 12–13). См. также: Притч. 17: 17; Притч. 27: 6.

[164] **…как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю…** Неточная цитата. Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица, или Скрижали духовные. Слово 3 «О страннический, то есть уклонении от мира»: 22. Рус. изд.: Лествица Иоанна Синайского. М., 1647.

14. Гипербат есть удобное расположение слов не в обычном или естественном порядке. Смотри [об этом] выше, где [речь шла] о красивом расположении слов, в наставлении о периодах.

15. Метафора — общеизвестный и весьма распространенный троп; удобен для всех видов ораторского искусства; когда слова, употребленные в собственном смысле, в силу сходства принимают переносное значение. Примеров повсюду много.

16. Сюда надо отнести также аллегорию, которая бывает двоякой: чистая — когда все слова, взятые по подходящему сходству, имеют одно значение действительное, а другое — кажущееся. Например, известное выражение Златоуста в «Слове против Евтропия»: «Мои раны приносят здоровье», под [словом] раны он разумеет его порицания и [таким образом создает] смешанные [выражения], в которых соединены слова в переносном и в собственном смыслах; как если бы он сказал: «Раны моих порицаний приносят исцеление».[165]

17. Метонимия есть поставление имени вместо имени; например, когда именем автора обозначаем его произведение или обладаемый предмет именем обладателя; или же под содержанием понимаем содержимое, под действием — самого исполнителя. Так, мы говорим: «отцеубийство должно быть наказуемо», т. е. отцеубийца; «надежное государство», т. е. граждане.

18. Ономатопея есть создание имени. Например: цицеронствует, т. е. подражает Цицерону, так, Плавт говорит о каком-то лице, плохо говорившем по-гречески: грецизирует, но не аттицизирует, а сицилизирует.

Древние придумали много подобных [слов], в особенности [в подражание] звуку какого-либо предмета, например, [в подражание] шипящему шуму: лягушки квакают, лошади издают ржание и т. д. Людям нового времени такие выражения нравятся только в виде шутки.

19. Оксиморон — почти то же самое, что фигура коабитации, когда объединяются некоторые противоречащие друг другу или противоположные понятия, например, когда предмету придается контрастный эпитет: «нечестивое благочестие». Однако следует отдавать себе некоторый отчет, почему [именно] так говорится, иначе выйдет нелепость.

20. Палиндромия — красивейшая фигура: когда налицо соответствие слов словам, имен именам, наречий наречиям в одном ряду и в том же самом порядке: «Я желал бы, господа сенаторы, чтобы мы по воле бессмерт-

---

[165] **Мои раны приносят здоровье.** Сокращенная цитата «Если бы ты потерпел мои раны, то не причинили бы тебе поцелуи их этой смерти, потому что раны доставляют здоровье, а их поцелуи производят неисцелимую болезнь» (Иоанн Златоуст. Слово 11. О богатстве и бедности).

ных богов лучше выразили нашу признательность Сервию Сульпицию при его жизни, чем добивались для него почестей после смерти»[166]. Здесь «при жизни» соответствует «после смерти», «выразить признательность» — «добиваться почестей». Палиндромия бывает более изящной, если имеется соответствие противоположных [понятий] противоположным.

21. Парадигма есть пример, который иногда считают за довод, если его употребляют для обоснования; если [же] этот пример служит для украшения, то его причисляют к фигурам.

22. Парембола бывает, когда упоминаем что-либо внешнее, не относящееся к делу, так что подготовляем путь для того, что следует сказать в дальнейшем. Осуществляется [эта фигура] двояким путем: либо путем отрицания несуществующего для утверждения того, что есть. Цицерон «В защиту Манилиева закона»: «Уж, конечно, не небывалая сила гребцов, не неслыханное искусство кормчих, не неизвестные дотоле ветры перенесли его так быстро в самые отдаленные земли! Нет! Он просто не давал задерживать себя тому, что так часто замедляет движение других полководцев».[167] Или путем утверждения чего-либо для отрицания того, что мы желаем отрицать, или для утверждения исключительного существования чего-либо одного. Например, если ты будешь утверждать, что родители дадут тебе золото: оставят имение, установят известное содержание, но не смогут дать средств прожить как можно дольше.

23. Парономасия — есть некоторое созвучие слов, когда слова вследствие изменения или удаления букв или слогов кажутся по звучанию более соответствующими, чем несходными: omen-nomen, illustris (honori) — palustris и т. д. Например, «он считает это звание для себя не столько почетным, сколь обременительным (oneri)». Так как [эта] фигура является искусственной, то ее надо употреблять в самих редких случаях и всегда вместе с некоторой значительной мыслью.

24. Паронимия почти одинакова с предшествующей фигурой, но [в данном случае] может быть не только некоторое соответствие в созвучии слов, но даже в самом содержании высказывания. Обычно [эту фигуру] называют намеком, то есть когда мы применяем метафору или другой троп, или даже простые слова, но такие, которые [употребляются] не только в силу [простого] соответствия, а потому, что они соответствуют содержанию особым образом. Например, если сказать о воине, который является еретиком или атеистом: «Он находится вне Божьего лагеря». Здесь [слово] «лагерь» по-

[166] **Я желал бы… после смерти.** Cic. Phil. IX: 1.
[167] **Уж, конечно… полководцев.** Cic. Man. 40.

нимаем в переносном смысле — «церковь». Если бы назвать церковь так в другом случае, то получилась бы только метафора; здесь же, поскольку речь идет о воине, это паронимия или намек. Эта речевая фигура является остроумной, но она должна производить сильное впечатление.

25. Перифраза — есть некий описательный оборот речи, выражающий многими словами то, что можно передать вкратце. Все книги полны примеров [этой фигуры].

26. Синекдоха. Значение [этой фигуры] ясно из известных [уже нам] тропов, когда ставится часть вместо целого или целое вместо части; понимается либо один из многих или из одного многие и т. д.

27. Синойкиоза бывает тогда, когда утверждается или отрицается одно и то же относительно противоположных предметов: [Эта фигура] похожа на коабитацию. Например: «Скупой так же не владеет тем, что имеет, как и тем, чего не имеет».[168]

ГЛАВА X

О ФИГУРАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ВОЗБУЖДЕНИЮ ПЕРЕЖИВАНИЙ

1. Анакойноза, по-латыни «обращение», бывает тогда, когда мы обращаемся, спрашивая мнение и суждение о деле самих противников или слушателей. Цицерон «О дивинации»: «О тебе, клянусь Геркулесом, Цецилий, будет речь вне этого нашего состязания».[169]

2. Анадиплоза — когда одно и то же слово под влиянием какой-либо страсти мы удваиваем; по-латыни «удвоение», по-гречески также «палилогия». Цицерон против Антония во II «Филиппике»: «Ты, говорю я, М. Антоний, первым дал повод Г. Цезарю, желавшему привести в расстройство весь государственный порядок, начать войну против отечества».[170]

3. Антгипофора, по-латыни «упрек», «противопоставление» или «предвзятие», когда мы сами добровольно излагаем упреки противников для их опровержения. Например, Вергилий: «Правда, битвы исход был сомните-

---

[168] **Скупой так же не владеет тем, что имеет, как и тем, чего не имеет.** Hier. Ep. 50. (Письмо к Павлину. Об изучении Священного Писания). Ср.: «Для скупого так же не существует того, что он имеет, как и того, чего не имеет». *Диеспертов А.* Блаженный Иероним и его век. Прил.: Блаженный Иероним. Избранные письма. М., 2002. С. 167.

[169] **Цецилий, будет речь вне этого нашего состязания.** Cic. Div. Caec. 37.

[170] **Ты, говорю я… отечества.** Cic. Phil. II: 53.

лен, — пусть таким был бы и т. д.[171]» Эта фигура часто применяется при опровержении.

4. Антисагоге, или «возмещение», бывает, когда мы отвечаем на какое-либо возражение, соглашаясь с его справедливостью, но приводим другое, не менее основательное, которым уравновешиваем [первое] возражение. «Трудность велика, угрожает множество опасностей, но слава, которая произойдет от этого, бессмертна».[172]

5. Антифраза, по-латыни «пропуск» или «опущение», когда мы говорим, что не желаем чего-либо сказать или опускаем [что-либо], и, однако, этим самым вкратце упоминаем об этом. «Я не касаюсь того, что он вор, разбойник и т. д.».[173] Применяется [эта фигура] тогда, когда мы спешим что-нибудь сделать или когда, желая многое выразить, говорим, что не можем изложить много в отдельности.

6. Антистрофа, или «обращение», когда в конце многих колонов повторяется одно и то же слово. [Эта фигура] противоположна фигуре повторения. Таково известное изречение апостола: «Они иудеи — и я, сыны Израиля — и я, семя Авраамово — и я, служители Христовы (говорю это в безумии), — я больше того».

7. Афоризм или диоризм, у латинян «исправление», когда мы исправляем слово или фразу; [эта фигура] осуществляется двояким образом: либо путем отрицания сказанного, либо с помощью добавления более значительного выражения. «Гражданин, если его можно назвать гражданином»; «со всем чувством долга или скорее благочестием».[174]

8. Апория, иначе диапореза, по-латыни «сомнение», — фигура весьма известная. Когда нам приходится колебаться, откуда начать, где кончить, или мы говорим, что не знаем, какие [доводы] нам привести в соответствии с важностью дела. [Фигура эта] имеет значение преимущественно во вступлении.

9. Апосиопеза бывает, когда, начиная о чем-нибудь говорить, мы останавливаемся, чтобы показать силу чувства, в особенности же негодование. Например, приводят известное выражение Демосфена: «Я и [мой] противник явились в суд, подвергаясь неодинаковой опасности, но мне, по край-

---

[171] **Правда, битвы исход был сомнителен, — пусть таким был бы и т. д**. Verg. A. IV: 602–603. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева.

[172] **Трудность велика, угрожает множество опасностей, но слава, которая произойдет от этого, бессмертна.** Источник не установлен.

[173] **Я не касаюсь того, что он вор, разбойник и т. д.** Источник не установлен.

[174] **Они иудеи — и я, сыны Израиля — и я, семя Авраамово — и я, служители Христовы (говорю это в безумии), — я больше того.** 2 Кор. 11: 21.

ней мере, — но не хочу в начале моей речи произносить слова, предвещающие дурное...»[175]

10. Апострофа является наиболее отличной фигурой и [подходящей] для возбуждения чувств. [Эта фигура] бывает тогда, когда мы обращаем речь в сторону от слушателей; в этой [речи] допустимо обращаться к лицам отсутствующим, к умершим и даже упрекать или советоваться с предметами безгласными. Цицерон «За Росция»: «Он просит и умоляет тебя, Хрисогон». Хрисогон же в суде не присутствовал.[176]

11. Ара, или заклятие, когда мы желаем кому-либо зла. «О преступление, о чудовище, которое следует сослать на край света». И Вергилий во II книге «Энеиды»:

> Боги, коль на небе есть блюдущая то справедливость,
> Мздой воздадут заслуженной и пусть отплатят наградой.[177]

12. Климакс — [фигура], которую латиняне называют «восхождением» или «усилением», бывает, когда развитие [речи] идет от менее важного предмета к более значительному; при этом двояким образом: либо повторяется конец предшествующего периода и ставится вместо начала следующего, либо без такого повторения. Цицерон «В защиту Милона»: «Но он решился предстать не только перед народом, но даже перед сенатом, и не только даже перед сенатом, но и перед вооруженными силами государства, и не только перед ними, но и перед тем могущественным человеком, попечению которого сенат поручил все государство, весь народ Италии, все вооруженные силы римского народа».[178]

13. Кенота, по-латыни «сочетание», которое охватывает [фигуры] повторения и поворота, когда во многих частях ораторской речи одни слова повторяются сначала, другие — в конце. Таково известное выражение святого Григория Папы: «Дух святой исполняет юношу и творит из него певца и псалмопевца, наполняет юношу воздержанного и творит судью-старца, наполняет пастыря стад и творит пророка; наполняет рыбака и творит перво-

---

[175] **Я и мой противник явились в суд, подвергаясь неодинаковой опасности…** В речах Демосфена цитата не найдена. Указание на опасность появления в суде — общее место. См.: Эсхин. О преступном посольстве. 1 (Περί τής παραπρεσβείας. 1); Лисий. В защиту неизвестного, обвиненного в уничтожении священной маслины: 36.

[176] **Он просит и умоляет тебя, Хрисогон.** Cic. S. Rosc. 144. Пер. В. О. Горенштейна.

[177] **Боги, коль на небе есть блюдущая то справедливость, / Мздой воздадут заслуженной и пусть отплатят наградой.** Verg. A. II: 535–537. Пер. В. Я. Брюсова.

[178] **Но он решился… римского народа.** Cic. Mil. 61.

верховного апостола; наполняет преследователя [верных] и творит учителя язычников».[179]

14. Деесис, или заклинание; при помощи этой фигуры мы умоляем богов и людей и вводим нечто вроде залога нашей мольбы: «Во имя твоей десницы, молю и заклинаю тебя ради этих слез».[180]

15. Эмфаза является весьма важным видом речи, когда мы, как кажется, говорим мало или меньше, подразумеваем же многое и важное, и часто применяем слова, которые, при отсутствии эмфазы, были бы во всяком случае бесполезными; так, местоимение первого или второго лица не опускается, а они должны опускаться без фигуры. Потому часто сам Христос, желая что-либо внушить, говорит: «А я говорю вам». И если ты скажешь: «Ты мне надоедаешь; буду ли я тебя терпеть? и т. д.»[181] Также обычно ставятся собственные имена, обозначающие важное лицо или указывающие на ничтожное, например: «Павел боялся за себя, как бы он не стал недостойным».[182] Мы [же] вовсе не будем рассуждать (так как одним только именем Павла обозначены все качества апостола), что из себя представлял столь великий святитель, в такой мере исполненный Духа Святого.

16. Эпанафора — то же самое, что у латинян «повторение», когда одно и то же слово чаще ставится вначале; эта фигура весьма обычна, когда мы

---

[179] **Дух святой исполняет юношу и творит из него певца и псалмопевца, наполняет юношу воздержанного и творит судью-старца, наполняет пастыря стад и творит пророка; наполняет рыбака и творит первоверховного апостола; наполняет преследователя [верных] и творит учителя язычников.** ФП называет Григория Назианзина, цитируя Григория Великого (Двоеслова) (Gregorius Dialogus; ок. 540–604). Homilia XXX, Habita ad populum in basilica sancti Petri apostoli, die sancto Pentecostes: 8. Ср. также: Ecce, apertis eisdem oculis fidei, David, Amos, Danielem, Petrum, Paulum, Matthaeum intueor, et sanctus iste Spiritus qualis sit artifex considerare volo, sed in ipsa mea consideratione deficio. Implet namque citharoedum puerum, et psalmistam facit (I Reg. XVI, 18). Implet pastorem armentarium sycomoros vellicantem, et prophetam facit (Amos. VII, 14). Implet abstinentem puerum, et judicem senum facit (Dan. XIII, 46, seq.). Implet piscatorem, et praedicatorem facit (Matth. IV, 19). Implet persecutorem, et doctorem gentium facit (Act. IX, 1, seq.). Implet publicanum, et evangelistam facit (Luc. V, 27, 28). Благодарим за это дополнение Е. В. Введенскую.

[180] **Во имя твоей десницы, молю и заклинаю тебя ради этих слез.** Источник цитаты не установлен.

[181] **Христос, желая что-либо внушить, говорит: «А я говорю вам».** См. Нагорную проповедь (Мф. V: 22; 28; 32; 34; 39; 44 и т. д.) и цитаты из нее.

[182] **Павел боялся за себя, как бы его не осудили**. См.: Иоанн Златоуст Беседы на Первое и Второе послания к коринфянам (Беседа 6 на 1 Кор. 2: 1–2; 1). (Ὑπόμνημα εἰς τὴν πρὸς Κορινθίους πρώτην ἐπιστολήν; In epistulam I ad Corinthios argumentum et homiliae; Ὑπόμνημα εἰς τὴν πρὸς Κορινθίους δευτέραν ἐπιστολήν; In epistulam II ad Corinthios argumentum et homiliae 1–30).

с настойчивостью и упорством что-либо утверждаем. Примеров ее почти что бесконечное количество.

17. Эпидиортоза — когда мы смягчаем какую-нибудь грубость или необычайную дерзость, либо оскорбительные для слушателя выражения, приведя какое-нибудь извинение. Эту фигуру легче понять, когда ее присоединяют к продиортозе.

18. Эпимоне, по-латыни «задержка», когда мы, представив основательный довод, довольно долго на нем останавливаемся, стараясь внушить слушателю, чтобы тот рассудил и обдумал [свой] ответ на это. Например, если ты борешься против тех, кто утверждает возможность спасения для человека, придерживающегося учения не только одной православной веры, но также и других учений, и приведешь в подтверждение слова Христа: «Кто не собирает со мной, тот расточает».[183] Ты остановишься на этом несколько дольше и будешь усиленно развивать свою мысль в таком роде. Что здесь могут сказать наши противники? Христос учит, что не могут спастись те, кто не принадлежит к его церкви. Ведь что значит собирать без Христа, как не упражняться в добродетелях, но не там, где Христос? Христа же нет там, где нет церкви его, которая является его телом. Что же значит расточать, как не трудиться суетно? Или сами, если вы в состоянии, приведите другое объяснение, или же, может быть, вы не верите самому Христу? Конечно, вы не верите, но, опровергнутые уже мною, также боретесь со Христом, ему прекословите, его вызываете на спор.

Я не буду приводить вам никаких [доводов], кроме слов Христовых: «Никто не может собирать что-либо без Него». Какие бы возражения вы ни приводили, и если бы даже вы явились во всеоружии тысячи доводов, этот — повторяю — только один этот довод я брошу вам: Христос сказал: «Кто не собирает со мной, тот расточает». Ты видишь силу этой фигуры, в которой имеют место также и другие фигуры, в особенности же предоставление, ирония, повторение, вопрос и проч.[184]

19. Эпифонема бывает, когда после какого-либо серьезного или жалобного повествования или же после случайно изложенного довода приводится какой-либо величавый и исполненный страсти период. Цицерон в последней речи «Против Верреса», рассказав о жестоких поступках Верреса и о том, что просьбы несчастных людей его вовсе не могли тронуть, добав-

---

[183] **Кто не собирает со мной, тот расточает.** Мф. 12: 30.

[184] **Ты видишь силу этой фигуры…** ФП имеет в виду использование этой фигуры Иоанном Златоустом в толковании Мф. 12: 30. См.: Иоанн Златоуст. Беседы на святого евангелиста Матфея. Беседа 41. (Ὑπόμνημα εἰς τὸν ἅγιον Ματθαίον τὸν Εὐαγγελιστήν; In Matthaeum homiliae 1).

ляет: «[родители] умоляли не о жизни детей, но лишь о быстрой их казни».[185] Поэтому, говоря яснее, эпифонема бывает тогда, когда из сказанного мы берем нечто [такое], что и амплифицирует нашу речь, и ярко выражает удивление, сострадание или [какое-нибудь] другое чувство. Часто это происходит по внушению самой природы; например, когда люди, услышав о чем-либо или увидев, или сами рассказав что-либо необычайное, важное, жалкое или недостойное, под влиянием какого-нибудь душевного состояния, потрясая головой, высказывают нечто такое, что свидетельствует об их негодовании или удивлении. Таково известное выражение святого евангелиста Иоанна: «Многие, — говорит он, — также из начальников уверовали в него, но из-за фарисеев не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги»[186]. До сих пор идет повествование, затем евангелист присоединяет эпифонему: «Ибо они возлюбили более славу человеческую, нежели славу Божию».[187]

20. Эпитропа, у латинян «допущение» или «предоставление», когда, полагаясь [на справедливость] нашего дела, мы предоставляем судьям или самим противникам делать или говорить [все], что они пожелают: «Пусть убивают, совершают поджоги и т. д.» В соединении с иронией эта фигура имеет большую силу, Цицерон «Против Катилины»: «Что же ты ждешь? Уезжай! Слишком уже стосковался по тебе, своем начальнике, твой Манлиев лагерь».[188]

21. Гипербола бывает, когда мысль выходит за пределы правдоподобия, но не меры; т. е. когда мы, желая с помощью слов весьма значительных, показать что-либо значительным, представляем это большим, чем оно есть [в действительности], однако так, что преувеличение не будет чрезмерным, но лишь достаточным для того, чтобы подчеркнуть важность предмета. Гипербола может служить как для преувеличения большого, так и для преуменьшения малого. И Цицерон во II «Филиппике» таким образом преувеличивает чрезмерную роскошь и расточительность Антония, который быстро промотал огромные сокровища Помпея Великого: «Что за всепожирающая Харибда? Харибда, говорю я! Если она существовала, то была только одним животным: Океан клянусь богом, едва ли бы, по-видимому, смог за столь короткое время поглотить такие великие богатства, рассеянные по столь отдаленным местам».[189] Гипербола есть самая мощная амплификация, вы-

[185] **[родители] умоляли не о жизни детей, но лишь о быстрой их казни.** Cic. Ver. IV: 119.

[186] **Многие … от синагоги.** Ио. 12: 42.

[187] **Ибо они возлюбили более славу человеческую, нежели славу Божию.** Ио. 12: 43.

[188] **Что же ты ждешь? …Манлиев лагерь.** Cic. Catil. I: 10.

[189] **Что за всепожирающая Харибда?.. отдаленным местам.** Cic. Phil. II: 67.

раженная в немногих словах, осуществляемая путем невероятного сравнения или иным способом.

22. Парентеза есть [фигура], при которой в непосредственно следующей фразе вставляется какое-либо [предложение], занимающее промежуточное положение. Это делается либо ради ясности и относится к поучению, либо для выражения страсти. Например, известное выражение Демосфена: «Вас, о бессмертные боги, во храме которых совершилось это, призываю в свидетели».[190] Фигура эта должна быть краткой, иначе, если образуется большой перерыв, она внесет в речь неясность.

23. Патопея — фигура, подобная этопее, когда мы типически выражаем чье-либо чувство: гнев, радость, скорбь. Правила применения этой фигуры почти те же, что и при характеризме. Цицерон «За Росция»: «Каждый желал, чтобы лучше все сгорело, чем видеть, как Т. Росций разыгрывал из себя хозяина над имуществом такого прекрасного, достойного человека, каким был С. Росций».[191]

24. Продиортоза — [фигура] противоположная эпидиортозе; вторая смягчает грубость в речи, первая, прежде чем высказать какое-либо слишком резкое слово, отдает некоторое предисловие. Например: «Хотя я чувствую, сколь оскорбительные вещи я должен произнести, но все-таки скажу». Так, Златоуст в VII беседе «На послание к Колоссянам», говоря против женщин, которые покупали себе ночные горшки из серебра, применяет продиортозу через парентезу: «Что же [делают] женщины? (стыдно, но все же необходимо сказать): они употребляют серебряные ночные горшки». И затем громогласно обличив этот порок, он употребляет эпидиортозу: «Я знаю, что эти избалованные женщины плюют на эти мои слова, но мне все равно; лишь бы они оказались полезными».[192] В этом случае [Златоуст], хотя и не особенно смягчает свою резкость, но все же ограждает [себя от последствий].[193]

25. Плока — фигура сходная с перенесением [значения] и в некотором отношении [с ним] несходная; когда одно и то же имя (ведь эта фигура глав-

---

190 **Вас, о бессмертные боги, во храме которых совершилось это, призываю в свидетели.** Источник цитаты не установлен.

191 **Каждый желал, чтобы лучше все сгорело, чем видеть, как Т. Росций разыгрывал из себя хозяина над имуществом такого прекрасного, достойного человека, каким был С. Росций.** Cic. S. Rosc. IX: 24. Пер. Ф. Ф. Зелинского.

192 **Что же [делают] женщины?** Златоуст. VII беседа на послание к Колоссянам (толкование на Кол. 2: 16–19). In Epistola ad Colossenses, cap. VII.

193 **Я знаю, что эти избалованные женщины плюют на эти мои слова, но мне все равно; лишь бы они оказались полезными.** Златоуст. VII беседа на послание к Колоссянам (толкование на Кол. 2: 16–19). In Epistola ad Colossenses, cap. VII.

ным образом основана на именах) ставим дважды в разном значении, или утверждая то же самое об одном и том же предмете (например: «Но все же в тот день Меммий[194] был Меммием». Здесь сначала Меммий просто взят в качестве упомянутого человека, Меммия, затем в качестве того же человека, рассматриваемого вместе с его характерными чертами), или, что бывает чаще и надежнее, отрицая то же самое относительно одного и того же предмета.[195] Например, известный стих Овидия:

Как Ниобея теперь не похожа на ту Ниобею.[196]

И у Вергилия о Гекторе:

…горе мне, был он каков! Как был не похож на того он
Гектора.[197]

Это остроумная и удобная для выражения скорби фигура. Вот тебе несколько видов эмфазы.

26. Полисиндетон — многочисленность соединительных или разделительных частиц, имеет значение при быстром повествовании о деянии и при амплификации путем нагромождения. Примеры известны и обычны.

27. Просопопея — обычная фигура; получается, когда мы придаем вид лица предметам безгласным и тем, которых нельзя назвать лицами. Это часто происходит трояким путем: наделяя их способностью действовать, или произносить речь, или тем и другим вместе. Например, Цицерон в речи «В защиту Марцелла»: «Стены, клянусь богом, Г. Цезарь, страстно желают выразить тебе благодарность». При помощи этой фигуры можно наделить речью небо, землю, города, горы, реки, камни, (например, «камни возопиют») и другие бездушные предметы. Впрочем, если приводятся даже слова покойников или самого Бога, то это будет (так как речь вымышлена) считаться просопопеей.[198]

---

[194] **Меммий** — Гай Меммий (Gaius Memmius; ум. 100 до н. э.) — римский государственный деятель, народный трибун, ценитель поэзии, которому Лукреций посвятил поэму «О природе вещей» (Cic. Brut. 247; Plin. Ep. V 3; Ovid. Tr. II 433). Скандально прославился своими любовными похождениями (Cic. Att. I 18; Suet. Gramm. 14).

[195] **Но все же в тот день Меммий был не Меммием.** Общее место. См.: De nuptiis Philologiae et Mercurii et de septem artibus liberalibus Marcus Tullius Cicero, orationum incertarum frr. 16.1

[196] **Как Ниобея теперь не похожа на ту Ниобею.** Ovid. Met. VI, 3. См. также: ФП «Поэтика». С. 412.

[197] **…горе мне, был он каков! Как был не похож на того он / Гектора…** Гектор явился Энею в сновидении. Verg. A. II: 274. См. также: ФП «Поэтика». С. 413.

[198] **Стены, клянусь богом, Г. Цезарь, страстно желают выразить тебе благодарность.** Cic. Marc. 10.

28. Протропа, по-латыни «поощрение». [Эта фигура] не является самим приемом поощрения, но прямым и настойчивым изложением поощрительных доводов, которое состоит из множества отрывочных обращений лиц, повелительных слов и побудительных частиц: ну, ну-те, помогите-ка, граждане и т. д. Фигура эта имеет значение главным образом в заключении.

29. Сарказм — фигура, подобная хлеуазму, [получается], когда мы рассказываем о чем-либо отвратительном и безобразном в несколько язвительном и шутливом тоне. Например, Цицерон «В защиту Целия»: «И это я стал бы делать с большей силой, если бы тому не мешали мои враждебные отношения с мужем, т. е., я хотел сказать, с братом этой женщины: всегда в этом пункте я ошибаюсь». Здесь оратор, называя брата мужем, обвиняет Клодию в преступной связи.[199]

30. Солют, по-гречески «асиндетон», [получается], когда выражается без соединительных частиц, бессоюзно, то, что вообще следовало бы связывать с помощью союзов. Эта фигура имеет значение там же, где и полисиндетон; примеры ее весьма часты.

31. Синхореза, по-латыни «допущение», когда в силу самоуверенности мы даже кривду или ложь называем справедливостью и правдой. Применение [этой фигуры] наиболее обычно при опровержении. Однако вовсе не следует делать допущения до такой степени, чтобы ложь казалась совершенной правдой, так как все это вредит нашему делу, но или сначала следует дать опровержение, и затем сделать допущение, переходя к другому, более важному [пункту], или же в само допущение вставить какое-нибудь отрицание с помощью парентезы. Примеры [этой фигуры] смотри в образцах опровержения.

32. Синонимия получается, когда какое-либо [речение] выражается много раз разными словами, но имеющими одинаковое значение. Имеет две разновидности: в словах, когда выбираются только слова одинакового значения; и во фразах, когда много отдельных звеньев, колонов или даже периодов обозначают одно и то же. Заметь здесь: синонимичные слова и периоды не должны иметь совершенно одинакового грамматического значения. Ведь это будет вздорная болтовня, что считается недостатком; но хотя слова, поставленные отдельно, имеют разный смысл, в соединении, однако, они могут означать одно и то же. Поэтому множество синонимов следует брать также из тропов.

---

[199] **И это я стал бы делать с большей силой, если бы тому не мешали мои враждебные отношения с мужем, т. е., я хотел сказать, с братом этой женщины: всегда в этом пункте я ошибаюсь.** Цицерон намекает на предосудительные отношения между братом и сестрой. Cic. Cael. XIII: 32.

Обращаю внимание на то, что эта фигура имеет троякое применение. Во-первых, для того, чтобы какое-либо выражение, само [по себе] несколько темное, высказать яснее; ведь некоторые выражения, однажды употребленные, не совсем понятны, при частом же употреблении становятся более понятными, так как мы яснее видим то, на чем дольше задерживаем острый взгляд; во-вторых, для того, чтобы амплифицировать какое-нибудь [выражение]; ведь существует много выражений, которые, единожды названные, видимо, недостаточно соответствуют значительности и важности предмета, [который они выражают]; поэтому [здесь] может быть уместно скопление синонимов; в-третьих, чтобы какое-либо выражение, которое мы считаем весьма ценным, внушить [слушателям] с большей силой; ведь снова и снова повторяемое выражение запечатлевается в уме и памяти более глубоко; и тогда [эта фигура] будет одинаковой с эпимоне или припоминанием. Примеры [этой фигуры] всюду обычны.

ГЛАВА XI

О ПРИМЕНЕНИИ ФИГУР С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТРЕХ ТИПОВ РЕЧИ

1. Если сравнить обычное применение фигур с тем, какое эти фигуры, по-видимому, имеют по своему характеру, то мы увидим, что фигуры, относящиеся к поучению, встречаются в низменном стиле; те же, которые способствуют услаждению, занимают господствующее положение в среднем или цветистом стиле; фигуры же, служащие, как мы сказали, для возбуждения душевных состояний, с особой силой проявляются в высоком стиле; но, однако, существует и некоторая другая точка зрения на них.

2. Итак, обрати внимание на то, что все фигуры первого рода встречаются в среднем и даже в высоком стиле там, где надо описывать что-либо и услаждать [слушателей]. Ведь при описании даже весьма важных предметов, только тема — возвышенная, стиль же бывает более простым и несколько более низменным до тех пор, пока после изложения он не поднимется ввысь как бы на крыльях амплификаций.

3. Фигуры же второго рода не следует исключать совсем из области низменного или высокого стиля; они могут, как гости, переселяться в обе эти области, если только принять во внимание условия места и времени или характер самих слушателей. Ведь в низменном [стиле] встречаются приятные и изысканные темы, требующие и чарующего стиля; в особенности же здесь могут быть [различные] виды этопеи: ведь они мало чем отличаются от характеризма, гомеозы и т. д. Наоборот, в высоком стиле речи

надо с большей осторожностью нагромождать эти изящные обороты. Ведь шутливая манера менее всего подходит для изложения предметов важных, однако введение шуток требуется иногда из соображения разнообразия, и когда слушатели, утомленные непривычной им и напряженной речью, обращаются к шутке, то следует умышленно предоставить им более полный и приятный отдых; но при переходе к общим местам и в ораторских отступлениях надо [приводить шутки] с большей осторожностью.

4. Фигуры третьего рода, по крайней мере, в низменном стиле (в особенности если тема печальная), почти все могут находиться в заключениях, т. е. там, где следует возбуждать чувства сострадания или негодования. Ведь как при возбуждении чувств, так и путем амплификации мы стараемся, чтобы даже малые вещи имели вид значительных. И таким образом мы впадаем до некоторой степени в возвышенный стиль. Иначе все же обстоит дело в цветистом стиле: в силу того, что в этом стиле заключение бывает зачастую приятнее целой речи, эти строгие фигуры едва ли найдут себе применение, разве только если их помещать осмотрительно, немного позднее, на втором месте; но в пределах одного и того же стиля ради разнообразия, чтобы длительное развлечение не повлекло за собой пресыщение, можно умышленно вставлять [в речь] некоторые серьезные отступления, украсив их строгими фигурами.

Далее обрати внимание на то, что в каждом из упомянутых родов есть довольно много фигур такого вида, которые именно по своему характеру относятся к предметам возвышенным или приятным. Впрочем, если эти [фигуры] применять к неподходящим предметам (следует только иметь в виду, какие фигуры можно применять), то они как бы примут иной вид. Так, гомэоза, или сравнение, сама по себе есть, конечно, фигура, доставляющая удовольствие, но если [сравнение] берется от предмета возвышенного, то она будет уже не только услаждать, но даже возбуждать сильное чувство; так, просопопея по своему характеру является именно строгой фигурой; если, однако, какой-нибудь безгласный, или незначительный, или радостный предмет выводится говорящим или действующим, то [фигура] олицетворения не столько будет возбуждать чувства, сколько услаждать; это же следует сказать и о многих других фигурах.

ГЛАВА XII
О СПОСОБЕ ГОВОРИТЬ С ТАКТОМ

Это четвертое достоинство красноречия, состоящее в способе говорить с тактом, т. е. чтобы речь соответствовала вкусам оратора и слушателей, условиям места, времени и всем другим обстоятельствам. Ведь обычно

бывает, что одни и те же слова, произнесенные стариком, кажутся серьезными, а в устах юноши — смешными. Одинаковое выражение в одно время имеет успех, в другое же время производит не только неприятное впечатление, но даже становится отвратительным. Поэтому рассмотрим, что следует иметь в виду при этих обстоятельствах.

1. Итак, уместное, как говорят поэты, или, как принято у риторов, соответственное, следует рассматривать в двух смыслах: в отношении содержания и слов.

В [смысле] содержания следует обратить внимание на то, чтобы говорить самое необходимое в данном месте или в данное время и стараться не подвергнуться той насмешке, которая, по свидетельству блаженного Иеронима, была брошена какому-то оратору, говорившему хорошо, но не по существу: «Хорошо ты говоришь, — сказал он, — но к чему эти хорошие слова?»[200] Этого [недостатка] можно избежать только [в том случае], если каждый [оратор] старательно и рассудительно заранее продумает основные положения [речи] в соответствии с временем и обстоятельствами. В особенности это следует делать в показательном роде [речи], ведь обычно [ораторы] не имеют представления о том, что [следует говорить] во время приветствий, поздравляя с днем рождения, с бракосочетанием и т. д., и говорят такие речи, выслушав которые, можно поклясться, что ты ничего не услышал о поздравлении. Поэтому усердно читай темы, которые будут даны ниже в соответствующих местах, в посланиях, в речах показательного рода и на праздниках.

2. Уместное в словах [состоит в том], если [те слова], которые следует высказать, приводятся надлежащим образом. А это может быть, только если ты сначала примешь во внимание твое личное положение, положение слушателей, само дело, о котором надо говорить, и всегда будешь иметь перед глазами следующие правила: кто говорит, кому, о чем.

3. [При рассмотрении] личного положения оратора следует иметь в виду четыре обстоятельства: возраст, образ жизни, имущественное положение, достоинство. Ведь юноша должен говорить скромно, застенчиво, пространно, пользуясь ораторскими украшениями; напротив, старик — с достоинством, авторитетно, менее изысканно и более кратко. Ведь если старик риторически изукрасит свою речь так же, как юноша, то у последнего она окажется достойной похвалы, а у первого будет деланной. Так же в отношении общественного положения: речь воина может быть напыщенной, гневной и высокомерной; [речь] человека ученого — более спокойна и красноречива. У Сал-

[200] **Хорошо ты говоришь, но к чему эти хорошие слова?** Источник цитаты не установлен.

люстия иначе говорит воин — Марий, иначе — Цезарь; и опять-таки у Овидия по-иному говорит Аякс, по-иному — Улисс. В отношении состояния: бедняк будет говорить более униженно и покорно, а богач, правда, не вызывающе высокомерно, но, впрочем, с большей откровенностью. На различие [в манере речи] оказывает влияние также достоинство: не так будет говорить государь, как человек из народа. Ведь там, где первый может повелевать, последний должен будет скромно просить или советовать.

4. [В отношении] личностей слушателей следует иметь в виду те же четыре условия и рассматривать особые приемы стиля относительно каждого из них. В одной манере ты будешь говорить среди ученых, в другой — среди крестьян; ученым достаточно сказать один раз о многом и даже не следует вдаваться в подробности, но выразительно подчеркнуть. Наоборот, крестьянам все надо излагать ясно, открыто и многое даже внушительно чаще повторять; затем, если даже ты выступаешь с советами среди молодежи, людей знатных, надменных, а также ученых и набожных, то заимствуй доводы из области достойного и недостойного. Напротив, простому народу и крестьянам выставляй на вид пользу и вред. Далее, государи, сенаторы, высшие власти желают слушать речь краткую, но остроумную, убедительную, содержащую важные мысли. Горожане больше находят удовольствие в простых [доводах], чем в [ораторских] тонкостях, судьи смотрят за действенностью доводов и считают подозрительным всякое [риторическое] украшение [речи], если оно отличается несколько большим блеском. Мало того, следует подвергнуть основательному рассмотрению даже природные свойства и характер народа: ведь, например, спартанцам как людям воинственным нравилась краткая манера говорить; афинянам, т. е. людям сведущим в политических вопросах и образованным, была приятна речь приглаженная, тщательно обработанная, изящная; беотийцы любили напыщенный стиль речи, так как сами они были надменными и необразованными.

5. Что же касается самих предметов, о которых мы высказываем какое-либо суждение, то следует обращать внимание на их характер, достоинство и цель: печальные ли они по характеру или радостные, достойные или недостойные и т. д. Здесь следует иметь в виду чувства (относительно чувств и их свойств смотри в следующей книге). [Относительно] достоинства — малые или великие, малоценные или имеющие некоторое значение, или же средние между высшими и низшими. Здесь следует тщательно рассмотреть, какой род речи подходит для предметов важных, какой — для незначительных и какой — для средних. Смотри в книге I, где сказано о трояком роде красноречия. Цель же предметов состоит в обсуждении, судебном разбирательстве и восхвалении. В совещательном [роде] поэтому речь должна быть торжественной, но не весьма, изящной и остроумной, в особенности

если она обращена к народу. В роде судебном следует заботиться о силе доказательств; украшение же нужно применять в соответствии с важностью предметов. Показательный род из всех [родов] требует наиболее украшенной речи.

6. Следует иметь в виду также обстоятельства места и времени. Поэтому во время войны, в особенности если предстоит сражение, полководец был бы неразумным, если бы вздумал терять время на долгие речи и упустил удобный случай или предпочел бы нанести ущерб государству, чем многословию.

КНИГА V

О СПОСОБЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДУШЕВНЫХ СОСТОЯНИЙ

Дарованием ли или силой следует называть это замечательное искусство красноречия, но именно из-за него одного, по моему мнению, и прославляют имена писателей. Ведь человеческая мысль является столь скрытой и столь изменчивой, что никакой силой обнаружить и ухватить ее нельзя, однако с помощью этого искусства оратора ее можно и обнаружить, и ухватить. Поэтому все прочие достоинства речи настолько, конечно, выделяют оратора среди других людей, насколько люди отличаются от зверей. С другой стороны, искусство возбуждать человеческие чувства возносит красноречивого оратора в какой-то степени над человеческой участью. Ведь такое проникновение человеческого сердца кажется прямо божественным: ты влечешь сердце, словно рукой, и направляешь в разные стороны, формируешь, изменяешь, вселяешь любовь, обращаешь к ненависти, обуздываешь страхом, наполняешь радостью и волнуешь прочими чувствами. В этом сила, в этом мощь оратора, эта [способность] делает его не только советником, но победителем и триумфатором. И я полагаю даже, что этой одной [способности проникновения в сердца людей] Цицерон,[1] Демосфен[2] и другие обязаны великими и поразительными успехами своих речей. Поэтому если какое-либо другое свойство мы изучаем, то эту способность красноречия мы стараемся приобрести, напрягая все усилия. Так как много авторов оставили сочинения о душевных состояниях, то я изложу вам сущность вопроса, насколько возможно кратко.

Главы в книге V.

Глава I. Почему и отчего возникает душевное состояние и сколько родов таковых.

---

[1] **Цицерон.** См. примеч. 3 к кн. I.

[2] **Демосфен.** См. примеч. 15 к кн. I.

ГЛАВА I

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО ВОЗНИКАЕТ ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ И СКОЛЬКО РОДОВ ТАКОВЫХ

1. Душевное состояние есть переживание воспринимающей души, возникшее из ожидания чего-либо дурного или хорошего. Определение ясное, но требует объяснения: что такое воспринимающая душа? Итак, знай, что философы признают три жизненных способности: растительную, в силу которой какое-либо существо питается, размножается, растет; чувственную, которая повелевает чувствами: зрением, вкусом, осязанием и т. д., и разумную, которая заставляет живого человека понимать, судить и делать выводы. Мы не находим всех этих трех способностей во всяком живом существе, но у растений — только одна растительная способность, у неразумных животных — растительная и чувственная; в человеке же, как в наисовершеннейшем живом существе, можно обнаружить все три. Итак, выражение «переживание воспринимающей души» употреблено не в том смысле, что в человека вложены три души, но что они живут в одной и той же душе, как обладающей способностью чувствовать. Ведь существо, лишенное чувств, не волнуется страстями: так цветы и деревья, как видим, не чувствуют ни скорби, ни радости, если о них не говорят это в переносном смысле. С другой стороны, как мы знаем, небесных духов равным образом страсти не затрагивают: они наслаждаются вечным спокойствием. Итак, нам остается признать, что эти переживания коренятся в части чувствительной.

2. Душевное состояние страсти, если обратиться к его названию, как говорят, происходит от воздействия того, что вызывает в человеке определен-

ное душевное движение, по-гречески πάθος, что по-латыни означает страдание: ведь тот, кто имеет известное переживание, страдает.

3. Причина страстей — сам Бог, творец природы, он придал нашему естеству начало различных душевных состояний, то есть известного рода жидкости, разнообразно изливающиеся из четырех элементов и отличающиеся свойственными им особенностями. Это он сотворил не без причины (как и все, что он творит): ведь страсти являются как бы трутом для добродетели, хотя мы часто употребляем их во зло. И к тому же виновником страстных начал в человеке является Бог. Но сами душевные переживания, возникающие из этих начал, обычно возбуждаются двумя причинами. Одна из них — внешняя, например, равным образом Бог или демон, или человек или нечто другое; другая — внутренняя, то есть ожидание хорошего или дурного, как это ясно из определения, ведь познавая хорошее или дурное, мы проникаемся той или иной страстью.

4. Относительно первого естественного начала страстей различные [ученые] рассуждают по-разному. С моей точки зрения, любовь является как вдохновителем, так и источником всех страстей. Ведь, например, мы что-либо ненавидим потому, что считаем это для себя вредным; вредоносное же неприятно нам потому, что препятствует нашему благу, а благо каждый для себя желает потому, что любит себя. Таким же образом также и другие душевные состояния можно возвести к любви.

5. Путем рассмотрения роли и свойств любви мы легко поймем различные виды страстей. Роль любви двоякая: желать добра и не желать дурного тому, кого любят. Поэтому так как все страсти вращаются на этих двух моментах (желании и нежелании), как бы на оси, то, по-видимому, их возможно и удобно свести к [этим] двум видам. Итак, одни страсти, относящиеся к стремлению, проявляются в преследовании, другие же, которые относятся к тому, от чего душа отвращается, проявляются в избегании. Ведь когда исполняем первую роль любви, мы любим, тоскуем, надеемся, радуемся и т. д.; все эти страсти, по-видимому, преследуют какую-либо цель; когда же беремся за вторую роль, то относимся враждебно, сердимся, негодуем, страшимся, сожалеем, краснеем, отчаиваемся, скорбим; эти страсти, по-видимому, избегают чего-либо, как это ясно при рассмотрении. Поэтому я привожу здесь две группы страстей.

Первая группа страстей: любовь, томление, забота или тревога, надежда или уверенность, наслаждение, или удовольствие, или радость.

Вторая группа страстей: ненависть, страх, отчаяние, гнев, негодование, скорбь, стыд, милосердие. Эти страсти главным образом приходится затрагивать оратору, и о них мы будем рассуждать в этой книге сначала в общем виде, а затем о каждой в отдельности.

ГЛАВА II

ДВА ГЛАВНЫХ ПРАВИЛА ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДУШЕВНЫХ СОСТОЯНИЙ

Первое правило, когда страсти (как говорят философы) возбуждаются отчасти важностью происходящих событий, отчасти непосредственной очевидностью их.

Имей в виду сперва следующие наставления: если ты пожелаешь, разбирая какую-либо тему, воздействовать на чувства зрителей, то покажи ее самой важной в своем роде и, если позволяет ее существо, опиши ее и сделай как бы очевидной для рассмотрения. Первое совершится путем амплификации, второе — с помощью описания, о чем было подробно сказано уже выше. На этих двух моментах, как бы на оси, вращается все искусство возбуждать душевные переживания; ниже, где речь о страстях в частности, мы будем говорить только о том, что следует амплифицировать или описывать.

Второе правило, которое принимают и которым восхищаются все наставники красноречия, принадлежит мудрому Фабию Квинтилиану. Ведь оно является самым надежным и, пожалуй, его одного достаточно для всего этого дела. Я решил привести его в изящном изложении самого автора. Итак, он, рассуждая о возбуждении страстей (в книге VI глава 2), продолжает так: «Если бы я хотел придерживаться предписаний риторов, я бы выполнил эту часть моей задачи, поскольку я не упустил ничего из того, что я мог прочитать или изучить наиболее разумного в этой области, но, желая проникнуть в самое таинственное и сокровенное из того, что в ней заключено, я раскрою тайны, которыми я не обязан никакому учителю, а только собственному опыту и изучению природы. Ведь наиболее верное средство возбудить душевные переживания, насколько я могу об этом судить, — это быть самому обуреваемым ими. Ведь часто рискуешь стать смешным, желая воспроизвести грусть, возмущение, гнев, даже если приспособишь свое лицо и свою речь для передачи этих различных чувств, если состояние души ей не соответствует. Откуда исходят эти трогательные восклицания, которые вырываются у лиц, огорченных в первые минуты их скорби? Откуда рождаются эти вспышки красноречия, которые вызывают иногда гнев у людей, в обычное время грубых? Откуда, если не от силы чувства, заключающегося в них, и самой правды характера, которая их увлекает?

Итак, для того, чтобы правдоподобно передать душевные переживания, следует самим уподобиться тем, кто их испытывает; для того чтобы овладеть сердцем судьи нужно, чтобы наши слова исходили от сердца. Будет ли мой [слушатель] скорбеть о том, о чем я говорю, не скорбя? Придет ли

в ярость по воле оратора, если тот, который возбуждает гнев в себе и в других, сам не чувствует никакого похожего на это чувства? Прольет ли он слезы, выслушивая защитительную речь, произнесенную с сухими глазами? Все это невозможно. Только огонь обладает способностью жечь, а вода — мочить, и никакое вещество не может передать другому цвет, которым оно само не обладает. Проникнемся же сначала теми чувствами, которые мы хотим внушить нашему судье, и, прежде чем решимся трогать его, придем сами в растроганное состояние».[3] До сих пор слова Фабия.

Можно, однако, спросить, каким образом сами мы можем вызывать в себе скорбь, ненависть или другую страсть, прежде чем внушим эти переживания слушателю? И в этом вопросе нам счастливо приходит на помощь ученый наставник; ведь он в том же месте продолжает так: «А каким образом мы испытываем страсти?[4] Ведь душевное движение не в нашей власти. Я постараюсь и это объяснить. Это то, что греки называют φαντασίαι, а мы — видениями, которые так представляют нашему уму образы отсутствующих вещей, что, кажется, будто мы видим их глазами и имеем перед собой. Кто твердо запечатлел в [душе] эти образы, тот будет наиболее способен возбуждать страсти. Такого человека некоторые называют εὐφαντασίωτος, т. е. [человеком], который живо и правдоподобно представляет себе обстоятельства дела, голоса, действия [отсутствующих лиц]; и это легко можно воспроизвести по нашему желанию. Сколько раз при бездейственном состоянии [нашего] духа, среди напрасных ожиданий и словно каких-то сновидений наяву, те образы, о которых я говорю, преследуют нас до такой степени, что, кажется, мы путешествуем, плаваем, сражаемся, говорим речи народам, распоряжаемся богатством, которого не имеем; [и всегда будто] не в воображении, а в действительности. Почему же нам не обратить на пользу это заблуждение [нашей] души? А если я оплакиваю убитого, разве я не хочу ясно представить перед глазами всего того, что в действительности, по [всей] вероятности, могло случиться? Почему [не могу себе представить], как убийца внезапно ворвался, как испугается жертва при нападении, как она завопит, станет умолять или обратится в бегство? Почему не могу увидеть, как [убийца] поражает [жертву] и как она падает? Почему не представлю себе крови, бледности лица, стонов и, наконец, хрипа при последнем издыхании? Отсюда возникает ἐνάργεια, [качество речи], которое Цицерон называет наглядным изображением и живым изложением; она, как кажется,

---

[3] **Если бы я хотел придерживаться предписаний риторов… в растроганное состояние.** Quint. Inst. VI. II. 25–28.

[4] **А каким образом мы испытываем… непритворную скорбь.** Quint. Inst., VI. II. 28–36.

не столько говорит о предмете, сколько показывает его.[5] И душевные переживания возникают так, как будто мы присутствовали при самом событии. Когда нужно возбудить жалость, следует представить себе, что с нами случилось то, что является предметом наших жалоб, и внушить себе это. [Вообразим] себя на месте того, чьи жестокие, незаслуженные и жуткие страдания мы изображаем перед судьями, не будем вести дела как постороннего для нас, но проникнемся [хоть] немного тем горем [пострадавшего]. Будем говорить так, как мы стали бы говорить в подобном случае в нашем [собственном] деле. Мне часто приходилось видеть трагических и комических актеров, которые, сыграв какую-нибудь трогательную роль и сняв уже маску, выходили еще с плачем. Поэтому если только одно произнесение чужого сочинения так воспламеняет вымышленными переживаниями, то что же делать нам, которые [только] и должны думать о том, чтобы испытывать сострадание к участи подсудимого? [Ведь] мы говорим, как отец, потерявший детей, как потерпевший кораблекрушение, как человек, находящийся в опасности. К чему нам выступать в этих ролях, если мы не проникнемся их переживаниями? Не следует скрывать того, что меня самого (каков бы я ни был, а я полагаю, что я достиг некоторой славы за свои дарования) часто, бывало, трогало так, что я не только проливал слезы, но бледнел и чувствовал непритворную скорбь». До сих пор слова Фабия Квинтилиана.

Если передать его учение вкратце, то оно заключается в следующем. Если мы хотим возбудить какую-либо страсть, то нам не следует браться за писание, прежде чем мы сами не почувствуем в себе той же страсти. А это произойдет в том случае, если мы предмет печальный, радостный, исполненный страха и опасности или подверженный другим страстям, начнем с волнением весьма глубоко обдумывать так, чтобы этот предмет казался стоящим у нас перед глазами или же мы сами вообразили бы себя испытывающими те страсти, которые в нашем воображении испытывают другие.

ГЛАВА III

О ДУШЕВНЫХ СОСТОЯНИЯХ, В ЧАСТНОСТИ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ЛЮБВИ, ВОЛНЕНИИ, ЛЮБОВНОЙ СТРАСТИ, ТРЕВОГЕ И ТОМЛЕНИИ

Мне кажется подходящим следующий способ познания страстей, то есть как надо, в частности, возбуждать некоторые из них: сначала сказать об опре-

[5] **…ἐνάργεια, [качество речи], которое Цицерон называет наглядным изображением и живым изложением.** Термин «энаргея» приписан Цицерону, хотя на самом деле Цицерон предлагает называть это качество «*ясностью* (perspecuitas) или *очевидностью* (evidentia)». См.: Cic. Ac. II. 17–18.

делении каждой [страсти], затем привести причины, ее возбуждающие; узнав эти причины, мы с большой легкостью возбудим такую страсть; затем сказать кое-что о природе и свойствах такой страсти; ведь, по-видимому, это имеет большое значение для стиля, который следует [употреблять] при изображении каждой страсти.

Кроме того, мы будем всюду применять двоякое искусство: во-первых, каким именно образом в том или ином случае следует возбуждать страсти; во-вторых, как возможно их подавить или ослабить: ведь то и другое обычно приходится делать оратору.

С другой стороны, в настоящей главе, которую мы преднамеренно решили посвятить любви, и потому решили сказать вместе о страсти и о томлении и других [душевных состояниях], так как они родственны любви и вызываются почти что одинаковыми причинами. Итак, теперь приступим к делу.

1. Ввиду того что мы назвали любовь первым и главным душевным переживанием, поэтому [вопрос] о любви следует обсуждать в первую очередь. Любовь есть выражение разумного стремления, [направленного] на благой предмет, поскольку он является таковым. Этому определению не противоречит то обстоятельство, что мы часто любим плохое, мало того, даже самое скверное; ведь мы не любим его за то, что оно плохое, но за то, что оно сулит нам какое-нибудь благо, хотя бы и ложное. В этом суетность и слепота души человеческой; и поэтому-то прибавлено: «на благо, поскольку оно является таковым». Отсюда даже те, которые наложили на себя руки, (как например: сагунтинцы, бросившиеся в огонь, Брут, поразивший себя мечом, Иуда, который удавился, и многие другие), стремились к некоему благу, но не истинному, а мнимому, т. е. к избавлению от физических страданий или к успокоению от терзаний [их] совести, как они сами полагали; впрочем, если верить философам, человеческая воля может стремиться только к тому, в чем люди полагают видимость какого-либо блага. Здесь любовь взята в самом общем смысле. Впрочем, любовь дружеская (о чем у нас теперь главным образом идет речь) заключается в том, чтобы желать другому того, что признается благом, и при этом не ради нашей пользы, а для пользы другого, и неустанно трудиться в меру наших способностей, приобретая это благо.

Способ возбуждения любви.

Главной причиной любви и благоволения Аристотель (кн. II «Риторики»),[6] Цицерон (кн. II «Об ораторе»)[7] и другие авторы признают следую-

---

[6] **Аристотель (кн. II «Риторики»).** Пересказ: Arist. Rh. Lib. II. Cap. I, IV.

[7] **Цицерон (кн. II «Об ораторе»).** Пересказ: Cic. Phil. II. 206.

щее: 1) благоволение; 2) общность и сотрудничество в счастье и несчастье; 3) добродетель, как например: справедливость, благоразумие, образованность, благочестие и т. д.; 4) приветливость, единодушие и ласковость; 5) сходство характеров, стремлений, состояний, общественного положения и т. д.; 6) тесная дружба старших с младшими; 7) уважение младших к старшим; 8) искренность или верность и прямодушие; 9) красота; 10) родственные отношения; 11) сама любовь является великим возбудителем взаимной любви.

Итак, если ты пытаешься убедить слушателей, что надо кого-либо полюбить, ты должен показать, что у него налицо все или некоторые причины для любви, ведь

1. Мы любим людей щедрых и благодетельных; ведь благодеяния смягчают даже диких зверей, так что тех, кто их кормит, звери не только не трогают, но даже, видимо, почитают. Множество примеров этого можно найти всюду: например, о льве, который, по свидетельству Элиана[8] (О животных, кн. III, гл. 21) выражал человеку многочисленные знаки своей признательности за помощь против медведицы, растерзавшей львят,[9] и о слоне, который, по свидетельству того же автора (кн. III, гл. 46), весьма упорно сражался против преследователей за своего кормильца.[10] Столь великую любовь заслуживает благодеяние!

2. Любовь возбуждается общими [переживаниями] в счастье и несчастье: ведь тех, которые даже однажды подверглись совместной опасности, мы считаем любящими друг друга (хотя бы только на этом основании), и это мудро отметил Назон, который вложил в уста Девкалиону после потопа такие слова к своей супруге («Метаморфозы», кн. I):

> Девкалион так сказал со слезами невольными Пирре:
> О сестра, о супруга, о женщина ты остальная,
> Общий которую род и по дяде родство и за этим
> Ложе связало со мной, а ныне напасти связуют.[11]

---

[8] **Элиан** — Клавдий Элиан (Claudius Aelianus; ок. 170–222 (?) гг.) — римский писатель, писавший на греческом языке, философ, автор сочинений «О природе животных» (Περὶ ζῴων ἰδιότητος) и «Пестрые рассказы» (Ποικίλη Ιστορία) (занимательные истории).

[9] **…о льве, который, по свидетельству Элиана (О животных, кн. III, гл. 21) выражал… знаки… признательности.** ФП имеет в виду историю о том, как медведица напала на львиное логово и задушила двух львят. Когда же вернулись их мать и отец, она забралась на дерево. Лев привел к дереву дровосека, тот понял, что должен помочь львам отомстить медведице за что-то и срубил дерево. См.: Ael. NA. III, 21.

[10] **…о слоне, который, по свидетельству того же автора (кн. III, гл. 46) … сражался… за своего кормильца.** ФП имеет в виду историю о том, как индийский царь пытался расправиться с укротителем и силой забрать у него слона, но слон защитил хозяина, потому что был привязан к нему, как к другу. См.: Ael. NA. III, 46.

[11] **Девкалион так сказал… связуют.** Ovid. Met. I: 350–354. Пер. А. А. Фета.

3. У кого же может возникнуть сомнение, что добродетель всеми любима, даже людьми негодными, если только у них нет зависти? Однако те добродетели преимущественно порождают любовь, которые служат на благо другим; как например: справедливость, гуманность, милосердие и т. д. Когда Дарию сообщили, что Александр относится к его матери и супруге с великим почтением, смотри, как он возлюбил своего врага, [воскликнув] (Курций кн. IV): «О боги отеческие, — сказал он, — прежде всего укрепите мое царство, затем, если со мной покончено, молю, чтобы царем Азии был только этот, столь справедливый враг, столь милостивый победитель».[12]

4. С другой стороны, учтивость и приветливость настолько приятны людям, что внушают любовь даже врагам. Прекрасный пример находим у Овидия («Искусство любви», кн. II):

> Благосклонная нежность особенно завоевывает души,
> А суровость возбуждает ненависть и лютые войны.
> Мы ненавидим ястреба, потому что он всегда живет войной,
> И волков, за то, что они нападают на боязливых овец,
> А ласточка свободна от людских козней, потому что миролюбива,
> И голубь потому владеет голубятнями, в которых живет.[13]

5. Сходство характеров, стремлений, замыслов и т. д. является, по-видимому, главным основанием любви: воин с воином, купец с купцом, ученый с ученым заводит дружбу. И авторы сочинений о духовном союзе прямо рекомендуют: если мы стремимся угодить кому-либо, следует попробовать уподобиться ему во всех отношениях. Прекрасно говорит об этом Сенека (К Луцилию, Письмо V): «Пусть в душе мы будем вполне несходны с толпой, но по наружности ничем не надо от нее отличаться».[14] Корнелий Непот[15] сообщает в жизнеописании Алкивиада,[16] что тот удивительным образом умел соблюдать это правило, хотя он был рожден, разумеется, в Афинах, самом блестящем городе, но всех афинян превзошел блеском и великолепием жизни. После изгнания оттуда он прибыл в Фивы и до такой степени приобщился к образу жизни фиванцев, что никто не мог сравниться с ним в смысле труда и физической силы. У лакедемонян же, по обычаям

---

[12] **О боги отеческие… победитель.** См.: Curt. Lib. IV, cap. 19: 34.

[13] **Благосклонная нежность… живет.** Ovid. Ars II: 145–150.

[14] **Пусть в душе… отличаться.** Seneca. Ep. mor. V: 2.

[15] **Корнелий Непот** (Cornelius Nepos; ок. 100–25 до н. э.) — римский историк, автор известного в России труда «О знаменитых людях» («De viris illustribus») с биографиями известных исторических деятелей.

[16] **Алкивиад** (Ἀλκιβιάδης; ок. 450–404 до н. э.) — греческий политический деятель, полководец, оратор, ученик Сократа.

которых высшая доблесть полагалась в выносливости, Алкивиад в такой степени предавался суровой жизни, что одолел всех лакедемонян своей умеренностью в пище и одежде. Будучи у фракийцев, людей, склонных к пьянству, он и их также превзошел в этом отношении. Прибыв к персам, у которых великими заслугами считалась храбрость на охоте и жизнь, исполненная роскоши, он так научился подражать их обычаям, что вызывал в этом отношении у персов величайшее удивление. Этой своей способностью Алкивиад достиг того, что у кого бы он ни жил, всюду воздвигался на первое место и считался самым любимым человеком.[17]

6. Тесная дружба приятна, в особенности со стороны старшего или государя по отношению к младшему, хотя самому человеку, проявляющему ее, иногда может причинить вред. Тем не менее такие отношения все же следует проявлять, хотя и с осторожностью, и в известных пределах: ведь тесная дружба придает удивительную прелесть человеку и делает его дорогим. Поэтому историки всегда хвалят дружественную связь государей и полководцев с воинами.

7. Уважение и почтительность младших к старшим равным образом порождает ответную благосклонность. И подобно тому, как нет ничего более достойного ненависти, чем гордый и непреклонный дух, с презрением относящийся к другим людям, так, наоборот, скромность считается более всего достойной любви.

8. Душевная чистота или искренний, без фальши образ жизни, если она известна и испытана, обычно в высшей степени привлекает любовь: нет никого, кто бы не желал для себя таких друзей. Цицерон «К Аттику» говорит: «Знай, что ни в чем у меня нет такого недостатка, как в человеке, с кем я мог бы поделиться всем, что доставляет мне некоторое беспокойство, который меня любил бы, был бы разумным, с кем можно было бы поговорить, вовсе не прикидываясь, ничего не скрывая и не утаивая».[18]

9. О красоте, чудесном даре природы, говорить излишне. Ведь она с первого взгляда всех, кого ни встретит, делает своими друзьями. В жизнеописании Аристотеля Диоген Лаэрций передает: «Аристотеля как-то спросили: почему все добровольно стремятся к общению с людьми красивыми. Он ответил: это вопрос слепцов».[19]

10. Нельзя подвергать сомнению чью-либо любовь к родственникам. Я даже считаю, что никого не найдется, кто бы стал об этом спрашивать.

---

[17] **Родившись… человеком.** Corn. N. De Vir. ill. Alkiviad. VII: 11. Пер. Н. Н. Трухиной.

[18] **Знай, что… не утаивая.** Cic. Att. I, 18.

[19] **Диоген Лаэрций передает: «Аристотеля как-то спросили… слепцов».** D. L. De vit. V. 20.

11. Но самым главным в любви является, прежде всего, любовь к другому, т. е. для того, чтобы нас любили, мы должны сначала полюбить сами. Остроумно говорит Марциал:

> Чтоб мне Пиладом предстать, пусть кто мне предстанет Орестом.
> Марк, тут не место речам: чтоб быть любимым, люби.[20]

Поэтому Плиний в «Панегирике Траяну» говорит: «У тебя есть друзья, потому что ты сам являешься другом».[21] И, конечно, вряд ли следует ценить человека, который не любит своего почитателя. Цицерон в первом письме к Бруту говорит: «Человеку вовсе не свойственно не отвечать на любовь тех, кто ее вызывает».[22] Сюда относится восхваление чужой добродетели, что является наилучшим доказательством любви, и не только со стороны того, кого хвалишь, но и другие, таким образом, будут тебя любить. Ведь подобно тому, как мы ненавидим того, кто клевещет не только на нас, но и на других, так, наоборот, мы любим хвалящего, так как видим, как он относится к другим, и этого мы для себя или страшимся, или же ожидаем. Сказанного достаточно для объяснения причин любви. Если ты покажешь, что эти причины налицо у кого-нибудь, то, конечно, сделаешь его достойным любви; наконец, для возникновения чувства любви имеет значение все, что способствует славе. Однако имей в виду здесь мое указание, имеющее значение и для прочих душевных состояний: тщательно рассмотрев, какое из вышеупомянутых свойств любви можно найти у того лица, которое ты желаешь рекомендовать другим, ты не просто его излагай, но амплифицируй. Ведь амплификация сама по себе вызывает страсти, и здесь мы ничего другого, как я уже сказал, не делаем, а лишь приводим источники тех доводов, из которых возникает страсть. Впрочем, если все эти доводы не подогреть амплификацией, то они станут «холодными». Имей в виду, с другой стороны: если оратор старается снискать любовь слушателей не к другому лицу, а к себе самому (что всегда бывает во вступлениях, да зачастую и в других местах), то он не должен доказывать в речи, что сам обладает упомянутыми причинами любви. Например, [не следует] говорить, что сам он справедлив, благочестив и т. д., и вообще хвалить самого себя: это вызывает неудовольствие слушателей. Но пусть он говорит так, чтобы из его слов все это было понятно. Например, то, что он желает показать себя благочестивым, следует из того, что он говорит по соображениям благочестия; пусть он хвалит не свое благочестие, но благочестив вообще и скажет, что

[20] **Чтоб мне Пиладом предстать… люби.** Mart. VI, 11. Пер. А. А. Фета.

[21] **У тебя есть друзья, потому что ты сам являешься другом.** Plin. Pan. 85.

[22] **Человеку вовсе… вызывает.** Cic. Ad Brut. I: 1.

эта добродетель представляется ему великой и достойной удивления. Если желает доказать, что он хвалитель чужой добродетели или поклонник всех добродетелей, то пусть он не заявляет об этом открыто, но похвалит слушателей. Так, святой Златоуст говорит в беседе к народу, когда шла речь о его изгнании: «Вы мне отцы, вы мне мать, вы мне жизнь, вы мне заслуга, если вы достигаете успехов, мне будет приятно. Вы мой венец и мое богатство, вы мое сокровище. Тысячу раз готов я быть убитым за вас, и это считаю не заслугой с моей стороны, а исполнением долга. Ведь пастырь добрый должен положить душу свою за овец.[23] Ведь такая смерть приносит бессмертие».[24]

Такими и подобными словами как же святой человек не снискал народного расположения? Но и сам стилевой прием имеет большое значение для того, чтобы вызывать чувство любви. Каков должен быть этот прием, мы узнаем, если сначала познакомимся с некоторыми особыми свойствами любви.

Естественные свойства любви

1. Любовь, как говорят, имеет огненную природу и подобна огню, поэтому и поэты изображают бога любви со стрелами и факелами.

2. Любовь отличается весьма нежной природой: легко разражается слезами, часто испускает вздохи и стенания, нетерпелива в ожидании и подобна лихорадке и недугу; отсюда часто говорят: любовь ранит. Сенека Трагик изображает в лице Федры любовную страсть:

Мне иссушил неистовую грудь
Огонь любви. По жилам и костям,
По внутренностям он распространился.[25]

3. Во сне любовь не знает покоя. Овидий в «Героидах» (послание XII) изображает в лице Медеи:

Дни без отрады текут; не дают безутешные ночи
Отдыха; в слабой груди нежный не держится сон.[26]

4. Любовь испытывает сильный страх за любимого. По словам Овидия, любовь исполнена томления и страха.[27] Поэтому родители не так озабочены

[23] **…пастырь добрый должен положить душу свою за овец.** Ио. 10: 11.

[24] **Вы мне отцы… бессмертие.** Иоанн Златоуст. Беседа по возвращении из изгнания (I). Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста… Т. 3. 1897. Кн. 2. С. 451.

[25] **Мне иссушил неистовую грудь Огонь любви. По жилам и костям, По внутренностям он распространился.** Seneca. Phaedra. 642. Пер. С. М. Соловьева.

[26] **Дни без отрады текут… не держится сон.** Ovid. Ep. (Her.) XII: 168–169.

[27] **По словам Овидия, любовь исполнена томления и страха.** Ovid. Ep. (Her.) I: 12.

опасностью, угрожающей им самим, сколько их детям, в особенности если те находятся не рядом.

5. Любовь пренебрегает своими собственными интересами, только бы помочь любимому или даже вместе с ним идет на смерть; и если любовь истинная, то это исключительно храбрый и стойкий друг в опасностях. Существует много примеров, указывающих на такое природное свойство влюбленных. Вот как храбро действует Нис в защиту Эвриала, стремясь избавить его от неминуемой смерти (Вергилий, «Энеида», кн. IX):

Здесь я! о, на меня обратите железо,
Рутулы! Вся эта кознь — моя, ни на что не дерзнул он,
Да и не мог, я зову в свидетели небо и звезды;
Он лишь чрезмерно любил своего злополучного друга.[28]

6. От оскорбления любовь легко приходит в ярость и становится весьма суровой. Примером служит любовь Дидоны, покинутой и, как ей самой казалось, пренебреженной Энеем («Энеида», кн. IV). Как она яростно осыпает Энея упреками за бегство:

Мать не богиня тебе, не Дардан твой родоначальник,
О вероломный! Родил, бездушными камнями страшный,
Кавказ тебя, и Гирканских сосцы тигриц напитали.[29]

7. Любовь многоречива, она много и часто рассуждает, хваля друга и даже нарочно ищет для этого время и удобный случай, никогда не считая, что довольно уже сказала [в пользу друга]. Однако если речь любви страстная, прервана душевной скорбью, то она обычно разрывается [на мелкие куски] вздохами и провалами памяти.

Приемы слога или стиля в состоянии любви.

После рассмотрения этих и других свойств любви нетрудно узнать, какой стиль следует применять, когда мы изображаем состояние любви. Так как любовь огненной природы, то речь о ней должна быть пылкой, не спокойной, а очень живой: она должна возникать внезапно из глубины взволнованного сердца, подобно пламени. Кроме того, полезно производить многочисленные метафоры и аллегории от огня, пыла, жары. Будучи нежной, любовь требует риторических фигур, выражающих душевную нежность, как например: восклицание, заклинание, умолчание и т. д. Но так как лю-

[28] **Здесь я!.. друга.** Verg. A. IX 425–430. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева.

[29] **Мать… напитали.** Verg. A. IV: 365–367. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева. То же: ФП «Поэтика». С. 418.

бовь является тревожной, то особенно часто ее следует [выражать] посредством фигуры сомнения: этого же самого требует и страх любви; следует вставлять допущения [подвергнуться] несчастьям, опасностям и самой смерти, потому что любовь смела и пренебрегает собою. Так, например: «Пусть на меня ринутся с тысячью мечами, тысяча стрел, тысяча смертей! Все это я перенесу ради тебя!» Но потому в особенности, что любовь многоречива, и речь должна быть многословной, т. е. содержать те риторические фигуры, которые являются многоговорящими.

Таковы: повторение, удвоение, исправление, синонимия, задержка, нагромождение, апострофа, вопрос, гипотипоза, характеризм, этопея, олицетворение и т. д. Не удивляйся, пожалуйста, что я собрал столько риторических фигур: ведь это душевное состояние является наиболее обильным [фигурами].

Далее строение и связь частей речи будет искусной, если создастся впечатление отсутствия искусства. Периоды в собственном смысле едва ли, как я полагаю, могут встретиться; несобственные же периоды, отдельные звенья и неритмические колоны имеют место, но их следует часто разнообразить. Фигуры также пусть будут то волнующими, то нежными, то смелыми, то многосложными. Чтобы передать все эти наставления вкратце, смотри, какова была бы речь человека, слегка охваченного каким-то безумием, такова должна быть речь влюбленного. В качестве примера возьми всю IV книгу «Энеиды» Вергилия,[30] речь Медеи у Овидия в VII книге «Метаморфоз»,[31] речи Федры к Ипполиту у Сенеки и т. д.[32]

Способ подавления чувства любви.

Приведенные до сих пор указания по поводу возбуждения состояний любви следует относить к любви, достойной уважения. Искусство не стремится злоупотреблять этими указаниями для возбуждения недостойных любовных страстей, и если кто-либо затевает это, то поступает вопреки принципу искусства, причиняя ущерб красноречию, однако риторика обладает не только факелами, чтобы разжигать любовь, но также и водой, чем она может гасить то, что нужно.

Далее, встречаются три вида любви, которые стоит, по-видимому, смягчать или подавлять: любовь недостойная, неумеренная и приносящая вред. Недостойная любовь есть то влечение к нечистой страсти, цель которой —

---

[30] **…в качестве примера возьми всю IV книгу «Энеиды» Вергилия…** ФП имеет в виду речи Дидоны, влюбленной в Энея. Verg. A. IV. 9–30.

[31] **…речь Медеи у Овидия...** Ovid. Met. VII. 10–72. Пер. А. А. Фета.

[32] **…речи Федры к Ипполиту у Сенеки…** Seneca. Phaedra. 599–712.

недозволенное соитие. Неумеренной любовью я называю ту, которая больше, чем это требуется достоинством любимого предмета. Например, если бы царь так полюбил поселянина, что пригласил бы его к своему столу. Любовь же, приносящая вред, есть та, которая хотя и не выходит за пределы правил порядочности, однако, если ее не успокоить, в определенном случае вредит. Например, если кто-нибудь, чтобы не разлучаться с больными родителями, за которыми он ухаживает, отказывается помочь родине в опасности. Соответственно этому подразделению любви возможны также три способа подавления этого душевного состояния. Ведь необходимо подавить недостойную страсть, уменьшить непомерную, а приносящую вред превратить в полезную. Недостойную любовь можно подавить следующими способами: во-первых, показав безобразие предмета любви; ведь как красота является причиной любви, так уродство ее отвращает; во-вторых, показать, что такая любовь является наихудшим рабством. Вергилий в I эклоге говорит:

> Всякий, кто любит, — невольник, и за любящим следует пленником,
> Носит он иго на шее покорной и т. д.[33]

В-третьих, в этом случае следует рекомендовать заняться работой и оставить праздность. Ведь справедливо говорит Назон:

> Праздность лишь только покинь — и бессильны Амуровы стрелы:
> Пренебреженный уже факел лежит без огня.[34]

В-четвертых, следует направить душевные стремления в другую сторону и [для этого] путем амплификации и на примерах выдвигают высокие достоинства добропорядочности и добродетели, в особенности же воздержания и нравственной чистоты; в-пятых, перечисляют вред недозволенной страсти. Например, позор обмана, пренебрежение собственным достоинством, опасность отравления со стороны соперников, трепет и страх перед разоблачением, и более всего — позор. К этому добавь: сколь незначительная страстишка покоряется столь великим порокам и наносит ущерб столь великому благу. «Радость ничтожна, больше вреда причиняет любящим

---

[33] **Вергилий в I эклоге говорит: «Всякий, кто любит… покорной…».** Quisquis amat servit sequitur captivus amantem Fert domita service jugum. ФП цитирует не Вергилия, а новолатинского поэта Баттисту Мантуанского (Джованни Баттиста Спаньоли (1447–1516)), итальянского поэта, гуманиста, деятеля католической церкви. Его называли «христианским Вергилием». См.: Eclogue I: Faustus (Adulescentia: The Eclogues of Mantuan / Ed. by L. Piepho. N. Y., 1989. P. 8). Благодарим за комментарий С. И. Николаева.

[34] **Праздность лишь только покинь… лежит без огня.** Ovid. Rem. 138–139.

страсть», — говорит Овидий;[35] в-шестых, можно внушить влюбленному подозрение в вероломстве, коварстве и пренебрежении, каковыми качествами, говорят, отличается тот, кого так сильно любят недозволенной любовью; в-седьмых, но наиболее действенное, по-видимому, средство — представить глазам [влюбленного] беспомощность перед лицом смерти, картину божественного [страшного] суда, наказание нечестивцев и вечное блаженство праведников, о чем подробнее мы скажем в главе о духовном красноречии.

Весьма сильно ослабеет [любовь] главным образом при амплификации низости ее предмета и если изобразить положение влюбленного как бы униженным и втоптанным в грязь; такая дружба бесполезна, потому что будет смеяться народ; потому что следует опасаться, как бы ничтожный человек, столь горячо любимый, не оказался не только неблагодарным, но назойливым и наглым, и не стал бы уверять, что ему оказывают не милость, а воздают должное, и т. д.

С другой стороны, для превращения вредоносной любви в полезную следует, во-первых, сравнивать между собой ту и другую, т. е. любовь вредоносную и полезную, чтобы показать, что последнюю надо предпочитать по многим основаниям; во-вторых, следует объяснить вред и ущерб, который произойдет от такой любви; в-третьих, следует сказать также, что тот предмет, который столь горячо любят, можно сберечь, только если еще сильнее полюбить предмет более достойный; в-четвертых, надо приобретать любовь предмета более достойного, если это возможно, всеми теми способами, упомянутыми выше для снискания любви; в-пятых, наконец, в данном случае следует применять четыре вида убеждения: необходимость, достоинство, легкость, полезность.

Способы разжигания и подавления любовного томления.

1. После ознакомления со способом возбуждать и подавлять чувство любви, мне кажется, уже дано достаточно указаний и относительно любовного томления: ведь в этом случае способ также совершенно одинаков. Ведь любовное томление есть любовь и стремление к отсутствующему благу. Итак, следует дать беглый обзор всего сказанного в отдельности о любви и обсудить, относится ли это к тому предмету, к которому желательно возбудить любовное томление, затем то, что окажется подходящим, мы амплифицируем и завершим все дело. Но особенно следует восхвалять предмет: как он славен, как полезен, как сладок и приятен и т. д. Противоположным образом поступай, если любовную тоску следует подавлять.

---

[35] **Радость ничтожна… причиняет любящим страсть.** Ovid. Ars. II: 515.

2. Любовная страсть, тревога, волнение, домогательство и пр. суть виды любовного томления, и поэтому их следует разбирать тем же способом. Ведь одно и то же любовное томление получает различные имена от разнообразных предметов, к которым стремится. Ведь томление и любовь к богатству называется скупостью, к чести — честолюбием, к наслаждению — любовной похотью и страстью и т. д.

ГЛАВА IV

О НАДЕЖДЕ И УВЕРЕННОСТИ В СЕБЕ

1. Надежда есть ожидание чего-либо благотворного, соединенная с чаянием или воображением, что это уже присутствует, и ожидание чего-либо страшного, представляемого как бы отсутствующим. Или: надежда и уверенность есть, когда мы так относимся к отсутствующему благу и к несчастью, что скорее ожидаем в будущем блага, чем опасаемся несчастья. Это душевное состояние следует возбуждать преимущественно в речах совещательного характера, в особенности когда рекомендуется мероприятие опасное, грозное, неопределенное, успех которого представляется сомнительным. Например, в бою, когда воины страшатся за исход войны, во время осады или приступа, в момент усердного выполнения важного дела, наконец, во всяком затруднительном положении и когда [люди охвачены] страхом. Итак, мы будем возбуждать надежду следующими способами.

Способ возбуждения надежды.

Во-первых, указывают, что несчастья и опасности далеко, а блага [находятся] близко; во-вторых, если же появляются опасности и препятствия, то следует сказать, что готова значительная помощь; в-третьих, следует показать храбрость, например, своих воинов и слабость врагов; в-четвертых, приводят примеры поступков для подражания других людей в прошлом в подобных же обстоятельствах, а также примеры из собственного опыта; в-пятых, наблюдают знамения и приметы, которые следует истолковать к своему благу. Так, когда затмение луны повергло в страх воинов Александра, египетские прорицатели, истолковав это знамение как счастливое, ободрили устрашенных.[36] Ведь прорицатели заявили, что солнце помогает грекам, а луна — персам; всякий раз, когда последняя претерпевает затмение, она возвещает этим народам несчастье и гибель; и перечислили древние примеры несчастья персидских царей, которые, как это показало затмение луны,

[36] **Так, когда затмение луны… богов.** Пересказ: Curt. IV, 10: 1–6.

сражались, несмотря на знаки недовольства богов. Курций говорит в книге IV следующее: «Ответы снова воодушевили оцепеневших от страха воинов к надежде и упованию».[37] В-шестых, обещают награды; в-седьмых, указывают легкие пути для достижения цели; в-восьмых, кроме того, обрати внимание на то, что многие душевные состояния возникают, если возбудить другие состояния. Это не касается состояния любви, ведь, так как сама любовь является первоначалом прочих душевных состояний, она едва ли может иметь причину в другом [состоянии]. Итак, ты легче можешь возбудить надежду, если сначала причинишь радость или внушишь гнев. Ведь душа, исполненная радости, с легкостью склоняется к счастью. Человек же запальчивый, потому что он в некоторой степени ослеплен, менее способен предвидеть опасности и, увлеченный порывом какой-либо страсти, полагает в будущем ей следовать.

Ты найдешь много примеров возбуждения надежды у историков, в речах полководцев к воинам, кроме того, у Цицерона в IV «Филиппике» от слов: «Но держится, покоряется и т. д.».[38] И этим душевным состоянием святые мученики в особенности возбуждали себя, поддерживая друг друга, чтобы доблестно умереть за Христа.

Природа надежды пламенная и смелая, мужественная, доверчивая, радостная и полная страсти. Такой же должна быть и речь: малые периоды, частые звенья и колоны, лишенные ритма, фигуры выразительные и громкие, риторические вопросы, предоставление, ирония, заклинание, повторение, радостные восклицания, например: хорошо, ну же, ну-те и т. д.

Правила для подавления надежды те же, что порождают отчаяние, о чем будет сказано в своем месте.

ГЛАВА V

О СОРЕВНОВАНИИ

Соревнование есть скорбь о чем-либо, возникшая в душе в силу наличия благ (и притом у равных нам людей), доставляющих почет, которых мы можем достигнуть не потому, что те [люди] недостойны их, но потому, что мы желаем эти блага получить для себя. Соревнование отличается от зависти, если ты правильно поймешь его определение. Ведь зависть страдает от наличия блага у другого лица, не заботясь о том, чтобы самому им

[37] **Ответы снова воодушевили… упованию.** Curt. IV, 10: 7.

[38] **…у Цицерона в IV «Филиппике» от слов: «Но держится, покоряется и т. д.».** Cic. Phil. IV: 12.

обладать, но только стремясь к тому, чтобы другое лицо не владело им.[39] Соревнование же, как это ясно из определения, страдает от того, что ему не достаются те блага, которые доступны другим, как например: победы, мудрость, достоинства и т. д., и поэтому совершенствует душу для упражнения в добродетели путем трудов и опасностей.

Средства для возбуждения соревнования.

Прием возбуждения соревнования почти целиком основан на примерах других людей. Однако существует несколько видов этого приема.

Во-первых, следует вспомнить доблести предков. Цицерон в I «Филиппике» отговаривает Антония от стремления к самовластию, ссылаясь на пример его деда: «О если бы, М. Антоний, ты вспомнил о своем деде! Ведь о нем ты много слышал от меня, и притом весьма часто. Неужели ты думаешь, что он хотел заслужить бессмертие, для того чтобы его боялись из-за позволения держать вооруженную охрану? То была прекрасная, настоящая жизнь, счастливый удел быть равным прочим в отношении свободы, но первым по достоинству![40] Поэтому, прошу тебя, измени твое поведение и оглянись на своих предков».[41]

Во-вторых, следует явно представить себе подвиги знаменитых людей; ведь для благородных душ это является важным средством возбуждения доблести. Поэтому, говорят, трофеи Мильтиада[42] не давали спать Фемистоклу[43] и статуи Сципиона возбудили у Помпея пыл на великие подвиги;[44] в-третьих, наиболее сильным средством [возбудить] соревнование, кроме того, является явное представление о выдающихся подвигах, совершенных [людьми] менее значительными, чем те, которым мы [их] рекомендуем.

---

[39] **Ведь зависть страдает от наличия блага у другого лица, не заботясь о том, чтобы самому им обладать, но только стремясь к тому, чтобы другое лицо не владело им.** Voss. Rhetorices contractae. Lib. 2. Cap. 12.

[40] **О если бы… по достоинству!** Cic. Phil. I: 34.

[41] **Поэтому измени твое поведение и оглянись на своих предков!** Cic. Phil. I: 35.

[42] **Мильтиад** — Мильтиад Младший (Μιλτιάδης; ок. 550–489 гг. до н. э.) — афинский государственный деятель, полководец, прославившийся победой при Марафоне.

[43] **…трофеи Мильтиада не давали спать Фемистоклу...** ФП имеет в виду общее место жизнеописаний (см.: Plut. Vitae parallelae. Femist. III; Cic. Tusc. IV: 44). Фемистокл (527–460 до н. э.) участвовал в битве при Марафоне в 490 до н. э. под командованием Мильтиада. После победы Мильтиада над Дарием Фемистокл, как пишет Плутарх, стал повторять: «Лавры Мильтиада не дают мне спать».

[44] **…статуи Сципиона возбудили у Помпея пыл на великие подвиги.** ФП имеет в виду Сципиона Старшего (Африканского), которому соотечественники хотели поставить статуи в знак уважения к его завоеваниям. Подобно Сципиону, Помпей совершил военные походы в Африку (в Нумидию).

Августин, читая жизнеописание Антония Великого,[45] воскликнул, обращаясь к близким: «Восстают неученые и завладевают небом, и мы с нашей наукой попадаем в преисподнюю», как он сам свидетельствует в «Исповеди»;[46] в-четвертых, также место, где живут, родина, знатность и даже само имя и прозвище служат великим поощрением. Поэтому Александр, увидев воина, носившего одно с ним имя, но отличавшегося праздностью, сказал: «Измени имя или поведение»,[47] в-пятых, следует выставить ожидание других [людей], указав на то, что все ожидают от тебя великих подвигов. Так, Сципион[48] возбуждал своих воинов к сражению (у Тита Ливия, кн. XXI): «Пусть каждый считает, что он защищает с орудием в руках не себя, а жену и малых детей, и думает не только о домашних заботах, но постоянно помнит о том, что за нашими поступками внимательно смотрит сенат и народ римский; какова будет наша сила и доблесть, такой будет и участь нашего города и римской империи».[49]

Подавление чувства соревнования.

Соревнование на благо не следует подавлять. Но если случится, что кто-либо пожелает подражать примерам, которые не вызывают доблесть, а только кажется, что ее вызывают, то это душевное состояние легко подавить. Во-первых, показав, что в этих примерах и в этих поступках отсутствует доблесть или слава; во-вторых, показав, что лицо, выбранное для подражания, является презренным и недостойным; в-третьих, [показав, что] оно не соответствует своему званию, родине, дарованию и [что] подобных примеров нельзя найти у наших предков и знаменитых людей и т. д.

Природа соревнования и стилевой прием.

Природа соревнования, любовного томления и надежды совершенно схожа; поэтому и стиль при их изображении должен быть одинаковым.

---

[45] **Антоний Великий** — Антоний Преподобный (Ἀντώνιος ὁ Μέγας; ок. 251–356) — раннехристианский подвижник, пустынник. Августин Блаженный в «Исповеди» пишет о влиянии Жития Антония Великого на обращение к христианской вере (Aug. Confess. VIII: 14–15; 29).

[46] **Восстают неученые и завладевают небом, и мы с нашей наукой попадаем в преисподнюю.** Aug. Conf. VIII: 19.

[47] **Поэтому Александр, увидев воина, носившего одно с ним имя, но отличавшегося праздностью, сказал: «Измени имя или поведение».** Александр призвал его быть мужественным. Plut. Vitae parallelae. Alex. 58.

[48] **Сципион возбуждал своих воинов к сражению...** Известно, что он также внушал воинам, что «все планы его складываются при участии божественного вдохновения; через то самое подчиненные его шли на опасное дело смелее и с большей охотой». См.: Plb. Hist. Lib. X. 3.

[49] **Пусть каждый считает… империи.** Liv. Ab urbe condita. XXI, 41:16.

Но при подавлении [чувства соревнования], так как это происходит главным образом путем пренебрежения, которое по природе несколько более слабо и спокойно, и стиль уже не может быть ликующим, но [будет] спокойным; никакой особой риторической фигуры, кроме иронии, не требуется; остальные фигуры будут, какие обнаружатся.

ГЛАВА VI
О ЧУВСТВЕ РАДОСТИ

Радость есть некое душевное ликование вследствие ожидания блага в настоящем, или, как говорит Цицерон в IV книге «Тускуланских бесед», «ожидание вновь блага в настоящем».[50] Когда мы любим отсутствующего, это называется томлением, когда же мы обладаем желанным и от этого чувствуем некоторое удовольствие, то это называется радостью. Итак, душа в состоянии томления находится как бы в пути: когда же она что-либо желает, то имеет надежду достичь этого и уже как бы издалека видит любимый предмет; когда душа овладевает этим предметом, то, кажется, достигает цели и отдыхает.[51] Но каким же образом следует возбуждать это душевное состояние?

Способ возбуждения радости.

Причины, порождающие радость, следующие. Во-первых, до того, как сообщить какую-нибудь радостную весть, сначала огорчи слушателей рассказом о каком-нибудь несчастье, о прискорбных и печальных случаях, опасностях, бедствиях и пр., которые все, однако, связаны с делом и предшествуют или могут предшествовать счастливому событию, вследствие которого ты намереваешься вызвать чувство радости. Указываю на это, потому что как свет после ночи кажется приятнее, после зимы весна прекраснее, после туч небо яснее, так и после скорби и несчастья счастье обычно бывает милее. Это то, что выразил Цицерон «После возвращения из изгнания»: «Подобно тому, как хорошее здоровье приятнее перенесшим тяжкую болезнь, чем тем, кто никогда не болел, так все эти желания, ощущаемые в большей, чем обычно, степени, доставляют удовольствие».[52]

Итак, сначала следует причинить слушателю скорбь и потрясти его страхом (о чем скажем в своем месте), а затем наполнить [его душу] сла-

[50] **Цицерон в IV книге «Тускуланских бесед», «ожидание вновь блага в настоящем».** В тексте Цицерон так определяет не радость, а надежду. Cic. Tusc. IV: 80.

[51] **Ожидание… отдыхает.** Пересказ. Cic. Tusc. IV: 12–14.

[52] **Подобно тому… удовольствие.** Cic. Red. Quir. 4.

достью. Во-вторых, происшедшее счастливое событие следует показать наступившим нежданно-негаданно. В-третьих, — счастье неслыханное, необычное, поразительное. В-четвертых, следует обратиться с речью, особенно в радости духовной, к тем, кто обладает чистой совестью, так как это является истинной и, пожалуй, единственной радостью. Грешников же надо призвать к покаянию и обещать им после единого воздыхания много божественных радостей. Это, однако, следует делать или во вступлении, или при переходе к этому душевному состоянию. В-пятых, высшая радость состоит в описании счастья или блага в настоящем и его амплификации. Опиши: прелести, торжественные шествия, рукоплескания, триумфы, разнообразные песнопения, молебствия и т. д. В-шестых, здесь также возбуди надежду на будущее благо.

Рассматривается природа душевного состояния радости и соответствующий ей стиль.

Радость также огненной природы, она исполнена нежности и дает волю слезам. Анхиз непрестанным плачем засвидетельствовал радость, завидев пришедшего в Элисейские поля Энея (Вергилий, «Энеида», кн. VI):

Он едва только увидел Энея, который навстречу
Шел по траве, — простер ему обе быстрые длани.
Пролились слезы на щеки, из уст его вырвался голос:
«Ты ли, ты пришел наконец? Победило твое благочестье».[53]

Существуют даже примеры, что внезапная радость может задушить и умертвить человека. Например, Тит Ливий сообщает такой случай с двумя римскими матронами. Одна из них при виде сына, который живым появился в дверях, испустила дух на глазах у него, другая же, печально сидевшая дома (она получила ложное известие о смерти сына), при первом взгляде на вернувшегося сына пала мертвой от безмерной радости (Тит Ливий, кн. XXII).[54] Такой силой обладает иногда это душевное состояние! Но если радость не чрезмерная, то она весьма подвижна и многоречива. Обрати внимание, кроме того, на то, что радость можно рассматривать в двух видах: одна торжествующая, которая является многоречивой, подвижной и ликующей; другая, в силу нежности любви, — слабая. Иногда оба вида радости можно встретить в одной речи, иногда же — одну из них. Поэтому речь должна быть такой, чтобы [она могла] доставлять наслаждение, и сюда могут относиться

---

[53] **…увидел Энея… Победило твое благочестье.** Verg. A. VI: 685–689. Пер. В. Я Брюсова и С. М. Соловьева.

[54] **Тит Ливий сообщает такой случай с… матронами.** Liv. Ab urbe condita. XXII, 7: 12–13.

все риторические фигуры, пригодные для того, чтобы вызывать наслаждение; слова должны быть приятные, изысканные, цветистые, многочисленные метафоры, уподобления, взятые от предметов приятных, остроумные изречения, редкостные и неслыханные примеры, большое количество отдельных звеньев или колонов. Следует всюду вставлять такие периоды в собственном смысле, как это бывает в действительности, чтобы получилось впечатление, что душа то ликует, то нежно угасает. Сюда относятся частые и притом продолжительные восклицания: о, счастливый день! и т. д. Кроме того, надо часто повторять одно и то же слово, особенно если оно означает радость. Святой Иоанн Дамаскин в пасхальном песнопении неоднократно искуснейшим образом повторяет слово пасха, это его знаменитое песнопение (так называемый канон),[55] которое церковь воспевает в день Воскресения Христова, я считаю необходимым целиком прочесть и запомнить. Кроме того, я даю здесь два других примера: один из святого Григория Назианзина, другой из Златоуста, так как они представляются безусловно самыми красивыми.

Пример из слова святого Григория Назианзина о Рождестве Христовом (образец радости торжествующей).

«Христос рождается — славьте! Христос с небес — выходите навстречу! Христос на земле — возноситесь! воспойте Господу вся земля! И скажу обоим в совокупности: да возвеселятся небеса и возрадуется земля ради небесного, и потом земного! Христос во плоти; с трепетом и радостью возвеселитесь: с трепетом по причине греха, с радостью по причине надежды. Христос — от Девы; сохраняйте девство, жены, чтобы стать вам матерями Христовыми! Кто не поклоняется сущему от начала? Кто не прославляет последнего? Опять рассеивается тьма, опять является свет; опять Египет наказан тьмою, опять Израиль озарен столпом. Люди, сидящие во тьме неведения, да увидят свет великий знания. «Древнее прошло, теперь все новое». Буква уступает, дух преобладает; тени проходят, место их заступает истина».[56]

Пример второй из беседы 32 святого Златоуста «На послание к римлянам», где он рассматривает [вопрос о том], сколь величественно будет зрелище грядущего воскресения Петра и Павла в Риме.

«Откуда будет восхищен Павел, оттуда Петр. Помыслите и содрогнитесь, какое зрелище представит Рим, когда Павел и Петр восстанут там из своих

---

[55] **Иоанн Дамаскин в пасхальном песнопении… повторяет слово пасха…** ФП имеет в виду Пасхальный канон Иоанна Дамаскина, где слово пасха является элементом анафорических повторов более 20 раз.

[56] **Христос рождается… истина.** Greg. Nazianz. Or. 38. (На Богоявление или на Рождество Спасителя).

гробов и будут восхищены во Сретение Христа, какую розу поднесет Рим Христу, какие два венца украшают этот город, какие золотые цепи опоясывают его, какими источниками он обладает. Потому я и удивляюсь Риму, а не множеству золота, ни колоннам, ни прочим украшениям, но этим столпам церкви, кто даст мне ныне прикоснуться к телу Павла, прильнуть ко гробу и увидеть прах этого тела, которое восполнило в себе недостаток скорбей Христовых, носило язвы Христовы, повсюду посеяло проповедь, прах уст его, которыми вещал Христос, воссиял блистательнее всякой молнии, прогремел голос, бывший для демонов ужаснее всякого грома». [57]

Способ сдерживать радость.

Другие душевные состояния, пожалуй, не столь легко сдерживать, но радость, как мне кажется, легче всего подавить. Хотя радость есть ожидание блага в настоящем и является чем-то вроде счастья, однако ее не так легко приобрести, как потерять: ведь обычно всякое человеческое благоденствие бренно и недолговечно. Радость же надо сдерживать, если она является суетной или вредоносной, следующими способами. Во-первых, показав, что причины чьей-либо радости суетны; такие причины — богатство, почести, страсти и пр., скоротечность или ненадежность которых следует представить очевидной. Сенека (Письмо 99) говорит: «Промежуток [времени], лежащий между первым и последним днем жизни неопределенен и неясен: если ты считаешь тяготы жизни, то даже для юноши это будет долгое [время], если же — быстроту дней, то даже старику он покажется кратким. Все мимолетно и обманчиво и изменчивее всякой непогоды; по велению судьбы все мечется и переходит в противоположное».[58] Во-вторых, объяснив непостоянство счастья, которое никогда не бывает подлинным, но лишь вознесет кого-нибудь, тотчас же может его низвергнуть. Сенека в «Фиесте», акт IV, говорит:

Кого на восходе видел гордым,
Того видит день, убегающий во прахе.
Пусть чрезмерно никто не верит счастью,
Не теряет надежды в горе. Клото
Все мешает и не дает покоя
Колесу быстробежному Фортуны.
Кто настолько богами избалован,
Чтобы в завтрашнем дне мог быть уверен?[59]

---

[57] **Откуда… грома.** Беседы на послание к Римлянам. См.: Полное собрание творений… Т. 9. 1903. Кн. 2. С. 836.

[58] **Промежуток… противоположное.** Seneca. Ep. mor. 99: 9.

[59] **Тот, кого… уверен?** Seneca. Thyest. 613–620.

В-третьих, надо привести различные примеры изменчивости счастья, [показав], как великие герои и полководцы были низвергнуты с вершины счастья, например, Велизарий,[60] Марий,[61] Дарий[62] и проч. В-четвертых, следует найти нечто печальное, так как сама радость, по-видимому, соединена со счастьем; ведь не существует чистой радости: [всегда к ней] присоединяется что-то внушающее беспокойство. Так, радость победы влечет за собой много горестей для отдельных частных лиц и пр.; или, во всяком случае, надо сказать: многие плачут, когда мы радуемся. В-пятых, главным образом, однако, следует вселять страх; ведь нарушителем и врагом всякой радости, повторяю, является страх какой-либо опасности, в которую мы можем впасть по неразумию и как бы в ослеплении от безмерной радости. Смотри ниже о страхе.

При сдерживании радости стиль должен быть возвышенным, спокойным, следует применять периоды в собственном смысле, редкие риторические фигуры, и притом спокойные и веские, в особенности эмфазы и уподобления, взятые от предметов печальных; изречения должны звучать даже несколько печально.

ГЛАВА VII
О ШУТКАХ, ИЛИ ОСТРОТАХ

Хотя способность шутя вызывать смех не настолько значительное душевное движение, чтобы его можно было причислить к страстям, но так как оно все же является каким-то душевным волнением (и некоторые называют его легкой страстью), то по существу дела, казалось, требуется присоединить шутки к состоянию радости, словно некую семью.

1. С другой стороны, то обстоятельство, что шутки необходимы оратору, ясно из речей Цицерона, где он обычно много шутит, и не без оснований.

---

[60] **...как великие герои и полководцы были низвергнуты с вершины счастья, например, Велизарий** — Флавий Велизарий (Flavius Belisarius, Φλάβιος Βελισάριος; ок. 505–565) — византийский полководец времен императора Юстиниана Великого. Несмотря на заслуги перед отечеством (покорение Сицилии, взятие Неаполя и др.) Велизарий неоднократно подвергался опале (его на 12 лет отстраняли от командования, в конце жизни у него конфисковали имение).

[61] **...были низвергнуты с вершины счастья, например, Марий.** См. примеч. 10, 11 к кн. I. Известный полководец Марий после мятежа Суллы был объявлен врагом, жил в изгнании. См.: Plut. Vitae parallelae. Mar. 35–40.

[62] **...были низвергнуты с вершины счастья, например, Дарий.** Вероятно, ФП имеет в виду Дария I, который был известен и военными конфликтами, и сложными отношениями с оппозицией.

Во-первых, потому что в них обнаруживается некое отличное качество. Поэтому шутки называются иначе изящными выражениями, словно в них есть привкус городской манеры, а не деревенской грубости. Во-вторых, потому что они зачастую оказывают влияние в важнейших обстоятельствах: избавляют от печальных душевных состояний, утоляют ненависть и гнев, смягчают суровость. Какие-то воины высказали за обедом много слишком неосторожных суждений о царе Пирре. Их привлекли за это к ответу и потребовали объяснения [такого поступка]. Не будучи в состоянии отрицать свое преступление, они избавились от наказания удачной шуткой. Ведь один из них сказал: «Конечно, мы тебя убили бы, если бы в бутылке осталось вино».[63] В-третьих, шутки дают отдых и, восстанавливая силы, избавляют от скуки и усталости. В-четвертых, особенно полезны они при опровержении, как об этом сказано там, где [речь идет] об опровержении. В-пятых, они вызывают благосклонность: ведь слушатели любят тех, кто умеет шутить с достоинством; наоборот, чрезмерная суровость оратора внушает некоторую неприязнь.

2. Хотя сам Квинтилиан преподает искусство остроумно шутить и говорит, что до него многие этим занимались, но все же он добавляет, что здесь природное дарование имеет больше значения, чем искусство. Ведь часто наши менее остроумные выражения в устах других кажутся остроумными. Правильно поэтому говорит Марциал (кн. I, эпигр. 35): «Нос-то не всякий натягивать может».[64]

Цицерон ставит эту способность в зависимость от климата страны, в которой кто-либо рожден. Поэтому он говорит, что жители Аттики отличались тонким остроумием, фиванцы же, которые дышали плотным воздухом, совершенно не обладали богатством [остроумия].[65] Кроме того, весьма содействует шуткам и сам повод для них: ведь получается, что те же самые слова, сказанные в одно время, будут остроумными, в другое же время окажутся совершенно лишенными остроумной тонкости. Поэтому мы не будем давать совершенной, бесспорной и непогрешимой теории шутки, но все же приведем несколько видов остроумных шуток, отмеченных другими [авторами].

3. Узнай же сначала, что шутки бывают двоякого рода: первый род благопристойный, или изящный и благородный, второй же — неблагородный,

---

[63] **Какие-то воины… сказал: «Конечно, мы тебя убили бы, если бы в бутылке осталось вино».** Неточная передача истории о том, как Пирр, узнав, что его бранили воины, спросил, действительно ли это было. Один из юношей ответил: «Все правда, царь. Мы бы еще больше наговорили, если бы у нас было побольше вина». Plut. Vitae parallelae. Pirrhus: 8.

[64] **Нос-то не всякий натягивать может.** Mart. I, 41. Пер. А. А. Фета.

[65] **…жители Аттики… богатством [остроумия].** Cic. Fat. 7.

неуместный и балаганный. Первого рода шутки свойственны человеку благородному, даже государю, вторые же уместны только у мимов, шутов, паразитов и прочих подонков черни. Балаганная шутка это та, которая показывает что-либо непристойное лицу или выставляет в неприличном свете какой-либо предмет для зрения и слуха, или даже относится безразлично к оскорблению других людей, лишь бы только доставить кому-то удовольствие. Напротив, шутить с тонким остроумием — значит доставлять невинное наслаждение, которое не оскорбляет и не вызывает стыда у слушателя. Этот второй род шутки оратор должен применять там, где этого требует существо дела, балаганных же пошлостей — совершенно избегать. Теперь посмотрим, что делает речь шутливой.

4. Итак, самым изящным родом шутки является двусмысленность, или когда слово со многими значениями [в действительности] значит одно, а кажется имеющим другой смысл. Передают изящную шутку Цицерона на какого-то человека по имени Кок, который, приготовив роскошное угощение, купил себе этим избрание на должность. Цицерон о нем сказал: «С полным правом он добился государственной должности». Так, Марциал шутит над Атталом,[66] который, желая казаться всегда занятым, говорил, что он делает то то, то другое:

Тяжбы торопишь ты все, Аттал, и дела все торопишь:
Есть ли предмет, или нет, все ты торопишь, Аттал!
Ежели дел нет и тяжб, Аттал, то ты мулов торопишь,
Чтоб торопить было что, жизнь ты, Аттал, торопи.[67]

5. Близкой к этому виду является парономасия, когда ради шутки меняется слово с помощью опущения, изменения или прибавления к нему буквы. Эта шутка, однако, будет ходульной, если такое изменение сделать без основания. Так, Квинтилиан говорит, что какого-то человека по имени Плацид, так как он был по натуре неприветливым, прозвали Ацидом. Кроме того, некто Туллий, так как был вором, назывался Толлием;[68] какой-то Афр,[69] по рас-

---

[66] **Аттал** — неизвестный персонаж, упомянутый только в этой эпиграмме Марциала.

[67] **Тяжбы… торопи.** Mart. I, 79. Пер. А. А. Фета.

[68] **Квинтилиан говорит, что какого-то человека по имени Плацида…** Все приведенные примеры см.: Quint. Inst. Lib. VI. Cap. III: [53]. Ацискул назван Пацискулом, вероятно потому, что составил ложный договор; другой, по имени Плацид, по причине вздорного нрава, Ацидом; и Туллий, обличенный в краже, переименован в Толлия.

[69] **…какой-то Афр** — Домиций Афр (Domitius Afer, 14 до н. э. — 59 н. э.) — римский оратор, консул 39 г., автор произведения «О свидетелях» (De testibus) и судебных речей, сохранившихся во фрагментах. Обучал красноречию Квинтилиана, считавшего его лучшим оратором эпохи.

сказу того же Квинтилиана, увидев одного оратора, как тот во время произнесения речи метался, прыгал, махал руками, как опускал и приподнимал [свою] тогу, сказал, что тот не говорит, а надрывается.[70] Марциал весьма остроумно осмеивает Циннама. Этот Циннам, чтобы похвастаться своим происхождением от знатнейшего рода Цинн,[71] отбросил от своего имени последний слог:

Цинной тебя, Циннам, велишь называть ты.
Это, Цинна, скажи, разве не варваризм?
Если бы Фурием ты до сей поры назывался,
То на таких же правах ты назывался бы Фур.[72]

6. Этимология также является источником шуток, так как в имени какого-либо человека мы находим материал для шуток над ним. Так, например, Цицерон часто шутил над Верресом, но так, как будто эти шутки высказывали другие; то он говорил, что тот учредил с надлежащими церемониями Верресовы празднества,[73] кто «все сгреб»; то говорил, что для ограбленного Верресом Геракла он был более страшен, чем Эриманский вепрь. Ведь Веррес у латинян означает вепрь.[74]

7. Эмфаза бывает шутливой, когда под одним выражением, употребленным в прямом смысле, подразумевается другое смешное. Так, например, Марциал (кн. I, эпигр. 62) изображает заимодавца Лина, никому не платившего долгов:

Лину кто дать предпочтет половину, чем целое вверить,
Лишь половину одну тот предпочтет потерять.[75]

Здесь [этим выражением] «потерять половину», которое прямо означает, что Лин никогда не предлагал за подарки подарки, скрыто поэт также на-

---

[70] **Афр, по рассказу… Квинтилиана, увидев одного оратора, как тот во время произнесения речи метался, прыгал, махал руками…, сказал, что тот не говорит, а надрывается.** Quint. Inst. Lib. VI. Cap. III: [54]. ФП опускает комментарий Квинтилиана: «Но такого рода шутки всегда приноравливать лучше к вещам, нежели к именам» (там же). Оратор Манлий Сура «прыгал на кафедре, махал руками», о чем Афр сказал: Non agit, sed satagit (он не говорит, а надрывается).

[71] **Цинна** — род, к которому относятся известные римские государственные деятели Луций Корнелий Цинна (ок. 170 — после 127 до н. э.) — консул 127 года до н. э., а также монетарий Луций Корнелий Цинна (ок. 190 — после 127 до н. э.) и четырехкратный консул Луций Корнелий Цинна (?–84 до н. э.).

[72] **Цинной… Фур.** Mart. VI, 17. Пер. А. А. Фета.

[73] **Верресовы празднества.** См. примеч. 20 к кн. II.

[74] **Цицерон шутил над Верресом… означает вепрь.** Cic. Ver. II, IV.

[75] **Лину… потерять.** Mart. I, 75. Пер. А. А. Фета.

мекает на то, что тот никогда не мог избавиться от долгов; как если бы поэт сказал либо: «что ты ни подаришь ему», либо «что ни оставишь Лину в наследство, ничего от него не получишь назад, но [и то] потеряешь; поэтому ты предпочитаешь дать мало, чем много поверить в долг, ведь в таком случае потеряешь меньше».

8. Весьма замечательная шутка получается тогда, когда из какого-либо свойства лица или вещи мы выводим шутливый намек, или метафору, или же какой-нибудь из тропов. Марциал так осмеивает жадность некоего Диодора, который, затеяв тяжбу, ничего не заплатил защитнику, отговариваясь тем, что тогда он страдал подагрой (кн. I, эпигр. 86):

Судится все, о Флакк, Диодор и страдает подагрой.
Но патрону не даст ничего он: хирагра, знать, то.[76]

9. Изящные шутки получаются из уподобления, но только если оно неожиданное; уподобление будет таковым, если оно берется от большего к меньшему или от меньшего к большему; или же когда с исключительной живостью изображает чье-либо выражение лица, телодвижение, походку. Август сказал воину, который боязливо протянул ему книгу: «Смелее! Ты поступаешь так, как будто даешь асс слону».[77] Так, по сообщению Фабия, некто Публий Блессий[78] назвал Юлия, собою черного, худого и согбенного человека, «железной застежкой».[79] Уподобление можно применять или прямо, или же сократив до метафоры, как это ясно из примеров.

10. Бесчисленные шутки могут возникать от причины, то есть когда мы выдвигаем основание не действительное, но какое-то выдуманное, однако похожее на [реальное] действие или слова. Но пусть [причина] не будет «холодной», что непременно случится, если она вовсе не будет походить на правду. Таким образом Марциал осмеивает какого-то Селия, любителя пообедать в гостях, когда тот печально выступает (кн. II, эпигр. 11):

Что на челе ты у Селия, Руф, видишь тучи,
Что он, гуляя по портику, топчется поздно,

---

[76] **Судится… хирагра, знать, то.** Mart. I, 98. Пер. А. А. Фета.

[77] **Август сказал воину…: «Смелее! Ты… слону».** Macr., Sat., II, 4: 3.

[78] **Публий Блессий.** Сведений нет. В рукописи у Квинтилиана: «P. Blessius Iulium, hominem nigrum et macrum et pandum, fibulam ferream dixit», причем и у Квинтилиана впереди лакуна, это чтение считается ненадежным, поэтому некоторые издатели ставят возле П. Блессия так называемые «кресты отчаяния». ФП явно читал и видел именно такой текст. Благодарим за комментарий Е. В. Введенскую.

[79] **…назвал Юния, собою черного, худого и согбенного человека, «железной застежкой».** Источник не установлен.

Что под грустным лицом его мрачность таится,
Что чуть нос до земли не дошел неприлично,
Что бьет правою грудь и волосы рвет он,
То не о смерти грустит он друга иль брата.
Живы и оба его сыновья и пусть поживают,
И супруга цела, и достаток, и слуги,
Ни приказчик его не обчистил, ни съемщик.
Из-за чего же грусть? Дома ужинать будет.[80]

Заметь также из этого остроумного примера, что причина смешная и неожиданная вызывает особенное удовольствие, если она дается искусно, т. е. если излагается кратко и в немногих словах так, чтобы нельзя было попытаться понять ее по частям, но так, чтобы она сразу явилась целиком; затем если мы предпошлем некоторую задержку, выдвигая другие причины или другим способом, как в данном случае поступает Марциал.

11. Обрати также внимание на то, что ради шутки можно применить солецизм, варваризм или какую-либо другую неправильность речи, однако с некоторым основанием. Так, Марциал смеялся над каким-то Цецилианом, который, обедая у друзей, много пищи со стола отдавал рабу, чтобы тот сохранял ее на завтрашний день. Поэтому Марциал, смеясь над ним, говорит:

Завтра, Цецилиан, я тебя не приглашал.[81]

Так, Цицерон, говорят, сказал, увидев своего зятя Лентула, человека маленького роста, который был опоясан длинным мечом: «Кто это привязал моего зятя к мечу?»[82]

12. Можно также на каком-либо основании нарушить естественный порядок вещей, например, время, место, число, количество и т. д. и сказать позже то, что случилось раньше, сделать большим то, что было меньшим и т. д. Цицерон, по словам Квинтилиана, так подшутил над Вибием Курием,[83] который много лгал по поводу своего возраста, т. е. выставлял себе моложе, чем был: «Тогда, — сказал он, — когда мы оба [в школе] занимались декламациями, ты еще не родился».[84]

---

[80] **Что на челе… будет.** Mart. II, 11. Пер. А. А. Фета.

[81] **Завтра, Цецилиан, я тебя не приглашал.** Mart. II, 37. Пер. А. А. Фета.

[82] **Цицерон… сказал…: «Кто это привязал моего зятя к мечу?»** Macr., Sat., II, 3: 3.

[83] **Вибий Курий —** Вибий Курий (Vibius Curius), начальник конницы Цезаря.

[84] **Цицерон, по словам Квинтилиана, так подшутил… «Тогда… не родился».** Источник не установлен.

13. Также и история, истинная или баснословная, доставляет материал для шуток, но прибавлять шутку следует неожиданно. А это произойдет, если ради смеха (как мы сказали об уподоблении) возьмем примеры для малого от великого или для великого от малого; или даже иронически сравним правдивое с ложным, а добродетель с пороком. Цицерон в речи «В защиту Сестия» так шутит над Пизоном: «Другой [Пизон], о милостивые боги, с каким отвратительным видом он выступал, как он был свиреп и страшен! Можно было бы сказать, что видишь одного из тех знаменитых бородачей, представителя древней власти, привидение из древних времен, столпа республики».[85]

14. Характеризм, если он смешон, не должен выходить за известные пределы и отзывать балаганным шутовством, в особенности же если он тонко остроумен; такая фигура часто встречается в приведенном выше примере из Цицерона и в эпиграммах Марциала: такова и упомянутая выше под пунктом 10 эпиграмма на Селия.[86]

15. Тонким остроумие бывает также, если, желая сказать что-либо простое и незначительное, ты изберешь для этого превыспренний способ выражения, т. е. если ты воспользуешься такой фигурой замедления, что слушатель ожидает услышать от тебя важные вещи, а ты ему после великих посулов преподнесешь что-нибудь незначительное. Этот способ выражения употребляется преимущественно тогда, когда мы осмеиваем чью-либо гордость, чванство, скупость и т. п. Он играет важную роль также и при опровержении слабых доводов. Марциал так осмеивает Мамурру, человека бедного, но хвастливого (кн. 9, эпигр. 59):[87]

По загородкам бродя долго и много, Мамурра
Там, где обменом богатств Рим занялся золотой
....
Старые кубки глядел, и нет ли бокала, который
Был бы менторовой облагорожен рукой;
Камни зеленые счел в золотой узорной оправе
И что дороже гремит под белоснежным ушком,
И на каждом столе настоящих искал сардоников,
Также и яшмам большим цену назначил затем.

---

[85] **Другой… республики.** Cic. Sest. 19.

[86] **…такова и упомянутая выше под пунктом 10 эпиграмма на Селия.** См. примеч. 80 к кн. V.

[87] **Мамурра** — Мамурра Формианец (Mamurra, ок. 90 до н. э. — ?) — друг и сподвижник Цезаря, участник его военных кампаний, военный и гражданский инженер. Объект нападок Катулла, именуемый им «Ментула». Был известен также мотовством и любовью к роскоши.

Как в одиннадцатом уж часу уходил утомленный,
Две купил он за асс чарки и сам их понес.[88]

16. Загадочный оборот или необычный стиль речи бывает остроумным, если, однако, на первый взгляд, покажется, что дело идет о чем-то важном и вызывающем удивление, если же проникнуть в суть дела, то обнаружится незначительность предмета. Однако этот оборот не должен быть слишком непонятным. По сообщению Макробия (Сатурналии, кн. II),[89] Цицерон остроумно осмеивал Ватиния,[90] который был консулом всего лишь один день. Он говорит: «Великое чудо произошло в год Ватиния, потому что в его консульство не было ни зимы, ни весны, ни лета, ни осени».[91] Марциал также говорит о каком-то Диавле, который стал веспиллоном,[92] т. е. тем, кто по дешевке хоронит трупы, хотя прежде был плохим врачом и больше людей отправлял на тот свет, чем лечил:

Был недавно Диавл врачом — он могильщиком ныне:
То, что могильщик творит, то же и врач совершал.[93]

17. Остроумной также, по-видимому, является та шутка, когда мы берем на себя роль других лиц и приписываем себе чужие недостатки; ведь таким образом мы с великой скромностью и к великому удовольствию слушателей нападаем на чужие пороки. По свидетельству самого Григория Богослова, когда его ученик Иероним спросил, что значит выражение «суббота второ-первая», то он ответил, что об этом предмете он желает рассуждать во храме, где, говорит, «когда толпа выразит согласие со мной рукоплесканием, тебя заставят узнать, чего ты не знаешь, или ты один будешь обвинен в глупости».[94] Святой учитель церкви в этих словах издевается над глупым суждением толпы, мнение которой об ораторах покоится на вздорном предубеждении, а не на благоразумной проницательности; и

---

[88] **По загородкам бродя… понес.** Mart. IX, 59. Пер. А. А. Фета.

[89] **Сатурналии, кн. II.** См.: Macr. Sat. II, 2: 12; II, 4: 16; II, 6: 1.

[90] **Ватиний — Ватиний Публий** (Publius Vatinius; I в. до н. э.) — римский консул 47 г. до н. э., которого Цицерон неоднократно обвинял в злоупотреблениях властью (см: Cic. Vat.; Cic. Sest. etc.).

[91] **Цицерон… осмеивал Ватиния: Великое чудо произошло в год Ватиния, потому что в его консульство не было ни зимы, ни весны, ни лета, ни осени.** Macr., Sat., II, 3: 5.

[92] **…веспиллон** (лат. vespillo) — служащий при храме Либитины, обязанный выносить и хоронить умерших после наступления вечера.

[93] **Был недавно Диавл… совершал.** Mart. I: 47. Пер. А. А. Фета.

[94] **…когда его ученик Иероним спросил, что значит выражение «суббота перво-вторая»… в глупости».** См. примеч. 31 к кн. IV.

если одни люди назовут кого-нибудь ученым или красноречивым, тотчас и другие также станут это одобрять, чтобы их не сочли невеждами. Этих людей, повторяю, Григорий остроумно осмеивает так, как будто и сам он принадлежит к числу тех, кто находит удовольствие в том, чтобы разделять мнение толпы. Великое удовольствие доставляет известная эпиграмма Марциала, в которой он, нападая на современные ему нравы, когда более ценились кифареды, чем люди образованные, притворно выражает желание быть кифаредом (кн. III, 4):

> В Рим, о книжка, ступай; коль спросит, откуда пришла ты,
> «Из страны на пути Эмилианском», ответь.
> Если в какой я земле, в каком я городе, спросит,
> То на Корнелиев ты форум сейчас укажи.
> Если спросит, зачем я ушел, отвечай покороче:
> «Переносить он не мог тоги бесплодной тоску».
> Спросит: «Когда я вернусь?» Ответь: «Он вышел поэтом,
> А вернется, когда явится в нем кифаред».[95]

18. Не в меньшей степени остроумна и смешна гипербола. Так, если мы, вопреки вероятию, превозносим нечто великое или прекрасное путем сравнения его с другим предметом или иначе и делаем это иронически или, во всяком случае, смешно, т. е. когда целью высказывания является смешное. С другой стороны, наиболее частый и красивый способ применения гиперболы состоит в изложении какого-нибудь невероятного события, которое представляется в связи с величием предмета или является следствием из него. Обычно это делается либо путем введения частиц: настолько, как и др., или иным способом; но как повсюду, так и в данном случае следует сохранять меру, избегая шутовства. Шутовской кажется известная эпиграмма Катулла, в которой он предлагает Фабуллу из Рима благоухание наилучшего запаха:

> Этих духов, когда ты понюхаешь, будешь просить богов,
> чтобы всего тебя, Фабулл, в нос превратили.[96]

Безусловно, самой остроумной является эпиграмма Марциала (кн. XII, 28), в которой он изображает удивительную ловкость вора Гермогена:

> Вор такой Гермоген ручников, по-моему, Понтик,
> Даже на деньги каким Масса едва ли бывал;
> Если за правой следишь и его за левую держишь,

[95] **В Рим, о книжка, ступай… кифаред.** Mart. III, IV. Пер. А. А. Фета.
[96] **Этих духов… превратили.** Catul. Carmina, 13, 13–14.

Все-таки случай найдет, как унести бы ручник;
Вздох оленей змею холодную так привлекает,
Так, чтобы воды сливать мчит их Ирида наверх.
Как просили на днях отставки Мирину за раны,
То четыре стащил тут ручника Гермоген;
Как свой белый ручник задумал выкинуть претор,
Претора самый ручник тут же схватил Гермоген.
Не приносил никто ручника, воровства опасаясь,
Скатерть уворовал тут со стола Гермоген.
Если и этого нет, не боится и самое ложе,
Как и ножки столов, все ободрать Гермоген.
Хоть и без меры когда накаляется зрелище солнцем,
Тотчас снимают навес, только идет Гермоген.
Подвязать паруса в испуге пловцы поспешают
Каждый раз, что у них явится в порт Гермоген.
С систрами лысых бежит толпа в полотняных одеждах,
Между молящимися станет когда Гермоген.
Не приносил ручника Гермоген на ужин ни разу,
С ужина же приносил вечно его Гермоген.[97]

Сюда относится смехотворная амплификация, когда мы пользуемся умозаключением по аналогии, которое вовсе не идет к делу, но кажется, однако, подходящим; ведь исходя из обычных предрассудков толпы или по другой причине, ты мог бы посмеяться над несчастьем ничтожного человечишки, у которого на форуме воры похитили кошелек. «Как неотвратимо для смертных орудие судьбы! Все, что следует по обычаю сохранять, человек сохраняет и совершает. Когда выходит из дому, невнятно бормочет благие слова, прежде чем занести правую ногу, принимает особые меры предосторожности: как бы не повстречаться со священником или монахом, и даже почитает счастливой приметой, когда первым ему попадется навстречу на улице иудей; однако судьба обманчива, так как она сулит наилучшее, а обманывает бессовестным образом». Остроумно шутит Марциал (кн. VII, эпигр. 54), нападая на Назидиана,[98] который пугал его своими снами:

Вечно с утра про меня о правдивых снах говоришь ты,
Так что заботят они и возбуждают мой дух.
Прежнее уже вино дошло до подоньев и это,
Как укрощает твои ночи мне ворожея;
Груды соленой муки извел я и ладана кучи;
Убыло стад, как пришлось жертвовать часто овцу;

---

[97] **Вор такой Гермоген… Гермоген.** Mart. XII, 28. Пер. А. А. Фета.

[98] **Назидиан** — неизвестный персонаж, упомянутый только в этой эпиграмме Марциала.

Ни свиньи, ни в хлевах птиц, ни яиц не осталось.
Или бодрствуй, иль спи, Назидиан для себя.[99]

19. Удачное применение присловий делает речь весьма остроумной. Сюда относятся также басни Эзопа;[100] много примеров ты найдешь у сатириков: Ювенала,[101] Персия,[102] Горация,[103] много в посланиях Цицерона; кроме того, даже святые отцы, отбросив иногда суровость, пользовались в шутку как всякими другими выражениями, так и остроумными пословицами и побасенками; часто их употребляет святой Григорий Богослов, как в других своих сочинениях, так и в посланиях. В послании к святому Амфилохию[104] Григорий просит прислать ему овощей;[105] когда же Амфилохий прислал их в скудном количестве, то Григорий грозит ему в шутку голодом, говоря, что он задержит доставку хлеба, которого было много в его области, если тот будет продолжать скупиться на свои овощи, и заключает пословицей: «И узнаем, — говорит он, — одной ли только росой питаются цикады».[106]

20. Но не буду слишком затягивать изложение: ведь способов шутить бесчисленное множество; ведь мы можем извлекать остроумные шутки из [свойств и особенностей] нашей личности и личности слушателей, далее — из условий места, времени и удобного случая и, наконец, из прочих обстоятельств, как почти из неисчислимых хранилищ, если только позволяет наша натура. Ведь лишь немногим дарована эта врожденная способность, и даже много весьма умных людей было лишено этого сладостного дара природы. По свидетельству Фабия Квинтилиана, Демосфен, по крайней мере, не обладал им.[107] Однако не следует совершенно отчаиваться: ведь, может быть, мы будем в состоянии получить хотя бы малую толику пользы в этом деле из приведенных выше способов возбуждать шутки,

[99] **Вечно с утра… для себя.** Mart. VII, 44. Пер. А. А. Фета.

[100] **Эзоп.** См. примеч. 181 к кн. I.

[101] **Ювенал** — Децим Юний Ювенал (Decimus Junius Juvenalis; ок. 60 — ок. 127) — римский поэт-сатирик.

[102] **Персий** — Авл Персий Флакк (Aulus Persius Flaccus; 34–62) — римский поэт, автор книги сатир, которого ценил Квинтилиан, цитировали св. Иероним, Блаженный Августин, Элий Донат и Присциан.

[103] **Гораций.** См. примеч. 87 к кн. I.

[104] **Амфилохий** — Амфилохий Иконийский (Ἀμφιλόχιος Ἰκονίου; ок. 340 — после 394) — епископ Иконийский, друг Василия Великого и Григория Богослова.

[105] **В послании к святому Амфилохию Григорий просит прислать ему овощей…** Видимо, ФП имеет в виду Послание к Амфилохию 47 (12).

[106] **Григорий грозит… «И узнаем, — говорит он, — одной ли только росой питаются цикады».** См.: Григорий Богослов. К Амфилохию. Ep. 48.

[107] **По свидетельству Фабия Квинтилиана, Демосфен… не обладал им.** См.: Quint. Inst. Lib. VI, cap. III.

кроме того, следует читать книги сатир, диалоги Лукиана[108] и Эразма Роттердамского,[109] комедии Плавта и Теренция,[110] эпиграммы разных авторов, но особенно Марциала, наилучшего мастера по части изящных острот.

21. Применяя шутки, имей в виду также следующие общие правила: во-первых, шутка не должна быть опасной или вредоносной, пусть она никому не приносит ущерба и нравится даже тем, кого она задевает. Во-вторых, самое полезное правило, применяемое почти при всякой человеческой деятельности, особенно надо соблюдать в отношении шуток: не следует ни в чем преступать меры. В-третьих, следует соблюдать место и время, позволительное для шуток; ты будешь сам смешон, если всегда и везде пожелаешь смеяться. Смотри сказанное в книге I о некстати шутливом стиле. В-четвертых, наконец, я полагаю особенно необходимым обдумать следующее: надо проверить [качество] шутки: остроумная ли она или пошлая. Ведь если шутка окажется несколько ходульной, то не получится никакой шутки; ведь в данном вопросе не может быть середины; либо шутка будет остроумной, либо ее не будет совсем. С другой стороны, великий стыд [тебе], если при твоих шутках слушатели не смеются; поэтому если ты замечаешь, что по натуре ты менее способен к шуткам, то я полагал бы, что тебе следует воздержаться от этого рода красноречия, как это и сделал Демосфен.[111] В-пятых, стиль шуток должен быть низким; риторические фигуры следует применять только иронически.

ГЛАВА VIII

О ДУШЕВНЫХ СОСТОЯНИХ ВТОРОГО РОДА И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О НЕНАВИСТИ, ГНЕВЕ И НЕГОДОВАНИИ

Существует, по словам Аристотеля в «Риторике», некое различие между этими душевными состояниями: ведь ненависть может быть безгневной,

[108] **Диалоги Лукиана.** Лукиан Самосатский (Lucianus Samosatensis Λουκιανὸς ὁ Σαμοσατεύς; ок. 120 — после 180 гг. н. э.) — древнегреческий писатель. Неизвестно, какие диалоги Лукиана имеет в виду ФП: «Диалоги в царстве мертвых» (Dialogi Mortuorum), «Диалоги Богов» (Dialogi Deorum), «Диалоги гетер» (Dialogi Meretricii), «Морские диалоги» (Dialogi Marini) и др.

[109] **Эразм Роттердамский.** См. примеч. 95 к кн. I.

[110] **…комедии Плавта и Теренция.** См. примеч. 238–239 к кн. I.

[111] **…если ты замечаешь, что по натуре ты менее способен к шуткам, то… тебе следует воздержаться от этого рода красноречия, как это и сделал Демосфен.** Возможно, ФП опирается на противопоставление ораторских стилей (Цицерона и Демосфена), как оно представлено в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха: шутки Цицерона превращают речь в шутовство, а шутки Демосфена редки и сдержанны. Plut. Vitae parallelae. Cic. 50–51.

хотя гнев не может быть без ненависти; например, когда мы ненавидим какого-нибудь недостойного человека, однако мы его не наказываем. Но в силу того, что сходство между ними больше, чем различие, в настоящей главе мы будем разбирать то и другое душевное состояние. Ведь и причины ненависти и гнева почти одни и те же, и — что самое важное — едва ли оратору удастся когда-либо возбудить ненависть без того, чтобы одновременно не разжечь гнева у слушателей.

1. Итак, ненависть есть отвращение души от дурного, поскольку оно является дурным. Это определение легко можно понять из определения любви, которой ненависть противоположна. Поэтому, подобно тому, как любовь есть склонность к чему-либо, так и ненависть есть отвращение; как в первом случае мы расположены ко благу, так в последнем мы отвращаемся от дурного.

2. Гнев Аристотель определяет как соединенное с чувством неудовольствия стремление к отмщению за явное или предполагаемое пренебрежение к нам самим и к тому, что нам принадлежит.[112]

3. Негодование есть благородный вид гнева, когда от негодования на что-либо мы раздражены и скорбим. Например, когда мы видим, что люди недостойные и ничтожные пользуются влиянием, осыпаны почестями, облечены властью и могуществом, все делают по своей прихоти; наоборот, люди полезные, мужественные, мудрые находятся в пренебрежении и унижены. Это душевное состояние необходимо для того, чтобы с его помощью удержать от разложения нравы еще не погибшего века и возбудить ненависть к успехам людей недостойных.

Способы возбудить ненависть и гнев.

Ненависть ты можешь легко возбудить, если станешь говорить противоположное тому, о чем мы рассуждали выше о любви; поэтому средства возбуждения ненависти следующие: во-первых, безобразие, во-вторых, бесчеловечность или варварство, в-третьих, лукавство, хитрость, вероломство, в-четвертых, все пороки, противоположные добродетелям, по преимуществу — гордость, заносчивость, которая даже с первого взгляда отвращает души всех людей, в особенности же если она соединяется с невежеством, уродством, глупостью и бедностью. Например, Екклезиаст упоминает заносчивого бедняка среди тех, кого он особенно ненавидит.[113] В-пятых, мы отвергаем в особенности клеветника, который чернит не только наши достоинства, но и достоинства других людей. Ведь мы видим, что происходит

[112] **Гнев Аристотель определяет...** Arist. Rh. Cap. II.

[113] **...Екклезиаст упоминает заносчивого бедняка...** Nova Vulgata. Eccl. Lib. 25: 4.

с другими людьми, и мы сами также опасаемся или надеемся на то же, как я сказал уже там, где говорилось о любви. Таковы главные особенности ненависти, которые хотя и не возбуждают к мщению, но все же у каждого вызывают отвращение. Они также воспламеняют гнев, если оказываются вредоносными не другим людям, но нам самим. Я ненавижу всех клеветников, на тех же, что клевещут на меня, я также гневаюсь, и даже если [эти особенности] удачно нагромождают [в речи] и амплифицируют, то, хотя они не покажутся нам враждебными, однако вместе с ненавистью возбудится и желание мести. Ведь когда нам передают случаи чьей-либо жестокости, мы воспламеняемся таким гневным пылом (не только по поводу истинных происшествий, но даже и выдуманных), что даже, кажется, готовы растерзать своими руками того, кого мы никогда не видели. Это ты легко испытаешь, если прочтешь о Диомеде, который, как говорят, кормил коней человеческим мясом,[114] или о Мезенции,[115] который, по словам Вергилия, привязывал живых людей к трупам, или же послушаешь декламацию трагедий Сенеки, в особенности же «Фиеста», где зловещим образом рассказывается, как Атрей заколол сыновей Фиеста, разрубил на куски, сварил, прокипятил и предложил отцу на угощение.[116]

Существуют, однако, особые средства, воспламеняющие гнев. Во-первых, пренебрежение, которое и вставлено в определение гнева, данное Аристотелем, полагаю, по той причине, что только оно одно, видимо, раздражает душу. Ведь те маленькие неприятности, которые кажутся легкими, если обнаружится, что они возникли от пренебрежения, конечно, возбуждают огромный пожар, и, наоборот, великие обиды, по-видимому, простительны, если они окажутся не связанными с пренебрежением. Во-вторых, особенно мучительно для нас пренебрежение званием, в котором мы находимся. Так, например, воин сердится, если презирают его заслуги в военном деле, ученый — в своей науке, государь — если позволяют пренебрегать самой его властью. В-третьих, следует изобразить достоинства лица пренебрегаемого и ничтожество того, кто относится к нему с пренебрежением. Ведь те же самые обиды, если их наносят людям скромного положения, считаются незначительными, если же касаются людей весьма влиятельных, то они

---

[114] **…о Диомеде, который… кормил коней человеческим мясом.** ФП имеет в виду источники, описывающие коней Диомеда, персонажа древнегреческой мифологии, царя бистонов. Возможно, это Ovid. Met. IX: 194–196; Lucan. Phars. II: 163 и др.

[115] **…о Мезенции, который, по словам Вергилия, привязывал живых людей к трупам…** См.: Verg. A. VIII: 485–488.

[116] **…трагедий Сенеки, в особенности же «Фиеста», где зловещим образом рассказывается, как Атрей заколол сыновей Фиеста…** Seneca. Thyest., 885–1020.

приобретают величайшее значение. Юнона в I книге «Энеиды» Вергилия, видя умаление своего величия, сильно разгневалась на троянцев:

> Я же, которая значусь богов царицею, Йова
> Я и сестра, и супруга, с одним столько лет я народом
> Войны веду! И чтить станет кто-либо святыню Юноны
> После того или честь возлагать на алтарь, умоляя![117]

В-четвертых, воспламеняет гнев досада, причиненная неблагодарностью, когда тот, от кого мы ее ожидаем, пренебрегает нами или же причиняет обиду. В-пятых, мы сильно гневаемся, если кто-нибудь радуется нашим несчастьям. В-шестых, так же, если мы к чему-либо сильно стремимся, а другой человек ставит нам препятствия в этом. В-седьмых, когда кто-нибудь, например, ради своей прихоти или выгоды угнетает несчастных, облагает податями, подкупает суд, убивает, мучает и т. д. В-восьмых, эти и подобные причины гнева сильнее распаляют, если при этом перечислить побочные обстоятельства в данной обстановке. В-девятых, относительно других душевных состояний, которые должны предшествовать гневу или быть соединенными с ним, заметь следующее: если кому-либо причинили обиду, то сначала приобрети любовь к нему путем похвал, затем ты опишешь ничтожество оскорбителя и потом возбудишь гнев, усилив обиду путем амплификации. Но в момент возбуждения гнева можно присоединить чувство сострадания к оскорбленному, а также необходимо внушить страх перед нашими несчастьями, если только наказание не зависит от людей недостойных.

Негодование же можно возбудить, указав, кроме перечисленных пунктов, что весьма ничтожное и непригодное ни на какую должность лицо пользуется большой властью и осыпано милостями и почестями у государя.

Природа ненависти и гнева и стилистические приемы изображения этих душевных состояний.

Ненависть имеет природу, исполненную горечи, поэтому при возбуждении этого состояния не применяются риторические фигуры, вызывающие наслаждение. Кроме того, один вид ее (более умеренный) отличается многоречивостью, другой же (который кажется более сильным) молчалив. Но какова будет ненависть, когда она сначала молчит, как бы размышляя, а потом поднимает крик и обращается в гнев, такой будет и речь: сначала многое будет говорить более спокойно, затем разразится скорбными восклицаниями и пойдет то медленно, с периодами в собственном смысле, то быстро, поспешно, по отдельным звеньям, колонам и т. д.

---

[117] **Я же, которая… умоляя!** Verg. A. I, 46–49. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева.

Гневная страсть совершенно огненная, подобно любви, но более сильная и мрачная; стиль серьезный, будет состоять из больших периодов; [риторические] фигуры самые пылкие: восклицания, заклинания, упреки, мольбы, проклятия и т. п. Кроме того, иногда примешивается язвительный смех, чтобы сделать того, кто презирает, самого достойным презрения и пронзить его как бы его же собственным оружием. При описании чьей-либо гордости можно применять шутки и остроты. То же самое следует иметь в виду при описании душевного состояния негодования, так как мы уже сказали, что можно присоединять и другие душевные состояния; соответственно по разному их сочетанию будет различен также и стиль изложения.

Примеры ненависти, гнева, негодования.

Первый пример. Из 14 беседы «К Антиохийскому народу» святого Златоуста, где он возбуждает гнев против греха клятвы.

«Недавно я просил вас, чтобы каждый, взяв усеченную, еще капающую теплой кровью главу Иоанна, так и пошел отсюда домой, и думал, что видит ее перед собою, издающую голос и говорящую: „Возненавидьте моего убийцу-клятву“. Чего не сделало обличение, то сделала клятва, чего не мог тиранский гнев, то совершила необходимость исполнить клятву. Тиран, когда был обличаем всенародно, на виду у всех, благодушно перенес обличение, а как связал себя клятвой, тогда отсек блаженную ту главу. Этого же самого и теперь прошу, и не перестану просить, чтобы мы, куда ни пойдем, уходили с этой главою и всем показывали ее вопиющую и осуждающую клятву. И хотя бы мы были крайне беспечны и нерадивы, но видя, как очи этой главы страшно смотрят на нас и грозят клянущимся, сдерживаемые этим страхом сильнее всякой узды, легко можем обуздать и отвращать язык от наклонности к клятвам».[118]

Второй пример. Из XI «Филиппики» Цицерона. Цицерон возбуждает гнев против Долабеллы, который убил Требония и труп убитого подверг жестокому поруганию:[119] «Л. Цинна — свирепый, Г. Марий — упорный в ярости, Л. Сулла — неистовый, и жестокость мщения ни у одного из них не простиралась дальше смерти. Однако это наказание в отношении граждан считалось слишком жестоким. Вот тебе поступок совершенно сходный, равный в смысле преступления, невиданный, неслыханный, дикий, варварский.

---

[118] **Недавно… к клятвам.** Ioan. Chrys. Hom. XIV. Ad populum Antiochenum.

[119] **Цицерон возбуждает гнев против Доллабелы, который убил Требония…** Долабелла убил проконсула Требония, одного из заговорщиков против Цезаря. Неизвестно, какую речь Цицерона имеет в виду ФП, так как Долабелла характеризуется в Cic. Phil. XI 5–10; 14; 28; Cic. Phil. XII: 21; 25; Cic. Phil. XIII: 22; Cic. Phil. XIV: 8.

И Долабелла притом настолько забыл о человечности, хотя никогда ею и не отличался, что обнаружил свою ненасытную жестокость не только на живом, но даже и на мертвом; раздирая и терзая его тело, так как не мог удовлетворить страсти, он услаждал свои глаза».[120]

Третий пример негодования. Из I сатиры Ювенала, где он выражает негодование по причине богатств и почестей людей самых ничтожных:

Когда вызов бросает патрициям тот, кто
Звонко мне — юноше — брил мою бороду, ставшую жесткой,
Если какой-нибудь нильский прохвост, этот раб из Канопа,
Этот Криспин поправляет плечом свой пурпурный тирийский
Плащ и на потной руке все вращает кольцо золотое,
Будто не может снести от жары он большую тяжесть
Геммы, — как тут не писать? Кто настолько терпим к извращеньям
Рима, настолько стальной, чтоб ему удержаться от гнева.[121]

Подобный пример находим в известном стихотворении Клавдиана[122] против Евтропия, ставшего из евнухов консулом:

Увы, позор земле и небу!
Пурпурным блеском горя, напоказ выставляется миру
Старая баба и года славу и честь умаляет.[123]

Четвертый [пример].

После убийства Цезаря, по свидетельству Диона Кассия (кн. XLIV), М. Антоний держал речь к народу, в которой он, возбуждая жалость к Цезарю, разжигал гнев народа против его убийц: «Это умер отец, это — верховный жрец, неприкосновенный человек, это бог. Увы мне, несчастному, умер он! Не от болезни, не от раны, не несчастный случай его похитил, но в стенах города погиб от козней тот, кто здраво и невредимо вел войну [по всему свету] вплоть до самых отдаленных берегов Британии. Безоружным был этот знаменитый воин, беззащитным — миротворец, судья, убитый у судилища, в сенате — глава сената. Какую пользу принесла тебе, Цезарь, человечность? Какую — неприкосновенность? Какую — законы? Неужели друзья тебя убили столь жалким образом? Ты лежишь зарезанным на форуме, где недавно увенчанным справлял триумф; умерщвлен-

---

[120] **Л. Цинна… страсти.** Пересказ. Cic. Phil. XI: 1–2; 8–9.

[121] **Когда вызов бросает патрициям… от гнева.** Juvenal. Sat. I: 24–31. Пер. Д. С. Недовича.

[122] **Клавдиан** — Клавдий Клавдиан (Claudius Claudianus; ок. 370 — ок. 404) — позднеантичный поэт из Александрии, писавший на греческом и латинском языках.

[123] **Увы… умаляет.** Claud. Eutr. libri I: 9–10.

ный и поверженный на трибуне, с которой так часто ты говорил речи к народу. Увы мне, о, твои седины, обагренные кровью! Увы, твоя разодранная и растерзанная туника, которую ты только для того и взял, чтобы в ней умереть!»[124]

Пятый пример. Из V речи святого Григория Богослова «Против Юлиана», против которого он возбуждает ненависть сарказмом или язвительном смехом.

«В какой же части слова упомянуть о тех дуновениях и отдуваниях, которые этот достойный удивления человек в осмеяние наших обрядов производил напоказ старухам, зажигая огонь на жертвеннике? Как хорошо было видеть римского императора с обезображенными щеками, возбуждающими сильный смех не только у посторонних, но и у тех, которым он думал доставить этим удовольствие! Верно, он не слыхал, что богиня его, Минерва,[125] прокляла свирели, когда, посмотревшись вместо зеркала в воду, увидела, что свирель обезобразила ей лицо. Неужели не заслуживают восхищения и похвалы те круговые чаши, которые Юлиан тайно или всенародно подавал непотребным женщинам, а сам принимал от них, прикрывая свое распутство видом таинства?»[126]

Способ подавления ненависти и смягчение гнева (или о кротости).

Жалость есть состояние, противоположное ненависти и гневу, и может совершенно уничтожить или смягчить эти страсти; о жалости будет сказано в следующей главе. Здесь я дам все же несколько особых наставлений по этому вопросу. Хотя многими авторами собрано много примеров таких наставлений, но здесь можно рассмотреть следующие примеры смягчающих средств из замечательных речей святого Златоуста, одну «Против Евтропия», другую — к императору Феодосию «В защиту антиохийцев».

1) Если преступление явное, то его не следует отрицать или преуменьшать, но лучше амплифицировать: необходимо открыто признаться в прегрешении, к тому же еще тяжелом; ведь он поступил с таким влиятельным лицом так недостойно. По натуре мы так устроены, что нас легко трогают раскаяние и признание [вины].

---

[124] **Это умер отец… умереть!** Cass. Hist. Rom. XLIV: 49.

[125] **Минерва —** (Minerva, миф.) богиня мудрости в римской мифологии, соответствующая греческой Афине Палладе. В русской традиции переводов Григория Богослова было принято писать «Афина», а не «Минерва».

[126] **В какой же части слова… видом таинства?** Κατὰ Ἰουλιανοῦ βασιλέως, Contra Julianum imperatorem. Рус. пер.: Григорий Богослов. Слово V. Второе обличительное на царя Юлиана. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольскаго. СПб., 1912. Т. I. С. 133.

2) Следует признать себя достойным наказания, и пусть обиженному будут даны щедрые обещания в том, что он может подвергнуть виновника любому наказанию; тот боится не угрожающего ему наказания, но гнева обиженного. Побежденный Турн[127] смягчает Энея и умоляет за своего отца в следующих словах (в XI книге «Энеиды»):

Он же смиренно глаза поднимает и, руку простерши,
«Подлинно я заслужил, — говорит, — не прошу о пощаде.
Пользуйся счастьем своим, но если сжалиться можешь
Ты над бедным отцом, то молю — у тебя ведь такой же
Был родитель Анхиз — смилосердись над старостью Давна
И меня самого или тело, лишенное света,
Кровным отдай. Ты меня победил. На глазах у Авзонов.
Руки к тебе я простер: бери Лавинию в жены.
Ненависть дальше уйми».[128]

3) Проступок и вину за что-либо, насколько возможно, следует искупать презрением и приписывать какому-либо другому поводу или причине, например, что виновный совершил преступление по неведению или в пылу ослепления, свойственного юности и т. д.

4) Надо рассказать, что виновник испытывает сильную скорбь и стыд и его проступок ему самому ненавистен.

5) Из положения лица, причинившего обиду, можно вывести доводы для [ее] смягчения: ведь если [это лицо] важное, то мы скажем, что его виной стоит пренебречь; если же незначительное, то такой великий гнев по незначительному поводу не подобает проявлять такому великому человеку. Наконец, как рассуждает Сенека («О гневе», кн. II, гл. 30): «Если тот, кто совершил проступок, человек порядочный, — не верь, плохой, — не удивляйся: будет наказан другим тот, кто причинил вред тебе, также и себя наказал тот, кто совершил несправедливый поступок».[129]

6) От лица же потерпевшего возьмем следующие доводы: как недостойно было его оскорбление, настолько же приличествует и подобает ему оказать милость: ведь великим людям несвойственно сердиться.

7) Так как время приносит смягчение как других душевных состояний, так и гнева, то мы скажем, что не следует ожидать, пока время утолит гнев; ведь это во всяком случае легко произойдет с течением времени, но дело

---

[127] **Побежденный Турн смягчает Энея…** — в римской мифологии Турн (Turnus) — царь рутулов, соперник Энея, жених Лавинии. Рассуждение о Турне см.: ФП «Поэтика». С. 396.

[128] **Он же… уйми.** Verg. A. XII: 930–938. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева.

[129] **Если тот… несправедливый поступок.** Seneca. De Ira II, 30.

мудреца — управлять душевными состояниями, даже справедливыми, и не ожидать, пока они ослабеют сами.

8) Надо сравнить могущие возникнуть последствия от наказания и прощения виновника и показать большую полезность вследствие прощения, чем кары; доказать это примерами, свидетельством авторов, на основании изложения последствий и выводов. Например, так: «Эта обида столь несправедлива, так ужасна; пожалуй, она принесла великую скорбь, но еще больше дала пищи славе; ведь теперь, если ты воздашь виновнику, признавшему и возненавидевшему свою вину, вместо кары — прощение, вместо мщения — милость, то насколько любезным ты выставишь себя, насколько достойным удивления для всех, каких благ пришлось бы лишиться, если бы не случилось этого несчастья».[130]

Златоуст в речи к Феодосию «В защиту антиохийцев» говорит, что из-за этого известного оскорбления государя тот сам может получить венец прекраснее золотой диадемы и т. д., если, конечно, он будет милостивым.[131]

9) Кроме того, следует показать, если возможно, что оскорбитель уже понес более тяжкое наказание, чем тот вред, который он сам причинил: он пережил стыд, позор, страх, смятение, изгнание и т. д. Так [говорит] Златоуст в вышеназванной речи.

10) Следует упомянуть прежние заслуги обвиняемого по отношению к обиженному или к тому, кто представляется таким, и смиренно просить, чтобы одно это ничтожное подозрение или человеческая ошибка не зачеркнула и не уничтожила так много великих благодеяний.

11) Можно будет также упомянуть о благодеяниях лица обиженного, которыми он заслужил раньше привязанность оскорбителя.

12) Наконец, можно получить на основании побочных обстоятельств [жизни] обоих лиц смягчение [обвинения]; оскорбителя, правда, могут извинять возраст, заблуждение, скорбь, отчаяние, обман и т. д. Для потерпевшего лица можно привести: достоинство, общественное положение, происхождение и примеры предков, если они могут сделать человека кротким.

13) Может во многом помочь также время и место, когда и где мы обращаемся с просьбой; Златоуст, весьма мудро использовав обстоятельства времени (наступление пасхальных праздников), смягчает гнев Феодосия,[132] так как император сам раньше установил законом освобождать преступни-

---

[130] **Эта обида… несчастья.** Источник не установлен.

[131] **Златоуст в речи к Феодосию «В защиту антиохийцев»…** Ioan. Chrys. Ad popul. Antioch. III, XXI.

[132] **Златоуст… смягчает гнев Феодосия...** См. примеч. 21 к кн. I.

ков в такое время. Особенно удается смягчить гнев, если ты начнешь просить о милости в то время, когда у лица обиженного радость или праздник, например, свадьба или день рождения.

14) Но можно удивительным образом смягчить разгневанного, если ты назовешь его кротким и милостивым, хотя он таковым и не является, и скажешь, что все хвалят его кротость и прославляют милосердие, и тебе самому стало известно, что он не помнит обид; поэтому настало время ему подтвердить свою великую славу, еще более прославиться и еще сильнее убедить всех в своей кротости.

15) Кроме того, бывает возможно сильно смягчить гнев и у того, кто, видимо, едва в состоянии сопротивляться гневу, если мы приведем какое-либо слово или поступок самого гневающегося лица для его смягчения. Например, когда-то он сказал, что кротость — великая добродетель и что сам он уважает и удивляется ей. Именно это мудрое выражение Феодосия напоминает святой Иоанн Златоуст разгневанному императору, в котором тот ранее выразил мысль, что во дни празднования страстей и Воскресения Христова он не только не желает осуждать живых, но и предпочитает, чтобы можно было и мертвых воскресить; это выражение, говорю я, Златоуст привел, чтобы смягчить гнев императора.

16) Что для нас, христиан, должно быть самым убедительным? Следует наглядно показать милосердие Христово, чему он велел и нам подражать. Кроме того, мы должны также просить у бога оставления наших грехов, а Господь обещал нам даровать прощение под тем условием, если и сами мы простим прегрешивших против нас. Так поступил Златоуст в конце приведенной речи к Феодосию.

17) Возбудителей гнева необходимо сдерживать, но осторожно и неторопливо или же постепенно, ослабляя, устранить.

Тему настоящей главы я решил развить несколько подробнее, именно потому, что бывает нелегко смягчить тяжкий гнев или отвратить ненависть. Кроме того, смотри ниже [главу] о сострадании; ведь и там можно найти много доводов для смягчения гнева.

ГЛАВА IX

О СКОРБИ, СОСТРАДАНИИ И УТЕШЕНИИ

Под именем скорби понимай всякое печальное [состояние души]; больше того: иной бывает скорбь, когда мы печалимся из-за нашего несчастья, иной — когда из-за чужого. Первое состояние называется просто скорбью или печалью, а второе — состраданием или жалостью.

Вообще скорбь есть чувство или ожидание несчастья в настоящем, противоположное радости. Смотри определение радости, из которого поймешь и это определение скорби. Итак, первый вид скорби есть ожидание несчастья для нас в настоящем, второй же — несчастья для другого.

Оратор не должен возбуждать скорби, которую мы испытываем в силу нашего несчастья; ведь она бесполезна и достаточно того несчастья, которое уже выпало нам на долю. Есть, по-видимому, одно исключение, когда духовный оратор возбуждает в душах грешников скорбь покаяния, о чем будет сказано в своем месте. Иногда можно вызывать также печаль по причине наших собственных несчастий; например, чтобы, помня о своем жалком положении, мы тщетно не превозносились и т. д. В этом, как я полагаю, цель сочинения трагедий. Впрочем, если будет желательно причинить кому-либо печаль из-за его собственных несчастий, что, однако, представляется безумным, то это можно сделать теми же способами, которыми возбуждают сострадание.

Способ возбудить сострадание.

Скорбь, печаль и сострадание возбуждают теми же средствами, как и радость, но изменив их в противоположную сторону, в особенности когда скорбь и печаль являются общенародными и касаются всех. Ведь, во-первых, надо возбуждать радость, рассказав о прежнем счастливом состоянии; во-вторых, изложить неожиданную перемену судьбы; в-третьих, показать, что эта перемена небывалая; в-четвертых, возбуждение печали в основном состоит в изложении, амплификации и описании происшедшего несчастья. Смотри сказанное нами о значении этого душевного состояния во II книге «О поэтическом искусстве».[133]

Особые наставления [о возбуждении] сострадания следующие: во-первых, сострадание зарождается легче у людей влюбленных и у тех, которые сами испытали какое-нибудь тяжелое несчастье. Поэтому следует сперва возбудить любовь к несчастному или же, как отлично советует Цицерон, сказать в общем кое-что о несчастьях, о перемене судьбы, о бренности человеческой натуры, об опасностях. Тогда, наконец, следует приступить к изложению несчастья того человека, о ком идет речь. Ведь люди тогда особенно склонны к состраданию, когда они вполне являются людьми, т. е. когда они осознают свою бренность, несчастья и опасности, угрожающие им. Во-вторых, так как сострадание есть скорбь, возникшая из-за несчастья другого [человека], то следует непременно описать несчастья того лица, к которому

[133] **…о значении этого душевного состояния во II книге «О поэтическом искусстве».** ФП «Поэтика». Кн. II. Гл. VIII.

ты стараешься вызвать сострадание; это делается путем скорбного повествования с печальными восклицаниями, уподоблениями и прочими ораторскими блестками, а затем также путем амплификации этого повествования. Для облегчения этого я привожу здесь особые дополнения, усиливающие несчастья.

Дополнения, которые амплифицируют несчастье.

Во-первых, дополнения лица. Лицо пострадавшее рисуется невинным, мужественным, знатным, владыкой, приветливым, чистым душой, видным, дружественно относящимся ко всем сведущим в искусствах и одаренным добродетелями. Наконец, надо сказать все, что рекомендует человека с хорошей стороны.

Во-вторых, — предмета. Следует показать, что лицо пострадавшее испытало или испытывает небывалые многочисленные и разнообразные несчастья, такие-то и такие-то. Здесь [идет] описание.

В-третьих, — место. [Лицо пострадавшее находится] в том месте, где это менее всего ему подобает и которое может усилить мучение еще больше.

В-четвертых, — времени. Или в старости, когда уже у нас меньше сил переносить скорбь, или в молодости, поскольку этот возраст достоин любви, постольку он преимущественно заслуживает сострадания; или в праздничный, или радостный день ликования других людей скорбь усиливается, или даже в день печальный — от скорби.

В-пятых, — причины. [Следует указать, что] это несчастье человек перенес безвинно, или ради сохранения душевного благородства, или для спасения родины, из любви к богу, потому что он сказал правду, не льстил, его преступление не похоже на преступления других и т. д.

В-шестых, — образа действий. Из образа действий можно отыскать много дополнений и в особенности сделать полностью очевидным все дело, каково оно было или могло быть.

С другой стороны, подобно тому, как любовь, печаль или то и другое вместе хорошо заранее предпосылать состраданию, так эти душевные состояния могут соединяться и чередоваться с ним. Можно причинить скорбь вторично, горько сетуя на то, что славные и счастливые поступки оказались напрасными, как, например, в предшествующей главе в речи Антония (пример IV): «Какую пользу принесло тебе, Цезарь, человеколюбие, какую — благочестие, какую — законы?»[134]

---

[134] **…в предшествующей главе в речи Антония (пример IV): «Какую пользу принесло тебе, Цезарь, человеколюбие, какую — благочестие, какую — законы?»** См. примеч. 124 к кн. V.

Природа скорби и стиль.

Скорбь, возникла ли она по причине собственного или чужого несчастья, бывает двух родов: одна — умеренная, другая — весьма сильная, превышающая меру. Первая многословна, вторая молчалива. «Великая скорбь говорит, а величайшая молчит, — говорит Сенека Трагик. — Первая легко проливает слезы, издает стоны, вздохи, стенания, бьет себя в грудь и рвет волосы. Последняя, напротив, редко изливается в слезах, с бледным и исполненным тревоги лицом и настолько забывчива, что не чувствительна ни к каким другим душевным переживаниям; опасности ее не трогают; ни ран, ни самой смерти она не боится; наконец, первая отличается нежностью, слабостью, похожа на нежную любовь, последняя кажется словно каменной».[135]

На основании [сказанного] легко наметить приемы стиля. Ведь если нужно вызвать нежную скорбь, то следует быть столь же многословным, как это необходимо для переживания упомянутых уже нами состояний любви и радости, следует главным образом нагромождать отдельные звенья и колоны, лишенные ритма; периоды в собственном смысле надо употреблять редко; далее риторические фигуры, причиняющие печаль: уподобления, взятые от предметов печальных, нешумные восклицания; олицетворение (выводя говорящим лицом либо само несчастное лицо, либо даже родину, небо, землю, стены и т. д.); апострофа [должна быть] направлена то на одни, то на другие предметы, то к страдающему лицу, то к бессловесным вещам; эмфазы, подразумевающие нечто мучительное и скорбное, умолчания, такие, словно оратору не хватает слов для выражения этой скорби. Поэтому оратор должен часто прерывать речь и даже заявлять, что у него не хватает слов и т. д. Весьма полезны здесь эпифонемы и величавые, ясные изречения, выражающие общие несчастья и бренность людскую. Этот вид скорби часто приходится выражать оратору, другой же встречается реже; однако я думаю, иногда возможно и весьма удобно даже первый вид скорби заменять вторым. По этому вопросу необходимо дать, по-видимому, следующие наставления. Уделив сколько нужно времени изложению нежной скорби, примись энергично излагать второй ее род: скорбь великую, неподвижную. Стиль, ее выражающий, должен быть более торжественным, с периодами в собственном смысле, но без всяких блестящих выражений и искусно построенных колонов (ведь заботиться о таких украшениях — дело людей счастливых). Риторические фигуры должны быть также редки, и притом маловыразительны и некрикливы; однако промежутки между этими фигурами следует заполнять внезапными возгласами, произнося их то более тихим голосом, то даже громко, с яростным гневом. От этого

[135] **Великая скорбь… словно каменной.** Seneca. Ad Novatum de ira. II. 30.

и речь приобретет большую выразительность и получится впечатление, что ты как бы измученный скорбью, в изнеможении от усталости, охвачен сильнейшим переживанием, и слушатели тем легче будут увлечены вместе с тобой этим чувством.

Заметь, что изображению этого душевного состояния не следует уделять слишком большой части речи, как правильно советует Фабий Квинтилиан, ведь, как говорят, слезы текут скорее всего и усталый слушатель может некоторым образом впасть в оцепенение и потерять ощущение скорби.[136]

Множество примеров [можно найти] в заключениях у Цицерона, в особенности в речи «В защиту Милона»,[137] затем во всей последней речи «Против Верреса» «О казнях»,[138] у Златоуста целые II и III книги «О промысле»,[139] где он перечисляет скорби святых, и речь «Против Евтропия»,[140] наконец, у поэтов: в III и IV книгах «Энеиды» Вергилия,[141] у Овидия, в «Метаморфозах», о Ниобее, Орфее и т. д.; во всех книгах «Скорбей» и во всех книгах «Писем с Понта»,[142] затем у всего Сенеки-Трагика.[143] Я приведу здесь речь святого Амвросия,[144] который так оплакивает покойного брата, что, кажется, это не человеческая печаль, а печаль самой скорбящей любви.

Пример нежной скорби.[145]

«Никогда я целиком не был сам собой, но большая часть нас обоих заключалась в другом человеке. О, если бы как в память и в благодарность [тебе], так и ради твоей жизни это (что бы ни было — то, чем мы живем или могли бы жить) отняло бы половину моей доли, и эта [половина] могла бы помочь твоей [доле]! Я сделал тебя, брат, моим наследником, а ты оставил меня своим; я хотел, чтобы ты меня пережил, а ты оставил меня в живых! Почему я преемник моего наследника? Что делать мне, пережившему свою жизнь? Что делать мне, лишенному того света, которого я жажду?

---

[136] **…на изображение этого душевного состояния не следует уделять слишком большой части речи, как правильно советует Фабий Квинтилиан…** Quint. Inst. VI, I: 27.

[137] **…в речи «В защиту Милона».** См. примеч. 8–10 к кн. I.

[138] **…затем во всей последней речи «Против Верреса» «О казнях»…** См. примеч. 19, 20 к кн. II; 21 к кн. III.

[139] **…у Златоуста целые II и III книги «О промысле»…** См. примеч. 152 к кн. V.

[140] **…речь «Против Евтропия».** См. примеч. 226 к кн. I.

[141] **…в III и IV книгах «Энеиды» Вергилия…** См. примеч. 122 к кн. I.

[142] **…у Овидия, в «Метаморфозах»… во всех книгах «Скорбей» и во всех книгах «Писем с Понта».** Именно эти произведения (Metamorphoses, Tristia, Epistulae ex Ponto) также являются источниками примеров в «Поэтике» ФП и других его текстах.

[143] **…у всего Сенеки Трагика.** См. примеч. 7 к кн. I.

[144] **Святой Амвросий.** См. примеч. 255 к кн. I.

[145] **Никогда… долг.** Святой Амвросий. В указанном тексте цитата не найдена.

Я ли, брат, не нуждался в тебе или мог бы когда-нибудь о тебе забыть? Какую признательность, какие дары я воздам тебе? Ничего я не дал тебе, кроме слез, или, может быть, ты равнодушно относишься к твоему благодеянию? Неужели ты не требуешь слез, которые у меня только и остались? Ведь если бы ты до сих пор был жив, то удержался бы от них, доказывая, что наша скорбь печальнее для тебя твоей собственной смерти. Есть у меня верный залог, который не может отнять никакое [земное] странствие, есть у меня останки, которые я могу обнять, есть могила, которую я ограждаю своим телом! О, если бы я мог отдать за смерть твою мое тело! Если бы на тебя напали с мечами, то лучше бы мне пожертвовать жизнью ради тебя! Не помогло мне вовсе ни то, что я вобрал в себя последние вздохи, ни то, что я вдохнул [мое] дыхание умирающему: ведь я думал, что я либо сам приму твою смерть, либо волью в тебя мою жизнь. Неужели я могу не думать о тебе либо думать когда-нибудь без слез? Какая радость мне без тебя или у тебя была когда-нибудь без меня? Ты здесь, говорю я, и всегда себя проявляешь, и я обнимаю тебя всем сердцем и душой, смотрю на тебя, говорю с тобой, целую, обнимаю. Ведь отныне те самые ночи, которые, когда ты был жив, казались, бывало, как бы слишком тягостными, потому что не давали нам вдоволь насмотреться друг на друга, отныне самый сон, неприятно прерывавший наши беседы, начал приносить сладость, потому что вернул мне тебя. Поэтому я храню тебя, брат, и ни смерть, ни время не отняли тебя у меня; сами слезы сладостны, сами рыдания приятны, так как они утоляют душевный пыл, и чувство, словно ослабев, испаряется; ведь без тебя я не могу существовать или не помнить о тебе, или помнить без слез! О, горькие дни, которые, разбив, уничтожили [наши] узы! О, горестные ночи, которые отняли столь хорошего товарища и нераздельного спутника в отдыхе! Приготовь гостю общее жилище, и подобно тому, как в этой жизни для нас все было общим, так и там ты не будешь знать раздельного, и, прошу тебя, не покидай стремящегося к тебе, ожидай спешащего, помоги торопящемуся и, если окажется, что я слишком долго задерживаюсь, вызови! Ведь никогда мы не находились слишком долго в разлуке: ты обычно посещал меня: но теперь, так как ты не можешь вернуться, мы пойдем к тебе и отплатим [свой] долг».

Об утешении или об утолении печали.

Правила утешения можно дать в следующих пунктах 1) Участь человека в этой жизни, которая влечет за собой неизбежную смерть: «Суров закон смерти и неизбежен», — говорит Назон к Ливии.[146] 2) Четкое осознание

---

[146] **Суров закон смерти и неизбежен.** Источник не установлен.

испытанного или испытываемого страдания. Это правило можно использовать в ту и другую сторону: и для возбуждения скорби, если изложить его одним способом, и для смягчения — другим; т. е. если скажем, что четкое осознание [неизбежности страдания] является великим утешением в несчастьях: страдание праведников не является казнью, но служит им во славу: это не смерть, а начало лучшей жизни и т. д. 3) Следует выставить в привлекательном свете душевную стойкость, терпение в несчастьях и пр. 4) [Привести] пример доблестных людей, испытавших такие же страдания или еще более тяжкие. 5) Сказать, что еще и теперь, если подумаешь, существует много несчастных людей; затем привести случаи разного рода несчастий: каким образом одни переносят страдания плена, другие — нужду, третьи страдают от недугов, четвертые — от потери имущества в огне или при кораблекрушении и т. д. При этом следует описывать не только несчастья людей, но и гибель городов и царств, их разрушения, завоевания и т. д.; затем привести восклицание Санназария:[147] «И мы, о род несчастный, жалуемся, что дряхлеет человеческое тело, когда гибнут открыто царства и города».[148] 6) Если несчастье неизлечимо, то следует показать бесполезность слез; например, когда оплакивают чью-нибудь смерть. 7) А если случилась беда поправимая, то надо возбудить надежду на перемену счастья и наступление после мрака более светлых дней. 8) Далее следует сказать, что, как и все прочие состояния, так и скорбь, даже самая сильная, со временем уменьшается, с другой стороны, не подобает человеку благоразумному ожидать, пока скорбь от времени утихнет. 9) Опиши теперешнее несчастное положение и скажи: лучшее произошло с теми, которые скончались, так как они не претерпевают [сейчас] того-то и того-то; почему захочет жить тот, кто видел так много недостойного и несправедливого, так много ужасных событий и т. д. 10) Можно похвалить скромность утешаемого лица, сказав, что оно проявило ее в пору счастья, а затем следует упрашивать его выказать стойкость также и в несчастье. 11) Можно отвлечь скорбящую

[147] **Санназарий** — Якопо Саннадзаро (Jacopo Sannazaro; 1458–1530), итальянский поэт, писатель.

[148] **И мы, о род несчастный… царства и города.** Этот пример см.: ФП «Поэтика». С. 354–355. Речь идет об описании развалин Карфагена: «…ту же мысль выразил Торквато Тассо, поэт итальянский, созерцая развалины Карфагена (песнь XV в Готтфреде, строфа 20). Смысл рассуждения Тассо (так как он писал на языке, нам неизвестном) я привожу здесь по-польски, как его переложил замечательный польский поэт Кохановский. „Пал Карфаген: не видно и следа / От гордых стен могучей той державы. — Так гибнут царства, гибнут города…“ То же самое… воспевает Акций Санназарий в весьма изящной своей поэме «О рождении Девы» (кн. II): „А мы, несчастный род, жалуемся на то, что старость разрушает члены, в то время как явно гибнут царства и грады“».

душу от ощущения боли и от мыслей о своем несчастье. Это делается при помощи многочисленных рассказов, риторических фигур задержек, описаний, а также наглядным описанием радости, блаженного [покоя в] вечности и т. д. 12) Необходимо нам воспрянуть духом по воле Божией; прекрасно говорит Сенека (письмо 107): «Всего лучше терпеть то, что мы не в силах изменить и без ропота покориться волей Божией, согласно которой все совершается. Плох тот воин, который следует за полководцем, вздыхая».[149] 13) Показать [добрые] плоды, порожденные этим несчастьем: искупление грехов, презрение к миру, уничижение нашей гордости, осознание человеческой бренности и т. д. Все это можно найти в письме Сервия Сульпиция к Цицерону (К близким, кн. IV, 5).[150] Это [письмо] как совершенный образец утешения я полагал бы необходимым не только читать, но даже заучивать наизусть; кроме того, читай книги Сенеки «Об утешении»[151] и три книги святого Иоанна Златоуста «О провидении Божием»,[152] в которых он утешает Стагирия,[153] одержимого демоном.

ГЛАВА X

ОБ УЖАСЕ ИЛИ СТРАХЕ И ОБ ОТЧАЯНИИ

Страх есть недуг и душевное переживание вследствие ожидания угрожающего несчастья. Часто это состояние бывает полезно и весьма пригодно, чтобы устранить леность, однако почти всегда его надо излагать, имея в виду следующее правило: не показывать, что вообще в будущем случится какое-нибудь несчастье; но что оно может произойти, если не будет того-то и того-то или если то-то и то-то не прекратится.

Способ внушать страх.

1) Можно хорошо внушить страх потерей какого-нибудь блага, если сперва опишем свойство этого блага и возбудим к нему стремление. 2) А если же-

---

[149] **Всего лучше… все совершается.** Seneca. Ep. mor. 107: 9.

[150] **…в письме Сервия Сульпиция к Цицерону…** Cic. Fam. IV, 6: 1.

[151] **…читай книги Сенеки «Об утешении»…** См.: Seneca. Ad Novatum de ira. Lib. I: 1–4.

[152] **…святого Иоанна Златоуста «О провидении Божием».** Вероятно, ФП имеет в виду трактат «О промысле Божием», или «К тем, которые соблазняются происшедшими несчастьями» (Περί τῆς τοῦ Θεοῦ προνοίας; Ad eos qui scandalizati sunt ob adversitates).

[153] **Стагирий** — подвижник, отшельник, оказавшийся в тяжелом состоянии (припадки, уныние, покушение на самоубийство). Иоанн Златоуст, узнав об этом, написал «Увещательное Слово к Стагирию подвижнику, одержимому демоном».

лаешь внушить страх перед будущим несчастьем, то сначала опиши, насколько оно велико. 3) Объясни, насколько близка опасность и как легко она может наступить, подкрепив это многими причинами: опытом прошлого, подобными примерами у других людей, наблюдением над состоянием дел в настоящий момент, знамениями и чудесными явлениями, если таковые могут произойти, затем надо описать то лицо, от которого, как мы сказали, следует (чего-либо) опасаться: это справедливый, неподкупный судья и суровый каратель; или, если это враг, то рассказать о его силе, могуществе и гордости, порожденной столькими успехами, а также о его свирепости, лютости, жестокости. В изложении таких обстоятельств и состоит весь прием внушения страха: именно в том, чтобы амплифицировать свойство несчастья, которое само по себе устрашает; затем ты можешь утверждать, что само несчастье вот-вот уже наступит, если не предупредить его своевременно, то оно с легкостью может произойти. 4). Сюда относится то, что вскоре будет сказано об отчаянии, подобно тому как и это последнее можно отнести к сказанному о страхе: ведь эти душевные состояния близки и взаимно поддерживают друг друга.

Правила внушать отчаяние.

Отчаяние по Цицерону («Тускуланские беседы, кн. IV») есть душевный недуг, состоящий в отсутствии всякой надежды на улучшение дел, или неуверенность в том, что ты получишь какое-нибудь благо или же избавишься от несчастья. Это душевное состояние следует возбуждать тогда, когда оно может оказаться полезным, т. е. когда надежда, ему противоположная, будет вредоносной, также применяя то правило, по которому следует внушать страх.[154] Приемы внушения отчаяния приблизительно следующие: во-первых, можно предпослать приемы возбуждения скорби и страха; ведь под влиянием этих состояний люди впадают в отчаяние; во-вторых, следует говорить все противоположное тому, что, как мы сказали выше в главе III, может возбудить надежду: т. е. нет никакой надежды, несчастье близко, благо далеко, [показать] слабость своих и мощь врагов, примеры других людей, которые в подобном случае терпели неудачу. Но и все то, что внушает страх, также приводит к отчаянию. Ведь эти душевные состояния близки, и отчаяние, по моему мнению, не что иное, как безмерный страх. В особенности следует подчеркивать трудность достижения блага или устранения зла.

Природа и ораторский стиль при [изображении] этих состояний.

Страх холодной природы, поэтому люди, пораженные страхом, ежатся, слабеют, бледнеют, проявляют колебания в речи, действуют и говорят, по-

[154] **Отчаяние по Цицерону… страх.** Пересказ. Cic. Tusc. IV: 12–14.

добно испытывающим холод; поэтому для речи, кажется, весьма нелегко (да и не нужно) создавать особый стиль: единственное, что [речь] не должна быть яркой, как [речь, выражающая] состояние любви или радости. Существуют, однако, особые риторические фигуры, свойственные состоянию страха: сомнение, заклинание, восклицание со вздохами, без крика. Но это состояние следует выражать по преимуществу средствами декламации, жестами и голосом. Заметь, что в данном случае можно внушить страх двояким образом: во-первых, когда и сам оратор, как кажется, чувствует страх; во-вторых, когда оратор, приняв на себя роль лица, от которого исходит страх, угрожает и предвещает все несчастья, которых нам следует особенно бояться. В первом случае стиль изложения должен быть подобен самому состоянию страха: медленный, прерывистый, с риторическими фигурами, упомянутыми выше, и т. д. Напротив, во втором случае стиль будет подобен состоянию гнева; и здесь, кажется, наиболее подходит фигура олицетворения; то есть надо, чтобы оратор принял на себя роль лица, от которого исходят угрозы. И действительно, так пророки обычно возвещали гнев Божий: «Так говорит Господь Бог Израилев и т. д.». Такой же прием надо употреблять и при выражении отчаяния, но, пожалуй, это душевное состояние является несколько более крикливым.

Способ избавления от отчаяния и страха.

Правила для избавления от страха и отчаяния одни и те же: ведь отчаяние не может оставаться, если устранен страх, и наоборот. Поэтому, во-первых, надо возбудить надежду (смотри о надежде в главе 3), во-вторых, показать безосновательность страха, потому что нас часто страшит то, что не должно [страшить]. Так говорит Сенека Луцилию: «Существует больше [несчастий], которые страшат нас, чем тех, которые угнетают, и мы чаще страдаем от воображаемых, чем от действительных [опасностей]».[155] В-третьих, оратор утверждает, что беда, которой опасаются, не наступит, и подкрепляет это сильными доводами, в особенности же следует сдерживать наклонность к страху, в-четвертых, обещают помощь Божию. Так, Цицерон во II речи «Против Катилины»: «Им следует внушить надежду, что бессмертные боги немедленно окажут помощь нашему непобедимому народу, славной империи, этому прекрасному городу против столь великого злодеяния».[156] В-пятых, следует похвалить мужество, которое презирает все опасности, и амплифицировать знаменитое стихотворение Горация (кн. III, ода 3):

[155] **Существует… от действительных [опасностей].** Sen. Ep. mor. 107.
[156] **Им следует… великого злодеяния.** Cic. Catil. II. 19.

Кто прав и к цели твердо идет, того
Ни граждан гнев, что рушить закон велят,
Ни взор жестокого тирана
Ввек не откинут с пути; ни ветер
Властитель грозный Адрия бурных вод,
Ни Громовержец дланью могучей, — нет:
Лишь если мир, распавшись, рухнет,
Чуждого страха сразят обломки.[157]

Примеры внушения страха и отчаяния [находим] всюду в речах историков, например, в кн. XXI у Тита Ливия в речи Алорка к сагунтинцам,[158] и в XXIII книге в речи консула Варрона;[159] также в I речи Цицерона «Против Катилины»[160] и почти во всей речи «Против Рулла», «Об аграрном законе» и т. д.

ГЛАВА XI
О ЗАВИСТИ

Зависть есть скорбь, возникшая по причине блага, полученного другим человеком, или так же, когда кто-либо радуется несчастью другого. Этот наихудший порок не следует возбуждать. Однако существует известный вид зависти, который считается законным и справедливым, то есть когда мы скорбим о том, что люди недостойные имеют силу и власть и т. д. Такое чувство, как видно, весьма близко к негодованию; поэтому сказанное выше по поводу негодования следует отнести и сюда и наоборот, то, что мы здесь говорим, будет иметь значение для негодования.

Способы возбуждения зависти.

Способ возбуждать зависть Цицерон кратко излагает во II книге «Об ораторе» следующим образом: «Если надо возбудить чувство зависти, то следует сказать, главным образом, что оно возникло не от доблести; далее, что его даже породили пороки и преступления, наконец, что если оно будет направлено на более достойные и возвышенные предметы, то все же [для него] никакие заслуги не имеют столько значения, сколько человеческое высоко-

---

[157] **Кто прав… обломки.** Hor. Carm. Lib. III: 3. Пер. Н. С. Гинцбурга.

[158] **Примеры внушения страха и отчаяния… в кн. XX у Тита Ливия в речи Алорка к сагунтинцам.** Liv. Ab urbe condita. Lib. XXI. Cap. 14: 1.

[159] **…в речи консула Варрона.** Гай Теренций Варрон (Gaius Terentius Varro; ум. после 200 до н. э.) — римский политический деятель и военачальник. Liv. Ab urbe condita. XXII. Cap. 38: 6.

[160] **…в I речи Цицерона «Против Катилины».** См. примеч. 18 и 229 к кн. I.

мерие и гордость».[161] Здесь он дает три наставления: во-первых, [надо] показать, что богатство и власть другого [человека] добыты не трудом, не какой-нибудь доблестью, но достались легко, как бы во сне судьба ему загнала их в сети; во-вторых, что еще более важно, если он приобрел их дурными средствами: обманом, лестью, грабежом и т. д.; в-третьих, что, кичась своим могуществом, он стал слишком заносчивым, надменным, хвастливым, презирает и угнетает других людей; надеясь на свое богатство, он совершает неслыханно наглые поступки, строит козни людям порядочным и т. д.; в-четвертых, добавь к этому восхваление заслуг и достоинств людей порядочных, которые из-за него находятся в пренебрежении.

Стилевые приемы.

Стилевые приемы вообще те же самые, что и при возбуждении гнева и негодования. Это душевное состояние Цицерон зачастую разжигает против людей вредных, но богатых и могущественных как бы пылающим факелом в речи «В защиту Сестия», как в других ее местах, так и в начале: «Если кто-нибудь, судьи, раньше с удивлением спрашивал, почему соответственно столь великим средствам республики и такому выдающемуся должностному положению в империи, вовсе нельзя было найти достаточно много влиятельных и мужественных граждан, которые осмелились бы добровольно подвергнуть опасности себя и свое собственное благополучие во имя благосостояния государства и общей свободы, — тот, пожалуй, еще больше удивится в наше время, увидев какого-нибудь влиятельного благонамеренного гражданина, чем какого-нибудь труса или человека, заботящегося больше о себе, чем об интересах республики. Ведь отбросив думы о несчастье каждого отдельного человека, вы можете одним взглядом рассмотреть тех, кто вместе с сенатом, со всеми благонамеренными снова поднял поверженную республику и освободил ее от наших внутренних разбойничьих банд, [увидеть их], печальных, облеченных в траурные одежды, обвиняемых, рискующих жизнью, добрым именем, гражданскими правами, имуществом, детьми; а тех, кто нарушил, потряс, расстроил, уничтожил все божеское и человеческое,— тех [вы можете увидеть] не только бодро и радостно порхающими, но даже добровольно причиняющими опасность влиятельным и благонамеренным гражданам, за себя же отнюдь не боящихся.[162]

Способ избавления от зависти.

Послушаем также указания Цицерона относительно подавления состояния зависти («Об ораторе», кн. II): «Для сдерживания же зависти следует

[161] **Если… гордость.** Cic. De Orat. II.
[162] **Если кто-нибудь… боящихся.** Cic. Sest. 1.

указывать преимущественно на то, что [богатства, которым завидуют], добыты с великим трудом и опасностью: они приносят пользу не владельцу, а другим; и что если тот [человек], [кому завидуют], как кажется, достиг какой-либо славы, однако, хотя эта слава является лишь справедливой наградой за [испытанные] опасности, он все же не наслаждается ей, а всю ее целиком отбрасывает и отвергает; … вообще следует всеми способами добиваться ослабления такого взгляда и показывать, что это выдающееся в глазах других счастье перемешано с трудностями и бедствиями».[163]

Здесь равным образом он дает три наставления, противоположные указанным выше: во-первых, следует указать, что блага [того, кому завидуют], добыты трудом; во-вторых, что он не превозносится; в-третьих, что, гордясь своим богатством, он никому не вредит, но, напротив, многим приносит пользу. К этому можно присоединить сравнение с людьми негодными, которые в равной степени или даже больше обласканы счастьем. Цицерон в речи «В защиту Суллы» в таких выражениях успокаивает зависть, которую он терпел вследствие расположения к нему других [людей]: «А если ты даже позавидуешь этой моей охране, и если тебе она представляется царской, потому что все люди благонамеренные всех родов и сословий соединяют свое спасение с моим, то утешься, потому что настроение всех людей негодных весьма раздражено и враждебно из-за страха перед одним человеком: поэтому они не только ненавидят меня за то, что я подавил их нечестивые покушения и преступную ярость, но даже еще более за то, что, как они полагают, пока я жив, они не в состоянии уже совершить подобных покушений».[164]

ГЛАВА XII
О СТЫДЕ, ИЛИ СТЫДЛИВОСТИ

Это душевное состояние получает наилучшее применение в речах совещательных, когда слушателей побуждают к какому-нибудь благородному поступку под страхом угрожающего позора или же стремясь этот позор смыть; следует горячо приняться за это, хотя и трудное дело. Но, с другой стороны, существует стыд, скорбь и душевное переживание, [возникшее] в силу прошлых и настоящих или будущих несчастий, которые приносят позор.

---

[163] **Для сдерживания… несчастьями.** Cic. De Orat. II: 210.
[164] **А если ты… покушений.** Cic. Sul. 29.

Способ возбуждения стыда.

Аристотель, рассуждая во II книге «Риторики» о стыде, указывает, что стыд возникает в силу тех зол или пороков, которые влекут за собой позор и связаны с бесчестием и с бесславием. Поэтому все, что окажется таким, будет подходящим для возбуждения стыда.[165] Однако вообще позорными являются следующие качества: 1) трусость; 2) легкомыслие; 3) невежество и неразумие; 4) безволие, в особенности когда не хватает сил для произнесения справедливого приговора; 5) леность и небрежение; 6) если по некоторым причинам попадают под подозрение бескорыстие, добросовестность, справедливость, в особенности когда полагают, что в силу безнаказанности преступников, даже государь страдает теми же пороками; 7) отвратительная скаредность; 8) доказательства дурных наклонностей и малодушия, как например: предпочитать личную пользу порядочности, не заботиться о славе, позорно мстить, бояться говорить правду в надежде на малую выгоду или милость, изменить своему убеждению, недостойно угодничать и допускать недостойное обращение с собой и т. д. Поэтому, собираясь пристыдить, ты скажешь, что невозможно избежать бесчестия, связанного с трусостью, легкомыслием или прочими позорными пороками, если не будет того-то и того-то; что возникнет подозрение в нашем сходстве с тем, кого мы не уважаем; что свойства низкой души — угодничать, льстить, не быть в состоянии совершить благородный поступок и т. п. и что позор от них усилится от побочных обстоятельств места, времени, рода и других.

Стиль подобен тому, который, как сказано, следует употреблять для выражения страха или соревнования. Пример находим в речи «В защиту Манилиева закона», где Цицерон указывает, что великое бесчестие, которое потерпела римская слава на войне с Митридатом, можно смыть, только покарав Митридата.[166] Это прекрасно выражено у Вергилия в том месте, где Тархон[167] возбуждает этрусских воинов на бой против героини Камиллы[168] («Энеида», кн. XI):

О Тиррены, иль вы позабыли стыд? Что за страхи,
Что за робость — увы! — обуяла трусливые души?

---

[165] **Аристотель… указывает, что стыд возникает в силу тех зол или пороков, которые влекут за собой новый позор и связаны с бесчестием и с бесславием.** Arist. Rh. II. Cap. VI. 1–2.

[166] **…Цицерон указывает, что великое бесчестие… можно смыть, только покарав Митридата.** Cic. Man. 7.

[167] **Тархон** — Тархонт, Таркон (Tarchon; Τάρκων, Tárkōn) — персонаж этрусской мифологии, по «Энеиде», Тархон — правитель этрусков.

[168] **Камилла** — дева-воительница, дочь царя вольсков, помогавшая Турну в его войне с Энеем.

Женщина гонит полки и вспять обращает отряды?
Носим к чему же тогда мы мечи и ненужные копья?
Нет, для Венеры не так вы ленивы и битв полунощных,
Иль когда к пляскам зовет согнутая Бакхова флейта
Вас в предвкушении яств и обильного кубками пира.[169]

Стыд не следует подавлять, иначе мы будем рекомендовать бесстыдство, однако существует стыд, приносящий вред, например, когда мы стыдимся поступать добродетельно из-за присутствия людей негодных, или боимся осудить ложный приговор и принять истинное решение оттого, что присутствует кто-нибудь из этой шайки негодяев. Зенон, встретив у городской стены какого-то юношу, гулявшего в одиночестве, спросил его: почему он гуляет один; тот ответил, что он боится дать ложное показание ради друга. Тогда Зенон сказал: «Глупо ты поступаешь, юноша: ведь ему не стыдно обращаться к тебе с несправедливой и бессовестной просьбой, а тебе стыдно с благородством отказать ему в позорном деле».[170] Сказанного достаточно о душевных состояниях.

---

[169] **О Тиррены… пира.** Verg. A. XI: 732–738. Пер. В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева.

[170] **…Зенон сказал: «Глупо ты поступаешь, юноша… отказать ему».** Источник не установлен.

КНИГА VI

ПРИЕМЫ СОЧИНЕНИЯ ИСТОРИИ И ПОСЛАНИЙ

Относительно [приемов писать] историю и послания учителя риторического искусства или вообще не дают никаких указаний, или же сообщают несколько правил, разбирая их, по-видимому, не преднамеренно, а случайно. Я, однако, убедившись, с одной стороны, в том, что эти приемы весьма широкоупотребительны, а с другой, — что они редко приводят к успеху, признал необходимым намеренно развить о них особое учение. Ведь писать историю или послание не так-то легко, может быть, как думают некоторые. Доказательством этого положения служит то, что весьма редко встречаются люди, прославившиеся на поприще сочинения истории или посланий, хотя бесчисленное множество [писателей] этим занималось и находило в этом удовольствие. Почему, в самом деле, можно насчитать весьма много историков и сочинителей посланий, но только немного находим среди них достойными похвалы? И ведь невероятно, чтобы Крисп Саллюстий,[1] Тит Ливий,[2] Квинт Курций[3] и другие были обязаны славой и почетом одним только льстецам, и, наоборот, то обстоятельство, что бесчисленное множество других находится в безвестности, не следует приписывать [людской] зависти. Есть, конечно, в истории, есть и в посланиях некоторая своеобразная прелесть, свое изящество, свой облик и очертания. Многие ошибаются, потому что пренебрегают всякой формой, многие — потому что применяют другую. Поэтому мы вкратце изложим подходящие, как нам кажется, правила для данного предмета.

Перечень глав книги VI.

Глава I. Об истории (и прежде всего что есть история и какова ее цель) и о похвале истории.

---

[1] **Крисп Саллюстий.** См. примеч. 229 к кн. I.

[2] **Тит Ливий.** См. примеч. 50 к кн. I.

[3] **Квинт Курций.** См. примеч. 57 к кн. I.

Глава II. Недостатки, которых следует избегать сочинителю истории исходя из правдоподобия (заимствовано из Лукиана).[4]

Глава III. Приводятся две причины исторической лживости из Иосифа Флавия[5] и четыре признака недоброжелательного сочинения из Плутарха.[6]

Глава IV. Излагается способ изобличения вымысла в житиях святых и историях о чудесах, преимущественно у новых латинян.

Глава V. Что надо опускать, о чем также не следует умалчивать историку (из Цицерона и Лукиана).

Глава VI. Что должен иметь в виду историк и к чему стремиться (из Лукиана, Цицерона, Дионисия Галикарнасского и Квинтилиана).

Глава VII. О посланиях и прежде всего о том, что такое послание, откуда оно получило свое имя, какова его цель.

Глава VIII. Что нужно [знать] сочинителю посланий и об уместном в посланиях и о родах [их].

Глава IX. Готовые правила изречений или выражений для посланий, содержащихся в совещательном роде.

Глава X. Правила для посланий судебного рода.

Глава XI. Правила для посланий показательного рода.

Глава XII. Даются общие правила для всякого рода вступлений, и предлагается наставление о подобающем стиле и слоге в посланиях.

ГЛАВА I

ОБ ИСТОРИИ И (ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЧТО ЕСТЬ ИСТОРИЯ, КАКОВА ЕЕ ЦЕЛЬ) И О ПОХВАЛЕ ИСТОРИИ

1. История есть рассказ о каком-либо деянии, то есть то же самое, что и повествование. Цицерон во II [книге] «Об ораторе» приводит такое определение и вместе с тем похвалу истории: «История — свидетельница времен, светоч истины, жизнь памяти, наставница жизни, вестница древности. Чьи же слова, как не слова оратора, придают [ей] бессмертие?»[7]

---

[4] **Лукиан.** См. примеч. 107 к кн. V.

[5] **Иосиф Флавий** — Иосиф Флавий (Ἰώσηπος Φλάβιος; Josephus Flavius; ок. 37 — ок. 100) — еврейский историк и военачальник, автор трудов «Иудейская война», «Иудейские древности», трактата «Против Апиона».

[6] **Плутарх.** См. примеч. 66 к кн. I.

[7] **История — свидетельница времен, светоч истины, жизнь памяти, наставница жизни, вестница древности. Чьи же слова, как не слова оратора, придают деянию бессмертие?** Cic. De Orat. II: 36.

2. Цель истории — польза или благо, то есть чтобы мы на основании чужих примеров, как бы из собственного опыта, поняли, как следует нам поступать [в жизни] и чего избегать. Некоторые [писатели] ставят [истории] две цели, присоединяя к пользе еще и удовольствие, то есть [они полагают] для истории цели, одинаковые с поэтическим искусством. Однако Лукиан в своей книге «К Филону»[8] справедливо устраняет эту вторую цель, говоря: «Единственное дело истории, единственная ее цель — благо, о котором она заключает на основании истины».[9] Хотя всякое повествование само по себе, в особенности если оно имеет неожиданный и странный конец, [способно] доставлять наслаждение, однако, как замечает тот же Лукиан, наслаждение следует назвать спутником или достоинством истории, а не ее целью. [Сюда], пожалуй, можно добавить: существует другая цель [истории]: это память о достойных деяниях, т. е. слава какого-нибудь человека, по причине его знаменитых деяний сохраненная в потомстве.

3. У писателей, которые занимаются восхвалением пользы и выдающихся достоинств истории, имеется почти бесконечное число похвал ей, но самыми высокими похвалами, как кажется, превозносит ее Диодор Сицилийский[10] в своем предисловии к жизнеописаниям Филиппа и Александра. Послушаем его слова.

«Нельзя себе представить ничего полезнее и приятнее зрелища, как ты, восседающий на сцене человеческой жизни (а эту сцену история во всех отношениях устроила удивительно), становишься осмотрительным и благоразумным в силу опасностей других без риска для себя [и можешь] пользоваться всяческими примерами, обобщая их себе на пользу в любой области; и когда ты станешь участником великих замыслов великих людей по важнейшим вопросам (то, чего мы, люди, страстно желаем), ты будешь также причастен к их судьбам и сможешь соединить в памяти [события] даже целых веков (что невозможно [для людей] в силу краткости человеческой жизни), наблюдать начало, развитие и конец величайших империй, получить ясное представление о причинах частных и общественных бедствий, во всяком трудном и великом деле иметь того, кто до тебя подверга-

---

[8] **…Лукиан в своей книге «К Филону».** ФП имеет в виду труд Лукиана Самосатского «Как следует писать историю» («Quomodo Historia conscribenda sit»), который начинается обращением к другу Филону.

[9] **«Единственное дело истории, единственная ее цель — благо, о котором она заключает на основании истины».** Lucian. Hist. Conscr.: 9.

[10] **Диодор Сицилийский** — Диодор Сицилийский (Διόδωρος Σικελιώτης, Diodorus Siculus, ок. 90–30 гг. до н. э.) — греческий историк, создатель «Исторической библиотеки» (Bibliotheca Historica).

ется опасности, кто идет впереди тебя в решительный момент, никогда не быть обманутым верным опытом, словом, уметь смотреть на результаты событий как на будущие итоги из прошедших деяний (а этот взгляд есть обязанность, присущая человеку мудрому) и судить о настоящем». До сих пор слова Диодора.[11]

ГЛАВА II

НЕДОСТАТКИ, КОТОРЫХ СЛЕДУЕТ ИЗБЕГАТЬ СОЧИНИТЕЛЮ ИСТОРИИ, ИСХОДЯ ИЗ ПРАВДОПОДОБИЯ (ЗАИМСТВОВАНО ИЗ ЛУКИАНА)

1. Недостатки и достоинства, встречающиеся при сочинении истории, мы отметили [в том месте], где была речь о повествовании. Тому, кто хорошо поймет эти недостатки, останется, по-видимому, только обратить внимание на различие между историческим и ораторским повествованиями. Поэтому мы будем излагать установленные нами правила таким образом, что большая их часть будет точно следовать упомянутой главе о повествовании. Здесь же остается вкратце изложить несколько отдельных положений, которых следует избегать или же соблюдать историку.

Когда я обдумывал некоторые правила по этому предмету (ведь до сих пор мне не удалось прочесть, кто из писателей их излагал с определенной целью, так как те, кто издавал книги по риторическому искусству, или ничего не писали об истории, или весьма кратко и мимоходом касались этого вопроса), то по счастливой случайности я наткнулся на книгу Лукиана Самосатского, которую он написал к Филону под заглавием «Как следует писать историю»[12] с таким замечательным дарованием, что кажется, в этой его ученой теории нет никаких недостатков. Сочинение это показывает великую образованность, весьма ученое, изысканное, исполнено замечательного остроумия. Я привел бы его здесь полностью, если бы оно не было длиннее, чем допускает краткость, к которой я стремлюсь. Поэтому все наставления, которые он обосновывает несколько более пространно, все эти [наставления] я подвергаю сокращению и распределяю по определенным главам, не опуская также и того материала, который заимствован из других источников.

---

[11] **«Нельзя себе представить… и судить о настоящем». До сих пор слова Диодора.** ФП неверно указывает источник. См.: Saint Thomas (Aquinas). Institutiones philosophicae. Ex typis abbatiae in Montis Casini, 1875. T. 1. P. 339.

[12] **…книгу Лукиана… «Как следует писать историю».** См. примеч. 8 к кн. VI.

2. Так как обычно принято насчитывать три достоинства истории (краткость, ясность и достоверность), то послушаем, что надо сохранять и чего избегать в связи с каждым из этих [достоинств]. Во-первых, что касается до действительной или кажущейся правдивости повествования, то здесь, главным образом, следует избегать трех [подводных] утесов: невежества и пристрастия, или произвола пишущего, и легкомыслия. Чтобы избежать первого [утеса], мы не должны быть легковерными по отношению к каждому, хотя бы он и был участником описываемого события; следует доверять людям достойным веры, притом если большинство их сошлось на одном [утверждении]. Поэтому если мы собираемся описывать событие, происшедшее задолго до нашего времени, то следует разыскать самых испытанных [в смысле достоверности] писателей и следовать более надежным из них или большинству; если [же] они не согласны друг с другом, и ни те, ни другие не говорят более правдиво, то ясно, что достоинство и значение обеих сторон может быть одинаковым. Поскольку событие является недостоверным, то его так и надо излагать и не следует излишне ему доверять. Кроме того, следует изучить условия времени и места на основании [сочинений] географов, хронистов и прочих писателей. Мало того, если рассказывается о событии недавнем, то полезно посетить ту местность, где оно произошло. Говорят, Саллюстий, собираясь описывать Югуртинскую войну, объездил всю Африку.[13] Давая такое наставление, Лукиан осмеивает многих современных ему псевдоисториков; ведь какой-то из них поместил месопотамский город Европ в двух переходах от Евфрата и пишет, что там же расположена Самосата — родина Лукиана: «И не смешно ли, что мне следовало теперь оправдываться перед тобой и доказывать, что я не уроженец Парфии или Месопотамии».[14] Об этот утес разбился и Скарга-иезуит.[15] В своем приложении к жизнеописанию святого Иоанна Дамаскина,[16] собираясь обосновать исторически, почему Дамаскин, по его словам, по-видимому, отрицает исхождение Святого Духа от Сына, он утверждает, что Иоанн Дамаскин

---

[13] **Говорят, Саллюстий, собираясь описывать Югуртинскую войну, объездил всю Африку.** В 46 г. Саллюстий принял участие в африканской кампании Цезаря, после победы был наместником в Новой Африке, но источники, на которые опирался ФП, не установлены.

[14] **Лукиан осмеивает… историков… «И не смешно ли… Месопотамии».** Lucian. Hist. Conscr.: 24.

[15] **Скарга-иезуит** — Петр Скарга (1536–1612) — польский католический публицист, проповедник, автор исторический произведений.

[16] **В своем приложении к жизнеописанию святого Иоанна Дамаскина…** ФП имеет в виду «Жития святых» (Żywoty świętych, 1579) Петра Скарги, выдержавшие более 30 изданий.

жил во времена иконоборцев; это утверждение, пожалуй, правильно, но, по его словам, в то же время писал и Феофилакт.[17] Это нашему делу не повредило бы, если бы Скарга не сделал этого писателя более древним, чем он есть на самом деле. Но, однако, Феофилакт, по-видимому, не мог писать за двести лет и более до своего рождения. На этот же утес был занесен противным ветром также и Мартин Поляк,[18] которого и Беллармин[19] уличил в невежестве. Этот [Мартин] утверждает, то историк Юстин[20] одно и то же лицо с [Юстином] Философом,[21] который, как известно, был увенчан венцом мученичества.

3. Особенно важно, однако, историку быть свободным от всякого пристрастия: пусть он не ищет благосклонности, и пусть им не движет любовь и гнев его не воспламеняет, и пусть он не допускает ослепления ненавистью или завистью; пусть его не связывает никакое пристрастие к [враждебным] сторонам; если описывается сражение, он должен быть беспристрастным, если идет речь о споре или прениях, то [его дело] — быть слушателем, а не спорщиком; пусть он не будет ничем обязан своим дружеским связям и ничем — личному произволу; пусть стремится только к истине. Лукиан говорит: «Большинство историков, пренебрегая описанием событий, останавливается на восхвалениях начальников и полководцев, превознося своих

---

[17] **…по его словам, в то же время писал и Феофилакт. … Но, однако, Феофилакт, по-видимому, не мог писать за двести лет и более до своего рождения.** Видимо, подразумевается Феофилакт Болгарский — (Θεοφύλακτος Ἀχρίδος, Теофилакт Български; вторая пол. XI — нач. XII в.) — византийский писатель, богослов, архиепископ Охрида.

[18] **Мартин Поляк** — Мартин Опавский (Мартин из Опавы, Marcin z Opawy; Martinus Oppaviensis, Martinus Polonus; ок. 1215/1220–1279) — хронист, доминиканец, автор «Хроника пап и императоров» (Chronicon pontificum et imperatorum).

[19] **Беллармин** — Роберто Франческо Ромоло Беллармино (Bellarmino, Bellarmine; 1542–1621) — ученый-иезуит, богослов, писатель, автор трактата «Рассуждения о спорных вопросах христианской веры, против еретиков нашего времени» (Disputationes de controversiis fidei christianae adversus hujus temporis haereticos. Ingolstadt, 1586), «Толкования псалмов» (In psalmos elucida explanatio. Romae, 1611), нескольких редакций католического катехизиса (Christianae doctrinae explicatio), исторического труда «О церковных писателях» (De scriptoribus ecclesiasticis).

[20] **Юстин** (Марк Юниан Юстин, Marcus Junianus Justinus; III в.) — римский историк, автор «Эпитомы сочинения Помпея Трога „История Филиппа“» (извлечений из утраченного исторического труда «Historiae Philippicae» римского историка Помпея Трога).

[21] **Юстин Философ** (Иустин Великий, Иустин Римский, Иустин Мученик; Ιουστίνος ὁ Φιλόσοφος; ок. 100–165 гг.) — раннехристианский мученик и апологет, почитаемый и католиками, и лютеранами, и православными. Автор «Первой апологии», «Второй апологии», «Диалога с Трифоном Иудеем».

до небес, а враждебных неумеренно унижая. При этом они забывают, что историю от похвального слова разграничивает и отделяет не узкая полоса, а как бы огромная стена, стоящая между ними».[22] Затем Лукиан приводит примеры [из сочинений] многих [историков]: среди них был один, который сравнивает римского полководца с Ахиллесом, а персидского царя — с Терситом, «не зная, — смеется Лукиан, — что Ахиллес был лучше, так как убил Гектора, а не Терсита».[23] Этим недугом страдают почти все папские историки, которые опасаются, что не все, о чем они повествуют, угодно папе. Поэтому и на читателей книги жизнеописания Сикста V,[24] так как ее нельзя было уничтожить, было, как говорят, наложено отлучение.[25]

И так как каждый из них старается выставить свой орден в лучшем свете, то они рассказывают о чудесах, совершенных многими [членами их ордена], желают ли те этого или не желают; многих из древних святых мужей они насильно затаскивают в свой орден. Так, у них Илия, Елисей, все пророки, сам Христос и Пресвятая Матерь Христова, и даже, если угодно Богу, также и Пифагор, и многие киники и стоики были кармелитами. Чего же еще больше? Потея от великих усилий и трудов, испытывая холод, бледнея, без отдыха, скуки и отвращения, дни и ночи они лгут. Правда, если ты подвергнешь внимательному рассмотрению «Историю» Барония,[26] то обнаружишь, что этот все же, безусловно, весьма ученый человек, стремится в своем сочинении к известной цели — восхвалению папы.[27]

---

[22] **Большинство… между ними.** Lucian. Hist. Conscr.: 7. Пер. С. В. Толстой.

[23] **…сравнивает римского полководца с Ахиллесом, а персидского царя с Терситом, «не зная, — смеется Лукиан, — что Ахиллес был лучше, так как убил Гектора, а не Терсита».** Lucian. Hist. Conscr.: 14.

[24] **Сикст V** — Сикст Пятый (Sixtus PP. V; в миру Феличе Перетти ди Монтальто, Felice Peretti di Montalto; 1521–1590) — папа римский (с 1585 по 1590).

[25] **Поэтому и на читателей книги жизнеописания Сикста V, так как ее нельзя было уничтожить, было, как говорят, наложено отлучение.** ФП имеет в виду «Жизнеописание Сикста V» («Vita di Sisto V, Pontefice Romano», 1669), написанное итальянским писателем-эрудитом, сатириком Грегорио Лети (Leti) (1630–1701). Эту биографию католическая церковь сочла «неверной, лживой, антипапской» и включила в Index Librorum Prohibitorum, как и прочие книги автора.

[26] **Бароний** — Цезарь Бароний (Caesar Baronius; 1538–1607) — историк римско-католической церкви, духовник папы Климента VIII, автор труда «Церковные анналы» («Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198» (12 т.; Рим, 1588)).

[27] **<Бароний> стремится в своем сочинении к известной цели — восхвалению папы.** ФП называет «Историей» сочинение Барония «Церковные анналы», в котором обозревается история церкви за двенадцать веков. Поскольку это сочинение должно было опровергнуть «Магдебургские центурии», доказывающие, что папство — создание дьявола, автор подчеркивает достоинства папы и с этой целью использует вымышленные

Он, говорят, так истощил себя этим неимоверным трудом, что когда ему надо было садиться за рабочий стол, то он жаловался, что его влекут на казнь. Но к чему это [он стал бы говорить], если бы посвятил себя истине, а не принес в жертву папской милости? Лукиан говорит: «Единственное дело историка — рассказывать о событиях, как они произошли. А этого он не может сделать, если боится Артаксеркса, будучи его врачом, или надеется получить в награду за похвалы, содержащиеся в его книге, пурпуровый кафтан, золотой панцирь, нисейскую лошадь».[28]

4. Сюда подходит весьма разумное указание Лукиана. Он говорит: «Не пиши, считаясь только с настоящим, чтобы современники тебя хвалили и почитали, но работай, имея в виду все будущее время; пиши лучше для последующих поколений и от них добивайся награды за свой труд, чтобы и о тебе говорили: «Это, действительно, был свободомыслящий человек и пропитанный искренностью; в нем не было ничего льстивого или рабского, и во всем, что он говорил, заключается правда».[29] Поэтому Александр, по словам того же Лукиана, говорят, сказал какому-то Онесикриту:[30] «Я хотел бы, Онесикрит, после смерти ненадолго воскреснуть, чтобы видеть, как люди тогда будут читать твое сочинение. Если они теперь его хвалят и приветствуют, не удивляйся: они думают, что это является как бы приманкой, на которую каждый из них поймает мое благоволение».[31]

5. Эти слова не означают, что историку нельзя хвалить или порицать кого-либо, но следует хвалить в соответствующий момент, соблюдая меру, и так, как будто ты пишешь не для того, кого хвалишь, а для потомства. Наконец, похвала или порицание явится следствием из самого правдивого изложения предмета.

6. Третье, чего, как мы сказали, следует, если возможно, остерегаться, — это душевное легкомыслие. Оно состоит в том, что мы сами себе, или

источники. Труд «Annales ecclesiastici» был переведен на русский язык с польского перевода П. Скарги (Краков, 1603) и в 1719 издан в Москве под заглавием «Деяния церковные и гражданские от Р. Х. до XIII столетия». Перевод П. Скарги использовали православные писатели (Димитрий Ростовский, старообрядец Игнатий). Тенденциозность Барония была известным фактом, поэтому русские издания выходили с изменениями и предисловиями, сообщающими читателю об этом.

[28] **Единственное дело историка… лошадь.** Lucian. Hist. Conscr.: 39. Пер. С. В. Толстой.

[29] **Не пиши, считаясь только с настоящим… правда.** Lucian. Hist. Conscr.: 61. Пер. С. В. Толстой.

[30] **Онесикрит —** ученик Диогена, участник похода Александра Македонского, автор сочинения об Александре Македонском.

[31] **Поэтому Александр, по словам того же Лукиана, говорят, сказал какому-то Онесикриту: «Я хотел бы, Онесикрит… благоволение».** Lucian. Hist. Conscr.: 40.

предмету, или другим лицам причиняем мучение [вопросом], что подобает нам, что другим людям, и что не подобает; имеет ли наше повествование внутреннюю связь, или оно непоследовательно, противоречиво и т. д.? Часто страдающие этим недостатком, даже рассказывая об истинных событиях, передают невероятную историю. Но, что является более позорным, [это то, что] они весьма дерзко выдумывают то, чего никогда не существовало; они полагают, конечно, что все должны им с легкостью верить и что они поэтому могут издеваться над всем родом человеческим. Но, желая обмануть других, они сами себя обманывают: их легко уличают и освистывают. По свидетельству Лукиана, какой-то коринфский историк написал, что парфяне на войне «множество змей, привязанных к длинным шестам, держат высоко над головой, чтобы издалека нагонять страх при наступлении, а затем, уже в сражении, отвязывают их и напускают на врагов».[32] Он утверждал, что сам видел это и читал перед коринфянами, «которые, — говорит Лукиан, — отлично, однако, знали, что и нога его никогда не была вне Коринфа, и что он даже на картине не видал войны».[33]

ГЛАВА III

ПРИВОДЯТСЯ ДВЕ ПРИЧИНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЖИВОСТИ ИЗ ИОСИФА ФЛАВИЯ[34] И ЧЕТЫРЕ ПРИЗНАКА НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ ИЗ ПЛУТАРХА[35]

Подберем также и другие [недостатки], которых следует избегать, из [числа] тех, которые могут являться либо причинами, либо признаками лживости [истории].

1. Итак, Иосиф Флавий Иудей отмечает две причины вымысла у греков (в I книге «Против Апиона»):[36] «Из них первая, — говорит он, — весьма позднее открытие употребления письменности у греков, которые уже по этой причине поздно обратились к писанию; вторая же [состоит в том], что част-

[32] **По свидетельству Лукиана, какой-то коринфский историк написал… врагов.** Lucian. Hist. Conscr.: 29. Имя историка у Лукиана не названо.

[33] **Он утверждал, что сам видел это и читал перед коринфянами, «которые, — говорит Лукиан, — отлично, однако, знали, что и нога его никогда не была вне Коринфа и что он даже на картине не видал войны».** Lucian. Hist. Conscr.: 29.

[34] **…две причины исторической лживости из Иосифа Флавия…** См. примеч. 33 к кн. VI.

[35] **…четыре признака недоброжелательного сочинения из Плутарха.** См. примеч. 50 к кн. VI.

[36] **Апион** — учитель грамматики и риторики в Риме (современник Тиберия и Клавдия).

ные люди многое измыслили, стремясь достигнуть славы, а не истины».[37] Эту вторую причину можно возвести к душевному состоянию, о котором уже сказано.

2. Из первой причины заключи, что те события [в жизни] какого-либо народа, которые древнее письменности, могут стать нам известными только свыше, в особенности если их не упоминают никакие, даже чужеземные, историки. Так следует ли гадать? Поэтому Кохановский[38] в своем трактате «О родоначальнике поляков Лехе»,[39] существование которого он отрицает, считал, что древнейшая история всех почти народов баснословна, так как знать этого мы не можем. Ведь у поляков не было никакой письменности, чужеземные же историки никогда не упоминают о Лехе; [люди] последующих [поколений], как поляки, так даже и другие, не задумываясь, пишут, что он не только существовал, но и о том, какие войны вел и сколько лет царствовал, и, может быть, даже не смущаясь, рассказывают, что он говорил так, как будто они почерпнули сведения о нем из вернейшего источника. Но кто же эти известия сохранил до их времени? Молва, говорит он, или, как говорят, народное предание. Итак, почему же народ польский до появления [у них] письменности и историков хорошо запомнил историю своего происхождения и жизнеописание Леха? Но, однако, лишь только появился на свет Мартин,[40] и затем последовали Кромеры,[41] Стрыйковские,[42] Липс-

---

[37] **Из них первая… весьма позднее открытие употребления письменности у греков, которые уже по этой причине поздно обратились к писанию; вторая же [состоит в том], что частные люди многое измыслили, стремясь достигнуть славы, а не истины.** Flav. Contra Ap. I, cap. II: 4.

[38] **Кохановский…** См. примеч. 27 к кн. IV.

[39] **…в своей диссертации «О родоначальнике поляков Лехе»…** ФП имеет в виду произведение Яна Кохановского «O Czechu i Lechu Historyja naganiona» (1589); слово «диссертация» имеет здесь значение «научное сочинение, трактат».

[40] **Мартин** — Мартин Бельский (Марцин; Marcin Bielski; ок. 1495–1575) — польский писатель, поэт, историк, автор первых хроник не на латинском, а на польском языке. Видимо, ФП имеет в виду сочинение «Хроника, или история света» (Kronika, to jest historja świata) (1551, 1554 и 1564), в котором говорится о происхождении славянских племен от Мосоха.

[41] **Кромеры** — Мартин Кромер (Martinus Cromerus, Marcin Kromer; 1512–1589) — польский историк, государственный и церковный деятель, автор сочинений «О происхождении и деяниях поляков, в 30 книгах» («De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX»; 1555) и «Польша, или О расположении, населении, обычаях и управлении Королевства Польского, в двух книгах» («Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica Regni poloniae libri duo»; 1577).

[42] **Стрыйковские** — Мацей Стрыйковский (Maciej Stryjkowski; 1547–1593) — польский историк, первый историограф Великого княжества Литовского, поэт, писатель, дипломат. Автор труда «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» («Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi»; 1582), освещающего историю Речи Посполитой до 1581 года.

кие,[43] тотчас же все поляки все это забыли? Но, разумеется, источником почти всех этих побасенок является упомянутая молва. И наши соотечественники в этой области не заслуживают веры, когда они, следуя [сообщениям] некоторых поляков, стараются возвести народ мосхов к знаменитому Мосоху.[44] Таким образом, также и первые начала других народов скрыты, подобно истокам Нила. Вместо этих [первоначал] люди, обманывая себя, выдумали сплошные басни. Так, по свидетельству Иоанна Бодина[45] (в «Методическом руководстве истории», глава IX),[46] Аристид[47] передает предание, что афинский народ произошел не откуда-либо, а от самой Земли, матери богов. То же самое, по словам упомянутого автора, сообщали Цезарь и Полидор[48] о британцах, Тацит и другие — о германцах.[49]

---

[43] **Липские…** Видимо, подразумевается Анджей Липский (Andrzej Lipski; 1572–1631) — польский историк, автор труда «De rebus gestis... Sigismundi III... brevis narratio» (1605).

[44] **И наши соотечественники в этой области не заслуживают веры, когда они, следуя [«сообщениям»] некоторых поляков, стараются возвести народ мосхов к знаменитому Мосоху.** История о происхождении мосхов от Мосоха восходит к сохранившимся в пересказах свидетельствам Бероза (ок. 350–280 гг. до н. э.). Об этом пишет и Иосиф Флавий в «Иудейских древностях», мнение которого воспроизводится в польских хрониках. ФП, вероятно, имеет в виду Мартина Бельского и Мацея Стрыйковского, так как оба они пишут о происхождении славянских племен от Мосоха, причем Мацей Стрыйковский использует сочинения как древние (Бероз, Ксенофонт, Геродот, Птолемей, Иосиф Флавий и др.), так и новые (Длугош, Кромер, М. Бельский и др.). Хронику Стрыйковского, в которой Мосох назван отцом славянских народов, неоднократно переводили на русский язык.

[45] **Иоанн Бодин** — Жан Боден (Jean Bodin; 1529 или 1530–1596) — французский политик, философ, экономист, профессор права, ученый, прославившийся благодаря трактату «Метод легкого изучения истории» (Methodus ad facilem historiarum cognitionem).

[46] **Так, по свидетельству Иоанна Бодина, Аристид передает предание, что афинский народ произошел не откуда-либо, а от самой Земли, матери богов (в «Методическом руководстве истории», глава IX).** Bodin. Methodus ad facilem historiarum cognitionem. IX: 315. Эта глава посвящена критериям, определяющим истоки происхождения народов.

[47] **Аристид** — Элий Аристид (Publius Aelius Aristides Theodoros, Πόπλιος Αἴλιος Ἀριστείδης Θεόδωρος) — греческий ритор, философ, писатель, автор 55 речей. Упомянутая ФП речь «Хвала Афинам» (Παναθηναικός λόγος) была очень известной, так как использовалась в византийских школах.

[48] **Полидор** — Полидор Вергилий (Виргилий) (Polydore Vergil (Virgil), Polydorus Vergilius; 1470–1555) — итальянский историк-гуманист, автор сочинения «История Англии» (Historia Anglica).

[49] **То же самое, по словам цитированного автора, сообщали Цезарь и Полидор о британцах, Тацит и другие — о германцах.** Неточный пересказ. «Эта ошибка является общей не только для древних писателей, но и для современных. Поэтому Полидор

3. Плутарх отмечает четыре признака, следа, знака или отличительные черты недоброжелательности исторического сочинения, то есть когда кто-либо под влиянием ненависти или зависти извращает историю. («О злокозненности Геродота»).[50] Во-первых, если излагается в более возвышенных выражениях то, что можно было сказать словами более низкого стиля. Например, если кто-нибудь легковесную речь Клеона[51] назовет неистовством и дерзостью.[52] Во-вторых, если кто-либо осмеивает порок, не относящийся к истории, вставляя его в [исторические] события, хотя, по существу, [этого] не требуется. Так, Филист,[53] как утверждает [Плутарх], опустил все несправедливости Дионисия по отношению к варварам, которые не относились к греческим делам.[54] В-третьих, если какой-нибудь [историк] высказывает похвалы в таком роде, что присоединяет к ним поношения и пороки, или же опускает чей-либо славный и справедливый поступок. Добавь: если ка-

---

Вергилий, в противоположность другим автор надежный, подтвердил, что бретонцы жили во внутренней части острова и были здесь исконно местными, а не пришли откуда-то, как считал Цезарь. Ему я совершенно доверяю, хотя, следуя авторитету Тацита, он [Вергилий] также написал, что немцы были рождены в Германии, а не происходили из какого-то другого места, от другой расы…» Bodin. Methodus ad facilem historiarum cognitionem. IX.

[50] **Плутарх отмечает четыре признака… недоброжелательности исторического сочинения… (О злокозненности Геродота).** ФП имеет в виду произведение Плутарха «О злокозненности Геродота» (De Herodoti malignitate), в котором анализируются как мотивы «недоброжелательности» историка, так и их проявление в тексте (на уровне выбора фигур речи, фигур мысли, отбора освещаемых фактов).

[51] **Клеон** — Клеон (Κλέων; ок. 470–422 до н. э.) — афинский политик, демагог.

[52] **Во-первых… легковесную речь Клеона назовет неистовством и дерзостью.** Plut. De H. M., II.

[53] **Филист** — Филист Сиракузский (Φίλιστος; ок. 430–356/355 до н. э.) — греческий историк, политический деятель и военачальник. Автор утраченного труда «История Сицилии» (Σικελικά).

[54] **Так, Фукидид, как утверждает [Плутарх], опустил все несправедливости Перикла по отношению к варварам, которые не относились к греческим делам.** Это контаминация двух сюжетов: «Фукидид не уделил большого внимания в своем труде прегрешениям Клеона, хотя их и было бесчисленное множество», а «Филист из многочисленных несправедливостей, учиненных Дионисием по отношению к варварам, не упомянул о тех, которые не связаны с греческими делами». Plut. De H. M., III. Так, Филист, как утверждает [Плутарх], опустил все несправедливости Дионисия по отношению к варварам, которые не относились к греческим делам. Рукописный текст: sic Thucydidem Philippi injurias admissas in barbaros, quae rebus Graecorum non cohaerebant, omnes praetermisisse testatur. Т. к. рукописный вариант сильно искажен и не имеет смысла, он исправлен в соответствии с текстом Плутарха. Благодарим за комментарии Е. В. Введенскую.

кой-нибудь историк выставит справедливый поступок с дурной стороны и расскажет, что он задуман и совершен не с добрым намерением, о чем, однако, этому историку не могло быть известно. Этот недостаток, весьма тонко почувствовав, раскрыл у Тацита Фамиано Страда в [своих] «Ораторских введениях».[55] В-четвертых, если при существовании двух версий одного и того же факта, когда ни одна из них не является более достоверной, [кто-либо] следует более жестокой; [и] гораздо больше: лучшая версия будет и более достоверной. На основании четвертого признака [враждебности] следует отметить правдивость латинян, которые одобряют ту версию о дне взятия Константинополя, которая для нас является более неприятной, хотя большинство историков держится противоположного [мнения].[56]

4. Поэтому имей в виду необходимость избегать этих признаков враждебности; если мы желаем писать правдивую историю, то должны, по возможности, воздержаться от применения слов возвышенного стиля; не касаться предметов, не относящихся к истории и постыдных; рассказывая о чужих доблестях, не будем осквернять их связанными с ними пороками. Именно так поступил Саллюстий по отношению к Катилине,[57] и Ливий в XX книге по отношению к Ганнибалу,[58] и другие [историки]. Иногда, на-

---

[55] **Недостаток… раскрыл у Тацита Фамиано Страда в [своих] «Ораторских введениях».** Источник не установлен.

[56] **…следует отметить правдивость латинян, которые одобряют ту версию о дне взятия Константинополя, которая для нас является более неприятной…** ФП имеет в виду разные точки зрения православных и католиков на взятие Константинополя 13 апреля 1204 г. Во время Четвертого крестового похода город был захвачен и разграблен, на территории Византии была создана Латинская империя со столицей в Константинополе. Существовали разные подходы к оправданию этих событий: 1) по словам папы Иннокентия III (1198–1216), крестоносцы «уклонились с пути», и, следовательно, трагические события были случайностью; 2) события были следствием желания Иннокентия III (вдохновителя Четвертого крестового похода) распространить владычество Рима на Византию, то есть добиться подчинения греческой церкви и ликвидации самостоятельности константинопольского патриарха; 3) взятие Константинополя обусловлено экономическими интересами Венеции; 4) цель захвата Византии — «завладеть землей» (Робер де Клари); 5) взятие Константинополя — героическая страница истории рыцарства (Жоффруа де Виллардуэн) и др. Ни одна из версий не могла быть привлекательной для православного, но что имеет в виду ФП, говоря о «наиболее неприятной», установить не удалось.

[57] **…так поступил Саллюстий по отношению к Катилине…** ФП имеет в виду Саллюстия «О заговоре Катилины» (De coniuratione Catilinae), где обвинения, относящиеся к сути дела, смешиваются с мелочными упреками, относящимися к личной жизни Катилины.

[58] **…так поступил… Ливий в XX книге по отношению к Ганнибалу…** После описания достоинств Ганнибала Ливий говорит о его пороках. Liv. Ab urbe condita. XXI, 4: 1–9.

против, [так] следует поступать, но это позволительно лишь в том случае, когда мы вообще занимаемся описанием характера какого-либо лица или когда само содержание не позволяет обходить молчанием некоторые пороки. Наконец, противоположные версии и равные по значению следует обе излагать как сомнительные или принимать более благоприятную из них.

ГЛАВА IV

ИЗЛАГАЕТСЯ СПОСОБ ИЗОБЛИЧЕНИЯ ВЫМЫСЛА В ЖИТИЯХ СВЯТЫХ И ИСТОРИЯХ О ЧУДЕСАХ (ПРЕИМУЩЕСТВЕННО У НОВЫХ ЛАТИНЯН)

Кроме упомянутых выше, может быть еще некоторый особый признак враждебности, с помощью которого мы можем открыть вымысел, в особенности в весьма многочисленных и пространных сочинениях новых латинян, которые пишут о своих обрядах и чудесах.

Папские [историки] хвастаются бесчисленными чудесами, совершенными у них уже в эти последующие века, для того чтобы этими [чудесными явлениями] украсить свое учение, прославить монашеские ордена, привлечь на свою сторону легковерную чернь и накопить богатства. Когда я увидел, что эти чудесные истории (хотя их легко можно разоблачить) представляются достоверными даже многим православным и возбудили в них немало сомнений в нашей святой вере, а иных даже совершенно отвратили от нее, то, глубоко продумав и тщательно рассмотрев, я обнаружил, что почти все чудесные явления нужно свести к четырем следующим родам: 1) маловажные и бабьи [чудеса], 2) слишком трагические, 3) значительные и поразительные, но неведомые, 4) те, которые не могли или не должны были произойти свыше, как ты решишь по здравому рассуждению.

1. Маловажными и бабьими [чудесными явлениями] я называю те, которые имеют источник маловажный, как, например, видения и откровения женщин, о чем некоторые из них даже написали книги. [В этих книгах] они разбирают по главам, что им сказал Христос в то или иное время, что он им открыл в ту или иную ночь. Почему у них все жизнеописания женщин производят вовсе не такое впечатление, как видения, [это] нетрудно доказать: потому именно, что женщины по натуре созданы для того, чтобы выдумывать и рассказывать свои сновидения, так как этот пол отличается легкомыслием и некоторым самомнением.

Вероятнее, что ФП опирается не на Ливия, а на Ж. Бодена: Bodin. Methodus ad facilem historiarum cognitionem. V: 98.

Затем сюда же можно отнести все те [чудесные явления], которые являются, пожалуй, слишком чувствительными и забавными. Например, ангел разбудил какую-то девицу на молитву, мягко ущипнув ее за ушко; или [чудеса], не сообразные и не соответствующие божественному величию: например, святая Матерь Божия дала вымыть своего Сына другой девушке, мывшейся в бане; или [чудеса] бессмысленные, но суетные: например, один юноша страстно желал увидеть Богородицу, чего он и добился, но под тем условием, что, увидев, потеряет зрение; но он предпочел закрыть один глаз, а другой [держать] открытым, и [стал] одноглазым, а не слепым. И другие бесчисленные рассказы [в таком же роде]. Кто не смеется над этим, тот совершенно глуп.

2. Слишком трагические [чудесные явления] — такие, которые, кажется, представляют какую-нибудь печальную сцену из «Фиеста»[59] (осмелюсь сказать, пир) или, может быть, из «Неистового Геркулеса».[60]

Такие [истории] обычно рассказывают о чистилище: например, какой-то путник попал в огромную кузницу, где киклопы ковали большими молотами руки, языки, головы и прочие части человеческого тела, оторванные от тел. В той же [кузнице], может быть, была выкована и эта басня. Сюда можно отнести рассказ об Удоне[61] и известный [анекдот] о сорбонском докторе в жизнеописании[62] святого Бруно.[63] [Автор анекдота] говорит, что в то время, как священники пели заупокойные песнопения над покойным доктором, покойник трижды поднимался: сначала, [когда] он был обвинен, затем, [когда] его судили, и, наконец, [когда] был осужден. Таким образом, народ и священники оказались настолько храбрыми, что не бежали от этого чуда. Я опускаю то [обстоятельство], что здесь воспроизводится сцена частного [загроб-

[59] **…какую-нибудь печальную сцену из «Фиеста»…** ФП имеет в виду трагедию Луция Аннея Сенеки Младшего. Речь может идти о любой сцене: Фиест похищает золотого барана, Атрей изгоняет Фиеста, затем зовет на пир, угощает мясом убитых сыновей, все ему рассказывает.

[60] **…может быть из «Неистового Геркулеса»** — трагедия Луция Аннея Сенеки Младшего «Неистовый Геркулес», или «Геркулес в безумии» (Hercules furens). Возможно, речь идет либо о том, как обезумевший Геркулес убивает жену и детей, либо о том, как он хочет покончить с собой.

[61] **…рассказ об Удоне** — ФП имеет в виду «Повесть об Удоне, епископе Магдебургском», входившую в «Великое Зерцало», сборники и «Цветники» второй пол. XVII — нач. XVIII в.

[62] **…жизнеописание святого Бруно** — Ruotgeri Vita Brunonis archiepiscopi Coloniensis. Köln, 1958. S. 1–55.

[63] **Святой Бруно** — Бруно Кельнский (Bruno; ок. 925–965) — католический святой, богослов, основатель ордена картезианцев.

ного] суда. Лживость этого [рассказа] легко выяснить, если прочесть древнюю христианскую историю, где не найдешь ничего подобного не потому, чтобы Бог не мог совершить такого чуда, но потому, что легкомысленное стремление к ошеломляющему эффекту изобличает вымысел; вот так замечательные проповедники, которые не могут [убедить] иными средствами, а стараются потрясти народ вымышленными страхами!

3. Меньше доверия заслуживают те [чудесные явления], которые являются сами по себе, правда, весьма важными. В особенности поразительны такие явления, которые, если бы произошли теперь в Киеве, то завтра, может быть, распространились по всему свету; но все же они являются загадочными; все писатели, кроме одного нашего рассказчика, хранят о них полное молчание. Таково, например, чудесное явление, которое выдумал тот смехотворный штопальщик чудес Иеронима, плохо скрывшийся под именем Кирилла.[64] Когда Иероним скончался, то все колокола, сколько их ни было на свете, непроизвольно зазвонили, но никто из смертных, я думаю, не слышал этого трезвона, и только у одного бесноватого Кирилла были тогда уши больше кабаньих; кроме того, [он не мог слышать] ведь и потому, что в то время не было колоколов еще в употреблении. Или же об этом, столь поразительном знамении, не все историки того времени рассказывали бы и его прославляли бы? Таковы и другие бесчисленные [рассказы], например, о том, как в каком-то селении много мужчин и женщин целый год подряд непрерывно плясали, не нуждаясь ни в пище, ни во сне, и не могли чувствовать ни болезни, ни дождя, ни снега или града. Эта кара Божья постигла их именно потому, что, несмотря на увещевания священника, они не перестали плясать. Конечно, это достаточно приятная кара: не испытывать никакого вреда и беспрерывно ликовать! И такие [выдумки] у всех на устах!

Гораздо более дерзкие [лгуны] — те, которые описывают деяния наперекор общеизвестным и распространенным фактам. За немного лет до нынешнего времени при папе римском Иннокентии X[65] были посвящены тому же папе тезисы, которые защищал в Риме в церкви ордена Сервитов какой-то семнадцатилетний юноша, отличавшийся столь великими способностями, что на него никто не мог достаточно надивиться; передают, что там присутствовали весьма остроумные спорщики, но они все же, как

---

[64] **...штопальщик чудес Иеронима, плохо скрывшийся под именем Кирилла.** Кирилл Иерусалимский (315–386) — отец Церкви, епископ Иерусалимский, проповедник. В его переписке с Августином Блаженным были описаны посмертные чудеса и явления Иеронима Стридонского.

[65] **Иннокентий X** — Innocentius PP. X — папа римский в 1644–1655 гг.

оказалось, безусловно уступали этому юноше. Сперва этот факт начали считать божественным чудом, но затем вскоре стало известно, что учитель юноши — чародей: последний, будучи привлечен к допросу, выбросился из окна высокого [дома] и этот [случай] даже теперь известен в Риме «больным глазами и цирюльникам».[66] Однако Квяткевич,[67] польский иезуит в своем добавлении к книгам Барония (почти в конце сочинения), рассказав об этом происшествии, говорит, что его приписывают Святому Духу и считают чудом. Вот тебе достоверность историка!

4. На четвертом месте мы поставили те [чудесные явления], которые даже и Бог, по-видимому, не мог бы совершить, и их легко можно узнать, если обратить внимание на признаки суеверия или нечестия. Ведь неужели, скажи, пожалуйста, Бог мог сделать, что после убиения известного Иосафата ребенок воскликнул, что Бог убит?[68] Или можно приписать божественной силе то, что рассказывают об Игнатии Лойоле,[69] будто тот с помощью непристойного стиха Вергилия (из I книги «Энеиды»):

> В той же самой Дидона и вождь троянский пещере[70]
> изгнал беса из какой-то женщины?

Конечно, Иосафат является богом в той религии, к которой принадлежит и цитированный стих [Вергилия]. Неужели же ты думаешь, что могло произойти свыше то (хотя оно вовсе не произошло), о чем наболтал, между прочим, этот чудовищный хвалитель Иеронима? У Кирилла, по его словам, был спор с каким-то еретиком, ересь которого состоит в том, что он утверждал две воли во Христе. За это заблуждение, говорит он, Иероним на виду у народа оторвал еретику голову с плеч.[71] Какое, клянусь бессмертным Богом, невежество в святых догматах! Какая страсть и разнузданность во лжи!

---

[66] **...известен в Риме «больным глазами и цирюльникам»** — скрытая цитата из Горация (Serm., I, 7, 3). Один из подтекстов таков: первые — те, кто не видит своих пороков и проблем, зато очень интересуется чужими (или те, кто не видит реальных событий), вторые — те, кто получают удовольствие от сплетен, ранящих других.

[67] **Квяткевич...** — Ян Квяткевич (Jan Kwiatkiewicz; 1630–1703) — профессор риторики в коллегиях Львова, Люблина, Кракова.

[68] **...после убиения известного Иосафата ребенок воскликнул, что Бог убит...** ФП имеет в виду Ивана Гавриловича Кунцевича (Йосафат Кунцевич, Язафат Кунцэвiч, Jan Kuncewicz; 1580–1623), униатского епископа, архиепископа Полоцкого.

[69] **Игнатий Лойола.** См. примеч. 121 к кн. IV.

[70] **В той же самой Дидона и вождь троянский пещере...** Verg., A. IV: 124, 165.

[71] **У Кирилла, по его словам, был спор с каким-то еретиком, ересь которого состоит в том, что он утверждал две воли во Христе.** ФП имеет в виду спор между представителями александрийской и антиохийской богословских школ о единстве двух природ Христа, или о его двойственности. Кирилл Александрийский говорил о единстве богочеловеческой природы Христа.

5. Эти факты я решил отметить для того, чтобы познакомиться с побасенками обманщиков и, кроме того, иметь в виду то, чего следует избегать при писании истории во имя служения истине.

ГЛАВА V

ЧТО НАДО ОПУСКАТЬ И О ЧЕМ ТАКЖЕ НЕ СЛЕДУЕТ УМАЛЧИВАТЬ ИСТОРИКУ (ИЗ ЦИЦЕРОНА И ЛУКИАНА)

Пусть и это будет сказано, насколько это важно для исторической достоверности, наставления же по поводу краткости и ясности смотри в книге III, в главе о повествовании, и в книге IV о ясной речи и т. д.; для [достижения] краткости ты получишь также помощь из настоящей главы, если узнаешь, что следует опускать.

1. Цицерон придумал два правила для историка по этому предмету: во-первых, пусть он не позволяет себе никакой лжи; во-вторых, пусть позволяет себе только правду[72]. Первое правило зависит от сказанного выше, второе же зависит не от того, что можно опускать историку, но от того, о чем не следует умалчивать. Однако не следует также говорить всей правды; ведь когда, например, полководец ведет войско, то, во всяком случае, является истинным, что он остановится в том или другом селении, что он выпьет вина, съест курицу или гуся, наконец, на прогулке будет ступать то одной, то другой ногой. И однако кто считает, что все это следует описывать историку? Итак, взгляд Цицерона можно понять из теории Лукиана.

2. О том же, какое наставление по этому предмету дает Лукиан, можно заключить из того, как он высмеивает изящным сравнением нелепых историков. Он говорит: «Всякий раз, когда они наталкиваются на крупные события, становятся похожими на разбогатевшего раба, только что получившего наследство от своего господина и не умеющего ни накинуть как следует плаща, ни порядочно есть; когда на столе курица, свинина, зайчатина, набрасываясь, он наедается какой-то приправой из овощей так, что готов лопнуть».[73]

---

[72] **Цицерон придумал два правила для историка по этому предмету: во-первых, пусть он не позволяет себе никакой лжи; во-вторых, пусть позволяет себе только правду.** ФП говорит не о двух, а о трех правилах для историка 1) не лгать, 2) не утаивать правду, 3) не руководствоваться личными симпатиями или антипатиями. Cic. De Orat. II: 15.

[73] **Всякий раз, когда… лопнуть.** Lucian. Hist. Conscr.: 20.

Из этих слов можно вывести заключение, что историк не должен проходить мимо того, что истинно и важно и вокруг чего, как бы вокруг оси, вращаются события; я имею в виду особы: полководцев, вождей, сенаторов и т. д. Но все действия этих особ также не следует описывать: только те, которые, например, при описании войны имели отношение к ней и без которых нельзя правильно понять последовательности военных [событий]. Также не следует, по крайней мере, замалчивать действия лиц незначительных, если они таковы, что оказывают серьезное влияние на существо дела. Напротив, описание всех незначительных и ненужных для существа дела происшествий, Лукиан полагает излишним. Ведь под «порядочной пищей» он имеет в виду первые [важные события], а под «дешевым овощным блюдом» — вторые [незначительные]. Имей в виду, однако, что в этом вопросе можно допустить двоякую ошибку: во-первых, если даже при рассказе о необходимом [для существа дела] все же не пропускаем излишнего; во-вторых, если (что еще хуже) излагаем ненужное, а необходимое, напротив, опускаем.

3. Но у того же Лукиана я нахожу, главным образом, два рода ненужных и длинных описаний и рассказов о событиях, которые следует опускать, [так как] они не имеют отношения к делу. Рассмотрим несколько его примеров. Лукиан говорит:

4. «Другой [историк], прославленный за свое красноречие, все города, все горы, равнины и реки описывал так, чтобы они представлялись как можно яснее и ярче, как он думал; но пусть лучше Геркулес-отвратитель обратит эти бедствия на головы врагов. В его описании было больше холода, чем в каспийском снегу или кельтском льду. Описание щита императора едва уместилось в целую книгу: тут и Горгона в середине щита, и ее глаза из лазури и белого олова и черни, и пояс, подобный радуге, и змеи, извивающиеся кольцами, как локоны».[74]

5. О другом [историке] Лукиан говорит, что: «О битве при Европе он упомянул менее чем в семи строках, но зато весьма надолго затянул рассказ, не имеющий никакого отношения к делу, например, о том, как какой-то всадник-мавр, по имени Мавсак, блуждал по горам в поисках воды и встретил несколько сирийских поселян, которые, узнав, что он из их друзей, приняли его и угостили пищей и питьем. Затем следуют длинные рассказы, как он там увидел много слонов, пасущихся [стадами], и как он покупал больших рыб в Цезарее».[75] «И вот, — говорит Лукиан, — наш удивительный историк,

---

[74] **…историк, прославленный за свое красноречие, все города, все горы, равнины и реки описывал… как локоны.** Lucian. Hist. Conscr.: 19. Пер. С. В. Толстой.

[75] **О битве… в Цезарее.** Lucian. Hist. Conscr.: 28.

оставив ужасную резню при Европе, конные сражения и вынужденное перемирие, свою и вражескую стражу, до позднего вечера стоял и смотрел, как сириец Мальхион дешево покупал в Цезарее огромных рыб». И немного ниже: «Если бы он всего этого тщательно не записал в своей истории, мы остались бы в неведении относительно очень важных вещей, и для римлян было бы нетерпимым ущербом, если бы этот Мавсак, страдая от жажды, не нашел воды и вернулся бы в лагерь, не пообедав».[76] Конечно, этот историк, когда рассказывал о жажде Мавсака, наедался Лукиановой приправой из овощей.

6. На основании сказанного ты легко поймешь точку зрения Цицерона: он, разумеется, не указывает, что не следует опускать ничего правдивого, но [пишет], что не надо, поддавшись чувствам, обходить молчанием те события, которые очень важны, но связаны с чьим-либо позором или славой врагов.

ГЛАВА VI

ЧТО ИСТОРИК ДОЛЖЕН ИМЕТЬ В ВИДУ И К ЧЕМУ СТРЕМИТЬСЯ (ИЗ ЛУКИАНА, ЦИЦЕРОНА, ДИОНИСИЯ ГАЛИКАРНАССКОГО И КВИНТИЛИАНА)

1. Осудив недостатки [историков], Лукиан переходит к цели повествования историка. Сначала, однако, он указывает, каков должен быть тот, кто может изучать историческую науку; он, говорит Лукиан, должен быть мудрым, красноречивым и, насколько возможно, опытным в [государственных] делах; он также должен посещать лагерь и видеть упражнения воинов, боевое построение, знать разного рода орудия и машины, быть сведущим в военных словах и выражениях: что значит «вытянуть в одну линию фланги», что значит «выстраиваться развернутым фронтом» и т. д.[77] Затем Лукиан дает следующее наставление такому историку.

2. После того как [историк] собрал все или большую часть исторических фактов, то пусть он сначала занесет их в тетрадь и подготовит еще не обработанный и не оформленный материал. В этом именно и заключается изобретение исторического материала. После этого историк должен расположить в порядке и [риторически] его разукрасить. Посмотрим же, какова должна быть диспозиция и каков стиль [исторического сочинения].

---

[76] **И вот… не пообедав.** Lucian. Hist. Conscr.: 28. Пер. С. В. Толстой.

[77] **…он, говорит Лукиан, должен быть мудрым… фронтом…** Пересказ. Lucian. Hist. Conscr.: 37.

3. В истории есть три части: вступление, повествование и заключение. Начало и конец кратки. Под повествованием понимаем всю историю, содержащую в себе много повествований.

4. Во вступлении не следует добиваться расположения читателей, чтобы историк не казался пристрастным. Лукиан требует от историка только внимания и восприимчивости: по-видимому, достаточно только завоевать внимание, ведь восприимчивость, пожалуй, придаст само предназначение истории. Внимание возникает, если ты расскажешь, насколько великой и трудной была война, как переменчиво военное счастье, как велики и многочисленны битвы и т. д. Впрочем, все построение исторического вступления обычно производится таким способом: во-первых, следует привести причины, которые тебя побудили рассказать эти события; во-вторых, надо показать важность событий, их трудность и т. д. В качестве образца можно взять замечательное вступление Тита Ливия в книге XX о Второй Пунической войне.[78] Ведь вступления Саллюстия некоторым не по вкусу, потому что они слишком надуманны и длинны.

5. Распределение же материала исторического повествования надо производить, следуя естественному порядку; ведь этот прием отличен от того известного размещения материала у поэтов. Но так как одновременно происходит в разных местах многих событий, то ты сперва изложи наиболее характерную сторону данного события, а затем переходи к другому, которое произошло в другом месте. Например, сначала расскажи, как Александр, а затем как Дарий построил свое войско. Лукиан говорит: «Историк должен быть похож на гомеровского Зевса, который созерцает то землю всадников-фракийцев, то землю мизийцев; так и он должен видеть и изображать нам в отдельности то событие у римлян, то у персов, как они представляются ему с высоты, а затем то и другое вместе, если происходит сражение».[79]

6. Здесь также следует напомнить изложенное нами в книге «Об искусстве поэзии», где сказано о различии между историческим и поэтическим повествованием.[80] Поэты, разумеется, изображая битву, слишком долго задерживаются [на ее описании], потому что говорят не о войсках вообще, но выводят и называют многих воинов в отдельности (в XII книге «Энеиды»):

---

[78] **…в качестве образца можно взять… вступление Тита Ливия в книге XX «О Второй Пунической войне».** Видимо, ФП имеет в виду «Историю Рима от основания города» (Liv. Ab urbe condita, XXI).

[79] **Историк должен… сражение.** Lucian. Hist. Conscr.: 49. Пер. С. В. Толстой.

[80] **…в книге «Об искусстве поэзии», где сказано о различии между историческим и поэтическим повествованием.** См.: «Поэтику» ФП (Книга II. Глава IV. Различие между поэтическим и историческим повествованием).

Важного Фимбрий мечом Озирида тут ударяет
И Эпулона — Ахат; Мнесфей Архетия рубят
Уфента — Гиас, и сам, наконец, Толумний-гадатель
Падает.[81]

Напротив, историк должен описывать вообще, какая сторона и как сражалась, как долго оказывала храброе сопротивление. «Во время самой битвы, — говорит Лукиан, — [историк] должен смотреть не на одну какую-нибудь сторону и не на одного определенного пехотинца или всадника, если это только не Брасид,[82] соскакивающий с корабля, и не Демосфен, препятствующий высадке».[83] То есть если какой-нибудь воин совершил какой-либо выдающийся поступок, то его также следует ввести в рассказ, [назвав] по имени.

7. Сюда относится весьма дельное указание Дионисия Галикарнасского на необходимость разнообразия: события одного рода следует описывать, вставляя в события другого рода, например, после одной битвы не сразу же спешить описывать другую, а после нее — третью, но, если возможно, вставлять между ними события в другом роде. Он порицает Фукидида за то, что тот описывает несколько битв без всякой передышки, нагромождая битвы на битвы, военные приготовления на военные приготовления, речи на речи, так что утомляет мысли и воображение слушателей.[84]

8. В заключении историки часто сочиняют эпифонему, если же описывают жизнь какого-либо человека, то присоединяют краткую его характеристику, как, например, в дополнении к Курцию, в книге I, в конце,[85] и у Плу-

---

[81] **Важного Фимбрий мечом Озирида тут ударяет / И Эпулона — Ахат; Мнесфей Архетия рубят / Уфента-Гиас, и сам, наконец, Толумний-гадатель / Падает.** Verg. A. XII: 458.

[82] **Брасид —** спартанский полководец.

[83] **Во время самой битвы… высадке.** Lucian. Hist. Conscr.: 49. Пер. С. В. Толстой.

[84] **…весьма правильное указание Дионисия Галикарнасского… Он порицает Фукидида за то, что тот описывает несколько битв без всякой передышки, нагромождая битвы на битвы, военные приготовления на военные приготовления, речи на речи…** D. H. Pomp. III.

[85] **В заключении историки часто сочиняют эпифонему…, как, например, в дополнении к Курцию, в книге I, в конце…** Какую эпифонему имеет в виду ФП, установить не удалось. Из десяти книг Курциевой «Истории Александра» с разной степенью сохранности дошли с 3-й по 10-ю. Однако со времен Возрождения предпринимались попытки восстановить первые две книги на основании других источников о жизни Филиппа и Александра. В некоторых вариантах дополнений (например, в лейденском издании 1656 г. (Q. Curtii Rufi Historiarum libri accuratissime editi. Lugd. Batavorum, ex officina

тарха в параллельных [жизнеописаниях].[86] При описании гибели города или государства историки приводят какое-нибудь горестное [изречение], или же дают общее [рассуждение] об изменчивости судьбы, или, в частности, сравнение [картины] прежнего счастья государства с нынешним положением, или же то и другое; в конце описания войны обычно стараются в кратких словах вызвать сострадание читателей к бедствиям побежденных или же совершенно опускают заключение. В конце всего труда историк может доказывать, что он больше стремился к истине, чем к остроумию и к изяществу [изложения], и будет просить извинения за допущенные погрешности.

9. Теперь следует вкратце объяснить, каков должен быть стиль историка и, прежде всего, следует особенно избегать этого напускного, напыщенного, надутого поэтического стиля. Этот [недостаток] в особенности порицает Лукиан у современных ему историков: один из них начал историю от муз, призывая этих богинь; другие же применяли выражения, свойственные только поэзии. И хотя стиль историков не должен быть неизящным и обыденным, но все же надо избегать всякой показной красоты и изящества так, чтобы читатель считал эту [красоту] возникшей из самого предмета, а не делом искусства. Ведь всякая манерность делает повествование подозрительным в смысле доверия [к нему]. Этот недостаток Фамиано Страда порицает у Тацита, хотя Тацит имеет великого защитника [в лице] Юста Липсия.[87] Только по этой причине тот же Фамиано ставит Тита Ливия несколько ниже Саллюстия за то, что тот иногда кажется более красивым, чем это следует.[88] Он полагает, что такое выражение (в кн. XXI) несвойственно историку: «Вблизи показалась величественная громада гор и снега, почти сливающаяся с небом»; а следующая [фраза] кажется даже еще более изысканной: «Подают сигнал, и с оружием, готовым к нападению, как бы в боевом порядке по три молодых воина с воодушевлением, [свойственным бойцам] великих армий, сходятся на бой». И немного ниже он приводит совершенно поэтическое выражение: «Как только при первом столкновении застучали

Elzeviriana, Anno 1656)) в конце первой книги (уже после описания смерти Филиппа Македонского) содержится его краткая характеристика с упоминанием, сколько лет он прожил, сколько правил и каким был. Этот же вариант дополнений был использован при издании русского перевода «Истории», вышедшего впоследствии в Москве в 1711 г. Благодарим за комментарий Е. В. Введенскую.

[86] **Плутарх в своих параллельных [жизнеописаниях]** — ФП имеет в виду «Сравнительные описания» Плутарха, в которых главы заканчиваются эпифонемами.

[87] **Этот недостаток Фамиано Страда порицает у Тацита, хотя Тацит имеет великого защитника [в лице] Юста Липсия.** См. примеч. 233 к кн. I.

[88] **Фамиано ставит Тита Ливия несколько ниже Саллюстия за то, что тот иногда кажется более красивым, чем это следует.** Fam. Str. Prolusiones. Цитата не найдена.

щиты и заблестели сверкающие мечи, великий страх обуял зрителей».[89] Но это [означает], что столь славная община отличалась весьма ничтожной [душевной] силой!

10. Дионисий Галикарнасский в гл. 51 своего рассуждения об истории Фукидида дает следующие наставления: «Конечно, в историческом сочинении я не одобряю необработанную стилистическую манеру, неприглаженную или грубую, но [признаю] такую, в которой есть что-то поэтическое, но которая все же не является поэтической, а несколько отклоняется от обычно употребляемого [стиля]: ведь нет ничего более натянутого, ничего менее приятного, чем манера, вызывающая скуку; но полезна мера во всех вещах».[90]

11. Каково же должно быть строение речи, [об этом] послушаем Цицерона (кн. II «Об ораторе»): «С другой стороны, [в истории] следует добиваться порядка слов и стилевой манеры цельной и плавной, протекающей с некоторым беспристрастием и спокойствием, но без этой нашей судебной суровости и без тонко остроумных мыслей судебных речей».[91] То же самое [он говорит] и в «Ораторе»: «В истории и рассказ ведется нарядно, и часто дается описание страны или битвы, вставляются также речи и увещевания; но в этих [речах] желателен цельный и в некотором роде плавный стиль, а не эта смелая и острая манера».[92]

12. Об этом же [говорит и] Квинтилиан в IX книге, гл. 4: «История требует не столько совершенного ритма, сколько некоторой закругленности и связности; ведь все ее части тесно соединены между собой, она течет и катится [безостановочно], подобно тому, как люди идут, держа друг друга за руку: они опираются и сами служат опорой».[93]

13. Послушаем еще раз Лукиана:

«Переход к изложению должен быть плавным и нерезким; поэтому [вся остальная часть истории] должна быть украшена свойственными изложению качествами, должна течь гладко и ровно, всегда одинаково, без скачков вверх и вниз. Затем [изложение] должно отличаться ясностью, что достигается способом выражения и [соответственным] распределением материала. Пусть историк все по отдельности сделает совершенным, а затем, лишь закончив одно, переходит к дальнейшему. При этом одно должно вытекать

---

[89] **Он полагает, что такое выражение (в кн. XXI) несвойственно историку: «Вблизи… зрителей».** Fam. Str. Prolusiones. XXI.

[90] **Конечно, в историческом сочинении… мера во всех вещах.** D. H. TH. Cap. 51.

[91] **С другой стороны, [в истории]... судебных речей.** Cic. De Orat. II: 64.

[92] **[«В истории] и рассказ… острая манера».** Cic. Orat.: 66.

[93] **История требует… опорой.** Quint. Inst. IX, IV: 129.

из другого и быть связано с ним, как связаны между собою звенья цепи; так, чтобы изложение не разбивалось и не получались отдельные рассказы, одни рядом с другими, но чтобы всегда первый рассказ не только соприкасался со вторым внешне, но они были бы связаны друг с другом общностью и сливались на границах».[94]

14. На основании всех этих указаний упомянутых писателей сделай следующий краткий и простой вывод. Во-первых, стиль историка вообще должен быть искусно обработан, но в меньшей степени, чем поэтический или ораторский; все его [достоинство] заключается в изящном, но не в манерном отборе слов, и в соответствующей плавной связи речи. Рассуди при этом, какой слог уместен для человека преклонного возраста, являющегося лицом важным, если бы он стал что-либо рассказывать, таким должно быть и историческое повествование. Во-вторых, в частности же [в историческом повествовании] следует применять периоды в собственном смысле, но связь между ними должна быть такого характера, чтобы они казались не смежными, а неразрывно продолжающими друг друга. Это же употребление периодов, как мы видели, предписывает и Лукиан, [говоря] об исторических повествованиях. [Построение же периодов] происходит с помощью соответствующих переходов или даже частиц. В-третьих, фигур должно быть немного, и притом таких, которые не возмущают пресловутое «сладостное течение» истории, т. е. можно применять сдержанные и спокойные фигуры, как например: изречения, сравнения, скромные метафоры и другие тропы, но с осторожностью и умеренно. Мощные фигуры вовсе неуместны, кроме как во вставных речах. В-четвертых, фигуры описания ставятся только для объяснения, но и в них следует соблюдать меру и краткость.

15. Но в силу того, что в историческом повествовании обычно вводятся речи действующих лиц, способ их изложения бывает двоякий: один в первом лице [от имени действующих лиц], например: «С вами говорит, о, юноши и мои сверстники» и т. д. Иначе сам историк от своего лица произносит следующим образом: «Александр отвечает принесшим послание: Дарий дает ему Лидию, Ионию, Эолиду, побережье Геллеспонта в награду за его победу. Условия же диктуют победители, а побежденные их принимают» и т. д. (Курций, кн. IV).[95] В этих речах [формы] изъявительного наклонения выражены через неопределенную [форму], а лицо, к которому относятся глаголы в изъявительном наклонении, ставятся в винительном падеже, формы же повелительного наклонения переходят в оптатив следующим образом:

---

[94] **Переход к изложению… на границах.** Lucian. Hist. Conscr.: 55. Пер. С. В. Толстой.

[95] **Иначе сам историк… принимают.** Пересказ. Curt. IV, Cap. 5: 7.

«Перестал бы он устрашать реками того, кто, как ему известно, перешел моря» (Курций, там же).[96] Здесь он мог сказать: «Пусть он перестанет устрашать и т. д.». Равным образом, к одним речам ведет более пологая дорога, например: «Поэтому одного из них, самого старшего, так сказавшего, мы берем и т. д». Другие [речи] вводятся неожиданно со вставкой только одного [слова] «говорит». Далее в речах историков уместны все ораторские приемы, но, пожалуй, они все должны быть в более сжатом и кратком виде: амплифакации — немногословные; главным образом, здесь применимы эмфазы.

16. Наконец, вот самое главное и первое правило для пишущего историю: внимательно и постоянно читать знаменитых в своем искусстве историков; иначе никто не сможет усовершенствоваться в этой области; при чтении же следует принимать во внимание все указанные до сих пор наставления.

ГЛАВА VII

О ПОСЛАНИЯХ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ЧТО ТАКОЕ ПОСЛАНИЕ И ОТЧЕГО ПОЛУЧИЛО СВОЕ ИМЯ, КАКОВА ЕГО ЦЕЛЬ

О посланиях говорить, казалось бы, излишне, так как [в этом вопросе] нет ничего, что нельзя было бы взять из сказанного выше или того, что нужно будет сказать [дальше]. И почему, скажи, пожалуйста, всякий хорошо осведомленный в искусстве красноречия не может писать послания? Впрочем, тот, кто умеет речами убеждать народ, пожалуй, не смог бы вести беседу с друзьями или другими [людьми]. Но толпа недоучек также и этот род сочинительства столь безобразно извратила, что послания схоластов вызывают отвращение даже у людей необразованных и неученых; почти безнадежно, следовательно, чтобы кто-либо, выйдя из гимнасия красноречия, правильно мог бы писать послания, без долгого предварительного упражнения, и притом под руководством учителя, который сам научился этому искусству только из практики. [Поэтому] мне показалось необходимым как можно скорее устранить эту беду и так или иначе поддержать риторскую славу. Я обнаружил, и каждому наблюдателю ясно, что в посланиях схоластов можно заметить и осудить главным образом два недостатка. Во-первых, они часто не знают, что следует писать по тому или другому предмету, и ищут вовсе не относящееся к делу, необходимое же пропускают. Во-вторых, о слоге или стилевой манере писать послания они не имеют по-

[96] **Перестал бы он устрашать реками того, кто, как ему известно, перешел моря.** Пересказ. Curt. IV, Cap. 5: 8.

нятия, но каждый страдает своим недостатком: один начинит послание напыщенным блеском, [свойственным рассказам] о героях и богах, и странно звучащими словами, другой пропитает их школьным хвастовством, третий наполнит ходульными, с позволения сказать, остротцами; каждый, наконец, отравит [их] своим недостатком. Хотя в посланиях вовсе нет места для правильного ораторского изложения, [однако] так как, повторяю, я обратил внимание на эти два недостатка, то для их устранения я дам здесь надежные приемы изобретения материала; именно то, что следует писать в каждом отдельном роде посланий. Затем я укажу стилистические приемы.

1. Послание есть речь отсутствующего лица к отсутствующему, причем буквы играют роль голоса.

2. Послание, по-гречески ἐπιστολή, названо от глагола ἐπιστέλλω, что значит «посылать», потому что посылается к отсутствующим. Древние латиняне говорили «таблички» (tabellae) и «навощенные дощечки» (codicilli), так как до того, как было открыто употребление бумаги, писали на дощечках, покрытых воском. Поэтому еще и теперь называем курьеров tabellarii, а письмо зовется антономастически (от littera) преимущественно потому, что в нем употребление букв более часто и более необходимо, чем все остальное, [слово] littera в единственном числе ставится только в поэзии, как это часто бывает, например, у Овидия в «Героидах», «Скорбных элегиях», «Письмах с Понта»[97] и т. д. Название же «навощенной дощечки» произведено от материала, так как их внешняя сторона делалась из [деревянной] дощечки или из какого-нибудь камыша, вроде папируса.

3. Цель послания — извещать (как говорит Цицерон во II книге писем «К близким», посл. 4) отсутствующих о том, что нам или им самим важно знать.[98]

ГЛАВА VIII

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ СОЧИНИТЕЛЮ ПОСЛАНИЙ И ОБ УМЕСТНОМ В ПОСЛАНИЯХ И РОДАХ [ИХ]

1. Для того чтобы правильно писать послания, и в этой области следует также соблюдать все те правила, которые мы признали необходимыми для оратора в I книге, т. е. изобретать материал для того, что при случае тебе придется писать другому [лицу]. Некоторые правила такого изобретения

---

[97] **Овидия в «Героидах», «Скорбных элегиях», «Письмах с Понта»…** См. примеч. 142 к кн. V.

[98] **Цель послания — извещать… о том, что… важно знать.** Cic. Fam. II, 4.

мы дадим ниже; потом правильно расположить его, затем изложить, но в [той] стилистической манере, какая подходит преимущественно для посланий; памяти и произнесения в данном случае не требуется. Кроме того, здесь необходимо [применять] также три известных вспомогательных средства: искусство, подражание и упражнение. Правила искусства — те же, что и в речи, за одним только исключением рода или стиля изложения, теорию которого мы здесь дадим. Все ученые также и в этом предмете выставляют для подражания прежде всего Цицерона. Послания Сенеки отличаются большим искусством, но из них нельзя выбрать примера для дружеских или политических бесед, так как они принадлежат к роду поучительных и ученых; таковы и послания святого Павла и других апостолов; далее, весьма изящны послания святого Василия Великого и Григория Назианзина, из которых можно брать примеры и для важных дел и государственных обязанностей, и для дружеского общения.

2. Затем ничто не мешает нам перечитывать также и послания людей нового времени, но только особ важных, например, государей, полководцев и прочих должностных лиц. Необходимость же упражнения обнаруживает хотя бы одно то обстоятельство, что тот, кто в школе не научился, часто на практике постигает искусство писать послания. Ведь упражнение необходимо вообще для всех занятий: «Ни врачи, — говорит Цицерон в I книге „Об обязанностях“,— ни полководцы, ни ораторы, ни кто-либо другой, хотя и усвоили правила своей науки, не могут достичь чего-либо достойного похвалы без практического упражнения».[99]

3. Если и следует где-либо в других случаях соблюдать такт, то в особенности в посланиях. И здесь нужно неукоснительно держаться известного правила говорить с тактом: «Кем является тот, кто пишет? Кому пишет? О чем пишет?» Ведь без соблюдения этих правил не только изобретение материала и стиль писателя нельзя признать соответствующими [содержанию], но он даже часто по неосторожности подвергает себя опасностям и несет ущерб. Например, если кто-нибудь пишет государю в том же стиле, в каком и своему слуге; ведь в письме к слуге я могу не употреблять вступления; затем я могу быть менее внимателен к стилю, в чем скрывается некоторое пренебрежение к [адресату]. Напротив, обращаясь с письмом к государю, следует добиваться его расположения, и весь стиль должен быть более изящным: ведь [все] это — признаки уважения.

4. Вот тебе также общее правило об уместном: соображай, как ты будешь говорить в присутствии того лица, которому ты в его отсутствии пи-

[99] **Ни врачи… без практического упражнения.** Cic. Off. I: 60.

шешь. Так, следовательно, и пиши; все же безопаснее [помнить]: в послании следует проявлять более уважения, чем в устной речи.

5. Виды посланий те же, и их столько же, что и видов речи. Здесь я даю отдельные правила для изречений в каждом роде посланий с указанием примеров.

ГЛАВА IX

ГОТОВЫЕ ПРАВИЛА ДЛЯ ИЗРЕЧЕНИЙ ИЛИ ВЫРАЖЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ПОСЛАНИЯХ СОВЕЩАТЕЛЬНОГО РОДА

1. О послании рекомендательном и разубеждающем.

Рекомендательное послание есть такое, в котором мы даем совет другу в затруднительных и неопределенных обстоятельствах и рекомендуем ему какое-либо начинание или поступок. Приступ или вступление мы начнем или с похвалы лицу, которому пишем, или с самоуничижения, или же с заявления о нашей готовности оказать другу важные услуги. Вступление, однако, можно опустить по следующим причинам: во-первых, если дружба взаимная и достаточно обоим известна; во-вторых, если мы уже часто писали об этом; в-третьих, если за краткостью времени допустимо только изложение. Затем пусть следует изложение нашего плана с обоснованием его и опровержением того, что, кажется, [этому] плану противоречит. Но [содержание] этих двух частей следует брать из вышесказанного. Далее дадим краткое заключение с обещанием помощи, либо с повторением совета, либо с указанием на необходимость или пользу дела, либо, [наконец], с пожеланием, чтобы Бог помог [нашему] совету. Примером совещательного послания у Цицерона является 18 послание II книги «К близким», где Цицерон советует Терму, прокуратору на Геллеспонте, чтобы тот лучше поставил во главе провинции квестора, чем легатов: «Мой долг по отношению к Родосу и т. д.».[100]

Способ разубеждения тот же, что и убеждения, за исключением того, что в данном случае доводы черпают из противоположных источников: от позорного, от нравственно испорченного и т. д., о чем смотри в следующей книге, где [речь] о совещательном роде речей. Пример у Цицерона, кн. XVI, «К близким», посл. 8, в котором Цицерон не рекомендует своему вольноотпущеннику Тирону зимнее путешествие морем: «Состояние твоего здоровья нас весьма беспокоит и т. д.».[101]

[100] **Цицерон советует Ферму… чем легатов…** Cic. Fam. II, 18.

[101] **Состояние твоего здоровья нас весьма беспокоит и т. д.** Cic. Fam. XVI, 8.

Ответ на [послание с] советом или с разубеждением можно сочинять такой. Во-первых, если мы согласны с советом друга, то сначала похвалим его расположение к нам и верность; затем объясним наше согласие, причем обоснование этого не является необходимым: ведь оно содержится в послании друга. Однако возможно или похвалить данный совет, или, сделав некоторое отступление, упомянуть о других заслугах друга. Затем даем заключение с благодарностью, поручая нас будущим [заботам] друга. Во-вторых, если же совет нам не нравится, то начнем подобным же образом; потом, скромно изложив наше несогласие, подтвердим его доводами, в силу которых мы не можем принять совет. Затем в заключении объявим, что будем следовать советам в будущих делах. Пример в кн. V посланий Цицерона «К близким», послание 15: «Вся любовь твоя проявилась всецело в этом послании и т. д.»[102]

2. О послании побудительном или [от чего-либо] отговаривающем.

Побуждение есть не что иное, как некий более сильный совет: ведь советуя, мы медленно внушаем, побуждаем, как бы с силой толкаем к действию. Поэтому вступление здесь можно брать из тех же источников, как и при совете. Для обоснования необходимо [ссылаться] на душевные состояния, в особенности на [чувство] страха, стыда, соперничества и т. д.; заключение будет состоять в настоятельной просьбе об исполнении нашего совета кому-либо. Затем можно добавить краткое повторение сказанного или извинение за нашу смелость при побуждении, смягчая побуждение подчеркиванием нашей любви к другу, как будто [именно] эта [любовь и] внушила нам побуждение. Совершенно такой же прием употребляется и при отговаривании. Пример побуждения находим в послании 3 X книги «К близким», в котором Цицерон побуждает Планка[103] защищать республику от Антония: «Так как я увидел, что Фурний сам по себе весьма охотно и т. д.».[104] Пример отговаривания в посл. 6, X кн. [«К близким»], где Цицерон отговаривает того же Планка быть посредником в заключении мира между Антонием и Брутом.[105] Способ отвечать на отговаривание такой же, что и при ответе на совет.

3. Об утешительном послании.

Во вступлении можно сказать следующее: во-первых, мы заявим, что наша скорбь понятна из скорби нашего друга; во-вторых, преуменьшим наши

---

[102] **Вся любовь твоя… и т. д.** Cic. Fam. V: 15.

[103] **Планк** — Луций Мунаций Планк (Lucius Munatius Plancus) — консул Древнего Рима 42 до н. э.

[104] **Так как я увидел, что Фурний сам по себе весьма охотно и т. д.** Cic. Fam. X: 3.

[105] **Цицерон отговаривает того же Планка быть посредником в заключении мира между Антонием и Брутом.** Cic. Fam. X: 6.

возможности утешения; в-третьих, изложим нашу обязанность и любовь; в-четвертых, можем похвалить мудрость друга, [его] мужество и т. д., [причем] можно брать эти достоинства каждое в отдельности или все вместе; затем будем внушать, чтобы он не предавался чрезмерной скорби. Здесь в подкрепление приведем доводы, смягчающие скорбь (смотри о душевном состоянии утешения). Затем в заключении будем умолять, заклиная друга мужественно переносить несчастья, прекрасный пример в 5 послании IV книги «К близким», где Сервий Сульпиций утешает Цицерона, горевавшего о смерти дочери: «После того, как мне и т. д.»[106]

Отвечают на утешение двояким образом: или выразив согласие с утешением; тогда сначала похвалим друга, затем поблагодарим за оказанное внимание, наконец, заявим, что мы весьма ободрены [дружеской поддержкой]; или же, не соглашаясь, (и тогда после выражения благодарности за внимание), скажем, что наша скорбь слишком велика, и потому утешение недопустимо, доводы друга мы будем опровергать, но скромно и без упорства, в заключение выскажем пожелание о том, чтобы друг был с нами или же молился за нас Богу, от чего и ожидаем утешения. Пример первого [ответа] находим в послании 13, V книги «К близким»;[107] [пример же] второго — в 6 послании книги IV.[108]

4. О просительном послании.

Просительное послание почти то же самое, что совещательное, но в нем мы можем начинать главным образом с упоминания об услуге того лица, которому пишем, оказанной раньше нам или другим лицам; также [можно] указать на нашу готовность оказать ему услугу, рассказать о близких отношениях, бывших с ним у нас и наших родителей. Затем, изложив просьбу, подкрепим ее так, как было сказано выше о совещательном [послании]. Примером может служить послание 12 (V книга «К близким»), где Цицерон просит Лукцея, римского историка,[109] описать его подвиги: «В моем присутствии с тобой и т. д.».[110] Отвечают двояким образом: соглашаясь или отвергая просьбу; прием совершенно тот же, что и при ответе на совет. Однако здесь имей в виду: если в ответ на просьбу другого [лица] ты скажешь, что

---

[106] **Сервий Сульпиций утешает Цицерона, горевавшего о смерти дочери: «После того, как мне и т. д.»** Cic. Fam. IV: 5.

[107] **Пример первого [ответа] находим в послании 13, V кн. «К близким».** Cic. Fam. V:13.

[108] **…[пример же] второго в 6 послании кн. IV.** Cic. Fam. IV: 6.

[109] **Лукцей** — Луций Лукцей (Lucius Lucceius Quinti filius; 1/2–43 (?)) римский оратор, историк, друг Цицерона.

[110] **Примером может служить посл. 12 (V кн. «К близким»), где Цицерон просит… описать его подвиги…** Cic. Fam. V: 12.

исполнишь ее или уже исполнил, то сможешь скромно преуменьшить на словах это твое одолжение или услугу, [высказав] пожелание о том, чтобы Бог представил тебе случай или возможность еще сильнее проявить свою любовь.

5. О поручительном послании.

Здесь или вообще не должно быть вступления, или же весьма краткое, так как оно пишется только к лицам подчиненным, поэтому следует изложить поручение вкратце, и здесь не требуется никакого обоснования: ведь здесь «вместо разумного довода воля приказывающего».[111] Но все же приказание следует умерить некоторой скромностью и молчаливым знаком расположения. Наконец, здесь следует избрать тот средний [путь], который только немногие применяют: надо давать поручения таким образом, чтобы и авторитет поручителя не пострадал, и тот, к кому обращено послание, не огорчился бы слишком высокомерным приказанием.

В других видах совещательного рода [посланий] на основании приведенных здесь примеров легко можно оказать помощь и придать им [надлежащую] форму.

ГЛАВА X

ПРАВИЛА ДЛЯ ПОСЛАНИЙ СУДЕБНОГО РОДА

В этом роде обычно бывает два вида: обвинение и оправдание, или защита. Другие [виды], как угрозы, жалобы, прошения, считаются тем же, что и обвинение. Просьба, хотя и немногим отличается от защиты, однако, так как заключается не столько в оправдании от преступления, сколько в просьбе об избавлении от гнева и кары, может быть отнесена к просительному [роду] и построена тем же способом.

1. Об обвинительном послании.

Мы обвиняем иногда других, иногда тех, которым пишем, и это второе обвинение можно назвать жалобой или требованием. Если проступок по отношению к нам или другим окажется очень тяжким, то можем начать здесь даже сразу с какого-нибудь кроткого и жалостного восклицания. Но если мы жалуемся не на такое большое несчастье, или даже при тяжком случае решили делать вступление, то вступление начинается или с рекомендации лица, к которому пишем, или с изложения общего места: [например], как ненадежна честность, или как редко встречается верная дружба,

[111] **…«вместо разумного довода воля приказывающего»** — скрытая цитата. См.: Juvenal. Sat. VI: 223.

или же как горько скорбит оскорбленная любовь и т. д.; затем в самых кратких чертах пойдет рассказ о совершенном проступке, и в случае необходимости приведем подкрепляющие доводы; наконец, вместо амплификации мы можем употребить самые нежные слова: [например], выразить удивление, почему этот поступок не был хорошим, что побудило к нему друга или другое [лицо], что оскорбительного в нас он заметил? В заключении мы будем побуждать [адресата] к принятию наказания или, если мы действуем более мягко, в особенности если мы, обвиняя, причиняем боль тому самому лицу, которому пишем, то [скажем, что] будем просить, чтобы этот прискорбный случай не произошел в будущем, и покажем, что нас больше беспокоит будущее, чем скорбь в настоящем или в прошлом. Пример находим в 5 послании (книга V «К близким»), где Цицерон упрекает Антония в неблагодарности: «Хотя я решил вовсе не посылать тебе писем и т. д.».[112] Кроме того, существуют также бесчисленные примеры посланий [подобного рода] у святых отцов, в которых они жалуются на причиненные им обиды. Смотри в особенности, например, весьма печальные и к тому же прекрасные послания святого Василия к Григорию и его ответные послания к Василию.[113] В этих посланиях они упрекают друг друга в пренебрежении дружескими услугами и в несоблюдении дружеской верности. Например, I [посл.] Василия, под номером 33: «Получил письмо [с выражением] твоей преданности»;[114] II [послание] Григория, под номером 34: «Это было, конечно» и III [послание] также Григория, под номером 35: «Ты не перестанешь о нас злословить».[115]

2. О послании извинительном или защитительном.

Это послание является ответом на предшествующее. В нем можно построить вступление, или подчеркнув [нашу] скорбь от письма друга, или же порицая его (но скромно) за дружеские обвинения; затем или будем отрицать поступок (и в этом случае следует опровергать доводы, доказывающие его действительность), или даже признаем, конечно, поступок, но будем доказывать, что это поступок благородный; если же мы не отрицаем поступка, а показать его правильность не можем, то начнем преуменьшать

---

[112] **Пример находим в 5 посл. кн. V «К близким», где Цицерон упрекает Антония в неблагодарности: Хотя я решил вовсе не посылать тебе писем…** Cic. Fam. V: 5.

[113] **…печальные и к тому же прекрасные послания святого Василия к Григорию и его ответные послания к Василию…** ФП имеет в виду переписку Василия Великого и Григория Назианзина, содержащую множество стилистических рекомендаций.

[114] **Например, I [посл.] Василия, под номером 33: «Получил письмо [с выражением] твоей преданности».** Источник цитаты не установлен.

[115] **…также Григорию, под номером 35: «Ты не перестанешь о нас злословить».** Источник цитаты не установлен.

его значение, называя его ошибкой и приписывая другим лицам, которые соблазнили нас обманом, или же ссылаясь на время, обстановку, на неразумие и судьбу, наконец, на необходимость, возраст и т. д. Иногда, однако, не следует преуменьшать поступка, а благородно просить прощения, аналогию чему можно найти в просительном послании. Заключение, соответственно тому, [что сказано] в предшествующих четырех пунктах, может быть различным: если мы будем строить заключение согласно первому [пункту], то покажем, что любовь наша или другого лица, кого мы защищаем, есть или останется неизменной. Если по второму [пункту], то мы будем просить, чтобы легкое подозрение в нашей недобросовестности, даже при хорошем поступке, не нарушило его милости [по отношению к нам]. Если по третьему [пункту], то будем подобным же образом просить не разрушать большой долговременной дружбы из-за незначительной обиды. Если же [согласно] четвертому пункту, то воспользуемся чувством примирения. Смотри в предшествующей книге, где сказано о смягчении гнева, пример из книги II «К близким» (послание 1); в нем Цицерон приносит извинение Куриону за задержку с [ответным] письмом.[116]

ГЛАВА XI

ПРАВИЛА ДЛЯ ПОСЛАНИЙ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО РОДА

К этому роду принадлежат послания уведомительные, хвалебные, поздравительные, благодарственные и остроумные, или шуточные. Из этих посланий кое-что здесь следует сказать об уведомительных и шуточных; остальные будут легко понятны из книги VIII, где [будет речь] о похвалах, поздравлениях и благодарностях.

1. Об уведомительных посланиях.

Предметы, о которых обычно уведомляют в посланиях, принадлежат к двум родам: радостные и печальные. Если сообщаешь какую-либо печальную весть, то сначала скажи, что всегда желаешь сообщать радость, но так как и т. д.; или заслуги друга по отношению к тебе таковы, что тебя особенно заботит, как бы не обидеть его каким-нибудь поступком или словом; поэтому-то ты и не сообщил бы ему об этом, если бы та же самая любовь по необходимости не побудила тебя [к этому]. Если же нужно сообщить радостные вести, то для этого случая подойдут любые правила. Ведь здесь не требуется располагать к себе [читателя], так как он получает радость, узнав о самом событии.

---

[116] **…пример из кн. II «К близким», посл. 1; в нем Цицерон приносит извинение Куриону за задержку с [ответным] письмом.** Cic. Fam. II: 1.

После краткого вступления прибавь рассказ о событии, который должен быть историческим. При этом если рассказ идет о незначительном событии, то для этого потребуется еще меньше украшения, чем для исторического рассказа. Затем в конце, если сообщаешь радостную весть, то следует принести поздравление, если же печальную, то утешать, или же сам вырази твою скорбь. Красивый пример находим в IV книге «К близким», послание 12, в котором Сервий Сульпиций сообщает Цицерону об убийстве Марцелла: «Хотя я знаю, что сообщу вам не весьма приятную весть и т. д.»[117]

При ответе, если получены радостные вести, сначала принесешь благодарность и скажешь, что весьма обрадован письмом друга; затем вместо подкрепления, в свою очередь, можешь его поздравить с тем же; или если есть какая-нибудь одинаково радостная [весть], то сообщишь об этом как бы в виде услуги за услугу. В заключение можно высказать пожелание о том, чтобы Бог всегда являл нам такое счастье. Если тебе сообщили какую-нибудь печальную весть, то скажешь, что письмо друга, конечно, тебя весьма опечалило, но однако его дружеская внимательность тебе приятна. Далее ты выразишь горесть о печальном событии путем амплификации или какого-нибудь риторического отступления, а затем будешь просить Бога даровать от его щедрот в будущем более счастливую [долю]. Пример: Цицерон в книге посланий «К Бруту», послание 4; в нем Брут отвечает Цицерону на его сообщение о победе над Антонием.[118]

2. О шуточном послании.

Как при постоянном общении, так даже и в отсутствии, в послании, друзья часто шутят. Шуточное же послание можно строить так: сначала следует как-либо снискать расположение [друга], далее открывается поле для шуток с помощью приемов, взятых из главы о шутках книги V; затем в заключение попросишь извинения за то, что осмелился шутить, или же закончишь шутки шуткой. Если ты спросишь о возможных темах и поводах для шуток, ответ [будет]: шутки можно применять почти во всех родах посланий, если позволят [условия] времени. Ведь мы можем в шутку что-либо советовать или шутливо обвинять, или же просить извинения, в особенности, однако, это полезно делать, если мы что-то сообщаем. Впрочем, следует обращать особое внимание на то, допустима ли шутка по обстоятельствам места, лица, времени или в силу прочих условий: является ли предмет сам по себе малозначительным, ничтожным или смешным, является ли лицо,

---

[117] **Сервий Сульпиций сообщает Цицерону об убийстве Марцелла: «И если я знаю, что сообщу вам не весьма приятную весть и т. д.»** Cic. Fam. IV, 12: 1.

[118] **Цицерон в книге посланий «К Бруту», посл. 4; в нем Брут отвечает Цицерону на его сообщение о победе над Антонием.** Cic. ad Brut. I, 4.

к которому пишешь, ровней тебе или близким; благоприятный ли момент [для шутки]. Но вот тебе самое надежное правило для шуток: если ты, хваля себя, конечно, в шутку, скромно себя унизишь, а друга, как бы с упреком, похвалишь, и никого, кроме того, не обидишь. Примером шутливого послания является послание 20 книга IX («К близким»), в котором Цицерон пишет Папирию Пету,[119] что он стал эпикурейцем и, не довольствуясь, как прежде, скромными пирушками, находит удовольствие в обильных и роскошных угощениях.[120] Поэтому Цицерон побуждает его, чтобы он устраивал хорошее угощение, собираясь принять голодного и сластолюбивого гостя.

Но для того, чтобы никто не сомневался и не беспокоился о том, подобает ли этот род посланий христианину (ведь он, по-видимому, является, как говорят, пустой болтовней и праздным многословием), то я приведу здесь послания святого Григория. В этих посланиях он шутливо пишет Амфилохию,[121] прося прислать вдоволь капусты.

I послание святого Григория Богослова Амфилохию.

«Хлеба, конечно, мы не просим у тебя, ведь и воды не [требуем] от тех, кто обитает в стране черепиц и камня; если же мы попросим зелени у человека, живущего в Озизале, которой у вас большое изобилие, а у нас она величайшая редкость, то поэтому вовсе неудивительно и весьма уместно тебе соизволить прислать нам много самых лучших овощей или сколько ты можешь; ведь и немногое для бедных [уже] много. Ведь мы будем принимать в гостях Василия Великого, которого ты, пожалуй, вовсе не пожелаешь узнать голодным и сердитым, как ты знал его в сытом состоянии занимающимся философией».[122]

II послание его же о том же предмете тому же.

«Как скудно поступают к нам овощи от вас! И что другое, кроме лебеды? И это несмотря на то, что у вас целые богатства: огороды, и реки, и рощи, и сады, засаженные плодовыми деревьями, и земля производит вам овощи (как другим [их земля] — золото), и вы питаетесь луговой травой. Но для вас эта ваша баснословная блаженная страна есть и пшеница, и хлеб, кото-

---

[119] **Папирий Пет** — Луций Папирий Пет (Lucius Papirius Paetus; неизв.) — философ, друг Цицерона.

[120] **Примером шутливого послания является послание 20, кн. IX «К близким», в котором Цицерон пишет Папирию… угощениях.** Cic. Fam. IX, 20.

[121] **Амфилохий.** См. примеч. 104–105 к кн. V.

[122] **Хлеба, конечно, мы не просим… жаждущим и негодующим.** Григорий Богослов. К Амфилохию. Ep. 47.

рый называется поистине хлебом ангельским: так его невозможно от вас ни отнять, ни уговорить вас [отказаться от него]. Поэтому или дайте нам больше овощей, или мы не будем вам больше угрожать, а удержим хлеб и посмотрим, действительно ли цикады питаются одной росой».[123]

Сюда же можно отнести послания, содержащие рассуждения, и посвятительные, которые иные предпочитают относить к роду совещательному; в этих посланиях обсуждается и разрешается какой-нибудь один или много вопросов: о Боге, об ангелах, о догматах веры и взглядах философов, о праве и справедливости; или даются указания и наставления о том, как правильно устроить жизнь, о нравах, о пороках и других материях подобного рода и т. д. Однако нельзя указать их отличительных особенностей, начал или заключений, но следует представить себе на основании предшествующего [изложения] или же брать общие правила, о чем [будет сказано] несколько ниже. У Цицерона примеров таких [посланий] весьма немного; очень много у Сенеки, Василия, Григория Богослова, Киприана, Иеронима и целая книга посланий у святого Исидора Пелусиота, почти все послания которого содержат поучительный материал о совершенствовании жизни и о пороках. Труд [его] исполнен прекраснейших мыслей, однако небезупречен в смысле излишней и манерной афористичности.[124]

ГЛАВА XII

ДАЮТСЯ ОБЩИЕ ПРАВИЛА ДЛЯ ВСЯКОГО РОДА ВСТУПЛЕНИЙ, И ПРЕДЛАГАЕТСЯ НАСТАВЛЕНИЕ О СООТВЕТСТВЕННОМ СТИЛЕ И СЛОГЕ В ПОСЛАНИЯХ

Для того чтобы у тебя были наготове начала послания, всегда имей в виду несколько общих правил. [Эти правила] могут быть в таком роде: во-первых, следует привести причины написания [послания], например, твоя любовь к другу, любовь его к тебе, которая не позволяет выбросить его из твоего сердца, чуть он уедет с глаз долой; поэтому ты выразишь пожелание всегда говорить с ним и т. д. Затем можно выставить и другие причины, напри-

---

[123] **Как скудно поступают к нам овощи от вас! … одной росой.** Григорий Богослов. К Амфилохию. Ep. 48.

[124] **…целая книга посланий у святого Исидора Пелусиота…** Исидор Пелусиот — Исидор Пелусиотский (Ἰσίδωρος ὁ Πηλουσιώτης; между 350 и 360 — между 435 и 440) — ученик Иоанна Златоуста. ФП имеет в виду эпистолярное наследие Исидора, но о какой «книге» идет речь, неизвестно. Первое издание писем: S. Isidori Pelusiotae epistolarum amplius mille ducentarum libri tres / Nunc primum graece editi… / Ed. J. de Billy. P., 1585.

мер, [ты пишешь] по просьбе других; [далее] польза для друга, которая возникнет из важного [содержания] письма; необходимость для нас писать [послания], наконец, так как мы знаем, что те или иные сведения, [сообщаемые нами], будут приятны другу и т. д. Во-вторых, можем начать с указания на благоприятный случай, когда послание можно вовремя доставить другу, а мы не желаем [такой случай] упустить. Например, «Найду ли я, — говорю, более удобный случай оказать тебе услугу? Я всегда искал случая связаться с тобой более тесной дружбой, и вот я нашел». Или: «Хотя я никогда не могу надолго забыть тебя, однако условия настоящего времени, видимо, соединяют нас до некоторой степени ближе [обычного], так как и т. д.», или же: «Всегда, конечно, я желаю как быть вместе с тобой, так и говорить, но в силу того, что общественные обязанности все же не позволяют нам быть вместе, то я весьма был обрадован представившейся мне возможностью поговорить с тобой письменно». В-третьих, [начать] извинения за наше долгое молчание, приведя причины, почему мы до сих пор не писали. В-четвертых, [начать] с задержки, если мы сообщаем что-либо важное или даже шутим: «Поразительное известие, которое, я думаю, тебе будет весьма приятно услышать: я не мог тебе не написать о нем». В-пятых, можно выставить вначале [в виде эпиграфа] изречение какого-нибудь писателя, которое облегчает путь изложения предмета. В-шестых, [начать] с какого-либо достопамятного события, от которого также можно перейти к предмету [изложения]. В-седьмых, мотив для начала в ответных посланиях найти легко, он обычно также берется из повода послания друга и бывает двояким: [мы начинаем ответ] 1) Просто объявляя, что мы получили его письмо и узнаем из него то-то и то-то; 2) Сообщая о каком-либо чувстве, возникшем у нас при получении его письма, [например]: «Письмо твое привело меня в ужас; как я был поражен, получив твое письмо, думаю, ты также прекрасно [это] знаешь». В-восьмых, часто можно писать даже без всякого приступа, в особенности по причинам, изложенным в главе IX. Наиболее же замечательным является в ответах вид отрывочного послания, которое начинается с какой-нибудь соединительной частицы: но, же, без того чтобы не, напротив и т. д. Например, Цицерон начинает: «Но я, Сервий, хотел бы, чтобы ты, как ты пишешь, был со мною во время моего тяжкого несчастья».[125] Ведь кажется, что при таком способе ответа он отвечает, как бы присутствуя.

2. Теперь посмотрим, какой следует употреблять стилистический прием в посланиях. Общеизвестны два достоинства посланий: краткость и ясность; из них первое требует, чтобы вступления были самыми краткими; в друже-

---

[125] **Но я, Сервий… несчастья.** Cic. Fam. IV, 6: 1.

ских [же] посланиях они должны быть подобны переходам; иногда они могут занимать только половину периода; затем обоснование или опровержение пусть будут сжатыми, со многими доводами (если они будут) сгруппированными вместе, с умеренным применением амплификаций, недлинных и не перегруженных мелочами. Здесь будет весьма полезна эмфаза; если будет какое-либо повествование, то его следует излагать, пользуясь приемом историческим, а не ораторским.

3. Ясность требует простого слога: слова нужно выбирать обыкновенные и употребленные в собственном смысле или даже взятые в смысле переносном, но от предметов самых обыкновенных, но все же не заимствованные прямо с улицы и уличающие автора в невежестве, но такие, которыми обычно пользуется более образованное общество. Периоды в собственном смысле должны быть краткими, безыскусными и такими, словно они возникают сами по себе; отдельные звенья и колоны могут соединяться, но почти без всякого порядка; фигуры мысли встречаются даже часто, однако, не обладают сильным действием (если только душевное состояние не потребует поступить иначе). Напротив, словесные фигуры весьма редки или вовсе отсутствуют: ведь в них яснее видна некоторая прелесть искусства; но, с другой стороны, в этом случае не следует в такой степени избегать никакого [другого] недостатка, как напыщенности или напускной учености.

4. Вот главное правило для стиля посланий, впрочем, даже и оно не лишено исключений. Ведь послания могут быть довольно длинными и растянутыми наподобие речи, если они касаются какого-нибудь важного и серьезного вопроса. Таковы [например] послания государей к другим государям о союзе и о мирных договорах, о войне, о сообщении [важных] планов. Также в делах веры: например, довольно много таких посланий у святого Василия к епископам Италии, Галлии, также и к другим, которые называются окружными, затем к народам, государствам, городам и т. д. Стиль же этих посланий будет даже несколько более возвышенным и подобным ораторскому, хотя их, как кажется, нужно писать всегда в более спокойном духе, чем те декламаторские послания, произносимые с [ораторским] пафосом.

5. Но для более полного понимания стиля имей в виду: всякое различие в стилистической обработке и в важности [стиля] в основном зависит от содержания: о чем [пишут], и от лица, которому пишут. Ведь если ты пишешь к [лицу] равному, близкому или более незначительному, а также о деле маловажном, то пусть стиль будет низким и самым обыденным; если [же пишешь лицу] более почтенному, то украшай послание несколько более пышно; если [пишешь] о самых важных делах, то значительность содержания требует и более возвышенного стиля.

КНИГА VII

О СУДЕБНОМ И СОВЕЩАТЕЛЬНОМ РОДЕ РЕЧЕЙ

Чтобы получить более ясное представление в общем виде о содержании первых четырех книг, я считаю необходимым сказать, в частности, о том, что составляет особенность каждого рода речей. Ведь хотя упомянутых приемов, как природных, так и отдаленных, достаточно, для того чтобы разбирать любой род речи, однако вопрос о том, какие, в частности, [источники] соответствуют одному [роду], а какие — другому, и как следует из них черпать доказательства (поскольку многие, возможно, не находят их), я думаю, следует изложить вкратце. Поэтому я здесь не буду ничего говорить ни о недостатках речи, ни об амплификации, ни о стиле: этому можно научиться из сказанного выше. Я дам [здесь] только особые соображения отдельно относительно изобретения в судебном, совещательном и показательном [роде] речей. Для речей же судебной и совещательной весьма подходящие наставления дает Цицерон во II книге «Об изобретении».[1] Здесь я изложу их ради краткости сокращенно.

Перечень [глав] книги VII.

Глава I. О речи судебной. Из каких источников обвинитель и защитник должны черпать доказательства на стадии предположительной. Источников этих [доказательств] главным образом три: причина, лицо и поступок, и прежде всего о причине.

Глава II. О втором источнике предположительных доказательств (рассмотрение лица).

Глаза III. Третий источник подозрений (рассмотрение самого поступка).

Глава IV. Каковы доказательства на стадии определения [имени] и качества.

[1] **…наставления дает Цицерон во II книге «Об изобретении».** В этой главе пересказ основных идей из Cic. Inv. II.

Глава V. О доказательствах, относящихся к роду дела совещательного, и прежде всего о прекрасном и низком.

Глава VI. О полезном и вредном.

Глава VII. О необходимом, легком, приятном и о их противоположностях.

Глава VIII. Учение о роде совещательном разъясняется на примере.

ГЛАВА I

О РЕЧИ СУДЕБНОЙ

Из каких источников обвинитель и защитник должны черпать доказательства на стадии предположительной. Источников этих [доказательств] главным образом три: причина, лицо и поступок; и прежде всего о причине.

Речи судебные бывают двоякого рода: обвинительная и защитительная. Поэтому следует подготовить обе части и вкратце показать, что должны приводить обвинитель и защитник в доказательство своей темы. Но подобно тому, как существуют три этапа или стадии расследований, так здесь следует указать три рода источников. И, по крайней мере на стадии предположительной, когда расследуется поступок, применимы, главным образом, как мы раньше сказали, дополнения. Эти последние Цицерон при более ясном и четком объяснении делит на три вида: причина, лицо и поступок.[2] Скажем здесь о причине.

1. Причина есть то, в силу чего обычно что-либо происходит. Если мы покажем, что она есть или была в чем-либо, то мы докажем, что она совершила то или другое. И «…этот источник, — говорит Цицерон, — является как бы некоторым основанием для этого состояния: ведь можно доказать кому-нибудь, что произошло какое-либо [событие], только показав нечто [такое], от чего оно произошло».[3]

2. Причина же, которая приводит к совершению чего-либо, бывает двоякой: побуждение и рациоцинация: «Побуждение есть [то], что без размышления, в силу некоторого душевного движения, склоняет [нас] что-либо совершить; например: любовь, гнев, пьянство и все [то], чем наша душа, по-видимому, бывает так утомлена, что не может, здраво размыслив, понять существо дела».[4]

---

[2] **Цицерон… делит на три вида: причина, лицо и поступок.** Cic. Inv. II: 16.

[3] **…этот источник… оно произошло.** Cic. Inv. II: 16.

[4] **Побуждение есть… дела.** Cic. Inv. II: 17.

3. «Рациоцинация, напротив, есть обдуманное решение что-либо совершить по какой-нибудь причине»;[5] например, «если что-либо, говорят, совершено из дружеского [чувства], ради того, чтобы отомстить врагу, из страха, ради славы», для умножения или достижения какой-нибудь выгоды [или] чтобы избежать неприятности или ущерба.[6]

4. Из этих [причин] и обвинитель, и защитник могут черпать предположительные доказательства. Возьмем такой пример: Василий Македонянин на охоте наткнулся на лань, [император], поднятый ланью [на рога], так как рога запутались за пояс, как передавали, был на краю гибели. Подбежал какой-то из придворных и, разрезав пояс мечом, избавил императора от опасности. Он был, однако, обвинен в покушении на цареубийство.[7] Возникло расследование на основании этих противоречивых положений: замышлял ли он убийство императора, замышлял — не замышлял. Первое положение примет обвинитель, второе — защитник.

5. Если обвинитель может руководствоваться побуждением [чувства], то он скажет, что [подсудимый] тогда случайно был обижен государем и сильно горевал; [затем] он амплифицирует душевное состояние скорби и гнева словами и изречениями; сначала [он скажет] вообще, насколько сильно бывает душевное переживание, вызванное гневом; для этого, [приведя] примеры других [лиц], которые в гневе решились на какой-либо подобный [поступок], он воспользуется сравнениями и описанием самого состояния гнева; наконец, он необыкновенно [риторически] усилит гнев [по этой] причине доводами, словами и т. д.

6. А если обвинитель пожелает применить умозаключение, то пусть выяснит, какую выгоду ожидал [для себя обвиняемый] и какой неприятности он надеялся избежать, убив императора; он скажет, что обвиняемый стремился к тирании или же хотел предотвратить изгнание или наказание за преступление, о котором он знал, и не рассчитывал на возможность его скрыть; наконец, какую бы причину [обвинитель] ни выставил, он [должен] ее весьма сильно [риторически] распространить.

7. Кроме того, следует предупредить [действия] защитника: это произойдет, если обвинитель сперва рассмотрит доводы, которые защитник может привести в пользу обвиняемого, и сам их изложит и опровергнет.

8. Но [обвинитель] должен в особенности иметь в виду следующее: не то, что есть или было на самом деле, но что входило в намерение обвиняемого.

---

[5] **Рациоцинация… причине.** Cic. Inv. II: 18.

[6] **Если что-либо… ущерба.** Cic. Inv. II: 19.

[7] **Василий Македонянин на охоте наткнулся на лань… Василий I Македонянин** — (Βασίλειος Α´ο Μακεδών; ок. 811–886) — византийский император, основатель Македонской династии, умер вследствие несчастного случая на охоте.

Ведь вовсе неважно, что для обвиняемого выгодно или невыгодно, или не могло быть [выгодным или невыгодным], если показать, что обвиняемый рассчитывал [именно] на такой ход событий, [в случае] если он сам совершит этот поступок. «Ведь и люди [могут] ошибаться в [своих] предположениях двояким образом: когда или предмет является иным, чем его считают (например, когда хорошее кажется дурным или наоборот), или же результат не оправдывает ожиданий. Поэтому, если в приведенном случае кто-нибудь вздумает сказать, что жизнь императора считается дороже не только [всякого] блага, но и жизни частных [лиц], и, наоборот, что цареубийство хуже всякого несчастья, — этого обвинитель не станет отрицать, но скажет, что этот преступник держался иного мнения; будет доказывать это на основании глупости и жестокости [обвиняемого] и скажет, что эти качества [воплотились] в его лице. Также если бы кто-нибудь сказал, что обвиняемый, даже если бы и убил императора, но все же сам не смог бы стать императором; и это положение обвинитель также не станет отрицать, но скажет однако, что таково было намерение обвиняемого.

9. Если же [обвинитель] выставляет обвинение не в умысле, а в совершенном преступлении, что, конечно, в приведенном случае не имеет места, то кроме вышеупомянутого он должен сказать, что ни у кого другого, кроме обвиняемого, не было повода совершить это преступление; или если же этот повод и был, то не хватало способности, возможности, желания.

10. Защитник же, обязанность которого состоит в опровержении обвинения, наоборот, пусть заявит, что [у обвиняемого] или не было никакого побуждения, или если [оно] было, то пусть его приуменьшит, [сказав], что обычно подобное побуждение не порождает столь великого преступления. Например, придворный, конечно, горевал, обиженный пренебрежительной насмешкой императора, но был задет [лишь] незначительно, конечно, не в такой степени, чтобы решиться на столь нечестивый поступок.

11. Рациоцинацию защитник опровергнет двояким способом: во-первых, путем опровержения выставленных поводов; во-вторых, никогда — заявляет он — [обвиняемый] не стремился к тирании; никакого преступления, за которое мог бы опасаться для себя [неприятных последствий], он не совершал; это положение защитник должен подтвердить основательными доводами, [взятыми] из жизни и характера лица и прочих [его] свойств (о чем [будет речь] в следующей главе). Кроме того, [защитник] покажет, что [обвиняемый] не смог добиться этой цели, если бы даже и пожелал; и если обвинитель скажет, что он на это, однако, надеялся (этот случай мы отметили выше под пунктом 8), то защитник заявит, что нет такого глупого человека, который бы в настолько важном деле не мог бы видеть действительного положения вещей. [Защитник] скажет, во-вторых, что у [этого] человека было

две противоположных причины, которые побуждали его совершить противоположный [поступок]: например, в приведенном случае расположение к нему императора, милость, предоставленные [ему] почести и т. д.

ГЛАВА II

О ВТОРОМ ИСТОЧНИКЕ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ (РАССМОТРЕНИЕ ЛИЦА)

1. «Причина поступка, — говорит Цицерон, имеет мало значения, если друг обвиняемого не попадет под подозрение так, что окажется виновным в таком преступлении. Ведь подобно тому, как незачем порицать чей-либо [преступный] замысел, когда нет причины (совершить) преступление, так легко возникает причина преступления, если обнаружится замысел, который вовсе не зиждется на благовидном основании».[8] Вот почему следует непосредственно подбирать основания подогревать [кого-либо], также изучив свойства, присущие самому лицу.

2. Эти [свойства] обычно такие: во-первых, натура. Мужчина или женщина? Из какой страны? Какого происхождения, какого возраста, какого характера: смелый, гордый, глупый или наоборот? Во-вторых, образ жизни: кем воспитан, с кем общается, как жил раньше, как теперь? В-третьих, состояние. Состоятельный или бедняк? Обладает ли могуществом, счастьем, заслугами и т. д.? В-четвертых, черты лица и выражение, жесты, походка, речи и другое в таком роде.

3. Поэтому обвинитель должен присоединить к причине преступления качества человека; как, [например], в приведенном случае он скажет, усилит подозрение в предумышленном преступлении утверждением, что обвиняемый по натуре отважен, горд, весьма дурно воспитан, с детства вращался в обществе дурных людей, пользовался также плохой репутацией, друзья и слуги у него были людьми низкими; озлоблен [несчастной] судьбой, кичится знатностью, богатством, могуществом, питал великие надежды и всегда имел какие-то высокие планы. [Все] это ясно видно и по выражению лица, и по жестикуляции, и по манере говорить.

4. Если из прежней жизни нельзя добыть никаких [доводов], то следует убедить судей считать прежнюю репутацию обвиняемого вовсе не имеющей отношения к делу; не следует рассматривать настоящее дело в свете его прежней жизни, а наоборот — прежнюю жизнь судить по настоящему делу; [ведь] раньше он скрывал [свои дурные качества], а теперь держится открыто.

---

[8] **Причина поступка… основании.** Cic. Inv. II: 25–29.

5. Напротив, защитник, разбирая отдельные пункты [обвинения], одни [из них] отвергнет (например, что обвиняемый отличается гордостью, тщеславием, дурным воспитанием, или что в его прежней и настоящей жизни или у его друзей можно найти некоторые признаки порочности); и даже приведет качества, противоположные этим; другие пункты обвинения, пожалуй, не стоит отрицать (например, что он благородного происхождения, богат, влиятелен), но указать, что он весьма порядочно вел себя в пору благополучия, доказав это подбором его некоторых хороших поступков, в качестве образца [его] скромности и умеренности и т. д.

ГЛАВА III

ТРЕТИЙ ИСТОЧНИК ПОДОЗРЕНИЙ (РАССМОТРЕНИЕ САМОГО ПОСТУПКА)

1. При рассмотрении поступка выявляются сопутствующие обстоятельства всего дела; они принадлежат к трем видам: одни обстоятельства предшествуют поступку (как например: исключительный случай, благоприятное положение, возможность), другие сопутствуют самому поступку (место, время, поведение); третьи являются последствиями его (радость или печаль, страх, дрожь и т. д.).

2. Из этих [сопутствующих обстоятельств] возникают в особенности догадки. Так, в приведенном примере обвинитель обратит внимание на обстоятельства, предшествующие охоте: как вел себя обвиняемый, с кем общался, что говорил, с каким выражением лица, не побледнел ли, не проявлял ли смущения в речи, не было ли заметно каких-либо беспокойных мыслей. Ведь [все] это — состояния, свойственные человеку, решившемуся на какой-нибудь важный поступок; обвинитель также обратит внимание на поведение обвиняемого во время самой охоты: может быть, было заметно, что он искал случая [совершить преступление], может быть, он менее страстно предавался охоте, или, может быть, пока император один блуждал в лесу, он, насколько [мог], быстро следовал [за ним], когда же он увидел, что олень поднял государя [на рога], то признал это для себя самым надежным и благоприятным случаем, так как если бы он совершил убийство, то сказали бы, что он сделал это непредумышленно, в противном [же] случае он заслужил бы благодарность и награду за преступление. Как он вел себя [при совершении] самого поступка? Как он помог [императору]? Разве не было заметно, что он, прежде чем обнажить меч, обвел глазами [пространство] туда и сюда? Почему, наконец, он выбрал этот способ защитить [императора], столь опасный? Или он считал, что пояс находится на большом расстоянии от груди императора? Почему лучше он не пронзил мечом зверя? Что после-

довало затем, когда император оказался невредимым? Обрадовался ли нанесший удар? Следует иметь в виду, не явилась ли радость притворной. Или он, может быть, даже задрожал? Как он вел себя после возвращения и дома?

Ведь если он замышлял убийство, то ему следовало бы быть печальным, так как его намерение не исполнилось; наконец, обвинитель скажет, что его застали печально лежащим в постели глубокой ночью и бодрствующим.

3. Защитник, напротив, [будет доказывать]: никогда в обвиняемом ничего не проявлялось такого, что могло бы указывать на его великие замыслы. Далее же доводы, которые можно отрицать, он отвергнет; те [же], которые особенно нелегко опровергнуть, он умалит и истолкует иначе: обвиняемый поступил хорошо, что последовал за императором, покинутым свитой; этот столь необыкновенный случай никоим образом нельзя было предвидеть; он искал глазами, потому что осматривался в поисках за помощью со стороны других [спутников]; у него не было времени придумать способ защиты [императора], так как едва хватило его на [самое] защиту, поэтому он разрубил мечом пояс. Но и этот способ был наилучшим: ведь пояс, растянутый рогом [оленя], находился довольно далеко от тела императора; и если бы он ударил мечом озлобленного раной зверя, то легко мог бы погубить императора. Кроме того, [защитник] скажет: после он всюду открыто получал поздравления за этот подвиг и обычно хвалился им, [вызывая] зависть у многих [людей].

ГЛАВА IV

КАКОВЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НА СТАДИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ [ИМЕНИ] И КАЧЕСТВА

1. Ведение дела на стадии предположительной представляет весьма большую трудность, так как сущность его, [еще] неясную и темную, надо как бы извлечь из тайника. После рассмотрения доводов этой стадии кажется уже вовсе не трудным вести дело на стадии определения [имени] и качества. Ведь эти расследования часто зависят от [стадии] предположительной; ведь обычно изобретенный для их разрешения [довод] следует доказывать путем догадок. Так, [например], если бы я хотел доказать, что Цезарь был тираном, то выставил бы довод: потому что он совершал такие [поступки], которые выдают тирана. Это будет «предмет обсуждения»; и вот я прихожу к стадии предположительной: совершил ли он такие [поступки] и т. д.

2. Поэтому на стадии определения [имени] следует прежде всего объяснить имя и определить, что такое тиран и что такое отец отечества и т. д. Если это определение будет точно установлено, то только [тогда] следует

приниматься за орнаментальную [часть] и изложение. Если же оно неясно и сомнительно, то его следует доказывать на основании рода и вида, указав, что упомянутое имя принадлежит к такому-то роду и относится к такому-то виду, которые имеются в твоем определении. Однако об этом можно получить более ясное представление из диалектики: можно доказывать также на основании приемов источников отдаленных высказывания писателей и примеры, в которых выясняются причины, почему некоторые люди получили имя тирана и т. д. После этого ты присоединишь к определению поступки и высказывания [лица], которого ты обвиняешь, и скажешь, что это определение подходит к его жизни и его взглядам, которые соответствуют такому имени. Обоснование его можно черпать из предположительной стадии. Возьмем пример: следует ли называть латинян, последователей римского папы, еретиками?

3. Обвинитель приведет определение ереси и еретика: ересь есть упорно отстаиваемое заблуждение в таинствах веры или выбор мнения, отличного от завещанного по Божьей воле учения и упорно закоснелого в своем заблуждении. Это определение нужно будет не столько обосновать, сколько изложить. Но можно обратиться к слушателям с вопросом и фигурально: какое же можно дать другое определение, если не это? Затем можно будет к этому определению присоединить поступки и высказывания [еретиков], именно какие-либо их возражения против откровенных свыше таинств, которые они с упорством отстаивают. И вот ты видишь, мы уже пришли к предположительной стадии: так ли именно они поступают? Поэтому некоторые их противные [нашей вере] мнения не следует долго обсуждать: ведь среди многих других заблуждений ты можешь упомянуть хотя бы это одно: они учат, что Святой Дух исходит также и от Сына; и потому, что среди православных возникли бы толки [о том, что] не нужно было бы обосновывать наше учение или опровергать их, так как все слушатели согласны, но следовало бы только внушить [им], не противоречит ли это учение божественным пророчествам? Затем следует обосновать вторую часть, именно что они отстаивают свое заблуждение с упорством. Во-первых, разумеется, они исказили многие творения отцов [церкви], когда увидели, что ни одно [из этих писаний] само по себе не приносит им пользы. Во-вторых, никогда они не вели с нами переговоров, честным и достодолжным способом, но на Лионском соборе они обласкали греческих епископов,[9] а на Флорентийском сначала прельстили наших подарками, а затем устрашили угрозами и

[9] **…на Лионском соборе они обласкали греческих епископов…** ФП имеет в виду Второй Лионский собор (1274 г.) (в католической традиции XIV Вселенский собор), который был созван папой Григорием X для заключения унии с православной церковью.

даже голодом.[10] В-третьих, ты скажешь, что они поступали с нами жестоко, и здесь можно привести почти бесконечное число рассказов [о том], как во время Иннокентия, третьего папы этого имени, французы и венецианцы захватили Константинополь; много епископов ученых и людей сенаторского звания они тогда замучили и отправили в изгнание, если кто [из них] выражал несогласие с их заблуждением.[11] Что они натворили около того времени в Фессалониках,[12] что на острове Кипре, что совершили в других местах, — все это ты найдешь у Никиты Хониата.[13] Далее, что ими было совершено после Флорентийского собора, что в наше время и немного раньше, как они пытались и пытаются соблазнить нас словами и поступками и т. д. Ведь все это указывает на великое упорство. Одни [слова и поступки] их следует, пожалуй, изложить, сгруппировав в кучу, другие же необходимо амплифицировать каждое в отдельности.

4. В этом случае я не вижу у защитника никакой обязанности, если только кто-нибудь или не пропустит данного нами определения, или станет утверждать ложность всех данных, почерпнутых из исторических свидетельств, а это, по-видимому, весьма трудно и, мало того, даже невозможно.

5. Напротив, стадию определения качества можно лучше всего излагать, научившись изобретению в совещательном роде речей. Ведь подобно тому, как расследование или определение имени часто зависит от стадии предположительной, так и это определение качества получает почти всю свою силу в результате тщательного обсуждения. Ведь спрашивается не [о том], совершился ли факт (так как сам факт совершенно известен), но [о том], является ли он правильным, справедливым, хорошим, полезным, безвредным и т. д. Поэтому Цицерон добавляет на этот предмет прекрасное пра-

---

[10] **…на Флорентийском сначала прельстили наших подарками, а затем устрашили угрозами и даже голодом.** ФП имеет в виду собор христианских церквей (1438–1445), традиционно называемый Ферраро-Флорентийским (у католиков — XVII Вселенским собором). На Соборе обсуждались различия в догматах. Латиняне не выполнили обещания содержать представителей Византии, и те были вынуждены продавать вещи ради пропитания. См.: *Сильвестр Сиропул*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439): В 12 ч. СПб., 2010. С. 171.

[11] **…как во время Иннокентия… в изгнание…** См. примеч. 56 к кн. VI.

[12] **Что они натворили около того времени в Фессалониках, что на острове Кипре…** С 1206 г. Фессалоники были столицей Фессалоникского королевства, являвшегося частью Латинской империи. Кипр был под властью Исаака Комнина.

[13] **…все это ты найдешь у Никиты Хониата** — (Νικήτας Χωνιάτης) или Никита Акоминат (Νικήτας Ακομινάτος; 1155–1213) — византийский историк, писатель, ритор, автор «Истории» (Chronike diegesis), где описывает события, связанные с захватом Фессалоникийского королевства сицилийцами; политикой Балдуина и Бонифатия.

вило, указывая, что такого рода речь надо произносить так, как если бы она была произнесена уже до совершения проступка.[14] [Так], например, правильно ли поступил, [спросили бы] в случае судебного разбирательства, известный полководец Давида,[15] убивший царского сына Авессалома во время войны, которую тот начал против своего отца. Авессалом потерпел поражение и во время бегства случайно запутался волосами [за ветви] дерева.[16] Это дело непременно было бы судебным; обсуждать же его следует так, как если бы велось обсуждение, устроенное до этого убийства, если, разумеется, этот полководец прежде, чем убить Авессалома, посоветовался со своими спутниками, следует ли ему убить Авессалома. [В зависимости от того], каким способом ему советовали совершить убийство, также защитник будет защищать убийцу, и наоборот. Поэтому, чтобы помочь на этой стадии судебному делу, следует перейти к совещательному роду речи.

6. Имей в виду, однако, что на этой стадии можно также получить помощь от стадии предположительной. Ведь если в приведенном примере ты станешь утверждать, что Авессалом убит справедливо, на том основании, что он злоумышлял против отца, сам стремясь его убить, то тебе придется доказать два положения: во-первых, имеет ли право кто-либо убить отцеубийцу или человека, злоумышляющего против отца? И всю эту аргументацию нужно будет взять из [речей] совещательного рода. Во-вторых, если приведенное [положение] не отвергается, то все же следует его подвергнуть обсуждению: хотел ли Авессалом убить отца? Теперь, как видишь, [это] предположительная стадия.

ГЛАВА V

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РОДУ ДЕЛА СОВЕЩАТЕЛЬНОГО, И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ПРЕКРАСНОМ И НИЗКОМ

1. Здесь прежде всего следует отметить, во-первых, что, как в роде судебном, так и в совещательном, речи почти всегда бывают противоречивыми: там [надо] обвинять и защищать, здесь — уговаривать и отговаривать, убеж-

[14] **…Цицерон добавляет на этот предмет прекрасное правило… проступка.** Приводимое ФП место у Цицерона не найдено.

[15] **…известный полководец Давида…** ФП имеет в виду Иоава, нарушившего приказ Давида сохранить жизнь Авессалому. 2 Кн. Цар. 18: 10–15.

[16] **Авессалом потерпел поражение и во время бегства… дерева.** ФП имеет в виду историю гибели сына царя Давида, который восстал против отца. После поражения бежал, запутался волосами в ветвях дерева и был убит. 2 Кн. Цар. 18: 7–9.

дать и разубеждать. Но все же последние отличаются от первых тем, что в речах судебных для целей защиты достаточно отрицать и опровергнуть слова обвинителя, хотя бы и не приводя противоположных [доводов]. Напротив, в [речи] совещательной недостаточно показать ложность доводов советующего, если от чего-либо отговариваешь, но требуется [дать] противоположную [картину] положения вещей.

2. Доводы же для убеждения обычно делятся на следующие виды: прекрасное, полезное, необходимое, легкое, приятное. Ведь если обнаружится, что все эти [качества] или некоторые содержатся в чем-либо, то они убедят в необходимости к этому стремиться. [Доводы для] разубеждения противоположны этим: низкое, вредное, ненужное, трудное, тягостное.

Все эти [доводы] можно почерпнуть из источников природных. Ведь прекрасное принадлежит именно к тому же роду и виду, к какому относится какой-либо поступок, (следует ли этот поступок относить к числу добродетелей или пороков); и среди каких добродетелей или пороков надо искать принцип полезного, на основании воздействия предмета? [А принцип] необходимости, легкости и приятности из [его] свойств? Так и наоборот. Сперва скажем о прекрасном и низком.

3. Прекрасное есть то, что привлекает нас своей силой, располагая [к себе] не [ожиданием] какой-либо выгоды, но своим достоинством. Цицерон [говорит] в Книге II «Об изобретении»: «Прекрасное есть то, что обозначают именем добродетели, науки или истины».[17]

4. Напротив, — низкое [это] именно то, что не приносит, по-видимому, никакого вреда, однако в силу какой-то своей гнусности всех от себя отвращает; например, порок, преступление, глупость, лживость.

5. Но так как добродетель есть родовое имя, то следует познакомиться и с ее видами; главных видов четыре. Первый [вид] — мудрость, которая есть знание добра и зла и обоих [этих качеств вместе], т. е. когда всякий хорошо знает, к чему стремиться и чего избегать. Второй вид — справедливость, которая при сохранении общей пользы каждому воздает [по его] достоинству. Ее части суть: страх Божий, почтение к родителям, родственникам и всем тем, на кого, по-видимому, возложены родительские обязанности; благосклонность, которая есть стремление сохранять дружбу; отмщение, чем отвращают или карают насилие и несправедливость; уважение, в силу чего людей, выдающихся по достоинству, мы окружаем поклонением и почетом. Третий [вид] — мужество, которое есть [свойство] обдуманно идти на опасный риск и переносить тяжкие труды. В нем содержатся следующие качества: величие души, которое есть ревностное занятие великими

[17] **Прекрасное есть то… истины.** Cic. Inv. II: 169.

делами и их неустанное осуществление путем некоторой важной идеи; отвага, в силу которой мы получаем уверенность в делах благородных; терпение, когда мы добровольно переносим тяготы ради важного или полезного дела; стойкость, которая есть твердое и постоянное следование продуманному принципу. Четвертый [вид] — умеренность, которая есть надежное и благоразумное господство разума над похотью и другими неразумными порывами Души. Части [умеренности] суть: воздержанность, которая подавляет страсть, снисходительность, которая укрощает неправедный гнев или даже праведный, во внимание к заслугам [виновного], и скромность, которая подавляет стремление к незаслуженному и несправедливому почету и порождает некоторое приятное чувство уважения. Низкие качества противоположны этим.

6. Кроме того, принадлежащим к роду прекрасного считается все то, что все или большинство людей ученых или мудрых признают достойным похвалы: [и] гораздо лучше, если что-либо будет признано [прекрасным] свыше.

ГЛАВА VI

О ПОЛЕЗНОМ И ВРЕДНОМ

1. Полезное имеет две части: благосостояние и благополучие.[18] Под благосостоянием понимай, что ты свободен, непричастен, сохранен или избавлен от бед, опасностей, несчастий. Под счастьем — все то, что веселит или услаждает человеческую жизнь.

2. Благополучие, которое Цицерон называет могуществом, бывает, по замечанию того же автора, двух родов: ведь одни [блага] заложены в самом теле, другие [же] внешние, или те, которые, находясь вне тела, служат ему ко благу.[19] В самом теле заключается: здоровье, сила, красота, неистощимый запас [физических] сил; затем пища, которую хотя и достают откуда-нибудь из другого места, однако жизнь без нее невозможна. Например, вне тела находятся, конечно, нужно полагать, богатство, звания, почести и т. д., без которых мы, конечно, можем жить, но не так счастливо, как с ними.

3. Согласно такому [принципу] деления можно разделить полезные качества не только человеческого тела, но даже любого предмета: например, государства, здания, войска, какого-либо занятия и т. д. Так, Цицерон говорит, что к государственному телу принадлежат поля, гавани, деньги, флоты, матросы, воины, союзники и т. д. Внешними же по отношению к государ-

[18] **Полезное имеет… благополучие.** Cic. Inv. II: 169.

[19] **Благополучие, которое… ко благу.** Cic. Inv. II: 169.

ству Цицерон называет [предметы], которые создают для него некоторый больший, но менее необходимый блеск; например: украшение города, огромные денежные средства, множество союзников и т. д.[20]

4. Из этих [качеств] ты легко поймешь противоположные им, называемые вредными; как, [например], противоположное благосостоянию — ущерб благополучию — несчастья, здоровью — недуги, богатству — бедность и т. д.

5. Однако ты легко достигнешь всех этих благ (в соответствии с обоими их родами), если, как я раньше указал, рассмотришь воздействие предмета.

ГЛАВА VII

О НЕОБХОДИМОМ, ЛЕГКОМ, ПРИЯТНОМ И ИХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЯХ

1. В совещательном роде речей необходимость имеет настолько большое значение, что даже только она одна может служить побуждением приняться за какое-нибудь дело. «Необходимое, — говорит Цицерон, — [это то], чему никакая сила не может сопротивляться, что нельзя изменить или смягчить». Он же объясняет [это] на примере: «Необходимо, — говорит он, — чтобы дрова могли сгорать на огне; необходимо, чтобы смертное тело через некоторое время погибло».[21]

2. Легким мы называем то, что можно добыть весьма быстро, без большого труда и даже вовсе без [труда], затрат и тягости. Наоборот, трудным [делом] является то, что, хотя и требует труда, затрат, тягот, длительного [времени], и содержит или все, или весьма много важнейших причин трудности, однако даже и при наличии этих причин можно довести до конца.

3. Приятное есть то, что как-либо или во всех отношениях доставляет удовольствие, или, по крайней мере, не приносит какой-либо неприятности. Тягостным же, напротив, считается то, что печально, безрадостно, наполнено волнением или печалью, мало того, даже все трудное можно назвать тягостным.

4. Поэтому пусть тот, кто предлагает какой-нибудь совет, рассмотрит суть дела, можно ли его предложение причислить в каком-нибудь отношении к прекрасному, относится ли оно к добродетели и к какой в частности; далее пусть он старательно исследует результаты этого дела, которые представляются полезными; затем он должен тщательно определить пользу дела

[20] **Так, Цицерон говорит, что к государственному телу… Внешними же по отношению к государству… блеск…** Пересказ. Cic. Inv. II: 168.

[21] **Необходимое… погибло.** Cic. Inv. II: 170.

вообще: можем ли мы отказаться от него без величайшего ущерба или даже гибели. С другой стороны, пусть он скажет, что его предложение легко осуществимо; или если его нельзя [осуществить], то пусть он скроет трудности; если же не сможет их скрыть, то пусть настаивает, исходя из необходимости и достоинства дела: ведь ради достойного дела не следует уклоняться от каких-либо трудностей, и в силу необходимости надо даже идти на опасности. Кроме того, советуя что-нибудь хорошее, он должен, вместе с тем, отговаривать от противоположного: от низкого, бесполезного и вредного, трудного и т. д. При этом следует, главным образом, возбуждать чувство надежды [на успех дела] в силу легкой его осуществимости, желания в силу его достоинства и пользы, страха или боязни в силу вреда и необходимости.

ГЛАВА VIII

УЧЕНИЕ О СОВЕЩАТЕЛЬНОМ РОДЕ РАЗЪЯСНЯЕТСЯ НА ПРИМЕРЕ

Пирр, царь Эпирский, во время войны с римлянами отправил в Рим оратора Кинея с просьбой принять его в городе для переговоров о мире.[22] Было решено доложить об этом деле на пленарном заседании сената. Аппий Клавдий,[23] который уже давно не принимал участия в заседаниях, страдая глазной болезнью, явился в курию и высказался за то, чтобы отказать Пирру в его просьбе. Речь его дошла бы до нас, если бы сохранилась II декада «Истории» Тита Ливия.[24] Теперь осталось лишь одно упоминание об этом деле в извлечении из книги XIII того же автора.[25] Рассмотрим же, что можно было сказать за и против, согласно данным выше наставлениям.

Советуется считать просьбу Пирра безопасной.

1. С точки зрения достойного, можно посоветовать: упомянутое допущение царя явится признаком римской славы и величия души, так как царь

---

[22] **Пирр, царь Эпирский…** (Πύρρος, Pyrrhus; 318–272 до н. э.), царь Эпира и Македонии, полководец.

[23] **Аппий Клавдий, который уже давно не принимал участия в заседаниях, страдая глазной болезнью, явился в курию и высказался за то, чтобы отказать Пирру в его просьбе.** Аппий Клавдий Слепой (Цек) (Appius Claudius Caecus; около 350–273 гг. до н. э.) — римский государственный деятель и военачальник, консул (в 307 и 296 годах до н. э.); считается одним из основателей римской юриспруденции. ФП имеет в виду речь против позорного для римлян договора о мире с Пирром, которую Аппий произнес, уже будучи старым. Возможно, ФП указывает на Cic. Inv. II: 28.

[24] **«Истории» Тита Ливия.** См. примеч. 50 к кн. I.

[25] **Теперь осталось лишь одно упоминание об этом деле в извлечении из книги XIII того же автора.** Titi Livii Periochae ex libro XIII.

по своему почину добивался разрешения прибыть в город (и пусть ему разрешат); [признаком] мужества, (так как они не побоялись показать врагу свои военные приготовления); [признаком] учтивости, потому что они оказали врагу гостеприимство. Напротив, если [римляне] не примут царя, то римский народ покроется великим позором; [обнаружится] какое-то варварство, пустой суеверный страх, как будто они боятся, что присутствие царя осквернит свободный город; но в особенности следует заметить боязливость, так как римляне испугались даже одного вида Пирра.

2. С точки зрения пользы, во-первых, никакого вреда, по-видимому, не следует опасаться; далее вблизи можно лучше выведать намерения врага: испытывает ли он страх или доверие; затем в силу этих дружелюбных переговоров с царем можно будет заключить более верный мир и дружбу. И, наоборот, если царю будет отказано в его просьбе, то враг, и сам по себе жестокий и гордый от недавней победы, сильно озлобится таким несправедливым отказом и не оставит [своей] попытки всячески причинить вред. И за то, что ему воспрепятствовали вступить в один только город, он как враг с войском вступит во многие другие города римского народа. И даже (с точки зрения необходимости) следует опасаться, как бы бессмертные боги в отмщение за отказ на добровольную просьбу о гостеприимстве не открыли город мечу того, просьбам которого он был закрыт. И в этом предложении нет ничего (с точки зрения трудности), что представляло бы затруднение; так как же? Неужели нужно сражаться с Пирром в стенах города? И наоборот: легче можно самим вести переговоры о мирных условиях, чем через послов. Наконец, с точки зрения приятного, воспоминание об этом событии будет радостным и приятным: в наше время случилось, что цари пожелали лицезреть римский народ и говорить с ним.

Ту же самую [просьбу] не рекомендуется принимать.

Аппий Клавдий, однако, мог оспаривать это предложение так. Во-первых, конечно, опровергая сказанное, затем утверждая противное: даже если от этого римляне и прославятся, то уже вся слава выпала им на долю в силу желания Пирра вступить в город, и ее не прибавится в случае, если царь действительно вступит. Или, напротив, может быть (с точки зрения низкого) кто-либо назовет допущение врага в город великодушием? Скорее, это назовут глупостью. В самом деле, от того, что царь хочет явиться [в город] для мирных переговоров, он не перестал быть врагом, пока мир не заключен. Поэтому он вступит врагом, и неизвестно еще, выйдет ли другом (с точки зрения бесполезного и вредного). Так что если он выйдет врагом, то, во всяком случае, он будет более опасен, если все сам разузнает, если многих подкупит золотом, сосчитает всех сенаторов, познакомится с военными машинами, орудием и укреплениями, если богатства римлян разожгут его

алчность,[наконец], если он заметит разногласия в среде граждан и все их стремления. Но еще больше он озлобится, когда ему придется краснеть от стыда за постигшую неудачу, а досада на то, что он напрасно прибыл в город, еще сильнее распалит его гнев. Кто же, в самом деле, может знать, много ли [шпионов] он заслал сюда, много ли вероломных граждан ему сочувствуют, которые только и желают прибытия царя, чтобы уничтожить следы своего преступления. Но бояться, как бы царь не разорил другие города, — значит прийти в отчаяние: или, может быть, следует даже отдать Рим [в его руки], чтобы другие города не оказались во вражеской власти? [Ведь их судьбы] зависят от [судьбы] Рима, а не наоборот. Для ведения мирных переговоров нет препятствий, но следует предпочесть войну, [если она] более безопасна, миру, связанному с опасностями (с точки зрения необходимого). Неужели, вообще, если царь явится в Рим, следует соглашаться даже на самые несправедливые условия мира? И в таком случае не нужно его допускать.

А если можно отвергнуть несправедливые [условия], то безопаснее сражаться с тем, кто не был в Риме. Боги не могут быть мстительными за отказ в гостеприимстве. И, конечно, не оказывать гостеприимства — значит защищать себя от врага. Впрочем, если этот пришелец выйдет из города, не добившись успеха, то гостеприимство следует считать нарушенным и опасаться более страшного гнева богов (с точки зрения трудности). Достаточное затруднение представляет то обстоятельство, что царь будет в Риме: здесь страх увидеть царя не является суеверием, если не было суеверием предков то, что они не позволили жить в городе хорошему гражданину и консулу Луцию Тарквинию из-за одного только его царского имени[26] (с точки зрения приятного и тягостного). Только тот может получить удовольствие при виде царя, кто имеет о римском народе достойное раба и весьма низкое представление.

Имей в виду: следует весьма тщательно остерегаться открытого употребления в речи этих [риторических терминов]: прекрасное, полезное, необходимое, легкое, приятное, низкое и т. д.; в особенности если произносишь речь в присутствии образованных слушателей: ведь [эти термины] обнаруживают [ораторское] мастерство и ослабляют вес доказательств.

---

[26] **…они не позволили жить в городе хорошему гражданину и консулу Луцию Тарквинию из-за одного только его царского имени…** Консул Луций Тарквиний Коллатин (Lucius Tarquinius Collatinus) принадлежал к царскому роду Тарквиниев, т. е. был родственником двух царей: Тарквиния Древнего и Тарквиния Гордого. Будучи одним из вдохновителей борьбы против Тарквиния Гордого, он удалился в изгнание, так как народ не забыл о его принадлежности к царскому роду.

КНИГА VIII

ОБ ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОМ (ПАРАДНОМ), ИЛИ ЦВЕТИСТОМ РОДЕ КРАСНОРЕЧИЯ

Хотя показательный род, по-видимому, состоит из двух частей (восхваления и порицания), однако сами эти части, и особенно восхваление, можно подразделить на много других видов: на хвалу Бога, человека, животных и [предметов] неодушевленных; затем одни похвалы ты можешь даже высказывать независимо [от условий], например, когда мы восхваляем какой-нибудь предмет или лицо за различные его способности; другие [похвалы] зависят от [условий] времени, места, случая (как например: поздравление, приветствие, прощание, благодарности, подношения подарков, посвящение трудов). Эти последние похвалы чаще всего бывают краткими; их называют похвалами, [произносимыми] из любезности, т. е. в них мы выражаем нашу любезность друзьям или благодетелям, поздравляя или приветствуя их. Эти [похвалы] нередко, однако, будут обширными и пространными, в особенности когда их произносят от имени многих [людей], целого города или государства. Теперь скажем вкратце о предмете каждой похвалы в отдельности и о ее содержании.

Перечень глав книги VIII.

ГЛАВА I

ОБЩИЕ УКАЗАНИЯ О ПОХВАЛАХ ЛИЦАМ И ПРЕДМЕТАМ

1. При восхвалении вообще прежде всего имей в виду следующее: источниками доказательств здесь являются: определение, которое следует относить не к людям, а чаще всего к добродетелям или порокам людей; перечисление частей, которое служит при похвалах мест, в особенности городов; тип и манера изображения, которые имеют место при разукрашивании доблестей и пороков, в особенности же результаты и дополнения, связанные с лицами и предметами.

2. Как во всякой другой, так в особенности и в речи показательной, имеют место амплификации и в них-то, по-видимому, заключается весь смысл похвал. Ведь зачастую бывает не нужно никакого искусства для изобретения доводов, на основании которых ты кого-либо можешь похвалить; например, если ты желаешь похвалить победителя, то [у тебя] возникает мысль об одной теме и содержании [речи] — победе, которую, во всяком случае, не нужно изобретать путем размышления, так как она ясна для всех. Почему же? Следует отыскивать только те амплифицирующие доводы, которыми можно доказать, что победа была великой и требовала выдающейся доблести, храбрости и мудрости [военачальника].

3. Большинство, не зная этого, впадает в достойное сожаления заблуждение и становится из ораторов болтунами: ведь они сочиняют и измышляют лживые подвиги, приписывая [кому-либо] такие поступки, о которых он даже и не помышлял: нанес поражение турецким полчищам на полях Бессарабии, прогнал их за Понт или по примеру Ксеркса соединил [берега] Понта не [плавучим мостом из] кораблей, а трупами [турок], хотя он даже никогда и не слышал имени Бессарабии и Понта. Подобные [выражения] следует считать не похвалами, а издевательством и поношением. Другие, потеряв повод для похвал, хотя [и] выдают себя за хвалителей, [но на деле] поступают совершенно наоборот: они все время вращаются вокруг одной и той же темы, нагромождая множество пошлых маленьких острот и утомляя слушателей длинными отступлениями. Наконец (что бывает чаще всего), тысячу раз повторив синонимически одно и то же выражение, они полагают, что достаточно похвалили. Ведь говорить правду, и в особенности всем известную, они считают излишним и вообще [не видят в этом] никакого

искусства: они не знают, что искусство хвалителя состоит не в вымысле, а в амплификации и риторическом украшении истинной похвалы, в остроумии и изяществе стиля.

4. Расположение материала должно быть таким, чтобы усиление (градация) шло от менее значительных и менее выдающихся [похвал] к более важным и внушительным.

5. Стиль речи должен быть таким, чтобы доставлять удовольствие, [именно] ярким, остроумным, украшенным приятными [риторическими] фигурами; в особенности же он должен отличаться увлекательными и необычными повествованиями; описаниями, учеными наставлениями и сравнениями. Прежде всего следует иметь в виду разнообразие; и если представится [на выбор] много оснований для похвал, то рассмотри, какие [из них] более значительны и какие менее; и менее значительных, конечно, коснись только бегло при помощи [фигуры] нагромождения, отдельными или рублеными фразами. Удобнее всего это можно сделать, применив [фигуру] умолчания; ведь таким образом слушатель догадается о существовании, кроме изложенных добродетелей, многих других качеств, восхваляемого человека или предмета, и подумает, что из-за множества [добродетелей] всех их нельзя было перечислить. Более важные [из них] следует амплифицировать отдельно и украсить всеми цветами красноречия, избегая, однако, манерности.

6. Цель восхваления — убедить слушателя в том, что предмет или лицо таковы, какими мы их показываем при восхвалении; противоположное говори при порицании. Поэтому ту похвалу следует назвать совершенной, прочтя или услышав которую, мы начинаем лучше думать о восхваляемом предмете или лице, чем думали раньше.

7. Прием восхваления и порицания совершенно одинаков, и основание черпается из тех же источников, но противоположным способом. В отношении стиля порицание мало чем отличается от восхваления. Ведь обычно мы, порицая, не получаем удовольствия, а скорбим от неприятностей, причиненных тем, кого мы порицаем, и [поэтому] фигуры более яркие. Здесь, однако, мы не будем особо рассуждать о порицании, но то, что будет сказано о похвале, следует отнести также и к порицанию.

ГЛАВА II

О ПОХВАЛАХ ЛИЦАМ

Похвалы лицам черпают из следующих [пяти источников]: натура, судьба, воспитание, деятельность, обстановка.

1. Натура охватывает тело и душу. Телесные качества суть: красота, сила, живость характера, здоровье. Душевные же достоинства: врожденное обладание добродетелями и научными способностями, затем природный талант, ум, память и [здравое] суждение.

Заметь, что телесные качества следует восхвалять так: не указывать, что только их одних достаточно для похвалы, но [говорить], что они являются как бы прекрасными слугами и помощниками здравомыслия. Не следует затем сильно настаивать [на этом], и лучше указывать на телесные недостатки в порицание кому-либо, чем хорошие качества в похвалу.

Заметь еще раз, что душевные качества и дарования едва ли можно показать иначе, как только посредством действий и результатов [действий] человека; ведь результаты являются показателями чьей-либо храбрости, благоразумия, одаренности, учености и т. д. Поэтому действия следует ставить в похвалу человеку, а результаты — применять для их обоснования.

2. Под именем судьбы являются, во-первых, блестящее общественное положение от рождения, знатность и слава предков; во-вторых, состояние, богатство, могущество; в-третьих, почетные должности; в-четвертых, близость и дружба, завязанная с великими людьми, государями, полководцами и т. д.

3. Воспитание показывает: как, где, у кого был воспитан, какие у него были учителя, каким искусствам и наукам посвятил он [свою] юность; хвалили ли его уже тогда; многим ли [людям] он подавал добрую надежду; каких имел товарищей и соперников и превосходил ли их талантом, усердием и похвалами.

4. Действия и поступки доставляют неисчерпаемую тему для похвал и — скажу даже — почти исключительную; ведь происхождение и предков и [все] то, что не мы сами совершили, едва ли я [могу] назвать нашим [достоянием]. Счастье также часто улыбается людям недостойным и презирает честных. Натура же не в нашей власти и обычно люди бездеятельные не пользуются благими дарами природы; дурные люди часто употребляют их во зло и более постыдным является злоупотребление природными способностями, чем отсутствие таковых. Поэтому все помыслы следует направить на рассмотрение поступков: что совершил тот, кого ты хвалишь, в домашней и общественной жизни, что — во время мира, на войне, какие его поступки были благоразумными, мужественными, в должной мере правильными, справедливыми; [все это] ты кратко изложи, [расположив] по родам и видам добродетелей, которые мы перечислили в V главе предшествующей книги под номером 5. Отдельные из этих [добродетелей] отыскивай у лица, которого хвалишь, затем амплифицируй их: одни подробнее, другие более кратко, третьи же, как я сказал, собрав в одну груду, бегло упомяни с помощью фигуры умолчания.

5. Рассмотрение обстановки и дополнений не является особым и не связанным с другими источником похвал; оно или представляет легкий способ отыскивать поступки (именно что он совершил в том или ином месте или [в то или иное] время) или амплифицирует хвалу поступков.

6. Заметь вообще в соответствии с вышесказанным: только одни поступки должны занимать значительную часть речи; об остальном, (если оно будет) нужно сказать более кратко и притом вначале. Следует, однако, использовать такой прием: либо упомянуть то, что, по-видимому, упомянуто не напрасно, а способствует похвале, либо же скрыть [неподходящее], либо объявить [его] не бывшим, однако считать, что [это] вовсе не вредит похвалам. Так, например, [если] хвалишь кого-нибудь за родовитость, скажи, что делаешь это для того, чтобы обнаружить, насколько его добродетели соответствуют знатности и насколько он увеличил славу, унаследованную от предков. Если же ничего не найдешь, чем можно было бы похвалить его происхождение, то скажешь, что он своею доблестью стяжал похвалы, не унаследованные от предков, и передаст их потомству; или: другие, конечно, обязаны своей славе дедам и прадедам, или, по крайней мере, имеют дело с ними; этому же тем более следует удивляться, что он никому не обязан своими похвалами; и только его темное происхождение свидетельствует [о том],что он не с помощью других, а сам создал себе славное имя.

7. Примеры восхваления полководца — в речи «За Манилиев закон»,[1] милосердного властелина — в речи «В защиту Марцелла»;[2] порицания во II «Филиппике» и в речах «Против Верреса»;[3] прекрасное восхваление доблестей государя в «Панегирике» Плиния.[4] Знаменитыми образцами порицания являются также речи святого Григория «Против Юлиана Отступника».[5]

---

[1] **Примеры восхваления полководца — в речи «За Манилиев закон»…** Цицерон в речи «Pro Lege Man.» описывает доблести полководца Гнея Помпея.

[2] **…милосердного властелина — в речи «В защиту Марцелла»…** Цицерон в речи «Pro Marcello» хвалит Цезаря (милосердного властителя) за еще не совершенный им поступок (возвращение Марцелла).

[3] **…порицания во II «Филиппике» и в речах «Против Верреса»…** Во второй филиппике Цицерон порицает Марка Антония, в речи «In Verrem» — все стороны деятельности Верреса.

[4] **…восхваление доблестей государя в «Панегирике» Плиния.** См. примеч. 232 к кн. I.

[5] **Знаменитыми образцами порицания являются также речи святого Григория против Юлиана Отступника.** Видимо, ФП имеет в виду «Слова против Юлиана Отступника» Григория Богослова, а не письма его отца, Григория Назианзина, который также обличал Юлиана.

ГЛАВА III

О ПОХВАЛАХ ПРЕДМЕТАМ И В ОСОБЕННОСТИ НАРОДАМ И ГОРОДАМ

1. Предметы неразумные, одушевленные или неодушевленные, обычно восхваляют преднамеренно только ради упражнения или для развлечения; как, например, Майорагий посвятил длинную речь восхвалению грязи.[6] Однако в какой-нибудь теме могут встретиться похвалы временам, местностям, животным, деревьям, зданиям, орудиям, орудию и т. д., и о них следует вкратце рассказать. Однако панегирики городам и народам можно иногда произносить также и намеренно.

2. Растения, животные, рыб, также местности, как сады, горы, леса, реки и т. д., достаточно похвалить путем их описания и изложения их редких особенностей, вызывающих удивление или даже полезных для человека; вредные или отвратительные их свойства следует скрывать, как я указал в книге I «Поэтическое искусство» в главе VI.[7]

3. При восхвалении [предметов] искусства, как например: зданий, храмов, орудия, военных машин, картин и т. д., прославляется искусство, прочность, расположение материала, блеск, украшение, польза. Но все же [восхваление] этих [предметов] также состоит в описании, а не в изложении [их свойств].

4. Восхваление городов состоит из следующих семи пунктов: во-первых, происхождение, причем следует отыскать создателя или основателя; считался ли [таковым] какой-нибудь бог или герой. Во-вторых, древность, в-третьих, изобилие или богатство. В-четвертых, местоположение: прелестное, здоровое, плодородное, имеющее благоприятные условия, в-пятых, сам внешний вид города: величина, множество зданий, красота, украшение, удобное расположение, общественные сооружения, как например, храмы, гимнасии, бани, рынки, театры, амфитеатры, цирки, портики, улицы, мосты, статуи, памятники, триумфальные арки, укрепления, дорогостоящие водопроводы; все это было прекрасно в Риме, как указывает Юст Липсий в своем

---

[6] **Майорагий посвятил длинную речь восхвалению грязи.** Марк Антоний Майорагий (Marcus Antonius Majoragius; 1514–1555) — поэт, известный под псевдонимом Anton. Maria de Conte, автор комментариев к Риторике Аристотеля и «Оратору» Цицерона. (Commentarios in Rhetoricam Aristotelis et Oratorem Ciceronis), а также «Антипарадоксов». Orationes XXV, et praefationes XIV. Una cum dialogo de eloquentia. См. также: ФП «Поэтика». С. 375.

[7] **Растения… «Поэтическое искусство» в главе IV.** Вероятно, ФП имеет в виду раздел «Описание». См.: ФП «Поэтика». С. 360–362.

замечательном труде «О величии Рима».[8] В-шестых, жители — храбрые люди, богатые, мудрые, много выдающихся художников. В-седьмых, способ управления, должностные лица, кто и какого характера, законы, награды, наказания. В-восьмых, множество образцов доблести, великая слава подвигов, победы, торжества и т. д. В-девятых, также печальные происшествия (именно, что город столько-то раз был взят) можно обратить в восхваление: ведь такие [превратности судьбы] претерпевают только великие города, подобно тому как высокие башни более подвержены [ударам] молнии. Смотри, что сказано об этом предмете в книге I «О поэтическом искусстве».[9]

5. Племена или народы [надо] восхвалять [на основании] древности подвигов, славы, деяний великих людей, законов, искусств и, в особенности, приняв во внимание множество побежденных и покоренных ими других народов, и величие и долговечность державы; например, пределы римской державы простирались на востоке до Евфрата, на юге до Нильских порогов, пустынь Африки и горы Атласа, на западе до Океана, на севере до Дуная и Рейна.

ГЛАВА IV

О РЕЧАХ, ПРОИЗНОСИМЫХ ИЗ ЛЮБЕЗНОСТИ, И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ГЕНЕТЛИАКА, ИЛИ О ПРИВЕТСТВИЯХ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

1. Сказанное мною в главе о посланиях я должен также повторить и здесь: способ поздравления легок, если известно, что следует говорить в каком-либо поздравлении. Ведь многие, не позаботившись об этом, говорят совершенно другое, чем следует и требуется по сути дела. Здесь поэтому мы дадим вкратце не столько доводы, сколько основные предпосылки, которые следует доказывать в [речи] на день рождения, в свадебной и в других речах.

2. Однако, вообще, следует знать, в чем состоит это поздравление. Ведь, пожалуй, поняв только одно это, каждый, по-видимому, может придумать, о чем ему сказать при поздравлении и что [надо] обосновывать [доводами]. Таким образом, поздравлять означает то же самое, что радоваться по при-

---

[8] **…все это было прекрасно в Риме, как указывает Юст Липсий в своем замечательном труде «О величии Рима».** ФП имеет в виду труд Юста Липсия «Достойное удивления, или о римском величии» (Admiranda, sive de Magnitudine Romana. 1598).

[9] **…печальные происшествия… можно обратить в восхваление... Смотри, что сказано об этом предмете в книге I «О поэтическом искусстве».** См.: ФП «Поэтика». С. 375–376.

чине чьей-либо радости и благополучия. Поэтому во всех поздравлениях существует следующий замысел или предпосылка речи: я радуюсь и ликую, потому что у тебя произошло это счастливое событие: родился сын, ты получил почетную должность, взял хорошую жену и т. д. Но эту [радость] не всегда следует выражать особенно в коротких речах, и если [уж] она выражается, то облекать ее во фразу значительную [по содержанию], остроумную и [риторически] украшенную. Перейдем к отдельным наставлениям.

3. Вначале ты скажешь, что даже государство ликует по поводу рождения сына у того, кого ты поздравляешь, или заявишь, что родитель счастлив и ему надо радоваться; [затем] ты добавишь основание: что от этого рождения следует ожидать великого счастья для семьи и государства; и это [основание] будет «предметом обсуждения», и [только] это одно следует подкреплять [доводами]. В данном случае налицо стадия предположительная, потому что о неизвестном будущем можно говорить только предположительно. Одни предположительные доводы здесь более основательны, другие менее надежны: первые берем от личности родителей, последние — от побочных обстоятельств рождения; [приводя доводы] от личностей родителей ты скажешь: от хороших рождаются хорошие [дети]. Здесь ты можешь сделать отступление для похвалы родителям: как они разумны, справедливы, уравновешенны, щедры, заслуженны. Затем скажешь: сын будет таким же; это [положение] ты подкрепишь аналогией и примерами; либо изложив причину, почему сыновья обычно бывают похожи на отцов как в физическом, так и в духовном отношении, так как отцовские свойства вместе с кровью передаются сыновьям. Смотри книгу III, главу 3 в конце, где дается объяснение изречения Горация: «Отцы, что были хуже, чем деды».[10]

Вторая часть обоснования, пожалуй, менее надежная, но станет внушительной, [если мы объявим] о предзнаменованиях [будущей судьбы] в силу обстоятельств, [сопровождавших] рождение, из имени младенца, дня, месяца, времени, года, местности, или на основании какого-нибудь честного или общественного счастливого события победы, торжества и т. д. Это [предзнаменование], однако, ты не должен произносить, словно [Пифия] с треножника, (ведь речь, [содержащая] явное и смешное суеверие, будет отвергнута), но выражать надежду несколько более скромно. Цицерон остроумно, как все, что он делает, доказывает, что следует надеяться на счастливый исход войны, если командование будет поручено Помпею. Он внушает надежду слушателям, основываясь на прошлых победах Помпея. Он гово-

---

[10] **Смотри книгу III, главу 3 в конце, где дается объяснение изречения Горация: «Отцы, что были хуже, чем деды».** См. примеч. 59 к кн. III; Hor. Carm. Lib. III: 6. Перевод Н. С. Гинцбурга.

рит: «Но, говоря о счастье нашего героя, я выражусь умереннее: я не назову его властелином фортуны и постараюсь лишь указанием на прошедшее поднять в вас веру в будущее, чтобы моя речь не показалась бессмертным богам дерзновенной, если бы я позволил себе первое, и неблагодарной, если бы я упустил последнее».[11] Напротив, заканчивать следует возбуждением радости частной или общественной, присоединив пожелания, чтобы бог счастливо помог осуществить все наши надежды.

Все это можно излагать в большой речи и вместить в маленькую [речь], как бы до некоторой степени в сокращенном виде. Различие же малых речей от больших заключается только в том, что в первых [тему] следует излагать кратко, сжато, энергично, без отступлений, без пространных амплификаций, без общих мест. [Каков должен быть] стиль таких [речей], мы объясним ниже в последней главе, где будем говорить об элогиях.

ГЛАВА V

О ПОЗДРАВЛЕНИИ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИЛИ [В ДЕНЬ] СВЯТОГО ЗАСТУПНИКА

1. Главное содержание этой речи можно почерпнуть из троякого источника: от нашего лица, от лица того, кого поздравляем [и], что чаще всего бывает, от лица святого заступника, с именем которого связано покровительство тому, кого поздравляем.

2. От нашего лица [выражаем] нашу радость, например, так: «Мы особенно должны чтить этот день и встречать его с величайшей радостью, когда родился тот, кого мы любим, почитаем и уважаем». Это [чувство радости] надо изложить с помощью относящихся сюда доводов и [риторически] украсить; затем добавить: «Что же другое было для меня когда-либо приятнее тебя?» Эту фразу [следует] высказать синонимически или приведя доказательства и причины любви. Заключи: «Поэтому я радуюсь как в день моего собственного рождения и желаю, чтобы [этот день] как можно чаще повторялся и всегда оказывался более счастливым и т. д.».

3. От лица того, кому приносим поздравление, говори так: «Счастливым и радостным для всех должен быть день, который породил на благо государства человека славного, доблестного, мудрого». [Похвалу эту] можно обосновать сравнением: «Ведь если мы празднуем дни, в которых совершилось какое-нибудь [важное] государственное событие, [например], основание города и т. д., то тем более и т. д.». Меньшую посылку ты посвятишь

---

[11] **Но, говоря о счастье… последнее.** Cic. Man. 47.

восхвалению лица, выставляя его особые добродетели; затем приведешь в заключение похвалу столь счастливой жизни, которая принесла с собой миру такой великий светоч, и изобразишь ликование народа или частных лиц, принеся торжественный обет, как выше, и т. д.

4. Оба [источника] могут, пожалуй, быть и более совершенными доводами, так что мы [можем] назвать причинами радости и нашу любовь, и добродетели [восхваляемого лица], и оказанные нам милости.

5. От лица святого заступника возникают разнообразные темы для похвал, а именно: либо общие, которые подходят к любому заступнику, либо особые — Петру, Иоанну, Стефану и т. д. Общие могут быть такие: «Счастлив ты, имея такого покровителя угодника Божия, или потому, что его прославляет церковь за творимые им чудеса, или потому, что он указывает тебе путь и примеры ко спасению своим покровительством лучше сохраняет тебя [от зла]». Отдельные или многие из этих основных положений, вместе взятые, следует доказать и заключить возвещением радости и каким-нибудь пожеланием.

6. Основные посылки можно заимствовать в особенности из того разряда святых, к которому сопричислен [святой] заступник. Эти разряды такие: во-первых, учители; это название включает пророков, апостолов и проповедников; во-вторых, мученики; в-третьих, девственники, например, отшельники, пустынники, также кающиеся; из добродетелей каждого рода этих святых можно заимствовать причины радости и счастья. Ведь апостолам присуще основывать церковь, благовествовать, т. е. проповедовать евангелие, судить со Христом и т. п.; славятся духовные очи пророков, прославляется стойкость мучеников, непорочность дев, слезы кающихся и т. д. Об этом более подробно будет сказано в следующей книге, но, с другой стороны, можно привести такие основания: например, [если] поздравляешь лицо, у которого покровитель мученик, то предлагаешь ему радоваться, так как он имеет такого стойкого заступника, которого ни насилие, ни тираны, ни даже сама смерть не могли одолеть и т. д.

7. Поздравление станет еще более замечательным, если внимательно рассмотреть житие [святого] заступника, обратив внимание на более достопримечательные и славные его деяния или мучения. Например, как его терзали львы; ты скажешь тому, кого поздравляешь, что Бог проявил о нем свое великое попечение, дав ему в качестве заступника победителя львов. Должно сказать, что побитый каменьями будет оплотом [хранимому] им человеку. Мало того, даже в этом случае можно истолковывать имена святых и из них черпать доказательства счастья [лица, которого поздравляешь], правда, менее основательные, но прекрасные. В особенности если изложить их искусно, сказав, что счастье вообще не зависит от значения имени,

но такие имена иногда также встречаются не без основания, и бог часто через данные имена указывает на будущую добродетель или счастье [их носителя]. Однако безопаснее всего будет не доказывать на основании словопроизводства имени, что якобы счастье [уже] даровано, а предвещать и высказывать пожелание счастья на будущее. [О] поздравлениях с народными праздниками, как например: Пасха, Рождество Христово и т. д., можно найти наставления в следующей книге.

ГЛАВА VI
О СВАДЕБНОЙ РЕЧИ

1. Вступление, откуда бы его ни брать, должно быть весьма изящно; но, однако, выравнивая крутой путь к поздравлению, [следует] выражать либо собственную частную радость, либо общественную. Так, например, если [скажешь], насколько велика моя радость или радость государства, настолько же великую речь следовало бы произнести; не человеку радующемуся, но самой радости следовало бы здесь говорить и т. д.

2. [В этой речи] может быть много различных доводов и притом либо обычных, либо особых. Во-первых, Бог — установитель супружества, по свидетельству Святого Писания (Бытия, кн. II, [Евангелие] от Матфея [гл. 19], [Послание апостола Павла] к Тимофею, [гл.] 2).[12] Во-вторых, человек по натуре есть скорее существо супружеское, чем гражданское (Аристотель, Этика, книга II, гл. 12).[13] В-третьих, вследствие супружества возникают дружеские отношения с родственниками. Цицерон (в IV и V книге «О высшем благе») говорит: «Супружество есть первопричина города Рима и как бы источник государства»; то же в I книге «Об обязанностях».[14] В-четвертых, только через супружество может сохраняться и распространяться род человеческий, и с этой целью бог создал различие пола (Плутарх «О любви»).[15] В-пятых, отсюда у людей взаимная помощь, поддержка и утешение в жизни

[12] **…Бог — установитель супружества, по свидетельству Святого Писания (Бытия, кн. II, [Евангелие] от Матфея [гл. 19], [послание апостола Павла] к Тимофею, [гл.] 2).** См.: Быт. 2: 18; Быт. 2: 20–24; Мф. 19: 4–6; I Тим. 2: 8–13.

[13] **…человек по натуре есть скорее существо супружеское, чем гражданское.** Arist. EN. Lib. VIII, cap. 12: 46.

[14] **…Цицерон… говорит: «Супружество есть первопричина города Рима и как бы источник государства».** Пересказ Cic. Off. I: 54.

[15] **…только через супружество… пола (Плутарх «О любви»).** Источник цитаты не установлен.

(Бытия, [кн.] II и Аристотель, Этика, кн. VIII, гл. 12).[16] В-шестых, полезность непорочного супружества [в том, чтобы] врачевать от недозволенных и беспорядочных похотей, как свидетельствует апостол Павел [в I Послании] «К коринфянам», гл. 7.[17] Павел хвалит супружество, называя его почетным и непорочным ложем (К эфесянам, гл. 5 и I послание «К Тимофею», гл. 1 и «К евреям», гл. 13).[18] В-седьмых, сохраняется от забвения и погибели память о славе и, в особенности, человеку известному и заслуженному в некоторой степени даруется как бы бессмертие, потому что каждый, кто оставляет потомство, как бы возрождается в детях (Платон, книга IV «Законов»).[19] Поэтому общеизвестным является наставление Фукидида: «Не оставайся безбрачным, чтобы не умереть в безвестности».[20] И в-восьмых, [супружество способствует] возникновению большей любви к отечеству. В-девятых, государство еще больше украшается и укрепляется, так как умножаются выдающиеся граждане и возрастают добродетель и слава, соединенные из двух кровей. И если вообще какое согласие укрепляет государство, то в особенности то, которое объединяет людей родством.

3. От всех этих [доводов] и от каждого отдельного положения, [высказанного] в общем виде, следует перейти к частностям. Например, так: «Путем брака продолжается потомство и сохраняется слава имени». В этом роде добавь частное [положение] о продолжении рода жениха и невесты и похвали оба семейства: «Насколько велико счастье не только ваше, о, жених и невеста, но всего государства от вашего супружества! Кто же насколько сильно дивится он славе вашего рода, настолько же сильно не пожелает его вечности и полного бессмертия?»

---

[16] **…отсюда у людей взаимная помощь, поддержка и утешение в жизни (Бытия, II и Аристотель, Этика, кн. VIII, гл. 12).** См.: Быт. 2: 18; Быт. 2: 20–24; Arist. EN. Lib. VIII, cap. 12: 46.

[17] **…полезность непорочного супружества [в том, чтобы] врачевать от … похотей, как свидетельствует апостол Павел [в I Послании] «К коринфянам», гл. 7.** I Кор. 7: 2, 5, 9.

[18] **Павел хвалит супружество, называя его почетным и непорочным ложем (К эфесянам, гл. 5 и I послание «К Тимофею», гл. 1 и «К евреям», гл. 13).** ФП имеет в виду Эфес. 5: 25–31; Тим. II: 9–15; Евр. 13: 4.

[19] **…сохраняется … в детях.** Plat. Leg, IV. 721.

[20] **…наставление Фукидида: «Не оставайся безбрачным, чтобы не умереть в безвестности».** ФП имеет в виду цитату из стихотворения Фокилида Милетского: Ne maneas sine nuptiis, ne sine nomine pereas. (Не оставайся безбрачным, чтоб не погиб ты без имени). Фокилид — (Φωκυλίδης) из Милета (VI в. до н. э.) — древнегреческий поэт. Гномы Фокилида (Gnomai Phokylidu) были популярны в эпоху Возрождения в качестве учебника. Указание Фукидида в качестве автора — ошибка.

4. В заключении следует высказать следующие три [положения]. Во-первых, подчеркнуть общенародную или частную радость; во-вторых, следует возбудить чувство надежды на блага, которые явятся следствием этого супружества как для отечества, так и для семьи, на прекрасное потомство и т. д. Такое [душевное состояние] может возникнуть после того, как мы используем все [доводы]: от времени, от места, от лиц и имен жениха и невесты, из родословного древа обоих семей, однако, [приняв те меры] предосторожности, о которых мы говорили в главе о речи на день рождения. Здесь все же, может быть, кстати будет повторить сказанные доводы (или даже в предшествующей главе, где мы сказали о прославлении радости). В-третьих, следует давать обеты и [высказывать] пожелания от имени частного лица или от имени народа о том, чтобы все шло счастливо: многочисленное потомство, взаимная любовь, укрепление славы, благосклонность счастья, плодородие земли, изобилие благ, счастливый исход всех начинаний и т. д. Однако весь этот [материал] можно вместить разве лишь в большую речь; в маленькой [же речи] можно говорить только о некоторой части указанного [материала] или даже обо всем, но весьма сжато и кратко.

ГЛАВА VII

О РЕЧАХ ПРИ ПОСВЯЩЕНИИ ПОДАРКОВ И КНИГ, ЗДРАВИЦАХ И ПРЕДИСЛОВИЯХ

1. Сопровождать и украшать речью подношения подарков кажется, безусловно, дерзким и заносчивым, как будто ты напоминаешь другу о том, чтобы он знал, насколько он тебе обязан; такой поступок обычно указывает на невежливость дарителя и вызывает неловкость, делая подарок тягостным и неприятным; в этом деле, кажется, особенно допускают промах те, кто, поднося подарки невесте (венки, колечки, ожерелья и т. п.) с великой и непереносимой спесью и надув щеки начинают декламировать, что [подарки] настолько и настолько-то важны, и только что не говорят, за какую цену они были куплены. Ведь никогда, конечно, они не скрывают материала, [из которого сделан подарок], но если [это] золото, то они целую речь перегружают аллегорией, вылитой из золота; они словно боятся, как бы тот, кому подносят подарки, случайно не остался в неведении [относительно того], что эти вещи сделаны из золота, и не подумал, что они свинцовые, и повторяют до тошноты слово «золото». Это не может понравиться никому, кто только хорошо обдумает тему.

2. Поэтому я полагал бы, что при поднесении подарка на свадьбу, [произнося] приветствия на праздниках и в прочих случаях, вовсе не нужно упоминать о подарке, но либо приветствовать гостя, либо поздравлять с [днем]

рождения или свадьбы и после окончания речи поднести подарок без всяких слов; или если решил что-нибудь говорить, то следует не по-ораторски, а весьма кратко и пользуясь выражениями обыденной речи, сказать, что подносишь этот или другой [подарок] в знак любви и просишь принять его как можно благосклоннее.

3. Если же захочется следовать обычаю, принятому в новое время, именно чтобы даритель при этом что-либо сказал (если подарок посылается [лицу] отсутствующему, то эти слова необходимо, по-видимому, написать в письме и при посвящении книги поместить на титульном листе), то [следует знать], что [именно] можно в данном случае и насколько скромно, с каким уважением и осторожностью сказать. Напоминаю кратко, что посвятительная речь может быть двоякого рода (то же самое говори о послании). Во-первых, касаясь подарка только вообще без особого о нем упоминания, что он собой представляет: венок, бокал или платье. Во-вторых, также применяя такое наименование.

4. Первым способом можно построить речь в таком роде. Сначала изложи твою любовь или кратко перечисли милости того, кому подносишь подарок, и объяви себя его должником. Далее ты скажешь, что твой подарок весьма скромный и незначительный и не соответствует ни твоей любви, ни его заслугам. Затем извинись за незначительность подарка, [говоря, что это] знак [твоего] доброго расположения и что ты не хотел высказать щедрости, но изъявить свое расположение любым способом. Наконец, скромно попроси принять этот [подарок], не обращая внимания на его качества и величину, но на [его] значение, подобно тому как в беседе людей обращают внимание не на то, как хороши и благозвучны слова, но на их смысл. Поэтому ты попросишь иметь в виду не материальную [сторону] или ценность подарка, но [его] значение. Кроме того, можешь сказать, что даже ничтожный подарок станет ценным, если коснется его рук и будет милостиво принят.

5. Поэтому если решишь коснуться также названия подарка, то сделай это на четвертом месте после умаления [подарка] и извинения за [его] скромность. И не иначе можно будет назвать или рассказать о подарке, как только кратко объяснив, что этот [подарок], как кажется, подходит либо к твоей любви или к заслугам перед государством того, кому подносишь, или соответствует его милостям к тебе, или же уважению, достоинству, доблести, знанию и т. д. Ведь подобно тому, как в древности подносили такие дары богам, которые как-то отмечали их мощь [и] значение, так, говори, поступаешь и ты. Однако это нельзя говорить всегда о любом подарке: и не следует, поднося бокал, говорить, что он подходит [лицу, которому подносишь], но лучше всего следует поступать так при поднесении картин, в особенности тех, которые изображают или представляют доблести или прекрасные поступки человека, которому они посвящаются; таковыми также являются

философские или богословские тезисы, обычно [называемые] выводами; затем когда посвящаем кому-либо книги; поэтому если книга о правосудии или законах, то мы скажем, что она никому более не будет подходящей, чем тому, кто [сам] является стражем законов и почитателем правосудия и т. д.

6. Здесь, кажется, можно сказать кое-что о здравицах. Многие люди берут аллегории от стеклянного [стакана], из которого пьют, от круглого или серебряного, чеканной работы, кубка, от изображения на бокале, даже от вина: все такие [аллегории] весьма надоедливы и совершенно грубы и невежественны; их нельзя применять даже в шутку и в среде близких [друзей]. Поэтому вовсе не допускай подобных [неловкостей], но или благодари друга за то, что он не отказался пойти тебе [в чем-нибудь] навстречу, или поздравляй кого-либо с каким-нибудь событием, [например], с днем рождения или праздником, и засвидетельствуй твою любовь; [все это надо сделать] притом не в длинной и тщательно составленной, но в простой речи, которая кажется более чистосердечной и искренней; в ней не должно быть вовсе упоминания о бокале или вине, и в конце никакого перехода к питью, но все же не медли пить. Или в самом деле скажи, пожалуйста, является тайной, что нельзя пить за здоровье без произнесения тостов? Здесь мне пришло на ум смешное изречение каких-то латинян, которые объявляют, что их [словесная] формула крещения лучше нашей, потому что наша произносится пассивно в третьем лице, а их — от первого лица крестящего (я тебя крещаю). Ведь как же, говорят они, [может] крестить тот, который не говорит, что он крестит? А ты можешь пить, хотя и не объявляешь, что делаешь это?

7. Для [составления] предисловий, которые обычно предпосылают научным трудам, судебным приговорам, заседаниям, в особенности же изданным книгам, нет никаких других особых правил, кроме тех, которые употребляются для вступления [речей]; и ведь сочинять предисловия — не что иное, как делать вступление, и предисловия — не что иное, [как] вступления; [в этих предисловиях] следует добиваться расположения читателей и слушателей путем самоуничижения, или же показывая любовь к родине, вере, добродетели [и] излагая побудительные причины для написания речи, или для созыва собрания или совещания (что обычно делают епископ, полководец и прочие влиятельные [люди]). [Далее] необходимо сделать [речь] понятной, [предварительно] объяснив [ее] содержание и надлежащим [образом] расчленив; внимание [слушателей] будет привлечено само собой, если предмет, о котором говорят или пишут, будет незаурядным, замечательным, будет возбуждать любопытство; в предисловиях, которые схоластики обычно произносят перед диспутами, [вступления] могут состоять только из одного изложения своего мнения и [мнения] противной стороны, с прибавлением просьбы к слушателям благосклонно выслушать и произнести справедливое

суждение. Если эта речь произносится перед важными гостями, то можно изложить единодушное решение, в силу которого рассуждают в их присутствии.

ГЛАВА VIII
О РЕЧИ БЛАГОДАРСТВЕННОЙ, ИЛИ О БЛАГОДАРЕНИИ

После [поднесения] подарков по установленному порядку следует благодарить. Мы благодарим за подарки, почести, услуги, похвалы, за доставленную помощь и за оказанные милости. Прием для всех этих [речей] одинаковый.

1. Сначала заметь, что значит [выражение] «изъявлять благодарность», что — «питать благодарность», что — «воздавать благодарность» и чем [эти понятия] различаются между собою. Таким образом, «питать благодарность» значит «быть благодарным», «выражать же [благодарность]» значит «выказывать чувство благодарности» и «воздавать благодарность» — то же самое, что «отплачивать подарком за подарок, почетом за почет, равной услугой за услугу». Об этой разнице значения можно заключить из Цицерона, который в речи «В защиту Марцелла» говорит: «Великую тебе, Гай Цезарь, выражаем благодарность, еще большую к тебе питаем».[21] И из Авзония: «Благодарю тебя, император Август. Если бы я мог также [в свою очередь], воздал бы [тебе благодарность], но и твое звание не требует взаимного воздаяния, и наше не представляет возможности для отплаты [тем же]».[22]

2. Сначала скажешь, что ты, даже испытывая благодарность, не находишь слов, чтобы выразить ее, так как услуга «настолько велика, что никакая речь не может ей соответствовать»; или «нельзя молча пройти мимо такой щедрости»; или что «твое ничтожество не может вместить такой великой милости»; «ты краснеешь [от стыда], видя ничтожность твоих заслуг перед благодетелем и принимая столь великую милость»; или «ты желал первым оказать ему большие услуги, но он опередил [тебя своей] быстрой милостью»; или, [наконец], ты в нерешительности не знаешь, что сказать, какие выражения применить и т. д. Но, конечно, не все [приведенные выше] наставления можно отнести ко всякой услуге, но одни [из них] относятся к незначительным, другие — к большим, третьи — к величайшим [услугам]; напротив, [эти наставления] следует [риторически] разукрасить общими

---

[21] **Великую тебе… к тебе питаем.** Cic. Marc. 33.

[22] **Благодарю тебя… [тем же].** Децим Магн Авсоний (Decimus Magnus Ausonius, ок. 310 — ок. 394) — поэт и ритор. Ausonii Burdigalensis vasatis gratiarum actio ad Gratianum imperatorem pro consulatu. 1.

положениями или путем возведения их к общему месту изречениями, тонкими остротами, остроумными шутками и т. д.

3. Частная тема или пропозиция в данном случае, по-видимому, одна: велика твоя милость. Ведь человек не может лучше выразить благодарности иным путем, как сказать, что оказанная мне услуга или милость представляется великой. Или следует рассмотреть вопрос о том, какую добродетель отметить в такой милости. Ведь в дарованном прощении кроется милосердие, в поднесенных богатых подарках — щедрость, в построении храмов — величие души и вера в Бога; в оказании помощи — желание и готовность помочь несчастным, в высказанных похвалах — любовь, благосклонность, в проявленном уважении — признательность и т. д. Поэтому одну или несколько из этих [добродетелей], отмеченных [нами] в оказанной милости, следует амплифицировать, отметив побочные обстоятельства: кто, кому, что, когда дал, где, в какой день, при каком количестве собравшихся зрителей, каким образом; если быстро, то дал более дружески, если медленно, то с большей осмотрительностью и т. д. Здесь в особенности [следует] применять сопоставление.

4. В заключении следует главным образом высказывать два следующих положения: во-первых, благодарить и обращаться с просьбой к благодетелю, чтобы он всегда продолжал пребывать к тебе так же [благосклонным] и сохранил на будущее время свою милость. Во-вторых, ты посвятишь себя и все твое имущество твоему [благодетелю] и пообещаешь никогда не забывать столь великой милости; мало того даже: ты будешь при всяком случае в полной готовности на все услуги и будешь заботиться единственно [об одном]: как бы ему не было когда-нибудь стыдно за оказанную тебе милость. Прекрасные примеры выражения благодарности находим в речи «По возвращении» и «В защиту Марцелла».

ГЛАВА IX

О ПРИВЕТСТВИЯХ ГОСТЯМ

1. Во вступлении, которое должно быть очень кратким, выражается общественная или частная радость. Можно придумать для этого такие наставления. Во-первых, мы скажем, что радуемся прибытию того, кого страстно ждали. Во-вторых, или похвалим молву за то, что она не обманула, обрадовав нас сладостной вестью о его прибытии, но сказала правду. В-третьих, мы так рады его прибытию, что не можем молчать и все же опасаемся говорить: молчать мы не можем по причине душевного состояния; боимся говорить, чтобы не произнести слов, недостойных [нашей] радости, и [чтобы наша речь] не произвела неприятного впечатления. В-четвертых, или по-

просим [гостя] считать, что мы, приветствуя его, поздравляем самих себя; хотя мы [страстно] стремимся к нему и, куда бы он ни направился, с любовью его сопровождаем, душа же наша находится скорее там, где она любит, чем там, где она живет. «Поэтому когда он появится, то скажем, что и мы также, кажется, возвратились к себе. В-пятых, или [скажем], что не только он, но и мы сами также кончили странствовать: долгий путь есть тоска, и в особенности та, которою мы [ощущаем], тоскуя о нем».

2. Подтверждение нашей тоски, с которой мы ожидаем его прибытия и радости, которую мы получили, увидев его, возникнет от его заслуг по отношению к нам, от поступков и добродетелей его, от нашей любви к тому, кого любим, кого мы всегда хотим видеть присутствующим, того любим; здесь следует изложить основание, почему мы его любим. В этой речи украшение и обоснование следует брать преимущественно из сравнений и примеров.

3. В заключении предложим [в его распоряжение] [себя] и посвятим ему [наши] помыслы, душу, сердце и т. п., присоединив также обеты за его жизнь, долгое благосостояние, счастье и т. д.

ГЛАВА X
О СПОСОБЕ ГОВОРИТЬ ПРОЩАЛЬНЫЕ РЕЧИ

Вначале можешь кратко изложить твою скорбь по поводу необходимости разлуки с теми, с кем вместе ты пробыл долгое или короткое [время]. Например, таким образом: во-первых, подобно тому, как тебе была приятна совместная жизнь с другом или благодетелем, так тебе весьма тягостна неизбежная разлука. Или, во-вторых, если бы было позволено или возможно не уезжать, то скажи, что для тебя ничего не могло быть более приятного: теперь же только одно [тебя] тяготит, [именно] что ты не можешь противиться необходимости. Или, в-третьих: так как друзья у нас считаются как бы вторым «я», то при разлуке с другом, [выражая] свою скорбь, ты скажешь, что, кажется, ты оставляешь половину [своего существа]. В-четвертых, или даже если не знаешь, каков будет исход путешествия или какую пользу оно принесет, но ты уже с самого начала с сильным беспокойством [ожидаешь], что оно принесет великий ущерб, лишит тебя великого богатства, так как разлучит тебя с тем, который и т. д.

2. Затем вместо обоснования следует похвалить общение с другом: как оно приятно, полезно, пригодно, необходимо; приятно в силу дружбы, близости и радушия [этого] человека; полезно из-за [его] образованности, отчего ты ежедневно имеешь возможность совершенствоваться; необходимо в силу [помощи] надежными советами в несчастье и т. д.

3. Наконец, в заключении надо высказать следующие два [положения]. Во-первых, просить его всегда помнить о тебе и никогда не забывать, мо-

лясь о твоем благе всеблагому величайшему Богу. Во-вторых, обещать, что ты сам будешь с благодарностью помнить о его благодеянии и повсюду прославлять его имя; сказать, что ты в разлуке с ним только телесно, душой всегда останешься ему близок; и если надеешься вернуться, то скажешь, что прежде всего позаботишься о том, чтобы снова соединиться с тем, с кем был столь прискорбно разлучен.

ГЛАВА XI
О НАДГРОБНОМ СЛОВЕ

1. Все содержание этого слова в основном состоит в похвале покойному всеми изложенными выше, в главе II, способами. Ведь в этом слове и похвала надежна, потому что здесь вовсе не остается места для пороков, которые могли запятнать прошлую жизнь, и эта похвала представляется совершенной, потому что к прошлым достоинствам нельзя ничего прибавить, и вместе с тем правдивой и искренней. Поэтому поскольку, кажется, нет никакой причины [льстить], так в основном [нельзя] и подозревать лести, хотя при наличии влиятельных и богатых родственников и друзей [покойного] мы, легкомысленные людишки, не стыдимся льстить даже покойнику. Этого-то серьезный оратор должен в особенности избегать.

2. Вступление может быть несколько длиннее [обычного]. В нем мы будем оплакивать нашу скорбь и потерю для государства или церкви, вследствие кончины столь великого человека: пала опора отечества, основание мудрости народной, столп истины, прибежище несчастных, образец добродетели, опора церкви, гроза врагов или еретиков и другие всевозможные похвалы этому человеку. Писать же вступление нужно в том стиле, который, как мы сказали выше, пригоден для [выражения] великой и цепенеющей скорби, (смотри выше, книга V, глава 9). Именно скорбную речь следует произносить медленно и с некоторым искусственным перерывом, только чтобы искусство не было заметно; можно вставлять торжественные фигуры, например, апострофу и восклицание; однако следует предпочитать те из них, которые не вызывают шума, но произносятся как бы неожиданно устами человека, погруженного в думы [о скорби] и оцепенелого [от нее]. И даже начинать [речь] можно с какой-нибудь фигуры.

3. Затем следует переход к похвалам покойному, например; «Если принять во внимание краткость жизни или сравнить его с другими людьми, то он прожил столь много, что [в его жизни] не могло быть недостатка в славе; если же рассмотреть его заслуги перед государством и утрату, понесенную государством, то придется сказать, что он никогда не мог бы жить так долго, что отечество могло бы не тосковать о нем, но заслуга [его в том], что он никогда не заставлял себя ждать».

4. Поэтому следует хвалить всю [его] жизнь или в естественном порядке, [говоря]о каждом возрасте отдельно, или распределив [ее] по известным видам добродетелей.

5. Если род [его] смерти был славным, например, если он пал на войне за родину, или, что еще более славно, умерщвлен еретиками ядом, мечом или иным путем, то следует амплифицировать его славную смерть.

6. Далее снова будет повторяться [выражение] скорби, к чему потом присоединится утешение родственников; тут мы скажем: не следует так сильно скорбеть; покойный прожил достаточно славно, оставил им великий почет, Бог его взыскал наградой и т. д. Эти побудительные начала утешения и другие (которые можно почерпнуть из главы 9, кн. V), будут [еще] более действенными, если их излагать искусно, в особенности если скажем, что не мы их приводим, а их высказывает (путем олицетворения) сам покойник или Бог.

7. Можно прибавить два обещания: во-первых, моля Бога, если уж он отнял от нас покойного, принять его под защиту своего милосердия; во-вторых, [просить бога] даровать отечеству или церкви как можно больше таких людей.

8. Примеры следующие: надгробное слово святого Григория Назианзина святому Василию Великому; своему отцу, сестре Горгонии[23]; святого Григория Нисского — Плацидии, Пульхерии[24]; святого Амвросия — Феодосию[25]; Иеронима — Евстохии, Павле[26] и др.

---

[23] **…надгробное слово святого Григория Назианзина святому Василию Великому, своему отцу, сестре Горгонии.** ФП имеет в виду «Надгробное слово Василию Великому» (Εἰς τὸν μέγαν Βασίλειον ἐπιτάφιος, Funebris oratio in laudem Basilii Magni), «Слово надгробное отцу» (Ἐπιτάφιος εἰς τὸν πατέρα, Funebris oratio in patrem), «Слово надгробное сестре Горгонии» (Εἰς τὴν ἀδελφὴν αυτοῦ Γοργονίαν, In laudem sororis suae Gorgoniae).

[24] **…святого Григория Нисского — Плацидии, Пульхерии…** Флацилла, Плацилла, Плакилла (Placilla, Flacilla, Πλακίλλα) — жена императора Феодосия I Великого. ФП имеет в виду «Надгробное слово на смерть Плакиллы» (Ἐπιτάφιος εἰς Πλακίλλαν βασίλισσαν, Oratio funebris in Flacillam imperatricem). Пульхерия (405–453 гг.) — дочь императора Феодосия I Великого и его жены Элии Флациллы. ФП имеет в виду «Слово утешительное на смерть Пульхерии» (Εἰς Πουλχερίαν παραμυθητικὸς λόγος, Oratio consolatoria in Pulcheriam). ФП ошибочно считает, что Галла Плакидия и Элия Флацилла — одно лицо. Галла Плакидия (ок. 388–450) — дочь императора Феодосия Великого, управляла Западной Римской империей.

[25] **…святого Амвросия — Феодосию.** ФП имеет в виду «Слово на смерть Феодосия Великого» Амвросия Медиоланского.

[26] **Иеронима — Евстохии, Павле и др.** Вероятно, ФП имеет в виду утешительное письмо преподобной Евстохии, в котором описал жизнь почившей преподобной Павлы (Hieron. Ep. 108). Это письмо иногда называют «Надгробным словом преподобной Павле».

ГЛАВА XII

О НАДГРОБНЫХ НАДПИСЯХ, ИЛИ ЭПИТАФИЯХ И ПРОЧИХ ЭЛОГИЯХ, ГДЕ И ОБ ОСТРОТАХ

[Предмет], о чем предстоит [вести] речь в этой [главе] — не красноречие, а как бы некоторый десерт красноречия, так как обычно эти надписи не произносят, но, главным образом, пишут. Тем не менее все же [сочинение их] встречает немалую трудность; и хотя все выражают удивление им, но только немногим с успехом удается [их сочинять]; много [людей] стремятся обладать ими, но обладатели их встречаются весьма редко.

1. Эпитафия есть художественно исполненная могильная надпись. Говорят «художественно исполненная», чтобы отличить ее от обычной. Например, такая: «Здесь погребен Гней Помпей, который во время гражданской война с Гаем Юлием Цезарем обманом был убит своими [приверженцами] и т. д.»[27] [Художественная эпитафия] ничем не отличается от эпитафий и эпиграмм, за исключением того, что последние не имеют свободного стиля и стихотворного размера.

2. Кроме того, существуют надписи не только могильные, но также подписи и на других памятниках, как например: на триумфальных арках, обелисках, пирамидах, статуях, театрах, амфитеатрах и т. д. Эти надписи называются элогиями, т. е. похвалами. Ведь памятники обычно воздвигают великим людям при жизни, или же покойным в память их заслуг, или иногда [в честь] одного великого подвига. Этот обычай весьма усердно соблюдала древняя Италия, а современная же — умеренно.

3. Содержанием такого рода надписей служат выдающиеся подвиги людей, о которых следует кратко рассказать и искусно [риторически] украсить. Краткости требует малый размер доски или колонны, не допускающий длинные речи. Однако достоинство содержания требует искусного изложения. Поэтому элогии — это своего рода похвальные слова, но высказанные в сокращенном виде, как я покажу на примере ниже.

4. Прием же [сочинения] этих похвальных слов отличен от приема составления больших [хвалебных] речей; особый [у них] и стилистический прием. Причина, вызывающая это отличие, — краткость, которая, не допуская больших амплификаций, отступлений и ораторских отклонений, требует особого обучения.

---

[27] **Здесь погребен Гней Помпей, который во время гражданской война с Гаем Юлием Цезарем обманом был убит своими [приверженцами]…** Источник не установлен. Аппиан дает другую эпитафию (App. BC. II: 86).

5. Периоды здесь будут весьма краткие, часто употребляются отдельные звенья или искусно построенные колоны; все фигуры могут быть уместны при условии, однако, если их излагать очень кратко. Часто следует употреблять, явно или в скрытом виде, остроумный стиль; амплификация допустима, но только та, которую можно очень кратко выразить. Но — что самое важное — фразы должны быть остроумными, убедительными, выразительными; все они объединяются под именем острот, в этом и состоит величайшая трудность сочинения элогий, [для чего], по-видимому, требуется великое дарование. Поэтому скажем кое-что об этих [остротах].

Способ находить остроумные выражения.

Об остроумном стиле следует повторить то же самое, что было сказано выше о шутках; [именно, что] вряд ли возможно отыскать правило для острот; остроты можно найти скорее путем природного дара, чем с помощью научных правил. Ведь если явилось неожиданное выражение, то оно должно возникать в каких-то весьма сокровенных и почти недоступных исследованию тайниках души. Поэтому часто, когда [остроты] приходят на ум, можно убедиться [на опыте], что сам автор не знает, откуда они возникли, и не может постигнуть ни их подлинного происхождения, ни причины. Я полагаю, что в этом и есть причина, почему многие даже весьма одаренные люди, весьма остроумно и много писавшие, не дают по этому предмету почти никаких правил. У Цицерона, Квинтилиана и других [писателей] можно найти упоминание об остротах, но правил [для их нахождения] мы не находим. Многие новые [писатели] отметили источники [острот]; но так как из этих [источников] можно почерпнуть также и много другого, что не относится к остротам, то они не показали [нам] способа, как в темных колодцах различать их [друг от друга]. Они указывают на возможность отыскания этих острот из определения, разделения частей и словопроизводства и других [общих] мест. Конечно, я не отрицаю правильности этого, но, однако, из тех же источников можно почерпнуть и доказательства. С другой стороны, недостаточно указать на источник, в котором что-либо ищешь, если не покажешь, как это нужно сделать. Поэтому можно научиться способу находить доводы из источников, но нельзя научиться [находить] остроты. Это именно обстоятельство меня в особенности беспокоило, и когда я, столько раз задумываясь над этим, пытался дать некоторые правила по этому предмету, то в данный момент попытки я в смущении удерживался от [этого] начинания. Но все же я попытаюсь, в меру своего талантишка, возможно кратко изложить результаты моих наблюдений и притом не ради какой-либо похвальбы. (Ведь, признаюсь, я предпочитаю писать остроумно, чем брать на себя труд составления правил об остроумном стиле), но для того, чтобы

все же пролить моим ученикам некоторый свет [в данном вопросе], так что если мои попытки будут безуспешны, я не постыжусь [сказать]: не я первый и не я один только не знаю.

1. Под [словом] «острота» я понимаю все, что говорится сверх или против ожидания, правдиво или правдоподобно; т. е. некоторое изречение, вызывающее удивление: ведь то, что неожиданно, [то] и вызывает удивление. Из этого общепринятого у нас определения остроты, я вывожу такой способ нахождения остроумных выражений.

2. Следует, полагаю, рассмотреть некоторые категории предметов, вызывающих удивление: таким путем ведь мы найдем также категории и разновидности остроумных выражений. Во-первых, мы удивляемся тому, что нам до сих пор было неизвестно: так, вызывают удивление у нас звери, привезенные из Индии и Африки. Во-вторых, те предметы, которые у нас редки, неизвестны и необычны; как, [например], если мы видим, что мальчик побеждает великана. В-третьих, когда видим, что происходит что-либо [из того], что мы считали раньше невозможным; так [например], если огонь не жжет или жжет вода. В-четвертых, [предметы], большие и обширные [по размерам], которые заключены в малом пространстве, или [отрезке] времени; как, [например], когда мы слышим, что у Александра «Илиада» Гомера была заключена в [ореховой] скорлупе.[28] Я имею в виду эти четыре рода [предметов], вызывающих удивление. Ведь если кто-нибудь назовет достойными удивления [предметы] огромные, красивые, разнообразные и т. д., то все они, чтобы вызывать удивление своей величиной или красотой, должны относиться, по-видимому, к какой-нибудь из перечисленных [категорий]. Ведь если они прежде не казались нам невозможными и, кроме того, не были новыми и неизвестными, то, конечно, сами по себе они будут достойными удивления, но люди не будут их считать удивительными. Как [например], мы не удивляемся небу, солнцу, звездам, потому что прежде уже с ними познакомились и постоянно видим.

3. Соответственно этим категориям предметов, вызывающих удивление, мы можем разделить и категории остроумных выражений и рассмотреть некоторые виды их. Итак, во-первых, нам неизвестно то, что может обнаружить некоторая изощренная и глубокая мысль. И такие неизвестные предметы являются остроумными причинами или основаниями какого-нибудь действия или выражения, конечно, не действительного, но правдоподобно выдуманного. Но, с другой стороны, [это] [причины], главным образом, про-

[28] **у Александра «Илиада» Гомера была заключена в [ореховой] скорлупе…** История о миниатюрной «Илиаде» приводится у Плиния Старшего (Plin. HN, Lib. VII, XXI: 85) со ссылкой на Цицерона.

изводящие и конечные, и [их] легко найти, рассмотрев свойства предмета и установив [эти свойства] каким-либо подходящим способом. Как [например] Цицерон сказал, что Веррес, увидев статую Дианы из Сегесты, воспылал страстью ее похитить; а прибавив правдоподобное основание, говорит, будто его воспламенил факел, который держала Диана: «Когда увидел ее [этот] враг и губитель всех святынь, он тотчас, как будто богиня ударила его этим факелом, воспылал страстью и безумием».[29] Плиний Секунд в «Панегирике» Траяну приводит весьма остроумную причину, почему император Нерва,[30] усыновив Траяна и взяв его в соправители империи, вскоре скончался: «Для того, — говорит он, — чтобы после этого божественного и бессмертного деяния не совершить никакого поступка, свойственного смертным»,[31] деянием же бессмертным он называет избрание Траяна. Много примеров подобного рода находим у святого Григория Назианзина в I речи «Против Юлиана», где говорится о храмах, которые Юлиан, когда он был еще христианином, строил в честь мучеников, но не мог закончить, так как из оснований [их] были выброшены камни и щебень.[32] И у святого Амвросия, в его «Праздниках»,[33] и у святого Василия в похвалах святому мученику Варлааму.[34]

4. Обрати внимание, однако, на то, что такого рода причинам следует придать некоторые частицы или выразить таким способом, чтобы получилось впечатление, что мы совершенно не так поняли, как говорим, но только увидели некоторое подобие смысла.

Поэтому следует сказать: «как будто» или «может быть, потому», или, «кажется, что дело обстоит так», и «потому это так» и т. д. Как благоразумно, [например,] [выражается] Цицерон в приведенном примере; менее строго говорит Плиний, который словно присутствовал в совете богов: так, спокойно он объявил о причине смерти Нервы.

---

[29] **Когда увидел ее [этот] враг… безумием.** Cic. Ver. II. IV: 74.

[30] **Нерва** — Марк Кокцей Нерва (Marcus Cocceius Nerva; 30–98) — римский император, усыновивший Траяна, который впоследствии стал императором.

[31] **…император Нерва, усыновив Траяна… смертным**. Plin. Pan. 10.

[32] **…у святого Григория Назианзина в I речи «Против Юлиана», где говорится о храмах, которые Юлиан, когда он был еще христианином, строил в честь мучеников, но не мог закончить, так как из оснований [их] были выброшены камни и щебень.** Greg. Nazianz. Or. IV Contra Julianum I.

[33] **…у святого Амвросия в его «Праздниках»…** У Амвросия Медиоланского нет сочинения под названием «Праздники». Вероятно, ФП имеет в виду «Слово на святую Пасху», «Слово о том, как должно сретать день Рождества Христова».

[34] **…у святого Василия в похвалах святому мученику Варлааму.** ФП имеет в виду слово Василия Великого «На день святого мученика Варлаама».

5. Необычными также бывают выражения, которые обычно непонятны, но кажутся взятыми из святилища Пифии. Как, например, некоторые различия имен и вещей: одно значит «быть», другое — «казаться»; одно — «иметь заслуги», другое — «стяжать почести»; одно — «умереть», другое — «погибнуть»; одно — «стремиться к почету», другое «домогаться» и т. д. Как, например, если скажешь о ленивых: «они не хотят казаться учеными»; или о скромных: «они не считают достаточным для себя, если заслужат почести, но не стараются их достичь» и т. д.

6. Необыкновенными являются [выражения], редко встречающиеся. Таковы в человеческой речи, во-первых, намеки (о которых смотри в книге IV, глава XI), имя, соответствующее предмету, парономасия, двусмысленные слова и т. д., примеры которых смотри там, где сказано о фигурах. Ведь фигуры, которые в большей степени отступают от обычной речи, можно считать остроумным выражением. Здесь, однако, я решил сделать два замечания, весьма стоящие того, чтобы обратить на них внимание. Обычно к предметам прибавляют с некоторым скрытым смыслом такие глаголы, эпитеты или наречия, которые в обыденной жизни к ним совершенно не подходят, не потому, что они противоположны им (о чем ниже), но потому, что они, кажется, чужды предметам, с которыми они соединяются и происходят, видимо, как бы из иной области. [Например], если скажешь о расточителе, который растратил большие средства на забавы и игры: он слишком роскошно шутит. Весьма изящно выразился Сенека («Контроверсии», [кн. X]) об афинском художнике Паррасии,[35] который во время продажи олинфских пленников Филиппом купил одного из них, старика, и подверг его истязанию, чтобы на примере мучений несчастного нарисовать Прометея на Кавказе, скованного и мучимого Юпитером: «Страданья должны быть одинаковы как для изображения на картине Паррасия, так и по причине гнева Юпитера». Или если ты скажешь о нем же: «Паррасий рисует более жестоко, чем свирепствует тиран».[36] Эти выражения, как видишь, сами по себе непонятны, и поэтому их следует применять, только изложив, на чем основано [их употребление].

Не менее изящным представляется [остроумное выражение], когда один глагол, наречие или эпитет относится к двум самым различным предметам таким образом, что одному он соответствует в собственном смысле, а дру-

---

[35] **Паррасий** — Паррасий Эфесский (Parrhasius, Παρράσιος; 400–380 гг. до н. э.), греческий живописец; считается, что он умел очень точно передавать детали и настроение изображаемых лиц.

[36] **Купил… старика и подверг его истязанию, чтобы на примере мучений несчастного нарисовать Прометея…** Seneca. Con. X: 5.

гому — в переносном. Валерий Максим[37] сказал об Эпаминонде: «Из такой раны излилось не больше крови, чем славы».[38] Такое высказывание о (грамматическом) обороте цитирует Каузин во II книге, глава XIV: «Вместе с телом Эпаминонда Фортуна погребла доблесть фиванцев».[39] В этих примерах ты видишь, что глагол «изливаться» относится и к «крови», и к «славе»: к «крови», однако, в собственном смысле, к «славе» — в переносном; так, «погребать» — к «телу» и к «доблести»; к первому в прямом смысле, ко второй — переносно.

7. Эти [выражения] кажутся невозможными и все же на некотором основании истинными; они заключают в себе почти бесконечное множество остроумных выражений, и все возникают из столкновения противоположностей и имеют много разновидностей. Во-первых, когда отрицают и утверждают одно и то же, но по разной причине (и это различие всюду должно быть скрыто в резком соединении противоположностей; в противном случае сказанное будет неправдой). Иногда это [остроумное выражение] получается при помощи фигуры исправления; например, святой Павел: «Живу я, уже не я, но живет во мне Христос»;[40] Сенека Ритор против весталки-блудницы: «Уходи, ты неизвестна; уходи, ты слишком хорошо известна».[41] В первый раз он назвал «неизвестной» как бы переставшей быть жрицей; затем ее же назвал «слишком известной», т. е. опозоренной блудом. Во-вторых, эти противоречащие друг другу выражения можно примирить, сделав так, как будто они сходятся: [именно] утверждая одно относительно другого или придавая предмету противоположный эпитет. И это фигура «когабитации» (о ней смотри в книге IV). В-третьих, сюда относится [фигура] обращения; Плиний в «Панегирике»: «Не потому, видимо, ты одержал победу, что празднуешь триумф, но праздновал триумф, потому что ты победитель».[42]

---

[37] **Валерий Максим** — Валерий Максимус, Марк (Valerius Maximus; 1 в.) — римский писатель, современник императора Тиберия, автор собрания исторических анекдотов «О замечательных деяниях и изречениях» (Factorum ac dictorum memorabilium libri IX), переведенных на русский язык с польского в начале XVIII в.

[38] **Валерий Максим сказал об Эпаминонде: «Из такой раны излилось не больше крови, чем славы».** Это высказывание Валерия Максима характеризовало не Эпаминонда, а Катона Утического. См.: Val. Max. Factorum ac dictorum. Lib. III, 2, 14.

[39] **Такое высказывание… цитирует Каузин… «Вместе с телом Эпаминонда Фортуна погребла доблесть фиванцев».** Caus. De El. Lib II. Cap. 14: 103.

[40] **Живу я, уже не я, но живет во мне Христос.** Гал. 2: 20.

[41] **Сенека Ритор — против весталки-блудницы: «Уходи, ты неизвестна; уходи, ты слишком хорошо известна».** ФП имеет в виду пример из «Контроверсий»: весталку сбросили с Тарпейской скалы за нарушение обета целомудрия.

[42] **Не потому, видимо, ты одержал победу, что празднуешь триумф, но праздновал триумф, потому что ты победитель.** Plin. Pan. 17.

В-четвертых, мы можем приписывать качества одному и тому же лицу или предмету. Плиний в «Панегирике»: «Ты император по заслугам и знатности, впрочем, по скромности, трудолюбию, неусыпной заботе — полководец, легат и воин».[43] В-пятых, соединить противоречия. Златоуст в речи «Против Евтропия. О льстецах»: «Мои раны приносят здоровье, их поцелуи причинили им неизлечимый недуг».[44] В-шестых, сказать, что один и тот же предмет имеет два противоположных результата. Плиний в «Панегирике»: «Предусмотрительно и строго ты позаботился, чтобы государство, утвержденное на законах, не оказалось ниспровергнутым законами». [45] Он говорит здесь о подвиге Траяна, именно, об изгнании доносчиков. В-седьмых, или приписать результат двум противоположным причинам; можешь сказать: какое-либо событие произошло в силу любви граждан и по причине ненависти врагов.

8. С другой стороны, как соединение противоположных [понятий], так и разъединение и отделение понятий согласованных, или соединенных в одно, хотя и представляется невозможным, но если окажется действительным, то будет возбуждать удивление; [например], если ты скажешь о непостоянном, что оно отличается само от себя, не похоже на себя, противоположно, не одно и то же здесь и там, противоречит самому себе и т. д.; или «день не есть день», когда мы подавлены скорбями и несчастьем, или «муж и сын одно и то же» в смысле преступной связи и т. д.

9. Сюда относится: называть [какие-либо предметы], отстоящие далеко от какой-нибудь местности, не далекими или самыми близкими и соединять вместе. Плиний в «Панегирике»: «Ты соединил Рейн и Евфрат славой восхищения пред тобой». Или, напротив, ближайшие предметы по какой-нибудь причине разъединять и отделять друг от друга; можно сказать о прошедших временах по сравнению с будущим: «слишком далек вчерашний день от того, который воссияет через много лет; надежда делает последний близким, а первый отдаляет исчезнувшее опасение».[46]

10. То же самое говори о временах; ведь можно или соединять противоположные времена (например, если ты скажешь, что для Бога все века одновременно существуют: ни один день для него не возникает, ни один не исчезает), или распространять краткие, например, «для ожидающих часы

[43] **Ты император… легат и воин.** Plin. Pan. 10.

[44] **Златоуст в речи «Против Евтропия. О льстецах»: «Мои раны приносят здоровье, их поцелуи причинили им неизлечимый недуг».** Ioan. Chrys, Hom. in Eutropium Patricium ad consulem.

[45] **Предусмотрительно… законами.** Plin. Pan. 34.

[46] **Ты соединил Рейн и Евфрат славой восхищения пред тобой...** Plin. Pan. 14.

длительны»), или же нарушать их порядок, ставя последующее впереди уже бывшего прежде. Плиний в «Панегирике»: «Только тебе одному выпало на долю быть отцом отечества раньше, чем ты получил [это звание]».[47] И все [остроумные выражения] возникают из столкновения противоположных понятий, но виды их различны.

11. Четвертой категорией [выражений], вызывающих удивление, как мы сказали, [будет такая,] когда [предметы] большие ограничены малым отрезком [пространства или времени]. Из этого я заключаю, что остроумным выражение кажется не только из-за какого-либо предмета, самого по себе достойного удивления, но также и [в том случае], если предмет, который нужно описывать пространно, изложен весьма кратко. Ведь часто краткое изречение, которое вызывает удивление, если его изложить словами в необходимом для объяснения количестве, конечно, не изменит смысла, однако перестанет вызывать удивление. Поэтому мы изложим какой-либо довод или амплификацию весьма кратко, и она станет более удивительной. Удивительными и остроумными кажутся следующие слова Александра в ответ Дарию (у Курция, кн. IV): «Сообщите Дарию, что милостивые и благородные поступки [по отношению к нему] я совершил не в силу дружбы к нему, а в силу моей натуры».[48] Что же в этом, скажи, пожалуйста, удивительного, кроме того, что в кратких словах «не из-за дружбы, а в силу моей натуры» выражено то, на что в обычной речи требуется больше слов? Ведь другой мог бы просто сказать: «Не потому я оказал милость по отношению к его матери и супруге, что домогался дружбы Дария, словно боясь его гнева, но потому, что я по натуре кроток и чужд жестокости». Вот та же самая мысль уже не кажется остроумной!

12. С другой стороны, в данном случае требуются [два условия]; во-первых, [следует] соблюдать известную меру в упомянутом сокращении, во-вторых, нужно добавить известную цветистость слога. Мера сострадания заключается [в том, чтобы] употреблять некоторые особенные [выражения], на основании которых можно было бы понять остальное; в приведенном примере натура и дружба (названия причин, почему Александр поступил благородно), являются особенными [выражениями]. Здесь пригодны в особенности такие фигуры: эмфаза, как [например] у того же [Курция] Александр сказал Пармениону, который советовал выгоду, а не войну: «И я предпочел бы деньги славе, если бы был Парменионом».[49] И там же вышеупомянутый

[47] **Только тебе одному выпало на долю быть отцом отечества раньше, чем ты получил [это звание].** Plin. Pan. 21.

[48] **Сообщите Дарию… моей натуры.** Неточная цитата. Curt. IV. Cap. XI: 16.

[49] **И я предпочел бы деньги славе, если бы был Парменионом.** Curt. IV. Cap. XI: 14.

посол Дария сказал в похвалу Александру за то, что тот хорошо обращался с матерью и прочими пленными родственниками Дария: «Дарий не почувствовал, что его мать, супруга и дети взяты в плен, за исключением того, что они в разлуке».[50] Затем с помощью синекдохи можно ставить результаты вместо причин или некоторые такие имена, которые сами по себе означают целое действие; как слово «победа» обозначает весь ряд законченных [эпизодов] войны; под [словом] «счастье» [обозначаются] разнообразные успехи и т. д. Так, у Курция Александр говорит: «Я предпочитаю досадовать на счастье, чем стыдиться победы»,[51] т. е. предпочитаю быть побежденным, храбро сражаясь в открытой битве без обмана (ведь это [поражение] припишут не моей трусости, а счастью), чем победить с помощью хитрости, известным приемом воров и разбойников. Ведь такая победа не приносит почета, но является постыдной. У того же автора врач Филипп, относительно которого существовало подозрение, как бы он не дал больному царю яда вместо лекарства, так сказал Александру: «Обвинение в цареубийстве, выдвинутое против меня, опровергнет твое выздоровление».[52] Кроме того, для этой цели главным образом служит зевгма или [фигура] присоединения. Плиний в «Панегирике»: «Твоя умеренность и доблесть ручаются [за то], что ты желаешь войны для того, чтобы враги [ее] не желали».[53]

13. С другой стороны, сокращенная таким образом длинная фраза должна иметь известную соразмерность в словах, в особенности же чтобы было соответствие глаголов глаголам, имен именам; как [например]: натуре — дружба, счастью — победа и т. д., досадно — постыдно и т. д.; эти [понятия] должны быть подобны друг другу, или различны, или не противоположны.

14. Эта четвертая категория остроумных выражений встречается более часто и только в силу этого одного, насколько я мог заметить, речи историков, и в особенности Квинта Курция, кажутся изящными.

15. Но, с другой стороны, сколько мы дали здесь правил для нахождения остроумных выражений, столько же полагай и опасностей [натолкнуться на] недостатки, если ты будешь ими неразумно пользоваться; ведь вместо остро-

---

[50] **Дарий не почувствовал… в разлуке.** Curt. IV. Cap. XI: 3.

[51] **Я предпочитаю досадовать на счастье, чем стыдиться победы…** Curt. IV. Cap. XIII: 9.

[52] **…врач Филипп, относительно которого существовало подозрение, как бы он не дал больному царю яда вместо лекарства, так сказал Александру: «Обвинение в цареубийстве, выдвинутое против меня, опровергнет твое выздоровление».** Curt. III. Cap. VI: 11.

[53] **Твоя умеренность и доблесть ручаются [за то], что ты желаешь войны для того, чтобы враги [ее] не желали.** Plin. Pan. 16.

умных выражений тебе часто могут встретиться некоторые пошлые и неопределенного характера выраженьица.

Самое полезное из всех наставление — это чтение остроумных речей Саллюстия, Курция, Тита Ливия, Тацита. Флор Римлянин обезобразил остротами свою «Историю» не оттого, что он занимается пошлой болтовней, а потому, что шутит неуместно; в таком случае он точно так же нагромождает примеры;[54] кроме того, Сенека Ритор собрал большое число остроумных выражений многих современных ему риторов и включил их в книги «Контроверсий».[55] Но неизменным образцом остроумных выражений служит «Панегирик» Плиния Секунда, сказанный или написанный Траяну.[56] Но [«Панегирик»] Плиния может быть полезен только в одном отношении [острот], в остальном же его стиль странный, он мало разнообразен, гоняется за каждой мелочью; например, рассказывая о триумфе Траяна, он не упустил [сообщить], что [император] тотчас же вступил во дворец;[57] [при этом] он применяет несколько поэтическую и совершенно странную расстановку слов, например, когда говорит: «Пришел бы всякий, когда пожелал бы, пришел бы всякий, если бы мог».[58] Вообще мне кажется более славным Помпей [Цицерона] после одной части речи «За Манилиев закон», чем его [Плиния] Траян после огромного написанного для утомления читателей панегирика.

17. Для образца, в особенности для того, чтобы обнаружить великую силу, которую придает речи остроумие и коренится в упомянутом нами сокращении, я даю здесь элогию Помпею Великому, которую я решил целиком составить из речи Цицерона «В защиту Манилиева закона», причем

---

[54] **Флор Римлянин обезобразил остротами свою «Историю» не оттого, что он занимается пошлой болтовней, а потому, что шутит неуместно…** Луций (Публий) Анней (Анний) Флор (Lucius [Publius] Anneus [Annius] Florus; 74–130 (?)) — римский историк, автор краткой истории Римской империи (Epitome de T. Livio Bellorum omnium annorum DCC Libri duo). ФП, оценивая лапидарный и остроумный стиль Флора, противоречит мнению читателей как более раннего, так и более позднего периода.

[55] **Сенека Ритор — Сенека Луций Анней (Ритор)** (Seneca Lucius Annaeus, ок. 55 г. до н. э. — ок. 40 г. н. э.), римский оратор, отец Сенеки Философа, дед поэта Лукана. ФП имеет в виду декламации в форме судебных речей («Контроверсии»), входившие в труд «Высказывания ораторов и риторов, анализ работ, художественные средства» (Oratorum et rhetorum sententiae, divisiones, colores). Контроверсии предполагали анализ факта с двух точек зрения: обвинения и защиты.

[56] **…образцом остроумных выражений служит «Панегирик» Плиния Секунда, сказанный или написанный Траяну.** См. примеч. 232 к кн. I.

[57] **…рассказывая о триумфе Траяна, он не упустил [сообщить], что [император] тотчас же вступил во дворец.** Plin. Pan. 24.

[58] **Пришел бы всякий… если бы мог.** Plin. Pan. 25.

доказательства и амплификации даются в сокращении, вложенные как бы в [ореховую] скорлупу.

Элогия Помпея Великого (из сокращенного раздела речи «В защиту Манилева закона»).

«Помпей Великий был настолько более велик по сравнению со всеми остальными полководцами, что, казалось, кроме него не оставалось никого. Эти великие качества [Помпея в речи] разделены [риторически]. В нем сочетались [следующие] достоинства: опытность в военном деле, доблесть, авторитет, счастье. С детства он начал военную службу, едва лишь стал воином, [как] заслужил [звание] полководца. Он вел столько войн, сколько [историки войн] иные [даже] не прочитали [в книгах], столькими провинциями он овладел, сколькими иные даже не [могли] страстно желать [овладеть]. Вместо [того, чтобы повиноваться] чужим приказаниям, он [сам] имел высшую военную власть; вместо платы за военную службу он справлял триумфы. Множество великих и разнообразных войн и [побежденных] им врагов сделали его весьма опытным воином; свидетелями его трудов, мужества, усердия, проницательности являются не люди, а народы. Освобождена от [междоусобной] гражданской ненависти Италия, утихли опасности Сицилии, обагрена вражеской кровью Африка, открыта мечом [для пути легионов] в Испанию Галлия, прославлена победами Испания, [опасность] от войны с рабами в ожидании его уменьшилась, а с прибытием его [война] прекратилась; войну же с пиратами, которую никто не смог завершить в течение нескольких [лет], Помпей закончил за один год. И эта война, которая наводнила даже Тибр [своими кораблями], в скором времени уже не владела ни одним кораблем нигде, [даже] на просторах океана. Все это было совершено с такой быстротой, что в конце зимы было [закончено] снаряжение, в начале весны [война] была начата, в средине лета закончена. Спутниками такой великой доблести было много римских граждан. Воздержанность его была такова, что на предметы, которые иные считали возможным похитить, он не считал должным даже смотреть. Таким образом, тот, кого не удерживала алчность к добыче, [смог] придать большую быстроту флоту своей доблестью, чем с помощью ветра и весел. Это великие подвиги. К чему же еще прославлять прочие? Тот же, кто превосходил достоинством первых людей [в государстве] по обходительности, был равен низшим; тот, кто был страшен своей храбростью противникам, милостью любезен побежденным, его же враги свято чтили не меньше друзей. О его обаянии [как полководца] хорошо свидетельствуют и верность граждан, и трепет врагов. В тот день, когда [вы] избрали его полководцев для войны с пиратами, одна вера в него породила такую дешевизну продовольствия, какую

вряд ли мог принести целый ряд урожаев на полях. Только одно имя Помпея смирило возросшую от победы гордость Митридата и Тиграна. А жители Крита, хотя и терпели пребывание у себя другого полководца, но выразили Помпею [знаки] обожания, когда тот находился в отдаленных странах. Но и Фортуна не считала столь великую доблесть достойной презрения: она принесла Помпею столько успехов, сколько иным она не позволила даже молчаливо желать».[59]

ГЛАВА XIII

ЭЛОГИИ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ПОХВАЛ, ИЗЛОЖЕННЫХ НА ПРИМЕРЕ ЗНАМЕНИТЫХ ОРАТОРОВ[60]

[59] **Помпей Великий… желать.** Пересказ. Cic. Man. XI–XV.

[60] Текст главы отсутствует.

КНИГА IX

ОСОБАЯ
О ДУХОВНОМ КРАСНОРЕЧИИ

Хотя, по учению Павла, сила духовного красноречия зиждется не на убедительных словах человеческой мудрости и вся она основана даже на безыскусном слоге, но несомненно, что значение и мощь его зависят от наставлений святого духа. Ведь никогда тысяча Цицеронов не могли бы совершить столько подвигов со всей мощью своей речи, сколько их совершили косноязычный Моисей или Петр-рыбак. Однако нет препятствий к тому, чтобы даже речь, изощренная искусством и риторическими наставлениями, стала орудием и органом божественной проповеди. Если она настолько проникнута скромностью, осмотрительностью и богобоязненностью, что считает принадлежащими ей только звуки и словесную оболочку, воздействие же речи всецело приписывает Богу. Поэтому отцы наши, исполненные божественной премудрости, не отвергали также красноречия, рассматриваемого с человеческой точки зрения. И даже знаменитый Златоуст, глава ораторов, признает, что его следует назвать глупцом, если бы он пожелал удерживать христианскую молодежь от изучения риторики («Против хулителей жизни монашеской», кн. 3),[1] и в сочинении «О священниках» он решительно осуждает бездействие тех, кто принял на себя обязанность учить в церкви.[2]

---

[1] **Златоуст… признает, что… риторики («Против хулителей жизни монашеской», кн. 3).** ФП имеет в виду трактат «К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни» (Πρὸς τοὺς πολεμοῦντας τοῖς ἐπ τὸ μονάζειν ἐνάγουσι; Adversus oppugnatores vitae monasticae libri 1–3), в котором характеризуется место риторики в системе обучения христианина: риторика сама по себе вредна, так как развращает душу, но полезна, если изучается уверовавшим.

[2] **…в сочинении «О священниках»… осуждает бездействие тех, кто принял на себя обязанность учить в церкви.** ФП имеет в виду трактат «О священстве» (Περί ἱερωσύνης; De sacerdotio) (lib. 1–6). Праздность священников нельзя считать подвижничеством (Слово VI: 7), так как священник должен учить паству: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется» (Мф. 5, 19) (Слово IV: 8).

Потому что некоторые из них под предлогом благочестивой безыскусственности гнушаются науками и хвалят невежество. О Григории же Нисском[3] мы знаем, что он сам преподавал красноречие. К чему же нужны еще примеры? Изощренные в этом искусстве великие герои Юстины,[4] Афанасии,[5] Василии,[6] Дамаскины[7] и множество других опровергли заблуждение язычников, высмеяли безумие еретиков, вырвали с корнем их прегрешения, насадили добродетель, даровали тысячу других благ и устранили вред; понял это сатанинская лисица Юлиан, который запретил нам заниматься риторикой и прочими свободными искусствами, чтобы подорвать дело христианское; за это на него весьма сильно нападает Григорий Богослов в I речи «Против Юлиана».[8] Поэтому не следует преграждать красноречию вход в церковь, но оно должно войти в нее, оставив надменность и отбросив самоуверенность; пусть церковный оратор входит на кафедру не как консул или трибун, но как смиренный слуга Евангелия.

С другой стороны, искусство духовной речи не отличается от светского и гражданского; поэтому церковный проповедник должен черпать для себя все вспомогательные средства из вышеприведенных наставлений. Здесь мы приведем только несколько основных тем, отказавшись от некоторых из них, которые могут быть в данном вопросе сомнительными.

Перечень глав книги IX.

Глава I. Следует ли в духовной речи применять [тщательно] подобранные слова, [риторически] украшенные фигуры и другие ораторские «цветы».

Глава II. Может ли духовный оратор пользоваться шутками и остротами.

Глава III. Может ли оратор употреблять проклятия и брань против нечестивцев и еретиков, и какие проступки следует искоренять насмешкой, а какие полемической речью.

Глава IV. О доказательствах в [речи] совещательного рода, и какой порядок и стройность [при этом] следует соблюдать.

Глава V. Особое учение об опровержении и о способах добиваться добродетелей и избегать пороков.

Глава VI. О показательном роде [речей] и прежде всего [о том], что следует говорить на праздниках Господних.

---

[3] **Григорий Нисский.** См. примеч. 19 к кн. III.

[4] **Юстин.** См. примеч. 243 к кн. I.

[5] **Афанасий.** См. примеч. 240 к кн. I.

[6] **Василий.** См. примеч. 94 к кн. I.

[7] **Дамаскин.** См. примеч. 251 к кн. I.

[8] **Юлиан… запретил нам заниматься риторикой… за это на него… нападает Григорий Богослов…** Greg. Nazianz. Or. IV Contra Julianum I.

Глава VII. О праздниках Богородичных и о хвалах святым.

Глава VIII. Что следует думать о теме: всегда ли нужно ее применять или иногда можно опускать.

ГЛАВА I

СЛЕДУЕТ ЛИ В ДУХОВНОЙ РЕЧИ ПРИМЕНЯТЬ [ТЩАТЕЛЬНО] ПОДОБРАННЫЕ СЛОВА, [РИТОРИЧЕСКИ] УКРАШЕННЫЕ ФИГУРЫ И ДРУГИЕ ОРАТОРСКИЕ «ЦВЕТЫ»

Многие ненавистники изящества или же те, кто желает свою бездеятельность оправдать благовидным предлогом, считают в духовной речи неуместными все светочи красноречия и искусные стилевые обороты; они полагают, что следует поступать не иначе, как только приводить в пристойной и безыскусной [форме] доказательства от разума или же свидетельства Священного писания и отцов [церкви]. Я покажу, что они сильно ошибаются, хотя бы на одних только примерах отцов церкви и самого Писания.

1. Относительно творений отцов [церкви], всякий, кто когда-либо их видел, не может сомневаться. А в Писании можно заметить даже много фигур, тропов и много других [риторических] украшений. Вот метафоры и аллегории: «Так да светит свет ваш пред лицом людей»;[9] и у Исаии: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и цветок произрастет от корня его»;[10] и в псалме. «Из Египта перенес ты виноградную лозу, изгнал народы и посадил ее; она пустила ветви свои до моря и отрасли свои до реки».[11] Вот синекдоха: «Тяжко согрешил Иерусалим за то и сделался неустойчивым».[12] Также Иеремия в «Плаче». Вот восклицание с апострофой (Исайя в I [книге]): «Слушайте небеса, что говорю я, да услышит земля слова уст моих»;[13] вот другая, более сильная. «Цепенейте, небеса, из-за этого, и врата его да будут сильно опустошены» (Иеремия, кн. II).[14] А что сказать об олицетворении?

[9] **Так да светит свет ваш пред лицом людей.** Мф. 5: 16.

[10] **И произойдет отрасль от корня Иессеева, и цветок произрастет от корня его.** Ис. 11: 1.

[11] **Из Египта перенес ты виноградную лозу, изгнал народы и посадил ее; она пустила ветви свои до моря и отрасли свои до реки.** Пс. 79: 9–10.

[12] **Тяжко согрешил Иерусалим за то и сделался неустойчивым.** Плач Иеремии. 1: 8.

[13] **Слушайте небеса, что говорю я, да услышит земля слова уст моих.** Втор. 32: 1. Похожий текст см.: Ис. 1: 2.

[14] **Цепенейте, небеса, из-за этого, и врата его да будут сильно опустошены (Иеремия, кн. II).** Возможно, Иер. 2: 12.

Следующие [слова] почти совсем поэтические: «Да рукоплещут реки, да возликуют вместе горы пред лицом Господа, ибо Он приходит» (псалом 97).[15] Что [сказать] о другом таком вот [выражении]: «Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются».[16] Ты можешь найти [в Священном Писании] весьма обычные фигуры вопрошения; и вот более резкая [фигура], которую употребил Павел в I Послании «К коринфянам», гл. 9: «Не апостол ли я? Не видел ли я Христа? Не мое ли дело вы в Господе?»[17] И немного дальше: «Какой воин служит когда-либо на своем содержании? Кто, насадив виноградник, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада? По человеческому ли [рассуждению] я это говорю? Не то же ли говорит и закон?».[18] Есть также убеждения и заклинания; их употребляет Павел: «Заклинаю вас милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую».[19] И другое убеждение: «Сам я, Павел, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым».[20] И в другом месте: «Убеждаю вас я, узник во Господе».[21] Вот весьма сильное заклинание: «Заклинаю вас пред Богом и Христом Иисусом, который будет судить живых и мертвых в явление Его и царство Его: проповедуй слово» ([Послание] II к Тимофею).[22] Эмфазы почти неисчислимы; например, когда пророки называют день суда «тем днем». Примеров пожеланий также достаточно: «Кто даст мне крылья, как у голубя и т. д.» (псалом 54),[23] и у Иеремии гл. 9: «Кто даст мне в пустыне [пристанище] путников! О, оставил бы я народ мой, которые все прелюбодеи и скопища вероломных».[24] Противоположными (фигуре) пожелания являются также проклятие: «Да погибнет Самария, потому что она вызвала гнев Бога своего» (Осия, 14);[25] и псалом 68: «Да будет трапеза их сетью им».[26] Сколь различны [тут] выражения желаний! Вот скорбный плач Иеремии о разрушении Иерусалима: «Как одиноко сидит город, некогда многолюдный, он стал как вдова».[27] Вот другое [выражение] радости и изумления: «Что с тобою, море, что ты побежало, и [с тобою], Иордан, что ты обратился назад? Что вы прыгаете, горы,

---

[15] **Да рукоплещут реки… ибо Он приходит.** Пс. 97: 8–9.

[16] **Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются.** Пс. 84: 11.

[17] **Не апостол ли я? Не видел ли я Христа? Не мое ли дело вы в Господе?** I Кор. 9: 1.

[18] **Какой воин служит… Не то же ли говорит и закон?** I Кор. 9: 7–8.

[19] **Заклинаю вас… в жертву живую.** Рим. 12: 1.

[20] **Сам я, Павел… Христовым.** 2 Кор. 10: 1.

[21] **Убеждаю вас я, узник во Господе.** Эф. 4: 1–2.

[22] **Заклинаю вас… слово.** 2 Тим. 4:3.

[23] **Кто даст мне крылья как у голубя…** Пс. 54: 7.

[24] **Кто даст мне… вероломных.** Иер. 9: 2.

[25] **Да погибнет Самария… своего.** Ос. 14: 1.

[26] **Да будет трапеза их сетью им.** Пс. 68: 23.

[27] **Как одиноко… вдова.** Плач Иеремии. 1: 1.

как овны и т. д.» (Псалом 113).[28] Мало того даже, мы встречаем и открытую фигуру усиления у Павла (I Послание К римлянам, гл. 5): «От скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает».[29] Что же сказать о том, что можно найти [в писании случаи] иронии и даже вместе с [фигурой] допущения. Ведь Иеремия, возвещая войну халдеев против иудеев, говорит: «Приготовьте щиты и выступайте в поход, седлайте коней и сажайте на них всадников и т. д.»[30]

Вот [тебе] гипербола, о которой ты мог бы подумать: «Потрясу небо и земля сдвинется с места своего от гнева Господа Саваофа» (Исаия, 13).[31] Вот другая гипербола из уст самого Христа: «Не останется камня на камне».[32] Вот какую [стрелу] устами святого Авдия мечет всемогущий в гордых: «Гордость сердца твоего обольстила тебя: ты живешь на расселинах скал на возвышенном месте и говоришь в сердце твоем: кто низринет меня на землю? Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда я низрину тебя, — говорит Господь».[33] Что можно придумать красивее и вместе с тем сильнее этого? Много фигур [здесь] соединились в один период: уподобление вместе с метафорой, произведенной из-за него, энергия, допущение, олицетворение и метонимия. Этого достаточно для [нашей] темы: ведь не хватило бы дня, если бы я вздумал приводить все [примеры].

3. Ты можешь сказать, что сам Иероним признается в каком-то месте, что он долго не мог заставить себя обратиться к чтению Священного Писания, но перешел от него к Плавту,[34] потому что стиль Священного Писания казался ему неотделанным и грубым.[35] Василий также пишет Либанию, что он охотно занимается [чтением] пророков, стиль которых грубый, но мысли выражают истину.[36] Отвечаю: эти отцы [церкви] высказали такое

---

[28] **Что с тобою… как овны…** Пс. 113: 5–6.

[29] **От скорби…постыжает.** I Рим. 5: 3–5.

[30] **Приготовьте щиты… всадников…** Иер. 46: 3–4.

[31] **Потрясу небо… Саваофа.** Ис. 13: 13.

[32] **Не останется камня на камне.** Лк. 21: 6.

[33] **Гордость сердца твоего… Господь.** Авд. 1: 3–4.

[34] **Плавт.** См. примеч. 238 к кн. I.

[35] **Иероним признается…, что он долго не мог заставить себя обратиться к чтению Священного Писания, но перешел от него к Плавту, потому что стиль Священного Писания казался ему неотделанным и грубым.** См.: Hieron. Ep. 22. В рус. пер. «Письмо к Евстохии о хранении девства»: Творения блаженного Иеронима Стридонского. Киев, 1893. Ч. I. С. 130.

[36] **Василий также пишет Либанию, что он охотно занимается [чтением] пророков, стиль которых грубый, но мысли выражают истину.** См.: Письмо 328 (339) к Либанию, где Василий пишет о грубом стиле Моисея, Илии и других «блаженных мужей».

суждение потому, что авторы Священных [книг] писали, не сообразуясь с искусством красноречия, а по внушению Святого Духа, и не соблюдали [правил применения] фигур, но приводили их на основании внутреннего побуждения по внушению свыше. Кроме того, я охотно бы допустил то обстоятельство, что священные книги лишены софистических ухищрений и неестественных прикрас; но все же церковный проповедник не должен чуждаться фигур, так как из столь большого числа [примеров] явствует, что их не следует отвергать и что ничего такого [в смысле осуждения фигур] нет в Священном Писании.

4. Здесь, однако, следует применять весьма умеренно [риторические] украшения и всячески избегать неестественности, иначе получится весьма неприлично. Смотри кн. I, где [сказано] о неестественном стиле.

ГЛАВА II

МОЖЕТ ЛИ ДУХОВНЫЙ ОРАТОР ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ШУТКАМИ И ОСТРОТАМИ

Часто [стараются] доказать, что [духовный оратор], конечно, не может допускать шуток, и не только в проповеди, но даже и в обыденной жизни. Христос, как мы читаем [в Евангелии], никогда не смеялся, но чаще плакал и провозглашал горе смеющимся. И святой Иоанн Златоуст во многих местах [своих творений] весьма резко нападает на шутки; например, в толковании на [Евангелие от Матфея,[37] гл. II , в беседе 6, и после слова 17 на главу 5 [Послания] К эфесянам;[38] он написал весьма красивую и вместе с тем страшную речь против употребляющих шутки; в ней он приводит следующую шутку каких-то людей, которые извращали учение Христово о том, что следует избегать корыстолюбия, говоря «Горе тебе, богатство (мамона), и тем, которые тобой не владеют».[39] Об этой шутке Иоанн Златоуст

[37] **И святой Иоанн Златоуст во многих местах [своих творений] весьма резко нападает на шутки; например, в толковании на [Евангелие от Матфея.** «Беседы на святого евангелиста Матфея» (Ὑπόμνημα εἰς τὸν ἅγιον Ματθαίον τὸν Εὐαγγελιστήν; In Matthaeum homiliae; рус. пер.: Полное собрание творений… Т. 7. 1901. Кн. 1. С. 60–71; Кн. 2. С. 475–891).

[38] **И святой Иоанн Златоуст… нападает на шутки; например…, в беседе VI, и после слова XVII на главу V [Послания] К Ефесянам.** «Беседы на Послание к Ефесянам» XVII: 2. (Ὑπόμνημα εἰς τὴν πρὸς Ἐφεσίους ἐπιστολήν; In epistulam ad Ephesios argumentum et homiliae 1–24).

[39] **Горе тебе, богатство (мамона), и тем, которые тобой не владеют.** Это цитата из сборника слов, записанных или пересказанных учениками Иоанна Златоуста (Ἐκλογαί

упоминает также в беседе 15 на IX главу [Послания] «К евреям» и смотри, с каким негодованием — О, нелепость! — и что только говорят? «Горе тебе, богатство (мамона), — говорят они, — и тем, кто им не владеет!» Во мне кипит негодование! Воистину, горе говорящим это, даже если они говорят это смеха ради![40]

Поэтому кто же не поймет, что поистине жалкими и достойными горького сожаления являются те, которые считают великой мудростью, проповедуя слово Божье, забавляться неуместными шуточками. Разве, скажи, пожалуйста, [это] ничтожное зло, из-за которого этот святой муж, по его собственным словам, кипит негодованием? Пусть трепещут эти любезные апостолы, слушая эти [слова], в особенности же те, кто ради шутки не боится даже извращать слова Священного Писания; таков, безусловно, самый пошлый из всех — Млодзяновский.[41]

2. Однако это наше указание не следует понимать в смысле запрещения пользоваться пристойными и даже полезными шутками в соответствующем месте и в [подходящее] время. Ведь что касается применения [шуток], то мы видели, когда говорили о шутках, что Василий и Григорий Назианзин допускают пристойные шутки, а Назианзин даже в церковных проповедях много шутит над Юлианом.

И сам Златоуст в слове «Против язычников» шутливо подсмеивается над жалобами Либания,[42] в которых тот оплакивает храм Дафны, пораженный молнией;[43] и в другом месте он шуткой сокрушает гордость богачей, говоря, что они не имеют причины гордиться тем, что украшаются золотом или едут на высокой колеснице. Ведь такое счастье имеют также лошади,

---

ἀπό διαφόρων λόγων). В русской традиции известно как «Слово 43. О том, что пренебрегающий настоящим возобладает тем и другим и что любостяжание хуже всякой грязи и нечистоты». Иоанн Златоуст. Полное собрание творений… Т. 12. 1906. Кн. 2. С. 852–860.

[40] **Об этой шутке Иоанн Златоуст упоминает также в беседе 15 на IX главу [Послания] «К евреям»… «О, нелепость и что только говорят? «Горе тебе богатство мамона, — говорят они, — и тем, кто им не владеет!»** Иоанн Златоуст. Беседа 15 (на Евр. 9: 1–5.): 3. «Беседы на Послание к Евреям» (Ἑρμηνεία εἰς τὴν πρὸς Ἑβραίους ἐπιστολήν; In epistulam ad Hebraeos argumentum et homiliae 1–34. См. рус. пер.: Иоанн Златоуст. Полное собрание творений… Т. 12. 1906. Кн. 1. С. 141).

[41] **Млодзяновский.** См. примеч. 158 к кн. I.

[42] **Златоуст в слове «Против язычников»… подсмеивается над жалобами Либания…** В указанном тексте упоминаний о Либании нет. Храм Дафны упоминается в «Слове о блаженном Вавиле, и против Юлиана, и к язычникам». См. примеч. 195 к кн. I.

[43] **…над жалобами Либания, в которых тот оплакивает храм Дафны, пораженный молнией…** См. примеч. 45 к кн. I. ФП имеет в виду речь Либания «Монодия на храм Аполлона в Дафне» (Lib. Orat. LX. F.).

сено и дрова.[44] И в 7-й беседе «На послание к Колоссянам», строго нападая на роскошь женщин, которые делали даже горшки из серебра,[45] прибавляет язвительную насмешку и говорит: «У царя персидского золотая борода из золотых проволок, растянутых в виде волос, но она свисает как у чудовища. Великая хвала тебе, Христос, за то, что ты сделал нас разумными и избавил от таких чудовищ».[46] Этой шуткой [Златоуст] указывает на то, что когда-нибудь женщины дойдут до такого безумия, что будут себе волосы и брови делать золотыми.

С другой стороны, то обстоятельство, что Златоуст в приведенных выше местах критикует не те шутки, которые мы хвалим, но непристойные и неумеренные, можно понять и из упомянутых [его] бесед. И сам [Златоуст] в беседе 15 на 9 главу «[Послания] к Евреям» искусно различает умеренный смех от [насмешки], не знающей меры: «В чем зло смеха? — говорит он. — Смех вообще не есть зло, но он является злом, если возникает в неподходящее время и переходит меру. Ведь смех заложен в нас от природы, и например, когда мы видим друзей после долговременной [разлуки], когда мы совершаем проступок против кого-либо и испытываем страх, то мы делаем это, чтобы подольститься к нему смехом, [но] не для того, чтобы [сильно] хохотать и всегда насмехаться».[47]

4. Для того чтобы ты мог шутить кстати, т. е. в должное время, и не преступать в этом меры, имей постоянно в виду следующее. Во-первых, когда окажется, что слушатели утомлены мрачным [тоном] слишком долго затянувшейся речи, тогда можно произнести какую-нибудь шутку, которая их подбодрит и даст [возможность] отдохнуть. Во-вторых, при опровержении слов какого-нибудь нечестивца или еретика. В-третьих, шутить следует весьма редко. В-четвертых, не следует вовсе брать [материал] для забавы из Священного Писания, [не следует] допускать никаких шуток в отношении святых (если только мы не рассматриваем их в прежнем состоянии, когда они еще не были святыми). Против этого правила поступает Млодзяновский и его многочисленные подражатели.

---

[44] **…он шуткой сокрушает гордость богачей, говоря, что они не имеют причины гордиться тем, что украшаются золотом или едут на высокой колеснице. Ведь такое счастье имеют также лошади, сено и дрова.** Источник цитаты не установлен.

[45] **…в 7-й беседе «На послание к Колоссянам», строго нападая на роскошь женщин, которые делали даже горшки из серебра…** (Ὑπόμνημα εἰς τὴν πρὸς Κολοσσαεῖς ἐπιστολήν; In epistulam ad Colossenses homiliae. Ep. VII: 4).

[46] **У царя персидского… чудовищ.** «Беседы на Послание к Колоссянам» (Ὑπόμνημα εἰς τὴν πρὸς Κολοσσαεῖς ἐπιστολήν; In epistulam ad Colossenses homiliae. Ep. VII: 5).

[47] **В чем зло… насмехаться.** Беседа 15 на послание к Евреям (Евр. 9: 1–5). 4. Ἑρμηνεία εἰς τὴν πρὸς Ἑβραίους ἐπιστολήν; In epistulam ad Hebraeos argumentum et homiliae 1–34; Ep. XV: 3.

ГЛАВА III

МОЖЕТ ЛИ ОРАТОР УПОТРЕБЛЯТЬ ПРОКЛЯТИЯ И БРАНЬ ПРОТИВ НЕЧЕСТИВЦЕВ ИЛИ ЕРЕТИКОВ, И КАКИЕ ПРОСТУПКИ СЛЕДУЕТ ИСКОРЕНЯТЬ НАСМЕШКОЙ, А КАКИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧЬЮ

1. Возникает вопрос, допустимо ли когда-нибудь богословскому писателю или оратору в борьбе против еретиков осыпать их бранью и поношениями. Те, которые отрицали допустимость [этого], основывались на двух важнейших доводах. Во-первых, что Господь Христос как сам был кротким, так желал, чтобы и мы были [такими], и не пристало церковному проповеднику, который заменяет врача или отца, надевать личину врага. Во-вторых, что эта резкая брань никому не может принести пользы. Кому же [она поможет]? [Ведь] угрозы еще больше раздражают того, против кого они направлены; кроме того, другим, по-видимому, они не приносят никакой пользы.

2. Это, однако, вовсе не препятствует нам придерживаться противоположного мнения. Ведь хотя Господь и был, и казался самым кротким, однако он применял бич против тех нечестивых торговцев [во храме] и грозными словами нередко порицал многих. [Так] например, увидев фарисеев и саддукеев, пришедших креститься, Христос сказал: «Порождения ехиднины, кто внушил вам бежать от будущего гнева?» (Матфея, гл. 3)[48] и, обращаясь к ученикам, он говорит: «О, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?» (Матфея, [гл.]17)[49] И к самому Петру: «Отойди, — говорит, — от меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Марка, гл. 8).[50] И во многих местах Христос обращает грозные слова против фарисеев, сравнивая их с повапленными гробами [и] называя их расхитителями [имущества] вдов, приставляющими заплаты к [ветхой] одежде.[51] И эти [суровые высказывания] не противоречили его кротости, подобно тому, как справедливость не противоречит ми-

---

[48] **Порождения ехиднины, кто внушил вам бежать от будущего гнева?** Мф. 3: 7.

[49] **О, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?** Мф. 17: 17.

[50] **Отойди… от меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое.** Мк. 8: 33.

[51] **Во многих местах… Христос обращает грозные слова против фарисеев… одежде.** Обличительная речь против книжников и фарисеев у трех евангелистов связана с вопросом о Христе (Мф. 22: 42), но самое полное изложение дано в Евангелии от Матфея (Мф. 23: 1–39). См. также: Мк. 12: 38; Лк. 20: 45.

лосердию. Апостолы при всех обстоятельствах во всем следовали примеру Господа и, однако, не считали несовместимым с примерами Христовыми предавать пороки проклятиям, которые даже Петр изрекает Симону Волхву, говоря: «Серебро твое да будет в погибель с тобою».[52] Эти [же проклятия] Павел [изрекает] другому волхву: «О, исполненный всякого лукавства и всяческого обмана, сын диавола, враг всякой правды».[53] Он же заимствует у языческого поэта язвительный стих против критян: «Из них же самих один стихотворец сказал: критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые».[54] Свидетельство это справедливо. Но бесчисленное множество бранных [выражений] находим в Священном Писании, что, по-видимому, является основным в этом [вопросе]: пусть противники не ищут здесь какой-нибудь лазейки. Они говорят, что «Христу и апостолам это было позволено, а нам нет».[55] Послушай, какие наставления дает Павел Титу там же: «По этой причине обличай их строго, дабы они были здравы в вере».[56] Что же другое, скажи, пожалуйста, [означает] «строго обличать», как не бранить грозными словами? Свидетельства отцов церкви бесчисленны, и их легко можно найти, даже не разыскивая.

3. Но кому же, говорит [противник], эта [брань] полезна? По-видимому, есть какая-то польза, потому что Христос так поступал, потому что Павел учил, потому что другие апостолы, пророки, отцы [церкви] применяли [ее]. «Больше, говорит, противник озлобится». Почему же не может случиться противоположного? Почему он под влиянием страха не сможет когда-нибудь образумиться? А если он упорно будет стремиться к погибели, то брань послужит к вразумлению других, которые будут сильнее бояться, когда увидят, что их проступок посрамлен, осмеян и строго обличен. И это не противоречит обязанности отцов и врачей: ведь первые строго наказывают строптивых сыновей, последние же иногда применяют огонь и железо и не допускают, чтобы [болезнь], которую они не в силах излечить, распро-

---

[52] **Серебро твое да будет в погибель с тобою.** Деян. 8: 20**.**

[53] **О, исполненный всякого лукавства и всяческого обмана, сын диавола, враг всякой правды.** Деян. 13: 10.

[54] **Он же заимствует у языческого поэта язвительный стих против критян: «Из них же самих один стихотворец сказал: критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые».** «Парадокс лжеца», вошедший в текст Библии (Тит. I: 12–13.), обычно приписывают критянину Эпимениду.

[55] **…множество бранных выражений находим в Священном Писании… пусть противники не ищут здесь какой-нибудь лазейки. …что «Христу и апостолам это было позволено, а нам нет».** Кого имеет в виду ФП, установить не удалось.

[56] **По этой причине… в вере.** Тит. I: 13.

странилась и стала [настолько] опасной, чтобы поразить также и здоровую часть [тела]. Ведь как хорошо говорит Назон в I кн. «Метаморфоз»:

...Я все испытал: но неизлечимую рану
Надо отрезать мечом, чтоб здоровая часть не погибла.[57]

4. Конечно, в этом случае также надо соблюдать меру: не следует некстати метать громы и молнии; сообразуйся с условиями времени и места, в особенности же [смотри], кто ты сам и о ком и кому говоришь. Ведь иногда твоя брань настолько не страшна слушателям, что они сочтут ее громом от [хлопанья] шкуры. Я безусловно полагаю, что это не может относиться к [лицу] ученому или обладающему влиянием в жизни, которому, думается, следует посоветовать или совершенно воздерживаться от таких приемов, но говорить спокойно, с некоторой скромностью, или если [уж] он решил пользоваться [фигурой] истолкования, то пусть приводит ее не от собственного [имени], но от имени Бога или в виде лица какого-нибудь святого путем олицетворения.

5. Далее следует иметь в виду: не все грехи можно одинаково хорошо искоренять путем задорной издевки или шутливой речи; но в одних случаях сильнее воздействие первой, в других — второй. На роскошь, пожалуйста, не нападай шутками; ведь таким образом ты скорее воспламенишь, чем потушишь огонь этой [страсти]. Но что совершенно неизвестно некоторым людям, или чем пренебрегают те, кто часто и весьма глупо шутит над [людьми] разнузданными и развратными, — [это то, что] о действии этих шуток можно узнать от слушателей. Ведь ты заметишь, если кто-нибудь из страдающих этим недугом присутствует на проповеди, что они так жадно слушают и, по-видимому, принимают [обличение] на свой счет, а после проповеди уходят скорее, чем пришли. Напротив, гордость [еще] более ожесточается, если ты устремишься на страшный бой с нею: ведь человек надменный считает себя столь важным, что [по его мнению] требуется больше усилий для его разоблачения, и от этого он становится самодовольнее. Поэтому я полагал бы, что на [порок] роскоши следует извергать все громы божественного гнева и [Страшного] суда, смерти адского пламени; гордость же — поражать презрением, шуткой, язвительным смехом; если для [искоренения] этих пороков присоединить также брань, то будет [еще] лучше. Но одна только [брань] едва ли окажется действенной. Что касается других пороков, то способы [борьбы с ними должны] нас менее заботить.

---

[57] **Назон в XII кн. «Метаморфоз»: Я все испытал… не погибла.** Ovid. Met. I: 190–191. Пер. А. А. Фета.

ГЛАВА IV

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ В РЕЧАХ СОВЕЩАТЕЛЬНОГО РОДА, И КАКОЙ ПОРЯДОК И СТРОЙНОСТЬ [ПРИ ЭТОМ] СЛЕДУЕТ СОБЛЮДАТЬ

1. В духовных речах виды доказательств те же, и [их] столько же, сколько и в [речах] гражданских. Однако все [доказательства] можно разделить на два вида: одни имеют отношение к благодати, кротости, милосердию, милости Бога нашего; другие относятся к его правосудию и наказанию. К первому виду принадлежат те [доказательства], которые берем от полезного, как, например, вечное блаженство, от прекрасного — [например] стремление к высшему благу; от приятного — потому что иго Христово приятно; от легкого — потому что с помощью Божьей нет никаких трудностей. «Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди его, и заповеди его не тяжки, ибо все рожденное от Бога побеждает мир» (I Послание Иоанна, гл. 5).[58]

Напротив, доказательства второго вида все основаны на необходимости: неизбежная кара Божья, суд, смерть, вечное осуждение. [Доказательства] первого [вида], как кажется, привлекают нас, а эти последние побуждают. Ведь подобно тому, как говорят, что человек, совершая грех, отвращается от Бога и обращается к твари, так его следует отвратить от твари страхом и привлечь к Богу изъяснением Божественной благости.

2. Можно, однако, задать вопрос: какой [из этих двух видов доказательств] следует излагать слушателям сначала: привлекающие или побуждающие [доводы]. Трудно представить соображение для ответа на этот вопрос. Ведь, как мы сказали выше, действенность [доказательств] в этом роде [духовного красноречия] зависит не от искусства, а от милости и произволения Божьего. Если, однако, в какой-то степени позволительно угадывать, то я считаю, что на первом месте нужно ставить доказательства побуждающие и действовать на грешников страхом. Ведь и у Иоанна Крестителя первый довод был вооружен секирой кары Божьей; и пророки весьма часто внушают [страх] суда Божия. И многие народы обратились ко Христу, [устрашенные] описанием Божественной кары,[59] как, [например], царь болгарский[60]

---

[58] **Ибо это есть любовь к Богу… мир.** I Иоанн. 5: 3–4.

[59] **…у Иоанна Крестителя первый довод был вооружен секирой кары Божьей…** ФП имеет в виду Лк. 3: 7–9; Лк. 7: 24–28.

[60] **Царь болгарский** — Борис I (Богорис, в крещении Михаил; 1-я пол. IX в. — 907) — правитель Болгарии (852–889). По легенде, принял крещение под впечатлением от картины «Страшный Суд», написанной в его доме монахом Мефодием.

и наш князь святой Владимир[61] уверовали во Христа, устрашившись [картины] Божественного суда, нарисованной на [куске] ткани.[62] И основания для этого, по-видимому, заключаются в следующем: [именно] что людей только под влиянием страха можно соблазнить благом, которого они не видят. Затем они должны сначала оставить зло, и тогда они легче устремятся ко благу, на что, по-видимому, указывает и Псалмопевец, говоря: «Отвратись от зла и сотвори благо».[63] Напротив, перестать грешить весьма трудно, в особенности если грех укоренился в силу обычая, если сначала не разобьешь оков [греха] силой страха. Поэтому прежде следует изложить несчастья, которые поразят грешника: из них одни — временные, другие — вечные. Временные несчастья, как [например], житейское несчастье, позор, болезни, различные неприятности и т. д.; это, конечно, частные несчастья. Затем если речь обращена к народу, то можно выбрать также и общественные [бедствия]: голод, войны, чума, пожары и т. д.

Под вечными же бедствиями понимай адские мучения, которые все ты должен амплифицировать, подчеркнув [также] могущество Бога нашего, гнев против нечестивцев, правосудие, кару. Затем ты изложишь вообще и в частности позор, тягость и гнусность грехов.

3. Но лишь только ты поймешь, что [греховное] упорство уже немного сломлено, следует [тотчас] применить другие доводы, которые мы назвали привлекающими: ты будешь описывать вечное блаженство, изъяснишь кротость трижды величайшего всеблагого Бога, [его] благость, любовь к нам, превосходящую всякие ожидания; легко доступную возможность прощения, милосердия, прославишь раскаяние, затем изложишь похвалы другим добродетелям в частности и вообще. Кроме вышеприведенного, двойное основание побеждает [нас] применить эти [доводы]: в самом деле, во-первых, чтобы устрашенный грешник не оцепенел или не впал в отчаяние, [его] следует непременно ободрить. Так, Златоуст в какой-то проповеди обещал тем, которые имели недостойные связи, одинаковое наказание с мучи-

---

[61] **…князь святой Владимир** (Владимир Святой, Владимир Великий, Владимир Креститель; ок. 960–1015) — князь новгородский, князь киевский, при котором произошло крещение Руси.

[62] **…Владимир…, устрашившись [картины] Божественного суда, нарисованной на [куске] ткани.** ФП имеет в виду беседу Владимира с философом, описанную в «Повести временных лет» под 986 годом. См. о сюжете принятия христианства под влиянием этого изображения: *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 87.

[63] **Отвратись от зла и сотвори благо.** Пс. 33: 14.

телями Христовыми;[64] увидев же, что многие были потрясены этими словами, он на следующий день начал проповедь так: «Полагаю, достаточно мы вас недавно побранили и нанесли слишком глубокую рану. Поэтому сегодня необходимо принести всем облегчение и т. д.». [65] Далее также и потому не следует долго метать громы, чтобы страх не потерял значения в силу самой прививки и не стал вызывать равнодушного отношения: и собаки, которые раньше, конечно, бежали от ударов молотов, колотушек, закалившись привычкой, спят под наковальней.

4. Поэтому следует преднамеренно разнообразить содержание проповедей и применять то радостные доводы, то печальные, то исполненные страха и опасности, а то даже [и] более мягкие.

ГЛАВА V

ОСОБОЕ УЧЕНИЕ ОБ ОПРОВЕРЖЕНИИ И СПОСОБАХ ДОБИВАТЬСЯ ДОБРОДЕТЕЛИ И ИЗБЕГАТЬ ПОРОКОВ

1. Здесь вовсе не важно говорить о том, каким образом в духовной речи следует строить опровержение, так как особого способа [для этого], [отличного] от того, о котором мы говорили в книге III,[66] нет. Здесь я только отмечаю вкратце, откуда именно в духовной речи можно почерпнуть возможные [против нас] возражения, [которые] мы должны опровергать (ведь в этой речи мы побуждаем к какой-либо добродетели или отвращаем от пороков). Ведь слушатель ничего не возразит своими устами, но, может быть, молчаливо будет тешить себя какими-то мелочными отговорками. Ввиду этого можно получить представление об этих возражениях двояким способом. Во-первых, с помощью нашей собственной опытности: тщательно иссле-

---

[64] **Так, Златоуст в какой-то проповеди обещал тем, которые имели недостойные связи, одинаковое наказание с мучителями Христовыми.** Возможно, ФП имеет в виду «О священстве. Слово четвертое» (Наставления причастникам святых Христовых тайн). См.: «О священстве» (Περὶ ἱερωσύνης; De sacerdotio (lib. 1–6)).

[65] **Полагаю… облегчение и т. д.** См.: Иоанн Златоуст. Гомилия «О том, что говорить к народу с угодливостью опасно как для тех, кто говорит, так и для тех, кто слушает, и о том, что речь против собственных прегрешений полезна и является величайшей праведностью» (΄Οτι επικίνδυνον καί τοῖς λέγουσι, καί τοῖς ἀκούουσι τὸ πρὸς χάριν δημηγορείν, καί ὅτι χρήσιμον και δικαιοσύνη μεγίστη τὸ κατηγορείν τῶν οἰκείων ἁμαρτημάτων; Non esse ad gratiam concionandum).

[66] **…о котором мы говорили в книге III.** См. кн. III, гл. VI–VIII.

дуя [то], что обычно нам приходит на ум в том или другом деле, что — при том или другом переживании. И вот первой придет на ум отговорка (если, например, нужно испрашивать милостыню), что ты боишься несчастья, во-вторых, что нужно воспитывать детей; в-третьих, что ты хранишь [деньги] для того, чтобы после твоей кончины оставить на молитвы [за упокой души] и т. д.

Эти возражения следует опровергать; даже если речь идет о том, чтобы избегать скупости, я дам отпор отговоркам скупых [такими словами]: они потому заботятся о своем достоянии, чтобы иметь средства для траты на бедных, чтобы из этого [достояния] воспитывать питомцев, чтобы сооружать храмы и т. д. А если ты не примешь какого-нибудь решения в душе, то сможешь познакомиться с этими [возражениями] другим способом так: ты возьмешь на себя роль другого лица и подумаешь, каково было бы твое настроение, если бы ты избавился от этого же порока; ведь путем долгого размышления ты придумаешь много возражений, которые затем ты опровергнешь в [своей] речи. Но то, что такие опровержения необходимы, хотя бы и при отсутствии возражений со стороны слушателя, это побуждает [нас] не оставлять никаких сомнений у слушателей; опаснее ведь, если возражения делаются более молча, чем открыто: в последнем случае, устранив возражение, полагают, что дело не содержит уже ничего сомнительного; наоборот, в первом случае мы не знаем, что скрыто на уме у противников: мы сами добровольно должны будем опровергнуть все возражения, которые они могут, как мы считаем, нам выставить.

2. Однако к этим общим с гражданской речью частям, духовная речь прибавляет третью особую [часть] в увещевательном роде, именно: способ достичь добродетели или избежать порока, о котором идет речь. Ведь достаточно убедить в необходимости соблюдать ту или иную заповедь Божию, если ты не научишь так же, каким образом ее следует соблюдать. Так, тот, кто побуждает ревностно творить милостыню, должен научить после побуждения, каким образом следует творить ее с пользой: [раздавая ее], очевидно, не скудно, но щедрой и широкой рукой; ведь кто посеет скудно, тот соберет и скудную жатву; затем с легким и бодрым настроением; ведь Бог любит радостного дарителя; кроме того, пусть милостыня будет тайной: чтобы не знала твоя левая рука, что делает правая; затем также не ради снискания суетной славы, но давай из чувства любви, сострадания и Христа ради и т. д.

3. Но научить, откуда ты сам можешь узнать эти способы — [лежит] за пределами нашей возможности: больше всего поможет чтение писаний Ветхого и Нового Завета и [Творений] Отеческих, в особенно же следует читать творения аскетов: Кассиановы «Пиршества» и книги «О совершен-

ствовании»[67] и «О восьми пороках»; также творения Святого Иоанна Лествичника;[68] также — Сенека Философ[69] и Эпиктет и другие стоики[70] принесут большую пользу, если их читать рассудительно и с разумной осторожностью.

ГЛАВА VI

О ПОКАЗАТЕЛЬНОМ РОДЕ [РЕЧЕЙ] И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЕТ ГОВОРИТЬ НА ПРАЗДНИКАХ ГОСПОДНИХ

1. Главное правило о проповедях на праздниках Господних следующее: можно разобрать два [случая]: во-первых, изложить и разъяснить праздник; память какого именно события празднуется; что означает этот праздник, что [в нем] заслуживает внимания или из каких частей он состоит, почему он произошел и т. д.; во-вторых, в данном празднике можно усмотреть некоторое качество Бога: могущество, премудрость, справедливость, кротость и т. д. или дарованное нам благо: искупление, помощь, пример и т. д.; или явленную великую любовь и т. д. И одно или больше из этих [качеств], которые особенно ясно проявляются из праздника, амплифицировать; иногда можно брать для изложения одно из них, иногда оба; и сначала следует, конечно, разъяснить праздник, затем амплифицировать любовь Бога к нам, или милосердие, или какое-нибудь другое качество, явленное в этом празднике. Теперь перейдем к отдельным праздникам.

2. Господних праздников десять: Рождество, Богоявление, Сретение, Вербное воскресенье, Вечеря Господня, Страсти, Воскресение, Вознесение, Пятидесятница и [Воздвижение] креста Господня.

3. Рождество есть таинство, потому что сын Божий сочетал в себе природу человеческую через воплощение во чреве Пресвятой Девы и от нее родился. Если мы остановимся в проповеди на самом празднике, то, во-первых, можно разъяснить некоторые темы: почему Бог стал человеком? Эти

---

[67] **Кассиан** — Иоанн Кассиан Римлянин, Иоанн Массалийский (Ioannes Cassianus; Ioannes Massiliensis, ок. 360–435) — христианский монах, богослов. ФП имеет в виду трактаты Кассиана «Пиршества» («Собеседования»; Collationes) и «Об общежительстве» («О правилах общежительных монастырей»; De institutis coenobiorum), частью которого был трактат «О восьми пороках» («О средствах против восьми главных пороков»; De octo principalium vitiorum remediis), имевший самостоятельное хождение.

[68] **…творения Святого Иоанна Лествичника.** См. примеч. 164 к кн. IV.

[69] **Сенека Философ.** См. примеч. 7 к кн. I.

[70] **Эпиктет и другие стоики…** См. примеч. 89 к кн. III.

темы следует взять из Богословия отцов и апостолов, красноречиво изложить, украсить [риторическими] уподоблениями, примерами из Ветхого Завета и т. д. И среди этих тем по усмотрению следует какую-нибудь амплифицировать. Во-вторых, можно изложить учение о воплощении Господа и спорить против различных ересей, т. е. утверждать, что Он совершенный человек и совершенный Бог и душу взял вместе с телом человеческим; против Аполлинария, что истинно два естества соединены во Христе и составляют одно лицо;[71] против Нестория, что эти естества неслиянны, но истинно и подлинно два,[72] против Евтихита, что истинная плоть [во Христе], а не кажущаяся, против других и т. д.[73] В-третьих, можно амплифицировать самый праздник, сказав, что он достоин удивления, велик, неслыханный и т. д. В-четвертых, если ты желаешь почерпнуть из этого [праздника] божественные качества, то ты покажешь проявление в нем божественной справедливости, потому что для воздаяния за грех наш нельзя найти никого [другого] равного Богу, каким является Христос; также [покажешь] премудрость [божию], которая могла соединять столь великие противоположности; но в особенности милосердие и любовь к роду человеческому; весьма много тем (под темами же понимай здесь основное содержание) можно заимствовать из проповедей отцов [церкви]; например, из слова Василия «На Рождество Христово»,[74] Григория Богослова из III и VIII проповедей,[75] из Григория Нисского на известный псалом «Вострубите в Новомесячие трубою»,[76] из Златоуста и т. д.

---

[71] **Аполлинарий** — Аполлинарий Лаодикийский (Ἀπολλινάριος Λαοδικείας, Аполлинарий Младший; ок. 310 — ок. 390) — епископ Лаодикии, богослов, экзегет, противник арианства, создатель новой ереси (аполлинаризма). Предан анафеме на V Вселенском соборе.

[72] **Несторий** — Несторий (Νεστόριος; после 381 — ок. 451) — архиепископ Константинопольский, богослов, противник арианства, создатель несторианства. Предан анафеме на Эфесском (Третьем Вселенском) соборе.

[73] **Евтихит** — Евтихий (Εὐτυχής, ок. 370 — после 454) — константинопольский архимандрит, противник несторианства, создатель евтихианства. Предан анафеме на Константинопольском поместном соборе, оправдан на Втором Эфесском Вселенском соборе, где анафематствовал Аполлинария и Нестория.

[74] **…из слова Василия «На Рождество Христово».** Беседа 27, «На святое Рождество Христово» (Ὁμίλια εἰς τὴν ἁγίαν τοῦ Χριστοῦ γέννησιν; In sanctam Christi Generationem) входило в Великие Четьи Минеи.

[75] **…Григория Богослова из III и VIII проповедей…** Неизвестно, какую нумерацию слов использует ФП.

[76] **…из Григория Нисского на известный псалом «Вострубите в Новомесячие трубою»…** ФП имеет в виду толкование Иоанна Златоуста на Пс. 80: 4.

4. Во Святом Богоявлении ты скажешь, во-первых, что праздник состоит в следующем: что есть Крещение и сколь великое это таинство, почему и с какой целью оно установлено; затем [ты укажешь], например, самого Христа, принявшего это крещение, хотя он не имел греха, который нужно было бы смыть, так как Господь принял тогда вид раба, во всем уподобившись рабу и грешнику. Это последнее [обстоятельство] следует амплифицировать с великой страстью; далее [сказать], что от сотворения мира сегодня впервые открылась несказанная тайна — Пресвятая Троица. Можно придумать пригодные обоснования, почему во время крещения Христова было явлено столь великое таинство.

Во-вторых, здесь проявились величайшие божественные качества: кротость и любовь Христова к роду человеческому. Можно прибавить рассказ о событиях, которые могли произойти в этот день: как смущен был диавол, [как] возрадовались ангелы, какое счастье выпало на долю роду человеческому и т. д.

5. Сретение, по-гречески Ὑπαπαντὴ, у латинян называется иначе очищением Пресвятой Девы. Существовал древний обычай, который повелевал приносить жертву за новорожденного младенца мужского пола и производить очищение матерей с известным обрядом, который имей в виду. Рассказав об этом, присоедини причины, почему Господь, хотя и не был связан с этим обычаем, все-таки пожелал его исполнить. Затем расскажи, что произошло за этим жертвоприношением за Христа: о Симеоне, об Анне, о печальном пророчестве Симеона, данном Пресвятой Деве. Здесь можно также говорить о смирении Иисуса и его матери: [именно] что он подчинился законам, хотя и был царем; что та, которая была чистейшей, не отвергла очищения; здесь же следует сказать о чистоте Марии.

6. В Вербное воскресение, во-первых, следует рассказать о входе Господнем во Иерусалим и на основании событий, там происшедших, привести некоторые пророчества о грядущей победе и торжестве Христовом, показав, что это торжество до победы не является суетным. Во-вторых, явление Господа в мир следует сравнить со входом во Иерусалим, потому именно, что при появлении на свет он принадлежал к числу людей незначительных и простого [звания], когда же ему предстояла скорая смерть, он празднует триумф в торжественной процессии. Отсюда следует показать, с какой готовностью Христос пожелал умереть за нас. В-третьих, можно изложить пример, данный Христом для того, чтобы мы переносили все [страдания] за него стойко. В-четвертых, святые отцы обычно дают различное толкование этого праздника. Одни под жеребенком, [который] находился за селом и был привязан, понимают человека, изгнанного из рая и связанного греховными узами: теперь он вновь освобожден и приведен назад. Так [гово-

рит] Афанасий Великий (т. 1, стр. 725).[77] Другие полагают, что под ослицей и жеребенком обозначены два народа (иудейский и языческий), которых апостолы своею проповедью освободили [от греха] и обратили к вере Христовой; «устилают одеждами своими», т. е. украшают примерами благой жизни и т. д.

7. На Вечери Господней или в Великий Четверг, во-первых, следует амплифицировать таинство Евхаристии, сколь оно является удивительно, страшно и почти что невероятно. Во-вторых, объяснить, какую великую любовь явил нам здесь Христос, какие последствия [для нас от] этой святейшей Вечери. В-третьих, можно также дать наставление о том, как, с каким сознанием мы должны приступать к этой столь Великой Вечере и насколько велик грех недостойно принимать тело Господне. В-четвертых, но здесь есть и другое таинство — омовение ног, которое сотворил Господь, показывая нам пример смирения. Рассказывая об этом, следует амплифицировать удивительное смирение Христово, которое склонило к ногам рыбаков того, у кого «седалище — небо и земля — подножие ног его».[78]

8. В [праздник] Страстей Господних, во-первых, рассказать о страдании и мучениях, которое претерпел Господь, с [изображением] душевных состояний: скорби, сострадания, гнева, ненависти и негодования против богоубийц. Или, во-вторых, следует амплифицировать любовь к нам Христову, смирение, терпение, наше искупление.

9. В [праздник] Воскресения Господня, которое является самым радостным праздником из всех, представляется необходимым сказать следующее: во-первых, рассказать, как душа Христова нисходила во ад, разбивала врата ада, освобождала отцов, каково было смущение и трепет демонов, каково ликование освобожденных святых; затем — как воскрес Христос, почему устрашились Святая Матерь его и ученики, когда им явился Господь; как, с другой стороны, ликовало небо, и с какой радостью и нам также нужно [встречать этот праздник]. Если ты изложишь все это цветистым, живописным и украшенным [фигурами] стилем, то, пожалуй, ничего не может быть более приятного и радостного. Во-вторых, можно рассказать о доблестных делах и последствиях, которые породило Воскресение Господа, [именно]: утверждение надежды на всеобщее наше воскресение в будущем; освобождение [из ада] душ святых, победа над смертью сделала [ее] уже не печальной, но радостной и желанной для человека; могущество диавола вконец сокрушено и уничтожено; все дело нашего искупления завершено. Можно

---

[77] **…под жеребенком… назад. Так [говорит] Афанасий Великий (т. 1, стр. 725).** Источник не установлен.

[78] **…седалище — небо и земля — подножие ног его...** Ис. 66: 1; Мф. 5: 35.

изложить также поучение о правилах, т. е. [о том], каким образом надо воскреснуть от смерти [во] грехе; но это следует взять в связи с воскресением Господа, а не излагать в общем виде. В связи с Воскресением Господа можно также показать и амплифицировать некоторые признаки и знамения небесной радости и грядущего блаженства.

10. В [праздник] Вознесения Господня, во-первых, следует описать торжественное восшествие Христово на небо; во-вторых, следует научить, как мы должны мистически, духовно возноситься на небо, или о благочестивом созерцании; также [сказать], что человек рожден не для жизни на земле, но для того, чтобы стремиться к небу, и поэтому бог дал человеку лицо высоко наверху и повелел смотреть на небо и поднимать возвышенные взоры к звездам. В-третьих, о счастье человеческого рода, который не только освобожден из ада, но и вознесен со Христом на небо, и занял место по правую сторону отца выше всех ангелов. Здесь можно будет сказать торжественно о ненависти к диаволу и о презрении к нему. В-четвертых, можно также здесь говорить о втором пришествии Христовом для суда, так как сами ангелы возвестили апостолам, что он для этого придет, и о нашем будущем вознесении на небо.

11. В день Пятидесятый, или «Пятидесятницу», прославляется двойное таинство: сошествие святого Духа на апостолов и вера во Святую Троицу. И если речь идет только о [святом] духе, то, во-первых, можно доказать против еретиков существование святого духа, именно что он есть Бог и равен отцу и сыну, и исходит только от Отца; во-вторых, ты можешь воздать хвалу святому духу, перечислив особые действия, которые обычно признаются [исходящими] от него: например, чудеса, пророчества, стойкость мучеников, непорочность дев, любовь в сердцах благочестивых людей, обращение к Богу, освящение таинств; наконец, семь даров святого духа; в-третьих, показать, что сотворил дух святой после сошествия на апостолов. В-четвертых, рассказать самое историю и мистически объяснить значение известного шума от вихря и огненных языков. А если желаешь говорить о таинстве Святой Троицы, то, во-первых, можно начать поучение о вере в Троицу: [именно] что Бог троичен в лицах и един в существе, причем доводы и основания для этого следует брать из Ветхого и Нового Завета; подобное можно также наблюдать в природе. Во-вторых, [сказать], насколько велика Божья любовь к нам, [выразившаяся] в том, что Он явил нам столь великое таинство; здесь же следует амплифицировать [наше] удивление перед таинством. В-третьих, о столь великом таинстве мы ничего не смеем сказать, кроме того, что мы [должны] верить, удивляться и молчаливо поклоняться и т. д.

12. Таинство праздник Преображения отцы [церкви] обычно так излагают: Христос показал свою славу тем светом Божества для того, чтобы

укрепить апостолов [в вере] и не [допустить] их сомнения в нем во время его страдания; Моисей и Илия стояли возле него, чтобы всем было известно, что Христос повелевает живыми и мертвыми. Поэтому, во-первых, рассказав о божественном Преображении вместе с объяснением можно сказать об исключительной любви Божией к своей церкви; во-вторых, можно также начать поучение о том, как и нам следует, преобразившись, [стать] лучше.

13. На празднике Воздвижения святого креста следует, во-первых, доказать на основании отцов [церкви], чудес и древних изображений, что святой крест есть священное изображение, [которое] христиане должны почитать. Во-вторых, следует рассуждать также о способе, как мы должны поклоняться кресту, т. е. не дереву или серебру поклоняться, но самому Христу; конечно, не поклоняться самому изображению, но все же чтить его в память страдания и смерти Господа. В-третьих, или начать рассуждение [о том], что мы должны охранять себя знамением креста; подтверждение этому следует брать из [творений] отцов, а также можно найти доказательство из сравнений.

Имей в виду, что не все сказанное о праздниках следует всегда вмещать в одну проповедь, но, как кажется, можно иногда излагать одну [тему], иногда две и больше.

ГЛАВА VII

О ПРАЗДНИКАХ БОГОРОДИЦЫ И О ПОХВАЛАХ СВЯТЫМ

Праздников Богородицы пять: Рождество, Покров, Введение во храм, Благовещение и Кончина, обычно Успение.

1. В Рождество можно говорить обо всех Добродетелях Божьей Матери, по крайней мере, в таком роде: например, предпослав основное положение [о том, что] избранная быть Матерью Божьей должна обладать всеми добродетелями. Далее здесь, по-видимому, следует показать добродетели и амплифицировать их на основании деяний Пресвятой Девы, потому что мы говорим как бы о ныне рожденной, но путем предположений, на основании того, что она является будущей Матерью Божьей; например, что та, в которой пожелал пребывать Бог, должна быть непорочной и чистой; каким же образом не является скромной и смиренной та, во чреве которой сам Господь примет вид раба и т. д. Здесь можно упомянуть и о похвалах святым ее родителям. Во-вторых, следует призвать церковь к ликованию, потому что родилась та, от которой «воссияло солнце правды», как воспевает та же церковь. Совершенно то же самое, что мы говорили здесь о Рождестве Пресвятой Девы, следует сказать и о ее зачатии.

2. В праздник Покрова являются следующие темы: во-первых, молить Богородицу о помощи против противников почитания святых: лютеран и кальвинистов, во-вторых, [сказать], что молитвы матери имеют великую силу у Сына, в-третьих, велика должна быть вера наша в ее заступничество, и эту веру следует обосновывать не только различными историями и чудесами, но [и творениями] достоверных писателей, [а] также свидетельствами отцов [церкви].

3. Прославляя ее Введение во храм, мы расскажем ряд ее деяний, присоединив причины, от которых они произошли; затем о ее жизни, воспитании, скажем, что ее вскормил ангел, как сообщают историки; из этого заключим о ее великих добродетелях: каковы были ее молитвы, каковы благочестивые упражнения, как велика чистота, насколько велика любовь к богу, насколько велика мудрость и т. д. Можем присоединить [к этому] нравственное поучение: как нам следует входить в церковь и как [себя] вести в ней, или же скажем о воспитании детей.

4. В праздник Благовещения, или ангельской вести, следует сказать, во-первых, [о том] что сама трудность изложения заключается в событии; здесь главным образом, следует амплифицировать четыре добродетели Святой Девы: [именно] что Бог пожелал возвестить ей о своем рождении от нее; скромность и целомудрие [Святой] Девы, так как она пришла в смущение от речи ангела; ее покорность и вера, так как она дала согласие и не усомнилась в событии столь великом и невероятном. Во-вторых, в этот день величайшая честь выпала на долю Пресвятой Девы, так как она была именована Матерью Божьей (здесь следует амплифицировать, насколько велико достоинство быть Матерью Божьей).

5. В [праздник] кончины или памяти святой кончины Пресвятой Девы Богоматери следует изложить всю ее жизнь и все деяния в отличном похвальном слове и сделать предположительные выводы о небесной славе, которую она получит от Сына; следует говорить совершенно так же, как мы указали в надгробной речи; впрочем, в данном случае не надо говорить ничего печального: ведь мы не оплакиваем и не погребаем Богоматери, но празднуем величайшее из всех ее торжество.

6. Праздники святым имеют легкодоступные и готовые темы [для проповеди]: ведь в них следует прославлять только жизнь и деяния святых. Следует говорить похвальное слово; однако надо иметь в виду одно следующее [обстоятельство]: хотя можно у отдельных святых найти почти все возможные добродетели, однако, в отдельности некоторые присущи одним [святым], другие — другим; и эти [добродетели] можно рассматривать в порядке их достоинств у апостолов, учителей [церкви], проповедников и епископов: безупречность учения, неусыпная забота по управлению [церковью],

рвение, настойчивость и действенность проповедей, страстное рвение в заботах о добродетели и в борьбе с ересями; наконец, перенесенные труды и опасности при управлении своей епархией. У мучеников следует амплифицировать: мужество, и стойкость в силу множества [перенесенных] мучений; у монархов следует прославлять покаяние и суровый образ жизни; у девственниц скромность и пристойность и сохранение целомудрия. Итак, [следует] говорить об остальных.

ГЛАВА VIII

ЧТО СЛЕДУЕТ ДУМАТЬ О ТЕМЕ: ВСЕГДА ЛИ НАДО ЕЕ ПРИМЕНЯТЬ, ИЛИ ИНОГДА МОЖНО ОПУСКАТЬ?

1. Темами Квинтилиан в VII книге (глава 1) называет содержание контроверсий, которые он сам обычно предпосылает своим декламациям.[79] В духовных проповедях под темами понимают только некоторые цитаты из Священного Писания, которые помещают перед проповедью, как бы некоторые эпиграфы или надписи, сообразно значению которых проповедник выбирает свою тему или главный предмет, который затем обосновывает.

2. У древних отцов [церкви темы] редко встречаются, новые же, как можно заметить, столь упорно [их применяют,] что большинство считает предосудительным опускать тему. [Относительно] же того, что нам следует думать об этом, мы поймем без большого труда, если познакомимся с происхождением и причиной [употребления] тем.

3. Происхождение же они, как кажется, ведут от того, что древние отцы [церкви] при изложении какого-нибудь нравственного наставления народу нередко брали слова Писания, особенно подходящие к их теме. Эти слова становились как бы толкованиями для задуманного ими наставления, много примеров этого у Святого Златоуста и других, и всегда их проповеди имеют такие заголовки: «Святого Иоанна Златоуста слово на известное изречение [из] I [послания] к Тимофею»: «Богатых века сего увещевай, чтобы они не высоко думали [о себе]».[80] После того, когда эти заголовки, может быть,

---

[79] **Темами Квинтилиан… называет содержание контроверсий.** См.: Quint. Inst. Orat. Lib. X. Cap. I: 71; Lib. X. Cap. V: 21–22.

[80] **«Святого Иоанна Златоуста слово на известное изречение [из] I [послания] к Тимофею»: «Богатых века сего увещевай, чтобы они не высоко думали [о себе]».** Беседа на Первое и Второе Послания к Тимофею (Ὑπόμνημα εἰς τὴν πρὸς Τιμόθεον πρώτην ἐπιστολήν; In epistulam I ad Timotheum argumentum et homiliae 1–18; Ὑπόμνημα εἰς τὴν πρὸς Τιμόθεον δευτέραν ἐπιστολήν; In epistulam II ad Timotheum argumentum et homiliae, 1–10).

многим понравились, так как они оказались весьма доказательными и блестящими по [форме], то многие, следуя примеру один другого, пришли к тому, что стали считать речь без темы [как бы] испорченной и несовершенной. Поэтому все стали вообще применять темы для показательного рода [речей], и, как всегда, добродетели дали повод для [развития] пороков; так же и это [обыкновение], впрочем, полезное и удобное, сделалось вредным и обычно приносит великий вред как ораторам, так и слушателям. Последним, конечно, потому, что они обращают внимание лишь на одну тему: прослушав ее, большинство уходит из храма, как бы поняв всю речь, или по крайней мере, занимается посторонними делами. Первым же потому, что они заботятся только о теме и только и стараются ее найти; большинство находит весьма пошлую [тему] или [такую], которая также не вяжется с проповедью, как лошадиная голова не может [соединиться] с ослиным туловищем.

4. На основании [наших] наставлений об употреблении темы, можно без труда вывести заключение о том, что не следует слишком ревностно подражать как в прочих [отношениях], так и в этой части толпе проповедников, но даже если собираешься поучать народ, прочтя евангельский отрывок, как бывает по Воскресным дням, то можешь взять какое-либо изречение Христово, вокруг которого, как вокруг центра, вращается тема проповеди, а если будешь говорить о деяниях какого-либо святого мужа, то не будешь обвинен в кощунстве, если опустишь тему, хотя даже под давлением первой необходимости ты не сильно согрешишь для ее сохранения; а если ты сочтешь, что тебе следует подчиниться обычаю, то не возбраняю этого; впрочем, я полагаю, что следует находить такую тему, от которой зависела бы не частица предмета, а все содержание [проповеди].

КНИГА X

О ПАМЯТИ И ПРОИЗНЕСЕНИИ

До сих пор мы говорили, как в общих чертах, так и в частности, о трех обязанностях оратора: об изобретении, расположении и изложении материала. Остается сказать о двух остальных, именно о памяти и произнесении. Если память слаба от природы или отличается каким-либо недостатком, то пусть речь будет даже заранее обдумана и сочинена весьма талантливо и мастерски, все равно она не встретит благосклонного приема и не заслужит успеха. Что же, скажи, пожалуйста, может сделать забывчивый оратор, который то часто останавливается, то без нужды повторяет одно и то же, то запинается, то бледнеет, то молчаливо стоит в задумчивости, то заставляет слушателя чуть не умирать от стыда и позволяет им, наконец, молиться за себя скорее, чем представить себе, о чем он говорит. Но если он будет владеть подобающими приемами произнесения, то он почти ничего не скажет. Ведь часто одна и та же речь, которую мы пробуем слушать в произнесении одного лица, производит на нас приятное впечатление, когда же ее произносит другой — отвратительное, и кажется, что раньше речь отличалась не только плохим произношением, но и отсутствием мысли, и я со своей стороны придаю настолько важное значение превосходной памяти и красоте произношения, что, по моему мнению, добрая половина ораторских достоинств отсутствует у того оратора, который их лишен, хотя эти качества являются, скорее, дарами натуры, чем произведениями искусства. Древние софисты, однако, сохранили много наставлений по этому предмету, из них более замечательные отобрал Фабий.[1] Здесь мы приведем несколько этих последних.

Перечень глав книги X.

Глава I. Наставление для развития памяти, основанное на ее упражнении.

---

[1] **…много наставлений по этому предмету, из них более замечательные отобрал Фабий.** ФП имеет в виду Quint. Lib. XI.

Глава II. Вспомогательные средства для развития памяти, основанные на местах, образах, расположении предметов, значках, подобиях и прочих приемах.

Глава III. О произношении и прежде всего о недостатках голоса.

Глава IV. О достоинствах голоса.

Глава V. О телодвижениях и прежде всего о некоторых недостатках.

Глава VI. О достоинствах правильных телодвижений.

ГЛАВА I

НАСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ, ОСНОВАННЫЕ НА ЕЕ УПРАЖНЕНИИ

Первое и наилучшее наставление — упражнять память, т. е. часто учить что-либо наизусть. В справедливости этого каждый может убедиться на собственном опыте. Однако, чтобы упражнение было полезным, надо руководствоваться некоторым особым приемом. Поэтому рекомендуются следующие наставления.

1. Надо иметь в виду, какое упражнение для развития памяти удобнее применять сначала, а какое потом. Сначала непременно должны идти упражнения поэтические, а затем уже ораторские. Ведь легче и удобнее всего запоминать предметы в известном порядке и ритме; легко заметить, если упражнение не будет целиком стихотворным или размер его будет нарушен.

2. Каким же способом надо производить само упражнение? Здесь приходят на ум четыре способа: целиком или по частям следует заучивать речь? Нужно ли учить что-либо дословно, про себя или вслух? Целесообразнее поэтому, если речь является слишком длинной, заучивать ее преимущественно по частям. Ведь память особенно страдает от тяжкого бремени. Но в этом случае необходимо, чтобы было много мелких частей, иначе они скорее будут способствовать притуплению, чем обострению памяти.

3. Далее следует заставлять выучивать речь слово в слово, в особенности мальчиков и юношей, иначе бесполезно и записывать, и речь неспокойна, но обычно течение ее нарушено: зачастую оратору приятно даже запинаться, пока он не найдет готового слова, или повторять одни слова, причем уже нельзя сохранить блеска риторических оборотов.

4. Затем лучше учить вслух, чем про себя: ведь тот, кто заучивает про себя, становится как бы рассеянным, ему могут приходить в голову посторонние мысли. Кроме того, декламируя вслух, мы воспринимаем легче, при остановках мы обретаем бодрость для дальнейшего и одним и тем же усилием запоминаем написанное и сочиняем речь.

5. Следует также принимать во внимание обстоятельства времени и места. Наиболее удобными для запоминания, по-видимому, являются утренние часы, а также и другое время; но после хорошо переваренной пищи: когда она при этом переваривается, пары поднимаются в мозг и вредят памяти. Однако после того, как пища уже переварена, мозг становится чище и яснее. Иногда полезно отдохнуть на одну ночь, потому что при лежании отдыхает, а затем острота и ясность памяти достигает полной силы.

6. Надо искать уединенное место, чтобы можно было устранить помехи от посторонних предметов, вызывающих душевное волнение, и устроить внятное чтение вслух.

ГЛАВА II

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ, ОСНОВАННЫЕ НА МЕСТАХ, ОБРАЗАХ, РАСПОЛОЖЕНИИ ПРЕДМЕТОВ, ЗНАЧКАХ, ПОДОБИЯХ И ПРОЧИХ ПРИЕМАХ

1. Существуют также и другие вспомогательные средства для развития памяти. Среди них главную роль играют места и образы. Под «местом» здесь следует понимать не риторические источники доказательств, но места природные или созданные рукою человека, например, города, области, горы, сады, поля и проч. Какую же пользу, однако, скажешь, эти средства приносят памяти? Весьма большую, как я думаю. Ведь если у тебя будет много предметов (а множество всегда вредит памяти), то расположи их в уме, как бы по оправданным соответствующим друг другу местам. Лишь только ты с большей леностью найдешь в уме эти места, то сразу же обнаружишь и соответствующие им предметы. Например, тебе надо говорить о Ганнибале,[2] о Помпее,[3] об Александре,[4] о Леониде,[5] о Ксерксе.[6] Реши, что тебе надо совершить нечто вроде мысленного путешествия: сначала в Африку к Ганнибалу, затем в Рим к Помпею, отсюда в Македонию к Александру, потом в Грецию к Леониду, наконец, в Персию к Ксерксу.

---

[2] **…о Ганнибале** — Ганнибал (Hannibal Barca; 247–183 до н. э.), карфагенский полководец.

[3] **…о Помпее.** См. примеч. 197 к кн. I.

[4] **…об Александре.** См. примеч. 13 к кн. I.

[5] **…о Леониде** — Леонид I (Λεωνίδας; ум. 480 до н. э.) — царь Спарты, участник греко-персидских войн, погиб в битве при Фермопилах.

[6] **…о Ксерксе.** См. примеч. 110 к кн. I.

2. Или же [такими средствами] являются образы вещей, которые мы запечатлеваем в памяти, т. е. некие изображения, по-видимому, обнаруживающие нашему уму данные предметы или даже данные слова. Например, если надо говорить о цветах, реках, горах или лесах, то представь перед глазами их положение, количество, цвет и прочее, хотя в речи ты это и не выразишь. Наконец, представь себе мысленно в безмолвии изучаемые предметы, и ты легче их выучишь наизусть.

3. Весьма помогает запоминанию также правильное расположение в речи доводов и отдельных выражений. Помни, что при подъеме речи ты восходишь, словно по ступеням, и смотри не перескакивай через важные для чего-либо [ступени]. Одинакового приема следует держаться, если при спуске происходит ослабление [речи]. Но если все [эти доводы и выражения] будут одинаковыми, то, конечно, ты добьешься естественного порядка их расположения. Например, если ты уже сказал о юности, то тотчас же придется говорить о зрелом возрасте и т. д.; или если, например, сразу надо упомянуть о многих народах, что обычно делают с помощью приема нагромождения (а как я уже говорил, множество и нагромождение запоминаются труднее всего), то расположи их так, чтобы они находились между собой, и не летай от одного к другому, но переходи постепенно, и сначала помещай восточный, затем южный, потом западный и, наконец, северные.

4. Сюда можно отнести и множество других случаев произвольного и искусственного размещения. Ведь можно также иметь в виду начальные буквы слов и располагать слова в том порядке, какой имеют в алфавите их первые буквы; например; audax, caecus, demens, furibundus и т. д.

Если будешь говорить когда-нибудь об [аллегорических] образах Ветхого Завета, которыми обозначена Пресвятая Божия Матерь, то из них можно воздвигнуть мысленно как бы некое здание, например: Лествица Иакова, храм Соломона, престол Давида, жезл Аарона, гора Даниила, врата Иезекииля, святильник Захарии и пр.[7] С великим трудом я пытался понять эти [аллегорические] образы, и еще более трудным оказалось быстро прочитать

---

[7] **Лествица Иакова, храм Соломона, престол Давида, жезл Аарона, гора Даниила, врата Иезекииля, светильник Захарии и пр.** Перечисляемые ФП аллегории связаны с Акафистной субботой («Похвала Пресвятой Богородицы») и восходят к канону, составленному Германом, Константинопольским патриархом: «Свыше пророцы тя предвозвестиша, Отроковице: стамну, жезл, скрижаль, кивот, свещник, трапезу, гору несекомую, златую кадильницу и скинию, дверь непроходимую, палату, и лествицу, и престол Царев». Иакова изображали с лествицей, Моисея с Неопалимой Купиной, Валаама со звездой, Гедеона с руном, Иезекииля с вратами, Иеремию со скрижалью, Исаию с клещами и углем, Иессея и Аарона с процветшими жезлами, Давида и Соломона с макетами Иерусалимского Храма, Даниила и Аввакума с горами. См.: *Гладышева Е., Нерсесян Л.* Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. М., 1991. С. 13.

их вслух. Почему же? Я воздвиг [мысленно] эти образы по плану [строительства] здания, т. е. сначала гору, затем лествицу, далее, как бы поднявшись на гору, построил храм, потом упомянул о вратах и словно пройдя сквозь них, показал затем руно Гедеоново и, наконец, престол, жезл и светильник, находящиеся как бы в святилище и пр. По этому образцу можно создать и разнообразные другие аллегорические образы.

5. Небесполезно будет также добавить к записи речи на бумаге некоторые значки; например, там, где идет речь о кораблекрушении, поставить якорь,[8] где о плате, — стрелку и т. д.

6. Укреплению памяти также содействует то, что переносит ее от какого-либо подобного предмета к тому, который следует запомнить. Например, если нужно запомнить какого-нибудь Фабия, то вообразим Кунктатора[9] или, говоря о Цицероне, вспомним о горохе.[10]

7. Когда мы говорим речь, то должно отсутствовать всякое чувство гнева, ненависти, печали, так как скорбь и страх принуждают многих ораторов делать остановки посредине; мы прочли о подобном случае с Демосфеном во время посольства к Филиппу.[11]

8. Больше всего помогает запоминанию, пожалуй, одно только записывание. Как известно по опыту, записанное можно легче удержать в памяти даже без труда для заучивания, чем не записанное, хотя бы долго и усиленно его обдумывать.

ГЛАВА III

О ПРОИЗНЕСЕНИИ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О НЕДОСТАТКАХ ГОЛОСА

1. Изложение или произнесение [речи] состоит из двух [частей]: голоса и телодвижения. Тот и другой обладают некоторыми недостатками и достоин-

---

[8] **…где идет речь о кораблекрушении, поставить якорь…** Пересказ. Quint. Lib. XI. Cap. II: 30.

[9] **…если нужно запомнить какого-нибудь Фабия, то вообразим Кунктатора…** ФП пересказывает рассуждения Квинтилиана (Quint. Lib. XI. Cap. II 31) о разных мнемонических приемах: Квинт Фабий Максим Кунктатор (Веррукоз) (Quintus Fabius Maximus Cunctator или Quintus Fabius Maximus Verrucosus; ум. в 203 году до н. э.) — римский политический деятель из рода Фабиев. Запоминание по яркому представителю фамилии.

[10] **…говоря о Цицероне, вспомним о горохе.** ФП пересказывает рассуждения Квинтилиана (Quint. Lib. XI. Cap. II: 31) о разных мнемонических приемах: Цицерон — cicer — горох. Запоминание по этимологии.

[11] **…мы прочли о подобном случае с Демосфеном во время посольства к Филиппу…** См. примеч. 15–16 к кн. I.

ствами. Недостатки голоса одни — природные, другие возникают по привычке. От природы: во-первых, тонкость, когда произношение слишком тонкое и слабое. Этим недостатком, как говорят, страдал друг Сократа Херефонт, и поэтому его прозвали летучей мышью.[12] Во-вторых, некоторое заикание, от чего страдают мальчики, старики, пьяницы и робкие люди. Страдал [им] и Метелл Понтифик, который, по свидетельству Плиния (кн. XI, глава 37), несколько месяцев мучился дома, упражняясь в произнесении речи,[13] которую ему надо было произнести при посвящении храма Цереры и Опы.[14] В-третьих, цилостомия, или когда голос во рту кажется приглушенным, как бы в пещере, и слышимым в отдалении. В-четвертых, косноязычие, когда кто-нибудь не может выговаривать известных букв, например, Демосфен не мог произнести r.

2. Это природные недостатки; но больше [недостатков] возникает от дурной привычки. Во-первых, деревенское произношение: безобразно вытянув горло и чрезмерно [широко] открыв рот, словно оратор, если кто-нибудь захочет попросить у него совета, грозится его проглотить. Во-вторых, чрезмерная быстрота и бойкость речи. Болтуны весьма довольны собой из-за того, [что обладают] этим [недостатком]. В-третьих, чрезмерная медленность, свойственная людям ленивым и вялым. В-четвертых, непомерный крик, в особенности там, где вовсе не надо кричать; этот недуг свойственен [людям] буйным. В-пятых, какое-то пение, словно у пьяного или гуляки; некоторые имеют обыкновение отвратительно произносить нараспев окончания периодов, словно по музыкальным нотам. В-шестых, самый скверный недостаток — нарушение количества слогов, что мы по праву назвали полонизмом. В-седьмых, какое-то сильное придыхание и глухое отхаркивание мокроты, так что как кажется, отхаркивание происходит с трудом из глубины легких; и брызгание слюной изо рта на [стоящих] вблизи людей, и выпускание во время речи через ноздри большей части воздуха. В-восьмых, чрезмерная грубость голоса, когда некоторые буквы произносят резко; например, когда i с некоторым легким придыханием и словно с лошадиным ржанием, l с некоторым всхлипыванием, словно оратор задыхается от попавшей в горло

---

[12] **…друг Сократа Херефонт —** Херефонт (Χαιρεφών), современник и друг Сократа, упомянутый в диалогах и «Апологии Сократа» Платона. Кто назвал его летучей мышью (Vespertillo), установить не удалось.

[13] **Страдал [им] и Метелл Понтифик, который, по свидетельству Плиния (кн. XI, глава 37), несколько месяцев мучился дома…** Plin. Historia naturalis. XI, LXV: 174.

[14] **Храм Цереры и Опы.** ФП имеет в виду храм Опы (богини плодородия, жены Сатурна, матери Цереры), построенный при Метелле Понтифике и находившийся на Капитолии.

кости; r с некоторой яростью, подобно собаке; s со змеиным шипением или если не употребляешь придыхания там, где необходимо, например, говорить hominem — ominem, что, по свидетельству Августина в «Исповеди», очень не нравилось его учителям.[15]

Или же, наоборот, если употребляешь придыхание там, где не нужно; например, если говоришь: honus, coronam, choronam. Катулл осмеивает в изящной и остроумной эпиграмме какого-то Аррия,[16] страдавшего этим недостатком:

«Хомнаты» все говорил вместо «комнаты» Аррий, и также
Гискры он говорил, искры желая сказать,
И притом он считал, что выражался отлично,
Если, насколько он мог, гискры сказать удалось.
Думаю, так его мать и дяди его говорили,
Или по матери дед, или и бабка его.
В Сирию послан он был, у всех успокоились уши:
Стали свободно, легко слышать все те же слова
И перестали уже бояться подобных речений,
Как внезапно пришла эта ужасная весть:
Ионийское море, как Аррий проплыл его, стало
Не Ионийским уже, а Гионийским теперь.[17]

ГЛАВА IV

О ДОСТОИНСТВАХ ГОЛОСА

Достоинств голоса обычно считается четыре: ясность, понятность, разнообразие, пристойность. Ясным голос является, во-первых, если он лишен всех вышеупомянутых недостатков; во-вторых, если все слова произносятся полностью, часть которых обычно проглатывается, так как большинство не произносит последних слогов, заботясь [только] о первых.

2. [Голос] будет понятным; если начинаешь и кончаешь [там,] где необходимо. Во-первых, не следует употреблять множества союзов и связок; затем — избегать длинных периодов, которые обычно затрудняют дыхание

---

[15] **…если не употребляешь придыхания там… учителям.** August. Conf. XVIII: 29.

[16] **Катулл осмеивает в изящной и остроумной эпиграмме какого-то Аррия…** Видимо, это Кв. Аррий, оратор, упомянутый Цицероном (Cic. Brut. 242). Манера произношения с придыханием в латинском языке в I в. до н. э. порицалась ораторами.

[17] **Хомнаты все говорил вместо комнаты Аррий… Гионийским теперь.** Catullus. Carmina: 84. В переводе неточность: у Катулла упоминается не «комната», а «Commoda» (выгоды). Пер. А. А. Фета.

говорящего и утомляют уши слушателей. Необходима также расстановка знаков препинания и остановка голоса, но их [знаки препинания] следует ставить не сообразно дыханию оратора, а по смыслу речи.

3. Разнообразие же сообщает речи большую привлекательность и самому оратору дает отдых, [внося] перемену [в его] труд; подобно тому, как стояние, движение, сидение, лежание сменяют [друг друга], и мы не можем долго выносить ни одного из этих [состояний], так [и] голос должен быть то медленным, то задорным, то крикливым, то более мягким; и нет ничего несноснее монотонности или одного какого-нибудь беспрерывного усилия, дыхания или звука. Тех, кто все [одинаково] произносит с [громким] криком, считают сумасшедшими, а те, кто повсюду тихо бормочет без всякого выражения, или, если [они пытаются] что-нибудь произнести с выражением, вызывают смех.

4. Но особенно необходимо, чтобы голос был пристойным; отсюда легко возникнет его разнообразие. Пристойный голос [тот], который соответствует упоминаемым предметам. Следовательно, надо иметь в виду предмет, содержание, слова, душевное состояние, части [ораторской] речи. Что касается предметов и содержания [речи], то в ласковой [речи], делая признания, высказывая просьбу; необходим мягкий и тихий голос; давая советы, побуждая, обещая, надо говорить торжественно, утешая — печально и тихо; доказывая или излагая — безыскусно, [давая] звук средний между высоким и низким; при похвалах, выражениях благодарности и подобном — радостно, величественно, возвышенно; [при выражении] страха, гнева — возбужденно, резко; [выражая зависть] — несколько более мягко; более мягкий, жалостный [голос] требуется [при выражении] разбитой любви, и как бы нарочно несколько неясный — при сострадании; в страхе — приглушенный, запинающийся, надломленный; в радости — полный, весьма сильный, ликующий; напротив в печали торжественный и мрачный по звуку; при [выражении] уважения — несколько более тихий и сдавленный. Что касается слов, то одни произносятся тихо, другие громко, например, [слово] «несчастненький», как «бедненький», — тихо; напротив, «разбойник» или «убийца» следует произносить, напрягая с возбуждением [голос]. Но слова следует оценивать по их смыслу, и если они будут радостными, печальными, гневными, то получат соответствующее звучание на основании вышесказанного. Для частей (ораторской) речи также необходимо иметь в виду особое произношение: во вступлениях считают [подходящим] голос тихий, спокойный, мягкий, скромный. Что касается до снискания расположения, то [в этом случае] нет ничего приятнее скромности; кричать сначала — грубо и безрассудно. Исключи вступления, не связанные с целой речью и произносимые со страстью, где следует учитывать душевные движения. В повество-

ваниях признается, что голос [должен] ближе всего подходить к речи: ясный и естественный; в [части; посвященной] доказательствам, требуется большое количество разных доводов; эта часть требует обычно голоса более торжественного, живого и яркого произношения. В отступлениях желателен голос мягкий, нежный, тихий, не напряженный; кроме того, потому что эти [отступления], которые приводятся вне связи с делом, служат как бы приятными местами для отдыха. В амплификациях подходит [голос] напряженный, сильный, бодрый и режущий уши. В эпилоге или заключении голос должен следовать душевным движениям.

ГЛАВА V

О ТЕЛОДВИЖЕНИЯХ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О НЕКОТОРЫХ ИХ НЕДОСТАТКАХ

Недостатки телодвижения могут относиться почти ко всем частям тела, которые видны.

1. Недостатком лица являются всякие гримасы. Гримасой же называется то, что является [в лице] неумеренным и напускным. Следовательно, надо соблюдать меру, придавая лицу соответствующее выражение, и стараться, чтобы на нем появились знаки рассудительности, душевной твердости, честности и в особенности скромности; следует избегать частых кивков, постоянного покачивания и верчения волос, что является признаком человека глупо высокомерного.

2. Глаза никогда не должны быть неподвижными и напряженными или, напротив, — тусклыми и застывшими, или же веселыми и бегающими: [такие движения глаз] указывают на своего рода угодливость и нечестность человека, [подобно тому] как закрытые и открытые [глаза] — на глупость; не надо смотреть на зрителя одним глазом, но следует иметь в виду предметы и лиц, с которыми мы имеем дело.

3. Недостатком является чесать лицо или хмурить взгляд [движением] бровей, чтобы он казался более грозным, или же отводить глаза от слушателей.

4. Носом вовсе неприлично фыркать, также некрасиво раздувать нос, ноздри и тереть пальцами или часто сморкаться.

5. Различные безобразные [движения] губ: например, когда кто-нибудь их сжимает, раскрывает, скалит зубы, как собака, или облизывает их снаружи языком; или обкусывает [губы], стараясь что-либо вспомнить, или же теребит и вертит подбородок, словно хочет расколоть орех.

6. Недостаток плеч бывает, если ты будешь их поднимать и опускать, потому что от этого шея делается короче и телодвижение становится каким-то рабским и низким и как бы фальшивым.[18]

7. Недостатком является также изображать руками какие-нибудь положения; например, если кто-нибудь изображает рукой движение кнута или, поднося руку ко рту; подражает тому, кто ест или пьет, или, сложив по-разному пальцы, отмечает какие-то числа. Гораздо более гадко и отвратительно поступают те, кто или протягивает крестообразно руки, чтобы получилось впечатление, что они возносятся с кафедры и хотят улететь, или они во все стороны так извиваются и размахивают [руками], что становиться позади оратора небезопасно.

8. Также жестикуляция пальцами и красивые и нежные изгибания и выставления пальцев напоказ изобличают человека легкомысленного и беспутного.

9. Неуместным является также качание в одну или другую сторону; этим недостатком, говорят, страдал некто Курион,[19] за что ему высказал порицание Юлий Цезарь, спросив: «Кто это говорил с лодки?»[20]

10. Безобразный [недостаток] ног — подскакивать, или стучать, или бить о землю вроде [человека, что-нибудь] утаптывающего и пляшущего от радости; или же делать частые и неумеренные передвижения. Кто-то остроумно спросил мечущегося декламатора: сколько тысяч шагов он продекламировал.

ГЛАВА VI

И ПОСЛЕДНЯЯ
О ДОСТОИНСТВАХ ПРАВИЛЬНЫХ ТЕЛОДВИЖЕНИЙ

1. Как в голосе, так и в телодвижении, высокое достоинство обычно состоит в свободе от недостатков, и здесь вся трудность искусства в том, чтобы следовать природе; но большинство людей не только в (ораторской) речи, но даже и в обыденной беседе искажают естественную красоту (так как они считают это необходимым, конечно, для выражения красоты и произвольно

---

[18] **Недостаток плеч бывает… как бы фальшивым…** Пересказ. Quint. XI. Cap. II: 83.

[19] **…некто Курион —** Гай Скрибоний Курион (Gaius Scribonius Curio; ум. 53 до н. э.), консул Римской республики 76 года до н. э., оратор, сын врага Цезаря Куриона, способствовал развитию междоусобицы между Цезарем и Помпеем.

[20] **…высказал порицание Юлий Цезарь, спросив: «Кто это говорил с лодки?»** ФП пересказывает Cic. Brut. 216–219 (там же описание манер Куриона).

выдумывают и выказывают ее) и других соблазняют своим примером; и потому они нуждаются еще в настоящем искусстве и обучении, для того, чтобы вернуть их к [этой] естественной [красоте].

2. Так, поэтому первое правило: во время речи держать голову прямо, потому что склоненная вниз голова показывает унижение, поднятая вверх — высокомерие, склоненная набок — чаще вялость [и] врожденное невежество ума.

3. Выражение лица — подходящее и приличное, если оно соответствует примету и содержанию [речи]: пусть оно будет печальным в предмете печальном, строгим при порицании, подвижным в споре, пылким в волнении и тревоге, подавленным от застенчивости.

4. Глаза обычно выражают душевные состояния даже без всяких движений и являют удивительное разнообразие [чувств], хотя создается впечатление, что они все же не меняют своего положения. Поэтому относительно глаз дается два правила: во-первых, избегать недостатков, изложенных в предшествующей главе; во-вторых, говоря о чем-нибудь, мы сами должны испытывать такие чувства, [о которых говорим]: ведь таким способом само душевное переживание придает состояние, себе подобное.

5. Брови и веки в печали следует сжимать, в радости умеренно раздвигать, в [состоянии] стыда и застенчивости опускать и ослаблять, но все же в известной мере и не слишком.

6. Шея должна быть прямой, не вытянутой [вперед] или опрокинутой назад; первое показывает на деревенскую неуклюжесть, а второе признак высокомерия; пусть шея не склоняется мягко [набок], не трясется и не качается: это привычка бабенок и подхалимов; при изложении и доказательстве не следует слишком наклоняться к слушателю.

7. Пусть оратор поворачивается туловищем, как [подобает] мужчине, а не [изгибается] изнеженно. Ведь стоять неподвижно — привычка глупых людей, слишком же сильно двигать туловищем свойственно борцам; но лучше оратор ограничит себя в движениях туловища, и если нужно, то будет двигать все тело, чем его часть.

8. Руку иногда надо протягивать вперед, иногда сжимать, но никогда не подносить согнутой к груди.

9. Самая большая сила — в руках и пальцах, о чем софисты [дают] много наставлений;[21] немало правил для этого указал сам Фабий Квинти-

[21] **Самая большая сила — в руках и пальцах, о чем софисты [дают] много наставлений.** Неизвестно, кого из софистов имел в виду ФП. Не исключено, что он называет софистами Платона, Сократа и Хрисиппа, на которых ссылается Квинтилиан: «Хирономия… происходит еще от ироических времен, и от самых знаменитых мужей

лиан;[22] но мелочи следует опускать; особенно надо иметь в виду, что сгибать руки чуть-чуть с маленькими промежутками свойственно людям мало и боязливо говорящим, а несколько откидывать их назад свойственно манере человека, выражающего удивление; [а] указательный палец прижимается к большому, а остальные опускаются при доказывании, рассказе и расчленении. Сжатая рука служит при изложении кратких силлогизмов и энтимем; следует вообще заметить, что одна левая рука никогда не производит уверенного движения; но часто приспосабливается к [движению] правой. Правую руку также никогда не следует поднимать выше головы и никогда не надо опускать ниже груди.

Все тело должно находиться в прямом положении; оно не [должно быть] опущенным, изогнутым и неустойчивым. Мало того, следует обращать внимание до некоторой степени на одежду, в чем, как и всюду, надо придерживаться середины: ведь слишком роскошная одежда и чрезмерная забота о внешности выдают хвастуна и человека изнеженного, а грязь и неопрятность указывают или на лицемера, или на упавшего духом и вызывают у слушателя отвращение и дрожь.

Этого достаточно об искусстве красноречия, не в смысле, конечно, [его] достоинства, но соответственно [нашим] силам и в меру нашего дарования. Если окажутся в нашем труде какие-либо недостатки, то пусть каждый [слушатель] восполнит их личным усердием, прилежанием, знанием дела, подражанием и упражнением. Если же [встретятся] какие-нибудь ошибки или оговорки или [что-нибудь] менее относящееся к делу, то нас извинит большой размер нашего труда и незначительность [нашего] дарования. А если окажется [в нем] что-либо полезное, так или иначе достойное одобрения, то это надо отнести не к нашей [славе], но во славу всеблагого и трижды величайшего Бога.

К вящей славе Божьей Святой Девы Марии.

Греческих, от самого Сократа была одобряема; Платон полагает ее в числе гражданских добродетелей, и Хрисипп в книге своей о воспитании детей, о ней не умолчал». См.: Quint. Inst. I. Cap. X: 17 (пер. А. Никольского).

[22] **…немало правил для этого указал сам Фабий Квинтилиан…** ФП имеет в виду в первую очередь Quint. Inst. XI, Cap. 3., а также упоминание о хирономии в Quint. Inst. I. Cap. X: 17.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* Мы признательны за помощь в оформлении именного указателя М. Ю. Шевченко.

СОКРАЩЕНИЯ

Ael. NA	**Claudius Aelianus** *De Natura Animalium*
App. BC	**Appianus** *Bella Civilia*
Apul. Met.	**Apuleius** *Metamorphoses*
Arist. Rh EN Metaph	**Aristoteles** *Rhetorica* *Ethica Nicomachea* *Metaphysica*
Arr. Epict.	**Arrianus Historicus** *Epicteti Dissertationes*
Aug. Conf. DC	**Aurelius Augustinus (St. Augustine)** *Confessiones* *De doctrina Christiana*
Cass. Hist. Rom.	**Dio Cassius** *Historia Romana*
Catul.	**C. Valerius Catullus**
Caus. De El.	**Caussin[us] Nicolas** De eloquentia sacra et humana
Cels.	**Aulus Cornelius Celsus**
Cic. Ac. Ad Brut. Agr. Arch. Att. Brut. Caec. Cael. Catil. Cato Clu.	**M. Tullius Cicero** *Academica* *Epistulae ad Brutum* *De Lege Agraria* *Pro Archia poeta oratio* *Epistulae ad Atticum* *Brutus sive De claris oratoribus* *Pro Caecina.* *Pro Caellio* *In Catilinam* *Cato Maior de Senectute.* *Pro Cluentio*

De Orat. Deiot. Div. Div. Caec. Fam. Fat. Fin. Inv. Lig. Man. Marc. Mil. Mur. Off. Opt. gen. Orat. Parad. Phil. Pis. Planc. Quinct. Quint. Rab. Red. Quir. Red. Sen. Rep. Sul. S. Rosc. Sest. Top. Tusc. Vat. Ver.	*De Oratore* *Pro rege Deiotaro* *De Diuinatione* *Divinatio in Q. Caecilium* *Epistulae ad Familiares* *De Fato* *De Finibus Bonorum et Malorum* *De inventione* *Pro Ligario* *Pro Lege Manilia* *Pro Marcello* *Pro Milone* *Pro Murena* *De Officiis* *De optimo Genere Oratorum* *Orator* *Paradoxa Stoicorum* *Philippicae* *In L. Pisonem Oratio* *Pro Plancio oratio* *Pro Quinctio* *Epistulae ad Quintum fratrem* *Pro Rabirio Perduellionis Causa* *Post Reditum Ad Quirites Oratio* *Post Reditum in Senatu oratio* *De re publica* *Pro P. Sulla oratio* *Pro S. Roscio Amerino* *Pro Sestio.* *Topica* *Tusculanae Disputationes* *In Vatinium* *In C. Verrem*
Claud. Eutr.	**Claudianus Epigrammaticus** *In Eutropium*
Corn. N. De Vir. ill.	**Cornelius Nepos** *De viris illustribus*
Curt.	**Quintus Curtius Rufus** *Historiae Alexandri Magni Macedonis*
Cypr.	**Thascius Caecilus Cyprianus** *Liber de idolorum vanitate.* *De lapsis* *Liber de zelo et livore* *De oratione Dominica* *De habitu virginum*

D. L. De Vit.	**Diogenes Laertius** *De vitis et dogmatibus clarorum philosophorum*
D. S. B. H.	**Diodor Siculus** *Bibliotheca Historica*
D. H. TH Pomp.	**Dionysius de Halicarnass.** *De Thucydide* *Epistula ad Pompeium*
Eunap. V. S.	**Eunapius** *Vitae Sophistarum*
Fam. Str. *Prolusiones*	**Famiano Strada** *Prolusiones academicae*
Flav. *Contra Ap.*	**Josephus Flavius** *Contra Apionem*
Flor. Epit.	**Florus Lucius Anneus** *Epitome de T. Livio Bellorum omnium annorum*
Greg. Nazianz. Or. *Ep.*	**Gregory Nazianzenos** *Oratio* *Epistolae*
Hes. Opp.	**Hesiodus** *Opera et Dies*
Hieron. Ep.	**Sophronius Eusebius Hieronymus (Hieronymus Stridonensis)** *Epistolae*
Hom. Il. Od.	**Homerus** *Ilias* *Odyssea*
Hor. Ars. Ep. Carm. Serm.	**Q. Horatius Flaccus** *Ars Poetica* *Epistulae* *Carmina* *Sermones*
Ioan. Chrys. *Hom.*	**Johannes Chrysostomus** *Homilia*
Juvenal Sat.	**D. Iunius Iuvenalis** *Saturae*
Lact. Div. Inst.	**Lucius Caecilius Firmianus Lactantius** *Divinae institutions*
Lib. Orat.	**Libanius** Orationes
Lips. Adm.	**Justus Lipsius** *Admiranda, sive de Magnitudine Romana*
Liv. *Ab urbe condita.*	**T. Livius** *Ab urbe condita.*
Lucan. Phars.	**M. Annaeus Lucanus** *De bello civili sive Pharsalia*

Lucian Hist. Conscr.	**Lucianus Sophista** *Quomodo Historia conscribenda sit.*
Lucr.	**Titus Lucretius Carus**
Lys.	**Lysias** *Ἀρεοπαγιτικὸς περὶ τοῦ σηκοῦ ἀπολογία*
Macr. Sat.	**Macrobius** *Saturnalia*
Marc. Vita Thuc.	**Marcellinus** *Vita Thucydides*
Mart.	**M. Valerius Martialis** *Epigrammata*
Melch. Praec.	**Junius Melchior** *Praecepta Artis dicendi praecepta*
Ovid. Ars. Met. Ep. (Her.) Rem. Tr. Pont.	**P. Ouidius Naso** *Ars Amatoria* *Metamorphoses* *Epistulae (Heroides)* *Remedia Amoris* *Tristia* *Epistulae ex Ponto*
Paus.	**Pausanias** Graeciae descriptio
Phil. V. A. T.	**Lucius Flavius Philostratus** Τὰ ἐς τὸν Τυανέα Ἀπολλώνιον
Plat. Apol. Gorg. Leg. Phaedr. Resp.	**Plato** *Apologia Socratis* *Gorgias* *Leges* *Phaedrus* *Respublica*
Plin. Ep. Pan.	**Jun. Gaius Plinius Caecilius Minor (Secundus)** *Epistularum libri decem* *Panegyricus ad Trajanum*
Plin. HN	**C. Plinius Secundus** *Historia naturalis*
Plut. Alc. Alex. Cic. Dem. Femist. Mar. Pyrrh. De H. M.	**Plutarchus** Vitae parallelae *Alciviad* *Alexander* *Cicero* *Demosthenes* *Femistocles* *Gaius Marius* *Pyrrhus* *De Herodoti malignitate*

Plb. Hist.	**Polybius** *Historiae*
Ps.-Kod. De officiis	**Pseudo-Kodinos** De officiis magnae ecclesiae et aulae Constantinopolitanae
Ps.-Plut. Vitae X	**Pseudo-Plutarchus** *Vitae decem oratorum*
Ps.-Long	**Pseudo-Longin**
Quint. Inst. Decl.	**Mark Fabius Quintilianus** *Institutionis oratoriae libri duodecim* *Declamationes XIX maiores Quintiliano falso ascriptae*
Rhet. Ad Her.	Rhetorica ad Herennium
Sal. Cat. Iug.	**C. Sallustius Crispus** *De coniuratione Catilinae* *Bellum Iugurthinum*
Seneca Con. Ep. mor. Her. f. Phaed. Thyest. V. beat.	**Seneca Lucius Annaeus** *Controversiae* *Epistulae morales ad Lucilium* *Hercules furens* *Phaedra* *Thyestes* *De vita beata*
Suet. Gramm. *De vir.* De Vita Caes.	**C. Suetonius Tranquillus** *De Grammaticis et Rhetoribus* *De viris illustribus* *De vita Caesarum*
Tac. Dial. de Orat.	**Gaius Cornelius Tacitus** *Dialogus de oratoribus*
Tert.	**Quintus Septimius Florens Tertullianus** *Adversus Gnosticos Scorpiace*
Val. Max.	**Valerius Maximus** *Factorum et dictorum memorabilium libri novem*
Var. L.	**M. Terentius Varro** *De origine linguae Latinae*
Verg. Moretum A. Ecl. G.	**P. Vergilius Maro Aeneis** *Appendix Vergiliana, Moretum* *Aeneis* *Eclogae* *Georgica*
Voss.	**Vossius Gerardus Johannes**

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Работы, посвященные «Риторике» Феофана Прокоповича

Издания «Риторики»

Філософські твори: в 3 т.: пер. з лат. / Феофан Прокопович; [редкол.: В. І. Шинкарук, В. Ю. Євдокименко, В. М. Нічик; упоряд.: М. Д. Рогович, В. М. Нічик]. — Київ: Наук. думка, 1979. — Т. 1: Про риторичне мистецтво; Різні сентенції. — 511 с.: ил., факс., портр.

Рец.: *Буланина Т. В.* Первое издание «Риторики» Феофана Прокоповича // Рус. лит. 1980. № 3. С. 230; *Мыльников А. С.* Философские труды Феофана Прокоповича // Рус. лит. 1982. № 1. С. 243–246; *Łużny R.* O filozofie Teofanie Prokopowiczu i innych. Nieznane karty z dziejów kultury duchowej słowian wschodnich // Przegląd humanistyczny. Warszawa, 1980. Rok. 24, N 7/8. S. 138–144.

De arte rhetorica libri X: Kijoviae 1706 / Feofan Prokopovič; mit einer einl. Unters. u. Komment. hrsg. nach zwei Hs. aus den Beständen der Kiever Zentr. Akad.-Bibl. von R. Lachmann; Handschriftredaktion B. Uhlenbruch. — Köln; Wien: Böhlau, 1982. — CXI, 515 S. — (Rhetorica Slavica; Bd 2) (Slavistische Forschungen; Bd 27).

Рец.: *Mathauserová S.* // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1985. Roč. 54, seš. 3. S. 314–315; *Freydank D.* // Ztchr. für Slawistik. Berlin, 1988. Bd 33. H. 2. S. 299–301; *Живов В. М.* Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X. Köln, 1982 // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. — 1985. — Т. 44, № 3.— С. 274–278.

* * *

О трех стилях речи, то есть высоком или важном стиле, среднем или цветистом и низком или простом / Феофан Прокопович; [вступ. ст. В. П. Вомперского, с. 189, 194–195; пер. с лат. Е. П. Тверковкиной] // *Вомперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. Москва, 1970. — Прил. 3. — С. 189, 195–200. *В приложении впервые публикуется в русском переводе глава «De triplici dicendi genere seu stylo sublimi sive gravi, medio, seu floride, infimo, seu familiari» из «De arte rhetorica libri X».*

Литература

Аверина Т. Б. Переложение Катулла в трактате Феофана Прокоповича «De arte poetica» // Очерки по исторической лексикологии русского языка: памяти Ю. С. Сорокина / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [отв. ред. З. М. Петрова]. — Санкт-Петербург, 1999. — С. 83–88.

Автухович Т. Е. Прокопович Елисей (Елеазар) // Словарь русских писателей XVIII века: [в 3 вып.] / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Санкт-Петербург, 1999. — Вып. 2: К–П. — С. 488–496.

Автухович Т. Е. Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. — Ленинград, 1986. — С. 154–160. — (XVIII век / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом; сб. 15).

Автухович Т. Є. Київський період творчості Феофана Прокоповича і бароккo // Українське літературне барокко: зб. наук. праць / Акад. наук УРСР, Ін-т літ. ім. Т. Г. Шевченка; [відп. ред. О. В. Мишанич]. — Київ, 1987. — С. 178–192.

Аржанухин В. В. Прокопович Феофан (1681–1736) = Prokopowicz Teofan (1681–1736) = Prokopovich Theophanes (1681–1736) // Идеи в России = Idee w Rosji = Ideas in Russia: leksykon ros.-pol.-ang. / [Uniw. Łódzki, Interdyscyplinarny zesp. badań sowietologicznych]; pod red. A. de Lazari. — Warszawa, 1999. — T. 1. — S. 336–339.

Берков П. Н. Русские — новолатинские и греческие поэты XVII–XX вв. (Период первый — с 30-х годов XVII в. по 30-е годы XVIII в.) // L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. — Bruxelles, 1968. — T. 18: [1966–1967]. — P. 13–54.

Др. публ.: *Berkov P. N.* Literary contacts between Russia and the West since the fourteenth century: collected studies / P. N Berkov. — London, 1973. — P. 13–54 (18th pag.).

Буранок О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века: монография / О. М. Буранок. — Москва: Флинта; Наука, 2014. — 445 с.

Вомперский В. П. Стилистическая теория Феофана Прокоповича // Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей / В. П. Вомперский. — Москва, 1970. — Гл. 5. — С. 70–98.

Др. публ.: *Вомперский В. П.* Риторики в России XVII–XVIII вв. / В. П. Вомперский; отв. ред. Н. И. Толстой; АН СССР, Ин-т рус. яз. Москва, 1988. Гл. 12. С. 76–96; *Вомперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей: учеб. пособие / В. П. Вомперский; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Москва, 2017. С. 116–145. (Стилистическое наследие).

Захара И. С. Философское наследие Сенеки в Киево-Могилянской академии // Отечественная философская мысль XI–XVII вв. и греческая культура: сб. науч. тр. / Акад. наук Украины, Ин-т философии; [редкол.: В. М. Ничик и др.]. — Киев, 1991. — С. 266–273.

Іваньо І. В. Естетична концепція і літературна творчість Феофана Прокоповича // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI–XVIII ст. / Акад. наук УРСР, Ін-т літ. ім. Т. Г. Шевченка; [відп. ред. О. В. Мишанич]. — Київ, 1981. — С. 233–249.

Іваньо І. В. Філософія в Києво-Могилянській академії. Теофан Прокопович // Філос. думка. — Київ, 1970. — № 6. — С. 90–91.

Кагарлицкий Ю. В. Текст Св. Писания в проповедях Феофана Прокоповича // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. — 1997. — Т. 56, № 5. — С. 39–48.

Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. — Ленинград, 1983. — С. 193–206. — (XVIII век / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом; сб. 14)).

Др. публ.: *Кибальник С. А.* Античная поэзия в России. XVIII — первая половина XIX века: очерки / С. А. Кибальник; Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург, 2012. С. 375–389.

Кибальник С. А. Катулл в русской поэзии XVIII — первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); [отв. ред. М. П. Алексеев]. — Ленинград, 1983. — С. 45–72.

Копаница Л. Н. Феофан Прокопович о природе смеха и формах комического // Вісн. Київ. ун-ту. Литературознавство. Мовознавство. — Київ, 1984. — Вип. 26. — С. 23–30.

Копаниця Л. М. Про деякі питання поетики (наслідування, вимисел, теорія трьох стилів) у теоретико-літературній спадщині Феофана Прокоповича і Антіоха Кантеміра // Вісн. Київ. ун-ту. Укр. філологія. — Київ, 1979. — Вип. 21. — С. 62–68.

Корзо М. А. Катехетические сочинения Феофана Прокоповича // Славянский альманах. 2013 / Ин-т славяноведения РАН; [отв. ред. К. В. Никифоров]. — Москва, 2014. — С. 263–280.

Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. — Ленинград, 1974. — С. 50–80. (XVIII век / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Сб. 9).

Курилова А. Д. Новолатинские источники российских латиноязычных рукописных риторик XVIII века (на примере вологодского руководства 1764 г.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXI: материалы чтений, посвящ. памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского, 26–28 июня 2017 г. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Науч. совет РАН по класс. филологии, сравн. изучению яз. и лит.; [редкол.: Н. Н. Казанский (отв. ред.) и др.]. — Санкт-Петербург, 2017. — С. 484–492.

Курилова А. Д. Российские риторические руководства XVIII века на латинском языке о некоторых особенностях духовного красноречия // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: сб. материалов XXI Междунар. науч. конф. по риторике, 1–3 февр. 2017 г. / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Рос. ассоц. исследователей, преподавателей и учителей риторики; отв. ред. В. И. Аннушкин. — Москва, 2017. — С. 262–268.

Лахманн Р. Два этапа риторики «приличия» (decorum) — риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII в. / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. А. Н. Робинсон. — Москва, 1989. — С. 149–169.

Либуркин Д. Л. Латинские стихи Феофана Прокоповича // Русская новолатинская поэзия: материалы к истории: XVII — первая половина XVIII века / Д. Л. Либуркин; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — Москва, 2000. — Гл. 2. — С. 49–120.

Рец.: *Кочеткова Н.* // Кн. обозрение. 2000. 30 окт. (№ 44). С. 14; *Siedina G.* // Studi Slavistici. 2004. Vol. 1. P. 282–285.

Луцевич Л. Ф. Опыты обращения к псалтыри в первой половине XIII в. (А. Кантемир и Ф. Прокопович) // Псалтырь в русской поэзии / Л. Ф. Луцевич. — Санкт-Петербург, 2002. — Гл. 3. — С. 121–179.

Рец.: *Кошелев В. А.* // Новое лит. обозрение. 2003. № 62. С. 508–510; *Давыдов Д.* // Кн. обозрение. 2003. 14 апр. (№ 15). С. 6; *Orłowski J.* // Slavia Orientalis. 2004. N 4. S. 579–582.

Луцевич Л. Ф. Проблема художественного вымысла в трактате Феофана Прокоповича «De arte poetica» // Факт и художественный образ: межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т им. первого в России Иван.-Вознесен. общегор. Совета рабочих депутатов. — Иваново, 1989. — С. 25–34.

Луцевич Л. Ф. Русская псалтырная поэзия 18 века: стихотворные переложения псалмов: монография / Л. Ф. Луцевич; Молд. гос. ун-т, Ин-т русистики Варш. ун-та. — Кишинев: Издат.-полиграф. центр Молд. гос. ун-та, 2004. — 392 с.

Рец.: *Егоров Б.* // Studia Rossica. Warszawa, 2005. T. 16. S. 404–405.

Луцевич Л. Ф. Духовные стихотворения Антиоха Кантемира и Феофана Прокоповича // Псалтырь в литературе: Ч. 2: Стихотворные переложения псалмов в русской поэзии XVIII века: учеб. пособие по спецкурсу / Л. Ф. Луцевич; Молд. гос. ун-т, Каф. рус. филологии. — Кишинев, 2001. — С. 45–86.

Магала М. В. Публикация произведений Феофана Прокоповича в XVIII–XXI вв. // Материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология», Москва, 12–15 апр. 2010 г. / МГУ им. М. В. Ломоносова. — Москва, 2010. — С. 791–793.

Маслюк В. П. Латиномовні поетики і риторики XVII — першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні: до IX Міжнар. з'їзду славістів / В. П. Маслюк. — Київ: Наук. думка, 1983. — 234 с.

Николаев С. И. «Лексикографическая» эпиграмма Феофана Прокоповича // Рус. речь. — 1995. — № 5. — С. 3–5.

Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи / С. И. Николаев; Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1996. — 149, [2] с. — (Studiorum slavicorum monumenta).

Николаев С. И. К предыстории Горация в России // Reflections on Russia in the eighteenth century: [papers from the VI. Intern. conf. of the study group on Eigtheenth-Century Russia, Leiden 1999] / ed. by J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje. — Köln; Weimar; Wien, 2001. — S. 303–314.

Николаев С. И. Классический прием мнемотехники в старообрядческой риторике XVIII века // Книга и книжная культура в Западной Европе и России до начала Нового времени: сб. в честь Александра Хаймовича Горфункеля / [отв. ред.: А. К. Гладков, И. Х. Черняк; сост. А. К. Гладков; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук и др.]. — Москва; Санкт-Петербург, 2019. — С. 359–362. — (Серия MEDIAEVALIA. Средневековье как историко-культурный феномен).

Николози Р. Ритмическая проза и изоколическая традиция в русской литературе начала XVIII века // Russica Romana. — Roma, 1997. — Vol. 4. — P. 27–54.

Нічик В. М. Києво-Могилянська академія і німецька культура / В. М. Нічик. — Київ: Укр. Центр духовної культури, 2001. — 252 с.

Нічик В. М. Феофан Прокопович в оцінці російських мислителів і письменників // Філос. думка. — Київ, 1978. — № 1. — С. 80–92.

Пекарский П. П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия / исслед. П. П. Пекарского. — Санкт-Петербург: тип. товарищества «Общественная польза», 1862. — 579 с. — (Наука и литература в России при Петре Великом; т. 1). — Из содерж.: XV. Связь литературных произведений петровских времен с новою русскою литературою. Феофан Прокопович, как писатель, выразивший в своих трудах стремления, которыя вызваны в России реформой Петра. Отношения Прокоповича к Антиоху Кантемиру и Ломоносову. Представители отсталости и застоя в русской жизни — первые враги Прокоповича. Литературные доносы. Ученая полемика, кончавшаяся застенком тайной канцелярии. — С. 478–514.

Петров Н. И. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской Академии от начала ее до преобразования в 1819 году // Труды Киевской духовной академии. — Киев, 1866. — Т. 2, июль. — С. 305–330; Т. 3, нояб. — С. 343–388; дек. — С. 552–569; 1867. — Т. 1, янв. — С. 82–118; 1868. — Т. 1, март. — С. 465–525.

Реснянский С. И. Стефан Яворский и Феофан Прокопович: малороссийские священники на службе Петра I. Историография проблемы / С. И. Реснян-

ский, Д. А. Балалыкин // Россия и Украина: вместе или врозь: материалы междунар. науч. конф. / Федер. агентство по образованию Рос. Федерации, Моск. гос. ун-т сервиса [и др.]; [науч. ред. В. Э. Багдасарян и др.]. — Москва, 2006. — С. 39–51.

Рогович М. Д. Світські мотиви в творчості Ф. Прокоповича і А. Кантеміра // Секуляризація духовного життя на Україні в епоху гуманізму і Реформації: зб. наук. праць / Акад. наук УРСР, Ін-т сусп. наук; [відп. ред. Е. А. Гринів]. — Київ, 1991. — С. 158–182.

Сморжевских М. Функция библейской цитаты в похвальных словах Феофана Прокоповича // Русская филология: сб. науч. работ молодых филологов / Тартуский ун-т. — Тарту, 2002. — 13. — С. 35–40.

Трофимук М. С. Антична теорія словесності в поетиках Києво-Могилянської академії XVII–XVIII ст. // Радянське літературознавство. — Київ, 1989. — № 4. — С. 61–70.

Baracchi Bavagnoli M. Il retaggio umanistico nella «Poetica» di Feofan Prokopovič // Dalla forma allo spirito: scritti in onore di Nina Kauchtschischwili / N. Kauchtschischwilli, R. Casari, U. Persi [et al.]. — Milano, 1989. — P. 15–24. — (Collana Blu; vol. 5).

Cracraft J. Feofan Prokopovich // The eighteenth century in Russia / ed. by J. G. Garrard. — Oxford, 1973. — P. 75–105.

Cracraft J. Feofan Prokopovich: a bibliography of his works // Oxford Slavonic papers. New series. — Oxford, 1975. — Vol. 8. — P. 1–36.

Cracraft J. Feofan Prokopovich and the Kiev Academy // Russian orthodoxy under the old regime / ed. by R. L. Nichols, T. G. Stavrou. — Minneapolis, 1978. — P. 44–64.

Cracraft J. Prokopovyč's Kiev Period Reconsidered // Harvard Ukranian Studies. — Harvard University, Cambridge, Massachussets, 1978. — Vol. II. № 2. — P. 138–158.

Gorbounova R. La «Rhétorique» de Feofan Prokopovič (1681–1736) et ses modèles classiques // Slavica Occitania. — Toulouse, 2000. — Vol. 10: Regards comparatistes: les littératures slaves. — P. 141–160.

Grasshoff H. Die lateinischen Ausgaben der Reden und Gedichte F. Prokopovičs (1743 und 1744) // Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung: die Propagierung russischer Literatur im 18. Jahrhundert durch deutsche Schriftsteller und Publizisten / H. Grasshoff. — Berlin, 1973. — S. 162–165.

Härtel H.-J. Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovic / H.-J. Hartel. — Wurzburg: Augustinus-Verlag, 1970. — 244 S. — (Das ostliche Christentum. N. F.; H. 23).

Klein J. Feofan Prokopovic // Russische Literatur im 18. Jahrhundert / J. Klein. — Köln, 2008. — Kap. 5. — S. 32–42. — (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte: Reihe A, Slavistische Forschungen. N. F.; Bd 58).

Lachmann R. Kulturelle Funktionen nachbarocker Rhetorik im Petrinischen Rußland: Feofan Prokopoičs De arte rhetorica libri X von 1706 // Die Zerstörung der schönen Rede: rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen / R. Lachmann. — München, 1994. — Kap. VIII. — S. 181—250. — (Theorie und Geschichte der Literatur und der schönen Künste; Bd 93: Reihe A, Hermeneutik. Semiotik. Rhetorik. N. F.; Bd 8).

Др. публ.: *Лахманн Р.* Функции постбарочной риторики в культуре петровской России. De arte rhetorica libri X Феофана Прокоповича (1706) // Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического / Р. Лахманн; [пер. с нем. Е. Аккерман, Ф. Полякова]. — Санкт-Петербург, 2001. — С. 152–214. — (Современная западная русистика; т. 34).

Langer D. Feofan Prokopovičs martialisches Epigramm auf Stanisław I. Leszczyński // Slavistische studien zum X. Internationalen Slavistenkongreß in Sofia 1988 / R. Olesch, H. Rothe. — Köln, 1988. — S. 389–397. — (Slavistische Forschungen; Bd 54).

Lehmann U. Feofan Prokopowitsch // Geschichte der russischen Literatur von den Anfängen bis 1917 / hrsg. von H. Grasshof, W. Düwel. — Berlin; Weimar, 1986. — Bd 1: Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. — S. 130–132.

Lentin A. Did Montesquieu know «Pravda voli monarshei»? // Newsletter. — Cambridge, 1999. — N 27. — P. 18–25.

Levitsky A. Féofan Prokopovitch (1681–1736) // Histoire de la littérature russe / ed. par E. Etkind [et al.]. — Paris, 1992. — Vol. 1: Des origines aux Lumières. — P. 322–333.

Łużny R. Teofan Prokopowicz // Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska: z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich w XVII–XVIII w. / R. Łużny. — Kraków, 1966. — S. 134–141. — (Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego; 142) (Prace historycznoliterackie; 11).

Łużny R. Teofan Prokopowicz a literatura polska. Z dziejów związków literackich polsko-ruskich na przełomie XVII i XVIII wieku // Slavia Orientalis. — Warszawa, 1965. — Rocz. 14, N 3. — S. 331–345.

Morris M. A. Feofan Prokopovich // Early modern Russian writers, late seventeenth and eighteenth centuries / ed. by M. C. Levitt. — Detroit, 1995. — P. 313–322. — (Dictionary of literary biography; vol. 150).

Šerech J. [Shevelov G. Y.] On Teofan Prokopovich as writer and preacher in his Kiev period // Harvard Slavic studies. — Cambridge, Mass., 1954. — Vol. 2. — P. 211–223.

Smorczewska H. «Elegia Alexii» Teofana Prokopowicza: niekonwencjonalny powrót do tradycyjnego wątku // Tradycja i inwencja: wątki i motywy obiegowe w dawnych literaturach słowiańskich: materiały międzynar. konf. nauk. (Łódź, 23–24 list. 1998 r.). — Łódź, 1999. — S. 73–81.

Smorczewska H. Bóg — Car — Naród. Z problematyki twórczości poetyckiej Teofana Prokopowicza // Słowianie wschodni: duchowość, kultura, język: księga referat. wygłoszonych na ses. jubileuszowej z okazji siedemdziesięciolecia urodzin prof. Ryszarda Łużnego i prof. Wiesława Witkowskiego, Kraków, 18–19 kwiec. 1997 / pod red. A. Bolek, D. Piwowarskiej, A. Raźny; Uniw. Jagielloński. — Kraków, 1998. — S. 27–43.

Smorczewska H. Bóg — człowiek — naród. Z obserwacji nad problematyką religijną w poezji Teofana Prokopowicza // Roczniki humanistyczne = Annales de lettres et sciences humaines = Annals of arts. — Lublin, 1994. — T. 42, z. 7: Słowianoznawstwo. — S. 167–183.

Smorczewska H. Poezja Teofana Prokopowicza a poetyka baroku. W kręgu alegorii // Roczniki humanistyczne = Annales de lettres et sciences humaines = Annals of arts. — Lublin, 1995. — T. 43, z. 7: Słowianoznawstwo. — S. 165–175.

Smorczewska H. Satyra w poezji Teofana Propowicza // Satyra w literaturach wschodniosłowiańskich: [z materiałów przedstawionych na Międzynar. konf. nauk. w Białymstoku w dniach 23–24 list. 1992 r.] / pod red. W. Supa; Uniw. Warszawski, Filia w Białymstoku, Zakł. filologii wschodniosłowiańskich. — Białystok, 1993. — [T.] 1. — S. 43–52.

Smorczewska H. Teofana Propowicza metafrazy psalmów // Roczniki humanistyczne = Annales de lettres et sciences humaines = Annals of arts. — Lublin, 1997/1998. —T. 45, z. 7: Słowianoznawstwo. — S. 27–40.

Stupperich R. Die Prokopovič-Renaissance im zeitalter Katharinas II // Commentationes linguisticae et philologicae Ernesto Dickenmann lustrum claudenti quintum decimum / ed. F. Scholz, W. Woesler, P. Gerlinghoff. — Heidelberg, 1977. — S. 441–457.

Stupperich R. Feofan Prokopovič in der neueren Literatur // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag am 4. Dezember 1967 / M. Woltner, H. Bräuer. — Heidelberg, 1967. — S. 284–293.

Stupperich R. Feofan Prokopovič in Rom // Ztchr. für osteuropäische Geschichte. — Berlin; Köningsberg, 1931. — Bd 5. — S. 327–339.

Stupperich R. Feofan Prokopovič und die deutsche Gelehrsamkeit // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung / hrsg. von D. Herrmann, von Karl-Heinz Korn. — München, 1992. — S. 101–113. — (West-östliche Spiegelungen. Reihe B; Bd 2).

Stupperich R. Feofan Prokopovič und Johann Franz Buddeus. Ein Beitrag zur Geschichte der geistigen Beziehungen zwischen Russland und Deutschland im Beginn des 18. Jahrhunderts // Ztchr. für osteuropäische Geschichte. — Berlin; Köningsberg, 1935. — Bd 9. — S. 341–362.

Stupperich R. Feofan Prokopovič und seine akademische Wirksamkeit in Kiev // Ztchr. für slavische Philologie. — Leipzig, 1940. — Bd 17. — S. 70–102.

Stupperich R. Feofan Prokopovičs theologische Bestrebungen // Kyrios: Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas. — Königsberg, 1936. — Bd 1. — S. 350–362.

Tetzner J. Bücher deutscher Autoren in Prokopovičs Bibliothek // Die deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler: Beiträge zu den beziehungen zwischen der deutschen und der russischen Wissenschaft und Kultur im 18. Jahrhundert / hrsg. in Verbindung mit P. N. Berkov, N. A. Figurovskij, V. P. Zubov; hrsg. von E. Winter. — Berlin, 1958. — S. 125–142. — (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas / Deutsche Akad. der Wissenschaften zu Berlin; Bd 1).

Tetzner J. Bücher Jenaer Professoren in der Bibliothek des petrinischen Reformers Theophan Prokopovič (1681–1736) // Wissenschaftliche Ztchr. der Friedrich-Schiller-Universität Jena/Thüringen. — Jena, 1958. — Jg. 7 (1957/1958). — S. 57–61. — (Gesellschaft- und Sprachwissenschaftliche Reihe; H. 1).

Tetzner J. Theophan Prokopovič und die russische Frühaufklärung // Ztchr. für Slawistik. — Berlin, 1958. —Bd 3, H. 2–4. — S. 351–368.

Čiżewśkij D. Neue Lesefrüchte. III. // Ztchr. für slavische Philologie. — Heidelberg, 1962. — Bd 30, H. 1. — S. 57–70. — Ex cont.: 23. Die emblematischen Gedichte Feofan Prokopovyčs. — S. 59–63; 24. Die Bibliothek Feofan Prokopovyčs. — S. 63–66.

Tschiżewskij D. Neue Lesefrüchte. IV. / D. Čiżewśkij // Ztchr. für slavische Philologie. — Heidelberg, 1962. — Bd 30, H. 2. — S. 249–272. — Ex cont.: 36. Zu den Werken F. Prokopovyčs. — S. 271–272.

Tschiżewskij D. Bibliotека Teofana Prokopovycha // Naukovyj zbirnyk / Ukr. acad. of arts a. sciences in the United States. — New York, 1954. — Bd 2. — P. 127–[137].

Uffelmann D. Формальное просвещение Феофана Прокоповича // Russian Literature. — Hague, 2002. — Vol. 52, iss. 1–3. — P. 55–94.

Venturi F. Feofan Prokopovič // Annali delle Facoltà di Lettere e Filosofia e di Magistero dell'Università di Cagliari. — Cagliari, 1953. — Vol. 21, part. 1. — P. 627–680.

Winter E. Zum geistigen Profil Feofan Prokopovičs // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts / hrsg. von H. Grasshoff, U. Lehmann. — Berlin, 1968. — S. 24–28. — (Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik / Deutsche Akad. der Wissenschaften zu Berlin; Bd 2, N 28).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Феофан Прокопович

**ОБ ИСКУССТВЕ РИТОРИЧЕСКОМ
ДЕСЯТЬ КНИГ**

Перевод с латинского Г. А. Стратановского

*Издание утверждено к печати решением
Ученого совета Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
протокол № 2 от 15 апреля 2020 года*

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Корректор *С. А. Иванов*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 23.09.2020. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 30,0. Усл. печ. л. 30,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 198

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Контраст».
192007, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А

ДЛЯ ЗАМЕТОК

